

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. Star 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

МАРТЪ.

1874.

ДѢЛО

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ОЧЕРКИ СѢВЕРА. I. Лапландія В. И. СЛАВИЧСКАГО.
- II. АБЪ-ТОМАБЪ. Очерки нравовъ центральной Азіи Я. В. КАРАЗИНА.
- III. УМСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ. Б. ЛЕНСКАГО.
- IV. СОНЪ. Стихотвореніе. (Съ пѣмцаго). И. И.
- V. ПАРИЖЪ А. МИХАЙЛОВА.
- VI. ДОБРЫЙ ТОВАРИЩЪ. Стихотвореніе. (Изъ Уланды) И. И.
- VII. БАРИ. (Сцены изъ американской жизни) БРЕТЬ-ГАРТА.
- VIII. НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖЕНЩИНА. Романъ. (Гл. VII—XVIII). (Переводъ съ англійскаго). МИСТРИСЪ ФЛЕМИНГЪ.
- IX. ДЕРЕВЕНСКІЯ СТАРУХИ. Стихотвореніе. (Изъ Коппе) И. И.
- X. ДВА МІРА. Романъ. (Часть первая. Гл. III—V). НАТАЛИИ АЗБЕВОЙ.
- XI. ПОДСТРѢЛЕННАЯ ЧАЙБА. Стихотвореніе А. МИХАЙЛОВА.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХІІ. ОБРАЗЧИГЪ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ Н. В.

(«Девятый валь», романъ въ 3-хъ частяхъ, Г. П. Данилевскаго. Изд. Базунова, 1874 г.—Бретъ-Гартъ, рассказы, очерки, легенды; переводъ съ англійскаго. Спб. 1874 г.).

ХІІІ. СКУДОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ. Н. РАДЮКИНА.

(«Наше общество (1820 — 1870) въ герояхъ и героиняхъ литературы», М. В. Авдѣва. Спб. 1874).

ХІV. КОЛЬЦОВЪ И НИКИТИНЪ С. СТАВРИНА.

ХV. НОВЫЯ КНИГИ.

Характеръ. Сочиненіе Самуэля Смайльса, автора книги «Самодѣятельность». Перев. съ англійскаго С. Майковой. Спб. 1874.—**Наши землепроходцы.** (Рассказы о заселеніи Сибири). Д. Садовникова. Изд. народнаго журнала «Грамотѣй». Москва, 1874.—**Записки еврея.** Г. Богрова, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1874.—**Чай и вредъ его для тѣлеснаго здоровья:** умственный, нравственный и экономическій. А. Владимірова. Вильно, 1874 г.

ХVІ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Необходимость народнаго образованія сознается въ наше время болѣе, чѣмъ когда-нибудь.—Отношеніе народнаго образованія къ производительнымъ силамъ страны.—Попытка Екатерины ІІ распространить народныя школы.—Недостатокъ матеріальныхъ средствъ былъ одною изъ главныхъ причинъ неудачи въ распространеніи народнаго образованія.—*Подвижныя школы.*—Успѣхи и быстрое развитіе ихъ въ Швеціи и Норвегіи.—Кой-какіе опыты въ этомъ родѣ, сдѣланные въ Россіи.—Полезное примѣненіе *подвижныхъ школъ* къ разбросанному русскому населенію.—Относительная пропорція учащихся къ общему населенію.—Общество помощи при кораблекрушеніяхъ.—Первая спасительная лодка въ Англіи.—Основаніе русскаго общества.—Отчетъ общества о дѣятельности его.—Безденежье тормозитъ его дальнѣйшіе успѣхи.

ХVІІ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Аналогія нынѣшняго положенія Англіи съ положеніемъ ея въ 1841 году.—Реформаторская дѣятельность Роберта Пилля.—Реформы въ Ирландіи, предложенныя Гладстономъ.—Неестественное положеніе англиканской церкви въ Ирландіи.—Гладстоновскій проектъ объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи.—Спротивленіе этому проекту палаты лордовъ.—Принятіе закона.—Поземельныя отношенія въ Ирландіи, какъ результатъ завоеванія.—Необходимость поземельной реформы для Ирландіи.—Проекты Ньюмана, Джона Брайта и Стюарта Милля.—Ничтожныя результаты поземельной реформы въ Ирландіи.—Виль о народномъ образованіи.—Отмѣна покупки патентовъ.—Международный третейскій

**ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА**

„Д Ъ Л О“

въ 1874 году.

Журналъ **«ДЪЛО»** будетъ выходить въ 1874 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія семь лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой 16 р.
съ дост. въ Петербургъ . . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Дѣла“, Редакція проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

ЧОКРАКСКІЯ

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ И ГРЯЗИ

СВѢРНАГО И ЩЕЛОЧНАГО ИСТОЧНИКОВЪ.

Въ 12 верстахъ отъ Керчи.

Лечебный сезонъ 1874 года открывается 15 Мая и продолжается до 1 Сентября.

Употребляются съ успѣхомъ въ ревматизмъ, подагръ, золотухъ, англійской болѣзни, параличъ, сведеніяхъ, гемороевъ, набожныхъ болѣзняхъ, въ катаррахъ дыхательныхъ и пищеварительныхъ органовъ, въ бѣляхъ, безплодіи, безсиліи, въ сифилисѣ и многихъ другихъ болѣзняхъ.

Со всѣхъ концовъ Россіи можно теперь добхать до Керчи: желѣзными дорогами до Таганрога или Одессы, а изъ этихъ двухъ городовъ на пароходахъ Р. О. П. и Т., которые отправляются изъ Таганрога 2 раза, а изъ Одессы 3 раза въ недѣлю до Керчи. Изъ Керчи въ Чокракъ извозчики везуть за 2 р. 50 к.

Для развлеченія пациентовъ имѣются рояль, журналы, газеты, книги и пр.

Цѣны умеренныя.

Директоръ медикъ А. О. Ашкинази.

050

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Имб. 286

№ 3.

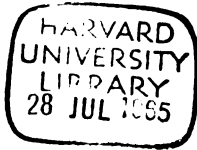
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1874.

L

Р 512 V 236.4 (8, No. 3)

65-22

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 мая, 1874 года.

28. VII 1874

ОЧЕРКИ СЪВЕРА.

I.

Въ пустыняхъ Лапландіи.

I.

Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ угловъ Бѣломорскаго запада, съ незапамятныхъ временъ, чуть-ли не съ той поры, какъ здѣсь впервые появились дружины смѣлыхъ ушеуйниковъ, стоитъ небольшое селеніе, затерявшееся на пустынныхъ берегахъ моря, оглашаемыхъ лишь криками чаекъ, да жалобнымъ рыданіемъ гадгаръ. Село ютится на крутомъ спускѣ гранитной горы, покрытой только чахлою травой, да жалкими березками, выступающими изъ черныхъ щелей и трещинъ дикаго камня. Кругомъ высятся такія-же крутыя вершины, обступившія небольшую губу, входъ въ которую загроможденъ рядомъ скалъ, вообще поднимающихся изъ-подъ воды, какъ острые зубы чудовищной челюсти. Бое-гдѣ на солнечномъ припекѣ, куда не врывается сѣверный вѣтеръ, зеленѣютъ скудныя еловыя поросли, а на голыхъ мазовкахъ отлогихъ холмовъ бѣлѣютъ тощія пажити. Еще старики помнятъ время, когда здѣсь водились олени, и рассказываютъ, какъ красиво и тонко обрисовывались ихъ граціозныя силуэты на темномъ фонѣ осенняго неба. Голодные волки и пули не менѣе голодныхъ промышленниковъ извели этихъ аборигеновъ поморья и только среди безмолвныхъ пустырей сосѣдней Лапландіи еще живутъ они, оживляя ея прелестные пейзажи. Губа, которую мы назовемъ Камбальницей, вся была изрѣзана малыми,

но глубокими бухтами, усѣяна островами, коргами, въ куй-погу ¹⁾ чернѣвшими изъ-подъ воды. Берега кое-гдѣ отвѣсно спускались въ бухту и тутъ-же рядомъ бѣлѣли песчанья отмели, покрытыя обломками скаль, массами сѣрыхъ ракушекъ, выброшенныхъ приливомъ, да мелкимъ плавникомъ, богъ-вѣсть откуда занесеннымъ бѣломорскими валами въ это безлѣсное захоluste. Въ ямкахъ песчаной отмели стояла вода. Въ ней билась неуспѣвшая выбраться въ море съ отливомъ мелкая сельдь или плоская, безобразная камбала, пока незамѣченная прожорливою чайкой. На заднемъ фонѣ этой губы едва-едва синѣли, подернутыя сѣрватою дымкой, горы, за которыми въ неисходную глушь уходили старыя чудскія тайги. Туда рѣдко заходитъ даже смѣлый охотникъ, зная, что въ сырыхъ и темныхъ логахъ чудскаго чернолѣся кишмя-кишатъ черныя и желтыя змѣи, рыщутъ голодные медвѣди да пѣлыми стадами бродятъ волки. За то въ губѣ было спокойно и безмятежно. Отрѣзанная горами и утесами отъ вѣчно волнующагося бѣломорскаго простора, вода здѣсь неподвижна, какъ въ чашкѣ, прозрачна до того, что на глубинѣ двадцати сажонъ можно отличить испещренную черными пятнами жирную кумжу отъ ближайшей ея родственницы семги, широкой листъ темной водяной вапусты отъ такой-же широкой камбалы, мелкую, случайно забравшуюся сюда треску отъ толстаго, пробирающагося въ рѣчку сига. Берега, каждую своею разщелиной, выступомъ, каждымъ листкомъ березы, отчетливо отражались въ свѣтломъ зеркалѣ губы, и посреди ея, заглянувъ внизъ и видя тамъ тѣ-же золотисто-жемчужныя облака, ту-же ясную голубую высь, тѣхъ-же быстро-летныхъ чаекъ, можно было забыть и вообразить себя посреди безконечнаго простора неба, а не на утлой лодкѣ бѣломорскаго рыбакова. Если-бы не рыбацьи карбасы, бороздившіе поверхность губы, если-бы не паруса ихъ, бѣлѣвшіе точно птичьи крылья, если-бы не мачты лодей ²⁾ и шкунъ, стоявшихъ у берега, то эта глушь на всемъ своемъ пространствѣ казалась-бы безлюдной. Отсюда порою, словно оспаривая у чаекъ безпредѣльную высь лазурнаго неба, смѣло взвивалась туда могучая пѣсня полярнаго

¹⁾ *Куй-пога*—время малой воды между отливомъ и приливомъ.

²⁾ *Лодья*—большое палубное судно.

бойца-мурманщика ¹⁾, въ которой, на зло окружающей бѣдности, слышится громкій вызовъ свободного человѣческаго сердца всему, что давить и обездоливаетъ его въ этомъ мертвомъ захопустѣ. Отдѣльно отъ села Малые-Луды, на небольшомъ островѣ, среди неожиданно разросшихся елей, стояла убогая деревянная часовня, сколоченная изъ бревенъ поморомъ, обрѣвшимъ здѣсь спасеніе отъ бури, которая, у входа въ губу разбила его судно и поглотивъ шесть человѣкъ матросовъ, выбросила его одного на дикій выступъ гранитнаго утеса. Часовня эта замѣняла для берегового населенія церковь. Въ ней все было скудно и мрачно. Темные лики образовъ сурово смотрѣли съ потрескавшихся и покоровившихся досокъ, подъ ними висѣли яйца чаекъ, гагъ, гагаръ—убогія приношенія возвращавшихся съ промысла покрученниковъ. Но едва ли въ другихъ раззолоченныхъ храмахъ теплѣ звучали молитвы, жарче и искреннѣ лились слезы!..

Теперь—въ концѣ марта—все здѣсь занесено снѣгомъ,—и село, и горы, и острова! Самая губа не освободилась еще изъ-подо льда; громадные ледяные припай ²⁾ окоимили и внѣшніе берега ея, далеко залегая въ бѣломорскую темь, по которой съ глухимъ шумомъ носятся стамухи ³⁾. Но сѣверный вѣтеръ уже спалъ. Въ воздухѣ порою вѣетъ что-то мягкое, несущее жизнь, ледъ коегдѣ посинѣлъ и трескается, снѣговые сугробы съ шумомъ падаютъ по ночамъ, да и ночи стали короче и солнышко подольше застываетъ на горизонтѣ и жарче льются его золотые лучи. Брикъ первой чайки послышался откуда-то издали и не остался незамѣченнымъ. Во всѣхъ избахъ давно идетъ торопливая работа: чинятъ сапоги, готовятъ обувь и платье, пекутъ шаньги ⁴⁾, колобки ⁵⁾. Бабы и дѣвки тоскливо заглядываются на мужиковъ и парней, ссоръ меньше, все тихо, любовно; а какъ только первая стая чаекъ заблестала серебристо-бѣлыми крыльями надъ замерз-

¹⁾ *Мурманщикъ*—промышляющій на Мурманѣ. Мурманъ самая бойкая часть арктическаго промысловаго берега, простирающаяся отъ Святого Носа до границъ Норвегіи.

²⁾ *Припай*—ледяная койма, образующаяся вдоль морского берега зимою.

³⁾ *Стамуха*—глыба льда, иногда имѣющая до 5 миль въ діаметръ, плававшая зимою по океану или Бѣлому морю.

⁴⁾ *Шаньга*—ватрушка изъ чернаго тѣста съ кашей или сметаной.

⁵⁾ *Колобокъ*—родъ поморскаго кренделя.

нувшей губою, такъ и пошла вездѣ гулянка въ перемежку съ причитаньями и слезами.

Потянуло западнымъ вѣтромъ, вѣшнимъ и теплымъ. И не одно сердце дрогнуло и не одни яркія очи наполнились слезами... Близилось время мурманскаго промысла, злое, разлучное для бабъ, привольное для молодыхъ парней.

Позади села стояла жалкая избушка. Въ ней давно ужъ жила семья стараго новоземельскаго промышленника, который цѣною всѣхъ своихъ многотрудныхъ странствованій не могъ добиться возможности достроить кровлю надъ жильемъ. И до сихъ поръ только нѣсколько балокъ—основа будущей крыши—поднимались надъ избою, словно голыя ребра павшей и занесенной снѣгомъ лошади, мясо съ которыхъ содрано волками и расклевано вороньемъ. Здѣсь была та-же суматоха, что и повсюду. Старикъ снаряжали на промыселъ своего сына, красиваго и рослага парня, сидѣвшаго на лавкѣ, низко понуря голову.

— Да... такъ-то... о мостовиковской Наскѣ и думать тебѣ не стоитъ, брось! бормотала старикъ, вытягивая совиеъ.

— Почему такому? повидимому, равнодушно отвѣтилъ парень, внимательно разглядывая бахилы ¹⁾ изъ нерпы.

— А потому, что у тебя вонъ крыша еще не готова.

— Ну?

— А у ейнаго отца—тыщи. Ну, супротивъ такого капитала, чѣмъ ты себя оправдать можешь?

— Наскѣ не посмотреть.

— Нѣтъ, посмотреть, вступилась старуха.—Брось свою думушку, голубчикъ! Мירוѣдовъ этихъ хорошо я знаю. У нихъ счетъ на деньги идетъ. Не бывать Наскѣ за тобой. Вонъ у Мироновны погляди-ка дочку.

— Не надо мироновской. Не пойдетъ Наскѣ, такъ утоплю ее въ лужѣ.

Въ дверяхъ избы стояла высокая, красивая дѣвушка, лукаво глядѣвшая на парня. Широкою грудью и стройный станъ ея плотно охватывала бѣличья душегрѣйка, изъ-подъ которой падала внизъ красная юбка поморскаго сарафана. На ея голову былъ набро-

1) Бахилы—высокая обувь изъ нерпичьей кожи.

шенъ платокъ; изъ-подъ него выбивались непокорныя, упругія косы, никакъ не свивавшіяся въ одну массу. Темно-синіе глаза словно смѣялись на полномъ, румяномъ лицѣ; смѣялись и алныя, крупныя губы.

— Ну-ко, какой ты нонѣ злой. Андрей... Чтой-то это, за какую провинность ты топить меня спраешься?.. У-то-пить?.. Ну, топи.—И она близко подошла къ нему. Жаръ ея дыханья такъ и обдавалъ парня. Онъ изъ-подлобья свернулъ на нее черными, полными страсти глазами, и снова потупился. Только грудь всколыхнулась выше да кровь кинулась въ его красивое лицо.—Что-жь не топишь?—Серебристый смѣхъ разсыпался по горницѣ.—То-то погляжу я на парней нашихъ. На словахъ-то горазды, языкомъ что вилами работаютъ, а руки у нихъ плоше дѣвичьихъ.

— И утоплю, едва слышно пробормоталъ парень.

Отецъ свернулъ на нее острымъ взглядомъ.

— Отецъ къ тебѣ спосылалъ: старый коршикъ до полупромысла останется, а потомъ въ Норвегъ уйдетъ ¹⁾, такъ быть тебѣ послѣ него коршикомъ...

Старики ожили.

— Ну, Андрей, благодари Создателя. Я въ коршики на сороковомъ году попалъ, а тебѣ вонъ оно какъ...

Дѣвушка вышла, парень за ней. На улицѣ было северно. Теплый, западный вѣтеръ несъ прямо въ лицо имъ не то какую-то сырую мразь, не то мягкій, тотчасъ-же таявшій снѣгъ.

— Настя! слышалось за ней. Она остановилась, не поворачиваясь къ нему.—Настя, можетъ и повидаться не придется. Море, сама знаешь,—измѣна лютая. Подохнешь гдѣ за каменемъ, либо волной спишетъ въ пропасть.

— Что-жь тебѣ?

— Что! Сколько прошу тебя. Авось теперь придешь. Облюбились мы съ тобой, точно, а только до сихъ поръ ты и близко ко мнѣ не подойдешь, все дальше да при людяхъ.

— А нешто мы въ церкви съ тобой повѣчались ужъ?.. Ишь ты, скорый какой!

— Не говори ты, змѣя. У меня, можетъ, сердце отъ тоски

¹⁾ Норвегъ, Норгъ—норвежскій берегъ.

рвется, радъ-бы въ пролубъ отъ тебя, отъ лютой, уйтить. Пойми ты, волчиха: завтра уйду и не повидаешь больше, можетъ... Не шипи...

— Господь милостивъ.

— Кому милостивъ, а кому и грозенъ. Что-жь?

Она быстро обернулась къ нему; все лицо ея облилось яркимъ румянцемъ.

— Для кого я себя берегу, для кого?.. Для тебя вѣдь; что-жь тебѣ еще? Срамную взять хочешь, что-ли, ай тебѣ мало на горе мое гляючи тѣшиться?

И дѣвушка быстро юрнула въ ворота большого тесоваго дома.

Къ ночи подымалась яталь. Вѣтеръ рвался и стоналъ отъ ярости, словно хотѣлъ разметать это селенье, и бѣсился, то кидаясь въ узкую щель между двумя горными откосами, то стуча въ окна избъ, гдѣ все уже было темно и тихо, то стедаясь по самой землѣ, точно притаившійся звѣрь, готовый кинуться на намѣченную жертву. Андрей пробирался по задворкамъ къ банѣ, стоявшей невдалекѣ отъ тесоваго дома. Наконецъ, онъ поднялся на ея ступеньки и осторожно пріотворилъ дверцу. Тамъ все было тихо. Сырая тьма пахнула на него. Онъ вошелъ. Тутъ было тепло... Ждать становилось не въ мочь. Что-то шелохнулось въ углу, пробѣжало мимо его ногъ и зашуршало у ближней стѣны. И опять тишина, подавляющая, гнетущая, жертвющая. Вотъ кто-то застучалъ по стѣнѣ, забилъ въ окно, глухимъ грохотомъ прокатился по крышѣ и съ долгимъ, унылымъ свистомъ замеръ гдѣ-то далеко, далеко... Жутко стало парню. Каждый звукъ ятели тоскливымъ чувствомъ отзывался въ немъ.

Но вотъ сквозь стоны и завыванія вѣтра послышался мѣрный шорохъ. Ближе и ближе... Чьи-то шаги... вотъ съ просонокъ твякнула собака. Другая отозвалась ей и снова все замерло. Что-то шуршитъ у двери, щекотда звякнула — и въ одно мгновеніе Андрей внесъ на рукахъ дѣвушку къ лавкѣ.

— Милый ты мой, желанный, слышалось ему въ сырой, густѣющей тьмѣ. Чье-то лицо искало его лица, чьи-то губы впились въ него, чьи-то руки сжимали ему шею. — Видишь самъ — пришла, аль еще змѣей бранить станешь?

— Стану, коль забудешь.

— У-то-пишь?

И тихій смѣхъ, вызывающе, прозвучалъ кругомъ, и теплая щека приникла къ его лицу.

— И утоплю.

— Смотри, не забудь только ты меня.

— Ладно, у тебя парней сколько хошь тутъ будетъ. Сама, поди, выберешь.

— Такого, какъ ты, не найти.

— Не вѣрю я вашему бабьему слову... Обманъ все. Отецъ заставить.

— Меня-то?

— А то кого. Пугнетъ, и пойдешь—за кого указать.

— Не пужливая я... легче въ воду...

И затѣмъ наступило молчаніе... А вѣтеръ еще пуше злился и билъ въ стѣны и окна бревенчатой клѣтушки, засыпалъ ее снѣгомъ и насвистывалъ кругомъ свою унылую однообразную пѣсню.

Они не слышали ее, не видѣли тьмы, ихъ окружавшей...

Ночь была сырая и теплая; утрожь сѣрый паръ окутывалъ всю губу, цѣпляясь по скаламъ вверхъ и залегая плотными слоями въ темныхъ трещинахъ, ущельяхъ и логахъ. Кое-гдѣ въ однообразномъ морѣ тумана мелькали верхушки елей и гребни утесовъ. Еще чайки не оглашали мертвыхъ окрестностей своими рѣзкими криками, еще ни одна гагара не стонала въ мелколѣсѣѣ прибрежнаго лога, а ужъ по селу народъ проснулся и вездѣ кипѣла трудовая жизнь. Почти въ каждой избѣ слышались рыданія женщинъ; сами промышленники были молчаливы и мрачны предъ долгой, почти семимѣсячной, разлукой. Скоро все населеніе этого захоlustья собралось передъ избой старшины. Наконецъ, вышелъ и самъ онъ—толстый, неповоротливый, съ окладистой сѣдой бородою, узкими, едва прорѣзанными глазами, хитро смотрѣвшими на лоснящемся румяномъ лицѣ.

— Ну, кормильцы, дай вамъ Богъ!.. Чтобы все, значить, тихо, смирно. Ловите рыбу. Я къ вамъ всей душой. Тутъ семьямъ помощи сдѣлаю. Слава Господу, хватить на это. А вы ужъ по-

усердствуйте, рыбки побольше ловите; посередь лѣта изъ Норвеги и я къ вамъ приѣду; норвецкаго рому привезу и всего прочаго. Будьте въ надеждѣ... Ловите рыбку только; въ становищѣ ¹⁾ муки да крупы будетъ не впроворотъ. Въ Колу это я писалъ Базарному, онъ вамъ всего выдастъ. Бушайте на здоровье, да рыбку ловите... ловите... Богъ дастъ — хорошій промыселъ... А таперча въ часовню, кормильцы, помолимся Вседержителю, да крестъ поставимъ. Оно надежнѣй будетъ съ крестомъ да съ молитвой. Потому безъ Бога—никуда...

— Это вѣрно! загудѣла толпа. — Бабъ нашихъ не оставь: ежели мучки, соли и чего прочаго—отпущай безъ сумленія, опослѣ промысла—разсчесть. Старикамъ тоже...

— Чего тутъ, сказано—всѣмъ сердцемъ!

— Моему сынишнѣ въ Питеръ пошли три рублевика.

— Ладно.

— Ужь ты, ежели что случится, защити.

— Ну, братцы, Бога не забывай—въ часовню.

Вся толпа, съ женами, стариками и дѣтьми, отправилась по ледяному насту на каменную луду ²⁾, гдѣ посреди нѣсколькихъ елей стоялъ бревенчатый срубъ, крытый на два ската и увѣнчанный крестомъ. Молились, прикладывались къ образамъ, клали деньги въ стоявшую тутъ-же тарелку, зажигали восковую свѣчу и послѣ двухъ или трехъ земныхъ поклоновъ выходили на площадку, гдѣ изъ бревенъ обтесывался крестъ. Дѣло шло съ молитвой, всякій старался хоть разъ ударить топоромъ, вколотить хотя одинъ гвоздь, чтобы часть и его труда была въ этой безыскусственной жертвѣ. Наконецъ, крестъ былъ водруженъ на высотѣ холма, въ яму, вырытую въ промерзлой землѣ. Основаніе его обложили камнями, покурили на него ладаномъ, еще помолились и такой-же нестройной толпой вернулись назадъ, въ избу хозяина, гдѣ имъ была приготовлена незатѣйливая трапеза. Вода, ромъ,

¹⁾ Становище—нѣсколько избъ разволочныхъ, выстроенныхъ въ глубинѣ бухты, гдѣ производится промыслы; въ избахъ лѣтомъ живутъ промышленники, а зимою—никого.

²⁾ Луда—мель, прибрежная, каменистая и довольно длинная. Маленькій голый островъ тоже иногда называютъ лудой.

пирогы съ палтусиной ¹⁾ и сельдями, уха изъ соленой трески, соленые сиги, запеченные въ ржаную корку, шаньги съ шпеномъ и картофелемъ,—все это въ изобиліи предлагалось и поверченникамъ, и ихъ семьямъ. Разумѣется, и это было для нихъ валтазаровымъ пиромъ. Въ обыкновенное время поморъ ѣстъ воющую, соленую сайду ²⁾ или пикшу ³⁾, хлѣбъ иногда съ сосновою корою, да славу-богу если еще есть мороженая сельдь. Вся надежда на счастливый уловъ. Онъ прокормитъ семью зимой и дастъ возможность расквитаться долгами. Скудная почва не обезпечиваетъ поморца. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится земледѣліе, несмотря на сѣверное положеніе края, гдѣ ежегодно сѣтся и собирается хлѣбъ—земля не можетъ прокормить своего работника. Пусть урожай будетъ хоть самъ шесть, пусть засуха не обрѣдитъ, морозъ не лобзетъ, водополье не смоетъ посѣва. Волость въ 1,500 душъ высеетъ ячменя не больше 300 четвериковъ, а соберетъ его 1,800 четвериковъ. Вотъ почему поморецъ и не рассчитываетъ на свою тощую почву.

Хозяинъ ходилъ вокругъ столовъ, угощалъ промышленниковъ и вмѣстѣ съ коршиками пилъ за успѣхъ будущаго промысла.

— Иванъ Мартынычъ! какъ я съ тобой, значить, двадцатый годъ промышляю и очень мнѣ это чувствительно,—потому рази я скотъ какой—такъ пригубимъ вмѣстяхъ. Долгаго тебѣ житія, здравія — чгополучія.

— Другъ! умилялся хозяинъ. — Федосѣюшко, авось мы знаемъ другъ друга!.. Голубчикъ!.. Сколько годовъ, можетъ...

— Точно что, по-христіански надо говорить, много довольны твоею милостью...

— Андрей! ты что-жь? Не пьешь?

— Нашъ Андрей—что дѣвка? смѣялись кругомъ;—поди на вѣку не пивалъ.

— Безъ водки ньянъ! отозвался онъ, мелькомъ взглядывая на хозяйскую дочь, сидѣвшую въ углу.

— Что таеъ? Аль нашъ Андруха на Мурманъ боится идти.

¹⁾ Палтусъ—одна изъ важнѣйшихъ статей мурманскаго промысла. Ловъ палтусовъ здѣсь даетъ ежегодно около 80,000 р. Посоливъ, его возятъ въ Архангельскъ и другія мѣста. Отъ соли палтусина принимаетъ отвратительный запахъ. Свѣжая—это положительно вкуснѣйшая изъ рыбъ.

²⁾ и ³⁾ Сайда и пикша тоже рыбы, ловящіяся въ Сѣверномъ океанѣ.

— Пужается!

— Мы и на Матку и на Грумантъ съ охотой...

— То-то, выпей! приставаль хозяйнъ, уже охмѣлѣвъ.— Выпь!..

— Не пиваль, Иванъ Мартынычъ.

— Другъ, за хозяина! Раздави стаканчикъ, не поколѣнешъ съ одного... Фати!.. Выпь!..

— Выпей, Андрюша! улыбнулась ему Настя.

Андрей взялъ стаканъ и выпилъ.

— Ну, цѣлуй меня! не отставаль отъ него хозяйнъ.— Дру-угъ! всей душой люблю... то-есть до бѣла! Братцы, не ужли-жь я не чувствую?.. Я, можетъ, за васъ—буди хоть!..

Наконецъ, все кончилось. Послѣдняя водка допита, пироги и шаньги спрятаны за пазуху и, помолясь въ правый уголъ, промышленники вышли на улицу. Андрей позамѣшкался и остался въ горницѣ съ Настей.

— Смотри не забудь, шепнула ему та.

— Тебя-ли мнѣ забыть, сказалъ Андрей и потянулся къ губамъ Насти.

Дѣвушка вспыхнула и потупилась.

— Ну, смотри, Андрей! Скорѣй ворочайся.

— А ты на Мурманъ съ отцомъ не будешь?

— Коли возьметъ.

— Побывай...

— Ну, прощай!..

Послѣдній поцѣлуй и послѣднія слезы.

Тѣ-же слезы были и на улицѣ. Къ уходящимъ дѣзли женщины и дѣти. Плакали, словно провожая на смерть. Посрединѣ толпы пьяный хозяйнъ билъ себя кулакомъ въ грудь, рвалъ на себѣ рубаху и подставлялъ щеки и бороду направо и налево.

— Ты, Иванъ Мартынычъ, бабу мою не оставь. Прокорми.

— Другъ, кормилецъ! внезапно огорчался хозяйнъ.— Неужели-же я не чувствую? Ужели-же я скотъ? Ужели-же на это не хватаетъ? Ахъ, братцы! Да легче мнѣ то-ись... Ребятунки, всей душой... вотъ!—И онъ отодралъ воротъ отъ рубахи.—Вотъ она! указываль онъ на грудь, колотя ее.—То-ись все нутро, какъ передъ истиннымъ Господомъ, царемъ небеснымъ!

— Моимъ дѣткамъ тоже.... за мѣсто отца будь! вступался другой.

— Дѣточкамъ?.. анделочкамъ божіимъ? разчувствовался онъ.— То-ись все! — И новый кусокъ ворота летѣлъ на землю.— Ахъ, братцы... жертвую... жертвую душу свою! Боже... дѣточкамъ, голубяшкамъ! Ужели-жь я безчувственный?..

Даже чайки и гѣ метали надъ толпою, пронзительными криками оглашая окрестность. Наконецъ, партія тронулась, сопровождаемая толпою женщинъ.

— Никитушко, голубчикъ... какъ я безъ тебя сиротою горькою ост-аану-ся! разливалась слезами одна.— Безпремѣнно привези мнѣ норвежій платъ и фуфайку, внезапно переходила она въ сухо-дѣловой тонъ и тотчасъ-же продолжала причитать:— Ни-киту-шко... кормилецъ... на кого ты меня покидаешь!..

Скоро промышленники скрылись за ближайшими холмами и только собаки лаяли въ опустѣломъ селѣ, да крики чаекъ и гавгаръ разносились въ высотъ, замирая тамъ, гдѣ синяя даль горизонта стѣснялась едва замѣтными вараками, да терасами каменныхъ скалъ, да лѣсистыми логами чудскаго, дикаго захолустья.

II.

Промышленникамъ на первый-же день достался не легкій путь. Пришлось идти по горамъ, переходить ледяные припаи, часто трещавшіе подъ ногами, замерзшія бухты, брести по поясъ въ рыхломъ снѣгу, огибать отвѣсные выступы каменныхъ утесовъ, съ которыхъ повисли внизъ громадныя ледяныя глыбы, ежеминутно обрывавшіяся. Иногда передъ ними развѣтывались панорамы горныхъ вершинъ, уходившихъ въ сѣрую массу тучъ, которыя скоплялись надъ бѣломорскою ширью. Входя на горы, они видѣли передъ собою безпредѣльныя пространства долинъ, лѣсовъ, озеръ и плоскогорій, по одну сторону которыхъ тянулась извилистая линія берега, а за нею лежала темная, почти свинцовая гладь моря съ бѣлыми пловучими островами осыпанныхъ снѣгомъ стамухъ. Разъ или два подъ ногами проламывался ледъ, но путники отдѣлывались только страхомъ, припоминая, какъ въ прежніе годы „на этомъ-же мѣстѣ“ гибли ихъ товарищи. Наконецъ, тусклый, сѣрый день сталъ меркнуть, на востокѣ и югѣ

тѣни все спускались, алый отсвѣтъ прятанной за тучами зари охватилъ снѣговья вершины розовымъ сіяніемъ отразился на ихъ снѣговьяхъ площадкахъ, золотою каймою легъ на краю моря, глубоко врѣзавшагося на западъ, осыпалъ рубиновой пылью его ледяные острова и желтоватую дымкой подернуло скаты и долины. Промышленники видимо затомились. Каждому изъ нихъ пришлось тащить съ утра ручные санки съ семью пудами разной клади, по меньшей мѣрѣ. Они уже съ тоскою поглядывали на коршика, шедшаго впереди. Одни только зуйки¹⁾, сопровождавшіе партію, весело перебранивались между собою, при случаѣ принимаясь и за драку.

— Дядя Митрей, скоро-ль на ночевку?

— Вогъ дастъ придемъ. Только меркнетъ вотъ, да и истомились знатно.

— Не хрустальные, слава-богу! Не на перинахъ валандаться— на промыселъ идете.

— Да ты говори, куда изба ушла-то? Опрошлый годъ мы засвѣтло заночевали.

— Нонѣ снѣгъ рыхлый — бродно. Идешь, что тѣсто ногами мѣсишь. Ты и понимай, такая-ли мокротъ въ прошломъ году стояла.

Наконецъ, путники вступили въ лѣсъ. Тутъ ихъ со всѣхъ сторонъ охватило сыростью и тьмою. Приходилось брести по узкой тропинкѣ. Сверху на нихъ съ еловыхъ вѣтвей осыпались цѣлыя массы снѣга, внизу нога тонула въ глубокихъ сугробахъ и проталинкахъ. Иногда въ порѣдѣвшихъ промежахъ партія попадала на струю холоднаго, поднявшагося къ ночи сѣвернаго вѣтра. Тутъ въ нѣсколько минутъ платье ихъ покрывалось льдомъ и рѣзкая стужа чуть не до отчаянія доводила непривыкшихъ къ ней молодыхъ парней, въ первый разъ пускавшихся на промыселъ. Даже зуйки, и тѣ приуныли.

— Ужь и мѣсто, братцы.

— Проклятое мѣсто.

— Ишь, Мизитку-то пробираетъ. Не у отца за печкой сидѣть.

— Прохладно, это точно.

¹⁾ Зуйки—мальчики.

— А лѣтомъ по этому мѣсту не приведи Господи, потому— болото, разъ, а комаръ—два! Йетоть звѣрь пуще волка прохвтитъ. Не гляди, что малый. Я отъ него въ воду убѣгъ. Вотъ какъ опъ меня уподчивалъ.

Такъ путь тянулся до полуночи. Холодная, насквозь проникающая мгла окутывала со всѣхъ сторонъ промышленниковъ. Въ лѣсныхъ труппахъ стояла тьма, хотя все небо было озарено яркимъ сіяніемъ сполоха. Кровавые столбы протягивались до зенита; голубое сіяніе мерцало имъ въ слѣдъ отъ одной звѣзды до другой. Черный сегментъ полярнаго сіянія рѣзко отбѣнялся надъ сѣвѣрною окраиной неба. Надъ нимъ колебались, двигались, вспыхивали и замирали волны таинственнаго свѣта, словно невидимыя рати съ милліонами тусклыхъ факеловъ въ рукахъ. Иногда бродящіе лучи западали въ густую чашу еловой поросли, охватывая на минуту въ свой сіяющій кругъ красныя полости мха, казавшіяся запекшеюся внизу кровью и выстилавшія всю болотную понизь. Жутко становилось на душѣ у прохожихъ, когда полярное сіяніе гасло, оставляя все небо во тьмѣ. Только на самомъ зенитѣ въ эти минуты, точно чье-то огненное око, мерцало, мигало и ширилось послѣднее отраженіе сполоха. Потомъ снова вспыхивали и передвигались багровые столбы, снова загорался голубой сегментъ—и пустыня оживлялась механическою жизнью таинственныхъ силъ, озарялась мириадами искръ, сыпавшихся изъ невидимыхъ горновъ, гдѣ на ледяныхъ наковальняхъ суровый сѣверъ куетъ свои мертвящіе морозы.

Наконецъ, еловая чаша раздвинулась направо и налево. На низкой полянѣ, завѣянной снѣгомъ, чернѣла разволочная изба ¹⁾—мѣсто отдыха промысловыхъ артелей. Собаки, сопровождавшія покрученниковъ, съ громкимъ лаемъ кинулись къ срубѣ, точно предчувствуя сладость близкаго отдыха. Впрочемъ, измученнымъ пѣшеходамъ еще не скоро пришлось вздохнуть свободно. Дѣло въ томъ, что сквозь щели стѣнъ и дырѣя кровли въ избу нанесло цѣлыя сугробы снѣгу. Нужно было выгрести его вонъ, чѣмъ за-

¹⁾ *Разволочная изба*—черная изба, кое-какъ выстроенная или изъ плавника, или изъ лѣсу, привезеннаго на Мурманъ съ поморья, для помѣщенія промышленниковъ. По дорогамъ въ дѣбряхъ поморскихъ захолустій тоже есть такія избы для промышленныхъ артелей, отдыхающихъ здѣсь во время дороги.

нялась одна часть ватаги, тогда какъ другая отправилась въ лѣ-
сокъ и скоро кругомъ слышались глухіе звуки отъ стука топо-
ровъ и хряскъ падавшихъ деревьевъ. Каждое дерево нужно было
оголеть, т. е. обрубить сучья; донести до избы, расколоть въ по-
лѣнья и тогда уже топить сквозную какъ рѣшето черную печь,
выпускавшую дымъ во всѣ стороны. Промышленникамъ, впрочемъ,
было не до того; они потрацевали взятымъ изъ дому хлѣбомъ
и, не готовя ничего горячаго, торопились только поскорѣе улечься
на мокромъ полу, спиною къ огню. Скоро въ избѣ все храпѣло.
Удушливый чадъ съ миазмами отъ сушившейся обуви и платья,
развѣшаннаго на веревкахъ, смѣшивались подъ потолкомъ и чер-
ными облаками наслаивались въ сыромъ и, несмотря на пронасть
сожженныхъ дровъ, холодномъ воздухѣ. Не менѣе рыбаковъ из-
мученныя собаки комфортабельно помѣщались между людьми, вы-
бирая мѣста помягче и потеплѣе. Порою въ тишинѣ, наполняе-
мой ровнымъ дыханіемъ спящихъ, слышались то бредъ какого-ни-
будь мальченки, то молитвы старика-коршника, то тявканье пса.

Скоро погасли дрова—въ избѣ стало еще холоднѣе. Промыш-
ленники ежились подъ полушубками, инстинктивно во снѣ жа-
лись поближе одинъ къ другому, и только два счастливца ухи-
трились забраться на печь и блаженствовали, разметавшись отъ
жару, еще сохранявшагося въ каменныхъ плитахъ.

Съ первымъ отсвѣтомъ тусклаго мглистаго дня партія подня-
лась и не теряя времени отправилась дальше.

Третій день пути засталъ артель въ такой чащѣ мелкаго
ивняка, что если-бы не узкая тропа, пробитая въ ней, покручен-
никамъ пришлось-бы очень плохо. Въ самой темной и сырой части
этого гнившаго на корню софоновскаго чернолѣся стояла ча-
совня съ избенкой, гдѣ давно уже жилъ пустынно и праведно
старикъ поморъ съ своей семьей. Промышленники первымъ дѣ-
ломъ завернули помолиться на образа стараго писанія. При входѣ
въ часовню имъ попалась на встрѣчу высокая, худощавая фи-
гура въ черномъ подрясникѣ и скуфейкѣ. Кожанный поясъ, четки,
грубые бахилы изъ перпичьей кожи—все это обнаруживало бро-

дичаго соловецкаго монаха. Это истощенное, блѣдное, но выразительное лицо поражало своимъ контрастомъ съ шумною толпою ввалившихся сюда поморовъ. Тамъ все говорило о настоящемъ днѣ, — здѣсь все являло исканіе грядущаго и полное отрицаніе здѣ пребывающихъ градусовъ. Лица образовъ сурово смотрѣли на пришельцевъ. Низко склонялись всклокоченныя головы крестьянъ. У самой двери старуха, жившая въ избѣ, протягивала къ нимъ топція, заскоруглыя руки, да внутри часовни сидѣлъ на деревянной скамьѣ старикъ, спасавшійся посреди сырого, еловаго захолустья, въ вѣчномъ молчаніи котораго громче говорили его сердцу незримые предстатели, горячѣе лилась его молитва и глубже были его созерцанія. И для этихъ не было здѣ пребывающаго града, и эти вѣрили въ Іерусалимъ грядущій. И отрадная вѣра спасала ихъ отъ отчаянія, отъ тяжелаго сознанія ужаса своего положенія, отъ скудости и убожества, охватившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ еще тѣснѣ этого неисходнаго лѣса.

Покрученникамъ нельзя было долго останавливаться. День былъ сырой и туманный, а до слѣдующаго выселка оставалось еще добрыхъ двадцать верстъ. Отдохнувъ въ избѣ, положивъ нѣсколько грошей на тарелку, стоявшую у образовъ, они опять потянулись въ сѣрую глушь однообразной чащи, растянувшись по узкой тропинкѣ, гдѣ едва можно было пройти одному человѣку. Мокрыя вѣтви хлестали имъ въ лицо. Еще недавно веселая, толпа притомилась и потемнѣла. Не слышалось шутокъ и пѣсенъ и только шедшій впереди коршикъ пытался, да и то неудачно, завязать разговоръ съ бодро слѣдовавшимъ за нимъ Андреемъ.

— Какъ-бы еще огневица ¹⁾ не прихватила, замѣтилъ кто-то.

— Языкъ-бы тебѣ вырвать — не ко время, да не къ мѣсту поминаешь.

— Я такъ...

— То-то, такъ. Привяжется—такъ и подохнешь на дорогѣ...

Напоминаніе о горячкѣ подѣйствовало на всѣхъ. Въ артели многіе уже чувствовали себя скверно. Двое или трое парней едва перемагались на сыромъ и холодномъ пути, съ утра до ночи, среди этихъ мокрыхъ понизей, какъ на горахъ, гдѣ пронзительный вѣтеръ охватывалъ ихъ далеко не весеннею стужей и, заби-

¹⁾ Огневица—лихорадка, горячка.

рались подь олени малицы, льдомъ охватываль ихъ измученные члены. Невозможность достать чего-нибудь горячаго, ночлеги въ сѣвзныхъ разволочныхъ избахъ, гдѣ до тѣхъ поръ дежали цѣлыя сугробы снѣга,—все это разшатаало-бы и крѣпкое здоровье. А передь ними лежали еще цѣлыя недѣли долгаго, мучительнаго пути, мало выкупаемая рѣдкими дневками въ селеньяхъ, встрѣчавшихся по этой безлюдной дорогѣ. Немудрено, если ихъ жены и матери словно на смерть провожали милыхъ сердцу людей—на дальній Мурманъ. Многіе и вовсе не возвращались оттуда и только уединенные кресты среди лѣсныхъ трупобъ или въ болотистыхъ падахъ печально чернѣли надъ никому невѣдомыми и нибѣмъ неоплаканными могилами отважныхъ поморцевъ. Къ вечеру лѣсъ порѣдѣлъ и скоро смѣнился мелкимъ кустарникомъ, до самыхъ вершихъ завѣяннмъ снѣгомъ. Здѣсь путь сталъ еще труднѣе. Приходилось идти цѣлиномъ, путаясь въ вѣтвяхъ мелкаго ельника, падать въ рыхлую, мокрую массу снѣга, цѣпляться на каждомъ шагу санями о выступы и верхушки кустовъ, опрокидывать влaju, пока совершенно случайно имъ не удавалось выйдти на ровное мѣсто, перерывававшееся вскорѣ такою-же трудною путиной. Только собаки бѣжали впереди, бодро оглашая громкимъ лаемъ пустынную окрестность; а тутъ еще сверху моросило влажною снѣговою пылью, да и голодь давалъ себя чувствовать промышленникамъ, безмолвно и медленно подвигавшимся въ ту синюю даль, которая такъ непривѣтливо разстилалась за бѣлѣвшими впереди отлогими холмами. Наконецъ, добрались и до послѣднихъ. За ними кустарника не стало, за то поднялся рѣзкій сѣверный вѣтеръ, пахнувшій леденящимъ дыханіемъ своимъ прямо въ лицо усталыхъ покрученниковъ, незнавшихъ куда и дѣться, куда укрыться на этомъ ровномъ просторѣ безлюднаго края. Такъ прошли еще верстъ семь, и когда артель подумывала уже раскинуть станъ на окрестномъ полѣ и залѣчь прямо въ снѣгъ на отдыхъ, когда ноги отказывались идти, грудь дышала болѣзненно и сердце въ ней билось медленно, едва слышно, когда даже самое ощущение усталости смѣнялось полнѣйшимъ, почти обморочнымъ ступнѣемъ,—вдали послышался глухой лай собаки, а зоркій коршикъ во тьмѣ беззвѣздной ночи отличилъ слабые, едва замѣтные огоньки Софроновскаго выселка, тускло мигавшіе въ сторонѣ отъ нашихъ путниковъ. Артель встрепенулась и, на-

прягая послѣднія усилія, пошла быстрѣе. Собаки съ громкимъ тывканьемъ кинулись впередъ. Послышалась даже пѣсня, но тотчасъ-же, на первыхъ ноткахъ, оборвалась хриплымъ стономъ и больше ужъ не вспыхивала. Больного парня, едва волочившаго ноги, посадили въ санки и нѣсколько промышленниковъ потащили его впередъ, забывая собственную усталость. Лай псовъ становился издали все громче и громче и слился въ одинъ, дробившійся на тысячи глухихъ звуковъ, хоръ съ тывканьемъ собакъ, принадлежавшихъ путникамъ. Огоньки засвѣтились ярче и скоро въ сѣрой иглѣ смутно обрисовывались края замерзшаго озера съ двумя вѣртами, устроенными во льду у прорубей для лова рыбы. Дошли до нихъ. Воръ на берегу довольно высокаго взверста неопредѣленно зачертѣли прямыя линіи избъ, изъ оконъ которыхъ падали въ сырую тьму скудныя полосы тусклаго свѣта. Собаки выселка съ громкимъ лаемъ кинулись подъ ноги рыбаковъ.

— Кто, крещенный? слышалось сверху. Какой-то бабій, старческій голосъ, словно надтреснутый, звучалъ оттуда, обликая партію.

— Съ Камбальницы—покруты.

— Свои, старушка...

— Чтой-то ночью, голубчики?

— Чуть ноги донесли, страсть притомились.

Изъ другихъ избъ тоже высыпалъ народъ. Покрученниковъ нарасхватъ приглашали въ избы и, главное, безкорыстно суля имъ теплыя бани, свѣжія шанежки и мягкія постели. Бродачій образъ жизни въ населеніи Сѣвера развилъ удивительное гостепріимство. Всякій здѣсь на самомъ себѣ испыталъ лишенія странничества, выпавшаго на долю поморскому покрученнику, посреди неоглядныхъ и безлюдныхъ пустынь этаго мрачнаго царства полярной ночи. Въ каждомъ выселкѣ, избѣ, становищѣ промышленникъ найдетъ искренній привѣтъ, добрую помощь и обильную пищу, не платя за это ни гроша. Онъ принимаетъ это какъ должное, потому что пѣшеходы и въ его избѣ, въ свою очередь, получали то-же. Этотъ священный обычай напоминаетъ арабское гостепріимство посреди сожженныхъ солнцемъ пустынь далекой Африки, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь, на Сѣверѣ, хозяинъ дѣлится съ пришельцами послѣднимъ. Онъ знаетъ, что если не

завтра такъ послѣ завтра его самого ожидаетъ безкормица, но все-таки несетъ послѣдній свой хлѣбъ, на послѣдній свой грошъ покупаетъ водки, ставитъ занятый у сосѣдей самоваръ и поитъ иззябшихъ и измученныхъ покрученниковъ чаемъ. Вы здѣсь можете зайти въ любую избу и дверь ея радушно растворяется передъ вами. Хозяева уступятъ вамъ свои постели и глубоко оскорбятся, если вы вздумаете предложить имъ плату. Здѣсь въ человѣческомъ сердцѣ теплится высокое чувство любви къ ближнему, несмотря на непосильную борьбу съ суровой природой и еще болѣе суровой обстановкой труда. Цѣлое племя кореловъ, населяющихъ одинадцать волостей кемскаго уѣзда, существуетъ зимою гостеприимствомъ поморовъ богатыхъ селеній.

Вся артель разбилась по избахъ. Кто имѣлъ знакомыхъ, шелъ къ нимъ, кто не зналъ никого—стучался въ первую встрѣченную дверь, входилъ въ горницу, крестился на образа и, складывая свой грузъ на полъ, садился прямо въ передній уголъ, выслушивая холодно соболѣзнованія и причитанія старухъ и далеко не равнодушно поглядывая на хлопоты молодой хозяйки у еще неостывшей печки и на возню большака съ громаднымъ самоваромъ. Пока иззябшіе и одеревенѣвшіе члены покрученника отходили и приобрѣтали прежнюю гибкость, пока его одолѣвала зѣвота въ теплой атмосферѣ избы, на столѣ передъ нимъ ставилась вареная треска, сельдь въ ухѣ, сигъ замоченный въ тѣсто, моченая вороница и иногда молоко. На горячее парни накидывались съ весьма понятною жадностью. Дымившіяся миски опоражнивались въ одну минуту, послѣ чего шелъ жидкій, за то обжигавшій все нутро чай. Наконецъ, наѣвшіеся и напившіеся путники засыпали съ такимъ отраднымъ чувствомъ довольства, которое едва-ли можетъ быть понятно тому, кто не былъ въ точно такомъ-же положеніи.

Коршникъ съ Андреемъ забрались въ пустынь, существовавшую давно уже при этомъ выселкѣ. Нѣсколько стариковъ и старухъ жили вѣстѣ въ двухъ большихъ избахъ, около которыхъ чернѣла старенькая часовня, подъ высокими соснами, до того охватившими ее чащею своихъ вѣтвей, что стѣны бревенчатого сруба были видны лишь тогда, когда богомолецъ забирался внутрь ея. Передъ ветхими образами древняго писанія постоянно теплились лампы, издавшія тусклый, дрожащій свѣтъ на ветхую и скромную об-

становку отшельническаго скита. Снаружи ото всей часовни можно было видѣть только черную, мохомъ и лишаями проросшую кровлю съ деревяннымъ, погнувшимся крестомъ. Старцы приняли покрученниковъ очень радушно. Тутъ и крошѣ нихъ былъ гость—откуда-то забредшій паренекъ съ какимъ-то особенно сиротливымъ выраженіемъ блѣднаго лица, обрамленнаго низко опускавшимися, всклокоченными волосами. Судя по его смиренному виду, трудно было заподозрить въ немъ бѣглаго каторжника, принадлежавшаго къ извѣстной на всемъ далекомъ Сѣверѣ сектѣ шатуновъ. Онъ откровенно рассказывалъ свои похождения. Такъ онъ и теперь занималъ ихъ передачею своихъ сибирскихъ впечатлѣній, пока въ другой избѣ старицы собирали повечерять проголодавшимся путникамъ. Коршикъ и Андрей съ живымъ любопытствомъ вслушивались въ бесѣду шатуна.

— А несчастныхъ нынѣ стало менѣе. Не бѣгаютъ...

— Потому переправы вольныя закрыли, тонуть шибко. Подъ Чердыню допрежь въ одно лѣто то двадцать, то тридцать мертвецовъ объявлялось. Нонѣ и не стало ихъ по этой сторонѣ.

— Съ чего-же они тонули?

— Ежели нѣтъ переправы, гдѣ ему броду искать? Ну, и кидается въ воду, авось-де переплыветъ. А какъ переплыть, ежели онъ можетъ сутокъ трое одними коршеками питался? Ну, и спшибаетъ струя... Какъ переправы были, такъ ихъ мужички даромъ перевозили, потому съ такого человѣка да деньги взять— великій грѣхъ передъ Господомъ.

— И ужь сколько вамъ муки пріймать приходилось!..

— Это ты вѣрно, старче! оживлялся вдругъ рассказчикъ.— Таперче прежде всего тамъ Байкаль есть—святое море. Хорошо, коли въ листопадъ идти придется. Тамъ въ листопадъ—варо. Небо такое ясное, синь неоглядная. Вокругъ—горы все. А въ другое время изъ падей такая-же пурга идетъ—страсъ. Особливо какъ по Култуну пойдешь,—около Хамарь-Дабана будетъ это иѣстечко,—высоко; сверху какъ глянешь въ падь—такъ подъ сердцемъ и замутишь. Кедръ въ ней, что твои кустикъ малые. Какъ заволочетъ густымъ туманомъ, такъ скрозь байгу (мглу) огоньки и свѣтятся,—это на охотѣ дикій бурятъ у костра грѣтсся. А и народъ-же тамъ!

— Что и говорить, народъ отчаянный.

— Бывало какъ бредешь по этому мѣсту да какъ засвѣтитъ тебѣ изъ этой самой пади огонекъ, такъ ты и хоронишься, что дикій звѣръ какой. Пить захочешь—воды нѣтъ, а все гдѣ-нибудь навѣрху подъ камнемъ лежишь. Потому намъ только и ручьи, что внизу, по самому дну пади сочатся. Бѣда нашему брату, шатуну странному, бурята повстрѣчать. У нихъ и пословица такая есть: медвѣдя убить — одну шкуру снять, а съ варнака три—потому окромѣ шкуры одежда да сапоги. Много нашихъ гибнетъ тамъ, потому весна зеленая да сторонунка родимая. Знаешь, что подъ пулю, а идешь. Такъ, бывало, и ждешь на горахъ, на самыхъ плѣскахъ. А спуски круты, внизъ такъ и падаешь. Сначала все песокъ, камень да травка рѣденькая, захирѣлая травка, мочалится, морозомъ побитая; тамъ на приленѣ мелкій кустарничекъ держится. Подъ нимъ сбсенки, спервоначалу махонькія, а опослѣ больше да больше все. И такія, братцы, пади тамъ, что чѣмъ ты далѣй внизъ ползешь, тѣмъ и небо надъ тобою все уже да уже. Словно ты въ колодезь какой лѣзешь... да!.. И тихо-же тамъ: камешекъ по отвѣсу падаетъ, такъ ты его слышишь, точно передъ тобою стучить да побрякивается... А ежели да изъ ружья — такъ гулко подхватить и понесетъ, и понесетъ кверху. А лѣса-то, лѣса, Боже ты мой, Господи! Идешь, бывало, изцарапаетъ, изобьетъ, исхлещетъ всего. Деревья такъ одно къ другому и лѣплятся, а межъ нихъ молодая поросль, гущина! Трешей у насъ эти волока ¹⁾ прозываются. Забредешь туда — и съ солнцемъ протись: долго не увидишь. Да и на горахъ нашему брату бѣда. У Байкала теперь хоть и въ іуній, все-же снѣгъ по верхушкамъ лежитъ: чуть растаетъ, а глядишь—въ августѣ выпадетъ новый. И погодки-же бывають. Воздухъ округъ такой-ли чистый, далеко наскрозь все видно. Подъ тобой—святое море свѣтится, что бѣлое облако, по бокамъ горы одна за другой, какъ камешки пораскиданы. Зорькой такъ и сіяють, словно ихъ заревои обольетъ. Въ другую сторону кинешься — лѣса дремучіе, тайга зеленая, а за ними гарь чернѣетъ.

¹⁾ *Волока*—перешеекъ; тоже пространство земли между двумя рѣками или озерами, вообще дорога, по которой отъ одного воднаго пути къ другому нужно перевозакивать, волочить лодки.

— Да, многотрудно странствіе, но подвигъ великъ. Нѣсть силы, аще не отъ Бога. Въ странствіи-же оноу—спасеніе.

— Ну вотъ пройдешь ты эту гарь, минуешь и тундру, и вдругъ передъ тобой зеленое широкое поле. Коли-бъ не улусы бурятскіе, тутъ-бы нашему брату, странному человѣку, отдохнъ какой былъ! Зеленъ округъ сочная, яркая, ключи такъ и бьютъ, такъ и свѣтятся, что малня дѣти на божьемъ солнышкѣ играютъ. И идешь ты, точно сейчасъ родился, смѣешься да радуешься, хоша изъ-за дерева на тебя можетъ и винтовка нацѣлена.

— А за что ты въ муку эту попалъ? спросилъ коршикъ.

— Тебѣ какое дѣло? строго остановилъ его одинъ изъ старцевъ.— Не вопрошай, изъ какія вѣси, а накорми и приютъ уготовъ немущему. Пустынь наша не вѣдаетъ, почто въ нее стремятся убогіе и обремененные, но отверзаетъ врата свои коемуждо. Види и познай Бога. Что содѣлано тобою за вратами вертограда сего, повѣдай въ молитвѣ Господу: нѣсть бо грѣха, превышающаго милосердіе его.

— Мнѣ и таить нечего. За вѣру страдалъ. Извѣстно, кого Богъ посѣтитъ, того и люди гонять.

— А по Сибири много-ли пустынь?

— Есть сторонка такая, за Обью рѣкой, далеко. Тамъ наши старцы спасаются въ глуши немсходной, посередь болотъ.

— Возлюбить человѣкъ всей душой пустынное житіе паче предестей суетныхъ и бѣжить отъ міра, скитається по дебрямъ лѣснымъ, по болотамъ, со звѣрьми дикими, отъ гласа людского отвыкнетъ и живетъ себѣ, Богу трудится, не мамонѣ.

— А у насъ такія мѣста водятся?

— Дальше къ полуночи, за Канинымъ Носомъ, по самому океанному берегу ¹⁾. Только скудно тамъ: ни травки, ни деревца. Песокъ да камень одинъ.

И начался разговоръ о скалистыхъ берегахъ пустыннаго моря. Пѣнистыя волны съ ревомъ разбиваются о каменные выступы утесовъ, изъ расщелинъ которыхъ выбѣгаетъ порою ползучая березка. Съ моря дуетъ вихрь и свищетъ, врывается въ обрестныя ущелья.

¹⁾ Выселки за Канинымъ по океанскому берегу. Въ дѣйствительности ихъ нѣтъ, но они существуютъ въ повѣріяхъ и легендахъ русскаго Сѣвера.

А передъ ними до самаго полюса и за полюсъ разстиляется необозримая даль синѣющаго океана.

— Есть тамъ такія мѣста, оныхъ никому и вѣдать не дано. Много тамъ нашего брата затаилось. Господь привелъ. Одно слово—пустынничество.

— Ты тамъ бывалъ?

— Случалось. Живуть разное. Гдѣ теплѣе. Отъ полуночника ¹⁾ за каменной грядой хоронятся. Есть и поселки. Человѣкъ семь, восемь. Но надъ моремъ-океаномъ въ щеляхъ у нихъ и избушки есть. Рыбку промышляютъ тоже...

„Вотъ-бы куда съ Настей!“ невольно мелькнуло въ головѣ у Андрея и разомъ передъ нимъ раскинулась безпредѣльная картина морского простора и заманчивая таинственная глубь призывно синѣющихъ далей. Океанъ дугою врѣзался въ каменный берегъ. На уступахъ его зеленѣютъ двѣ-три ели да подъ ними чернѣетъ изба. Тонкій дымокъ вьется высоко надъ нею. Тутъ, вверху, покой и молчаніе, тамъ, внизу—вѣчное смятеніе, вѣчная борьба неутомонныхъ валовъ, дробящихся въ бѣлую пѣну о каменные мели и неудержимо ревущихъ въ этомъ стихійномъ хаосѣ арктическаго міра... „Вотъ-бы куда съ Настей!“ И вновь пахнуло на него острымъ, освѣжающимъ морскимъ вѣтромъ, возбуждающимъ нервы свѣжимъ запахомъ соленой воды, привольемъ и счастьемъ ничѣмъ не скованной, ничѣмъ не заказанной, ни подо что не подлаживающейся жизни.

Скоро на столѣ передъ ними задымилась миска и послѣ обильной трапезы Андрей и коршикъ ушли въ мірскую избу и, забравшись подальше на теплую печь, тотчасъ-же уснули, не слыша остального разсказа шатуна. Отголосокъ его словъ странно смѣшивался съ злобнымъ воемъ вѣтра, рвавагося въ прочно закупоренныя окна горницы, освѣщаемой тусклымъ ночникомъ, гдѣ вѣсто сала сжигался перничій жиръ, который сообщалъ противный запахъ ворвани и безъ того душному воздуху мірской избы.

¹⁾ *Полуночникъ*. Одни называютъ этимъ словомъ сѣверный, а другіе Южный вѣтеръ.

Хозяева не будили на другой день промышленниковъ, зная, что въ выселкѣ они будутъ дневать. У старицъ шло уже приготовленіе къ страннопріимной трапезѣ. Скиту было извѣстно, что артель, возвращаясь назадъ, принесетъ ему и норвежскаго рому, и теплыхъ, шерстяныхъ фуфаякъ, да и даянія деньгами не минуетъ. Расчетъ былъ вѣренъ, и столы уже ложились подъ горами шанегъ, пироговъ, рядами дымящихся мисокъ и деревянными блюдами съ тресковымъ крошевомъ. Въ трапезной было все чисто и прибрано. Кучка старцевъ галдѣла о какихъ-то пошехонскихъ старушкахъ, дѣлающихъ чудеса на Ивановъ день. Въ углу слѣпой пѣлъ о мученіяхъ Аввакума Печерскаго. Гнусливый, носовой напѣвъ смѣшивался съ тонкимъ пискливымъ фальцетомъ подтягивавшей ему старицы. Въ кучкѣ женщинъ стоялъ гвалтъ неописанный. Двѣ ветхія денщи старушонки съ утинными носами, рѣзко выдѣлявшимися на съезжившихся въ кулачокъ лицахъ, перекорялись изъ-за какого-то калача.

Скоро трапезная наполнилась промышленниками. Передъ приходомъ сюда они надѣли чистыя рубахи и выглядывали лучше прежняго, хотя отмороженные носы, потрескавшіяся лица и общее выраженіе какой-то усталости сразу отличало ихъ отъ крестьянъ, наполнявшихъ горницу. Сначала, разумеется, шла молитва, а тамъ и ѣда.

— Вечеромъ бани топить станемъ, сказалъ кто-то.

— Чудесное дѣло! отозвались промышленники.

— Самое лекарственное, что говорить!

— Какъ тебя это распарить, никакая болѣзнь не привяжется.

— Это точно.

— А какъ, господа промышленники, насчетъ парней?

— Какихъ?

— А лежать что. Больно разнедужились.

— Вѣда, что и говорить!

— Полагаю, здѣсь оставить надоть, рѣшилъ коршикъ.

Старикъ всполошился.

— А то вотъ что, милый человѣкъ. Пораскинъ-ко уможь. Дадимъ мы тебѣ двухъ оленей, вези ты ихъ въ Кандамаксу. Авось не помрутъ дорогой. А то у насъ тоже, самъ знаешь, начальства этого наѣдетъ тьма! Какъ, что... А у насъ старички, неровень

часъ, и пустынь нашу разнесутъ, черти-дьяволы! А на легкомъ воздухѣ они, парни-то, скорѣй встанутъ.

— Точно, что... соглашался коршикъ, не зная, на что рѣшиться. Съ одной стороны жаль было парней—пришлось-бы везти, несмотря на послѣдніе дни сырой, туманной зимы, съ другой, онъ хорошо понималъ, что если ихъ оставить въ деревнѣ, да они умрутъ здѣсь, такъ становой не замедлитъ посѣтить выселокъ.

— Это точно... что говорить! безсознательно повторилъ коршикъ.

— Мы всей душой... да вотъ старички у насъ. О нихъ тоже подумать надо. Они, можетъ, изъ-за упокойничковъ сколько потерпятъ, страсть!

— Это точно... такъ какъ-же, братцы?

Артель переглянулась.

— Везти надо... чего тутъ. Ежели, примѣрно, до Кандалакши въ два дня дойдемъ—доживутъ. Тамъ и сдадимъ старостѣ.

— Экая бѣда, право!

— Такъ ужъ насъ ослобоните, значить.

— Ладно.

Трапеза кончилась. Артель опять завалилась спать, кромѣ Андрея, который отправился закупать муку, крупу и рыбу для промышленниковъ. Послѣдніе до Расноволока (внутри Лапландіи) шли на свой счетъ и только съ этого пункта уже пользовались хозяйскими харчами. Бывали случаи, что у другихъ не хватало денегъ и только благодаря помощи такихъ-же бѣдняковъ-товарищей они перебивались дорогой.

— Ахъ и парень... Не нашимъ чета! подзадоривала Андрея высокая и красивая поморка, продававшая ему припасы.—И гдѣ такіе парни водятся?

— По нашему селу ищи—много есть, отшучивался онъ, заигрывая съ ней.

— Далекое до вашего села... Ладно, что и самъ пришелъ. Руки-то у тебя бойкія!

— Какъ пришелъ, такъ и уйду. Мужъ-отъ гдѣ у тебя?

— Второй годъ въ колонисты ушелъ въ Вайдо-губу, на Мурманъ.

— А безъ мужа, поди, тяжело?

— А то какъ.

— Точно. А скоро-ль мужъ воротится?

— А кто-жь его знаетъ. Вѣдь насъ бабъ не спрашиваютъ, когда пойдуть и когда придуть. Приходи-ка ко мнѣ обогрѣться да шанешковъ поѣсть.

— Больно прыткая, лукаво взглянуть на нее Андрей и, подумавъ, принялъ приглашеніе.

А между тѣмъ въ избѣ другого крестьянина, на оленьей постели мучался въ горячѣ молодой парень, обводя воспаленнымъ взглядомъ незнакомую ему свѣтелку и призывая въ забытіи милыхъ, дорогихъ людей, которые едва-ли увидать его. Кормильцу цѣлой семьи придется умереть гдѣ-нибудь на дорогѣ, въ пустынь, оставивъ за собой въ далекой родной избѣ людную семью, покинутую на произволь. судьбы.

Тутъ смерть одного вела за собою страданія и смерть другихъ, и хорошо, что больной не сознавалъ своего положенія. Какая страшная мука давила-бы его грудь, когда-бъ передъ его очами стали возникать картины убожества и гибели тѣхъ, для кого онъ не щадилъ своей молодой силы, кому онъ приносилъ въ жертву свою только-что расцвѣтшую жизнь!

Подъ вечеръ вездѣ топились бани. На Сѣверѣ, гдѣ такъ обильны лѣса, при каждой почти избѣ есть баня, чаще бѣлая, чѣмъ черная. Здѣсь не встрѣчаются крестьянскія семьи, моющіяся въ печахъ. Сѣверное селеніе съ перваго взгляда понравится вамъ. Постройки крупны и прочны. Избы просторны, часто выведены въ два этажа, на хозяйственныя службы идетъ тотъ-же крупный лѣсъ. Бревна четверти по три въ діаметрѣ. Но какъ-бы вы ошиблись, если-бы по этой виѣшности заключили о богатствѣ населенія. Лѣсъ дешевъ, иногда онъ достается и даромъ, оттого и избы строятся на широкую ногу; а хлѣба мало и потому часто въ хорошей избѣ живетъ крестьянская семья бѣдно и убого. Одно спасеніе обѣднѣвшему работнику идти на Мурманъ, да и на Мурманъ нынче наживеи не стало, вся она захватывается самовольными норвежскими ловцами, скучившимися въ сильныя шайки, съ которыми посмѣетъ бороться слабая русская артель.

Собаки выселка далеко провожали партію покрученниковъ, оставившихъ теплы яизбы не безъ зависти, ради холоднаго скитанія по безлюдью и бездорожью этихъ мертвящихъ пустынь. Вмѣстѣ съ собаками высыпали провожать артель и крестьяне глухого села.

Женщины запричитали надъ совершенно чужими людьми, навѣвая тоску на нихъ. Впрочемъ, люди теперь смотрѣли бодрѣе, слышались пѣсни, а впереди, далеко оставляя за собою пѣшеходовъ, неслись запряженные въ нарту олени, увозя больныхъ промышленниковъ.

День былъ свѣтелъ и ясенъ. Далеко на горизонтѣ, словно легкіе контуры едва замѣтныхъ облаковъ, съ высокихъ горъ уже меледились крутыя вершины Лапламдіи. Вся окрестность была всхолмлена, пересѣчена лѣсками и замерзнувшими рѣками. Голубое небо было чисто и ярко, точно опаловыя свѣтились озера, съ ледяной поверхности которыхъ дождь и вѣтеръ смыли послѣдніе слои снѣга, когда-то наметеннаго вьюгами и метелями. Хорошо было повсюду—и впереди, и позади. Отогрѣвшіеся, сытые и веселые покрученники перекидывались шутками, румяные зуйки дрались между собою, шалили съ собаками, въ перебѣжку пускались впередъ, скатывались на санкахъ съ крутыхъ откосовъ, потѣшая артель, гремѣвшую безшабашную промышленную пѣсню, рѣзкіе гортанные звуки которой замирали въ нѣмомъ безлюдномъ пространствѣ.

Въ отвѣтъ этимъ звукамъ только съ далекой морской окраины долетали сюда громкіе крики чаекъ и скорбныя рыданія гагаръ.

А дальше разстилались тѣ-же чудесные горизонты. Небо свѣтило еще ярче, пѣсни пѣлись громче и веселѣе.

III.

Дорога до самого вечера шла все по голому, засыпанному снѣгомъ камню. Снѣгъ сравнивалъ всѣ его неровности, завѣялъ трещины и щели, такъ что промышленникамъ легко было подвигаться впередъ. Только сани, раскатывавшіеся на спускахъ прямо въ ноги пѣшеходовъ, мѣшали нѣсколько артели. За то какой хохотъ подымался, когда сбитый ими съ ногъ покрученникъ падалъ въ свои-же сани и уже на нихъ, ошеломленный и оглушенный, съ быстротою вѣтра скатывался внизъ, врвался въ сугробъ снѣга и едва-едва освобождался оттуда, чтобы тотчасъ-же встрѣтить обидныя выходки товарищей, неупускавшихъ случая поглумиться надъ чужою бѣдой. Наконецъ, уже подъ вечеръ, партія дошла до

рѣденкаго лѣса. Тутъ въ сумеркахъ можно было различить звѣринныя тропки, перекрещивавшіяся въ разныхъ направленіяхъ. Вотъ тяжелый, ровный слѣдъ медвѣдя, еще недавно, повидимому, продолжившаго новую тропу. Надъ нею висятъ изломанные сучья елей, а въ двухъ мѣстахъ снѣгъ разрытъ вовсе—видно, голодный шатунъ, непопавшій въ берлогу осенью, сильно оголодалъ за зиму и искалъ подъ снѣгомъ прошлогодней ягоды.

— Бѣда на такого наткнуться, замѣтилъ Андрей коршику.

— Самъ на рогатину лѣзетъ.

— Это чудной звѣрь. Зимой онъ страху не знаетъ.

— А вонъ лиса прошла. Ишь какъ исписали снѣгъ-то.

— А что-жь такъ—въ одномъ мѣстѣ есть, въ другомъ нѣтъ?

— Лиса сударушка — умная барышня. Она идетъ-идетъ, а хвостомъ слѣдъ заметаетъ, оттого не вездѣ и увидишь его.

— На ночь заставку развѣ сдѣлать?

— Смотри, не промерзни въ саставкѣ-то.

— Чего такого? Малица ¹⁾ добрая.

— Что-же лисицу думаешь стрѣлить?

— А можетъ и лисицу, озабоченно проговорилъ Андрей, въ которомъ при видѣ звѣринныхъ тропокъ пробудились неудержимые инстинкты сѣвернаго охотника.

Зорька на западѣ гасла. Промышленники взосли на высокую гору, съ которой далеко видѣлись окрестности, озаренныя алымъ свѣтомъ отгоравшаго дня. Вершины холмовъ позади казались золотисто-розовыми массами, блиставшими металлическимъ свѣтомъ; то-же золотисто-розовое сіяніе вѣнцами ложилось надъ чернѣвшими впереди холмами, контуры которыхъ обрисовывались только рѣзче и темнѣе. Далеко-далеко, словно кѣмъ-то брошенный щитъ, горѣло мѣднымъ блескомъ ледяное озеро, а еще дальше кроваво-красное садилось солнце, отбрасывая столбы багроваго свѣта, словно сіяніе надъ вѣнцомъ невидимаго божества, уносящаго съ собою отъ міра въ таинственныя бездны безконечности и свѣтъ, и жизнь, и краски, и звуки. По мѣрѣ того, какъ опускалось солнце, гасли окрестности безлюдной пустыни. Вотъ мѣдный щитъ озера подернулся мгlistою дымкою и тускнеть, мало-по-малу сливаясь съ си-

¹⁾ Малица—мѣховая длинная рубаха съ рукавами, шерстью внутрь. Верхъ ея иногда кроютъ ситцемъ.

зыми тонами окружавшихъ его склоновъ. Вотъ вершины ближайшихъ холмовъ погасили свои костры и только на нѣкоторыхъ тлѣютъ еще уголья подъ сѣрою золою. Вотъ и розовое сіяніе поблекло, стало золотистымъ, желтоватымъ, палевнымъ; вотъ оно чуть-чуть отбѣняетъ абрисы возвышенныхъ предгорій... Наконецъ, потухло и ихъ контуры слились со всею окрестностью; только, словно маякъ подступающей ночи, остроконечная вершина самой высокой вараки ¹⁾ бросаетъ кругомъ цѣлые снопы яркаго пламени. Но вотъ и конусъ вараки словно дрогнулъ, и какъ охлаждающаяся масса расплавленнаго металла, сталъ подергиваться сѣрою землистою тѣнью. Скоро вся пустыня окрестъ промышленниковъ погрузилась въ синеватые сумерки и только на западѣ чуть-чуть желтѣло тонкое, въ одну ровную нить вытянувшееся облачко.

Робко обрисовался блѣдный мѣсяцъ. Кое-гдѣ мигнули звѣзды. Одна, другая, третья. На востокѣ легла темная, сырая полоса, словно оттуда, вслѣдъ за отгорѣвшимъ свѣтомъ, поплыло, влубясь и раскидывая свои студенистые члены, какое-то фантастическое чудовище, захватывая холмы и озера, лѣса и долины, и оставляя за собой однообразный мракъ, въ которомъ скоро пропали и ближайшія скалы, еще недавно высившіяся передъ артелью. Синяя ночь скоро стала черною, и когда странники едва добрались до избы на опушкѣ лѣса, въ сѣверо-восточной сторонѣ чуть-чуть обрисовывалась уже хорда полярнаго сіянія.

— Братцы, кто поможетъ заставку строить?

— Андрей, аль ты ошалѣлъ?

— Лисья много тутъ; шодчи слѣдовъ этихъ запригвѣтилъ я до пропасти.

— А медвѣдь?

— А для медвѣдя у насъ тоже есть гостинецъ. Рогатину съ собой-то я взялъ.

— Бери ружье мое.

— Ладно; изъ Корелы, должно быть?

— Оно самое. Эта Корела, братъ, мудрая. Она желѣзо у себя изъ болота роетъ и сколько у нихъ ножей да цволовъ ружейныхъ дѣлается—стрась. Все въ продажу идетъ. Братъ у ижем-

¹⁾ Варака — крутая гора.

цевъ, за Печорой, былъ, такъ говоритъ, что и у нихъ корельскіе цволы да ножи въ чести.

Андрей вышелъ, вырубилъ нѣсколько жердей, поставилъ ихъ конусомъ, имѣвшимъ въ основаніи окружность, усѣченную въ одномъ мѣстѣ, и связалъ ихъ верхушки. Этотъ скелетъ заставки онъ переплелъ жердями и сдѣлалъ нѣчто похожее на чумъ или вѣжу съ одною перпендикулярной стѣной, противъ вѣтра, гдѣ было оставлено узкое отверстіе. Клытушку кругомъ завалили снѣгомъ, придававшимъ ей форму сугроба. Только пока оставлена была внизу маленькая лазейка. Андрей отдохнулъ въ избѣ, поѣлъ что попало подъ-руку, пошомъ, изорвавъ въ клочья сырую треску, разбросалъ ее на снѣгу противъ окошка заставки, влѣзъ въ сугробъ, взялъ туда съ собою ружье, порохъ да рогатину и засѣлъ, ожидая звѣря. Лазейку, разумѣется, сейчасъ-же завалили. Изъ избы еще слышались шумъ и смѣхъ товарищей. Наконецъ, все затихло и только свѣтъ тусклаго ночника, гдѣ въ перпичьемъ жиру горѣлъ самодѣльный фитиль, изъ окна ложился желтоватымъ пятномъ на снѣговую полость лѣсной опушки. Это пятно только и видно было Андрею изъ его дыры. Оно колебалось, двигалось туда и сюда и вовсе пропадало, когда вѣтеръ врывался въ полое окно избы и почти тушилъ огонекъ. Глаза у охотника слипались, но онъ перемогалъ сонъ и сбросилъ даже малицу, въ которой становилось до-нельзя жарко.

Скоро онъ встрепенулся. Издали послышался вой, похожій на собачій, такое-же тавканіе, только болѣе дикое и хриплое. Точно въ отвѣтъ ему, въ избѣ залаяли собаки и въ воздухъ повисла ругань нечаянно пробужденныхъ промышленниковъ.

— Волки анафемскіе! мелькнуло въ головѣ Андрея.

Вой послышался опять, только дальше и глуше, и словно жалобнѣе.

— Голодная стервы! провожалъ ихъ охотникъ и успокоился, наконецъ, среди всеобщей тишины. Онъ уже задумывался о Настѣ, о звѣздахъ, сіявшихъ въ вышинѣ, о трудномъ пути, о своемъ совикѣ, короче обо всемъ, что неуловимо вертится въ головѣ человека, томящагося въ долгомъ и скучномъ ожиданіи, какъ вдругъ едва слышныи порохъ поразилъ его. Онъ внимательно взглянулъ въ отверстіе сугроба и проскрипѣлъ зубами отъ злости. Волги, какъ оказалось, ушли не всѣ. Нѣсколько свѣтлыхъ точекъ

желтовато-зеленымъ огнемъ горѣли парами въ чащѣ деревь, окружавшихъ опушку. Слышалось какое-то шуршаніе, когда огоньки передвигались съ одного мѣста на другое. Но и собаки въ избѣ не дремали. Шумъ-ли разбудилъ или удивительное чутье близости врага взбудоражило ихъ, только сначала прозвучало въ тишинѣ тьяканье, словно спросонковъ, еще и еще. Вотъ одна собака завывала и за ней поднялось такое оглушительное попури собачьихъ голосовъ, что волки имѣли полную возможность заключить о многочисленности артели и струсили. Огоньки подались назадъ и стали пропадать, одна пара за другою. Только два упрямые глаза свѣтились еще тамъ, да и тѣ погасли, когда двое или трое разбуженныхъ промышленниковъ вышли изъ избы съ громкою бранью и въ бессильной злобѣ погрозили кулакомъ темной полосѣ лѣса. Скоро все успокоилось и Андрей отъ нечего дѣлать сталъ слѣдить за желтымъ пятномъ на снѣгу. Долго, больше часу просидѣлъ онъ въ полудремотѣ, когда пятно стало блѣднѣть, блѣднѣть, и, наконецъ, совсѣмъ слилось совершенно просвѣтлѣвшимъ снѣгомъ. Охотникъ взглянулъ наверхъ — оказалось, что сполохъ разгорѣлся на диво. Ему въ это узкое отверстіе была видна небольшая часть неба, но и на немъ видѣлъ онъ, какъ быстро передвигались свѣтло-голубые столбы, то распадаясь на цѣлыя снопы багровѣвшихъ лучей, то смыкаясь въ крутыя дуги или стремясь къ верху узкими каналами, по которымъ точно лилась туда свѣтоносная жидкость. Иногда пропадали и снопы, и столбы, блекли разсѣянные пучки свѣта и только большія тускло мерцавшія пятна колебались на черной полосѣ неба, замирали на минуту и раскидывались мириадами лучей, образовывавшихъ словно сіяніе вѣнца надъ центромъ таинственныхъ скопленій полярнаго свѣта. Затѣмъ лучи опять сливались, отбрасывали взаимно другъ друга, распались на отдѣльные пучки и гасли въ пространствѣ. Явленіе это было привычно сѣверному охотнику и онъ почти не обращалъ вниманія на него, думая о далекой деревнѣ, гдѣ ждала его красавица Настя да подъ убогой, ископченной кровлей его избенки каждый день молилась за него старуха мать, низко кладя земные поклоны передъ чернымъ кіотомъ. Зажмуривая глаза, онъ видѣлъ и трепетное сіяніе лампы передъ образами, дробившееся на ихъ мѣдныхъ окладахъ, и сѣдую голову молившейся, тускло глядящую почти слѣпыми глазами на суровые лики старыхъ

иконѣ. Онъ видѣлъ и сухую, покрытую мелкими морщинами руку, медленно подымавшуюся и еще медленнѣе опускавшуюся, творя крестное знаменіе. И какъ-то теплѣе стало ему отъ этихъ воспоминаній. Онъ открылъ глаза, тревожно оглянулъ окрестность и снова сталъ грезить. Вотъ передъ нимъ сидитъ его бѣлая чайка Настя. Онъ лукаво улыбнулся. „Знала-бы ты, какъ я ноне съ Матреной въ Софроновскомъ выселкѣ прохладился—изцарапала-бы мнѣ рожу!“ Сладкая истома охватила его. „Дай вернуться только!“ чуть слышно проговорилъ онъ и насторожилъ ухо. Издали доносился какой-то жѣрный шорохъ, словно отъ чьихъ-то тяжелыхъ лапъ, глубоко уходившихъ въ рыхлый снѣгъ. Андрей еще прислушался и замеръ. Теперь уже доходили не одни звуки тихо переступавшихъ лапъ, но и шарканье какого-то большого тѣла о вѣтви еловой чащи. Вотъ вмѣстѣ съ шорохомъ слышно, какъ одна, должно быть большая, вѣтвь выгнулась и съ легкимъ свистомъ, осыпая снѣгъ, приняла снова прежнее положеніе. Вотъ тѣло должно быть наткнулось на невысокую елку и на всѣхъ ея вѣткахъ столкнулись, разбились и попадали внизъ едва державшіяся ледяныя сосульки. Вотъ какая-то тѣнь заняла все свѣтлое пространство передъ отверстіемъ его снѣгового улья.

„Медвѣдь!.. Береги теперь, Андрей, свою шкуру.—И тихо онъ поставилъ свою рогатину, взявъ ружье.—Дробью заряжено... вспомнилъ онъ.—Бѣда... Ну, да Богъ милостивъ, ошпарю. Опослѣ рогатиной... пронеслось въ его головѣ.—Блудень, должно быть, голоднящій...“

Вотъ на снѣгу обрисовалось что-то черное и круглое. „Башка“, вѣрно, подумалъ охотникъ. Блудливо протянулась впередъ и снова отодвинулась назадъ мохнатая толстая лапа. Звѣрь чуялъ приманку, да боялся, повидимому, засады. Еще разъ онъ выдвинулъ пытливо голову и понюхалъ воздухъ—треска пахла соблазнительно и, должно быть, голоднаго мишку затошнило. Но въ это время въ избѣ трусливо и робко затыкали почувшія его собаки, и звѣрь застылъ въ одномъ выраженіи вниманія и осторожности. Носъ его остался такъ-же вытянутымъ, только уши слегка вздрагивали да шерсть передергивалась на спинѣ, точно всю его шкуру сводило судорогой. Наконецъ, онъ медленно опустился въ снѣгъ на вытянутыя лапы, далеко выдвинувъ между ними голову и лежа сталъ глядѣть то въ окно избы, то на рыбу. Повидимому, онъ

сообразжалъ, стояла-ли игра свѣтъ, но пустой желудокъ пересилилъ инстинктъ самосохраненія и онъ рѣшительно поднялся на переднія лапы. Въ этомъ положеніи онъ пробылъ нѣсколько минутъ. Тявканье собакъ продолжалось; такое-же осторожное, робкое, изменное. Какая разница съ тѣмъ, когда они почуяли волка! Андрей не выпускалъ изъ виду звѣря. По шороху въ избѣ онъ уже зналъ, что промышленникамъ извѣстно, съ какими именно соседомъ они имѣютъ дѣло. Наконецъ, медвѣдь поднялся на заднія лапы и пошелъ впередъ. Онъ обнюхалъ треску, сталъ надъ нею и съ видомъ философа, размышляющаго о преходящей славѣ міра сего, покачалъ головою, мѣрно какъ маятникъ. Потомъ, не дотрогиваясь до приманки, пошелъ къ избѣ и у ея окна зажалъ хвостъ между задними лапами, постоялъ-постоялъ и припалъ къ землѣ.

„Трусить, шельма. Вотъ-бы ошпарить! думалъ Андрей. — Погоди, сволочь, я тебѣ, чорту мохнатуму проковыряю бока!“ мысленно ругался онъ на мишку, уже успокоившагося и поднимавшагося снова.

Тутъ Андрей пересталъ видѣть звѣря. Послѣдній вышелъ изъ предѣловъ того снѣгового пространства, которое позволяло рассмотреть отверстие снѣгового чума. Но по шороху, по звукамъ, доносившимся до него, охотникъ сообразилъ, что медвѣдь трется, по своему обыкновенію, объ углы избышки, которая послѣ каждого движенія мохнатой массы поскрипывала, обнаруживая опасную ветхость сруба. Потомъ Андрею почудилось, словно что-то царапаетъ бревна. Онъ вообразилъ, что медвѣдь всталъ на заднія лапы и обдираетъ стѣны лѣсной хижины.

— Экой чортъ! ругался Андрей. Собаки тявкали мелко, рассыпчатою дробью. Онъ представлялъ себѣ, какъ они лаютъ, сбившись въ кучу, поджавъ хвосты, задравши носы кверху и поворачиваясь въ тѣ стороны, куда переходилъ медвѣдь, какъ торчкомъ встали ихъ уши и какая дрожь прохватываетъ маленькихъ несчастныхъ псовъ, употребляемыхъ промышленниками для охоты. Наконецъ, медвѣдь, повидимому, убѣдился, что избы ему не снести и глухо зарычалъ отъ злости, прямо въ окно ея, какъ рассказывали на утро поморы.

— Всадилъ это носъ въ оконницу да и нюхаетъ. Только Иванъ не будь глухъ, какъ хлобыснетъ его полѣномъ въ носъ-отъ самый,

шалѣлому дураку, — звѣрина и понялась, да опять на заднія лапы и давай ломать.

— Не любить.

— Еще-бъ, по носу-то любить. Простудить носъ отъ полѣна-то.

Но тутъ уже звѣрь вступилъ въ кругъ зрѣнія Андрея. Охотникъ съ досадою смотрѣлъ, какъ неуклюжій хищникъ подбиралъ его рыбу. Заморивъ червячка, медвѣдь обнюхалъ землю и только теперь замѣтилъ странную черную дыру въ торчавшемъ передъ нимъ снѣжномъ сугробѣ. Вѣтеръ былъ отъ медвѣдя и къ Андрею доносился специфическій, горячій запахъ медвѣжьей пасти. Дышать становилось тяжело. Онъ взялъ въ руки ружье и неслышимо положилъ его на окраину дыры. Медвѣдь подходилъ ближе.

Только теперь пришло въ голову Андрею, что звѣрь можетъ, зайдя со стороны, просто навалиться на сугробъ и разомъ снести его, сваливъ вмѣстѣ съ жердями и самого охотника. Только въ эти минуты охотнику сталъ понятенъ весь ужасъ его положенія. Гибель была неизбежна, если медвѣдь останется вѣрнъ себѣ и подойдетъ не прямо къ дырѣ, а сбоку. Онъ уже видѣлъ, какъ звѣрь пробовалъ свалить избу, и замеръ. Мужество не могло помочь въ такую минуту. Оставалось надѣяться на случай. Андрей самъ попалъ въ западню. Въ эту роковую минуту съ удивительною отчетностью еще разъ мелькнула передъ его *открытыми* глазами, словно въявь, какъ дѣйствительность, молящаяся фигура его матери, съ лицомъ, орошеннымъ слезами, медленно выступавшими изъ подслѣповатыхъ глазъ, съ рукою, сложившеюся для креста и закинутаю уже на лобъ, съ клочкомъ сѣдыхъ волосъ, выбившимся изъ-подъ чернаго платка, плотно охватывавшаго ея маленькую голову.

— Господи благослови! мысленно помолился онъ.

Потомъ это видѣніе заволокло какою-то черною тѣнью и Андрей разомъ понялъ, что онъ спасенъ. Звѣрь подымался прямо передъ дырою его чума. Медвѣдь, вѣроятно, соображалъ, что здѣсь хранятся припасы и добыча промышленниковъ, что ему не разъ и случалось видѣть у бродячихъ охотниковъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоило только вдвинуть носъ въ дыру. За вѣтромъ

другого средства не оставалось, но только-что онъ попробовалъ исполнить свое намѣреніе, какъ раздался оглушительный выстрѣлъ, морду звѣря ошпарило и самого его отбросило назадъ. Миника до того былъ пораженъ, что въ первую минуту даже и не почувствовалъ, что въ его головѣ сидитъ цѣлый зарядъ дроби, а только смѣшно поглаживалъ морду лапой.

Эхъ, нужно было-бы разомъ на рогатину принять и Андрей выставилъ ея остріе прямо въ отверстіе, передъ которымъ съ грознымъ ревомъ уже поднимался разъяренный звѣрь съ облитомъ кровью мордой, обдавая покрученника цѣлыми клубами горячаго и сираднаго дыханія. Андрей только и помнилъ, какъ онъ уперся въ откосъ жерди, какъ на него навалилось что-то тяжелое, какъ остріе рогатины вошло въ какую-то мякоть, какъ прямо въ лицо ему брызнула какая-то жидкость—и затѣмъ все смѣшалось въ его глазахъ. Выбѣжавъ въ эту минуту, промышленники увидѣли, какъ разомъ рухнулъ сугробъ, какъ въ другую сторону свалилось почти безжизненное тѣло раненаго на смерть звѣря съ кускомъ обломанной рогатины въ груди. Въ первое время они бросали въ него полѣнья и камни, но масса, тяжело хрипѣвшая сначала, дрогнула еще разъ и стала недвижимой. Въ одну минуту разметали снѣгъ, сняли сплюсненную кѣтку, въ которой лежалъ Андрей. Ярво-голубая полоса сѣвернаго сіянія взвилась до самаго зенита и озарила сцену недавней борьбы своимъ фантастическимъ, колебавшимся свѣтомъ.

— Братцы, померь! крикнулъ коршикъ, увидя облитое кровью лицо охотника, бессильно вытянувшася передъ нимъ.

— Эхъ Андрюша, Андрюша! загубилъ ты себя!.. простоналъ кто-то.

Сейчасъ-же снѣгомъ стали оттирать его голову и, къ радости промышленниковъ, оказалось, что на ней не было ни одной раны. Онъ просто былъ оглушенъ и немного помать. Скоро Андрей очнулся и, только-что всталъ, самъ-же распорядился отогнать отъ убитаго звѣря собакъ, заперъ ихъ въ избѣ и тогда уже легъ спать.

А ночь вся горѣла и свѣтилась таинственнымъ полярнымъ сіяніемъ, въ блескѣ котораго тускла луна и пропадали звѣзды; быстро перебѣгающее сіяніе бродящихъ столбовъ и внезапно вспыхивавшихъ на сѣверѣ факеловъ вырывали порою изъ тьмы ело-

ваго дѣса небольшую опушку съ черною массою недвижнаго звѣря и ветхимъ бревенчатимъ срубомъ, изъ котораго слышалось тревожное тавканье собакъ да жѣрный храпъ промышленниковъ.

Сѣверный вѣтеръ рвется, свищетъ и стонетъ на снѣговой равнинѣ, то разметывая старыя,—то набрасывая новыя сугробы. Съ далекаго полюса несетъ онъ мертвящій морозъ, смерть всему живому. Онъ разогналъ утреннiе туманы и тамъ, гдѣ еще вчера таяли льды и снѣга, гдѣ вѣяла мягкая и бодрящая весна, снова воцарилась зима, всевластно и нераздѣльно. Бѣда тому, кого застанетъ эта погода посреди безлюдной степи. Читай свои молитвы и ложись ничкомъ на мерзлую массу разомъ окрѣпнувшаго снѣга. Теперь тебя не спасетъ ничто.

Въ пустынѣ чернѣетъ толпа остановившихся промышленниковъ. Тутъ-же сбились въ кучу и олени. На нартахъ лежатъ больные, почти оконченнѣе отъ холоду. Покрученники раздумываютъ, куда-бы имъ уйти отъ этой пурги, насвистывавшей имъ пѣсни смерти на каждомъ шагу труднаго, неодолимаго пути.

— Такъ-то, братцы! Полунощникъ прямо въ лицо дуетъ. Съ нимъ далеко не уйдешь.

— Извѣстно. Вонъ у троихъ и малецъ-то нѣтъ. Не взяли.

— Мы думали, Господь весеннюю погоду дастъ.

— Да вотъ не даль; за грѣхи не даль.

— Отъ избы мы верстъ семь отошли, до ночлега еще пятнадцать осталось, да и то супротивъ вѣтра.

— Бѣда, одно слово.

— Трофимовъ да Падурниковъ помрутъ, указалъ одинъ на больныхъ.

— Назадъ ворочать надо! рѣшилъ коршикъ, долго вглядывавшiйся на сѣверъ, гдѣ вдоль всего горизонта лежала темносиняя полоса—вѣрный признакъ близкаго мороза.

— Да и совики застыли. Ишь, словно дерево, какъ ихъ послѣ мокроты-то холодомъ прихватило.

— Уноси, братцы, ноги назадъ въ избу. Переждемъ.

— Ладно-бы.

И партiя повернула обратно. Путь былъ страшный. Въ догонку за ними рвался, словно съ цѣпи, вѣтеръ, засыпая путниковъ снѣгомъ, ледящею струею забираясь подъ затвердѣлыя,

никого уже негрѣвша, шубы. Тамъ онъ сваливалъ промышленника съ ногъ, здѣсь швырялъ зуйку въ сугробъ рыхлой ледяной пыли и жалобно стоналъ имъ въ уши, словно впередъ оплакивая погибшихъ. Напрасны были ихъ старанія укрыться куда-нибудь отъ этого страшнаго визга: онъ былъ вездѣ и всюду; врагъ безжалостно преслѣдовалъ несчастныхъ, имѣвшихъ дерзость дышать и двигаться въ его мертвящемъ присутствіи. Иногда онъ ослабѣвалъ, и только-что артель останавливалась, переводила духъ, оттирала отмороженные члены, какъ вдругъ налеталъ новый порывъ полярнаго вихря и покрученники, валясь лицомъ въ землю, съ ужасомъ молились соловецкимъ угодникамъ, призывая ихъ помощь посреди этого простора, гдѣ они чувствовали себя затерянными и беззащитными передъ стихійною силой. Въ ихъ жилахъ ледѣла кровь, ноги останавливались на ходу, руки болѣли въ сочлененіяхъ. Забираясь стороною, вѣтеръ иглами кололъ, ножами рѣзалъ ихъ лица, черепа несчастныхъ точно трещали, когда, при поворотахъ дороги, масса ледяной пыли была имъ прямо въ лобъ и глаза, залѣпляла рты, раскрывавшіеся для дыханія, и сквозъ малѣйшія скважины пробиралась внутрь, поближе къ охолодѣвшему тѣлу. Вся водка была выпита еще на половинѣ дороги. Каждый поглощалъ ея громадное количество, но вовсе не чувствовалъ опьяненія. Желудокъ согрѣвался, кровь разливала тепло по жиламъ, но уже спустя минуту острое чувство холода, начиная отъ конечностей, пробиралось все дальше и дальше, прямо къ сердцу, приостанавливая дыханіе и убивая бодрость несчастныхъ. Олени были видны только первое время. Потомъ они скрылись на горизонтѣ вовсе, мча больныхъ промышленниковъ на мѣсто стараго почлега. За партіей были порою голодные волки, невыпусавшіе изъ виду людей. Оборачиваясь, промышленники видѣли ихъ черныя точки, неотступно слѣдовавшія за ними. Точки были разсыяны. Они то собирались въ сплошное стадо, то рассыпались по сторонамъ, стараясь забѣгать впередъ. Вотъ одинъ посмѣлѣе, поджавъ хвостъ и чутко вытянувъ морду, бѣжитъ въ пятидесяти шагахъ отъ артели. Андрей попробовалъ-было взяться за ружье, но заходѣвшая сталь обожгла ему руку. Такъ шли часа два, когда, наконецъ, одинъ изъ нихъ упалъ на землю и въ отчаяніи просилъ товарищей добить его, чтобы не живьемъ достаться вод-

камъ. Ноги упавшаго оказались отмороженными. Артель скучилась. Вой волчьей оравы сталъ слышнѣе и провозительнѣе; она словно торжествовала близкую побѣду надъ слабостью человѣка.

— Что, братцы, дѣлать? Оттирать снѣгомъ?

— Гдѣ на холоду такомъ! Промерзнемъ сами.

— Голубчики, хрипло умоляя несчастный, — пришибите вы меня. Куда ужъ со мной возмѣться!

— Вали въ мои санки. Устану — другіе подмогутъ, предложилъ Андрей.

— Молчи, Степанъ, всего и дороги-то полчаса будетъ...

Ноги ему обернули въ сани¹⁾ и потащили. Черныя точки показались впереди, обойдя партію стороною. Собаки скучились тѣснѣе.

— Ну, какъ задерутъ оленей да *тыль*?

— Господь милосливъ.

— Съ ними Иванъ, а у него ружейцо знатное.

Черезъ полчаса, дѣйствительно, показались еловые поросли и скоро оконченнѣе промышленники уже подходили къ избѣ. На встрѣчу имъ вышелъ Иванъ.

— Что, тебя волки не заѣли?

— Ну, и подлыне-же; едва ноги унесъ. То-есть чуть не сожрали. Такъ въ нарту лѣзомъ и лѣзутъ.

— Ты-бы ихъ стрѣлялъ.

— Ничего не подѣлаешь. Одинъ меня зубами за полу малицы ухватилъ, я его по лбу прикладомъ и опарашилъ. Такъ и хряснулъ лобъ-отъ. Поди мертваго встрѣли?

— Въ сторонкѣ волки кучкой драли какую-то падаля.

— Ну, это они свою. А вотъ что, братцы — (голосъ рассказчика дрогнулъ), — ройте могилку да хрестъ рубите.

— Кто? коротко спросила артель.

— Падурниковъ отхѳодить.

— Эко парень! Сила ловецъ былъ. Жена-то молодая съ дѣтьми малыши — хоть на улицу. У малаго ни кола, ни двора.

— Бѣдовое дѣло!

Тускло и чадно горѣлъ ночникъ, видая блѣдный, перебѣгаю-

1) *Сани* — то-же, что и малицы, только мѣхомъ наружу.

щій свѣтъ на темныя, сырыя стѣны бревенчатого сруба. Отъ фитиля подымалась къ потолку тонкая струйка черного дыма. Порой фитиль вспыхивалъ ярче, озаряя желтыя страдальческія лица трехъ недужныхъ, едва прикрытыхъ оленьими шкурами. Въ воздухѣ стояли облака отъ невыносимо чадной печи. Міазмы наполняли все. Тутъ и испаренія тифознаго больного, и запахъ гниющей раны, и тяжелое дыханіе умирающаго, и кислая вонь оленьихъ мѣховъ, отходившихъ въ теплѣ отъ окостѣвившаго ихъ мороза. Здѣсь-то, на грязной лавкѣ, кончался одинъ изъ больныхъ. Блѣдное лицо съ темными отъ подкожнаго гніенія пятнами, исхудалыя черты заострились, рѣдкая темная борода дѣлала еще болѣе замѣтными выступы костей, едва покрытыхъ кожей. Подъ глазами легли синія полукружія, вѣки слегка приподняты и изъ-подъ нихъ глядитъ почти мертвый, тусклый взглядъ мутныхъ, безжизненныхъ глазъ. Заживо разлагающійся трупъ порою храпитъ и стонетъ. На почернѣвшихъ губахъ его проступаютъ капли крови, когда страшно впала, съ рѣзко обрисованными ребрами грудь подымается и опускается отъ неяснаго, словно елокочущаго внутри, кашля. „Воды, воды“! шепчутъ почернѣвшія губы. Пламя мучительной агоніи палитъ всю внутренность страдальца. Онъ корчится, стараясь подняться, но высохшія руки безсильно падаютъ отъ натуги. Стоны его порою переходятъ въ бредъ...

Долго онъ метался и бредилъ. То онъ съ ужасомъ вперялъ куда-то неподвижный взглядъ, широко раскрывая воспаленныя очи, то съ счастливою улыбкою пѣлъ дѣтскую пѣсню и гладилъ во-очію представлявшіяся ему въ срядномъ мракѣ развѣлочной избы бѣлыя головки его малютокъ.

Промышленники молча окружали его. Не слышно было ни одного слова, только тавканье и возня собакъ нарушали порою эту зловѣщую тишину, да въ окна слышались удары топора въ мерзлую землю.

Тамъ рыли яму.

— Гдѣ-то ваши глазныки свѣтлые?.. Ой, все нутро горитъ... темно... дѣточки... дѣти!..

И судорожно вздрогнувъ, на грязномъ потникѣ вытянулся несчастный. Онъ неподвиженъ. Подъ космами прилипшихъ ко лбу волосъ въ одномъ выраженіи смертельной муки застыли открытыя

очи. На лицѣ, словно отвѣтъ погасающаго луча, дрожить послѣдній порывъ жизни... Тише и тише... слабѣе и слабѣе...

. Спокойно сложились губы... разгладились морщины.

Все лицо его разомъ приняло земляной оттѣнокъ.

— Прахъ ты есть—прахомъ въ землю и отъидешь.

Не приведется тебѣ больше ласкать своихъ малютокъ; кое-какъ, какъ елки въ полѣ, выростутъ они на горегорькомъ чужомъ хлѣбѣ безпріютными бобылями! Посѣдѣетъ и опустится ихъ мать и никто, никто изъ дорогихъ твоему сердцу людей не будетъ даже знать, гдѣ хоронится твоя, завѣянная снѣгами, могила...

Отгорѣла еще одна жизнь.

На другой день рано утромъ, когда повсюду еще лежалъ густыми массами туманъ, промышленники безмолвно толпились вокругъ готовой могилы. Въ наскоро-сколоченномъ гробѣ они опустили туда своего товарища. Старикъ-коршикъ читалъ молитвы, какія зналъ, и бросилъ первый комъ промерзлой земли. Стукъ ея о крышу гроба заставилъ вздрогнуть и потупиться остальныхъ. Та-же судьба, быть можетъ, и ихъ ожидала, и каждый съ трепетомъ ужаса глядѣлъ въ зіяющую пасть могилы.

Комья посыпались чаще. Вотъ только съвозъ узкіе просвѣты видна, едва-едва, бѣлая доска, подъ которою недвижно чернѣетъ мертвое лицо съ опущенными вѣками и прилипшими ко лбу волосами. Вотъ и этихъ просвѣтовъ не стало видно. Вотъ въ могилу опустили основаніе высокаго креста. Яма сплошь наполнилась землею. Привалили еще камней и заровняли ихъ снѣгомъ.

У всѣхъ на глазахъ были слезы; чье сердце могло остаться равнодушнымъ, хороня своего товарища посреди безлюдной пустыни, далеко отъ семьи, безъ священника, безъ всего, чѣмъ крѣпка могила, чѣмъ спокоенъ сонъ мертвыхъ.

— Ахъ, Степа, Степа! не удалось и рыбки половить вмѣстѣхъ! грустно проговорилъ коршикъ.

— Какъ Марья спроситъ о немъ—тяжко отвѣчать придется.

— Божья воля!

И всѣ, потупясь, пошли отъ могилы, освѣненной изъ простою, искреннею молитвой, орошенной ихъ дружескими слезами. Словно удовлетвовавшись одною жертвою, полунощникъ стихъ и снова мокрая, талая весна вступила въ свои права. Уходя въ дорогу,

покрученники долго еще оглядывались назадъ, гдѣ на бѣломъ фонѣ рыхлаго снѣгового простора смутно темнѣлъ въ сѣрой массѣ тумана высокій крестъ свѣжей могилы. Взойдя на холмъ, откуда въ послѣдній разъ было видно это мѣсто, они постояли здѣсь съ минуту, сняли шапки, перекрестились и, глубоко вздохнувъ, отправились въ ту-же безлюдную снѣговую пустыню, откуда согнало ихъ вчера леденящее дыханіе сѣвернаго полюса.

В. Славянской.

(Продолженіе будетъ.)

АКЪ-ТОМАКЪ ¹⁾.

(ОЧЕРКЪ ПРАВОВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.)

I.

Уже начало темнѣть, когда я подъѣзжалъ къ Ашикъ-Ата.

Несмотря на острые шипы подковъ, моя лошадь скользила по глинистой, размокшей отъ дождя тропинкѣ, и я съ трудомъ и даже съ нѣкоторою опасностью спустился на дно оврага и сталъ перебираться въ бродъ черезъ гнѣнистый, мутный потокъ разбушевавшагося отъ избытка воды арька. Зыбкій мостъ давно уже былъ снесенъ водою и только кое-гдѣ торчали его покосившіеся колья, уцѣлѣвшіе отъ напора.

Сѣрый, влажный туманъ закрывалъ самую деревню, лѣпившуюся не болѣе какъ въ трехъ стахъ шагахъ отъ дороги, по крутому обрыву заравшанскаго берега. Правѣе чуть видѣлся севозъ туманъ круглый, тяжелый вуполь гробницы самого святого Ашикъ-Ата, отъ имени котораго получило названіе все урочище. Лѣвѣе, почти у самой дороги, тянулись группы пустыхъ сакель и полу-разрушенные навѣсы; здѣсь, одинъ разъ въ недѣлю, собирается нѣчто въ родѣ маленькой ярмарки.

Въ самой деревнѣ почти не было жителей; она и прежде считалась одной изъ самыхъ малолюдныхъ, а военныя событія разогнали и остатки небольшого населенія.

Тамъ было тихо; только какая-то забытая собака хрипло ла-

¹⁾ Бѣлая шея—женское имя.

яла на туманъ, вѣроятно, почувъ сквозъ свистъ и вой осенняго вѣтра топотъ моей лошади.

Я уже выбрался изъ ущелья и почти поровнялся съ жидкою группою деревьевъ, давно уже потерявшихъ свою листву, какъ мой „карабаиръ“¹⁾ наострилъ уши и слегка заржалъ, повернувъ влево свою красивую голову... Чу!.. Я услышалъ тихое отвѣтное ржанье; оно несло изъ-за стѣны пустого дворика, примыкавшаго къ самымъ деревьямъ; въ то-же мгновеніе моего слуха коснулся задуманный стонъ и сдержанный быстрый говоръ нѣсколькихъ мужскихъ голосовъ.

— Что-бы это могло значить? подумалъ я, и тотчасъ-же чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла, такъ неожиданно шарахнулся въ сторону мой „Орликъ“.

Большой камень, видимо направленный въ меня, съ глухимъ стукомъ ударился объ стѣну, отскочилъ и покотился внизъ, подъ гору, разбрасывая жидкую грязь по дорогѣ.

— Вотъ оно что!.. Тутъ что-то не ладно! промелькнуло у меня въ головѣ.

Я успокоилъ лошадь, снялъ съ плечъ двухстволку и взвелъ курки.

— Эй, тамъ, тамыръ! чего сталъ? къ чорту! Твоя дорога прямо!.. услышалъ я обращенное ко мнѣ громкое воззваніе на грубомъ киргизскомъ языкѣ.

Я, по всей вѣроятности, и сдѣлалъ-бы такъ, какъ мнѣ совѣтовали. Я спѣшилъ, у меня была впереди серьезная цѣль, и вступать по дорогѣ въ схватки съ ночными бродягами, безъ крайней необходимости, мнѣ вовсе не приходило въ голову. Но въ ту-же секунду, едва только стихъ звукъ этой фразы, раздражающій душу женскій крикъ пронесся въ воздухѣ. Казалось, что женщина, испустившей этотъ отчаянный вопль, только-что удалось освободиться отъ чего-то, зажимающаго ей ротъ и стискивающаго горло.

Я рванулся впередъ. Атлетическая темная фигура загородила мнѣ дорогу и уцѣпилась за поводья. Горячій и чрезвычайно пу-

¹⁾ Мѣстная порода, помѣсь бровнаго аргамака и киргизской степной лошади.

гливый Орликъ почти вертикально поднялся на дыбы и обрушился на это живое препятствіе.

Въ два скачка очутился я посреди дворика; тупой ударъ, полученный мною вдоль спины, заставилъ меня пригнуться къ шеѣ лошади; почти одновременно какое-то острое оружіе съ болью врѣзалось мнѣ въ лѣвое бедро. Я слышалъ крики, громкую брань. Въ темнотѣ промелькнули передо мною еще двѣ темныя личности. Орликъ билъ задомъ и метался. Не цѣлясь, почти въ упоръ, я пустил зарядъ въ ближайшую ко мнѣ голову. Краснымъ свѣтомъ блеснуло зарево выстрѣла; я успѣлъ разсмотрѣть двѣ спины въ бурныхъ верблюжьихъ халатахъ, лѣзшія черезъ стѣну, а подлѣ самой лошади распростертое на землѣ тѣло.

Въ темномъ углу, подъ стѣною, стонала и ворочалась на охапкѣ соломы какая-то неопредѣленная масса. Я слѣзъ съ лошади и направился къ ней.

Въ страшной темнотѣ. ничего нельзя было разсмотрѣть. Я ощупью узналъ, что это была женщина. Руки у ней были связаны за спиною, одежда въ страшномъ безпорядкѣ. Я поднялъ несчастную, подхвативъ ее подъ мышки, и перетащилъ на середину двора, гдѣ все-таки было немного свѣтлѣе.

Она плакала и вмѣстѣ бранилась. Я слышалъ слова:

— Разбойники, бѣшеные волки!.. воры проклятые!.. Оставьте, пустите меня!..

Я развязалъ ее и поставилъ на ноги.

Я не спрашивалъ ее, это было-бы и лишнимъ и совершенно бесполезнымъ.

Она дрожала, какъ въ лихорадеѣ, и, едва только я успѣлъ распутать концы связывающаго ей руки кушака, схватилась за меня такъ крѣпко, что я съ трудомъ отцѣпилъ отъ своей бурки ея тонкіе пальцы.

Я далъ ей немного отдохнуть, перевести духъ и успокоиться, а самъ сталъ внимательно прислушиваться.

Все было тихо; только слышалось хныканье и слезливыя жалобы бѣдной женщины да тревожное пофыркиваніе Орлика. Бурные халаты, очевидно, бѣжали.

Я оправилъ сѣдло и взялъ ее за руку.

— Поѣдемъ! сказалъ я ей.

Она ничего не отвѣчала, только шагнула по направленію къ моей лошади.

Я сѣлъ на Орлика и, подставивъ ей лѣвое стремя, приподнял ее за поясъ; она, какъ кошка, ловко вскарабкалась на крупъ коня и усѣлась тамъ, обвивъ меня за талію руками.

Мы выбрались на дорогу и поскакали. Звонко шлепали по грязи копыты коня. Дождь зачастилъ; стало очень холодно. Я освободилъ поводья; привычная лошадь сама разбирала дорогу.

— Тира!.. раздался голосъ моей спутницы.— Не гони такъ, мнѣ больно!..

Я перевелъ коня на мѣрный галопъ. Азіятскія лошади отлично ходятъ этимъ покойнымъ, мѣрнымъ аллюромъ.

— Ахъ, какъ они меня измучили... говорила она.— Вору голодные!.. разб... Ахъ, какъ у меня бокъ болитъ!.. Вѣдь они били меня... сильно били... Подлые!

Она дрожала, зубы у ней стучали. Она плотно прижималась ко мнѣ. Одежда на ней была вся изорвана да къ тому-же промочена дождемъ. Я отстегнулъ ремни бурки, снялъ ее и перекинулъ ее на плечи моей спутницы.

— Я ѣхала въ Катта-Курганъ, продолжала жаловаться моя спутница.— Эти кайманы ¹⁾ догнали меня и ѣхали все время сзади; я думала, что они честные люди. Пока было свѣтло, они меня не трогали. Они говорили со мною и я говорила. Я имъ пѣсни пѣла. А потомъ... грабители... безбожники!..

И она снова заплакала, положивъ ко мнѣ на плечо свою голову.

Черезъ полчаса впереди севозъ туманъ замелькали неясные огни. Это была деревня „Кара-Су“, на полу-дорогѣ между Самаркандомъ и Катта-Курганомъ. Тамъ я располагалъ дать отдохнуть коню и самому немного оправиться и напиться чаю.

Ярко пылалъ и трещалъ костеръ, разложенный подъ просторнымъ навѣсомъ; при его сильномъ, хотя и колеблющемся свѣтѣ

¹⁾ Кочевники по карминской степи.

я разсмотрѣлъ эту женщину. Она была высокаго, почти мужского роста и сложена атлетически. Она была поразительно красива. Большіе глаза выглядывали изъ-за густыхъ черныхъ рѣсницъ, какъ изъ-за темной рамы, полукруглая, рѣзкоочерченная, словно нарисованная брови почти срослись надъ переносьемъ и придавали всему лицу какое-то странное, хищное выраженіе. Длинный, слегка горбатый носъ, чувственный ротъ съ задорно вздернутою верхнею губою, изъ-подъ которой сверкали бѣлыя широкіе зубы.

Голова у нея была перевязана краснымъ бумажнымъ платкомъ, концы котораго свѣшивались въ пол-спины сзади; одѣта она была въ красную-же длинную рубаху, всю вымокшую отъ дождя и разорванную отъ ворота чуть не до самаго низа. Смуглая, молодая грудь была обнажена и на ней чернѣли кровавые знаки. Сверху на плечи былъ накинута мужской полосатый халатъ, весь перепачканный въ грязи и тоже носившій на себѣ слѣды недавней, отчаянной борьбы.

Женщина сидѣла у самаго огня и выжимала воду изъ своей намокшей одежды. По временамъ она жадно прихлебывала горячей чай, налитый мною для нея въ большую зеленую чашку и сильно приправленный ромомъ изъ моей походной фляги. Ее сильно донимала лихорадочная дрожь, она ежилась, подставляла къ огню то спину, то плечи и, повидимому, никакъ не могла согрѣться.

Я уже успѣлъ оправиться и осмотрѣть свою рану; это былъ пустой, неглубокій разрѣзъ—должно быть ножъ скользнулъ по бедру, разорвавъ только верхніе покровы; но за то спина болѣла невыносимо. Я съ трудомъ могъ выпрямиться и это движеніе причиняло мнѣ жестокую, тупую боль. Меня таки-изрядно огорошили, и, по всему видно, простою пастушьею дубиною (батикомъ).

— Что, больно? спросила, замѣтивъ мою гримасу, незнакомка.

Голосъ ея звучалъ низкимъ контральто и какъ-то странно гортанно, издалека, словно говорившій находился у нея гдѣ-то за спиною, шагахъ въ трехъ. Ея губы при этомъ едва шевелились, пропуская эти оригинальные звуки.

— Нѣтъ, не очень! отвѣчалъ я, пристально ее разсматривая.

— Ну, какъ-же! улыбнулась она.— Дай мнѣ сюда твою водку. У тебя хорошая водка... какая она горячая!..

Я подаль ей флягу.

Она посмотрѣла на нее, посмотрѣла на меня и подлила къ себѣ въ чашку.

— Мнѣ холодно, произнесла она, словно оправдываясь, и передернула плечами.

— Отчего, продолжала она, — отчего у васъ, русскихъ, все лучше нашего? Вѣдь Богъ одинъ и у васъ, и у насъ, только онъ васъ не любитъ, потому что вы невѣрны... А все-таки у васъ лучше... Вѣдь васъ Богъ не любитъ... да? А можетъ быть, это все вздоръ? Можетъ быть, это все наши муллы выдумываютъ, а?

И она понизила голосъ почти до шепота и ближе придвинулась ко мнѣ, недовѣрчиво косясь на сосѣдній навѣсъ, гдѣ партія проѣзжихъ арбакшей усиленно трудилась около котла съ жирнымъ пловомъ.

— Конечно, это все ваши муллы выдумываютъ, подтвердилъ я.

— Вотъ и вы, русскіе, лучше нашихъ.

Она придвинулась ко мнѣ еще ближе, нагнулась, и по ея лицу промелькнула самая хитрая, кокетливая улыбка.

— Вы всѣ храбрѣе такіе, богатыри! продолжала она. — Вы ничего не боитесь, а наши трусы. Трое отъ одного побѣжали, а на бѣдную женщину такъ навинулись, словно волки. Ножъ у меня сорвали съ пояса, а то-бы я справилась.

И она при этихъ словахъ сдѣлала такое энергичное движеніе, что я нисколько не сомнѣвался въ этой возможности „справиться“.

— Зачѣмъ ты одна ѣдишь? спросилъ я.

— А съ кѣмъ я поѣду? У меня еще нѣтъ джигитовъ; я развѣ ханша какая!..

И она задумалась, а губы ея нѣсколько разъ прошептала: — „Ханша, важная ханша... ханша...“

— Какъ зовутъ тебя?

Она встrepенулась.

— Меня? А зачѣмъ тебѣ знать? Ну, хорошо, я скажу. Меня зовутъ Акъ-Томакъ. Ты развѣ не слыхалъ обо мнѣ?

И она пытливо поглядѣла мнѣ прямо въ лицо, и опять на лицѣ ея показалась знакомая улыбка.

Я отрицательно покачалъ головою.

— Ну, неправда! Это ты все врешь! Кто обо мнѣ не слышалъ? Обо мнѣ всѣ слышали!

И Акъ-Томакъ откинула свою голову, тряхнула косами и концами платка и что-то злое, нехорошее загорѣлось въ ея выразительныхъ глазахъ.

— Ну что, ты согрѣлась? спросилъ я.

Она не отвѣчала.

Мнѣ сильно хотѣлось спать. Я подложилъ подъ голову сѣдельную подушку, вытянулся подъ буркою и началъ дремать. Акъ-Томакъ я отдалъ свое байковое одѣяло, которое всегда возилъ съ собою, притороченное за сѣдломъ.

Спутница моя, казалось, не расположена была послѣдовать моему примѣру и все подбидывала въ огонь сухія вѣточки, не давая потухать веселому пламени; потомъ она встала, спустилась внизъ, подошла къ моему Орлику, привязанному у одного изъ столбовъ навѣса, погладила его и пошупала у него подъ потникомъ рукою (это обыкновенный способъ, какимъ узнаютъ, достаточно-ли остыла лошадь, чтобы подпустить ее къ корму). Вѣроятно, довольная результатомъ этого опыта, Акъ-Томакъ осмотрѣлась и пошла въ темный уголъ сарая; черезъ минуту она вышла оттуда, таща за собою тяжелый снопъ сухого клевера, растормошила его, положила часть подъ морду коня, а остальное аккуратно сложила около.

Потрепавъ ласково по шеѣ заржавшую лошадь, она снова вернулась къ огню и посмотрѣла на меня. Я притворился спящимъ; я хотѣлъ наблюдать, что она будетъ дѣлать дальше.

Нѣсколько минутъ Акъ-Томакъ сидѣла неподвижно; потомъ протянула руку, взяла мою двухстволку и начала ее внимательно разсматривать; особенно ее заинтересовали гравированные звѣрки и орнаменты на замкахъ.

— Якши, копь якши ¹⁾! произнесла она и поцѣловала узорчатые стволы оружія.

„Ого! подумалъ я, — да ты совсѣмъ амазонка!“

Однимъ движеніемъ руки Акъ-Томакъ сдернула съ головы своей платокъ; черные, блестящіе волосы, заплетенные въ многочислен-

¹⁾ Хорошо, очень хорошо.

ння косы, рассыпались; кое-гдѣ заискрились цвѣтныя бусочки и серебряныя монетки.

Большой шрамъ на лбу, какъ-разъ надъ правою бровью, старый, давно зажившій шрамъ, такъ и бросился мнѣ въ глаза. Должно быть, его скрывалъ прежде надвинутый на самыя брови платокъ.

Акъ-Томакъ была очень хороша въ эту минуту, но это была красота эффектная, декоративная. Въ нее даже не слѣдовало слишкомъ пристально всматриваться, иначе въ этихъ полныхъ энергій чертахъ замѣчалось что-то неприятное, неженственное и даже нѣсколько отталкивающее.

Она разостлала одѣяло, легла на одну его половину и покрылась другою.

Огонь потухалъ. Неподалеку жевалъ и фыркалъ мой Орликъ. Арбакеши спали въ повалку, плотно прижавшись другъ къ другу и громко похрапывая. Покрытые попонами кони ихъ звучно отряхивались, гремя мѣдными кольцами на высокихъ сѣделкахъ и побракушками на сбруѣ. Два жеребца дрались гдѣ-то далеко въ сараѣ. Ряды нагруженныхъ двухколесныхъ арбъ стояли неподвижно вереницею вдоль дороги, уткнувшись въ землю своими оглоблями. По ущелью дулъ рѣзкій вѣтеръ и уныло шумѣлъ густой тальникъ, наклонясь надъ мутнымъ, еле бѣгущимъ ручьемъ. Разорванныя тучи быстро неслись по небу; кое-гдѣ заблестѣли одинокія звѣздочки. Стало морозить.

Я завернулся поплотнѣе въ свою бурку и заснулъ. Самыя несвязныя, недѣльныя сновидѣнія лѣзли въ голову, безпрестанно смѣняясь. Спина и лѣвое бедро несносно ныли.

Уже разсвѣтало, когда я проснулся. Всѣ, ночевавшіе въ Кара-су, арбакеши уѣхали. Мой Орликъ былъ прекрасно вычищенъ и осѣдланъ, въ котелкѣ кипѣлъ и пѣнился заваренный чай; одѣяло мое было тщательно сложено и приторочено къ сѣдлу.

Самой Акъ-Томакъ какъ не бывало.

— Она уѣхала съ арбакешами назадъ, въ Самаркандъ, сказала мнѣ на мой вопросъ пріятель мой, хозяинъ караванъ-сарая.

II.

Верстахъ въ двадцати-пяти отъ Катта-Кургана, въ глубинѣ Заравшанской долины, пріютился въ садахъ и огородахъ небольшой кишлакъ „Урусъ“.

Въ деревнѣ этой не было ничего, что-бы хотя сколько-нибудь оправдывало ея названіе. Такія-же, какъ и всѣ прочія, разбросанныя по долинѣ, группы глинобитныхъ построекъ съ узкими проѣздами, съ легкими, войлочными и плетеными навѣсами, съ запасами клевера и топлива, сложенными въ высокія кучи на плоскихъ крышахъ сакель, и, наконецъ, съ торчащими изъ-за каждой стѣнки рогатыми вѣтвями фруктовыхъ деревьевъ.

Обитатели этого кишлака были кровные узбеки, — по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, — и положительно нельзя было встрѣтить ни одного лица, которое, хотя одною чертою, напоминало бы русскій типъ.

Лѣтъ триста тому назадъ, говоритъ преданіе, въ бухарскомъ ханствѣ находилось много русскихъ бѣглыхъ; они просили, чтобы имъ отвели какое-нибудь мѣсто для поселенія. Просьба эта была исполнена, но только подъ однимъ условіемъ — принятія мусульманства.

Такимъ образомъ, въ Заравшанской долинѣ поселилось нѣсколько десятковъ русскихъ ренегатовъ; обзавелись они новыми семействами и зажили, по крайней мѣрѣ сначала, довольно хорошо, что называется припѣваючи.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ окрестностяхъ русскаго поселенія начали обнаруживаться различныя преступленія: грабежи, воровства и даже убійства. Кромѣ того, стали носиться слухи, будто русскіе опять начали молиться своему Богу, что они выбрали изъ своей среды особеннаго, своего собственнаго „муллу-попа“, и даже новорожденныхъ дѣтей по три раза обливаютъ холодною водою.

Сперва народъ, а послѣ и само правительство стало косо смотрѣть на поселенцевъ и считать ихъ „плохими правовѣрными“, начались преслѣдованія въ такихъ размѣрахъ, что русскіе опомнились, — но уже было поздно!

На ихъ бѣду, одинъ изъ многочисленныхъ походовъ тогдашняго владыки Бухары на кого-то изъ сосѣднихъ хановъ окончился горькою неудачею. Пораженіе это, между прочимъ, приписали „молитвамъ русскихъ своему прежнему Богу“. И въ одну, очень темную и бурную ночь все населеніе кишлака „Урусъ“ было вырѣзано до послѣдняго человѣка.

Названіе-же „Урусъ“ сохранилось до настоящаго времени.

Вотъ изъ этой-то деревни, въ одну изъ холодныхъ, осеннихъ ночей тысяча восемьсотъ шестьдесятъ восьмого года, я выступилъ съ своею ротою, рассчитывая къ разсвѣту дойти до Катта-Бургана—мѣста стоянки нашего батальона.

Въ Урусѣ я предполагалъ захватить шайку Хаджи-Назара, грабившую по долинѣ принадлежащія намъ сборы хераджа ¹⁾, но опоздалъ, пробродивъ даромъ цѣлый день и порядочно измучивъ своихъ людей. Недостатокъ въ то время хорошей кавалеріи заставлялъ насъ, пѣшихъ, гоняться, понятно съ какими ничтожными шансами на успѣхъ, за летучими шайками положительно неуловимыхъ барантачей.

Было довольно холодно. Вода въ арыкахъ и многочисленныхъ лужахъ покрылась довольно толстою корою льда. Ясное, морозное небо сверкало мириадами звѣздъ.

Солдаты шли одинъ за другимъ по узенькой огородной тропинкѣ; впереди ѣхали верхомъ два проводника, вызвавшіеся указать намъ изъ Уруса прямую дорогу.

Поминутно попадались намъ глубокіе арыки, черезъ которые приходилось прыгать, глиняныя стѣны, въ которыхъ непремѣнно отыскивался проломъ, выведившій насъ изъ огороженнаго пространства; по временамъ, и даже чаще всего, мы просто шагали по шахматнымъ градкамъ табачныхъ плантацій, спотыкались о сухіе комли скошенной джугары и кукурузы, продирались сквозъ чашу „джиды“ и тальника и рвали свои холщевыя рубахи.

— Вотъ такъ прямая дорога! шутили солдаты.—Какъ разъ, братцы мои, та самая, по которой вороны летаютъ!

Наконецъ, мы выбрались-таки и, судя по недоумѣвающимъ взглядамъ проводниковъ, совсѣмъ не туда, куда предполагали.

¹⁾ Хераджъ—пятипроцентный сборъ натурою съ произведеній земли.

Мы знали только одно, что пока еще находились на правомъ берегу „Кара-Дарья“ и намъ приходилось переправляться на ту сторону. Мы только не знали, гдѣ: здѣсь-ли, выше или ниже настоящаго пункта? Проводники жалобно хныкали и дрожали; они говорили, что вдругъ почувствовали припадки какой-то странной болѣзни и что ихъ трясетъ самая злая лихорадка, — понятно, какая ихъ одолѣвала лихорадка! Они боялись за свои головы, и эта боязнь, по ихъ понятіямъ и примѣняясь къ мѣстнымъ нравамъ, не была лишена основанія.

Надо сказать, что рота выступила въ походъ по тревогѣ, въ однихъ рубашкахъ, не захвативъ шинелей и взявъ съ собою въ карманы по куску хлѣба. Днемъ солнышко, хотя и осеннее, грѣло-таки изрядно, а при быстрой ходбѣ было даже жарко, но за то ночью, когда по рывтинамъ и арыкамъ сталъ потрескивать шести-градусный морозъ, мы положительно убѣдились въ недостаточности согрѣвающихъ свойствъ въ бѣломъ полотнѣ солдатскихъ рубашекъ.

Пѣнясь по берегамъ и сверкая отраженными звѣздами, катилась Кара-Дарья передъ нашими глазами. Кованные солдатскіе сапоги шуршали по грудамъ кремней и пестрыхъ галекъ, покрывавшихъ берега этого, одного изъ важнѣйшихъ притоковъ, рукава Заравшана. На томъ берегу, какъ и на этомъ, чернѣлись массы садовъ и серебрились безчисленныя змѣйки тропинокъ.

Зрѣлище было, безспорно, прекрасное, грандіозное, но намъ все-таки приходилось лѣзть по поясъ въ воду, что было весьма неприятно при такомъ холодѣ и въ такихъ легкихъ костюмахъ.

Ухая и охая, люди спустились въ воду, которая не доходила. впрочемъ, выше бедеръ, и, поднявъ еверху ружья съ навязанными на штыки патронными сумками, бѣгомъ выбирались на противоположный берегъ.

Переправились и пошли дальше, то-есть, побѣжали. Зубъ-на-зубъ не попадалъ отъ холода, намокшія одежда и обувь смерзались.

Снова пришлось прыгать черезъ арыки и грядки, лѣзть черезъ стѣны, продираться сквозь кусты, и черезъ полчаса этой усиленной гимнастики мы очутились, наконецъ, на широкой, гладко укатанной дорогѣ, на которую выбрались черезъ какой-то разгороженный дворъ, встревоживъ цѣлую стаю разношерстныхъ собакъ, встрѣтившихъ насъ свирѣпымъ лаемъ.

Куда теперь идти: направо или налево? — мы положительно недоумѣвали.

Невдалекѣ послышался хриплый, гортанный звукъ въ родѣ откашливанья, какимъ обыкновенно погоняютъ ишаковъ, и звяканье цѣпной нагайки. По дорогѣ подвигалась къ намъ какая-то фигура въ чалмѣ и подѣ этою темною, силуэтною массою дробно сѣменили четыре маленькія ножки. Завидѣвъ насъ, фигура остановилась, — должно быть, ее очень озадачила эта неожиданная встрѣча, — и хотѣла-было удалиться. Ее, конечно, задержали и завязался слѣдующій разговоръ:

— Будь здоровъ, пріятель!

— Да хранить васъ Аллахъ. Будьте и вы здоровы!

— А какъ-бы намъ пройти въ Катта-Курганъ?

— Куда?

— Въ Катта-Курганъ.

— Да вы развѣ туда идете?

— Туда.

— Ну, такъ вы стойте на плохой дорогѣ, по которой вы въ Катта-Курганъ никогда не попадете.

— Мы это знаемъ! Такъ вотъ ты намъ и укажи лучшую.

— Мнѣ некогда... Время теперь ночное... хорошіе люди спятъ, а не таскаются по дорогамъ.

— Ты-же вотъ не спишь, а тоже таскаешься по дорогамъ?

— Я за дѣломъ.

— Мы тоже за дѣломъ. Слушай-же, пріятель, тебя, все равно, мы не отпустимъ, пока ты не проведешь насъ, куда намъ нужно. Такъ ужь лучше иди добромъ, а то потащатъ силою...

— Отчего не проводить... я готовъ проводить... я всегда готовъ служить русскимъ. Только вотъ что. Вы, русскіе, народъ богатый, вы вонъ съ эмира Музофаръ что золота за войну взяли, а я человѣкъ бѣдный...

— Объ этомъ ты не безпокойся. Тебѣ хорошо заплатятъ.

— Я оттого говорю, что у меня цѣлый день завтрашній пропадетъ, провожая васъ, а для такого байгуша (бѣдняка), какъ я, это много значить...

— Во всякомъ случаѣ, ты выручишь столько, что и въ десять дней не заработаешь.

— Ну, хорошо. Да хранить васъ Аллахъ! Идите за мною.

— А сколько ташей до Катта-Кургана?

— Не меньше трехъ.

Это извѣстiе окончательно насъ озадачило: „не меньше трехъ!“ — это значитъ верстъ двадцать пять! Несмотря на наше продолжительное ночное путешествiе, мы все-таки находились въ томъ-же разстоянiи отъ цѣли, какъ и въ минуту выхода изъ кишлака Урусъ.

Я собралъ маленькiй военный совѣтъ изъ унтеръ-офицеровъ и мы сообща порѣшили обождать на мѣстѣ до солнечнаго восхода, разложить огни и грѣться, благо подъ-руками находились цѣлыя груды сухого топлива.

Нашего новаго проводника мы рѣшили держать подъ строгимъ карауломъ на всякiй случай, на что проводникъ не выразилъ ни малѣйшаго неудовольствiя.

Яркое пламя костровъ мгновенно запылало въ нѣсколькихъ мѣстахъ, освѣщая бѣлыя группы солдатъ и ряды ружейныхъ козелъ. Люди раздѣвались, снимали мокрые панталоны и портянки и, распяливъ ихъ надъ огнемъ, просушивали. Кто успѣлъ обсушиться, тотъ уже крѣпко спалъ, свернувшись въ клубокъ у огня. Другiе заботились о томъ, чтобы не уменьшалось животворное пламя, немилосердно истребляя вороха заготовленной на зиму колючки.

Нашъ новый проводникъ слѣзъ съ своего осла, спуталъ ему ноги ремнемъ и усѣлся на корточки передъ костромъ, грѣя и копя заскорузлые, красные пальцы.

Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, даже, пожалуй, нѣсколько болѣе, высокаго роста, довольно бодрый на видъ и съ какою-то странною, молодцоватою выправкою, никогда не встрѣчающеюся въ мѣшковатыхъ, неуклюжихъ сартахъ. Лицо старика было чрезвычайно подвижное, выразительное; лукавые глаза блестяли изъ-подъ густыхъ, взъерошенныхъ бровей и рѣдкая сѣдая борода тряслась при каждомъ его движенiи. Въ двухъ шагахъ отъ него улегся его длинноухiй спутникъ и, моргая и щурясь на огонь, подбиралъ съ земли сухiя былинки и обсыпавшiяся иглы терновника.

Я сидѣлъ неподалеку на барабанѣ и, признаться, горячо сожалѣлъ, что со мною не было моего рисовальнаго прибора.

За часъ до солнечнаго восхода мы снялись съ своего бивуака.

„Абда-Рахманъ“, нашъ проводникъ, уже успѣвшій сообщить мнѣ свое имя, покачивался въ головѣ колонны, рядомъ съ моими стременемъ. Хоръ пѣсенниковъ тянулъ обыкновенную маршевую:

„То не въ дебряхъ вѣтръ шумить,
То не море стонеть...“

Варабанщики подбивали тактъ, солдатики подлаживали ногу, забросивъ винтовки за-плечи и потирая на ходу озябшія руки.

Дѣйствительно, мы зашли далеко и въ совершенно противоположную сторону, потому что, когда мы замѣтили сквозь зелень садовъ желтый обрывъ Нуруная, арыка-рѣки, на которомъ расположенъ Катта-Курганъ, солнце давно уже поднялось и стояло почти „на полдень“.

Поднимая въ потолокъ бѣлые клубы горячаго пара, свистѣлъ и пѣлъ на разные лады полуведерный тульскій самоваръ, занявшій полъ стола въ моей саклѣ. Рядомъ, въ сосѣдней саклѣ, деньщикъ перетиравалъ посуду, весело звеня стаканами. Изъ кухни доносилось аппетитное ворчаніе и попахивало чѣмъ-то очень вкуснымъ, поддразнивая голодный желудокъ.

Я усѣлся на складномъ походномъ стулѣ передъ ярко пылавшимъ каминномъ; около меня на коврѣ, поджавъ подъ себя ноги калачикомъ, помѣстился Абда-Рахманъ, съ любопытствомъ разглядывая бѣлыя, выштукатуренныя стѣны моего жилища, сплошь разрисованныя мною углемъ и растушкою.

Объ этихъ работахъ моихъ знали: чуть-ли не во всемъ Катта-Курганѣ, и даже его окрестностяхъ, и я частенько имѣлъ удовольствіе принимать у себя туземныхъ гостей, пришедшихъ съ единственною цѣлью посмотреть диковины на стѣнахъ моей сакли.

Вдругъ старикъ вскрикнулъ и вскочилъ на ноги.

— Акъ-Томакъ!.. Ге!.. Акъ-Томакъ! заговорилъ онъ съ замѣтнымъ волненіемъ, тыкая пальцемъ въ стѣну.

Въ простѣнкѣ между окнами я набросалъ голову амазонки, спасенной мною мѣсяцъ тому назадъ въ Ашикъ-Ата и такъ внезапно исчезнувшей въ Кара-Су. Этотъ-то рисунокъ и увидѣлъ.

взволнованный, не то обрадовавшийся, не то испугавшийся Абда-Рахманъ.

— Развѣ ты ее знаешь? спросилъ я, удивленный такимъ живымъ порывомъ.

— Я-то, знаю-ли?! Да я знаю ее больше, чѣмъ кто-либо другой. Мнѣ-ли не знать ее!..

Онъ вдругъ остановился. Грустная задумчивость смѣнила оживленіе.

— Змѣя, а не женщина, покачалъ онъ своею головою.— Да, это самъ дьяволъ въ образѣ человѣка... Аллахъ, Аллахъ! не всегда ты наказываешь преступленія!

Жидкая бородка старика затряслась какъ-то усиленно; длинныя рѣсницы сморгнули нѣсколько слезинокъ.

Въ комнату внесли цѣлое блюдо горячаго плова; глаза Абда-Рахмана перенеслись съ изображенія красавицы, „дьявола въ образѣ человѣка“, на грудь облитаго жиромъ, варенаго рису.

Очевидно, что нашъ проводникъ зналъ нѣчто очень интересное изъ жизни Акъ-Томакъ, которой я послѣ случая въ Ашикъ-Ата не встрѣчалъ болѣе ни разу, и мнѣ хотѣлось, во что-бы то ни стало, вытянуть у него этотъ рассказъ, къ чему и было приступлено, едва только удовлетворились первые порывы волчьаго аппетита.

III 1).

Годъ тому назадъ, изъ дома въ домъ, изъ мечети въ мечеть, изъ караванъ-сарая въ караванъ-сарай пронеслась по всему Кокану интересная новость.

Новость эту передавали другъ другу осторожно, съ оглядкою; новость эта была, что-называется, „изъ ряда вонъ“, и все население многолюднаго Кокана, особенно женская его половина, насторожило свои встревоженные уши.

1) Не имѣя возможности слово въ слово передать рассказъ Абда-Рахмана, я задался мыслью сохранить, на-сколько возможно, характеръ самаго рассказа и удержать цѣлкомъ хотя нѣкоторыя, особенно характеристичныя выраженія. Это все, что я могъ сдѣлать, довольствуясь собственнымъ, весьма ограниченнымъ знаніемъ мѣстнаго языка.

Говорили, что дня три тому назадъ одна изъ любимѣйшихъ женъ Худояръ-хана уличена въ невѣрности своему грозному повелителю и мужу.

Ужасное, неслыханное преступленіе, влекущее за собою неизбѣжную, немедленную кару—смерть.

Интересъ событія еще болѣе возросъ, когда узнали имя преступницы. Это была Акъ-Томакъ.

Ее видѣли, и то весьма немногіе, когда ей было всего только одинадцать лѣтъ, а на двѣнадцатомъ она была уже заперта въ стѣнахъ ханскаго гарема.

Но за то не нашлось-бы никого, кто не слышалъ-бы о необыкновенной красотѣ этой женщины. Говорили, что одного ея взгляда достаточно, чтобы навѣкъ погубить человѣка, что всѣ остальные женщины передъ нею что звѣзды передъ мѣсяцемъ, и что, ради этой неземной красоты самъ Худояръ-ханъ готовъ былъ простить ей это ужасное преступленіе, только боялся старшаго „казы“, который настаивалъ на немедленной казни, для примѣра всѣмъ прочимъ, а на сторонѣ казы были и всѣ почетные муллы Кована и его окрестностей.

Молодой и красивый Авчанъ-наемникъ, Омаръ-шахъ, юбаша (сотникъ) гвардіи Худояръ-хана, виновникъ этого неслыханнаго неуваженія къ сану и доблестямъ хана, успѣлъ бѣжать, что, конечно, было для него необыкновеннымъ счастьемъ, яснымъ указаніемъ того, что „Аллахъ не лишилъ его еще своего милосердія“, иначе виновнаго ждала такая страшная, мучительная смерть, отъ которой содрогнулись-бы въ могилахъ кости его предковъ.

Какъ-бы то ни было, но преступленіе это было доказано неопровержимыми фактами; не было ни одного обстоятельства, могущаго хотя сколько-нибудь, защитить виновную,—и приговоръ оскорбленнаго властителя состоялся.

По существующимъ мѣстнымъ обычаямъ, преступницу обыкновенно подъ строгимъ конвоемъ отводили въ нарочно избранную для данной цѣли темную саялю и палачъ-сарбазъ, приложивъ къ виску несчастной раструбъ своего фитильнаго мултука, разомъ отправлялъ ее въ другой міръ и прекращалъ всѣ мученія своей жертвы.

Для женщинъ былъ одинъ только родъ смертной казни—пристрѣливаніе. Болѣе-же благородная смерть—зарѣзаніе, предоста-

влялась только высшей половиной рода человеческого — мужчинамъ.

Назначили день исполненія приговора.

Густыя толпы народа запрудили главную улицу, ведущую черезъ базаръ за Катта-Дервазъ (большіе ворота). По этой дорогѣ должны были провезти несчастную Акъ-Томакъ на берегъ „Дары“ и тамъ, въ одной изъ пустыхъ, давно заброшенныхъ савель, совершить казнь. Тутъ же, рядомъ, расположены были и городскія бойни, гдѣ ежедневно, сотнями, рѣзали крупный и мелкій рогатый скотъ на потребу жителей столицы кованскаго ханства.

Тысячи народа шумѣли и волновались по главной улицѣ и на прилежащихъ площадяхъ. Всѣ крыши пестрѣли чалмами, барабанными шапками и разноцвѣтными халатами. Тысячи жадныхъ, сверкающихъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ глазъ пристально, затаивъ дыханіе, смотрѣли на ярко освѣщенный солнцемъ, израсцовый уголь мечети Солеймана, изъ-за котораго должна была показаться печальная процессія.

Прежде всего изъ-за этого угла выдвинулся „курбаши“ (полицеймейстеръ города), въ красномъ халатѣ, съ золотыми вышивками по всей спинѣ, въ громадной бѣлой чалмѣ, съ кривой саблей у лѣваго бока. Онъ ѣхалъ верхомъ на статномъ аргамакѣ, около него бѣжали нѣсколько пѣшихъ съ длинными бѣлыми палками въ рукахъ, которыми они разчищали дорогу и внушали уваженіе къ высокому сану курбаши.

Наконецъ, показалась и желанная группа.

На крупномъ ослѣ безъ сѣдла, окруженная сарбазами въ голубыхъ короткихъ халатахъ, въ красныхъ шальварахъ и большихъ бараньихъ шапкахъ, ѣхала Акъ-Томакъ.

Увы! ожиданія любопытныхъ не сбылись. На голову красавицы былъ надвинутъ сѣрый холщевый мѣшокъ, спускавшійся грубыми складками до самаго пояса.

Запею, примкнувъ почти вплотную къ ослиному крупу, шелъ высокій, пожилой сарбазъ въ кольчужной, остроконечной шапкѣ, перелицъ и наушники которой прикрывали ему шею, плечи и спускались тяжелыми лопастями въ под-грудь. Старикъ этотъ несъ на плечѣ тяжелый мултукъ; окруженный для прочности сыромятными рем-

нями. Конецъ фитиля, зажатый въ развилку спусковаго крючка, дымился.

Акъ-Томакъ сидѣла на ослѣ задомъ напередъ. Безобразное оружіе, которое должно было черезъ нѣсколько минутъ покончить ея существованіе, было такъ близко отъ нея. Сквозь рѣдкую ткань мѣшка она слышала пороховой, горѣлый запахъ тлѣющаго фитиля; она могла-бы сорвать его руками, если-бъ эти руки не были крѣпко связаны у нея за спиною.

Сарбазы шли, лѣниво зѣвая по сторонамъ и набивая себѣ ротъ тертымъ зеленымъ табакомъ. Курбаши много опередили ихъ и уже дожидался на мѣстѣ казни. Густая толпа народа, раздаваясь по сторонамъ и пропуская процессію, скоплялась сзади все гуще и гуще и неотступно слѣдовала за сарбазами.

Прибыли на берегъ.

Неуклюжую человѣческую фигуру съ связанными руками и закутанную въ мѣшокъ сняли съ ишака и поставили на ноги. Она запаталась, чуть было не упала; сарбазъ-палачъ поддержалъ ее и втокнулъ въ какую-то темную зіяющую дверь. Самъ онъ, согнувшись, нырнулъ туда-же и протащилъ за собою свое оружіе. Курбаши слѣзъ съ лошади, отдалъ ее пѣшему полицейскому и съ любопытствомъ нагнулся къ двери, не входя, впрочемъ, въ ровную саклю.

Всѣ замерли, затаили дыханіе, ждали выстрѣла.

Но тутъ случилось совершенно неожиданное обстоятельство.

Раздался выстрѣлъ, но совсѣмъ не тамъ, гдѣ его ожидали: прострѣленный навзлетъ крупною чугунною пулею, корчился на землѣ тотъ самый полицейскій, который держалъ лошадь. На эту лошадь вскочила какая-то фигура, очень похожая, впрочемъ, на палача-сарбаза, и скрылась за саклю. И въ ту-же минуту тотъ-же всадникъ снова показался изъ-за этой сакли, только теперь за его сѣдломъ сидѣла Акъ-Томакъ, крѣпко уцѣпившись за его поясъ. Рядомъ съ ними, сверкая на солнцѣ кольчугою, давилъ растерявшийся народъ богъ-вѣсть откуда появившійся Омаръ-шахъ.

Произошелъ невыразимый переполохъ. Многіе бросились бѣжать по домамъ; кое-кто вскочили въ саклю. Послѣдніе увидѣли тамъ, въ противоположной стѣнѣ, большой проломъ, очевидно заранѣе приготовленный. Тутъ-же валялся и мѣшокъ, бывший на

Акъ-Томакъ, и веревка, скручивавшая ей руки; изъ-за угла торчали рогатые подсошки брошеннаго мултука.

Прежде чѣмъ всѣ успѣли опомниться и сообразить, въ чемъ дѣло, всадники исчезли изъ виду; да и немудрено было исчезнуть въ этихъ кривыхъ, перепутанныхъ переулочкахъ, въ густыхъ базарныхъ толпахъ, гдѣ если-бы и могло проявиться участіе въ этомъ дѣлѣ, то, скорѣе, это участіе выразилось-бы въ сочувствіи побѣгу, нежели въ желаніи ловить бѣглецовъ, ничѣмъ противъ толпы неповинныхъ.

Покуда вѣсть о побѣгѣ дошла до Худояръ-хана, покуда сформирована была погоня, прошло нѣсколько часовъ времени, и наши бѣглецы, давъ волю скакунамъ, давно уже потеряли изъ виду сады и зубчатая стѣны Кокана.

Къ вечеру они подѣвжали уже къ подножьямъ Кашгаръ-Давана, гдѣ имъ легко было спрятаться отъ преслѣдованія.

Пусьай-ка угоняются за ними и найдутъ ихъ въ этихъ черныхъ, глубокихъ ущельяхъ, въ которыя солнце заглядываетъ только тогда, когда поднимется надъ самою головою, да и то всего на часъ, много на полтора времени.

Скоро стемнѣло. Дорога шла излучистымъ ущельемъ, поднимаясь все выше и выше.

Впереди ѣхалъ палачъ-сарбазъ на своемъ благопріобрѣтенномъ аргамакѣ, измучившемся подъ двойною пошей; сзади Омаръ-шахъ.

Черезъ часъ спутники свернули въ сторону. Было очень темно, дорога становилась все круче и круче и была сплошь усыяна обсыпавшимися каменными обломками. Скоро продолжать путь верхомъ не было уже никакой возможности; надо было спѣшиться. Такъ и сдѣлали.

Всѣ трое пошли или, правильнѣе, поползли вверхъ, таща въ поводу тяжело дышащихъ, спотыкающихся коней.

Свернули еще въ боковое ущелье, еще свернули раза два. Стали.

— Тутъ насъ самъ шайтанъ не розыщетъ; тутъ мы и отдохнемъ, сказалъ сарбазъ,— и конямъ пора, да и намъ тоже, а?..

— Давно пора! подтвердилъ Омаръ-шахъ. — А то, совсѣмъ изъ силъ выбьется, а до русской границы еще далеко.

— Если Аллахъ поможетъ, послѣ завтра, къ вечеру, будемъ подъ самымъ Ходжентомъ.

— Тамъ русскіе живутъ... проговорила Акъ-Томакъ;—они хорошіе люди, и не бьютъ насъ, бѣдныхъ женщинъ...

Это были первыя слова, сказанныя ею съ самой минуты выхода изъ каменныхъ подваловъ ханскихъ тюремъ.

Мѣсто, на которомъ предполагали расположиться на ночлегъ, составляло нѣчто въ родѣ площадки, съ одной стороны которой почти отвѣсно спускался обрывъ, а съ другой—поднималась, вся растрескавшаяся, поросшая ихомъ стѣна, теряясь высоко въ нависшемъ темномъ облакѣ.

Вся площадка была усыяна большими черными камнями, такими большими, что за ними могли совершенно укрыться всѣ трое и даже спрятать своихъ лошадей.

Эти тяжеловѣсныя глыбы свалились оттуда, изъ-за этой облачной вышины; однѣ изъ нихъ, сдѣлавъ риколетъ, покатались дальше, на дно ущелья, другія удержались на площадкѣ, вѣрзавшійся въ нее своими острыми гранями.

Подобные куски могли и теперь, въ эту ночь, свалиться оттуда и раздавить бѣглецовъ. Но они могли также и не свалиться: „жизнь человѣческая вся въ рукахъ Аллаха!“

— Это мѣсто хорошее! Я уже три раза здѣсь былъ, говорилъ старикъ, снимая дорожную попону съ сѣдла курбаши и разстилая ее на землѣ. — Что это, какъ темно стало? Да и сыровато что-то. Насъ скоро промочить до нитки...

— Туча спустилась и накрыла насъ, сказалъ Омаръ-шахъ, снявъ съ себя верхній халатъ и закуталъ имъ Акъ-Томакъ.

Съ его стороны это тоже было первое проявленіе внимательности къ любимой и спасенной женщинѣ.

Мнѣ показалось подозрительнымъ то обстоятельство, что Абда-Рахманъ такъ хорошо и обстоятельно знаетъ всѣ подробности побѣга. Я не утерпѣлъ, чтобы не спросить его объ этомъ.

— Это оттого, отвѣчалъ мнѣ на вопросъ разскащикъ, — что палача-сарбаза звали такъ-же, какъ и меня, — Абда-Рахманомъ.

Дѣло было теперь совершенно понятно!

Нѣсколько разъ впродолженіи ночи на площадку набѣгали сырыя, холодныя тучи; платье промокло насквозь.

Огня разложить было невозможно, — во-первыхъ, потому, что не было никакихъ горючихъ матеріаловъ, а во-вторыхъ, если-бы и нашлось что-нибудь подходящее, то свѣтъ костра могъ-бы указать дорогу преслѣдователямъ.

Омаръ-шахъ и Акъ-Томакъ лежали подъ самую стѣною и холодъ набѣгающихъ тучъ врядъ-ли проникалъ за ихъ ватные, шелковые халаты. За то бѣдному старику, въ эту ночь, досталось-таки порядкомъ.

Онъ и приглядывалъ за лошадьми, и прислушивался къ свисту вѣтра въ ущельяхъ, и къ неожиданному шуму каждаго оборвавшегося камня. Ему все чудилось, что кто-то невидимый поднимается къ нимъ по узкой тропинкѣ. Да и не одинъ, а какъ будто много. Ему показалось даже, что о камень звякнуло что-то металлическое.

„Неужели они найдутъ насъ?“ думалъ Абда-Рахманъ, и холодный потъ выступалъ у него подъ тибетейкою, неприятная дрожь пробѣгала по всѣмъ его членамъ.

Онъ подошелъ къ краю обрыва, легъ на животъ, свѣсилъ голову и началъ внимательно прислушиваться.

Все было тихо. Недалеко, дѣйствительно, зашуршало что-то по камнямъ, но это „что-то“ была громадная горная ящерица, которая выползла изъ-подъ черной плиты для того только, чтобы, проползши на своемъ чешуйчатомъ брюхѣ нѣсколько шаговъ, забраться подъ другую.

Старикъ повосился въ ту сторону, гдѣ лежали Омаръ-шахъ и Акъ-Томакъ.

— Что, никакъ спать? проворчалъ онъ. — А что, если-бы насъ теперь накрыли?.. Вотъ было-бы неожиданно! Ее-бы опять того... Его-бы тоже, — да, ему было-бы очень, очень нехорошо, гораздо хуже, чѣмъ ей... А мнѣ? Ой, ой! что-бы мнѣ было! бррр... О, Аллахъ, Аллахъ, не допусти до такого несчастія!

Чуть-чуть забрезжилъ разсвѣтъ и путники совѣмъ было собрались продолжать дорогу, какъ зоркій глазъ Абда-Рахмана замѣтилъ одно подозрительное обстоятельство, помѣшавшее имъ начать свое опасное нисхождение въ долину.

Далеко внизу, тамъ, гдѣ невооруженный глазъ европейца не

увидѣлъ-бы ничего, кромѣ сверкающей, извилистой ленточки ручья и ярко-зеленыхъ береговыхъ полосъ, старикъ ясно различалъ двигающіяся красныя точки. Онъ даже разсмотрѣлъ лошадей, пущенныхъ на траву, и тонкіе струйки дыма у самой воды.

По всему можно было догадаться, что тамъ бивакировала погоня изъ Кокана. Вѣроятно, измучивъ долгою скачкою своихъ лошадей, всадники расположились отдохнуть и перекусить тѣмъ, что успѣли наскоро захватить съ собою, собираясь въ дорогу.

Надо было оставаться на площадкѣ и наблюдать, что непріятель намѣренъ будетъ дѣлать дальше и куда онъ направится послѣ своего отдыха. Такъ и сдѣлали.

Часа черезъ два томительнаго ожиданія бѣглецы видѣли, какъ всадники сѣли на лошадей и стали переправляться въ бродъ на другой берегъ горнаго ручья. Они выбрались на 'дорогу и направились обратно къ Кокану.

Вѣроятно, они рассчитывали догнать бѣглецовъ еще до начала горъ, и ошиблись въ своемъ расчетѣ, а зная по опыту всю трудность, почти невозможность преслѣдованія въ горахъ, они рѣшились махнуть рукою, возвратиться домой и принять на свои головы гнѣвъ грознаго властителя.

У Акъ-Томакъ и Омаръ-шаха отлегло отъ сердца, они вздохнули свободно, а Абда-Рахманъ успѣшилъ совершить благодарственный намазъ и усѣлся съ этою цѣлью на пятки, лицомъ къ восходящему солнцу, подложивъ подъ колѣни свою красную куртку

Давъ коканскимъ наѣздикамъ скрыться изъ вида, бѣглецы сами начали спускаться въ лощину. Это было гораздо труднѣе и опаснѣе, чѣмъ всходить наверхъ. Особенно, въ этомъ случаѣ, затрудняли лошади, которыя ползли почти на задахъ и ежеминутно грозили оборваться и сбить съ ногъ кого-нибудь изъ спутниковъ.

На одномъ изъ поворотовъ конь курбаши испугался чего-то, шарахнулся, оборвался и полетѣлъ внизъ, кувыркаясь и окрашивая своею кровью острые камни. Другую лошадь удалось спустить на дно лощины менѣе вреднымъ для нея способомъ.

Здѣсь они напились, перевели духъ и тронулись въ путь далѣе. Омаръ-шахъ вдвоемъ съ Акъ-Томакъ на лошади, Абда-Рахманъ пѣшкомъ.

Цѣлый день они не встрѣчали никого по дорогѣ, только разъ

они замѣтили, высоко надъ головою, двухъ мальчиковъ-пастуховъ и ихъ маленькое стадо козъ, лѣпившихся по обрывамъ и скусывавшихъ тамъ топкую горную травку.

Несмотря на то, что Омаръ-шахъ часто слѣзаль съ лошади и шелъ пѣшкомъ, несчастное животное, еще задолго до вечера, отказалось продолжать свою трудную службу; силы лошади были подорваны еще наканунѣ сильною гонкою. Аргамакъ присталь и не хотѣлъ идти даже въ поводу. Его надо было бросить, что и было сдѣлано, и всѣ трое теперь уже продолжали путь пѣшкомъ, снявъ свою неудобную, неприспособленную къ пѣшей ходьбѣ обувь.

Къ ночи они опять свернули въ сторону и, выбравъ въ скалахъ удобное мѣстечко, пріютились на отдыхъ.

На новомъ ночлегѣ путешественниковъ посѣтило ужасное несчастіе. Въ горахъ, на извѣстной высотѣ, въ разѣлинахъ скалъ, подъ слоемъ сухого мха, гнѣздится маленькій, но страшный по своей ядовитости паукъ кара-куртъ (чернозадикъ). Въ горныхъ областяхъ, лежащихъ сѣвернѣе, этотъ видъ паука приводитъ въ содроганіе самыхъ смѣлыхъ; тамъ укушеніе его влечетъ за собою почти немедленную, мгновенную смерть; укушенные туземцы даже не пытаются бороться со смертью, а прямо ложатся и приготавливаются къ переходу въ вѣчность. Въ этихъ-же мѣстностяхъ, особенно ближе къ осени, укушеніе кара-курта хотя въ большинствѣ случаевъ также смертельно, но бываютъ и счастливыя исключенія и укушенный отдѣлывается только продолжительными, невыносимыми страданіями, рѣдко навсегда излечиваемыми.

Маленькій, темно-сѣрый, бархатный шарикъ въ орѣхъ величиною быстро бѣгаетъ между камнями на своихъ мохнатыхъ ножкахъ или-же, притаившись, сидитъ у верхняго отверстія своей трубчатой норки, поджидая, когда добыча въ видѣ гусеницъ, жучковъ и разныхъ букашекъ сама не подползетъ къ его хитро-замаскированной засадѣ.

Къ счастью для людей, паукъ этотъ водится въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыя человѣкъ заглядываетъ случайно и очень рѣдко, да и самое насѣкомое это составляетъ положительную рѣдкость для энтомолога, и только счастливый случай помогаетъ ученому добыть его для своихъ коллекцій. Понятно, какъ должны быть рѣдки случаи укушенія, и, дѣйствительно. эти случаи со-

ставляютъ какъ-бы эпоху для горныхъ дикарей, о которой долго и долго, часто по нѣскольку лѣтъ, помнятъ и говорятъ они въ своихъ сакляхъ и кибиткахъ.

На долю Омаръ-шаха выпалъ одинъ изъ этихъ рѣдкихъ случаевъ. Кара-куртъ укусилъ его въ лѣвое колѣно; страшная, рвущая боль заставила его простонать цѣлую ночь. Къ утру нога представляла безобразную, распухшую массу; больной находился въ жару и бредилъ съ открытыми глазами.

А между тѣмъ путь надо было продолжать во что-бы то ни стало: покуда не появятся на горизонтѣ саны Ходжента, его высокая цитадель съ русскимъ флагомъ на гребнѣ стѣны и свѣтлая, широкая лента Сыръ-Дарьи, бѣглецы не могли еще поручиться за свою безопасность.

Омаръ-шаха пришлось нести на рукахъ. Абда-Рахманъ взвалилъ укушеннаго къ себѣ на спину, прихватилъ его распущенною чалиюю и съ такою, не совѣтъ легкою, ношею побрелъ по дорогѣ; Акъ-Томакъ помогала ему, сколько могла. Такимъ образомъ, путешествіе могло продолжаться, но уже черезчуръ медленно. За цѣлый день едва-ли былъ сдѣланъ одинъ „ташь“ (около восьми верстъ). Эдакъ они не скоро могли добраться до русской границы, а между тѣмъ небольшой запасъ съѣстныхъ припасовъ истощался, да и болѣзнь Омаръ-шаха развивалась все сильнѣе и сильнѣе.

Акъ-Томакъ какъ-будто приуныла, задумалась, но на ея лицѣ не было замѣтно особаго состраданія. Ее даже какъ-будто сердила эта задержка и она недовольно поглядывала на своего возлюбленнаго, будто онъ самъ былъ причиною случившагося съ нимъ несчастія.

Абда-Рахманъ тяжело шагаль, опутивъ глаза въ землю, и въ полголоса разсуждалъ самъ съ собою:

— Странно! Аллахъ видимо покровительствовалъ намъ въ началѣ нашего пути, а теперь повернулся къ намъ задомъ. Кто-же это изъ насъ троиухъ оскорбилъ его, всемогущаго, всевѣдущаго?!

Прошли еще версты двѣ, выбились изъ силъ; сѣли. Путешественниковъ одолѣло тяжелое, тоскливое раздумье. Они приуныли...

Вдругъ изъ-за поворота дороги, изъ-за темнаго гранитнаго

выступа, поросшаго горнымъ можжевельникомъ и полынью, до ихъ слуха донеслось заунывное пѣнье; эти звуки все приближались и приближались; слышенъ былъ уже топотъ тяжело навьюченной лошади.

Въ головѣ бывшаго палача въ одно мгновеніе созрѣлъ вѣроломный планъ. Основаніемъ этого плана послужила мысль, что иногда преступленіе можетъ быть оправдано обстоятельствами.

Абда-Рахманъ усадилъ Омаръ-шаха и его любовницу въ стронѣ такъ, что эта группа не сразу бросалась въ глаза, а самъ смѣло зашагалъ на-встрѣчу пѣвцу.

Большая, горбоносая пѣгая лошадь узбекской породы тащила на своей сильной спинѣ цѣлую гору вьюка: черезъ сѣдло, на широкихъ ремняхъ, висѣли два объемистыхъ сундука, обитыхъ кожей; поверхъ нихъ—нѣсколько ковровыхъ перемежныхъ сумокъ (коржумовъ), плотно набитыхъ всякою рухлядью; все это было покрыто сложенными вчетверо ватными стегаными одѣялами, а поверхъ всего, не доставая ногами до спины лошади, покачивался маленькій черномазый человѣчекъ въ синемъ халатѣ, въ черной шапочкѣ, съ курчавыми, блестящими, словно вымазанными саломъ волосами. На лбу этого человѣчка красною краскою былъ наложенъ значекъ — изображеніе священнаго пламени, выдававшій национальность и вѣроисповѣданіе путешественника.

Завидѣвъ высокую фигуру Абда-Рахмана въ его воинственномъ костюмѣ, идущую прямо на него, бѣдный индеецъ струсилъ и хотѣлъ-было заранѣе убраться по-добру-по-здорову. Должно быть, онъ не предвидѣлъ ничего хорошаго отъ этой встрѣчи. Онъ повернулъ своего „пѣгаго“ и усиленно заработалъ нагайкою. Абда-Рахманъ заоралъ во все горло и кипулса за нимъ слѣдомъ.

Испуганная этимъ неистовымъ воплемъ, не менѣе своего владѣльца, лошадь метнула задомъ; всадникъ кубаремъ полетѣлъ на землю, а лошадь, фыряя и задрвавъ хвостъ, сдѣлала нѣсколько „козловъ“ и остановилась, запутавшись въ веревкахъ рассыпавшагося вьюка.

Не обращая никакого вниманія на законнаго владѣльца, лежащаго ничкомъ и со страха притворившагося мертвымъ, Абда-Рахманъ сбросилъ съ лошади все кромѣ сѣдла, усадилъ на нее Омаръ-шаха и тронулся дальше, не заботясь объ участи несчастнаго, ограбленнаго индійца.

— Ну, вотъ, теперь очень хорошо, говоритъ онъ, обнявъ рукою за шею Акъ-Томакъ.—Завтра, моя радость, мы будемъ въ Ходжентъ, гдѣ уже тебя, черноглазая, никакой Худояръ-ханъ не достанетъ.

Не разслышалъ хорошенько Абда-Рахманъ, что ему на это отвѣчала Акъ-Томакъ; только показалось ему, будто-бы она буркнула себѣ подъ носъ:

— Будто одинъ Худояръ-ханъ на свѣтѣ... Всѣ вы такіе.

И что-то очень нехорошее замѣтилъ старикъ въ нахмуренныхъ глазахъ своей спутницы.

Прошли еще таша два; дорога измѣнила свой горный характеръ. Вдали стали тамъ и сямъ показываться сѣрые глиняные кышлаки (селенія) и небольшія группы чахлыхъ деревьевъ... Вотъ уже, по сторонамъ дороги, начали попадаться значительныя мѣста съ явными признаками прошлогодней запашки.

— Ну, теперь скоро, ободрительно произнесъ Абда-Рахманъ, — скоро конецъ. Не падай духомъ, пріятель! обратился онъ къ Омаръ-шаху:—будешь здоровъ и весело заживешь съ новою женою. Ухъ, какъ весело! Меня, старика, не забудь. Въ джигиты къ себѣ возьми. Возьмешь, что-ли? Ты не смотри, что я сѣдой: я еще гожусь... Другому молодому не уступлю. Ха-ха!. шутилъ старый сарбазъ и весело поглядывалъ впередъ изъ-подъ своихъ нависшихъ, косматыхъ бровей.

Омаръ-шахъ ничего не отвѣчалъ на это заигрываніе; съ нимъ начиналось опять сильное лихорадочное состояніе, всегда сопровождающее ядовитыя укушенія. Онъ съежился въ воротникъ своего халата и тусклыми глазами глядѣлъ впередъ, по направленію голубого облака скалистаго „Моголь-Тау“.

Акъ-Томакъ начала отставать; она шла, ухватившись за полу абда-рахманова халата, и видимо изнемогала отъ усталости. Старикъ нашелъ необходимымъ посадить ее тоже на лошадь, чтобы не замедлялось путешествіе.

Конь былъ здоровый, сытый, къ тяжелому вьюку привыкшій. Акъ-Томакъ подвернула полы своего халата и ловко устроилась за сѣдломъ.

Абда-Рахманъ одинъ, не зная устали, бодро шагаль за лошадью, подгоняя ее поднятымъ на дорогѣ сухимъ прутомъ.

Солнце спускалось за горы; по дорогѣ легли и далеко протя-

нулись гигантскія тѣни. Быстро темнѣло внизу, а наверху красными зубцами вырѣзывались снѣговья вершины Кашгаръ-Давана.

Акъ-Томакъ вполголоса запѣла грустную, безконечную пѣсню— пѣсню-импровизацію... Съ вечернею прохладой больной почувствовалъ себя немного лучше—эта прохлада какъ-будто оживила его.. Абда-Рахманъ слушалъ пѣніе Акъ-Томакъ и молча шель, понуривъ голову.

— Абда-Рахманъ, а Абда-Рахманъ! вдругъ сказала Акъ-Томакъ, и въ голосѣ ея послышалось что-то зловѣщее, хрип- лое, словно горло сжалось и не пропускало сколько нужно воз- духа.

Старика поразили этотъ голосъ, — голосъ знакомый и вмѣстѣ чужой, странный, такой, какимъ Акъ-Томакъ еще до сихъ поръ не говорила.

— Что, что такое? рванулся онъ къ ней.

— Я уронила... тамъ... вонъ тутъ... поясъ уронила! почти вскрикнула Акъ-Томакъ.

Абда-Рахманъ нагнулся и машинально сталъ шарить руками по пыльной дорогѣ; испуганная этимъ движеніемъ лошадь скакнула впередъ и сажень на пять отдѣлилась отъ старика... Послышался стонъ и грузное паденіе на землю.

Омаръ-шахъ, какъ спопъ, свернулся съ сѣдла и хрипѣлъ, корчась на дорогѣ,—это были уже послѣднія конвульсіи. Когда Абда-Рахманъ подбѣжалъ къ нему, онъ уже неподвижно лежалъ ничкомъ, только пальцы рукъ судорожно сжимались, врываясь въ густой слой дорожной пыли.

Первый предметъ, поразившій старика, была бѣлая рукоятка ножа, торчащая какъ-разъ между плечъ Омаръ-шаха.

— Кто-же это? вскрикнулъ Абда-Рахманъ, и вдругъ кинулся къ Акъ-Томакъ, вытянувъ руки.

Онъ понималъ все; онъ хотѣлъ сорвать съ сѣдла преступницу, онъ хотѣлъ... онъ даже самъ не зналъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать съ нею въ эту минуту.

Наѣздница ударила лошадь наотмашъ плетью и увернулась.

— За-что-же... за что ты его зарѣзала!?... почти простоналъ старый сарбазъ и опустился около трупа, словно у него подеосились стариковскія ноги...

Акѣ-Томакѣ подвѣхала немного, но такъ, чтобы можно было успѣть ускакать при малѣйшемъ враждебномъ движеніи старика.

— За то, проговорила она почти спокойно,—что не хотѣла я попасть изъ-подъ одной плети подъ другую...

Какая-то ночная птица, не шумя своими мягкими крыльями, черкнула въ воздухѣ почти надъ самою головою Акѣ-Томакѣ и скрылась.

— Видѣлъ? указала на нее Акѣ-Томакѣ.—Теперь я такая-же вольная птица, какъ и она... Понялъ теперь, за что? Прощай!

— Змѣя, змѣя, шепталъ старикъ, прислушиваясь къ замирающему вдали топоту скачущей лошади. — Будь-же ты проклята, подлая! Да покроетъ тебя съ ногъ до головы огненная болѣзнь... Да сгниешь ты заживо... да раз...—Глухія рыданія прервали градъ проклятій.

Абда-Рахманъ вытащилъ ножъ изъ раны, завязшія между раздвоенныхъ хребтовыхъ позвонковъ, и осмотрѣлъ его. Это былъ тотъ самый ножъ, который Омаръ-шахъ потерялъ еще на первомъ ночлегѣ. Тогда еще рѣшили, что ножъ этотъ выпалъ изъ своего чехла во время подъема.

Дѣло было теперь понятно. Еще съ перваго ночлега задумано было это преступленіе.

На другой день Абда-Рахманъ пришелъ въ Ходжентъ и сталъ разспрашивать, не видалъ-ли кто женщины верхомъ на пѣгомъ жеребцѣ? Никто такой женщины не видалъ. Акѣ-Томакѣ словно сквозь землю провалилась.

И пошелъ старикъ по базарамъ, городамъ и селеніямъ отыскивать себѣ пріютъ и работу. Онъ все искалъ встрѣчи съ коварною, неблагодарною красавицей... Ищетъ и до сихъ поръ, и понятно, какъ былъ изумленъ, увидавъ на стѣнахъ моей сакли ея изображеніе.

IV.

Тяжелое вообще положеніе женщины въ мусульманскомъ мірѣ, строго придерживающемся многоженства, достигаетъ крайнихъ размѣровъ въ средне-азіятскихъ ханствахъ, преимущественно въ Бухарѣ, этомъ разсадникѣ самаго яраго исламизма.

Обширная духовная власть, сосредоточенная въ рукахъ сильнѣйшаго изъ свѣтскихъ владыкъ, бухарскаго эмира, распространяется отъ него на все духовенство ханства. Ревниво оберегается чистота и цѣлость религіи этими фанатическими его агентами; на всякаго отступника, хотя-бы это отступничество было самыхъ незначительныхъ размѣровъ, немедленно обрушится тяжелая и уже положительно неотразимая кара. И несчастный не ждетъ уже помилованія отъ ревнителей вѣры: распаленные колоссальнымъ фанатизмомъ, они способны на всевозможныя неистовства, и цѣлый рядъ мучительныхъ истязаній указываетъ на избобрѣтательность этихъ поклонниковъ „пророка“.

О каждомъ изъ бухарскихъ муллъ можно сказать, что онъ болѣе магометанинъ, чѣмъ самъ Магометъ.

При такомъ положеніи дѣлъ что-же остается на долю бѣдной женщины, обсчитанной и обиженной кораномъ чуть-ли не на каждой изъ его узорныхъ страницъ ¹⁾?

На женщину наложенъ цѣлый рядъ тяжелыхъ обязанностей и одно только право—право требовать отъ мужа пищи, и то, въ такомъ только случаѣ, если ея безукоризненно исполняются всѣ ея обязанности относительно мужа; а судьей въ данномъ случаѣ является, прежде всего, тотъ-же самый мужъ.

Начнемъ съ того, что самое рожденіе дѣвочки вмѣсто почему-то всегда ожидаемаго мальчика производить уныніе и панику въ цѣлой семьѣ. Мать не смѣетъ рассчитывать на привѣтъ и ласку со стороны мужа и отца: она рѣдко получаетъ даже обычные, въ такихъ случаяхъ, подарки. Одно только обстоятельство примиряетъ разгнѣваннаго властителя съ совершившимся фактомъ, это—надежда выдать ее замужъ и получить выгодный „калымъ“.

Дѣвочка растетъ въ семьѣ въ полнѣйшемъ забросѣ. Едва только оторвутъ ее отъ груди матери, ей часто становится знакомъ голодъ и другія лишенія, особенно, если мать имѣетъ уже новаго ребенка.

¹⁾ Всѣ рукописные экземпляры этой книги изукрашены, чуть не на каждой страницѣ, самыми хитросплетенными арабесками, выведенными отъ руки перомъ и тушью. Даже самый текстъ часто располагается узоромъ: середина страницы прямыми, короткими строками, кайма лучеобразными, изображенными болѣе мелкимъ шрифтомъ. Надъ затѣйливостью подобныхъ узоромъ изощряется, обыкновенно, все воображеніе досулаго переписчика.

Въ грязи, вмѣстѣ съ другими, подобными себѣ существами, растутъ бѣдное дитя, дѣлится свои радости и печали, а частенько и пищу съ собаками, кошками и другими домашними животными; только лѣтъ черезъ шесть-семь, когда въ ребенкѣ замѣчаются уже признаки, предсказывающіе будущую красоту, начинаютъ наряжать ее въ яркія цвѣтныя лоскутья и увѣшивать бронзовыми и стеклянными погремушками. Съ этихъ-же поръ прокалываютъ уши и ноздри и вдѣваютъ въ проколы маленькія сережки.

Страсть къ нарядамъ и кокетству развивается чрезвычайно рано и быстро: восьми-лѣтнія дѣвочки частенько пачкаются бѣлилами и натираютъ сандаломъ свои, и безъ того румяныя, щечки.

Съ этого-же ранняго возраста онѣ не смѣютъ появляться на улицахъ иначе, какъ съ закрытыми волосаною сѣткою лицами.

Странно и смѣшно смотрѣтъ на эти крошечныя существа, тщательно скрывающіяся отъ любопытнаго взора мужчины. Даже дома, играя во дворахъ и на своихъ плоскихъ крышахъ, онѣ только украдкой рѣшаются подобраться къ краю карниза, чтобы взглянуть, что дѣлается тамъ, на улицѣ, внѣ ихъ заболдованнаго круга.

Едва только дѣвочка подростетъ, она уже со всѣхъ сторонъ окружена самымъ бдительнымъ надзоромъ. Да и какъ-же? На слово ей не вѣрятъ, ее даже не считаютъ законнымъ свидѣтелемъ въ чемъ-бы то ни было, хотя-бы въ самыхъ пустыхъ случаяхъ, чести и сознанія долга за ней не признаютъ вовсе. хотя строго караютъ за малѣйшія нарушенія того или другого. а для предупрежденія этого нарушенія ревнивые взоры главы семейства и его влечетовъ ревниво оберегаютъ ее въ стѣнахъ дома: на улицахъ-же она не показывается иначе, какъ съ закрытымъ лицомъ и въ безобразно накинутомъ на голову халатѣ, и все-таки подъ зоркимъ конвоемъ испытанной въ подобныхъ дѣлахъ старухи.

Ей запрещаютъ показывать свое лицо, окутываютъ въ безобразнѣйшій одноцвѣтный костюмъ (я говорю про верхнее, съ ногъ до головы покрывающее ее платье), лишаютъ ее возможности хотя немного, самымъ невиннымъ образомъ, пококетничать своею наружностью. А страсть къ кокетству, какъ я уже сказалъ, развивается весьма рано; препятствія, встрѣчаемыя на каждомъ шагу, раздра-

жаютъ эту страсть до невѣроятныхъ размѣровъ и жгучій протестъ, не смѣя еще пока вырваться наружу, закипаетъ въ маленькомъ сердцѣ. Начинается упорная война, исходъ которой предбугадать не трудно. Силы слишкомъ неравны! И женщина, вмѣсто того, чтобы видѣть въ мужѣ своего лучшаго товарища и друга, видитъ въ немъ самаго непримиримаго врага и всю свою жизнь не выходитъ изъ оборонительнаго положенія въ виду своего деспота.

Красота и внушаемая ею страсть — вотъ единственные союзники женщины, а если природа отказала ей въ первой, тогда ей остается только одно — покориться и молить Аллаха, чтобы онъ ниспослалъ ей беременность, которая разрѣшилась-бы непременно мальчикомъ. Ну, тогда дѣло женщины еще не совсемъ проиграно.

О какихъ-либо другихъ духовныхъ побужденіяхъ, о чувствѣ любви и т. д. здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Лишенная съ дѣтства всего, что только можетъ облагораживать душу, запертая въ тѣсныхъ стѣнахъ серала, ровно ничѣмъ незанятая, потому что отъ нея отняты даже и такія чисто-женскія занятія, какъ рукодѣлья, женщина исключительно на одномъ только тѣлѣ сосредоточиваетъ все свое вниманіе. Она его моетъ, холитъ, бѣлить, румянить, подбрашиваетъ волосы, зубы и ногти, обвѣшиваетъ бездѣлушками и всѣ свои помыслы и мечты сосредоточиваетъ опять на одномъ только животномъ чувствѣ самки.

А перейти за предѣлы помысловъ въ этомъ направленіи ни дѣвушка, ни жена не смѣютъ, да и не могутъ!

Остаются вдовы, но онѣ тоже, какъ собственность, могутъ перейти по духовному завѣщанію къ другому мужу. Подобные переходы хотя не указаны кораномъ, но тѣмъ не менѣе вошли въ общепринятый обычай.

Такимъ образомъ, только особенно счастливое стеченіе обстоятельствъ можетъ поставить женщину въ болѣе или менѣе независимое положеніе, въ которомъ ей открывается, наконецъ, возможность располагать собою.

Среда этихъ счастливицъ пополняется дѣвушками, круглыми сиротами, на которыхъ положительно некому предъявить своихъ правъ, вдовами, почему-либо непопавшими въ завѣщаніе, и, наконецъ, рабынями, потерявшими своихъ владѣльцевъ.

За всѣми этими лицами остается только духовно-полицейскій

надзоръ за нравственностью, а такъ-какъ изъ нѣкоторыхъ послабленій въ этомъ надзорѣ можно извлечь значительную выгоду, то корыстные муллы, варьируя пункты корана какъ имъ удобнѣе, нашли возможность именно въ этой развратной средѣ допустить болѣе независимую жизнь съ тѣмъ только, чтобы переходъ этотъ оплачивался опредѣленными, довольно крупными, ежегодными взносами.

Женщина, желающая вступить на самостоятельный путь, должна явиться передъ собраніе муллъ, открыть свое лицо и выдержать весьма тщательный осмотръ. Этотъ осмотромъ опредѣляется ея капиталъ, съ котораго ей придется платить проценты. Затѣмъ казы, духовный судья, лицо весьма сильное, выдаетъ ей за своею подписью ярлыкъ и разрѣшаетъ открыть двери своего дома.

Размѣры ежегодной платы весьма значительны, особенно если субъектъ одаренъ сильнымъ, красивымъ сложеніемъ и эффектнымъ лицомъ; самый меньшій взносъ не бываетъ менѣе двухсотъ кокановъ, т. е. сорока рублей на наши деньги, принимая коканъ за двадцать копеекъ, но взносъ этотъ достигаетъ часто до трехъ и четырехъ тысячъ кокановъ, а поразительная красавица, Хатича, въ Самаркандѣ, платила ежегодно по десяти тысячъ кокановъ и никогда не затруднялась уплатою.

Барышъ слишкомъ значительный, чтобы заставить муллъ порыться въ дебряхъ корана и подыскивать тамъ все, что имъ нужно.

Красавица, пустившая себя въ оборотъ, лишается покровительства религіи, но это не грозитъ ей нисколько опасностью: она можетъ быть совершенно спокойна за свою участь, пока акуратно выплачиваетъ свою подать—ярлычный взносъ.

Женщина не можетъ показываться на улицѣ съ открытымъ лицомъ, между тѣмъ для ярлычной это необходимо; значить является надобность обойти какъ-нибудь строгое запрещеніе корана, и вотъ этотъ обходный путь найденъ — *свободныя* обязанности появляться въ обществѣ въ мужскомъ платьѣ.

Одѣвшись въ мужской халатъ и надвинувъ поверхъ своихъ косъ мужской головной уборъ, красавица можетъ, сколько ей угодно, щеголять своимъ личикомъ и приобрѣтаетъ себѣ этии все больше и больше поклонниковъ.

Эти женщины ведутъ, большею частью, привольную, веселую

жизнь и вызываютъ мучительную зависть въ гаремныхъ затворницахъ. Онѣ соединяются часто въ небольшія общества, по-двѣ и по-три, нанимаютъ прислугу, держатъ лошадей, на которыхъ верхомъ, по-мужски, ѣздятъ изъ города въ городъ, не довольствуясь однимъ постояннымъ пунктомъ.

Прибывъ на мѣсто, онѣ подыскиваютъ удобный дворъ, преимущественно въ предмѣстьяхъ города, приглашаютъ музыкантовъ и открываютъ двери своего временного жилища. Имъ стоитъ только раза два проѣхать по городскому базару, чтобы къ вечеру того-же дня всѣ знали о ихъ прибытіи.

Постоянными посѣтителями этихъ азіятскихъ салоновъ бываетъ обыкновенно богатая холостая молодежь, заѣзжіе изъ чужихъ мѣстъ, а иногда и туземные „тузы“, которымъ надоѣла, наконецъ, заботность своихъ законныхъ женъ.

Для послѣднихъ посѣтителей отворяются особыя, болѣе потаенныя ходы и опытные джигиты прелестницы проводятъ ихъ незамѣтно для постороннихъ глазъ прямо въ помѣщеніе свободной красавицы; это самыя доходныя посѣтители. Подъ вліяніемъ жгучаго чувства, расхолодившійся селадонъ высыпаетъ за пазуху кокетки всѣ золотыя „тилля“ изъ своего, разшитаго шелкомъ, кожанаго кошелька.

Къ чести хозяекъ надо отнести, что рѣдка изъ нихъ рѣшится проболтаться о подобномъ посѣтителѣ, и эта скромность поощряетъ старыхъ волокитъ на новыя похождения.

Спокойно и прибыльно идутъ дѣла красавицы, по горе несчастной, которая вздумаетъ уклониться отъ взноса; ни одна контрабанда не преслѣдуется такъ строго, какъ эта, и проступокъ получаетъ ужасное значеніе прелюбодѣянія, а это влечетъ за собою плети и смерть. Такой-же участи подвергается и та, которая, подъ покровительствомъ проститутки, рѣшится на подобную продѣлку.

Почти не было примѣра, чтобы преступленіе этого рода не было открыто. За этимъ слѣдитъ самая зоркая и бдительная полиція, отъ глазъ которой не укроется ничего, какъ-бы утонченно не хитрили контрабандистки.

Подъ вліяніемъ свободы, подъ вліяніемъ разнообразнаго общества, ее окружающаго, азіятская женщина, вступившая на эту дорогу, положительно перерождается: запуганность и заботность затворницы

мало-по-малу ступшевывается она приучается къ болѣе свободному, безбоязненному обращенію съ мужчинами, замѣчаетъ, наконецъ, что и они имѣютъ много слабостей и недостатковъ, — однимъ словомъ, перестаетъ слѣпо вѣровать въ ихъ непогрѣшимость. Мужчина теряетъ свой авторитетъ и спускается до равнаго съ ней уровня; замѣтивъ разъ слабыя стороны мужчины, она ловко пользуется ими, часто зло смѣется надъ ними, и хитро, послѣдовательно начинаетъ отплачивать имъ, какъ-бы мстя этимъ за своихъ гаремныхъ подругъ.

Все пробудившееся остроуміе вырвавшейся на свободу азіатской женщины складывается именно въ саркастическомъ направленіи.

Пѣсни, которыя поются гетерами въ своихъ домахъ для развлечения посѣтителей, анекдоты и сказки, рассказываемыя ими, исполнены именно подобнымъ содержаніемъ. И только страхъ — остатокъ прежней запуганности — удерживаетъ эту самородную сатиру въ должныхъ размѣрахъ, не допускаетъ ее проникать за порогъ отверженнаго жилища и коснуться какъ-нибудь уха обитательницъ гарема.

Съ приходомъ русскихъ кровавый призракъ истязаній и смертной казни исчезъ безвозвратно и въ этомъ исчезновеніи убѣдились теперь даже самые необѣдимые. Съ нимъ исчезъ и страхъ, имъ внушаемый. И съ глубокою тоскою смотрятъ теперь мужья-владыки на двери своихъ гаремовъ и чуютъ своимъ встревоженнымъ сердцемъ, что не уберечь имъ этихъ дверей отъ свѣжей, всюду проникающей струи новаго вѣтра, который долженъ освѣжить душную, тяжелую атмосферу тайниковъ этой безобразно-сложившейся жизни.

— Аллахъ, Аллахъ! Нѣтъ Бога, кромѣ тебя, твоя надъ всѣмъ власть, тебѣ мы покоряемся, бормочутъ себѣ въ утѣшеніе недовольные, понутивъ свои чалмоносныя головы.

«Хвастался пѣтухъ своимъ курамъ, что нѣтъ въ свѣтѣ птицы его сильнѣе. А кто это тебѣ хвостъ выщипалъ? смѣялись надъ пѣтухомъ его куры !».

1) Двѣ строки изъ одной сатирической пѣсни, гдѣ осмѣивается заносчивость самохвальства мужчины.

громко распѣваетъ веселая одалиска, перебирая пальцами струны тыквеннаго струннаго инструмента, въ родѣ нашей балалайки.

Было уже довольно поздно. На гауптвахтѣ въ цитадели давно уже пробили вечернюю зорю; ночные часовые были разведены и я собирався ложиться спать, какъ вдругъ въ полосѣ свѣта, вырывающейся изъ-подъ откинутой полы моей палатки, я замѣтилъ бѣлую конскую морду и красные шаровары всадника. Я узналъ знакомаго мнѣ джигита Юсупа, изъ прислуги старшаго серкера Годдай-Агаллыка. Всадникъ бросилъ поводья на шею коня и, согнувшись, вошелъ въ палатку.

— Аманъ, тюра! произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку. — Спать легъ?

— Аманъ. отвѣчалъ я; — что скажешь?

— Одѣвайся, Годдай за тобою прислалъ; очень просилъ пріѣхать, ужъ такъ просилъ, такъ просилъ...

— Куда-же это онъ просилъ меня пріѣхать: на домъ къ нему?

— Ой, ой! Зачѣмъ на домъ! — Джигитъ улыбнулся и подмигнулъ своимъ кривымъ глазомъ. — Зачѣмъ на домъ... совѣмъ не надо на домъ...

— Такъ куда-же?

— А вотъ поѣдешь, узнаешь... Одѣвайся... а я пойду лошадь тебѣ сѣдлатъ. Ты ужъ не буди своего сарбаза: пускай спитъ... я самъ осѣдлаю...

— Ну, поѣдемъ, сказалъ я Юсупу и началъ одѣваться.

— Тамъ и комендантъ-тюра, и хошай-тюра хотѣлъ пріѣхать... Ужъ ты мнѣ повѣрь... хорошо будетъ, говорилъ Юсупъ, выходя изъ палатки.

Я одѣлся довольно скоро и засунулъ въ карманъ револьверъ на всякій случай. Безъ оружія мы никогда и никуда не выѣзжали въ то время. Черезъ десять минутъ мы трусили рысцою по перекладкамъ катта-бурганскихъ предмѣстій, поминутно пригибаясь къ шеямъ лошадей и отстраняя вѣтви фруктовыхъ деревьевъ, отягченныя персиками и сливами.

Ночь была темная, тихая; воздухъ былъ тепелъ и даже душнѣнъ; въ немъ носились ароматы то спѣлыхъ дынь и абрикосовъ,

то конскаго навоза, то мускуса. Изъ-за какого-то угла тянуло шибящимъ въ носъ запахомъ горѣлаго кунжутнаго масла.

Въ азіятскихъ городахъ вообще ложатся спать очень рано и въ настоящую минуту всё ворота были заперты и лавки задвинуты досками. Кое-гдѣ попадались намъ запоздалые еврей-красильщики съ рваными бумажными фонарями въ рукахъ; они робко жались къ стѣнкамъ, уступая намъ дорогу. Гдѣ-то далеко гудѣлъ бубень ночного сторожа.

Стая собакъ съ остервеніемъ рвала и теребила какое-то тряпье и мигомъ разлетѣлась по сторонамъ при нашемъ приближеніи. Летучія мыши поминутно безъ шума проносились въ воздухъ, особенно надъ бѣлою лошадью моего проводника.

Мы оставили вправо городскую стѣну и свернули въ глубь окрестныхъ садовъ. Черезъ нѣсколько времени Юсупъ, который все время ѣхалъ впереди, нырнулъ вмѣстѣ съ лошадью въ какое-то отверстіе, не то калитку, не то случайный проломъ въ стѣнѣ, приглашая и меня слѣдовать туда-же. Я пригнулся сколько могъ къ лошади, чтобы не разбить себѣ головы о притолку, и мы очутились внутри небольшого, полуосвѣщеннаго дворика, на которомъ, фыркая и огрызаясь, стояло нѣсколько осѣдланыхъ лошадей, привязанныхъ къ точенымъ деревяннымъ столбикамъ.

Изъ-за невысокой стѣны, отдѣляющей этотъ дворъ отъ другого, болѣе просторнаго, слышались многочисленные голоса, а подъ стѣною густыя вѣтви урюковыхъ доревьевъ рѣзко очерчивались на красноватомъ, колеблющемся фонѣ костроваго освѣщенія.

Намъ открыли одну половинку рѣзныхъ воротъ и мы вошли въ садъ, посрединѣ котораго, на квадратномъ возвышеніи, подъ группою старыхъ, развѣсистыхъ карагачей, на разостланныхъ коврахъ и кошмахъ возсѣдало многочисленное, оживленное общество.

На самомъ видномъ мѣстѣ, вся залитая свѣтомъ, сидѣла, поджавъ подъ-себя ноги, красивая женщина лѣтъ двадцати. Она была густо набѣлена и нарумянена, но, несмотря на этотъ слой краски, замѣтно послала на своемъ лицѣ печать болѣзненнаго истощенія.

Роскошные, черные, какъ уголь, волосы, заплетенные во множество тонкихъ косъ, перемѣшиваясь съ нитками бусъ, падали по обѣимъ сторонамъ ея обнаженной шеи. Рѣзко очерченныя брови

угломъ сдвинулись надъ тонкимъ, орлинымъ носомъ; большіе выразительные глаза смотрѣли какимъ-то лукавымъ, хищнымъ и выѣстъ съ тѣмъ заискивающимъ взоромъ. Старый рубецъ, идя наискось отъ лѣваго виска до половины щеки, придавалъ всей фізіономіи дикое, чарующее выраженіе.

Это была Акъ-Томакъ. Я узналъ ее сразу. Да и нетрудно было узнать. Подобныя лица, видѣнныя разъ, не забываются.

Рядомъ съ одалиской красовалась чудовищная, полу-сѣдая борода Годдая-Агалакка, который нѣжно перебиралъ въ своихъ мускулистыхъ рукахъ тонкія, длинныя, унизанныя перстнями пальцы красавицы.

Двѣ женщины, съ жирными и полинявшими фізіономіями въ длиннополыхъ рубахахъ изъ краснаго канауса и лиловыхъ шелковыхъ халатахъ, съ усиліемъ воздерживались отъ душившего ихъ смѣха и подталкивали другъ друга локтями. Вѣроятно, кто-нибудь передъ нашимъ приходомъ рассказывалъ нѣчто очень смѣшное.

Женщины грызали ломти сочной оранжевой дыни, подхватывая на лету руками падающіе изъ рта кусочки.

Вокругъ подносовъ, заваленныхъ всевозможными мѣстными сладостями, засѣдали вліятельные сарты изъ мѣстной аристократіи, лица все больше административныя и между яркими халатами туземцевъ красивый контрастъ составляли бѣлые кители нашихъ офицеровъ.

Когда я подошелъ ближе, Акъ-Томакъ вскинула на меня свои глаза и какъ-будто озадачилась немного; она отшатнулась назадъ всѣмъ корпусомъ и не донесла до рта руки своей съ кусочкомъ чего-то бѣлаго.

— Здравстуй! сказала я ей. — Вотъ мы и еще разъ увидѣлись.

Акъ-Томакъ свернула своими ослѣпительными зубами, что, вѣроятно, выражало привѣтственную улыбку, и движеніемъ руки пригласила меня сѣсть около нея.

Я принялъ это приглашеніе.

— Ха, ха, ха! разразилась одна изъ толстыхъ барынь. — Теперь около тебя такія двѣ бороды, что ты совсѣмъ спряталась за ними... Смотрите... смотрите...

И она совершенно безцеремонно указала пальцемъ на нашу группу.

— Меня вездѣ будетъ видно, рѣзкимъ, металлическимъ голо-
сомъ произнесла Акъ-Томакъ, къ которой относилось замѣчаніе
ея подруги.

Кто-то дернулъ меня сзади за рукавъ; я обернулся. Годдай-
Агаллыкъ за спиною хозяйки нагибался ко мнѣ, желая сообщить
что-то по секрету.

— Ты, слушай, ты меня, старика, не осуди... что я здѣсь-то,
къ ней пришелъ. Я вотъ и за тобою послалъ... Что-же, тутъ
дурного ничего нѣтъ... А мнѣ сегодня весело... очень весело! Я
лавку свою продалъ хорошо... и знаешь-ли еще что?

Тутъ онъ нагнулся къ самому моему уху и шепотомъ доба-
вилъ:

— И еще вашего вина большую чашку выпилъ... такого слад-
каго, что бурлить, когда нальешь въ чашку... живого вина! Что-
же, кто въ этой жизни безгрѣшенъ? И даже самъ Магометъ (я
знаю, мнѣ старій казы говорилъ,) не разъ уклонялся съ того
пути, который самъ начерталъ для всѣхъ правовѣрныхъ. А ты
все-таки этому самому казы не проболтайся о сегодняшнемъ ве-
черѣ. Бѣжь съ нимъ, что хорошаго!

Надо замѣтить, что власть и значеніе мусульманскихъ духов-
ныхъ лицъ значительно уменьшилась въ областяхъ, занятыхъ нами,
но такова сила привычки, что заставляетъ все еще трепетать и
бояться духовныхъ судей даже такихъ крупныхъ тузовъ, какъ
серверъ Годдай-Агаллыкъ.

Я поспѣшилъ успокоить старика, завѣряя его въ своей скром-
ности. Онъ потрепалъ меня по плечу и снова занялся перебира-
ніемъ пальцевъ Акъ-Томакъ и нѣжнымъ нашептываніемъ ей на
ухо.

— Зачѣмъ ты ушла отъ меня, не попрощавшись, точно вти-
хомолку... помнишь, тогда, въ Кара-Су? напомнилъ я хозяйкѣ
нашу случайную встрѣчу.

— Помню, отвѣчала Акъ-Томакъ и задумалась.— Помню, про-
должала она, немного помолчавъ.— Наши дороги были разныя...
Ты спалъ... Что-же, думаю, будить тебя... Случай придетъ —
увидимся. Вѣдь вотъ увидѣлись-же!

Это было сказано такъ просто и естественно, что мнѣ самому
показалось даже страннымъ, что это я такъ удивился тогда,
узнавъ объ исчезновеніи красавицы.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Акъ-Томакъ и ея подруги сыпали направо и налево островами и замѣчаниями самаго циничнаго свойства. Ни одинъ вопросъ не оставался безъ болѣе или менѣе остраго и замысловатаго отвѣта.

Всѣ гости, особенно Годдай-Агаллыкъ, по инициативѣ котораго устроенъ былъ этотъ вечеръ, весьма сожалѣли, что нельзя было пригласить музыку, отозванную на какой-то семейный праздникъ въ Пеншамби, верстахъ въ двѣнадцать отъ Катта-Кургана.

— Будете слушать, громко заявила одна изъ толстыхъ женщинъ, — я сейчасъ вамъ пѣсю спую... хотите?

Понятно, что всѣ поспѣшили выразить ей полнѣйшую готовность быть самыми внимательными слушателями.

— Про куръ и пѣтуха спой, подсказала ей Акъ-Томакъ, лукаво подмигнувъ на кое-кого изъ своихъ гостей.

— Ну, хорошо! Слушайте-же, откашлялась пѣвица. — Эй, тамъ, не звони посудю.

— Тсъ!.. тше...

— Подвинься немного.

— А тебѣ тѣсно? Убери ноги! Э... хмъ!

Завозилась заинтересованная публика.

Толстуха еще разъ откашлялась, посмотрѣла кругомъ, вытерла рукавомъ свои жирныя, красныя губы и начала пѣть. Голосъ ея былъ довольно сильный и чистый; на высокихъ нотахъ она немного взвизгивала. Мотивъ пѣсни былъ скучный и однообразный; вся пѣсня состояла изъ короткихъ, отрывочныхъ куплетовъ, между которыми пѣвица вставляла иногда свои личныя замѣчанія и поясненія. Она пѣла:

„Въ большомъ курятникѣ жилъ пѣтухъ съ своими курами ¹⁾).

Пѣтухъ былъ одинъ, а куръ у него было двадцать...

— Ты какъ думаешь, Годдай, мало двадцати куръ для одного пѣтуха или довольно? обратилась пѣвица къ почтенному сержеру.

• — Ге! крякнулъ только въ отвѣтъ Годдай и махнулъ рукою.

„Пѣтуху было хорошо; онъ большаго и не желалъ.

Куры-же его думали иначе.

¹⁾ Подстрочный, буквальный переводъ, записанный докторомъ Авдѣевымъ.

Пѣтуху было весело. Онъ сидѣлъ посреди двора и только крыльями хлопалъ.

Куры скучали, ходили, повѣся головы,
И все норовили подойти поближе къ краю стѣны...
Имъ хотѣлось видѣть, что дѣлается на улицѣ.
Смотрять, бѣжить мимо красная курица;
Она бѣжить, такъ по серединѣ улицы и несется...

— Это была я, пояснила пѣвица.— А то, можетъ быть, ты, Акъ-Томакъ, или ты, Наръ-Беби. Которая изъ васъ? Ну, да это все равно!..

— „Стой, красная курица, ты куда и откуда?“ спрашиваютъ ее пѣтуховы куры.

— „Бѣгу я туда, куда хочу, и оттуда, откуда хочу. Я птица вольная, не то, что вы несчастныя“, — отвѣчаетъ имъ красная курица, а сама остановилась на минуту...“

— Все-таки—баба. Поболтать любитъ. Ну, слушайте дальше...

— „Намъ-бы тоже хотѣлось побѣгать по улицѣ... вотъ такъ, какъ ты, да своего пѣтуха боимся“.

— „Дуры, говорить имъ вольная курица,—отъ того и боятесь!.. Сидите вы, глухыя, взаперти и не знаете ничего, что на свѣтѣ есть новаго...“

— „Разскажи намъ, коли ты знаешь, а мы будемъ слушать“.

— „Жилъ на свѣтѣ большой коршунъ, всѣмъ пѣтухамъ сродни.

Сильнѣе его не было птицы и дѣлалъ онъ, что хотѣлъ.

Всѣ его боялись и слушались и по его приказу все дѣлалось.

Пѣтухамъ отъ того было хорошо, курамъ плохо...

Подуло вѣтромъ съ зимней стороны и принесъ этотъ вѣтеръ другого коршуна,

Гораздо посильнѣе и больше, чѣмъ первый.

Обломалъ онъ тому оба крыла, оборвалъ когти на лапахъ,

Согналъ его съ нашествия, а самъ сѣлъ на его мѣсто...

И велѣлъ онъ оповѣстить всѣмъ курамъ, что никто теперь надъ нимъ не властенъ.

Хочешь сидѣть въ курятникѣ—сиди, не хочешь—бѣгай по улицѣ.

Кто слышалъ это, тотъ обрадовался, побѣждалъ,

Кто не слышалъ, тотъ и до сей поры, вотъ какъ вы, только изъ-за стѣнокъ глазѣте“.

— „Ладно“, смекнули пѣтуховы куры и стали переговариваться, да на своего пѣтуха поглядывать;

А тотъ спитъ себѣ въ тѣни и ничего не слышитъ“.

— А уж если-бы услыхаль, намаль-бы онъ хохоль этой красной курицѣ. Только-бы перья полетѣли. Какъ ты думаешь? подтолкнула пѣвица локтемъ своего сосѣда.

— Отстань... пой знай... не приставай!.. уклонился тотъ отъ прямого отвѣта.

— Силу вашу посшибли... ха-ха! и радъ-бы намать, да руки коротки, замѣтила Акъ-Томакъ, скаля свои зубы. — Ну, кончай!..

„Проснулся пѣтухъ, гаркнулъ на весь дворъ, куръ своихъ скликаеть, А уже ихъ и слѣдъ замело вѣтромъ. Всѣхъ за собою сманила красная курица.

— Вотъ и все, закончила пѣвица. — Хорошо, что-ли? Вотъ погодите, мы ваши курятники пообчистимъ! самодовольно обвела она публику своими веселыми, смѣющимися глазами.

— Никто какъ Богъ!.. смиренно вздохнулъ Годдай-Агаллыкъ и началъ задумчиво перебирать свою бороду.

Подали ужинъ; онъ состоялъ изъ шурпы (родъ рыбной похлебки) и незбѣжнаго плова.

Въ промежуткахъ разносились кунганы съ зеленымъ чаемъ и — о, прогрессъ! — даже красное вино, добытое, должно быть, у нашего маркиганта Ишана. Веселый пиръ длился почти до разсвѣта.

Свѣозъ темную массу кустовъ, въ самомъ концѣ сада, ярко свѣтились маленькіе четырехугольники. Это были входы во внутреннія сакли двора, предназначенныя для отдохновенія.

V.

Чуть брезжило на востокъ, когда я вышелъ на первый дворикъ, гдѣ оставилъ свою лошадь. Заря быстро разгоралась на горизонтѣ; рабочій народъ зашевелился по садамъ; кое-гдѣ глухо звякалъ кипмень, врѣзываясь въ сырую, разрыхленную почву огородовъ. Вода, пущенная въ оросительныя канавки (арнки) пѣнилась и быстро бѣжала, пробираясь по русламъ, успѣвшимъ уже просохнуть... Стаи розовыхъ скворцовъ переносились съ дерева на дерево. Аисты плавно неслись въ воздухъ. На сосѣднемъ дворѣ пронзительно оралъ ишакъ. По дорогѣ, за стѣною, топотали безчисленныя ноги катта-курганскаго стада, выгоняемаго въ степь на покормку...

Посмотрѣлъ я въ ту сторону, гдѣ должна была находиться моя лошадь; смотрю, какая-то рослая фигура въ ситцевомъ поло- сатомъ халатѣ возится около нея, поправляя сѣдлаку. Я видѣлъ толстую спину этой фигуры и широкой красный затылокъ; и то и другое показалось мнѣ какъ-будто знакомымъ...

Я подошелъ ближе, джигитъ обернулся.

— Ба! Абда-Рахманъ, ты какъ здѣсь? удивился я, встрѣтивъ на дворѣ Акъ-Томакъ бывшаго коканскаго палача, нашего про- водника, заклятаго врага коварной красавицы.

— Тюра, аманъ!.. произнесъ онъ, улыбаясь, и, оставивъ ло- шадь, подошелъ ко мнѣ, протягивая руки.

Мы поздоровались.

— Ты какъ здѣсь? повторилъ я свой вопросъ.

Я недоумѣвалъ. Старикъ отыскалъ, значить, Акъ-Томакъ. Это, положимъ, теперь было нетрудно сдѣлать. Красавица приобрѣла себѣ слишкомъ громкую извѣстность и молва объ ней могла, ко- нечно, достигнуть ушей эскъ-палача. Но вѣдь...

— А я здѣсь джигитомъ у ней служу, прервалъ Абда-Рах- манъ мое недоумѣаніе.—Я уже два мѣсяца служу. Пристроилъ на мѣсто свои старыя кости... Вотъ, твой конь готовъ. Валялся онъ сейчасъ и подпрыгу порвалъ, да я ее зачинилъ вѣриво. Садись.

Онъ ловко подвелъ моего коня, подобралъ поводья и подставилъ мнѣ стремя.

— Постой, другъ, успѣю еще уфхатъ, сказалъ я ему.— Вотъ увидалъ тебя, поговорить хочу.

— Ты гдѣ живешь? на томъ-же мѣстѣ? прервалъ меня ста- рикъ.—Я къ тебѣ сегодня прибѣгу въ гости... тамъ и говорить будемъ. Я къ полудню приду къ тебѣ, а ты мнѣ своего вина приготовь... я вѣдь теперь пью. Что-же, это можно.

— Вотъ какъ!

— Да, знаешь, казы старый третьяго дня тихо пріѣзжалъ сюда. Ну, я стерегу, чтобы кто не увидалъ. Вѣдь самъ казы!.. Такъ вотъ онъ самъ пилъ; я тихонько, тихонько подошелъ и ви- дѣлъ: выпилъ чашку, другую попросилъ, а передъ тѣмъ все отпѣкивался, ха, ха!.. Ну, думаю, коли казы самъ пьетъ ваше вино, такъ намъ и подавно Аллахъ простить. Мнѣ теперь не страшно его пить, а прежде все боялся,—ухъ, какъ боялся! Не то, что кого другого, а грѣха боялся. Садись!

— Такъ приходи-же, смотри, ждать буду, напомнилъ я старику его обѣщаніе забѣжать около полудня.

— Приду.

Я сѣлъ на лошадь.

— Видѣлъ я вчера, заговорилъ снова Абда-Рахманъ, — ты сарбазовъ своихъ стрѣлять училъ, тамъ, въ степи, по самаркандской дорогѣ. Я близко подошелъ, ты не видѣлъ меня. Много вѣдь народу приходило смотрѣть, гдѣ тутъ замѣтишь! Хорошо твои сарбазы стрѣляютъ... ухъ хорошо!.. Такъ всѣ разомъ трррахъ... Хорошо. Эй, бала, отвори ворота!..

Мальчикъ-сартенокъ выскочилъ откуда-то изъ-за навозной кучи и началъ возиться, шелкая дверною щекоткою. Распахнулись настезь ворота, въ нихъ пахнуло пылью, поднятою проходившимъ стадомъ. Я кивнулъ головою старику, напомнилъ еще, что буду ждать, и полною рысью погналъ по дорогѣ, лавируя между идущими на-встрѣчу пестрыми коровами, почтительно уступающими дорогу моей лошади. Черный, горбатый быкъ зло покосился на меня, остановился, взрылъ ногами землю, нагнулъ голову, храпнулъ, но подумалъ, должно быть, что вступать въ бой не приходится, и побѣжалъ съ ревомъ за какою-то поджарою коровой.

— Сегодня человѣкъ думаетъ такъ, завтра иначе. Это бываетъ. Вотъ и со мною это случилось, философствовалъ Абда-Рахманъ, выпивъ четвертую чашку чаю съ ромомъ. — Ты слушай, въ чемъ теперь ея вина? Человѣка она зарѣзала, и какого человѣка хорошаго, такого, что изъ-за нея свою голову чуть не отдалъ. Большое зло она сдѣлала, — ухъ, какое большое!.. Это правда.

Старикъ задумался и, опустивъ свою голову, подлилъ еще рому, взглянулъ на меня и продолжалъ:

— А я развѣ не рѣзалъ людей? Что-же, развѣ я все дурныхъ рѣзалъ, что-ли? Мало-ли ихъ перевелъ на своемъ вѣку, а за что? иной и самъ не знаетъ, за что на него ханъ гнѣвъ свой положилъ; какъ баранъ горло подъ мой ножъ подставляетъ... я его и того... Что-же, думаю, это я по ханской волѣ, я не самъ отъ себя. А кто жалованье отъ хана получаетъ за это? Кто халаты отъ хана получаетъ, кого съ ханской бухни кормили, кто въ

ханской саклѣ жилъ?—все я-же. За то мнѣ все и давалось это, что службу свою несъ, значить мнѣ рѣзать людей выгодно было, значить я рѣзалъ людей по своей волѣ. Могъ вѣдь я отойти отъ хана, какъ теперь вотъ отошелъ, и сохранить свои руки отъ чужой крови.

— Ну, а теперь, если-бы ханъ тебя простилъ, пошелъ-бы къ нему на прежнюю службу? спросилъ я.

— Нѣтъ, не пошелъ-бы, покачалъ головою экъ-палачъ; —, кто попробовалъ арбуза, тотъ не станетъ глотать глину“; здѣсь мнѣ лучше.... Теперь вотъ она (старикъ кивнулъ въ ту сторону, гдѣ была ставка Акъ-Томакъ),—она тоже зарѣзала Омаръ-шаха, потому-что ей все одно это было. Ты слушай, Омаръ-шахъ приѣхалъ-бы сюда вотъ, къ вамъ, чтобы онъ съ нею сдѣлалъ? сейчасъ первыми дѣломъ подѣ замокъ, это ужъ вѣрно, а ей-бы этого не перенести, я ее вѣдь знаю, теперь вотъ узналъ хорошо. Она, что лошадь негуртовая, особнякомъ ходить хочетъ, не то, что тѣ, табунныя... Я, говоритъ,—помнишь?—„не хочу изъ-подъ одной плети подѣ другую идти“; и это она вѣрно сказала Большой грѣхъ она сдѣлала — правда, да до этого, кромѣ самого Аллаха, никому дѣла нѣтъ. Пускай найдется та рука чистая, никогда на зло неподнимавшаяся, та только и можетъ на нее замахнуться. А развѣ есть такія руки на нашемъ свѣтѣ?..

Меня поразило это замѣчаніе стараго масульманина: самъ того не вѣдая, онъ повторилъ заповѣданную намъ, христіанамъ, святую истину.

— Старъ я сталъ, силы мои совсѣмъ уже не тѣ, что прежде были, продолжалъ Абда-Рахманъ.—Она меня пріютила, она меня любить, кормить хорошо, лучше, чѣмъ ханъ кормилъ; вотъ видишь, въ какихъ халатахъ хожу, хорошъ?—У меня еще есть два шелковыхъ, вотъ какъ!.. Ха-ха!.. Я, говоритъ, тебя никогда не оставлю...

Онъ снова задумался и уже, какъ-бы про себя, вполголоса произнесъ:

— Все простилъ я ей, все, только не за ея корнѣ и ласку, прежде еще простилъ: какъ самъ на волѣ пожилъ — и пораздумалъ спокойно. Я и не искалъ ея, да она сама обо мнѣ слышала и джигита за мною послала... Вотъ уже я два мѣсяца у

нея живу, и такъ ее полюбилъ, такъ полюбилъ, что дочь свою родную нельзя любить больше. А знаешь, что я еще за нею замѣтилъ?

Абда-Рахманъ внезапно оживился и глаза у него засверкали.

— Она вѣдь добрая; она съ виду только злая кажется. Недавно къ ней цѣлая семья пришла, разоренная послѣ войны; въ однѣхъ тряпкахъ, больные, дѣтей маленькихъ много... Три женщины и восемь маленькихъ. Всѣхъ пріютила, халаты имъ подарила и денегъ дала. У вашего коменданта за нихъ просила, чтобы мѣсто имъ отвелъ, гдѣ-бы имъ поселиться. Обѣщаль сдѣлать это. Вотъ она какая! Да это еще что!.. Она много доброго дѣлаетъ,— что зарабатываетъ и половины на себя не тратитъ. Хорошая баба... А я, тюра, еще у тебя выпью, съ этимъ-то, съ аракомъ. Я привыкъ къ нему... мнѣ, старику, это здорово.

— Пей на здоровье, поспѣшилъ я подвинуть къ нему бутылку, и велѣлъ своему деньщику положить въ сумку, у сѣдла Абда-Рахмана, еще одну бутылку рома ему въ подарокъ. Гость мой очень обрадовался, услышавъ мое распоряженіе...

— Я тебѣ завтра винограду привезу и лепешекъ, особыхъ лепешекъ; здѣсь, въ Катта-курганѣ, такихъ не пекутъ. Я къ тебѣ и завтра пріѣду. А теперь мнѣ домой пора. Прощай!

Я проводилъ его до перекрестка дороги. Онъ пошелъ пѣшкомъ рядомъ со мною и велъ свою лошадь въ поводу. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть на сѣдло, онъ снова заговорилъ о своей госпожѣ.

— А какая она гордая—страхъ! сказалъ онъ,—и никто ей ни въ чемъ перечить не можетъ: силы ни у кого не хватитъ! Когда она взглянетъ по-своему, всякій свои глаза въ землю уставитъ, я самъ тоже. Такой грозный взглядъ у ней. Самъ ханъ, я помню, не умѣлъ глядѣть такъ. Она надъ собою никакой власти не стерпитъ... скорѣе сама зарѣжется. Она ужъ у насъ такая! Да, на этомъ конѣ никакой джигитъ не усидитъ. И Омаръ-шахъ на немъ-бы ѣздилъ недолго!... Пошли ему Аллахъ на томъ свѣтѣ всего хорошаго. Прощай!

Онъ бойко вскочилъ на лошадь и поскакалъ, мелькая въ зелени садовъ, пока не скрылся за поворотомъ дороги.

— Я твоему ослу, смотри ты у меня, всѣ ноги переломлю:

зачѣмъ на мою землю пускаешь? кричалъ за стѣною какой-то голосъ.

— Какъ-бы я, гляди, тебѣ самому не переломалъ, отвѣчалъ другой, немного подалше.

— Самому курбашѣ пожалуюсь, — отдереть онъ тебя нагайками. Онъ вѣдь мнѣ сродни приходится, угрожалъ первый.

— А подавись ты своимъ курбашей! не тѣ нынче времена. Не страшно! отвѣчалъ другой.

— Не тѣ нынче времена, неволью повторилъ я, въ раздумь идя у самой стѣны, придерживаясь сплошной, прохладной тѣни карагачей. — Не тѣ времена; не знаемъ, что выйдетъ изъ всего этого, а времена, точно, для васъ сильно перемѣнились. „Никто какъ Аллахъ!“ вспомнились мнѣ вздохи стараго серкера Годдай-Агалинка.

— А ты все-таки не зѣвай! говорилъ за стѣной кто-то.

Это замѣчаніе, впрочемъ, не ко мнѣ относилось. Старый полуголый таджикъ давалъ инструкцію двумъ мальчуганамъ, взлѣзшимъ на глиняные столбики съ своими пращами и подолами рубашекъ, наполненными маленькими комочками глины. Мальчики собирались стеречь посѣвъ джугарры (китайскаго проса) отъ цѣлыхъ стай крылатыхъ ворихекъ, шумными обществами перелетающихъ съ одного поля на другое.

Н. Карзиннъ.

УМСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ.

(Die leitenden Ideen und der Fortschritt in Deutschland von 1860 bis 1870, von Hermann Richter, Nördlingen, 1873).

Последнее десятилетіе составляет, безспорно, важнѣйшую эпоху въ исторіи умственнаго и политическаго прогресса германской націи. Этотъ короткій періодъ нѣмецкой культуры ознаменованъ самыми плодотворными пріобрѣтеніями науки, которыми когда-либо Европа была обязана Германіи. Можно сомнѣваться, достигнетъ-ли когда-нибудь производительность нѣмецкой интеллигенціи той высоты, на которой она стояла въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ стимуломъ этого умственнаго возбужденія было то лихорадочное стремленіе къ національному единству, которое въ это время охватило всю Германію, какъ нѣкогда охватилъ ее духъ протестантской реформы. Нѣмецкая наука, литература и искусство шестидесятихъ годовъ, проникнутыя духомъ національнаго соперничества, дружно прогрессировали рука объ руку съ политической жизнью Германіи. Во всѣхъ сферахъ дѣятельности народъ обнаруживалъ пламенное желаніе показать Европѣ въ наиболѣе благоприятномъ свѣтѣ задатки и свойства своей національности и пріобрѣсти для нея право гражданства въ средѣ остальныхъ націй,—націй съ ясно опредѣлившимся характеромъ и исторической фізіономіей. Этимъ направленіемъ умственной дѣятельности Германія, созданнымъ идеей національной независимости, опредѣляется какъ достоинства, такъ и недостатки ея интеллектуальныхъ стремленій въ области наукъ и литературы. Съ одной стороны, она употребила на свою умствен-

ную культуру небывалыя усилія и рвеніе, которые принесли свои хорошіе плоды; съ другой—постоянное стремленіе къ національности, какъ къ высшему идеалу, привело къ одностороннему и исключительному отношенію къ дѣлу общечеловѣческихъ интересовъ.

Періоду шестидесятихъ годовъ предшествовалъ длинный рядъ событій, которыя постепенно подготовили массу германскаго народа къ сознанію своего національнаго единства. За крымской войной, показавшей всю шаткость политическаго значенія Германіи, послѣдовала итальянская кампанія, которая произвела еще болѣе глубокое впечатлѣніе на нѣмецкій народъ. Вся Германія сочла своимъ собственнымъ дѣломъ дѣло Австріи, изгнанной изъ Ломбардіи и южныхъ нѣмецкихъ государствъ. Она видѣла противъ себя не только Италію, но всю Европу; Англія игнорировала Германію, а Франція, въ лицѣ Наполеона III, деспотически навязывала всей Европѣ вообще, и Германіи въ особенности, свою гегемонію. Въ началѣ 1860 года Наполеонъ III безцеремонно говорилъ въ своихъ рѣчахъ: „Германія, равно какъ и остальная Европа, должны, наконецъ, привыкнуть къ законному преобладанію, котораго Франція снова достигла послѣ того, какъ она утратила его вслѣдствіе трактатовъ 1815 года“. Французская пресса открыто и наивно строила планы раздробленія Германіи и говорила о пей, какъ о мертвомъ тѣлѣ. Все это возбуждало въ Германіи сильную тревогу и волненіе; нація видѣла себя окруженной врагами, и чѣмъ сильнѣе представлялась ей опасность, тѣмъ охотнѣе она возвращалась къ мысли о всеобщемъ союзѣ между германскими государствами. Но во имя чего долженъ быть заключенъ этотъ союзъ? Гдѣ основы для національнаго единства и солидарности матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ? Передовые люди Германіи должны были сознаться, что этихъ основъ еще не было или, по крайней мѣрѣ, со времени вестфальскаго мира онѣ затерялись въ хаосъ частныхъ стремленій разьединенныхъ государствъ и ихъ приходилось снова создать и воскресить въ памяти народа. И вотъ началось дѣло націонализаціи науки, литературы и искусства.

Исторія прежде всего испытала на себѣ вліяніе духа времени. Узкій прагматизмъ, докторальный тонъ и якобы серьезная разработка мелочныхъ фактовъ исключительно мѣстнаго значенія, равнодушіе къ вопросамъ общечеловѣческой культуры—низводили нѣмецкую

исторію шестидесятихъ годовъ на степень средневѣковой хроники, которая могла имѣть интересъ только для нѣмца и притомъ въ извѣстной географической чертѣ. Вездѣ проводилась идея нѣмецкой національности и нерѣдко писались обширныя историческія изслѣдованія въ чисто-полемиическомъ духѣ и въ интересѣ различныхъ партій, между которыми особенно враждовали въ области исторіи партія сѣвера и юга Германіи, иначе говоря, партіи прусская и австрійская. Даже такіе даровитые и выдающіеся нѣмецкіе историки, какъ Ранке, Грегоровіусъ, Моженъ платили дань этому направленію. Когда въ Германіи въ концѣ 59 и 60 годовъ появилась „Исторія цивилизаціи“ Бокля, въ переводѣ Арнольда Руже, она не произвела особеннаго впечатлѣнія, она не была даже прочитана, по выраженію Зибеля, до послѣдней страницы. Нѣмецкая историческая наука, повидимому, не знала, что съ нимъ дѣлать, она занята была другими вопросами, ее интересовали не обще-европейскія идеи, а свои національныя и мѣстныя. Передовые мыслители и образованное большинство наслаждались пѣснями миннезингеровъ, сказаніями о герояхъ древней Германіи и нибелунгами, которые поставлены были даже на сцену Гейбелемъ и Хеббелемъ. Для литературной разработки памятниковъ германской старины организована была офиціальная коммиссія, такъ-называемая „мюнхенская коммиссія историческихъ наукъ“, которая задумана по мысли Ранке и осуществлена, благодаря ревностному участию короля баварскаго, Макса II. Король баварскій сознавалъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ нѣмецкихъ князей, опасность разъединенія нѣмецкихъ государствъ, но онъ предчувствовалъ и близость грозы, которая собиралась надъ его страной и готова была поглотить ее въ общемъ потокѣ германскаго единства. Въ грустномъ раздумьѣ о судьбѣ своего народа, король искалъ въ прошломъ утѣшенія и разъясненія будущаго. Онъ отозвался съ живымъ участіемъ на предложеніе сдѣлать Мюнхенъ центромъ историческихъ изслѣдованій нѣмецкихъ древностей и, надо отдать ему справедливость, взялся за дѣло энергично и вполнѣ заслужилъ названіе „піонера нѣмецкаго патріотизма“. Исторія Германіи стала обогащаться множествомъ болѣе или менѣе цѣнныхъ изслѣдованій, монографій и актовъ. Одна за другой издавались хроники нѣмецкихъ городовъ, составлялась исторія Ганзы, издавались сборники древнихъ законовъ и т. д. Но въ программу короля бавар-

скаго входило болѣе важное предпріятіе, которое, въ случаѣ осуществленія, безъ сомнѣнія, будетъ важнѣйшимъ памятникомъ современной нѣмецкой культуры. По мысли короля, мюнхенская коммиссія должна приступить къ составленію исторіи научнаго прогресса въ Германіи. Для этой цѣли король пригласилъ первоклассныхъ ученыхъ, весь цвѣтъ нѣмецкой эрудиціи: Ранке, Зибеля, братьевъ Гриммъ, Блюнчли, Вайтца и др. Нѣкоторые изъ трудовъ этой ученой коммиссіи уже изданы, но, къ сожалѣнію, они рѣшительно не имѣютъ общаго интереса: это сухіе архивные матеріалы, съ чисто-мѣстнымъ оттѣнкомъ, неосвѣщенные ни критикой, ни общими выводами. Въ то-же время, съ цѣлью живѣе напомнить народу о памятникахъ прошлаго, учрежденъ былъ германскій музей, реставрировались произведенія искусствъ, даже старинные рыцарскіе замки, и, наконецъ, по инициативѣ короля баварскаго, сооруженъ былъ въ Анспахѣ памятникъ величайшему поэту перваго классическаго періода Германіи, Вольфраму Эшенбаху. Съ художественной точки зрѣнія этотъ памятникъ не представляетъ ничего замѣчательнаго и не вполне даже соотвѣтствуетъ идеѣ, которую онъ долженъ былъ выражать, такъ-какъ это довольно неуклюжее произведеніе носитъ ясный отпечатокъ романскаго стиля.

Въ лирикѣ и драмѣ тоже начиналъ уже господствовать духъ національной исключительности. Нѣмецкая сцена была запружена скучными и безцвѣтными драмами въ родѣ „Людовика Баварскаго“, „Фридриха II Гогенштауфена“ и т. д. Въ драмѣ и лирикѣ обнаружилась наиболѣе рѣзкимъ образомъ реакція противъ универсальныхъ идей Лессинга и блестящихъ традицій Гердера, Шиллера и Гёте. Критика нерѣдко заходила въ своемъ увлеченіи національными сренденіями такъ далеко, что объявляла, à la Менцель, государственными измѣнниками всѣхъ, кто отдавалъ преимущество произведеніямъ иностранныхъ литературъ передъ отечественной. Одна официальная газета буквально обозвала Шиллера измѣнникомъ за то, что онъ написалъ своего „Вильгельма Теля“. Но больше всего доставалось французамъ, особенно послѣ 1859 года, когда поэты и драматурги Германіи, въ одинъ голосъ, требовали изгнанія съ нѣмецкаго Парнасса фривольной французской музы. Еще такъ недавно образованная нѣмецкая публика съ жадностью читала драмы Дюма, Скриба, Сарду, романы Сю, стихотворенія Гюго; Фран-

ція служила для Германіи, какъ и для всей Европы, образцомъ умственнаго прогресса; она воспитывала въ нѣмцахъ любовь къ литературѣ и поддерживала въ нихъ искру мировой жизни. Но уже послѣ 1848 года вліяніе Франціи на Германію начинаетъ ослабѣвать. Вѣроломный переворотъ декабрьской ночи поколебалъ кредитъ Франціи въ глазахъ нѣмецкаго общества, а итальянская кампанія превратила двѣ націи въ заклятыхъ враговъ. Впрочемъ, было-бы слишкомъ односторонне приписывать паденіе Франціи, во мнѣніи германскаго общества, исключительно политическимъ причинамъ. Германія была во многомъ права, чуждаясь Франціи временъ второй имперіи, основанной на деморализаціи нравственныхъ и умственныхъ силъ націи: поэзія, драма, искусство—всѣ сферы духовной дѣятельности проникнуты были той фальшивой и болѣзненной красотой, которая не могла не возбуждать въ читателѣ отвращеніе къ этому ложному блеску, подъ которымъ скрывалось пустое и жалкое содержаніе. Романъ и драма во Франціи въ эпоху второй имперіи упали до послѣдней степени. Грубый цинизмъ и скандальная хроника дня замѣнили собою великіе образы и цѣды прежняго творчества. Бальзакъ уступаетъ мѣсто Фейдо и Флоберу, Скрибъ вырождается въ Барьера и Дюма-сына. Въ самомъ обществѣ царилъ грубый эгоизмъ и погоня за дешевыми наслажденіями. Эмиль Монтегю очень мѣтко нарисовалъ въ 1859 году *идеалъ* современнаго молодого француза, какъ долженъ понимать его драматургъ. „Онъ обладаетъ возвышенными и благородными качествами души, но, вступая въ сношенія съ обществомъ, уподобляется до крайней степени людямъ своего времени, боясь сдѣлаться ихъ жертвой. Онъ скоро приходитъ къ убѣжденію, что глупо расточать свои свойства или свое великодушіе передъ свѣтомъ, который смотритъ на эти качества какъ на роскошь. Съ этихъ поръ боязнь быть обманутымъ составляетъ пружину всѣхъ его дѣйствій, а страхъ быть осмѣяннымъ служитъ критеріемъ его поведенія. Ему кажется, что міръ вооруженъ противъ него, и онъ старается прежде всего бороться съ нимъ одинаковымъ оружіемъ. Суровости онъ противопоставляетъ эгоизмъ. Онъ относится безъ недовѣрія, но и безъ довѣрія къ окружающимъ его лицамъ. Онъ питаетъ спокойное и твердое убѣжденіе, что эти лица ведутъ противъ него непрерывную атаку, чтобы извлекать изъ него пользу во что-бы то ни стало, и что по-

этому и онъ долженъ распоряжаться ими въ своихъ выгодахъ. Въ общественной организаціи онъ ничего не ищетъ кромѣ взаимнаго общія услугъ, которыя должны оплачиваться непосредственными выгодами. Онъ непреклоненъ и суровъ въ своемъ олигнпскомъ спокойствіи. Если онъ проявляетъ великодушіе, то съ чувствомъ гордости и безъ душевной теплоты; если онъ творитъ добро, то съ презрѣніемъ. Его ненависть непродолжительна, потому что ненависть есть чувство, которое не приноситъ никакихъ выгодъ. Онъ считаетъ столь-же бесполезнымъ истить, какъ и прощать; но онъ не забываетъ ничего. Такимъ образомъ, вооруженный равнодушіемъ, черствостью и эгоизмомъ, вступаетъ онъ въ жизнь съ ожиданіемъ, что только онъ одинъ совершитъ что-либо великое, и съ убѣжденіемъ, что человѣкъ есть естественный врагъ его. Таковъ идеаль молодой французъ временъ второй имперіи, если только онъ выходилъ на житейское поприще съ честными стремленіями и благими юношескими надеждами... Съ другой стороны типъ молодой француженки того времени обрисованъ романистомъ Флоберомъ: „Она ищетъ самыхъ чувственныхъ наслажденій и старается забыться въ нихъ; у нея нѣтъ другихъ человѣческихъ стремленій, кромѣ жажды золота, которое даетъ ей внѣшній блескъ. общественное положеніе, какъ-бы оно ни было двусмысленно, и продавая себя цѣною денегъ, она въ то-же время покупаетъ на нихъ все, что ей нужно на житейскомъ базарѣ. Тяготясь обязанностями матери, она не тяготится ролью наложницы, и хоть бы пришлось сегодня быть любовницей какого-нибудь *petit-crève*, а завтра простого фопарищика, она все-таки не промѣняетъ этой роли на первую.“ По мѣрѣ того, какъ французское общество оупскалось въ эту житейскую тину, и литература падала все ниже и ниже. Фабрикація безсмысленныхъ и циничныхъ пьесъ и романовъ возрастала *staccendo*, и если когда у автора не хватало сюжета изъ современной жизни, онъ обращался къ классикамъ и къ Востоку, гдѣ находилъ обильные матеріалы для раздражающихъ сценъ и фантастическихъ образовъ... Подъ вліяніемъ этой эпохи образовалась та школа романистовъ, которая и до сихъ поръ господствуетъ во французской литературѣ, угощая публику криминальными хрониками Дроза, великосвѣтскими вкотками Гусса и необычайными ужасами Понсонъ дю-Терайля. Когда столичная публика, посѣщавшая театры, находила для себя недостаточно

пикантными такія пьесы, какъ *Filles de marbre*, *Le mariage d'Olympe* и т. п. сочинялись за-ново фантастическія пьесы, не имѣвшія никакого содержанія, но которыя давали возможность нарядить актрису въ легкой костюмъ или вставить нѣсколько циничныхъ сценъ. Особеннымъ расположеніемъ публики и самого Наполеона пользовался *Théâtre du cirque impérial*, гдѣ распѣвались казарменно-патріотическія шансонетки, которыя составляли специальный родъ французской поэзіи временъ второй имперіи, воздѣланный такими геніями, какъ Мокаръ, секретарь Наполеона, Викторъ Сежуръ и д'Эмери. Все стихотворство этихъ жалкихъ писаекъ состояло въ томъ, чтобы нанизать нѣсколько напыщенныхъ фразъ во славу императора и національныхъ доблестей Франціи. Въ стихахъ ихъ непременно чередовались рифмы *gloire* и *victoire*, *France* и *vaillance*, *succès* и *Français*. Конечно, рядомъ съ этой литературой существовала и другая съ болѣе возвышенными чувствами и болѣе изящнымъ вкусомъ, — *école du bon sens*, какъ ее обыкновенно называютъ французы. Корифеемъ этой школы былъ Викторъ Гюго, отчасти Понсаръ и Ожье въ области изящной литературы и Токвиль, Кине, Шаррасъ, Барантъ, Лабуэ въ области исторіи и журналистики. Но голосъ этой литературы выходилъ не изъ среды общества и онъ глухо отдавался, какъ въ пустомъ пространствѣ, въ его умъ и сердца.

Когда, такимъ образомъ, въ глазахъ Германіи померкъ ореолъ литературной славы Франціи, неумудрено, что она такъ легко и съ такой страстью поддалась чувству вражды къ ней, подогрѣваемому стремленіемъ къ національной независимости и еще болѣе желаніемъ расширить „любезную Германію“ за предѣлы Майна. Напрасно нѣкоторые умы Германіи работали въ духъ примиренія двухъ сосѣднихъ націй; они не могли сказать добраго слова о современной Франціи и искали для нея защиты предъ судомъ нѣмецкаго общества въ предшествовавшихъ періодахъ ея литературы. Къ ней обращались всѣ даровитые нѣмцы и на нее указывали, какъ на источникъ умственнаго одушевленія Германіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Гейбель и Лейтольдъ ревностно переводили французскихъ лириковъ и знакомили нѣмцевъ съ Вольтеромъ, Андр. Шенье, Ламартиноу, Викторомъ Гюго, Альфредомъ де-Мюссе и Беранже. Но въ то-же время является великолѣпная „*Legende des siècles*“ Гюго, которая почти разру-

шаетъ въ душѣ германскаго общества симпатіи къ Франціи и уничтожаетъ благопріятное впечатлѣніе, произведенное на него стройными звуками французской лиры. Нѣмецкіе критики старались оиоплить это, правда, немного заносчивое и оскорбительное для самолюбія почти всѣхъ европейскихъ націй произведеніе, но, бесспорно-высоко талантливое и лучшее изъ произведеній французскаго гениа.

Только музыка и театръ въ Германіи сохраняли слѣды французскаго вліянія и долго не поддавались національному вліянію, хотя современемъ должны были уступить ему. Нѣмецкіе національные драматурги и музыканты, какъ, напр., Ляхнеръ, Абертъ и Прессель игнорировались большинствомъ публики или съ большимъ трудомъ и крайне медленно побѣждали ея нерасположеніе, тогда какъ каждая опера, которая имѣла успѣхъ на парижской сценѣ, приобретала многочисленныхъ поклонниковъ и въ Германіи; въ ужасу нѣмецкихъ критиковъ, наблюдавшихъ за чистотой національныхъ нравовъ, публика дарила своимъ вниманіемъ не только оперы Обера, Гуно и другихъ, но и извѣстныя оперетки Офенбаха, которыя тѣмъ сильнѣе порицались, чѣмъ усерднѣе ихъ слушали. Ричардъ Вагнеръ составлялъ единственное и рѣзкое исключеніе изъ этого общаго хора. Это былъ сынъ своего народа въ полномъ смыслѣ слова. Въ его музыкальныхъ произведеніяхъ всецѣло выразился духъ времени и его музыка была вовсе не пресловутой „музыкой будущаго“, не *Zukunftsmusik*, но музыкой самоновѣйшаго настоящаго. Ричарда Вагнера можно сравнить съ нѣмецкимъ живописцемъ Корнеліусомъ и его школой, стремившейся къ выраженію въ своихъ произведеніяхъ нѣмецкаго національнаго характера. Какъ Корнеліусъ пренебрегалъ красками и изяществомъ внѣшней отдѣлки, заботясь только о концепціи, такъ Ричардъ Вагнеръ пренебрегалъ чистой мелодіей и пользовался ею, какъ средствомъ для передачи сущности и глубины своихъ идей. Быть можетъ, стремленіе къ этой невозможной задачѣ было причиной душевнаго расстройства, которымъ страдалъ и страдаетъ до сихъ поръ Вагнеръ, какъ утверждаютъ нѣмецкіе психіатры, къ крайнему неудовольствію его горячихъ поклонниковъ и друзей. Но, во всякомъ случаѣ, Ричардъ Вагнеръ — выдающійся представитель нѣмецкой національной идеи, по крайней мѣрѣ, въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, для которыхъ онъ самъ даже сочиняетъ текстъ, черпая сюжеты изъ

древней германской исторіи, какъ, напр., для Лоэнгринъ, Тангейзеровъ, Тростана.

Это національное вліяніе проникло даже въ такія области искусства, какъ скульптура, живопись и архитектура. И совершенно понятно. Масса народа нуждается въ живыхъ образахъ, она изучаетъ исторію гораздо легче на пластическихъ изваяніяхъ, чѣмъ по книгамъ. Во многихъ городахъ Германіи воздвигались памятники людямъ, въ которыхъ народъ видѣлъ гордость своей націи, причѣмъ въ нѣмецкой печати возникъ по этому поводу весьма комическій споръ о томъ, слѣдуетъ-ли изображать героевъ въ костюмахъ или въ обнаженномъ видѣ. Споръ разрѣшился въ пользу костюмовъ, къ немалой радости Рихтера, по словамъ котораго, отнынѣ „нѣмецкіе герои не будутъ являться народу, какъ неодѣтые римляне“. Торжественное открытіе памятника Шиллеру было первымъ проявленіемъ тусклаго сознанія народа своего національнаго единства. Памятникъ этотъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, великолѣпенъ; онъ представлялъ народу его любимаго поэта въ мощномъ, полномъ жизни и одушевленія образѣ, но въ сверхъестественной величинѣ, какимъ онъ обыкновенно рисуется въ воображеніи народа. Подлѣ него возвышалась фигура менѣ популярнаго Гёте, къ которому народъ относился холодно, какъ къ представителю болѣе широкихъ, общечеловѣческихъ идей.

Но наиболѣе національнымъ 'или, лучше сказать, полнѣе выражающимъ идеи своего времени, является въ разсматриваемую нами эпоху умственнаго движенія нѣмецкій романъ. Только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ общее направленіе нѣмецкаго романа и его тенденціи свидѣтельствовали о его связи съ идеей нѣмецкой національности. Въ легкихъ очеркахъ Ганса Ибелеса, въ рассказахъ Шпильгагена, пріобрѣтшаго впоследствии столь громкую извѣстность, въ аристократическихъ романахъ графини Ганъ Гагъ и въ романѣ Ауэрбаха „На высотѣ“ изображены различныя стороны національной жизни современной Германіи. Около этихъ именъ группируется цѣлый рядъ второстепенныхъ беллетристовъ, въ произведеніяхъ которыхъ есть много общаго, національнаго. Мы видимъ въ нихъ зародышъ близкихъ событій будущаго, броженіе неясныхъ началъ новой политической эры и борьбу между идеей отжившаго цезаризма и идеей народной свободы, какъ двухъ различныхъ принциповъ, которые должны рѣшить судьбу Германіи. Уже

въ то время умы были заняты вопросомъ о національномъ единствѣ Германіи, но отъ идеальныхъ стремленій къ этой цѣли до ея практическаго осуществленія былъ громаднй шагъ, который труденъ былъ не для одного нѣнца. Любуясь національнымъ единствомъ изъ прекраснаго далека, германское общество обнаруживало много горячности, единодушія и патріотическаго увлеченія, но оно не могло долго гѣшить себя мечтами о будущемъ величій своего отечества. Единство можно прибрѣсти только цѣною подчиненія частной свободы объединяющей силѣ авторитета, пожертвованіемъ своей независимости подчиненію одной власти и одному закону. Это-то соображеніе вносило довольно непріятный диссонансъ въ теоретическіе помыслы и патріотическій энтузіазмъ нѣмцевъ,—диссонансъ, который впоследствии выразился въ раздѣленіи общества на двѣ противоположныя партіи—прусской гегемоніи и равноправной федераціи.

Самымъ крупнымъ произведеніемъ нѣмецкой беллетристики начала шестидесятихъ годовъ является романъ Гуцкова: „Der Zauberer von Rom“, гдѣ умственное движеніе Германіи выразилось во всей его широтѣ. Авторъ изображаетъ въ цѣломъ рядѣ художественныхъ сценъ борьбу двухъ силъ—католической церкви и нѣмецкаго государства,—которыя служатъ здѣсь представителями романскаго и германскаго міровъ. Гуцковъ ясно указываетъ на эту тенденцію своего романа въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ, что старый споръ между гвельфами и гибеллинами еще не поконченъ. „Раньше или позже, говоритъ онъ,—настанетъ часъ, когда рѣшится, будетъ-ли міръ принадлежать славянамъ, кельто-романамъ или германцамъ“. На эту тему бредила почти вся Германія, если не вся Европа, возбужденная политическими событіями того времени. Нѣмецкіе патріоты, задавшіеся мыслью о несовѣстности трехъ упомянутыхъ племенныхъ элементовъ, торопились принять всѣ мѣры, чтобъ обезпечить Германіи единое и нераздѣльное господство надъ міромъ. Ихъ подстрекали успѣхи Италіи, вѣншее могущество второй имперіи и возраставшая сила Россіи. Напрасно нѣкоторые благоразумные нѣмцы охлаждали пылъ своихъ соотечественниковъ и твердили имъ, что борьба между романскими націями и германцами никогда не будетъ имѣть такого плодотворнаго исхода, что этому мѣшаютъ просто климатическія условія, что римляне, столь искусные въ дѣлѣ завоеванія, могли продержаться лишь самое

короткое время на Рейнѣ и Дунаѣ и не въ силахъ были утвердиться въ болѣе суровыхъ частяхъ сѣверной Германіи, что, наконецъ, сами германцы, послѣ того, какъ они разрушили римскую имперію и прошли побѣдоносно чрезъ всю Европу, завоевавъ даже сѣверную Африку, постепенно исчезли изъ всѣхъ теплыхъ частей Европы, а въ Африкѣ едва продержались только одно столѣтіе.

Въ романѣ Гуцкова идея національнаго, государственнаго единства Германіи встрѣчаетъ мощнаго врага въ римской іерархіи. Съ одной стороны, Римъ господствуетъ надъ южной Германіей, съ другой—онъ является представителемъ романскихъ націй, которыя, по мнѣнію Гуцкова, враждебны германскому міру. Гуцковъ изображаетъ собственно борьбу римской іерархіи за самосохраненіе и господство. Онъ показываетъ далѣе, какъ изъ этой борьбы противъ государства развивается свобода. И церковь, и государство сами по себѣ относятся къ ней враждебно, такъ какъ они стремятся къ единству и утвержденію своего авторитета, но въ своихъ взаимныхъ столкновеніяхъ и церковь, и государство взываютъ къ свободѣ и дѣйствуютъ во имя ея интересовъ. Такъ во время 30-ти-лѣтней войны протестантскіе князья боролись за германскую свободу, которой они не выносили въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, и даже Шиллеръ въ своей исторіи 30-ти-лѣтней войны называетъ этихъ князей „борцами за свободу“. Романъ Гуцкова получаетъ особенную прелесть въ тѣхъ сценахъ, гдѣ изображаются стремленія и надежды современнаго ему общества. Здѣсь авторъ является и мощнымъ художникомъ, и проницательнымъ политикомъ, предугадывающимъ съ поразительной вѣрностью событія, которыя совершились спустя 10 лѣтъ. Борьба разыгрывается въ главнѣйшихъ своихъ эпизодахъ въ Италіи, гдѣ итальянскіе патріоты незамѣтно готовятъ общественное мнѣніе, въ объединеніи своего отечества, торжество идеи нѣмецкой національности. „Римъ и великое дѣло свободы ждутъ своего приговора отъ Италіи и ея политическихъ судебъ.“—Нѣмецкое общество еще не вполне сознавало въ то время, что политическія движенія въ Италіи суть предвѣстники германскаго единства, но тѣмъ не менѣе событія въ Италіи возбуждали въ Германіи живѣйшій интересъ. Весьма замѣчательно,

что въ романѣ Гудкова эта связь итальянскихъ событій съ судьбами Германіи выражена ясно, почти пророчески. Гудковъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на стремленіяхъ итальянскихъ патриотовъ, онъ описываетъ подробно дѣятельность народныхъ движеній, выразившихся въ союзѣ карбонаріевъ, братьевъ Вандіера и въ заговорѣ іезуитовъ съ правительствомъ. Прослѣдивъ борьбу итальянскаго народа противъ папства почти до начала шестидесятихъ годовъ, Гудковъ прерываетъ плавное теченіе разсказа. Папа умираетъ и кардиналы собираются для избранія новаго папы. Выборъ конклава падаетъ на героя романа, благороднаго и честнаго Бонавентуру Асселина. Онъ нѣмецъ и вноситъ во всѣ свои дѣйствія „нѣмецкій духъ“; онъ достигаетъ примиренія между двумя враждебными расами и водворяетъ безграничную религиозную терпимость. Въ своемъ христіанскомъ смиреніи онъ называетъ себя Либеріемъ II, потому что Либерій I былъ первый папа, великій патриотъ Италіи, не мечтавшій ни о всемірномъ господствѣ своей власти, ни о по дченіи народной жизни своему іерархическому честолюбію; Либерій II тотчасъ послѣ своего выбора объявляетъ торжественно, что онъ согласился на свое избраніе лишь подъ условіемъ, что „первымъ дѣломъ его, какъ коронованнаго епископа Рима, будетъ созваніе всеобщаго собора. Соборъ, дѣйствительно, былъ созванъ ровно черезъ десять лѣтъ, но извѣстно, къ чему привелъ онъ. Вслѣдъ за этимъ романомъ явился новый романъ Гудкова „Hohenschwan-gau“, который, подобно предъидущему, былъ произведеніемъ своего времени и менѣе замѣчателенъ съ художественной, чѣмъ съ политической и исторической стороны. Вся беллетристика приняла характеръ историческій, за исключеніемъ произведеній Шпильгагена и Ауэрбаха, которые впервые положили начало общественному роману. Большинство-же беллетристовъ, поэтовъ, драматурговъ преслѣдовали въ своихъ произведеніяхъ историческія тенденціи. Таковы трагедія „Brutus und Collatinus“, „Schach dem König“, „Völkerveränderung“. Этимъ-же духомъ проникнуты критическіе этюды о нѣмецкихъ писателяхъ классическаго и доклассическаго періода, какъ, напр., этюды о Кронеггѣ, Бюргерѣ, Клопштокѣ. Въ этихъ произведеніяхъ уже начинаютъ обрисовываться два преобладающихъ воззрѣнія на германское единство, двѣ политическія партіи — націоналовъ и государственниковъ, изъ кото-

рыхъ первая требовала включенія въ семью нѣмецкихъ государствъ Австріи, а послѣдняя находила это невозможнымъ и гибельнымъ для германскаго единства. Въ изданіяхъ „Писемъ Лютера“ и „Валленштейна“ Ранке, въ „Густавъ-Адольфъ“ Дройзена, въ „Карлъ V и его отношенія къ протестантамъ“ Мауренбрехера ярко выразилась политическая тенденціозность современной Германіи и антагонизмъ между Пруссіей и Австріей, между сѣверомъ и югомъ Германіи. Въ исторіи литературы одна партія искала заслугъ Пруссіи, другая Австріи и южныхъ государствъ, но послѣ войны 1866 г. и та и другая смотрѣли на будущее съ тревогой и боязнью. Диктаторскій тонъ Пруссіи и ея скорѣе наступательная, чѣмъ охранительная политика по отношенію къ остальной Германіи, вызвалъ въ ея друзьяхъ горькое разочарованіе, которое такъ хорошо выразилось въ извѣстныхъ баденъ-баденскихъ эпиграммахъ. Авторъ этихъ эпиграммъ, изданныхъ въ 1867 году, говорилъ между прочимъ:

«Oftmals sagte ich im Zorn: er wäre uns heute willkommen,
Wer uns die Einheit bringt, wär'es mit Geißel und Schwert.
Aber da hofft ich stets, die rücksichtslose Gewalthat
Komme mit einem Schlag über uns alle gleich.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ очерку научнаго прогресса Германіи, мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько подольше на одномъ изъ самыхъ крупныхъ и отрадныхъ явленій умственной жизни нѣмецкаго общества. Мы говоримъ о новомъ изданіи Гервинусомъ своего замѣчательнаго и глубокаго труда объ „Исторіи нѣмецкой изящной литературы“ (Geschichte der deutschen Dichtung). Это человѣкъ, которымъ нѣмецкое общество совершенно вправѣ гордиться, но который, въ свою очередь, ни сколько не гордится нѣмецкимъ обществомъ. Это почти единственный нѣмецкій мыслитель, который умѣлъ сохранить трезвость ума въ періодъ всеобщаго увлеченія патріотизмомъ и относился безъ національнаго самохвальства къ послѣднимъ событіямъ, подготовлявшимъ насильственное объединеніе Германіи. Онъ горячо любилъ свой народъ и свое отечество; нельзя требовать болѣе полновѣснаго и осязательнаго доказательства этой любви, какъ то, которое даютъ эти четыре громадныхъ тома, обработанныхъ съ такой добросовѣстностью и талантомъ. Гервинусъ принадлежитъ къ числу разумнѣйшихъ и искреннѣйшихъ нѣмецкихъ патріотовъ, которыхъ когда-либо знала

Германія; онъ изучалъ ея литературу съ любовью, останавливался на мельчайшихъ проявленіяхъ ея силы и анализировалъ ихъ съ безпристрастной оцѣнкой. Онъ, повидимому, раздѣляетъ надежды и стремленія своихъ соотечественниковъ къ національному единству, но это не помѣшало ему рѣзко осудить политику современныхъ ему государственныхъ дѣятелей Германіи. Событія, совершившіяся по инициативѣ Пруссіи, и достославная франко-прусская война омрачили послѣдніе дни его жизни глубокой скорбью, которую онъ слегка выразилъ въ предисловіи къ первому тому своего сочиненія. Обращаясь къ своимъ умершимъ друзьямъ, братьямъ Гриммъ и Дольману, съ которыми онъ былъ связанъ узами личной привязанности и общностью научныхъ изслѣдованій, Гервинусъ говоритъ, что они не назвали-бы дѣяній 1866 года „великимъ торжествомъ (какъ говоритъ поэтъ), вписаннымъ золотыми буквами въ лѣтописи исторіи, но днями позора, насилія и предательства“. „Они никогда не сочли-бы, продолжаетъ Гервинусъ, — великихъ военныхъ подвиговъ 1870 года за проявленіе могучей силы великана, который способенъ однимъ взмахомъ уничтожить глубокое недовольство внутренними дѣлами Германіи, ибо какъ ни достойны удивленія эти подвиги, но тотъ, кто смотритъ на нихъ не очами дня, а очами исторіи, тотъ видитъ въ нихъ неисчислимыя опасности, потому что они ведутъ насъ на тотъ путь, который противорѣчитъ характеру нашего народа и, что всего важнѣе, характеру нашего вѣка“.

Трудъ Гервинуса вышелъ давно, въ 40 годахъ, и передъ нами лежитъ уже пятое изданіе его. Поэтому казалось-бы, что онъ мало или вовсе не имѣетъ отношенія къ умственному движенію современной Германіи. Однако, мы считали все-таки необходимымъ познакомить съ нимъ читателей, во-первыхъ, потому, что первые два тома пятаго изданія сочиненія Гервинуса представляютъ почти новый трудъ, появившійся какъ-разъ въ рассматриваемую нами эпоху; по всей вѣроятности, и остальные два тома подверглись-бы столь-же коренной переработкѣ, если-бъ смерть не унесла Гервинуса въ могилу. Но мы останавливаемся на сочиненіи Гервинуса преимущественно потому, что оно посвящено національной нѣмецкой литературѣ. Мы видѣли, что національная идея охватывала собой всѣ сферы умственной дѣятельности Германіи, что ея поэты, драматурги, романисты и историки постоянно обращались назадъ,

къ своему прошлому, и въ немъ черпали матеріалы для своихъ произведеній. Но какія-же заслуги имѣеть эта хваленая древность, что поучительнаго представляетъ она для жизни современныхъ поколѣній, какія умственные и литературныя богатства погребены въ могилѣ минувшихъ вѣковъ, каковъ, наконецъ, отличительный характеръ нѣмецкаго творчества? Намъ казалось необходимымъ ознакомиться съ этими вопросами хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, чтобы правильно оцѣнить всеобщее тяготѣніе нѣмецкой интеллигенціи къ своему прошлому и понять, чего искала она въ пыли архивовъ и какимъ образомъ надѣялась обновить свою зрѣлую мудрость младенческими лепетомъ своего дѣтства.

Гервинусъ восходитъ въ своей „Исторіи изящной литературы“ къ первымъ слѣдамъ народнаго творчества въ Германіи, къ переселенію народовъ и борьбѣ германцевъ съ Римомъ. Нужно признаться, что періодъ древней нѣмецкой литературы весьма бѣденъ характеристическими памятниками сравнительно съ литературами другихъ странъ, и только широкая точка зрѣнія Гервинуса, его стремленіе отыскивать общіе законы духовнаго развитія націй, его замѣчательно-живое изложеніе вознаграждаютъ читателя, знакомящагося съ литературой древней Германіи. Но самые памятники поражаютъ скудостью творчества, безцвѣтной, вялой фантазіей и блѣдностью поэзіи. Находилась-ли литература въ рукахъ народа, духовенства или рыцарства, въ ней всегда преобладалъ созерцательный характеръ надъ поэтическимъ. Субъективная замкнутость, склонность къ резонерству, холодный дидактизмъ и обыденная мораль, любовь къ баснѣ, притчамъ и аллегоріи составляютъ существенное содержаніе изящной литературы древней и средневѣковой Германіи. Неумѣлость и безсиліе нѣмецкаго духа въ дѣлѣ поэтическаго творчества обнаруживаются въ особенности ярко въ тотъ періодъ, когда нѣмецкая литература начала переходить изъ рукъ духовенства въ руки рыцарства, изъ монастырскихъ келій въ княжескіе палаты, подъ защиту князей и придворной знати. Само рыцарство менѣе сочувствовало характеру нѣмецкаго народа, чѣмъ другимъ націямъ, напр., французамъ, но по своей природѣ рыцарство влекло къ поэзіи, къ любви и возбуждало въ сильной степени дѣятельность чувствъ. Интересно видѣть, съ какими усиліями рыцарство толкало неповоротливаго Михеля къ новому культу любви, какъ упирался онъ на одномъ

жѣствѣ и какъ, наконецъ, пустившись въ несвойственную ему сферу идеальнаго обоготворенія женщины, не ловко спотыкался и падалъ подъ давленіемъ новыхъ впечатлѣній. Не находя въ собровищницѣ своего духа творческихъ элементовъ, которые соотвѣтствовали-бы внѣшнему возбужденію рыцарства, Германія постоянно обращалась къ Франціи или англо-саксамъ за матеріалами для своей литературной дѣятельности. Заимствованія изъ иностранныхъ литературъ составляютъ обыденное явленіе въ нѣмецкой средневѣковой поэзіи, и еще долго въ послѣдствіи Франція продолжала воспитывать своей литературой нѣмецкое общество и держать его подъ своимъ интеллектуальнымъ обаяніемъ. Объ этомъ не слѣдовало-бы забывать тѣмъ рьянымъ нѣмецкимъ критикамъ, которые ищутъ въ своемъ прошедшемъ доказательствъ своей умственной самостоятельности и независимости. Даже тотъ нѣмецкій поэтъ, котораго еще недавно чтитъ вся Германія въ своемъ патріотическомъ энтузіазмѣ, упомянутый нами Вольфрамъ Эшенбахъ, обязанъ своей литературной славой исключительно Франціи. По какой-то непонятной странности, нѣмцы выбрали для патріотическаго чествованія именно поэта, который въ своихъ произведеніяхъ всего менѣе былъ нѣмцемъ. Одно изъ главнѣйшихъ его произведеній, Парциваль, есть буквальный переводъ французской поэмы съ тѣмъ-же заглавіемъ, но переводъ плохой, такъ-какъ Гервинусъ доказываетъ незнаніе французскаго языка Эшенбахомъ и упрекаетъ его въ искаженіи нѣмецкой рѣчи. Достаточно познакомиться съ содержаніемъ Парциваля, чтобъ убѣдиться, что это произведеніе не могло возникнуть на нѣмецкой почвѣ. Пламенная фантазія, обиліе картинъ и яркихъ образовъ, рѣзкіе переходы и сближеніе самыхъ отдаленныхъ съ самыми близкими предметами, беспокойная неподвижность, смѣсь дикой грубости и идеальныхъ стремленій, жажды крови и невинной любви,—все это обличаетъ черты французской поэзіи временъ рыцарства. Замѣчательно, что современникъ Эшенбаха и болѣе самостоятельный, чѣмъ онъ, поэтъ, Готфридъ Страсбургскій, не одобрилъ Парциваля и находилъ его смѣшнымъ и даже нелѣпымъ. Онъ осмѣиваетъ сцену за сценой, но съ самой узкой точки зрѣнія, хотя въполнѣ искренно. Въ своихъ-же собственныхъ произведеніяхъ Готфридъ, слѣдовавшій, очевидно, вліяніямъ рыцарства, обнаруживалъ комическую неумѣлость вездѣ, гдѣ дѣло касалось поэзіи. Всѣ его сравненія очень забавны и дышать какой-то первобыт-

ной грубостью. Въ одномъ его стихотвореніи, юноша, объясняясь въ любви, обращается съ такой рѣчью къ своей милой: „въ твоёмъ тѣлѣ столько сладости, что если-бъ десять такихъ, какъ ты, выкупились въ самомъ громадномъ соленомъ морѣ, то оно сдѣлалось-бы сахарнымъ“. Не менѣ забавенъ въ своихъ quasi-поэтическихъ сравненіяхъ и Эшенбахъ, который, описывая лица и станъ своихъ героинь, ухитрился сравнить ихъ съ зайцами и муравьями!

Въ цвѣтущій періодъ рыцарской поэзіи нѣмецкая литература носила характеръ дидактической и односторонней житейской или отвлеченной философіи. По мѣрѣ того, какъ рыцарство вырождалось, этотъ характеръ все сильнѣе и глубже напечатлѣвался на нѣмецкой поэзіи, и въ то-же время въ ней замѣчалась уже критическая струя. Общество начинало чувствовать гнетъ рыцарской аристократіи и ея злоупотребленій, но такъ-какъ они вкоренились слишкомъ глубоко и освящены были всѣмъ прошедшимъ, то народъ обнаруживалъ лишь пассивное недовольство, сознавая свое полнѣйшее безсиліе для борьбы. Это, между прочимъ, привело къ той безнадежной философіи терпимости, выразителемъ которой явился особенно любимый нѣмцами средневѣковой поэтъ-мыслитель Томазинъ. Въ своихъ стихотвореніяхъ Томазинъ старается утѣшить страждущихъ длинными философскими разсужденіями и діалектическими изворотами. „Бѣдность и богатство, учить онъ,— нужно переносить одинаково. Несправедливо полагать богатство въ матеріальныхъ вещахъ; бѣлое дѣлаетъ бѣлымъ, черное чернымъ, но богатство не дѣлаетъ богатымъ; истинное богатство заключается въ добродѣтели“. Затѣмъ Томазинъ изображаетъ бѣдняка, который быстро обогащается, но за то утрачиваетъ внутренній миръ души: онъ вѣчно въ тревогѣ за цѣлость своего имущества, по ночамъ борется, безъ враговъ, съ своими собственными сомнѣніями и менѣ доволенъ собою, чѣмъ прежде. „Поэтому, заключаетъ Томазинъ,— бѣднякъ и богачъ, подданный и повелитель— каждый счастливъ въ своей сферѣ“. Далѣе Томазинъ вооружается противъ тѣхъ, кто въ простотѣ сердечной думаетъ, что злему человѣку живется на свѣтѣ лучше, чѣмъ доброму, и послѣдовательно доходить до положенія, „что если добрый потерпитъ отъ злого, то это не принесетъ пользы послѣднему и не повредитъ первому“, ибо Богъ вѣчно стоитъ на стражѣ нашихъ поступковъ; все, что дѣлается,

дѣлается по праву и въ свое время. „Но тотъ, кто не понимаетъ меня, говоритъ Томазинъ, — можетъ сказать, что, въ такомъ случаѣ, воръ и разбойникъ, которые обираютъ другихъ, поступаютъ по праву“. „Это бессмысленно! восклицаетъ Томазинъ. — Богъ смотритъ на намѣреніе, а не на поступки. Поступки человѣка могутъ быть хорошими, но по намѣренію они дурны. Положимъ, убиваютъ человѣка; если-бъ онъ былъ убитъ по праву, то онъ не нашель-бы никакого сочувствія, но онъ убитъ разбойникомъ изъ-за богатства: здѣсь можно видѣть, какъ намѣреніе обращаетъ право въ безправіе. На сторонѣ убитаго право, но убійца поступилъ не по праву“ и пр. Томазинъ перебираетъ одинъ за другимъ всѣ пороки и добродѣтели и каждую свою стихотворную диссертацию оканчиваетъ практическимъ наставленіемъ. Онъ особенно сердится на людей, которые надѣются на свое богатство и милостыней думаютъ загладить свои грѣхи. „Богъ не нуждается въ дарахъ, онъ не судья, который за золото обращаетъ неправду въ правду“. Здѣсь поэтъ-философъ обращается, какъ онъ часто дѣлаетъ, къ своимъ современникамъ и спрашиваетъ ихъ, почему теперь уменьшилось число добродѣтельныхъ людей? Во всемъ виноваты, говоритъ онъ, старшіе, духовенство и рыцари: они подаютъ дурной примѣръ низшимъ. Онъ упрекаетъ ихъ въ разныхъ порокахъ, говоритъ, что они намѣренно поощряютъ невѣжество и сами презираютъ науки. „Гдѣ, восклицаетъ онъ, — Аристотель, Зенонъ и Парменидъ? Гдѣ Платонъ, Пифагоръ и Анаксагоръ? Да, знаете-ли, мнѣ кажется, что если-бъ въ наше время жилъ Аристотель, онъ не нашель-бы Александра, который чтилъ-бы его. Ибо нынѣ мудрецы и ученые не имѣютъ цѣны, дурные входятъ въ славу, гордая сосны повергнуты въ болото, болотная трава вырастаетъ на горахъ“ и т. д. Къ чести этого моралиста слѣдуетъ замѣтить, что онъ былъ врагъ средневѣковой схоластики, онъ требовалъ всеобщаго распространенія просвѣщенія и горячо ратовалъ за науки, но вооружался противъ мертваго школьнаго образованія, говоря, что оно должно быть живымъ, практическимъ. Всѣ эти мысли выражены весьма наивно въ части его сочиненія, гдѣ онъ трактуетъ „о семи свободныхъ искусствахъ“. „Кто ведетъ праведную жизнь и поступаетъ какъ должно, тотъ знаетъ грамматику, хотя-бы онъ и не умѣлъ правильно выразиться; кто любитъ добро, не лжетъ и не обманываетъ, тотъ свѣдущъ въ діалектикѣ, а тотъ понимаетъ

риторику, кто употребляет простую рѣчь. Кто дѣлаетъ не больше и не меньше, чѣмъ сколько можетъ, тотъ знатокъ геометріи; кто хочетъ изучить арифметику, тотъ долженъ дѣлать какъ можно больше добрыхъ дѣлъ; кто согласуетъ свои слова съ поступками, тотъ знаетъ музыку, а кто украшаетъ себя звѣздой добродѣтели, тотъ знакомъ съ астрономіей“. Далѣе поэтъ замѣчаетъ, что онъ желалъ-бы говорить „о теологіи и физикѣ“, но боится быть непонятымъ людьми необразованными, а онъ рѣшился задаваться только такими цѣлями, которыхъ можетъ достигнуть всякій обыкновенный человекъ. Въ сочиненіяхъ Томазина мы уже видимъ задатки реформаціоннаго движенія, протестъ противъ злоупотребленій католическаго духовенства и вырождающагося рыцарства. По мѣрѣ упадка рыцарства, въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ писателей все болѣе и болѣе выясняется общественный элементъ и духъ реформаціоннаго протеста. Томазинъ писалъ еще въ цвѣтущія времена рыцарской эпопеи и лирики, а между тѣмъ онъ уже видѣлъ въ блестящемъ ореолѣ, которымъ окружено было рыцарство, черную тѣнь. Но слѣдующій за нимъ представитель дидактической поэзіи, Фрейданкъ, нападаетъ уже вполне сознательно на современный ему порядокъ вещей, его протестъ отчетливъ и направленъ къ ясно сознаваемой цѣли. Онъ громко говоритъ о необходимости преобразовать католическую церковь, вооружается противъ папы, въ особенности противъ отпущенія грѣховъ. Самъ онъ человекъ въ высшей степени религіозный; онъ совѣтуетъ своимъ читателямъ предпринять путешествіе въ святую землю или, лучше еще, зачислиться въ ряды крестоносцевъ. Подобно Томазину, Фрейданкъ въ своихъ стихотвореніяхъ постоянно возвращается къ общественной критикѣ; онъ разсуждаетъ о текущихъ событіяхъ и говоритъ объ окружающемъ его обществѣ тономъ горькой сатиры. „Нѣмецкая земля, говоритъ онъ, переполнена грабителями, продажными судьями, фальшивыми монетчиками, развратными монахами.“ Онъ видитъ все зло въ самоуправствѣ и своей воліи рыцарей, въ постоянныхъ раздорахъ и деспотизмѣ мелкихъ князей. Онъ не можетъ назвать и трехъ князей, которые бы жили по-божески; „если-бъ каждый, говоритъ онъ,—владѣлъ имуществомъ по заслугамъ, то не одинъ господинъ обратился-бы въ слугу. Никто не долженъ тратить все свое время на приобрѣтеніе богатства, потому что человекъ съ юныхъ лѣтъ

обязанъ восходить отъ одной добродѣтели къ другой, подобно тому, какъ гвоздь держитъ копыто, копыто лошадь, лошадь чловѣка, чловѣкъ крѣпость, а крѣпость страну^а. Но вотъ наступаетъ, наконецъ, время полнѣйшаго упадка рыцарской поэзіи. Легендарный періодъ крестовыхъ походовъ кончился; рыцарскіе подвиги, съ ихъ мифическими преданіями, начинали вызывать улыбку на устахъ болѣе практическаго поколѣнія, и восторженная пѣсня любви смѣнилась суровой сатирой и рѣзкимъ отрицаніемъ. Въ умственной атмосферѣ вѣяло отсюду холодный критическій анализомъ прошлаго и средневѣковая отжившая мысль уступила мѣсто новому направленію, которое, на первый разъ, преслѣдовало исключительно отрицательныя цѣли. Каждый писатель, считалъ какъ-бы обязанностію осмѣять рыцарство и представить въ карикатурномъ видѣ его почтенную традицію. Но первоначально реакція литературы противъ рыцарства лишена была системы; она обнаруживала лишь бессознательную страсть и своенравную склонность къ безусловному противорѣчію веѣмъ установившимся понятіямъ и идеаламъ, не разбирая, что было въ нихъ фальшиваго и истиннаго. Нѣжный женственный колоритъ рыцарской поэзіи стирается аляповатой грубостью и утрированнымъ мужествомъ, идеалы смѣняются узко-эгоистическими тенденціями дня, культъ женщинъ уступаетъ мѣсто повсемѣстнымъ дракамъ и жадѣ наживы, вѣрность къ вассаламъ—своеволію и кулачному праву. Всеобщая анархія отразилась и на литературѣ: каждый, кому вздумалось, брался за перо и кропалъ, что приходило на умъ, не заботясь нисколько о томъ, будутъ-ли его читать или нѣтъ; впрочемъ, въ этомъ обстоятельствѣ видна была историческая послѣдовательность въ развитіи нѣмецкой литературы. Рыцарство падало и утрачивало политическое и общественное значеніе; обѣдѣвшіе бароны и князья распускали свои дворни, продавали и закладывали евреямъ свои потомственные замки и земли, а виѣстѣ съ тѣмъ перестали меценатствовать и покровительствовать придворнымъ поэтамъ, миннезингерамъ и бардамъ. Поэзія не могла уже находить протекціи при дворѣ; она переходила на попеченіе вновь нарождавшейся буржуазіи, средняго сословія и цеховыхъ ремесленниковъ, проникала все дальше и дальше въ глубь народа и, наконецъ, сдѣлалась въ періодъ реформаціи полной народной собственностью. Между тѣмъ какъ прежде принимали уча-

стіе въ литературѣ князья, рыцари и бароны, въ періодъ упадка придворной поэзіи ею овладѣваютъ бюргеры, низшее духовенство, школьные учителя, доктора, ремесленники и евреи, и это продолжалось до самой реформаціи, когда количественная производительность нѣмецкой литературы достигла своего апогея и когда, отъ короля до ландскнехта и подмастерьевъ, каждый кропалъ стихи и рифмоплетствовалъ. Въ то-же время поэты этого переходнаго періода литературы громко жалуются на скаредность рыцарей и бароновъ и осыпаютъ ихъ ругательствами за неуваженіе къ ихъ благородному искусству. Но нужно замѣтить, однако, что если-бъ князья и бароны сохраняли все свое расположеніе къ поэтамъ, то, при постоянно возраставшемъ числѣ ихъ, не было-бы никакой возможности всѣхъ ихъ прокармливать. Есть множе-ство указаній въ стихотвореніяхъ нѣкоторыхъ изъ поэтовъ, что австрійскіе князья платились за свою щедрость къ миппезингерамъ и благороднымъ пѣвцамъ банкротствами и раззореніемъ. Неудивительно поэтому, что такой человекъ, какъ Рудольфъ австрійскій (1273—92), сокративъ штатъ своей придворной свиты, распустилъ и придворныхъ поэтовъ, которые изливали потокомъ свое оскорбленное самолюбіе и злобу въ безчисленныхъ стихотвореніяхъ. Поэтъ или, какъ говорили тогда, мейстеръ Штолле, Унфердагтъ и школьный учитель Эццелингенъ яростно нападали на Рудольфа и обличали его скаредность. Эццелингенъ преслѣдовалъ его почти въ каждомъ своемъ стихотвореніи, придираясь ко всякому удобному и неудобному случаю. Но въ одномъ стихотвореніи онъ приходитъ въ особенно сильное негодованіе и выражаетъ его самымъ комическимъ образомъ, нисколько не стараясь скрыть, что истинной причиной его гнѣва было его личное изгнаніе изъ придворной свиты. Въ этомъ стихотвореніи Эццелингенъ говорить о королѣ: „Ничто не укроется отъ него на землѣ; пусть св. Петръ стережетъ врата неба и Господь хранитъ свое царство, чтобъ онъ не напалъ на нихъ въ распахъ. Если-бъ онъ получилъ въ придачу къ землѣ и небо, онъ никому ничего-бы не далъ и намъ было-бы тамъ такое-же плохое житье, какъ и здѣсь“. Затѣмъ онъ, дѣйствительно, измышляетъ войну между Рудольфомъ и небомъ; но дѣло не доходитъ до оружія, потому что поэтъ избираетъ себя судьей этого спора и разрѣ-

шаетъ его приговоромъ, въ силу котораго король долженъ довольствоваться только тѣмъ, что находится на землѣ.

Въ двухъ направленіяхъ работала общественная мысль Германіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Съ одной стороны, подготавливалась реформа въ политикѣ, съ другой—въ религіи. Литература служила и той и другой цѣли; писатели свѣтскіе работали въ пользу Ульриха фон-Гуттена, духовные очищали почву для Лютера. Впрочемъ, нерѣдко въ одномъ и томъ-же сочиненіи смѣшивались эти два потока мысли, но такъ, что религіозный преобладалъ надъ свѣтскимъ. Въ Германію религіозное возбужденіе, вызванное крестовыми походами, проникало медленно, но, проникнувъ, оно долго не исчезало и въ концѣ XIII вѣка достигло необыкновенной силы, выродившись въ мрачный фанатизмъ и сектаторство. Литература XIV вѣка носитъ рѣзкую печать мистической идеализаціи и самобытныхъ религіозныхъ воззрѣній, которыя большею частью вырабатывались въ средѣ низшаго католическаго духовенства и имѣли характеръ оппозиціи папской іерархіи. Писатели этого рода призывали общество искать спасенія не въ современной католической церкви, но на лонѣ первобытнаго христіанства; многіе изъ нихъ принимали свое ученіе къ собственной жизни; они пародировали до мелочныхъ подробностей жизнь древнихъ отшельниковъ. Но рядомъ съ этой литературой, боровшейся съ католицизмомъ, зарождалась литература гуманистическая, боровшаяся съ традиціями средневѣковой схоластики. Въ ней выразился съ самаго начала необузданный протестъ противъ всѣхъ понятій, установленныхъ рыцарствомъ; поэты осмѣивали культъ женщинъ, и, вмѣсто идеальной любви, воспѣвали грубую чувственность, презирали науку съ ея схоластическими тонкостями и на первый планъ ставили насущные вопросы практической жизни. Въ началѣ XIV в. поэтъ Тейхнеръ говоритъ о женщинахъ такимъ тономъ, за который его, вѣроятно, сочли-бы съумасшедшимъ въ XII и XIII столѣтіяхъ. Въ длинномъ стихотвореніи онъ нападаетъ на женщинъ и даетъ совѣты, какъ справиться съ злыми женами. „У кого злая жена, говоритъ онъ, — тотъ не долженъ бить ее, но пусть онъ хватитъ въ ея присутствіи добрыхъ женъ; такимъ образомъ, отъ гнѣва она заболѣетъ и умретъ, ибо для женщины пріятнѣе слышать вѣсть о смерти отца, чѣмъ похвалы чужимъ женамъ. Нѣтъ ничего хуже злой жены; она оскверняетъ даже висѣлицу“. Затѣмъ

отъ злыхъ женъ поэтъ переходитъ къ другимъ вопросамъ общественной жизни и не находитъ въ ней также ничего успокоительнаго. „Кто хуже, спрашиваетъ онъ,—игрокъ или воръ? Игрокъ, потому что онъ обрадываетъ жену и дѣтей, тогда какъ воръ похищаетъ у чужихъ людей, чтобы помочь своей женѣ и дѣтямъ. Кто опаснѣе: грабитель или безчестный хозяинъ? Послѣдній, потому что противъ перваго можно защищаться“. Далѣе онъ вооружается противъ книжниковъ, продажныхъ судей и всѣхъ, которые пользовались своимъ образованіемъ въ видахъ эксплуатаціи невѣжественной массы. „Я знаю, говоритъ онъ,—людей, которые должны ползти ползкомъ предъ гусями; это писаки, которые всѣмъ обязаны этимъ животнымъ. Впрочемъ, ихъ безнравственность не нова; они предали Христа“ и пр. Нападки на женщинъ и обличеніе ихъ въ невѣрности мужьямъ составляютъ самый обычный сюжетъ въ произведеніяхъ поэтовъ времени упадка рыцарства. Если не всѣ поэты этого періода питали къ женщинамъ такую непримиримую злобу, какъ Тейхнеръ, то за то всѣ порицали легкость ихъ поведенія, ихъ продажную любовь и нарушеніе супружеской вѣрности. Одно изъ самыхъ поэтическихъ стихотвореній, написанныхъ въ этомъ духѣ, принадлежитъ какому-то неизвѣстному божескому поэту, но, по мнѣнію Гервинуса, оно заимствовано изъ французскихъ источниковъ, какъ вообще все, что носитъ отпечатокъ нѣкотораго творчества и фантазіи. Героемъ этого стихотворенія является самъ поэтъ, который находитъ въ очаровательной дубравѣ, оглашаемой пѣніемъ птицъ и журчаніемъ ручьевъ, скорбящую дѣву; это—Вѣрность. По приказанію своей королевы она отправилась искать вѣрности въ любви. Поэтъ восхваляетъ съ этой стороны свою собственную особу: онъ говоритъ, что образъ его жены глубоко запечатлѣнъ въ его душѣ, и въ немъ столько вѣрности, что онъ могъ-бы озолотить ею всю страну. Дѣва рассказываетъ ему, что имя ея царицы—г-жа Абентейеръ (искательница приключеній), а ее сестру, которая управляетъ дворомъ, зовутъ Минной (богиня любви древнихъ германцевъ). Но тутъ внезапно является карликъ, который приглашаетъ Вѣрность возвратиться домой; поэтъ слѣдуетъ за ней. Карликъ несетъ на своей груди зеркало, въ которомъ видны всѣ жившія въ то время женщины отъ 12 до 40-лѣтняго возраста. Лишь только поэтъ заглянетъ въ зеркало, онъ чувствуетъ себя плѣненнымъ

какой-нибудь престлнницей, и всякій разъ, когда онъ обнаруживалъ это предъ Вѣрностью, она крестилась и въ ужасѣ восклицала: „Nimmer dumen Iesu Christ“, давая себѣ слово отдѣлаться отъ него; но карликъ сдѣланъ ею придворнымъ шутомъ. При дворѣ онъ прочелъ въ книгѣ, которую держала при себѣ царица, что отнынѣ, несмотря на его любовь къ законной женѣ, сердце его принадлежитъ ея непостоянной соперницѣ, въ невѣрности которой онъ очень скоро убѣждается. Это побуждаетъ его затѣять процессъ, который кончается въ его пользу, и затѣмъ невидимая сила переноситъ его домой. — Поэтическій колоритъ этого стихотворенія заключается преимущественно въ частности: въ описаніи природы, придворной жизни и судебного процесса. Однородное съ этимъ стихотвореніемъ написано было другимъ средневѣковымъ нѣмецкимъ поэтомъ; оно носитъ курьезное заглавіе „Liebe und Pfennig“ и пользовалось въ свое время громадной популярностью. Здѣсь изображена борьба между Любовью и Пфенигомъ, при чемъ побѣдителемъ остается Пфенигъ (извѣстная нѣмецкая монета), который сталкиваетъ Любовь въ прудъ, но усилиями поэта она была спасена и водворена въ свою родную семью добродѣтелей, которыя наперерывъ другъ предъ другомъ взводятъ на Пфенигъ тѣму обвиненій и клеймятъ его различными позорными кличками. Стихотвореніе оканчивается нападками на духовенство, бароновъ, рыцарей и жидовъ. Это обычная мораль всѣхъ стихотвореній, относящихся къ этому періоду; каждый поэтъ, кстати и не кстати, въ заключеніи обращался къ поддерживающимъ властямъ и увѣщевалъ ихъ „дѣйствовать по праву, укрощать своеволіе рыцарей, уничтожать роскошь и держать улицы въ чистотѣ.“ Обличительная сатира и дидактическія стихотворенія, извѣстныя подъ именемъ Sprüchdichtung, вытѣснили всѣ роды поэзіи. На этомъ поприщѣ всѣхъ дѣятельнѣе былъ любимый нѣмецкій писатель Розенблютъ, который смѣло вторгался во всѣ сферы общественной и политической жизни. Онъ нападалъ на взаимные раздоры князей и въ особенности порицалъ трусость нѣмецкихъ войскъ, которыя, идя на битву, похваляются своей храбростью, но лишь завидятъ врага, обращаются въ бѣгство и прячутся, „какъ стыдливыя купальщицы“. Онъ не оставилъ въ покоѣ папу и епископовъ, „разъѣзжающихъ по полямъ въ панцырѣ и латахъ, къ ужасу коровъ и телятъ, кото-

рые корячь бѣдныхъ“. Наибольше прославился онъ своимъ стихотвореніемъ „О лѣнтяяхъ и труженикахъ“ („Von den Müssiggengern und Arbeitern“) или „О трудовомъ потѣ рабочаго“, гдѣ онъ воспѣваетъ исторію потовой капли, одна часть которой поднимается къ небу и своимъ музыкальнымъ сотрясеніемъ приводитъ Бога въ умиленіе, другая стекаетъ въ адъ и гаситъ его пламя, третья течетъ въ душу и омываетъ ее отъ грязи, четвертая производитъ такіе плоды, что они побуждаютъ весь міръ приобрѣтать богатство и расточать его.

Періодъ упадка средневѣковой рыцарской поэзіи отиѣченъ крупнымъ явленіемъ въ исторіи нѣмецкой литературы: зарожденіемъ новаго вида поэзіи—драмы. Драма составляетъ зерно новѣйшей литературы, какъ эпопея составляетъ средоточіе древнѣйшей. Содержаніемъ эпоса служитъ прошедшее, содержаніемъ драмы—настоящее. Эпосъ развился въ тѣ времена, когда нація, довольная или равнодушная къ своему настоящему, черпаетъ матеріалъ для своей любознательности въ преданіяхъ старины и даетъ пищу исключительно легковѣрному слуху. Но, исчерпавъ этотъ матеріалъ, нація обращается къ самой себѣ, наблюдаетъ явленія собственной жизни, всматривается въ свои недостатки и достоинства. Она учится анализировать, различать одно сословіе отъ другого, и въ каждомъ сословіи—человѣка отъ человѣка; ее интересуеетъ внѣшность и сущность, одежда и обычаи. Какъ прежде слухъ, такъ теперь зрѣніе по преимуществу обременено работой; какъ прежде общество *слушало*, такъ теперь оно желаетъ лишь *видѣть*. Пластическія искусства всегда находились въ связи съ исторіей драмы, потому что тѣ и другая основываются на развитіи чувства зрѣнія. Востоку, которому чужды были пластическія искусства, не знаетъ драмы; но въ Европѣ происхожденіе ихъ совпадаетъ другъ съ другомъ. Съ XIV вѣка стали появляться книги, къ которымъ прилагались рисунки, а въ XV вѣкѣ нельзя было найти ни одной писанной книги безъ рисунковъ. „Рисунки, говоритъ Томазинъ, существуютъ для крестьянина, который не понимаетъ письма“. Чѣмъ больше литература распространялась въ массѣ народа, тѣмъ болѣе необходимы были рисунки. Въ XV столѣтіи въ Вѣнѣ каждый домъ былъ разрисованъ различными фигурами. Носило-ли сочиненіе характеръ дидактической, аллегорической, философской или поэтической, оно непременно украшалось изображеніями. Всѣ доб-

родители, страсти, пороки иллюстрировались, воплощались въ живой образъ. Совершенно естественно, что съ теченіемъ времени народныя празднества и торжества принимали этотъ живой, образный характеръ. Ко времени происхожденія драмы относится, между прочимъ, и игра въ куклы. Но главнѣйшими элементами драмы служила народная площадь, рынокъ, судъ и церковное богослуженіе. Извѣстно, что мѣстомъ первыхъ драматическихъ представленийъ были церкви и монастыри; актерами первоначально являлись исключительно лица духовнаго званія и содержаніе драмъ было преимущественно духовное. Знакомаясь съ нѣмецкой драмой XV и XVI вѣка, мы замѣчаемъ, что въ ней исключительно преобладаетъ комическій элементъ. Это явленіе, кажется, свойственно не только нѣмецкой, но и французской, и, если не ошибаемся, и англійской первоначальной драмѣ. Повидимому, преобладаніе комизма въ первоначальной драмѣ объясняется условіями ея происхожденія. Все смѣшное по самой сущности своей въ высшей степени субъективно. Въ моментъ смѣха наше личное я играетъ активную роль, и были философы, которые находили источникъ всего комическаго въ той гордости, которую мы чувствуемъ при сравненіи своихъ личныхъ преимуществъ съ чужимъ безобразіемъ или съ чужой глупостью. Съ другой стороны, все комическое по природѣ современно и легче всего возбуждается личнымъ наблюденіемъ надъ окружающею дѣйствительностью. Шутки и смѣшныя приключенія, передаваемые намъ другими, хороши только тогда, если они продѣлываются предъ нами и передаются намъ образно. Время и повтореніе уничтожаютъ комизмъ, воспоминаніе обезцвѣчиваетъ его. Мы смѣемся только надъ тѣмъ, что намъ хорошо извѣстно, что непосредственно затрогиваетъ нашу личность. Неразвита масса не могла находить интереса въ созерцаніи чуждыхъ ей обычаевъ, и весьма естественно, что она чувствовала большую склонность смѣяться надъ пороками и глупостью, чѣмъ проклинать свою грѣховность. Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ еще прибавить, что въ своемъ зародышѣ комическое въ высшей степени пластично. Тѣлесные недостатки и безобразія, уродства, которыя не сопровождаются болѣзненнымъ выраженіемъ—суть обычные возбудители смѣшного; подраженіе этимъ физическимъ уродствамъ, копировка ужимокъ и фizioномій, варриатура представляли первую попытку ввести комическій элементъ въ искусство.

Первыя драматическія произведенія средневѣковой Германіи слишкомъ незначительны и слабы по содержанію и формѣ, чтобы стоило останавливаться на нихъ. Важнѣйшая заслуга первоначальной нѣмецкой драмы состояла въ томъ, что она дѣйствовала непосредственно на народъ, развивала въ немъ вкусъ къ литературѣ и формировала общественное самосознаніе, единство взглядовъ и политическій смыслъ. Средневѣковая драма подготовила всѣ слои нѣмецкаго общества къ реформаціи, къ сознательному пониманію идей Лютера и успѣху политической и общественной пропаганды Ульриха фон-Гуттена, Эразма и Рейхлина. Ни Лютеръ, ни его сподвижники не могли-бы дѣйствовать съ такой смѣлостью и энтузіазмомъ, если-бъ не чувствовали за собой народныхъ симпатій и не знали, что народъ понимаетъ ихъ и держитъ ихъ сторону. Читая Ульриха фон-Гуттена, мы видимъ въ каждой его строчкѣ глубокое сознаніе своей силы и непоколебимую увѣренность, что его устами говоритъ вся страна. Онъ высоко цѣнитъ себя и предлагаетъ свое покровительство нѣмецкому государю, если онъ согласится стать въ его ряды и защищать вмѣстѣ съ нимъ свободу народа. Въ своемъ извѣстномъ посланіи къ народу, „Die Klag und Vermahnung wider die Gewalt des Papstes“, Ульрихъ Гуттенъ обращается съ высокогнѣрнымъ презрѣніемъ къ папѣ и кардиналамъ, которымъ онъ почти приказываетъ подумать о своемъ исправленіи, отказаться отъ роскоши и не разсылать по Германіи папскихъ легатовъ для продажи индульгенцій. Онъ обличаетъ ихъ въ нескромномъ образѣ жизни, неуверенности въ вѣдѣ и несоблюденіи постовъ. „Будучи въ Римѣ во время великаго поста, говоритъ Гуттенъ,—я самъ видѣлъ, что мясныя лавки не были заперты, и не встрѣтилъ ни одного глупца, который, какъ у насъ, платилъ-бы деньги за разрѣшеніе кушать. То, что давнымъ-давно было нашимъ, теперь мы покупаемъ въ Римѣ, поборы котораго не имѣютъ границъ; то, что прежде стоило 100 гульденовъ, теперь обходится намъ въ тысячу. Не ужасно-ли, что люди покупаютъ на свои кровныя деньги епископа, который, вмѣсто того, чтобы молиться и проповѣдывать, развѣзжаетъ въ оружіи и латахъ, посрамляя духовное сословіе. Мы покупаемъ себѣ господина, вмѣсто того, чтобы народъ самъ избиралъ себѣ епископа, который исполненъ былъ-бы любви къ Богу, чтилъ добродѣтель, искусство и истину. Къ тебѣ, императоръ Карлъ, обращаюсь я,

прими въ сердце это дѣло, и я убѣждаю всѣхъ нѣмцевъ оказать вѣрнопопдадническую готовность помочь тебѣ искоренить этотъ позоръ и снять съ народа тяготѣющее на немъ бремя; ты долженъ начать и завершить это дѣло, и тогда я предложу тебѣ свою помощь и свое посильное вліяніе, не требуя личной выгоды и почестей. Разверни свое орлиное знамя и исполни свое назначеніе. Нѣмецкія сердца откликнутся на твой призывъ; я убѣждаю господъ и города дѣйствовать сообща; будьте сострадательны къ отечеству вы, благородные нѣмцы; теперь настало время бороться за свободу, и да свершится воля Божія! Они сожгли нѣкогда Гусса и Иеронима и съ тѣхъ поръ боялись быть сожженными сквала всѣмъ уста. Но теперь насъ двое и мы успѣли многихъ обратить на путь истинный, — исполнивъ, надѣюсь, доброе дѣло; но если-бъ мнѣ угрожала вѣрная смерть, я смѣло вступилъ-бы въ борьбу, какъ благочестивый рыцарь, и поднялъ-бы копьё и щитъ на защиту правды и погибель враговъ, которые пугаютъ насъ отлученіемъ, отталкивающимъ, къ сожалѣнію, многихъ гражданъ отъ хорошаго дѣла. Но я много мнѣнія объ этомъ отлученіи, не потому, чтобы я презиралъ Божью кару, но я говорю себѣ: ихъ отлученіе не имѣетъ никакой силы, ибо какъ можетъ карать тотъ, кто самъ запачканъ, какъ свинья? Меня пытаются отравить, но Богъ спасъ меня; мнѣ угрожаютъ тюрьмой, но императоръ Карлъ не выдастъ меня. Они послали сѣдого монаха въ деревянныхъ башмакахъ съ повелѣніемъ схватить меня; неужели это насліе не возбудить въ васъ негодованія и не призоветъ васъ ко мнѣ на помощь?..“

Заслуги Лютера въ исторіи нѣмецкой литературы слишкомъ извѣстны, чтобы стоило о нихъ распространяться. Замѣтимъ лишь, что онъ нерѣдко черезчуръ преувеличиваются не только нѣмцами, но и иностранцами, между которыми распространено совершенно невѣрное мнѣніе, будто Лютеръ создалъ новый литературный языкъ. Языкъ вообще не создается однимъ какимъ-либо лицомъ; онъ продуктъ совокупной умственной работы цѣлаго народа и многихъ вѣковъ. Нужно приписать не болѣе, какъ счастливой случайности, что Лютеръ самъ говорилъ на такъ-называемомъ средне-германскомъ нарѣчій, которое и введено было имъ въ нѣмецкую литературу и которое само-по-себѣ обладало многими преимуществами предъ остальными нарѣчійми.

Послѣ лютеровской реформы въ нѣмецкой литературѣ совершается постепенный переходъ въ сторону обратную ея первоначальному движенію. Въ средніе вѣка литература находилась исключительно въ рукахъ духовенства, придворной знати и незначительнаго кружка людей образованныхъ; въ періодъ упадка рыцарства и въ ближайшую эпоху, предшествовавшую реформѣ, литература переходитъ въ общество, остается тамъ нѣкоторое время послѣ реформации, но затѣмъ снова замыкается въ кружки избранной интеллигенціи, ищетъ защиты между гелертами и носитъ абстрактный, кабинетный характеръ. Это одинъ изъ самыхъ печальныхъ періодовъ нѣмецкой литературы, ознаменованный сильнымъ упадкомъ умственныхъ силъ. Втеченіи слишкомъ одного столѣтія явилось не болѣе двухъ, сколько-нибудь замѣчательныхъ произведеній, да и то одно изъ нихъ заимствовано изъ французской литературы. Оба принадлежатъ довольно талантливому нѣмецкому поэту Фишарту, который черпалъ, однако, сюжеты для своего творчества въ традиціяхъ прошлаго, въ реформаціонномъ движеніи, но приравнивался при этомъ и къ современности. Послѣ реформации, отторгнувшей половину Германіи отъ папскаго престола, въ ней сильно расплодился іезуиты, поставившіе себѣ задачей укрѣпить корни католицизма въ вѣрныхъ папству нѣмецкихъ государствахъ и, если возможно, поворотить на путь истины „лютеровскихъ еретиковъ“. Одно изъ стихотвореній Фишарта носитъ характеръ аллегорической сатиры, обращенной противъ іезуитовъ (*Der Jesu-wider, von I. Fischart*). Послѣ Вознесенія Христова, когда власть начала ускользать изъ рукъ Люцифера, онъ созываетъ трубнымъ гласомъ своихъ сотоварищей и совѣтуется съ ними, что предпринять для возстановленія ихъ „силы и роговъ“, разбитыхъ Христомъ. Люциферъ рѣшилъ удержать рога, безъ которыхъ невозможно существованіе его царства, но положилъ скрывать ихъ подъ красивой и священной личиной. Прежде всего онъ сдѣлалъ изъ лѣности и притворнаго чистосердечія одинъ рогъ, вышитый иглой лицемѣрія и нитью обмана, и назвалъ его кардинальской шапкой. Затѣмъ онъ изготовилъ другую епископскую митру изъ роскоши и тщеславія, потомъ перешелъ къ трехрогой, куда зашилъ сребреники Іуды, симонію, продажу духовныхъ мѣстъ и индульгенціи и т. д. въ томъ-же родѣ. Тотъ-же Фишартъ извѣстенъ своимъ переводомъ сатирическаго романа Рабле, значи-

тельно искаженного имъ; вѣроятно, всякій предпочтетъ познакомиться съ Рабле въ подлинникѣ, чѣмъ по неуклюжему переводу Фишарта. Кромѣ этого писателя, мы не находимъ почти ни одного въ нѣмецкой литературѣ послѣ лютеровскаго періода, который заслуживалъ-бы вниманія. Чѣмъ дальше литература отдалялась отъ реформации, тѣмъ сильнѣе ескудѣвала она талантами, бѣднѣла мыслью и содержаніемъ, вплоть до Лессинга и эпохи классическихъ поэтовъ. Въ это-то время начали обнаруживаться въ нѣмецкой литературѣ симптомы той юродствующей, натурфилософской эстетики, которая впоследствии дошла въ лицѣ поэта Брока до такихъ колоссальныхъ столповъ нелѣпости... Брокъ въ своихъ стихотвореніяхъ исключительно описывалъ природу, но при этомъ сосредоточивалъ всѣ свои умственные силы на ея внѣшнихъ явленіяхъ. Онъ анатомировалъ до послѣдняго атома каждую бездѣлицу, которая попадалась ему на глаза; если онъ воспѣвалъ мотылька, то все стихотвореніе посвящено было описанію крыла, въ другомъ стихотвореніи описывались глаза, въ третьемъ—голова. Онъ самъ говоритъ, что предъ тѣмъ, какъ описывать цвѣтокъ, онъ подносилъ его къ самому носу и при этомъ закрывалъ глаза, чтобы внимательнѣе „уловить характеръ аромата“; въ одномъ стихотвореніи онъ дѣлаетъ невозможную попытку описать запахъ фіалки и увѣряетъ, что въ этомъ запахѣ соединяется ароматъ меда, миндаля, винограда, персиковъ и корицы! Онъ завелъ себѣ цвѣтникъ и садъ съ специальной цѣлью развивать или, какъ онъ выражался, „эманципировать свои чувства“. Если ему присылали какой-нибудь цвѣтокъ, тюльпанъ или розу, или вообще при всякомъ ничтожномъ домашнемъ приключеніи, онъ садился и писалъ стихи. Пара подаренныхъ гусей или четверка нюхательнаго табаку вызвали въ немъ самыя отдаленныя мысли; въ день своего рожденія и на новый годъ онъ регулярно писалъ самому себѣ поздравительныя стихотворенія. Для него все было важно и полно значенія; если онъ выходилъ на прогулку, то обыкновенно не дѣлалъ больше шага, потому что тотчасъ останавливался надъ какой-нибудь травкой и начиналъ ее поэтизировать. Онъ измышлялъ цѣлый рядъ игръ съ цѣлью проникнуться возможно большимъ благоговѣніемъ къ природѣ. Одна изъ этихъ забавъ состояла въ томъ, что при каждомъ вдыханіи и выдыханіи воздуха онъ произносилъ по слогу изъ слѣдующаго стихотворенія:

Dir—riech—ich—die—se—schö—ne—Blu—me

O—Gott—der—sie—mir—schenkt—zum—Ruh—me! и т. д.

и торопился при этомъ выговорить каждый слогъ въ отдѣльный дыхательный ритмъ.

Если мы бросимъ общій взглядъ на нѣмецкую литературу, бѣглый обзоръ которой мы представили читателямъ, то мы должны признать, что самый фактъ реформации не оказалъ благотворнаго вліянія на нѣмецкую литературу или, другими словами, нѣмецкая литература до реформации стояла гораздо выше, чѣмъ послѣ нея. Причины этого явленія заключаются не въ общемъ духѣ реформации, но въ ея случайныхъ послѣдствіяхъ, которыя еще не вполне выяснены исторической критикой. Исторіи остается еще разъяснить болѣе обстоятельно, чѣмъ это она дѣлала до сихъ поръ, что принесла съ собой реформация послѣдующимъ поколѣніямъ, на какой новый путь вывела она ихъ, какія бѣдствія сняла съ ихъ плечъ, чѣмъ обогатила интеллигенцію и что внесла полезнаго въ сферу науки и литературы? Безъ сомнѣнія, реформация произвела сильное возбужденіе въ умахъ и эта возбужденная, протестующая мысль къ чему-то рвалась, что-то пыталась создать и обновить, что-то сбросить и уничтожить. Но нельзя не видѣть, что за этимъ первымъ моментомъ смутныхъ порывовъ и неопредѣленнаго тяготѣнія къ идеаламъ лучшаго будущаго зерно реформации исчезаетъ въ толстой скорлупѣ мистическихъ тенденцій и личныхъ воззрѣній привилегированныхъ дѣятелей реформы, которые, въ концѣ концовъ, приводятъ на свое старое мѣсто забѣжавшую впередъ мысль и двигаютъ народное самосознаніе въ прежнія рамки. Протестантская позолота католицизма быстро стирается и скоро все пошло по-старому или, точнѣе, изъ кулъка попало въ рожку. Слѣпой фанатизмъ послѣдователей Лютера отравилъ его реформу ядомъ сектаторства; благодаря этому, грозная въ началѣ буря умственнаго движенія улеглась и изъ мрачныхъ тучъ, нависшихъ надъ горизонтомъ Германіи, вмѣсто обильнаго дождя пролилось нѣсколько мелкихъ капель, почти безслѣдно пропавшихъ въ сухой и бесплодной почвѣ. На-время освѣжившаяся умственная атмосфера снова стала душевною и спертой и мертвенная схоластика, то „книжное право“, которое Гуттенъ ненавидѣлъ сильнѣе кулачнаго права, воцарилось въ своемъ прежнемъ блескѣ. Наука и литература, лишенная жизненнаго общественнаго содер-

жанія, только-что освобожденные изъ монашеской кельи и опять замкнутыя въ кабинетъ филистера, производили отталкивающее впечатлѣніе на общество и молодежь, которая искала исхода своимъ силамъ въ грубомъ разгулѣ животныхъ инстинктовъ, пьянствѣ и беззавѣтномъ буршествѣ. Въ области науки, какъ и въ другихъ сферахъ, господствовала казенная форма надъ содержаніемъ, въ поэзіи воскресъ духъ стараго рыцарства. Вниманіе ученыхъ мужей того времени и всѣхъ представителей интеллигенціи было поглощено бесплодными диспутами и діалектическими словопреніями; ихъ умъ жаждалъ турнировъ, духовныхъ ристалищъ, на которыхъ предстояла возможность стяжать безсмертные лавры. Одинъ изъ этихъ ученыхъ рыцарей, нѣкто Пико де-Мирандула (псевдонимъ нѣмецкаго ученаго), обнаруживалъ 900 тезисовъ по математикѣ, философіи и теологіи, и приглашалъ на диспутъ всѣхъ ученыхъ Европы, обѣщая принять на свой счетъ расходы по путешествію. Германскіе университеты спорили между собою о томъ, для какой цѣли Богъ создалъ комара и мышъ. въ которомъ часу Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, въ какомъ положеніи сидятъ грѣшники въ аду, носить-ли платья въ аду или тамъ ходятъ голые и т. д. Извѣстная школа номиналистовъ предавалась съ особеннымъ усердіемъ этимъ безцѣльнымъ препирательствамъ, но она не столько разъясняла различные тонкіе вопросы схоластики, сколько запутывала ихъ, облекая свои разсужденія въ такую форму, что иногда трудно рѣшить, внушены-ли они искреннимъ убѣжденіемъ или за ними кроется легкомысленный скептицизмъ. Мистическое направленіе нѣмецкой университетской науки и литературы не только не прекратилось съ реформаціей, но еще болѣе усилилось, несмотря на слабую и двусмысленную оппозицію гуманизма, который думалъ оживить умы возвращеніемъ къ классической древности, но кончилъ тѣмъ, что замѣнилъ сухую мораль средневѣкового аскетизма ученіемъ о необузданной чувственности, проникшемъ даже въ цѣломудренную душу гуманиста Энея Сильвія или, впоследствии папы, Пія II, обогатившаго эротическую литературу такимъ неистощимымъ цинизмомъ, которымъ могутъ поспорить лишь каскадные писатели нашихъ дней. Возбудивъ религіозную борьбу, реформація поставила на первый планъ теологическіе диспуты, и во всѣхъ протестантскихъ, какъ и въ католическихъ университетахъ, богословскій факультетъ давалъ тонъ всѣмъ остальнымъ, охраняя ихъ съ

іезуитскимъ рвеніемъ отъ всякихъ ересей и малѣйшаго уклоненія отъ буквы лютеранскаго правовѣрія. Въ эпоху реформаціи впервые сложилось убѣжденіе, что университетъ—церковное учрежденіе, и потому всѣ профессора, даже учителя фехтованія и танцмейстеры, обязаны были исповѣдывать господствующую религію. Въ 1679 году учитель Лейбница, профессоръ математики въ іенскомъ университетѣ, Эргардъ Вейгель, былъ призванъ на судъ богословскимъ факультетомъ за то, что онъ отважился доказывать существованіе троицы на основаніи данныхъ своей науки, а въ 1693 году, въ Бернѣ, гуманистскій профессоръ Крестенъ на богословскомъ испытаніи обязанъ былъ признать въ числѣ религіозныхъ догматовъ измышленный тогдашними теологами годъ изобрѣтенія еврейской азбуки. Но особенно не долюбливалъ протестантскій университетъ естественныхъ наукъ, которыя онъ преслѣдовалъ, какъ корень атеизма. Мало-по-малу и въ протестантской теологіи возникла своего рода схоластика, а философія попрежнему низведена была на степень празднаго занятія, какой-то приправы къ пустымъ книжнымъ спорамъ. Снова ожили старыя схоластическія формулы, даже духъ лютеровской реформы сталъ испаряться и одно время протестантскіе теологи очень усердно, хотя тайкомъ, посѣщали школу испанскаго іезуита Суарца. Словомъ, обнимая всѣ явленія умственной жизни послѣ-лютеровской Германіи, мы приходимъ къ заключенію, что реформація не произвела реформы въ нѣмецкой литературѣ. Настоящую реформу произвелъ въ ней Лессингъ и классическая плеяда его блестящихъ преемниковъ. Но этотъ золотой вѣкъ нѣмецкой литературы не можетъ войти въ нашъ и безъ того длинный очеркъ, такъ-какъ для оцѣнки его потребовалось-бы слишкомъ много мѣста; онъ болѣе извѣстенъ нашимъ читателямъ, чѣмъ средневѣковая нѣмецкая литература и къ тому-же нѣмецкіе патріоты современной Германіи ищутъ вдохновенія для какихъ-то будущихъ подвиговъ именно въ старой литературѣ. Мы старались набросать общую картину этой литературы, умолчали о такихъ произведеніяхъ, которыя не представляютъ никакого интереса, и говорили только о такихъ, которыя считаются наиболѣе выдающимися,—по крайней мѣрѣ, самими нѣмцами. По этимъ выдающимся произведеніямъ каждый легко можетъ составить себѣ понятіе о достоинствахъ и характерѣ древней нѣмецкой литературы вообще. Несправедливо,

конечно, относиться къ ней строго и порицать ее; мы слишкомъ далеки отъ этого, но очевидно, что еще менѣе справедливо и разумно восторгаться ею, основывать на ней подъемъ германскаго національнаго одушевленія. Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ говорить чувству современнаго нѣмца пѣсни нибелунговъ или рыцарскія легенды? Что можетъ быть общаго между тѣми крестоносцами, которые шли съ такимъ энтузіазмомъ на берега Иордана и тѣми дисциплинированными и холодными вождями, которые вели свои дивизіи подъ Садовой или на берегахъ Сены? Нельзя не пожалѣть, что на разработку этой литературы современная Германія тратитъ столько умственныхъ силъ, которыя могли-бы съ пользою трудиться въ болѣе плодотворныхъ сферахъ умственной дѣятельности. Грустное зрѣлище представляютъ собой эти литературные алхимики, которые думаютъ превратить архивную пылъ прошедшаго въ золото настоящаго и изъ стараго изношеннаго камзола Михеля шпиль одеждоу современной цивилизаціи.

Но если увлеченіе Германіи своей стариной, своими частными и мелкими интересами отдѣльныхъ государствъ, невыгодно повліяло на историческую науку, изящную литературу и искусство, обезцвѣтивъ ихъ и подчинивъ совершенно чуждой имъ идеѣ — духу германскаго единства, то въ тѣхъ сферахъ умственной дѣятельности, гдѣ это вліяніе оказалось безсильнымъ или менѣе воздѣйствовало, а именно въ техническихъ изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ и вообще въ области естественныхъ наукъ — гений Германіи, въ прошлое десятилѣтіе, сдѣлалъ важныя пріобрѣтенія. Онъ обогатилъ науку такими данными, какихъ она прежде не могла пріобрѣсти въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Правда, что искусство экспериментатора, само по себѣ полезное и необходимое для науки, еще не составляетъ всѣхъ условій ея процвѣтанія. Для прогресса науки ученый долженъ обладать талантомъ, природнымъ даромъ комбинировать наблюдаемыя явленія и связывать ихъ возможно широкой обобщающей идеей. Такимъ талантомъ нѣмецкіе ученые обладаютъ въ весьма незначительной степени, и потому какъ ни важны были открытія на поприщѣ естествознанія, но труды, сдѣлавшіе эпоху въ наукѣ и опредѣлившіе ея направленіе на много лѣтъ, быть можетъ, на цѣлыя столѣтія, появились не въ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ естествознаніи, какъ и въ исторіи того времени, реформаторами явились англичане.

Болѣе самостоятельный характеръ носить работы нѣмецкихъ ученыхъ въ области химіи, физики, медицины и ея отраслей. Въ началѣ разсматриваемаго нами періода въ Германіи сдѣлано было одно изъ самыхъ важныхъ открытій, которыми только можетъ гордиться нѣмецкая наука. Бунзенъ и Кирхгофъ изъ Гейдельберга, изслѣдуя свойство фраунгоферовскихъ линій солнечнаго спектра, положили начало новой отрасли знанія — спектральному анализу, который оказался уже столь полезнымъ въ дѣлѣ разъясненія физическихъ свойствъ солнца, планетъ и неподвижныхъ звѣздъ. Въ медицинѣ-же Вирховъ обезсмертилъ свое имя драгоценными изслѣдованіями по патологической анатоміи, которыя должны заново пересоздать медицинскую науку и поставить ее на неизблемыхъ рациональныхъ началахъ. Нельзя также пройти молчаніемъ заслугъ тѣхъ нѣмецкихъ медиковъ, которые положили начало гигиенѣ и правильнымъ изслѣдованіямъ объ эпидеміяхъ. На этомъ поприщѣ съ успѣхомъ трудились Максъ Петтенкоферъ и Варрентрапъ, между тѣмъ какъ Рейхъ неутомимо и съ увлеченіемъ, достойнымъ всякаго уваженія, популяризировалъ идеи общественной гигиены. Но самымъ яркимъ свѣтиломъ на горизонтѣ нѣмецкаго естествознанія былъ покойный Юстусъ Либихъ, біо-химическія изслѣдованія котораго оказали важную услугу практикѣ сельскаго хозяйства и произвели благопріятное вліяніе на матеріальное благосостояніе массъ. Въ настоящее время сельскохозяйственныя теоріи Либиха оспариваются и многія изъ нихъ считаются несостоятельными, но за нимъ навсегда останется та заслуга, что онъ указалъ путь, слѣдуя которому, можно не только предохранить почву отъ истощенія, но и возвысить ея производительность.

Съ періодомъ цвѣтущаго естественно-научнаго прогресса Германіи совпадаютъ и первыя попытки нѣмцевъ проникнуть въ отдаленныя страны земного шара. Въ періодической прессѣ часто раздавались голоса, убѣждавшіе нѣмецкое правительство не упускать изъ виду интересовъ тѣхъ нѣмцевъ, которые живутъ вдали отъ своего отечества, При этомъ указывалось на успѣхи англичанъ, американцевъ, голландцевъ, даже испанцевъ и французовъ. Но правительство долго не рѣшалось взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ и лишь благодаря націо нальному антагонизму, существовавшему между Австріей и Пруссіей, послѣдняя, наконецъ, уступила требованіямъ общественнаго мнѣнія. Еще въ 1857 году Австрія снарядила

экспедицію для кругосвѣтнаго плаванія, которая въ три года посѣтила Капштадтъ, Цейлонъ, Мадрасъ, Никобарскіе острова и Америку. Въ 1861 году появился въ печати, на англійскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, обстоятельный отчетъ объ этомъ путешествіи, имѣвшемъ весьма важное значеніе для науки. Это обстоятельство главнымъ образомъ задѣло самолюбіе Пруссіи и побудило ее снаряжить экспедицію въ Теддо, которая была благополучно окончена. Къ великой національной гордости нѣмцевъ, графъ Эйленбургъ заключилъ торговый трактатъ съ Япоііей и Китаемъ и воротился обратно въ Пруссію. Экспедиція эта имѣла то значеніе, что она послужила примѣромъ для многихъ частныхъ лицъ и возбудила въ нихъ охоту къ путешествіямъ. Въ сравнительно короткій промежутокъ времени изслѣдованы были Азія, Африка, Америка, Австралія и даже крайній сѣверъ. Многіе изъ отважныхъ нѣмецкихъ путешественниковъ погибли вдали отъ родины, какъ, напр., Альбрехтъ Рошеръ, Фогель, Шлягитвейтъ. Альбрехтъ Рошеръ былъ умерщвленъ въ Ніассѣ, о судьбѣ-же Фогеля долге не было никакихъ свѣденій и потому для отысканія его снаряжена была въ Африку новая экспедиція, подъ руководствомъ нѣмца Теодора фон-Гейглина. Но самымъ замѣчательнымъ предприятиемъ Германіи въ исторіи ученыхъ путешествій была экспедиція къ полярнымъ странамъ, совершенная по инициативѣ и по плану извѣстнаго нѣмецкаго географа Петермана. Многія изъ этихъ экспедицій совершались не безъ задней мысли водворить въ томъ или другомъ мѣстѣ прочную нѣмецкую колонію, которая, будучи основана въ центрѣ наиболѣе заселенныхъ странъ, могла бы служить защитой для нѣмецкихъ эмигрантовъ. Сначала нѣмцы возлагали самыя фантастическія надежды на австрійскую экспедицію, затѣмъ они ждали чего-то отъ Пруссіи и даже отъ сѣверо-американскихъ нѣмцевъ, число которыхъ, какъ говорили германскіе патріоты, простирается до 10 милліоновъ и которые, благодаря этой численности, располагаютъ якобы громаднымъ политическимъ вліяніемъ. Но фантазіи эти разсѣялись появившимся въ то время въ Германіи сочиненіемъ „О нѣмцахъ сѣверо-американскаго союза“, гдѣ говорится о томъ, что нѣмцевъ, жившихъ въ сѣверо-американскихъ штатахъ, не болѣе 3.000,000, которые располагаютъ 600,000 голосовъ. Затѣмъ авторъ этого сочиненія, между прочимъ, замѣчаетъ, что нѣмецкой національности нивакой нѣтъ

или почти не существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ-какъ она ступевывается среди бурнаго круговорота американской жизни и ассимилируется болѣе энергическимъ и выдержаннымъ національнымъ типомъ янки. „Переселившіеся сюда нѣмцы, говорить онъ, — незнакомы съ отечественной исторіей, ни съ завоеваніями нѣмецкой науки, искусствъ и литературы. Вся національность ихъ выражается лишь извѣстными привычками, обычаями и нѣкоторыми нравственными или, скорѣе, безнравственными правилами“. Авторъ другого сочиненія о томъ-же предметѣ опровергаетъ мнѣніе своихъ соотечественниковъ въ Пруссіи и Австріи, будто нѣмцы въ Америкѣ составляютъ самую образованную часть населенія. Онъ говоритъ, что несправедливо судить о среднемъ уровнѣ образованія цѣлаго народа по отдѣльнымъ личностямъ и нелѣпо возражать противъ лѣни, обнаруживаемой нѣмцами въ дѣлѣ образованія, указаніемъ на Гумбольдта, Гёте, Шиллера, Лессинга, Канта, Гегеля и др. Скорѣе можно получить понятіе о среднемъ уровнѣ народнаго образованія по кассовымъ книгамъ книжныхъ магазиновъ, чѣмъ по сочиненіямъ людей, составляющихъ цвѣтъ интеллигенціи. Основываясь на такомъ масштабѣ, мы приходимъ къ заключенію, что средній уровень образованія нѣмцевъ, живущихъ въ сѣверной Америкѣ, *гораздо* ниже образованія англо-американцевъ“.

В. Ленскій

С О Н Ъ.

(Съ нѣмецкаго.)

Мнѣ снился сонъ мучительный и странный:
Осенній день печально вечерѣлъ,
Кругомъ меня подѣ дымкою туманной
Угрюмый лѣсъ таинственно шумѣлъ.

Какъ инвалидѣ проиграннаго боя,
Я шель одинъ невѣдомымъ путемъ,
И только ждалъ забвенья и покоя,
Стремясь скорѣй забыться мирнымъ сномъ.

Мой взоръ искалъ спасительнаго крова,
И вотъ вдали заискрились огни—
И темный лѣсъ мгновенно въ цвѣтъ багровый,
Въ кровавый цвѣтъ окрасили они.

То былъ пожаръ: знакомое селенье
Зажглось рукой озлобленныхъ враговъ.
Я слышалъ трескъ и грохотъ разрушенья,
Я слышалъ плачь дѣтей и стариковъ.

Я имъ не могъ помочь. Среди тревоги
Суровый плѣнъ грозилъ мнѣ самому,
И въ темный лѣсъ я повернулъ съ дороги,
Спѣша скорѣй укрыться въ эту тьму.

А предо мной за толстыми стволами
Блеснулъ опять веселый огонекъ...
То былъ костеръ, разложенный врагами;
Онъ озарялъ во мракѣ ихъ кружокъ.

Здѣсь шель дѣлежъ награбленныхъ сокровищъ
И, пьяная отъ крови и вина,
Была толпа оборванныхъ чудовищъ,
Безумною веселостью полна.

Смѣхъ площадной и ругань площадная
Неслась волной, сливаясь въ адскій хоръ,
И вороновъ испуганная стая
Имъ вторила, будя уснувшій боръ.

И услыхалъ я вдругъ подъ эти звуки
 Плачь женщины: ватага дикарей,
 Ей за спину связавъ веревкой руки,
 Ругалася въ безуміи надъ ней.

И на враговъ глядѣлъ съ нѣмымъ укоромъ
 Еще одинъ свидѣтель въ этотъ мигъ,—
 То былъ сѣдой, съ полупотухшимъ взоромъ,
 Повѣщенный злодѣямъ старикъ...

На землю я упалъ безъ силъ отъ злости,—
 И сплосъ мнѣ, что, лежа на землѣ,
 Очнулся я на каменномъ помостѣ
 И вновь огонь увидѣлъ въ полумгнѣ.

Не смѣлъ я встать, боясь опять засады,
 Но наконецъ во тьмѣ я увидалъ,
 Что надо мной въ окнѣ огонь лампы
 Предъ образомъ Спасителя мерцалъ.

Я сталъ смотрѣть: кругомъ кресты и плиты,—
 Родной погостъ предсталъ моимъ глазамъ,
 И я лежалъ измученный, разбитый
 На паперти у входа въ старый храмъ.

Скорѣй туда, гдѣ въ дни житейской битвы
 Наивныя и кроткія сердца
 Несли въ слезахъ завѣтныя молитвы
 Передъ алтарь небеснаго Отца.

Скорѣй туда, гдѣ горькія сомнѣнья,
 Отчаянье, вражда и суета,
 Смолкало все въ святомъ благоговѣнны
 Передъ лицомъ распятаго Христа.

Скорѣй туда—и плакать и молиться
 За цѣлый міръ—за братьевъ и враговъ:
 Да замолчитъ вражда и водворится
 Въ сердцахъ людей великая любовь.

.
 И вотъ на паперть я упалъ, рыдая,
 И вдругъ отъ слезъ проснулся въ тишинѣ:
 Кругомъ меня парила ночь нѣмая
 И на яву рыдалъ я, какъ во снѣ.

М. Н.

ПАРИЖЪ.

(Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie, par M. du-Camp. 4 volumes. 1869—1874.).

I.

Жизнь главныхъ городовъ—этихъ центровъ, гдѣ скучиваются значительныя массы людей, желающихъ удовлетворить всѣ свои разнообразныя потребности, — представляетъ не мало интереса. Она слагается въ опредѣленную форму не вдругъ, развивается постепенно и медленно и переходитъ отъ самыхъ простыхъ формъ случайнаго поселенія къ самымъ сложнымъ формамъ благоустроеннаго города, гдѣ человѣкъ находитъ все, чѣмъ живутъ люди, что является предметомъ первой необходимости или предметомъ самой утонченной прихоти, начиная отъ школы, библіотеки, больницы, богадѣльни, почты, телеграфа, рынка, бани и кончая картинными галереями, общественными балами, театрами, кандитерскими, домами терпимости. Въ жизни главнаго города сосредоточиваются, какъ въ фокусъ, всѣ великія достоинства и всѣ великіе недостатки извѣстнаго народа въ извѣстную эпоху. Если въ этомъ народѣ процвѣтаетъ народное образованіе, то въ главномъ городѣ, принадлежащемъ этому народу, вы увидите лучшія народныя школы; если въ этомъ народѣ сильно развита проституція, то самыя поразительныя ея проявленія вы встрѣтите въ его главномъ городѣ; если въ этомъ народѣ значительно преобладаетъ нищество, то самыя яркія образчики нищенства вы найдете здѣсь, въ центрѣ оживленной дѣятельности этого народа. По главному городу извѣстной страны можно судить довольно

правильно о самой странѣ. Но если вообще жизнь главныхъ городовъ представляетъ, такимъ образомъ, не малый интересъ, то жизнь Парижа имѣетъ еще большее значеніе: Парижъ — это не простая столица извѣстнаго государства, это — балованное и любимое дитя всей Европы. Когда пруссаки забирали въ плѣнъ сотни тысячъ французовъ и осаждали городъ за городомъ, — всѣ смотрѣли довольно спокойно; когда пруссаки остановились подѣ стѣнами Парижа, всѣ заволновались, всѣ начали толковать о варварствѣ бомбардировки подобнаго города, всѣ въ волненіи читали произведенія въ родѣ знаменитаго письма Виктора Гюго и никто не считалъ странными возгласы крайнихъ поклонниковъ Парижа, спрашивавшихъ: „что же будетъ послѣ этого съ современной цивилизаціей?“ Парижъ, дѣйствительно, является не только распространителемъ модныхъ шляпокъ, модныхъ платьевъ, модныхъ причесокъ и моднаго цвѣта человѣческихъ волосъ, — онъ управляетъ въ значительной степени и настроеніемъ умовъ. Когда-то онъ заставлялъ Европу мужественно переваривать скучнѣйшія псевдо-классическія произведенія, пренебрегая полными жизни произведеніями Шекспира; теперь онъ заставляетъ ее хохотать до упада подѣ офенбаховскіе и лекоковскіе мотивы и зѣвать отъ скуки при сколько-нибудь серьезной музыкѣ. Каждая переиѣна въ его настроеніи заставляла всѣхъ спрашивать, какъ это отзовется на остальныхъ городахъ Европы, тогда-какъ настроеніе какихъ-нибудь Рима, Мадрида, Берлина, Вѣны только и касалось жителей этихъ городовъ. Каждое парижское событіе не есть семейное дѣло парижанъ или даже французовъ — оно дѣлается европейскимъ событіемъ — и какой-нибудь „Фонарь“ Рошфора, освѣщавшій только темныя стороны второй имперіи, переводился на главныя европейскіе языки и съ жадностью читался всѣми сколько-нибудь образованными людьми. О Парижѣ еще Францискъ I писалъ Карлу V: „это не городъ, это цѣлый міръ“.

Роль Парижа въ европейской жизни есть прямое слѣдствіе той роли, которую вообще играютъ французы въ этой жизни. Можно подшучивать, когда французы пазываютъ свою націю „la grande nation“, но нельзя отрицать того, что эта нація оказываетъ громадное влияніе даже на тѣхъ, которые подшучиваютъ надъ нею. Александръ Дюма-сынъ, когда нѣмецкіе театральные директоры просили у него дозволенія поставить на сцену въ Гер-

мані „La femme de Claude“, писалъ: „отдайте Франціи Эльзасъ и Лотарингію и тогда ставьте на сцену въ Германіи мои пьесы“. Это было чисто-французское фатовство, но въ этомъ фатовствѣ была своя доля глубокаго смысла: образованная Германія жила и могла-бы еще долго жить безъ Эльзаса и Лотарингіи; но она не могла жить и теперь не можетъ жить безъ французскаго репертуара, и теперь, когда нѣмцы бранятъ насколько можно французовъ, въ Берлинѣ съ правительственной субсидіей основался французскій театръ подъ управленіемъ брата петербургскаго французскаго режисера Люге.

Вотъ почему можно сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, что въ Парижѣ, какъ въ главномъ городѣ Франціи, отражаются всѣ хорошія и всѣ дурныя стороны общественной жизни современной цивилизованной Европы.

Не безъ борьбы, не безъ труда, какъ и вся остальная Европа, дошелъ Парижъ до своего настоящаго положенія: тѣ-же войны, тѣ-же повальные болѣзни, тѣ-же годы голода и общественной неурядицы, которыя переживала во время своего роста Европа, переживалъ и Парижъ. За пятьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова—это небольшое укрѣпленіе, носящее названіе Лютеціи, т. е. жилища посреди водъ, и соединенное съ двумя берегами посредствомъ мостовъ; оно покоряется врагами, несмотря на всѣ усилія его жителей отстоять свою самостоятельность. Въ VI вѣкѣ послѣ Рождества Христова — это уже настолько большой городъ, что четыре сына Клотара I мирно дѣлятъ между собою всю принадлежавшую ихъ отцу страну, но не могутъ уступить одинъ другому Парижа и оставляютъ его въ общемъ владѣніи. Въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣковъ Парижъ уже славится своими школами, а при наступленіи XIII столѣтія въ немъ возникаетъ первый европейскій университетъ, привлекающій громадныя массы учениковъ: ихъ число доходило до двадцати тысячъ. Онъ съ каждымъ вѣкомъ все растетъ и украшается новыми зданіями, новыми удобствами: Людовикъ VII начинаетъ постройку церкви Парижской Богоматери; Филиппъ-Августъ возводитъ зданіе рынка, строитъ старый Лувръ и моститъ улицы Парижа, окружая городъ укрѣпленіями; Людовикъ IX водвигаетъ зданіе Святой Капеллы. Но украшенія и удобства города стоятъ дорого, на это нужны средства и ихъ добываютъ при помощи

налоговъ, которые увеличиваются съ каждымъ годомъ. О старыхъ европейскихъ налогахъ, пошлинахъ, пеняхъ и тому подобныхъ поборахъ мы имѣемъ теперь только смутное понятіе и съ трудомъ можемъ представить всю ихъ тяжесть. Особенно тяжелымъ гнетомъ ложились пошлыны, взимаемая съ жизненныхъ припасовъ у различныхъ заставъ. Каждая провинція окружалась своими собственными пограничными таможенными и въ каждой таможнѣ приходилось платить пошлыны. Такимъ образомъ, если-бы хлѣбъ нужно было доставить въ Парижъ изъ Марсеа, то пришлось-бы платить пошлыны въ Комта, въ Дофине, въ Бургони, въ Ниверне, въ Орлеанѣ, въ Иль-де-Франсѣ, не считая налоговъ за право провоза и частныхъ сборовъ. Такая система вызывала нищету народа и голодъ извѣстныхъ мѣстностей. Уже съ XIV в. Парижъ дѣлается центромъ постоянныхъ волненій, продолжающихся до той поры, когда онъ попалъ въ руки англичанъ, подъ властью которыхъ ему пришлось пробыть шестнадцать лѣтъ. Бурное столѣтіе смѣнилось болѣе мирнымъ столѣтіемъ; народу приходилось отдохнуть отъ внутреннихъ волненій и отъ нашествія чужеземцевъ. Но новыя несчастія были не за горами. Преслѣдованіе кальвинистовъ, борьба съ гугенотами, варфоломеевская ночь, волненія лиги—все это изъ вѣка въ вѣкъ смущало мирную жизнь города... Генрихъ IV два раза осаждалъ городъ, моря его жителей голодомъ; Людовикъ XIV переноситъ свою резиденцію въ Версаль; тьеровское правительство толкуетъ о необходимости избрать новую столицу и развѣнчать Парижъ. Но Парижъ все-таки остается Парижемъ—столицею Франціи, центромъ цивилизованной Европы. Завоевать такое значеніе было нелегко. Мы видимъ, какъ парижане беззаботно фланируютъ по Итальянскому бульвару, какъ они отшлысываютъ въ „Bal Mabille“ безшабашный канканъ, какъ они бойко напѣваютъ „Chico, chico!“, какъ ихъ jeunesse dorée бросаетъ направо и налево горсти золота, какъ парадируютъ ихъ модныя кокетки, залитыя шелкомъ, кружевомъ и брилліантами, и мы говоримъ: „это пустой и вѣтренный народъ“. Но этотъ пустой и вѣтренный народъ дорогой цѣною купилъ не только свое право на жизнь, но даже и право спокойно смотрѣть на этихъ фланеровъ, гулякъ и кокетокъ, появляющихся въ его средѣ не въ трудные годы испытаній, а во дни его отдыха и успокоенія.

Чтобы понять какъ живутъ и выносливъ народъ вообще, стоитъ только взглянуть хоть мелькомъ на все то, что вынесло парижское пародонаселеніе. Безчисленное множество разъ Парижъ дѣлался добычей враговъ или выносилъ осадное положеніе: 841, 845, 855, 861 годы были ознаменованы нашествіями нормановъ; въ 855 году городъ былъ осажденъ втеченіи 13 мѣсяцевъ; въ 1305 году онъ сдѣлался мѣстомъ народныхъ волненій; въ 1411 году началась страшная гражданская война, кончившаяся тѣмъ, что городъ попалъ въ руки англичанъ; въ 1544 году городу угрожалъ Карлъ V; въ 1534 году были преслѣдованія кальвинистовъ, а въ 1572 году совершилась знаменитая варфоломеевская ночь; затѣмъ началось время лиги, съ страшными убійствами и раззореніемъ; 1589 и 1593 годы памятны осадю Парижа войсками Генриха IV; во времена дѣтства Людовика XIV городъ сдѣлался главною ареною Фронды и пережилъ опять дни баррикадъ; далѣе идутъ кровавые годы первой революціи; потомъ наступаютъ времена занятія Парижа союзными войсками, революція 1830 года, революція 1848 года, второе декабря, послѣдняя революція, осада Парижа нѣмецкими войсками. Рука объ руку съ этими событіями идутъ страшные періоды голода: французскія лѣтописи сохранили извѣстія о голодѣ въ 850, 855, 868, 873, 896, 899, 940 годахъ; говорятъ онѣ и о голодѣ въ 1437, въ 1589 и 1593 годахъ. Но всѣ эти голыя цифры не даютъ никакого понятія о размѣрахъ этихъ страшныхъ бѣдствій, и чтобы понять хотя приблизительно весь ужасъ положенія голодающаго народа, нужно знать нѣкоторыя подробности, сообщаемыя хроникерами. Такъ, напримѣръ, о голодѣ 1437 года извѣстно то, что въ это время торжественнаго вѣзда въ столицу Карла VII въ Парижѣ умерло отъ голода и нищеты болѣе 20,000 человекъ. Въ 1590 году непріатели отрѣзали отъ Парижа всякое сообщеніе по Сѣнѣ, по которой доставлялись въ городъ жизненные припасы; въ городѣ начался голодъ, такъ что одна женщина, имѣвшая болѣе 30,000 экю, не могла найти хлѣба даже за деньги; у нея умерло двое дѣтей отъ голода и она спрятала ихъ трушы, посолила ихъ и стала питаться со своею служанкою вмѣсто хлѣба этимъ мясомъ. А что пережилъ Парижъ въ варфоломеевскую ночь, когда Карлъ IX кричалъ изъ окна свое знаменитое „tue! tue!“, когда въ

одномъ Орлеанѣ было убито до 3,000 человекъ, въ Лионѣ 900, въ Руанѣ 500, въ Бордо 274, въ Тулузѣ 200, когда въ Парижѣ пали жертвами убійць: Колиньи, молодой Ла-Рошфуко, Комонъ де-ла-Форсъ, Герши, Клермонъ, маркизь де-Ренель, Пардальякъ, Пиль и тому подобныя личности? Но среди этихъ бѣдствій умирали сотни людей, а ихъ мѣсто занималось сотнями другихъ, и нація выходила побѣдительницей изъ тяжелыхъ испытаній и все усиливалась, какъ усиливался и ея главный городъ.

Интересно взглянуть на простое численное возрастаніе Парижа: въ 1800 году онъ насчитывалъ 547,756 человекъ жителей; въ 1816 году ихъ число возрасло до 710,000; въ 1826 году — до 890,000; въ 1836 году — до 909,000; въ 1846 году — до 1,053,000; въ 1856 году — до 1,174,347; въ 1866 году — до 1,825,274. Если-бы увеличеніе населенія продолжало идти въ томъ-же порядкѣ и на будущее время, то черезъ сороекъ лѣтъ онъ насчитывалъ-бы до 3,000,000 жителей. Гдѣ-бы они жили? Имъ пришлось-бы занять Елисейскія поля, Булонскій лѣсъ, мѣсто скачекъ; Парижъ и Сень-Клу слились-бы вмѣстѣ.

Но и теперь всѣму этому населенію нужны многочисленныя дома, нужны большіе запасы провизіи, нужно огромное количество различныхъ предметовъ первой необходимости, нужна масса рукъ, занятыхъ исключительно тѣмъ, чтобы готовить все необходимое для „брюха Парижа“.

II.

Размѣститься, прокормиться, удовлетворить свои разнообразныя потребности скучившемуся въ городѣ населенію далеко не такъ легко, какъ это представляется съ перваго взгляда. Тутъ является цѣлая масса недоразумѣній и препятствій, заставляющихъ жителей переносить множество неудобствъ. Нужно много умѣнья, много заботъ со стороны городской администраціи, чтобы удовлетворить потребности народонаселенія, а эти качества приобрѣтаются вѣками. Исторія Парижа въ этомъ отношеніи походитъ на исторію другихъ народовъ. Возьмемъ для примѣра подвозъ хлѣба. Втеченіи многихъ столѣтій Парижъ страдалъ отъ недостатка хлѣба и главною причиною недостатка была

та система заставъ и сборовъ, о которой мы уже упоминали. Земледѣльцы гноили хлѣбъ на мѣстѣ и все-таки не рисковали отвозить его въ столицу, боясь раззорительныхъ пошлинъ. Уже въ 1595 году Силли понималъ всю нелѣпность этой системы и говорилъ королю, что „свобода торговли есть главное средство сдѣлать народъ богатымъ“. Но эта идея казалась въ то время слишкомъ смѣлою и потому не была приведена въ исполненіе. Она потомъ высказывалась многими другими государственными людьми, но осуществленіе ея откладывалось въ долгій ящикъ. Одни голодные годы въ Парижѣ смѣнялись другими, а старая система таможенныхъ сборовъ не умирала. „Во Франціи, говоритъ Мишле, — былъ одинъ несчастный узникъ — это хлѣбъ; его принуждали гнить на мѣстѣ его рожденія. Каждая область держала въ плѣну свой хлѣбъ“, хотя это и производило въ однихъ мѣстахъ голодъ, въ другихъ-же упадокъ земледѣлія. Только черезъ двѣсти лѣтъ послѣ знаменитаго предложенія Силли положенъ былъ конецъ нелѣпой системѣ, губившей Францію. Но не одна эта система была исключительною причиною періодическихъ голодованій Парижа. Люди долгое время не умѣли устроить порядочныхъ путей сообщенія. Втеченіи многихъ столѣтій Парижъ исключительно получаетъ продовольствіе при помощи Сены. Возможна была по ней навигація — онъ ликовалъ, всѣ жизненные припасы являлись въ достаточномъ количествѣ, цѣны на предметы первой необходимости понижались: прекращалась навигація по рѣкѣ — Парижъ приходилъ въ уныніе, голодалъ, переплачивалъ за все. Сена на своихъ волнахъ приносила городу и жизнь, и смерть. Врагамъ стоило только остановить суда на рѣкѣ — и для города наставало время бѣдствій. Въ такія времена парижане понимали все значеніе родной рѣки: они взбирались на колокольни, смотрѣли, не отошелъ-ли непріятель отъ рѣки, не пробирается-ли къ городу какое-нибудь судно. Рядомъ съ этимъ идутъ другія причины недостатка продовольствія. Каждая провинція, каждый городъ, подъ вліяніемъ старой системы на-столько были замкнуты, на-столько привыкли отдѣлять свои интересы отъ общихъ интересовъ всего государства, что имъ не было никакого дѣла до того, что гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ недостаетъ хлѣба въ то время, какъ у нихъ онъ гниетъ на мѣстѣ. Кроме того, невѣжественный страхъ за-

ставлялъ ихъ постоянно думать о томъ, что лучше сохранить или, вѣрнѣе сказать, сгноить хлѣбъ у себя, чѣмъ отослать его въ другую область, такъ-какъ, можетъ быть, когда-нибудь и у нихъ почувствуется недостатокъ хлѣба. Рука-объ-руку съ этимъ явленіемъ шло барышничество: находилось множество скупщиковъ хлѣба, которые держали его у себя до тѣхъ поръ, покуда онъ не поднимался въ цѣнѣ до послѣдней возможности,—тогда они понемногу продавали его, наживая громадные барыши. Они считали подобныя спекуляціи вполне законными и нисколько не стѣснялись, наживая деньги цѣной жизни множества ближнихъ. Всѣ эти обстоятельства заставили правителей не на шутку задуматься о лучшемъ устройствѣ продовольствія столицы. „Въ странѣ, гдѣ природа съ избыткомъ даетъ возможность людямъ удовлетворять свои потребности, говорили слишкомъ самоувѣренные законодатели XVIII в.,—голодъ можетъ быть приписанъ только недостаткамъ администраціи или самихъ законовъ“. Но излагая эти мысли, законодатели сами не знали, какъ въ сущности нужно поправить дѣло. Одинъ изъ изданныхъ въ это время декретовъ гласилъ въ первомъ параграфѣ просто, что „перекушъ хлѣба есть уголовное преступленіе“. Подобный лаконизмъ давалъ широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ толкованій закона. Не поправили законодатели своей ошибки и тѣмъ, что написали второй параграфъ, гласившій, что „виновными въ перекушъ объявляются всѣ тѣ, которые исторгаютъ изъ обращенія товары или жизненные припасы первой необходимости, покупаемые и содержимые ими у себя гдѣ-бы то ни было и не пускаемые ими въ продажу ежедневно“. Этотъ параграфъ опять-таки давалъ возможность обвинять, какъ перекушника, каждого вупца. Подобные декреты, конечно, не повели ни къ чему, кромѣ народныхъ волненій и нападеній на торговцевъ. Пробовало правительство само заняться продажей хлѣба, пробовало оно назначить таксу, опредѣливъ maximumъ цѣны жизненныхъ припасовъ, но все это не вело ни къ чему и въ одну изъ суровыхъ зимъ въ Парижѣ голодъ былъ такъ великъ, что два несчастные руанскіе буржуа и нѣкто госпожа Бапомъ, надѣленные природою необыкновенною тучностью, не смѣли показываться на улицахъ Парижа: исхудалый народъ встрѣчалъ и провожалъ этихъ несчастныхъ толстяковъ градомъ камней. Зло было слишкомъ силь-

но, болѣзнь была слишкомъ застарѣлою, общество слишкомъ петербѣливо относилось къ дѣлу врачеванія старыхъ недуговъ, и потому трудно было пособить горю какою-нибудь одною мѣрою и къ тому-же пособить мгновенно. Недуги, усиливавшіеся и развивавшіеся втеченіи многихъ лѣтъ, могли изцѣлиться и исчезнуть только постепенно.

Втеченіи нынѣшняго столѣтія во Франціи часто происходила смѣна правительствъ; система cadaго изъ этихъ правительствъ имѣла свои особенныя отмѣнки, но въ отношеніи торговли хлѣбомъ всѣ они послѣ разныхъ попытокъ и колебаній приходили къ одному заключенію—къ необходимости отмѣнить тѣ или другія стѣсненія, тормозящія ее. Законъ 21 преріаля V года возстановилъ вполнѣ свободу внутренняго перевоза хлѣба; но втеченіи всего времени консульства первой имперіи заграничная торговля хлѣбомъ никогда не пользовалась полной свободой. Встрѣтивъ снова затрудненія въ народномъ продовольствіи, Наполеонъ I велѣлъ закупить хлѣбъ за-границей и положилъ основаніе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, принадлежащихъ государству и предназначенныхъ для продовольствія Парижа во время дороговизны хлѣба. Эта мѣра предусмотрительности, пожалуй, и была-бы хороша, если-бы рука-объ-руку съ нею не шли злоупотребленія администраціи и если-бы слишкомъ большія затраты на закупку хлѣба, на содержаніе магазиновъ, на пополненіе попорченнаго хлѣба не падали прямо на народъ, какъ это доказалъ офиціальнѣ докладъ въ 1817 году. Система Наполеона въ этомъ дѣлѣ держалась очень долго безъ измѣненій и только въ шестидесятыхъ годахъ торговля хлѣбомъ съ заграничными рынками сдѣлалась почти вполнѣ свободной. Въ послѣдніе-же годы стали собираться правительствомъ свѣденія изъ разныхъ мѣстностей о видахъ на урожай и объ урожаяхъ, — стали собираться для того, чтобы была возможность приготовиться помочь той или другой мѣстности прежде, чѣмъ въ ней наступитъ голодъ. Но, конечно, не одна свобода торговли хлѣбомъ произвела болѣе или менѣе благотворныя результаты: тутъ играли важную роль и улучшенные способы обработкѣ земли, дающіе возможность рассчитывать на лучшій урожай, и болѣе дѣятельный надзоръ за перекупщиками хлѣба, о которыхъ втеченіи послѣднихъ семидесяти лѣтъ народъ вспомнилъ только разъ, во время голода 1847

года, и улучшенія путей сообщенія, соединившихъ въ одно цѣлое всю страну и давшихъ возможность дешево и скоро перевозить товаръ изъ одной мѣстности въ другую. Всѣ эти улучшенія, дающія возможность доставлять во всякое время всей странѣ достаточное количество продовольствія, встрѣчали оппозицію невѣждъ и приверженцевъ старины. Такъ, наприимѣръ, когда зашли толки объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, то на этотъ предметъ парламентскіе ораторы съ величайшимъ трудомъ согласились асигновать 500,000 франковъ. Эта сумма вполне характеризуетъ, какъ недовѣрчиво и какъ презрительно относились эти люди къ устройству желѣзныхъ дорогъ: 500,000 франковъ были каплею въ морѣ тамъ, гдѣ требовалось, по скромнымъ расчисленіямъ одного оратора, до 400 милліоновъ франковъ, а по словамъ другого оратора, расходы должны были превысить 800 милліоновъ. Мотивы, на основаніи которыхъ отвергалось устройство желѣзныхъ дорогъ, были крайне недалководны и свидѣтельствовали о томъ, что каждый ораторъ смотрѣлъ на желѣзныя дороги только съ точки зрѣнія прямыхъ барышей для акціонеровъ. „Самый высшій процентъ, получаемый съ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, говорилъ депутатъ Огюи,—не превышаетъ 9 со 100, тогда-какъ каналы приносятъ 30, 32, 50, 52, 70 и даже 72 на 100“. Вслѣдствіе этого рекомендовалось устройство каналовъ вмѣсто желѣзныхъ дорогъ: дешевизна-же доставки товаровъ, скорость сообщенія на желѣзныхъ дорогахъ, возможность пользоваться ими во всякое время года—вовсе не принимались въ расчетъ ораторомъ. Находились и такіе государственные люди, которые считали желѣзныя дороги потѣхою для праздныхъ людей столицы и утверждали, что въ годъ нельзя сдѣлать и пяти льѣ желѣзныхъ путей во Франціи. Сами ученые приходили къ такимъ выводамъ, что запугивали общество; такъ одинъ извѣстный ученый писалъ: „на пути могутъ встрѣтиться тунели съ температурою въ 8° по Реомюру, тогда-какъ воздухъ внѣ ихъ нагрѣтъ до 40° и 45°. Я утверждаю, не колеблясь, что подобный внезапный переходъ отъ жара къ холоду вызоветъ въ людяхъ катары, воспаленія легкихъ, чахотку“. Что-же мудренаго, что первые побѣды желѣзныхъ дорогъ встрѣчались градомъ камней со стороны массы? При подобныхъ взглядахъ общества на это дѣло оно должно было идти медленно и въ 1836 году, когда въ Англии

было уже 3,046 километровъ желѣзныхъ дорогъ, Франція насчитывала не болѣе 142 километровъ подобныхъ путей сообщенія. Но стоило обществу только поближе присмотрѣться къ выгодамъ, доставляемымъ желѣзными дорогами, стоило только капиталистамъ понять, что постройка желѣзныхъ дорогъ открываетъ новый путь для ажіотажа, — и эпоха желѣзнодорожной горячки началась во всей силѣ. Памятный день 10 іюня 1842 года рѣшилъ окончательно, что Франція должна покрыться сѣтью желѣзныхъ дорогъ. „Это было время скандальнаго безумія, говоритъ Дюканъ, — напоминавшаго лучшіе дни процвѣтанія системы Лоу“. Всѣ старались захватить себѣ концессіи, перепродавали ихъ въ третьи руки, одна компанія губила другую, — но какъ-бы то ни было, результаты были все-таки благотворны: Франція покрылась желѣзными дорогами, которыя стоили не 400,000,000, не 800,000,000 франковъ, какъ думали въ 1828 году, а 8 миллиардовъ. Какое оживленіе внесли онѣ въ страну, какъ онѣ вызвали отъ сна разныя захоластья, какъ подтолкнули торговлю, это видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1866 году путешественниковъ на желѣзныхъ дорогахъ было 92,127,914 человекъ; денегъ перевезено по нимъ на 4 миллиарда 16 милліоновъ 442,694 тысячи франковъ; повозокъ — 19,779; багажу 177,662,872 килограмма; свѣжихъ припасовъ и тому подобныхъ предметовъ 378,015,403 килограмма; собакъ, лошадей, свиней и тому подобныхъ животныхъ 6,112,788 головъ; товаровъ 38 миллиардовъ 782 милліона 977,125 килограммовъ.

Парижъ, вѣроятно, явился центромъ всей сѣти желѣзныхъ дорогъ, которыя сходятся къ нему съ восьми сторонъ. Только при помощи желѣзныхъ дорогъ могло такъ разростись и можетъ существовать населеніе Парижа, получающее извнѣ не только хлѣбъ, говядину и вино, но и всякіе плоды, всякія овощи, которые находятся подъ-рукою у большинства жителей мелкихъ городовъ, имѣющихъ достаточное количество земли, чтобы разводить при домахъ сады и огороды. Желѣзно-дорожныя компаніи очень хорошо поняли свою роль относительно продовольствія этого громаднаго города и понизили тарифъ за провозъ сѣстныхъ припасовъ до такого *minimum'a*, что сдѣлали доступнымъ этотъ провозъ для самыхъ небогатыхъ производителей. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе развѣтвляются

желѣзныя дороги, ведущія въ Парижъ, окрестное населеніе получаетъ все большій и большій доступъ къ парижскимъ рынкамъ для сбыта своихъ произведеній. Теперь уже не можетъ быть опасеній, что въ этой столицѣ явится недостатокъ въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ; этотъ недостатокъ можетъ быть развѣ только въ такомъ случаѣ, если повторится нѣчто подобное недавней осадѣ города непріятельскими войсками; въ обыкновенное же время скорѣе можно было опасаться за чрезмѣрное переносеніе парижскаго рынка сельскими произведеніями, но и это опасеніе оказалось неосновательнымъ; съ тѣхъ поръ, какъ доступъ къ парижскому рынку сдѣлался для сельскаго населенія легкимъ, иностранные потребители стали все больше и больше закупать съѣстные припасы въ Парижѣ. Такъ Англія въ значительномъ количествѣ закупаетъ въ Парижѣ яйца, масло, овощи, фрукты и даже говядину.

III.

Интересно посмотрѣть на устройство центрального рынка въ Парижѣ. Оно не имѣетъ ничего общаго съ примитивнымъ устройствомъ нашихъ провинціальныхъ базарныхъ площадей или нашей столичной Сѣнной площади. Парижскій рынокъ имѣетъ свою исторію. Когда весь Парижъ помѣщался еще на островѣ, у него былъ одинъ небольшой рынокъ, помѣщавшійся рядомъ съ церковью Сень-Жерменъ Старый и доставлявшій провизію всему городу. Когда населеніе перешло и на другіе берега Сены, новый рынокъ былъ устроенъ на Гревской площади, но и этотъ рынокъ оказался недостаточнымъ. Тогда Людовикъ Толстый купилъ поблизости отъ города мѣсто Шампо для новаго рынка. Первые постройки въ Шампо были сдѣланы въ 1183 году Филиппомъ Августомъ, устроившимъ здѣсь постоянный рынокъ, обнесенный стѣнами, запиравшимися на ночь; для торговцевъ было устроено пристанище, гдѣ можно было скрыться въ ненастье. Въ 1278 году Филиппъ Смѣлый построилъ лавки съ тряпьемъ, старой рухлядью и обувью для „помощи бѣднымъ женщинамъ и бѣднымъ, жалкимъ людямъ“. Филиппъ Красивый увеличилъ эти постройки и рынокъ сдѣлался мѣстомъ свиданій и сходокъ всего торговаго на-

селенія Парижа, и называли, говоритъ одинъ древній писатель, этотъ рынокъ „halles“ или „alles“, потому что каждый шелъ (allait) „туда“. Этимологія довольно наивная, но тѣмъ не менѣе остроумная. Рынокъ представлялъ самый разнообразный видъ: здѣсь продавали сукно, платье, обувь, съѣстные припасы, ленъ, оружіе; это былъ обыкновенный базаръ, какіе до сихъ поръ встрѣчаются у насъ. Уже въ 1325 году видъ рынка, гдѣ продавалось все, начиная отъ вещей, могущихъ служить приданымъ богатой невѣстѣ, и кончая простыми овощами, былъ настолько привлекателенъ, что одинъ писатель того времени замѣтилъ: „когда осматриваешь рынокъ, то все хочется идти дальше и дальше, и когда кончишь обзоръ, то непременно хочется начать его снова“. Въ 1551 году старый рынокъ былъ сломанъ и построенъ новый, вокругъ котораго уже были проложены новыя дороги, необходимыя для облегченія сообщенія и подвоза товаровъ; это былъ какъ-бы отдѣльный городъ. Въ этотъ-же вѣкъ былъ изданъ указъ, гласившій слѣдующее: „Привозящимъ въ городъ для продажи съѣстные припасы запрещается выгружать ихъ гдѣ-бы то ни было кромѣ рынка и назначенныхъ для продажи мѣстъ; запрещается кому-бы то ни-было покупать эти товары въ другомъ мѣстѣ, кромѣ рынка и площадей“. Въ это время уже развилось сословіе рыночныхъ торговцевъ. Les dames de la Halle, les poissardes дѣлаются тѣми типичными личностями, которыя играютъ немалую роль въ исторіи Парижа. Широкая глотка, тяжелая рука, сварливый характеръ, мѣткая брань, отстаиванье своихъ интересовъ всѣми силами, гордость своимъ положеніемъ, самостоятельность, довольно вѣрное пониманіе общественныхъ дѣлъ—все это неотъемлемыя качества этихъ женщинъ. Уже въ 1738 году было назначено брать штрафъ въ 100 ливровъ и сажать подъ арестъ тѣхъ изъ этихъ женщинъ, которыя оскорбятъ прохожихъ. Но запугать „пуассардокъ“ подобными мѣрами было трудно. Въ 1785 году къ рынку былъ прибавленъ еще новый клочекъ земли, предназначенный для продажи овощей и тому подобныхъ предметовъ. Продащицы помѣщались здѣсь на открытомъ воздухѣ, защищаемыя отъ солнечныхъ лучей и дождя только большими зонтиками. Это неудобство было устранено только въ 1813 году, когда были воздвигнуты здѣсь деревянныя галереи.

Коренное преобразование рынка было задумано уже Наполеономъ I, нерѣдко посѣщавшимъ рынокъ и выслушивавшимъ здѣсь не мало очень горькихъ истинъ. Декретъ 1811 года предписывалъ перестройку рынка, но исполненіе этого декрета осталось мертвой буквой по случаю военныхъ событій. Правительство реставраціи имѣло постоянно зубъ противъ рынка, игравшаго не послѣднюю роль во дни революціи, и потому не заботилось о перестройкѣ его. Правительство Луи-Филиппа, повидимому, хотѣло исполнить планъ Наполеона I и принялось за проложеніе новой улицы Рамбюто, но преобразование рынка оно откладывало со дня на день. Только 18 января 1847 года оно рѣшило въ принципѣ, что необходимо устроить рынокъ такъ, чтобы онъ отвѣчалъ потребностямъ и нуждамъ населенія, и въ августѣ того-же года разрѣшило сдѣлать заемъ для постройки зданія. Но, къ несчастію, голодъ 1847 года и революція 1848 года заставили употребить занятія деньги на другія нужды. Только въ 1851 году было возможно начать работы, сдѣлавъ вторичный заемъ. Перестройка дѣлалась въ сущности по плану Наполеона I. Первое зданіе, воздвигнутое въ это время, было сдѣлано изъ камня и имѣло видъ не рынка, а крѣпости. Парижское населеніе и населеніе рынка замѣтили это и осмѣивали „рыночную крѣпость“. Наполеонъ тоже понялъ и ненужность и неудобство подобной постройки—и остался недоволенъ. Стекланные крыши вокзала западной желѣзной дороги и воспоминанія о „Хрустальномъ дворцѣ“ лондонской выставки навело на мысль построить рынокъ изъ чугуна и стекла, что и было исполнено. Не мало денегъ нужно было затратить на это дѣло, не мало трудностей приходилось преодолѣть, но, наконецъ, рынокъ былъ воздвигнутъ такой, какого нельзя найдти ни въ одномъ изъ существующихъ городовъ Европы: это образецъ тѣхъ рынковъ, которые воздвигнутся впоследствии во всѣхъ главныхъ европейскихъ городахъ. Узкіе переулки, кабаки, открывавшіеся ночью, зараженная атмосфера, грязь стараго рынка—все это исчезло безвозвратно.

По плану, еще не вполне приведенному въ исполненіе, центральный рынокъ состоитъ изъ 14 павильоновъ, изъ которыхъ десять были уже окончены въ 1870 году. Четыре остальныхъ павильона предназначались для помѣщеній администраціи и заимъ старыхъ домовъ, находящихся въ улицахъ Сартинь, Фуръ,

Мерсье, Обленъ, Бабиль и Дезеку. Вся постройка должна была обойдись въ 60,000,000 франковъ и занять мѣсто въ 70,000 метровъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ къ рынку ведутъ широкія улицы, большею частью непосредственно примыкающія къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. Шестъ тысячъ повозокъ, восемьсотъ вьючныхъ животныхъ, множество тачекъ и носильщиковъ служатъ каждую ночь для перевозки товаровъ на рынокъ и нуждаются для помѣщенія въ площади въ 22,000 метровъ. Всѣ эти повозки, тачки, люди не могли-бы свободно достигать рынка, если-бы полицейскимъ распоряженіемъ не было запрещено всякимъ другимъ экипажамъ проѣзжать отъ 3 часовъ ночи до 10 утра по улицамъ, ведущимъ къ рынку. Смотрѣть за порядкомъ во время перевозки товаровъ поручено бригадѣ изъ 40 городскихъ сержантовъ и отряду муниципальной гвардіи. Павильоны—громадныя зданія, крытыя стекломъ, съ стеклянными боками и чугунными колонами, опирающимися на каменные фундаменты,—раздѣлены на нѣсколько частей, съ кладовыми и погребками вверху, построенными изъ плиты и кирпича. Въ этихъ кладовыхъ хранятся непроданные за день припасы; здѣсь колятъ дичь; здѣсь живутъ въ кѣткахъ кролики, утки; здѣсь хранится масло, яйца, сыръ; здѣсь плаваютъ въ бассейнахъ съ проточной водой рыбы. Между этими кладовыми проходитъ широкая дорога съ рельсами—свидѣтельство неисполненнаго плана проложенія подземной желѣзной дороги до центрального вокзала желѣзныхъ дорогъ. Въ каждомъ павильонѣ возвышается деревянная постройка, гдѣ пребываетъ постоянно инспекторъ рынка и его помощникъ. Тутъ-же идетъ провѣрка вѣсовъ. При рынокѣ находится 481 носильщикъ; каждый изъ нихъ получаетъ отъ 1,500 до 3,000 франковъ въ годъ. Носильщики не только люди испытанной честности и замѣчательно хорошаго поведенія, но и люди, обладающіе необыкновенной силой. Они выгружаютъ товары. На рынокѣ запрещено курить; здѣсь позволено употреблять для освѣщенія только закрытые фонари; здѣсь не допускается держать легко воспламеняющіеся матеріалы. Наблюденіе за правильностью торговли, за безопасностью, разрѣшеніе возникающихъ пререканій на мѣстѣ, сохраненіе чистоты и порядка,—все это здѣсь доведено до возможнаго совершенства и въ этомъ отношеніи парижскій рынокъ достоинъ серьезнаго изученія: онъ

является яркимъ примѣромъ того, чего можно достигнуть въ подобномъ положеніи, если только серьезно отнестись къ дѣлу. Здѣсь торговецъ не можетъ безнаказанно обмануть покупателя и наоборотъ; здѣсь дурная провизія, вредная для здоровья, не можетъ ускользнуть отъ наблюдательнаго глаза администраціи рынка. Мѣста на рынокѣ даются не даромъ, но ихъ цѣнность мѣняется сообразно съ продаваемыми на этихъ мѣстахъ продуктами. Мясная лавка оплачивается 3 франками въ день; лавка съ рѣчною рыбой — 1 фр. и 50 сантимами; лавка съ дичью — 1 франкомъ; лавка съ зеленью — 75 сантимами; лавка съ устрицами — 20 сантимами; простыя мѣста для торговли оплачиваются вообще по 5 сантимовъ въ день за квадратный метръ. Павильоны окружены широкими тротуарами, около которыхъ помѣщаются торговцы мелочами, имѣющіе для защиты простые зонтики; число этихъ торговцевъ доходитъ до 599 и плата ихъ за право торговать здѣсь равняется 15 сантимамъ въ день. Мѣста нанимаются попедѣльно съ понедѣльника утра до вечера воскресенья; плата вносится впередъ муниципальному сборщику; каждый наниматель обязанъ имѣть на виду билетъ со своимъ именемъ и номеромъ, чтобы легко было видѣть, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Такъ какъ чистота рынка и свѣжесть провизіи зависятъ въ значительной степени отъ количества воды, то на рынокѣ расходуется въ день до 2,800,000 литровъ воды. Такъ-же необходимъ здѣсь свѣтъ и его доставляется въ избыткѣ при помощи 700,000 кубическихъ метровъ ежегодно расходимаго газа. Газъ можетъ зажигаться при помощи 11,310 рожковъ, дающихъ не только достаточное количество свѣта, но и могущихъ нагрѣть помѣщенія павильоновъ. Вентиляція устроена очень тщательно.

IV.

Когда кончаются представленія въ театрахъ, когда закрываются кофейни, когда погасаютъ огни въ домахъ, когда засыпаетъ весь Парижъ, — просыпается его рынокъ и жизненный пульсъ начинаетъ биться въ немъ сначала тихо, потомъ все сильнѣе и сильнѣе. Первыми являются къ рынку огородники. Идетъ ли дождь или нѣтъ, воетъ-ли осенній вѣтеръ, стоитъ-ли сильный морозъ, они ѣдутъ шабкомъ въ своихъ открытыхъ телѣгахъ;

имъ приходится стоять съ возами на открытомъ воздухѣ, заплативъ по 20 сантимовъ за мѣсто въ метръ ширины и въ 2 метра длины; для нихъ не выстроили навѣса, а между тѣмъ при настоящемъ положеніи рынка они даже лишены печальной возможности отогрѣться въ кабакѣ, какъ они отогрѣвались тамъ въ старыя годы; впрочемъ, навѣсовъ не сдѣлано для нихъ на томъ основаніи, что „дурная погода, какъ выразился одинъ изъ чиновниковъ сенской префектуры, — не особенно вредитъ овощамъ“. А людямъ? — объ этомъ онъ даже и не подумалъ. Быть можетъ, это обстоятельство болѣе всего заставляетъ огородниковъ поскорѣй продавать свои овощи торговцамъ зеленью или рыночнымъ торговцамъ, чтобы имѣть возможность поскорѣе покормить лошадей и уѣхать домой. Впрочемъ, многихъ изъ этихъ людей заставляетъ торопиться и другое обстоятельство: они заключили условіе съ компанією, вывозящею изъ города грязь и мусоръ; они ѣдутъ по улицамъ и подбираютъ кучи сора и нечистоты, которыя подъ ихъ руками превращаются потомъ въ плодотворное удобреніе. Въ это время рынокъ еще спокоенъ, за исключеніемъ павильона № 3, куда уже пребываетъ говядина, привозимая на телѣгахъ съ желѣзныхъ дорогъ; ее готовятъ для розничной продажи. Вокругъ рынка ходятъ старшины носильщиковъ съ серебряными значками, провѣряя, стоятъ-ли на мѣстахъ носильщики, и тутъ-же бродятъ попарно присматривающіеся полицейскіе.

Бьетъ три часа, движеніе усиливается; главная продольная галерея, раздѣляющая рынокъ на ровныя группы павильоновъ и располагающая мѣстами въ 40 сантимовъ за метръ, начинаетъ наполняться первыми плодами, цвѣтами, мхами, цвѣтущими или распускающимися вѣтками деревъ. Разгружается нѣсколько фургоновъ съ зеленью, присланною по желѣзной дорогѣ откуда-нибудь изъ Бретани. Высокіе своды галереи при слабомъ газовомъ освѣщеніи кажутся еще выше; холодный ночной воздухъ врывается въ нее широкою струею. Между тѣмъ ворISHки, бродяги и оборванцы, гоняемые съ мѣста на мѣсто, — со скамеекъ, гдѣ они прилегли ночью, отъ подъѣздовъ, гдѣ они старались укрыться, — ищутъ пріюта за грудями цикоріи, моркови, петрушки. Дрожащіе отъ холода, съ согнутыми спинами, съ прижатыми къ груди руками, стараются они пріютиться и заснуть за какой-нибудь гигантской

кучей зелени. Но полиція не спитъ: она будитъ ихъ, расталкиваетъ, поднимаетъ на ноги, гонитъ прочь; они дѣлаютъ десятокъ шаговъ, предполагаютъ, что за ними перестали наблюдать, ложатся снова, прислонясь головой къ каменной стѣнѣ, и стараются снова уснуть. Еще разъ ихъ будятъ, имъ угрожаютъ; но усталость превозмогаетъ все и они опять ищутъ себѣ пріюта. Ихъ находятъ опять и отводятъ въ полицейскій домъ, гдѣ они, наконецъ, могутъ мирно доспать ночь. За нѣсколько минутъ до пяти часовъ утра начинаютъ собираться женщины: у нихъ, какъ у ветхозавѣтныхъ библейскихъ певѣтъ, въ рукахъ фонари съ зажженными свѣчами; онѣ собираются на углу улицы Рамбюто, на тротуарѣ улицы Сень-Пьеръ-Леско. Сюда переносится подвижное бюро и при немъ помѣщается одинъ человѣкъ. Начинается перекличка носильщиковъ; если кто-нибудь изъ нихъ не явился, то онъ не получаетъ своей части прибыли, хотя и долженъ работать весь день. Раздается звукъ колокола и часы бьютъ пять. Начинается продажа кресса. Теперь уже всѣ на своихъ мѣстахъ: факторъ, его писецъ и его глашатай; агентъ инспектора рынка; инспекторъ муниципальных сборовъ. Каждый изъ служащихъ записываетъ предметъ продажи и его цѣну; такимъ образомъ, при всякой продажѣ являются три различные документа, которыми можно контролировать счета каждаго изъ этихъ лицъ. Крессъ въ настоящее время составляетъ значительную часть продовольствія Парижа. До 1810 года его производство было незначительно. Въ этотъ-же годъ одинъ изъ офицеровъ, бывшихъ въ походѣ въ Германію, устроилъ между Сенлисомъ и Шантлии значительные разсадники кресса на подобіе дрезденскихъ и эрфуртскихъ разсадниковъ. Отсюда крессъ сталъ доставляться въ Парижъ и продавался выгодно и скоро. Этого было достаточно, чтобы стали усиливать производство этого легко разводимаго, здороваго и полезнаго продукта, доступнаго въ Парижѣ очень небогатымъ людямъ. Въ 1868 году его было продано 10,887,912 пучковъ. Его привозятъ въ большихъ корзинахъ, привязывая ко всѣмъ стѣнкамъ корзины, такъ-что, опустивъ въ середину корзины свой фонарь, торговка, покупающая крессъ, можетъ осмотрѣть сразу всѣ 25 или 50 дюжинъ пучковъ этого товара. Сначала идетъ продажа съ аукціона оптомъ, потомъ начинается розничная продажа и слышатся крики продавцовъ: „зелень! зелень!“

На рынокъ-же уже раздался сигнальный колоколь, возвѣщающій открытіе павильоновъ: сюда уже начинаютъ стекаться покупатели провизіи.

Особенно замѣчательны размѣры торговли свѣжею морскою рыбою: распредѣленіе рыбы между торговцами происходитъ между 6 и 7 часами утра. Въ 1868 году свѣжей морской рыбы на центральномъ рынокѣ было продано 19,649,522 килограмма и кромѣ того продано 1,938,097 килограммовъ рѣчной рыбы. Стоимость первой равнялась 15,308,135 франкамъ 50 сантимамъ; вторая стоила 2,138,956 франковъ. При этомъ 4,144,655 килограмма морокой рыбы и 1,246,664 килограмма рѣчной были доставлены изъ-за границы. Вообще цифры проданныхъ на рынокѣ предметовъ очень почтенны. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ за 1868 годъ:

Устрицъ	25,496,752	штуки — цѣна	71 фр. 90 сант. за 1,000
Масла	11,268,132	кил. „	31,836,265 „ 58 „
Яицъ	228,997,515	штукъ „	17,045,013 „ 14 „
Дичи	12,506,744	штуки „	27,785,622 „ 41 „
Плодовъ	316,433	кнпы „	} 3,349,700 „ 50 „
Овощей	99,952	„ „	

Только тотъ, кто бывалъ въ центральномъ рынокѣ Парижа, кто видѣлъ эти груды мяса, это безконечное множество живой рыбы, эти вороха моркови, свеклы, картофелю, зеленого горошка, — только тотъ сразу пойметъ, какъ великъ этотъ городъ, какія массы людей копошатся въ этихъ шестиэтажныхъ домахъ, въ этихъ необъятныхъ мастерскихъ, въ этихъ гостинницахъ, въ этихъ барскихъ отеляхъ, въ этихъ роскошныхъ дворцахъ. Подобнаго зрѣлища, какъ центральный рынокъ, вы не встрѣтите нигдѣ въ остальной Европѣ и потому, быть можетъ, нигдѣ не бьетъ такъ сильно въ глаза „брюхо“ города, какъ здѣсь... Въ центральномъ рынокѣ есть нѣчто такое, что заставляетъ еще серьезнѣе призадуматься наблюдателя.

Въ павильонѣ № 12 есть особый родъ торговцевъ, — число которыхъ доходитъ до 17, — занимающихся продажей „остатковъ свѣтлыхъ припасовъ“. Парижскій „арго“, грозящій исковеркать до конца французскій языкъ, довольно мѣтко назвалъ предметы этой торговли „арлекинами“. Какъ платье арлекина сшито изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, такъ продукты этихъ торговцевъ со-

Стоять изъ самыхъ разнообразныхъ припасовъ. Эти люди каждое утро посылаютъ своихъ агентовъ съ небольшими ручными запирающимися тельжками въ кухни богатыхъ домовъ, министерствъ, посольствъ, дворцовъ, гостинницъ, отелей. Здѣсь въ тельжки бросаются всѣ объѣдки отъ обѣдовъ, ужиновъ и завтраковъ. Эта смѣсь привозится въ центральный рынокъ. Хозяева этой невообразимой смѣси, гдѣ закуски смѣшаны съ сладкими пирожными, жареная говядина съ рыбою, разбираютъ ее. То, что еще можно распознать, откладывается въ сторону, очищается, *приниражается* и кладется на тарелку. Это очищеніе дѣлается тайно отъ глазъ покупателей, потому что здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь примѣнимо правило о томъ, что „въ кухню не слѣдуетъ заглядывать, когда стрипаютъ“. Когда очистка кончается, торговцы подбираютъ подходящіе предметы одинъ къ другому и дѣлаютъ „выставку“, ставя на видъ самые лакомые куски. Все, что уже совсѣмъ негодно для употребленія изъ этой смѣси, оставляется для продажи на прокормленіе собакъ. Кости забортливо сберегаются и изъ нихъ приготовляются плитки бульона. Затѣмъ онѣ продаются фабрикантамъ животной черной краски. Такимъ образомъ, не пропадаетъ ничего. Къ торговцамъ арлекинами идутъ питаться несчастные, исхудалые и голодные бѣдняки, но тутъ-же торриво и съ оглядкою, точно воры, преслѣдуемые полиціею, снуютъ богатые скряги, бросая вокругъ себя тревожные взгляды, приподнимая воротники пальто, чтобы не быть узванными: имъ хочется купить за ничтожную цѣну объѣдки какого-нибудь дорогого кушанья для приготовляемаго ими пира и въ то-же время они боятся, что ихъ на мѣстѣ преступленія застанутъ ихъ злоязычные знакомые, которыхъ хотятъ угостить на славу эти Плюшкины. Торговцы ихъ знаютъ; они служатъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ павильона; но они платятъ деньги и потому надъ ними смѣются только за ихъ спиною. И какъ прибыльна эта торговля! Торгующіе арлекинами черезъ немного лѣтъ бросаютъ эту торговлю, приобрѣтая десятокъ тысячъ ливровъ годового дохода!

V.

Я взялъ въ примѣръ парижскій центральный рынокъ, какъ яркій образецъ того совершенства, той распорядительности, той предусмотрительности, до которыхъ могла развиваться администрація управленія современнаго европейскаго города. Мнѣ пришлось бы говорить о многомъ, если бы я вздумалъ указывать на всѣ факты, показывающія административныя способности всей той массы лицъ, которымъ ввѣрено управленіе Парижемъ и всѣми отраслями его общественной жизни. Возьмемъ для доказательства два примѣра: одинъ чисто частный, другой общій.

Максимъ дю-Канъ рассказываетъ одно происшествіе, случившееся съ нимъ на желѣзной дорогѣ. Онъ ѣхалъ въ Шату и взялъ обратный билетъ, который и спряталъ въ свой портъ-монне. Онъ сѣлъ въ вагонъ въ обществѣ трехъ или четырехъ человекъ и принялся за чтеніе газеты, когда дверь въ вагонъ отворилась и одинъ изъ служащихъ при желѣзной дорогѣ спросилъ у пассажировъ: „Кто ѣдетъ въ Шату?“ Три путешественника отвѣтили, что они ѣдутъ туда. Служащій при желѣзной дорогѣ попросилъ показать билеты. Дю-Канъ опустилъ газету и раздражительно замѣтилъ, что это просто ни на что не похоже, такъ беспокоить пассажировъ. „Ну, а если бы я ѣхалъ въ Анверъ, вы не спросили бы у меня билета?“ спросилъ онъ у желѣзнодорожнаго служащаго. „Нѣтъ, милостивый государь“, отвѣтилъ тотъ невозмутимымъ тономъ. Дю-Канъ съ чисто-парижской раздражительностью приподнялъ плечи и началъ шарить въ карманахъ. Но поиски были совершенно напрасны. Желѣзнодорожный служащій улыбнулся и замѣтилъ: „Вотъ вашъ портъ-монне“. Дѣло было просто: желѣзнодорожный служащій нашелъ портъ-монне, въ которомъ былъ билетъ въ Шату; чтобы навѣрное узнать хозяина потерянной вещи, онъ не пошелъ по вагонамъ спрашивать: „кто потерялъ портъ-монне?“ а предлагалъ вопросъ: „кто ѣдетъ въ Шату?“ сообразивъ, что только этимъ способомъ онъ найдетъ настоящаго, а не мнимаго владѣльца потерянной вещи. Этотъ фактъ, повидимому, мелокъ, ничтоженъ, но повѣрьте, что чело-вѣчеству нужно много пережить даже для того, чтобы дойти до

подобной сообразительности. И именно этою-то сознательностью, этою находчивостью отличаются современные администраторы и ихъ помощники въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Берлинѣ, вездѣ, гдѣ живутъ цивилизованные люди. Подобные факты умѣнья найдтись и не растеряться ни въ какомъ случаѣ не являются исключеніемъ, а сдѣлались въ Парижѣ общимъ правиломъ. Это доказывается лучше всего почтовымъ управленіемъ. Кто хотя немного знаетъ почтовое дѣло, тотъ пойметъ, сколько недоразумѣній, сколько затрудненій встрѣчаютъ почтамтскіе чиновники при сортировкѣ и направленіи писемъ. Иногда адресъ неразборчиво написанъ, иногда забытъ на адресѣ городъ, куда отправляется письмо, иногда адресъ написанъ на непонятномъ языкѣ. Конечно, гоголевскій почтмейстеръ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ незатруднился-бы ни на минуту, прочелъ-бы письмо и оставилъ-бы его для своего домашняго употребленія. Но въ Парижѣ вѣкъ этихъ почтмейстеровъ уже давно прошелъ. Дю-Канъ говоритъ, что онъ нѣсколько разъ испытывалъ парижское почтовое управленіе и всегда испытаніе оканчивалось къ чести этого управленія. Онъ надписывалъ адреса на письмахъ къ самому себѣ на арабскомъ, на русскомъ, на греческомъ языкахъ; онъ самъ опускалъ эти письма въ ящикъ, чтобы быть увѣреннымъ, что они не затерялись; онъ нарочно франкировалъ ихъ, чтобы доставка или недоставка ихъ не была связана съ выгодами почтамта—и письма аккуратно получались имъ, запаздывая только на шесть, на восемь часовъ. Почтамтъ, не имѣя возможности разобрать адресовъ этихъ писемъ, посылалъ ихъ въ турецкое, въ русское, въ греческое посольства для перевода и, такимъ образомъ, получалъ возможность передать ихъ по принадлежности. И всѣ эти хлопоты дѣлаются ради какого-нибудь городского письма: доработаться до сознанія, что подобная точность въ исполненіи своихъ обязанностей необходима,—можно было только въ теченіи многихъ и многихъ вѣковъ общественной жизни. Вообще распорядительность и точность чиновниковъ почтоваго управленія въ Парижѣ настолько интересны, что стоитъ хотя мелькомъ коснуться этого предмета.

Письма, на которыхъ написанъ невѣрный, неразборчивый или неполный адресъ, вручаются двумъ чиновникамъ. Ихъ столъ находится около хорошо освѣщеннаго окна, у нихъ подъ рукой находится масса лексиконовъ и лупъ различныхъ размѣровъ.

Одинъ изъ этихъ чиновниковъ, высокій, сухой, съ сѣдыми волосами господинъ, отличается особенно выразительными и пронзательными глазами; онъ составилъ себѣ особій лексиконъ. свидѣтельство терпѣливаго и своеобразнаго труда. Здѣсь находится каталогъ всѣхъ фабрикъ и замковъ, имена всѣхъ поземельныхъ владѣльцевъ; онъ знаетъ, что Ла-Рошфуко имѣютъ двадцать три замка, а Ла-Рошжакелены только пять. Получается ли письмо съ надписью: „А. М. Е. В. въ его замокъ“, — чиновникъ заглядываетъ въ свой каталогъ и надписываетъ на письмѣ: „Траньи, община Сентъ-Елоа, черезъ Неверъ, Нievръ“. Письмо съ надписью: „М. Ф. О. на его фабрику“ дополняется надписью: „черезъ Вернонъ, Еръ“. Иногда получается письмо съ надписью: „М. П. негоціантъ, Изеръ“, — чиновникъ отыскиваетъ, гдѣ есть купецъ, котораго имя и фамилія начинаются съ буквъ М. П. и находитъ, что въ Греноблѣ есть такой торговецъ лѣсомъ. Иногда адресъ написанъ не подробно и мѣсто жительства получателя обозначено просто: въ „Ферте“, — названіе, которое носятъ во Франціи двадцать девять городовъ и селъ; если на подобномъ письмѣ нѣтъ никакихъ намековъ, въ которое именно изъ этихъ мѣстечекъ должно отправиться письмо, то его посылаютъ изъ одного Ферте въ другое, покуда не добьются до того, что письмо попадетъ въ надлежащія руки, при чемъ получатель незаплатитъ ни гроша лишняго за долгое путешествіе письма. Но сколько нужно терпѣнья и умѣнья, чтобы разобрать каракули неумѣлой руки или сплошную массу орфографическихъ ошибокъ безграмотныхъ отправителей? Не мало нужно имѣть навыка, чтобы угадать, что Monsieur Clote Baucheron á St-Ouen dhauberville près la marne de ellie à la bouille à rauns значитъ: Monsieur Claude Baucheron à Saint-Ouen-de-Thouberville (Eure) près la marre du sieur Ellie, par Bouille près Rouen (Seine-Inférieure). Средняя цифра писемъ, адреса которыхъ требуютъ исправленія, доходитъ до 1,000 въ день и изъ нихъ 950 доходятъ по назначенію. Такъ-какъ большая часть недоразумѣній, возникающихъ при отправкѣ писемъ, зависитъ главнымъ образомъ, отъ неумѣнья полубезграмотныхъ отправителей надписывать адреса, то администрація почтъ сочла нужнымъ хотя отчасти пособить горю: она вошла въ соглашеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и поручила раздать въ первона-

чальныхъ школахъ семьдесятъ тысячъ тетрадей съ прописями, заключающими въ себѣ примѣры правильныхъ адресовъ. Большаго рвенія въ исполненіи своихъ обязанностей трудно требовать отъ людей, особенно когда они такъ завалены работой, какъ почтовые чиновники въ Парижѣ, обязанные отправить втеченіи года однихъ писемъ 341,379,726 штукъ, какъ это было въ 1867 году. Не менѣе интересно и замѣчательно устройство другого бюро — бюро писемъ, остающихся „до востребованія“. Здѣсь разыгрываются прологи и эпилоги множества житейскихъ драмъ и комедій. Бюро отдѣляется отъ публики рѣшеткою съ тремя отверстиями. Тутъ сразу бросаются въ глаза контрастъ между нетерпѣливымъ волненіемъ публики и хладнокровною сдержанностью чиновниковъ. Чаще всего посѣщается это бюро молодыми женщинами, прикрытыми вуалями и говорящими взволнованнымъ, несмѣлымъ голосомъ; старичками, подкрашенными, прифрантившимися и тайкомъ отъ женъ ведущими интрижки; безбородыми юношами, въ волненіи ожидающими любовныхъ писемъ, и, наконецъ, прожектерами, нерѣшающимися прямо объявить свои фамиліи въ газетахъ при печатаніи своихъ проектовъ. Чиновники строго соблюдаютъ правило не отдавать никому писемъ, кромѣ тѣхъ лицъ, на имя которыхъ адресованы эти письма. Иногда какой-нибудь ревнивый супругъ приходитъ справиться, не получено-ли письмо на имя его жены и получаетъ сухой отвѣтъ: „это не ваше дѣло!“ Однажды, рассказываетъ дю-Канъ, чиновникъ бюро увидалъ, что въ залъ вошла пара: взволнованный мужчина, почти тащившій за собою женщину, блѣдную, смущенную, едва передвигавшую ноги. „Нѣтъ-ли у васъ писемъ на имя госпожи Л.?“ грубымъ голосомъ спросилъ господинъ. Чиновникъ взялъ связку писемъ на букву Л., пересмотрѣлъ ее и отвѣтилъ: „нѣтъ!“ Драматическая пара вышла. Черезъ часъ спустя, является та-же блѣдная и оробѣвшая дама. Чиновникъ узналъ ее сразу и снова взялъ связку писемъ на букву Л., вынулъ поспѣшно одно письмо и отдалъ его несчастной женщинѣ, расшавшей въ благодарностяхъ. „Письмо было адресовано на ваше имя и я не могъ отдать его никому, кромѣ васъ“, замѣтилъ чиновникъ. Во всѣхъ этихъ фактахъ яро проглядываетъ не простое механическое отбываніе своей обязанности, но сознаніе того, какъ нужно относиться къ ея исполненію. Для этого должны были пройти вѣка. Какъ медленно вы-

работывалось почтовое управленіе, видно изъ того что въ 807 году Карлъ Великій пробовалъ устроить почту, но его попытка осталась безъ послѣдствій послѣ его смерти. Потомъ въ 1296 году существовала пересылка писемъ, устроенная университетомъ. Далѣе въ 1464 году Людовикъ XI устроилъ почту изъ 230 курьеровъ лично для себя, взявъ съ народа на расходы 3,000,000 ливровъ. Затѣмъ до 1630 года почта служила только королю, его офицерамъ, посланникамъ, провинціальнымъ делегатамъ или лицамъ, получившимъ особое разрѣшеніе пользоваться ею; остальная-же часть населенія пользовалась университетскими *puntii volantes*, переносившими письма. Только въ 1630 году во Франціи устроилось настоящее почтовое управленіе, а въ 1672 году оно сдѣлалось на аренду за 1,200,000 ливровъ. Какъ разрослось это дѣло, видно изъ арендной платы, равнявшейся:

Въ 1700 году	2,500,000	ливровъ.
„ 1739 „	4,000,000	„
„ 1756 „	5,000,000	„
„ 1764 „	7,000,000	„
„ 1777 „	10,000,000	„

Такимъ образомъ, доходъ втеченіи ста лѣтъ почти удесятирился. Въ 1720 году изъ Парижа въ Руанъ письмо шло трое сутокъ, въ настоящее время оно идетъ менѣе трехъ часовъ. Почтовыхъ бюро было:

Въ 1791 году	1,419
• „ 1829 „	1,799
„ 1838 „	2,395
„ 1869 „	4,876

VI.

Но чѣмъ ярче, чѣмъ замѣтнѣе улучшенія путей сообщенія, почтъ, рынковъ, телеграфовъ и тому подобныхъ явленій, чѣмъ совершеннѣе и безукоризненнѣе является дѣятельность администраціи, тѣмъ грустнѣе видѣть, что никакія успѣхи цивилизаціи не могутъ сломить въ Парижѣ такихъ явленій, какъ порочное нищенство и преступленія. Если-бы отъ развитія администраторовъ, отъ ихъ умѣнья исполнять свои обязанности зависѣло уничтоженіе

преступленій и нищенства — не пролетаріата, а самого простого и обыкновеннаго нищенства, составляющаго особую корпорацію людей, — то этихъ явленій давно-бы не было въ Парижѣ, а между тѣмъ они существуютъ въ этой столицѣ и болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, ярко бьютъ въ глаза, какъ не простыя и случайныя, а чисто-историческія явленія.

Да, какъ-бы ни казалось это страшнымъ, а нищенство и преступленія въ Парижѣ имѣютъ свою подчасъ забавную и веселую исторію, свой своеобразный прогрессъ съ особыми нравами, съ особымъ языкомъ. Язва нищенства въ большихъ городахъ Франціи такъ была сильна уже въ древнія времена, что невольно бросалась въ глаза всѣмъ историкамъ; оно вошло въ нравы народонаселенія и организовалось въ какое-то особое учрежденіе. Персоналъ его главнымъ образомъ составлялся изъ инвалидовъ и калѣкъ. У этой корпораціи было свое правильное устройство; она группировалась около избраннаго начальника; она порой готова была отстаивать свои права вооруженной рукой. Начальникъ этихъ бандъ назывался Козеръ, названіе занесенное, вѣроятно, изъ крестовыхъ походовъ, какою-нибудь ассоціаціей нищенствующихъ странниковъ и передѣланное изъ персидскаго названія Козру, Козревъ, передѣланнаго греками въ Хозроя. Подъ распоряженіемъ начальника дѣйствовали его военноподчиненные, наблюдавшіе за взносомъ условной платы въ пользу начальника со стороны вступающихъ въ банду; они-же учили новичковъ своему „арго“, воровскому языку, и разъясняли способъ растравленія отвратительныхъ язвъ, — это былъ штабъ арміи бездѣльниковъ, гордый своими обязанностями и называвшій своихъ членовъ „людьми коротенькой шпаги“. Низшіе чины этой арміи вели себя болѣе скромно, но и у нихъ не было недостатка въ воображеніи, когда нужно было развязывать чужіе кошельки. Сироты и испорченные въ конецъ шалуны, соединялись въ группы изъ трехъ-четырехъ человекъ и ходили по улицамъ, полунагіе, дрожащіе, плачущіе и просящіе хлѣба; мужчины, сопровождаемые женщинами со своими и чужими дѣтьми, показывали удостовѣрительныя свидѣтельства въ томъ, что ихъ имущество сгорѣло въ грозу; другіе ухитрялись подвязывать такъ одну ногу, что имъ приходилось ковылять на костыляхъ; убогіе — желтые и худые — выставляли на видъ свои искусственныя раны; припадочныя падали на

улицахъ и лежали въ судорогахъ съ пѣною у рта, производимою при помощи взятаго въ ротъ куска мыла; пѣкоторые выдавали себя за людей, чудеснымъ образомъ излѣченныхъ отъ бѣснованія; были здѣсь люди, продававшіе разныя будто-бы святыя вещи. Они ходили по городамъ и общество смотрѣло довольно долго очень безопасно на бродяжки этихъ людей и даже Людовикъ XIV забавлялся ихъ ловкими штуками. Тѣмъ не менѣе отъ времени до времени появлялись указы о преслѣдованіи нищихъ. Въ 1524 году былъ изданъ указъ, повелѣвавшій изгонять и подвергать тѣлесному наказанію нищихъ. Но онъ остался безъ примѣненія и въ слѣдующемъ году ихъ гнали изъ Парижа, грозя имъ висѣлицей. Въ 1532 году ихъ велѣно было сковывать попарно и они должны были чистить выгребныя ямы. Въ 1534 году опять послѣдовалъ указъ о высылкѣ ихъ изъ Парижа, а въ 1561 году они приговаривались къ вѣчнымъ работамъ на галерахъ. Въ 1606 году ихъ велѣно было стегать слугамъ палача на публичныхъ площадяхъ и налагать имъ на плечи особыя клейма. Конечно, все это не вело ни къ какимъ результатамъ и общество рѣшилось обратиться къ предупредительнымъ мѣрамъ. Первая изъ этихъ мѣръ состояла въ томъ, что нищимъ хотѣли дать работу — очищеніе парижскихъ улицъ, но этотъ проектъ не былъ осуществленъ. Тогда перешли къ другой мысли, къ мысли „запереть нищихъ“. Для этой цѣли въ 1656 году устроили три богадѣльни. Число нищихъ въ это время доходило до 40,000. Это былъ „народъ своевольный, не знавшій ни законовъ, ни религіи, ни начальства, ни полиціи; безбожіе, чувственность, развратъ, вотъ что царствовало въ ихъ средѣ“. Сначала дѣло пошло, повидимому, хорошо, но число нищихъ все пребывало и скоро правительство буквально не знало что дѣлать съ ними. Попробовали присѣчь возможность нищенствовать, наложивъ 50 ливровъ штрафа на каждое лице, которое подастъ нищему милостыню. Пользы вышло все-таки мало. Наконецъ явился знаменитый Лоу: онъ подалъ надежду освободить Парижъ отъ бродягъ и заселить ими островъ Миссиссипи. Но и переселеніе оказалось столько-же неудачнымъ, какъ система богадѣленъ. Въ Америку можно было переселить только молодыхъ и здоровыхъ людей и число ихъ было певелико. Въ богадѣльняхъ-же было велѣно класть нищихъ на солому и кормить хлѣбомъ съ водой, чтобы они

занимали меньше уѣста и стояли-бы дешевле. Наконецъ, въ 1750 г. военный министръ д'Аржансонъ выказалъ особенное рвеніе въ дѣлѣ очищенія Парижа отъ нищихъ и рѣшилъ *всѣхъ* ихъ отправить въ Америку. Опъ велѣлъ хватать ихъ и отвозить туда; рвеніе оказалось неудачнымъ; исполнители министерской воли хватали даже молодыхъ служанокъ и работниковъ, которые случайно попадались имъ подъ руку. Парижъ взволновался и въ городѣ начали ходить самыя нелѣпыя, самыя фантастическія, но тѣмъ не менѣе находившія довѣрчивыхъ слушателей рассказы о томъ, что будто бы Людовикъ XV, страдая проказой, принимаетъ для исцѣленія ежедневно утромъ ванны изъ свѣжей человѣческой крови и что похищаемыя юпоши и дѣти закалываются для этой цѣли! Дѣло дошло до возстанія и министерское рвеніе было остановлено. Принялись опять за клеймленіе нищихъ, за ссылку на галеры. Только во время Людовика XVI снова поднятъ былъ вопросъ о доставленіи работы здоровымъ нищимъ. Эта мысль начала осуществляться только въ 1790 г.; здоровыхъ нищихъ заняли земляными работами, больныхъ размѣщали по богадѣльнямъ и госпиталямъ. Но неумѣнье взяться за дѣло, недостатокъ денегъ, волненія той эпохи опять-таки привели къ тому, что снова возобновили мысль о наложеніи штрафовъ на дающихъ милостыню, а нищета все не уменьшалась и во времена директоріи Парижъ на каждомъ перекресткѣ слышалъ слезныя и монотонныя причитанья христорадичавшихъ бродягъ и тунеядцевъ. Вся исторія этихъ мѣръ сводится на то, что нищенство хотѣли уничтожить административными средствами и каждый разъ приходили къ убѣжденію, что самыя энергическія административныя распоряженія не вели ни къ чему. А характеръ нищенства между тѣмъ, если можно такъ выразиться, прогрессировался: оно принимало новыя формы, новыя алюры, новыя способы.

Вы ѣдете въ каретѣ и останавливаетесь у подъѣзда дома, къ вамъ подбѣгаетъ человѣкъ, поспѣшно отворяющій дверцы кареты и ожидающій за это награжденія—это нищій. Вы идете по улицѣ, а за вами слѣдуетъ мальчикъ съ пачкой конвертовъ и бумаги и назойливо, плаксивымъ голосомъ пристааетъ къ вамъ: „купите бумаги, купите, у меня мамаша больна; возьмите хоть что-нибудь, у насъ ѣсть нечего; хоть немного купите, у насъ дровъ нѣтъ“ — это нищій. У церковныхъ дверей стоитъ юноша, про-

дающій четки и предлагающій святую воду—это нищій. По улицамъ и по дворамъ ходитъ шарманщикъ, скрипачъ или флейтистъ, онъ водитъ за собою двѣнадцать-четырнадцать лѣтнихъ итальянцевъ, распѣвающихъ пѣсни, — это нищій. Къ вамъ въ домъ приходитъ юноша или дѣвушка, съ измятыми лицами, съ наглыми и въ то-же время потупленными взорами, въ лохмотьяхъ, но въ лохмотьяхъ франтоватой одежды; они приносятъ свидѣтельства о бѣдности; они говорятъ о высокопочтенныхъ лицахъ помогавшихъ имъ; они готовы взять грошъ, готовы за него продать вамъ себя, готовы за него сдѣлать самую возмутительную подлость, — это тоже нищіе. Вы получаете слезное письмо съ просьбою о помощи, которую васъ просятъ передать привратнику такого-то дома,—это письмо отъ нищихъ. Теперь нищіе составляютъ въ Парижѣ уже не простыя организованныя банды,—нѣтъ, они и организуются въ общества, и дѣйствуютъ отдѣльно, и идутъ по проторенной дорожкѣ, представляясь убогими, слѣпыми, хромыми, и изобрѣтаютъ новые способы обманывать людей. Здѣсь есть своего рода гении и своего рода чудачки. Одинъ изъ нищихъ, носящій имя извѣстнаго, уже умершаго писателя, подписывалъ свои просьбы и письма слѣдующимъ образомъ: „поэтъ и членъ флосальнійской академіи“. Въ сороковыхъ годахъ еще можно было видѣть на улицахъ Парижа женщину, извѣстную подъ именемъ „маленькой женщины безъ ногъ“. Это былъ настоящій феноменъ: у нея отъ рожденія не было лѣвой руки и обѣихъ ногъ по самое туловище. Это былъ какой-то чурбанъ, впрочемъ, очень подвижной. Она кружилась на табуретѣ, она танцевала къ великому удивленію зѣвакъ. При помощи быстрого, повторяющагося стигиванія мускуловъ сѣдалища, она производила глухіе, правильно повторявшіеся звуки, при чемъ кричала: „Милостивые государи и милостивыя государыни, послушайте, какъ у меня въ животѣ ходятъ часы.“ Она жила на улицѣ въ повозкѣ и собирала подаваніе. Нашелся человекъ, который женился на этой почти женщинѣ; неимѣющій ни занятій, ни средствъ, онъ понялъ всѣ выгоды имѣть подобную жену, которую онъ билъ и которая добывала ему деньги, покуда онъ пьянствовалъ въ кабакѣ. Къ несчастію, эта женщина не потеряла способности быть матерью и имѣла двухъ дѣтей. Она посябно кормила ихъ грудью, потомъ начинала снова плясать и кричать о своихъ „часахъ“.

Долго слышались жалобы публики на то, что это чудовище публично мозолить глаза прохожихъ, но ее „не убирали“ прочь втѣченіи десятка лѣтъ. Подъ пару этой женщины былъ мужчина, стоявшій постоянно на площади Сентъ-Жерменъ-л'Оксерруа: у него не было ни рукъ, ни ногъ и онъ писалъ животомъ. Одинъ изъ самыхъ ловкихъ парижскихъ калѣкъ послѣдняго времени отличался именно тѣмъ, что онъ никогда не просилъ милостыни. Онъ являлся во время наибольшаго оживленія итальянскаго бульвара или вивьенской улицы, наполненной идущими съ биржи господами, и шель едва переставляя ноги, опирался на костыль и охая на каждомъ шагу. Опустивъ хитрые глаза, скрытые очками, прося городскихъ сержантовъ помочь ему при переходѣ черезъ улицу, держа полуоткрытою опущенную руку, онъ выглядѣлъ такъ скорбно, такъ жалко, что прохожіе невольно совали ему въ руку мелкія монеты, иногда франки, быстро исчезашіе въ его карманахъ. Трудно было играть свою роль лучше, чѣмъ онъ. Черезъ нѣсколько времени онъ скрывался въ воротахъ одной изъ пустынныхъ улицъ, пересчитывалъ свою добычу и если оставался доволенъ барышемъ, то садился въ омнибусъ и направлялся въ предмѣстіе Сентъ-Мартенъ, гдѣ было его жилище. Это былъ уклонившійся отъ военной службы баденскій уроженецъ, бѣжавшій во Францію. Онъ служилъ потомъ въ Алжирѣ, дрался на дуели, гдѣ получилъ рану, мѣшавшую ему послѣ при ходьбѣ; въ 1838 г. онъ былъ обвиненъ за воровство съ поддѣльными ключами, черезъ годъ былъ снова пойманъ въ кражѣ часовъ въ ссудной кассѣ; въ 1840 г. онъ подвергся новому аресту, а въ слѣдующемъ году судился за намѣреніе совершить кражу; въ 1847 г. обвиненный за нищенство, онъ былъ отосланъ въ нищенскій комитетъ, гдѣ въ девять мѣсяцевъ онъ скопиль 53 франка; въ 1849 году онъ обокралъ свою старую любовницу, потомъ былъ высланъ изъ Франціи, куда вернулся въ 1852 году; новая высылка изъ Франціи была опять не продолжительна, такъ какъ его манили въ Парижъ известнаго рода удовольствія; его опять посадили за нищенство и хотѣли выслать, но онъ далъ слово не нищенствовать болѣе и сдержалъ обѣщаніе: онъ пересталъ протягивать руку, хотя и не пересталъ брать, что ему давали добровольно. А между тѣмъ это былъ здоровый человекъ и хорошій портной, но онъ привыкъ жить легкимъ собираніемъ подачекъ, болѣе выгодныхъ, чѣмъ трудъ. Какъ

иногда выгодно бывает нищенство, видно из того, что одинъ слѣпой нищій, ежедневно являвшійся у сада отеля Гонто, далъ по преданіямъ старожиловъ за своею дочерью 300,000 франковъ приданого, а по вечерамъ ѣздилъ въ собственной каретѣ въ оперу, занимая ложу въ бель-этажѣ. Ремесло слѣпыхъ вообще самое выгодное. Эти люди носятъ очень часто на груди изображеніе событія, лишившаго ихъ зрѣнія, или просто привѣшиваютъ доску съ надписями: „Я васъ не вижу, но Богъ васъ видитъ“, или „Безъ средствъ и доведенный до страшной нищеты, сжальтесь надъ бѣднымъ слѣпымъ на оба глаза“ и т. д. Самые счастливые изъ нихъ тѣ, которые завладѣли постояннымъ мѣстомъ гдѣ-нибудь на мосту и запаслись какимъ-нибудь нестерпимо рѣжущимъ слухъ музыкальнымъ инструментомъ. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжаютъ въ Парижъ на извѣстное время года и проводятъ потомъ довольную и безбѣдную жизнь въ своихъ семействахъ. Насколько они иногда избалованы, можно понять изъ восклицанія одного изъ этихъ слѣпцовъ, когда ему служанка принесла завтракъ: — „Что это ты опять принесла?“ — „Это рагу изъ баранины съ горошкомъ“, отвѣчала боязливо женщина. — „Чортъ тебя возьми съ твоей бараниной, ты знаешь, что я люблю только обыкновенную говядину“. Почему-же эти люди, нажившись, не бросаютъ своего ремесла? Почему они берутся за это ремесло, имѣя силы работать, имѣя иногда даже средства жить безъ нужды въ такой-же праздности, въ какой живутъ нищіе? Это тѣ часто не объяснимыя странности человѣческой природы, которыя такъ интересуютъ и всегда будутъ интересовать психологовъ. Одинъ изъ жонглеровъ, таскавшійся по дворамъ Парижа, обращался очень гордо и даже нагло съ толпою зѣвакъ; большую часть своихъ доходовъ онъ употреблялъ на церковь; въ маѣ и іюнѣ 1848 года онъ отдавалъ разъ въ недѣлю половину своихъ доходовъ въ вспомогательную кассу рабочихъ, о немъ и его характерѣ ходили цѣлыя легенды — и все-таки этотъ человѣкъ предпочиталъ честному труду уличное кривлянье. Въ послѣднее время одна близкая родственница высокопоставленнаго лица, является жалкой уличной цѣвицей, бродящей по дворамъ и по кабакамъ, гдѣ она распѣваетъ дряненькимъ голосомъ сентиментальные романсы; ее упрашивали бросить это занятіе; она нѣсколько разъ давала общаніе исполнить эти просьбы и снова ее что-то тянуло къ этой цы-

ганской жизни, къ этиль грязнымъ дворамъ, къ этимъ сираднымъ кабакамъ. Есть нищіе лѣтъ двадцати-пяти, поцадавшіеся уже разъ сорокъ подъ судъ за прошеніе милостыни. Видя одного изъ подобныхъ бѣдняковъ, здороваго, бодрого, юнаго, Максимъ дю-Канъ не могъ воздержаться отъ восклицанія:

— Но значить нищенство неисправимый порокъ?

— Нищенство — страсть! замѣтилъ одинъ изъ проходившихъ чиновниковъ нищенскаго комитета.

Да, это страсть; но гдѣ причины ее порождающія, гдѣ средства ее уничтожающія?

Цифры нищихъ въ Парижѣ изумительны. Однихъ маленькихъ нищихъ итальянцевъ насчитывается отъ 400 до 700, а въ 1867 году во время выставки ихъ было 1,544 человека. Въ 1869 г. было арестовано въ Парижѣ 2,588 нищихъ; къ этому числу нужно прибавить 14,095 бродягъ и 400 получившихъ официальное разрѣшеніе шарманщиковъ, жонглеровъ, пѣвцовъ и уличныхъ музыкантовъ, число которыхъ въ дѣйствительности гораздо болѣе.

Администраторы и законодатели никогда не выпускали изъ глазъ всей этой массы народа. Такъ въ 1828, 1831, 1849, 1853 и 1863 годахъ были изданы указы о жонглерахъ и шарманщикахъ; въ 1824, 1828, 1849 и 1867 годахъ были сдѣланы распоряженія относительно маленькимъ нищихъ итальянцевъ и т. д. Нищіе массами запирались въ нищенскіе комитеты и потребляютъ огромныя суммы денегъ. Парижъ вообще тратитъ ежегодно на помощь бѣднымъ, на госпитали, на богадѣльни до 23,806,027 франковъ. Но эта цифра меньше дѣйствительной и можно сказать, не ошибаясь, что эти затраты доходятъ до 40 миліоновъ франковъ. И все-таки онъ не можетъ не только истребить, но даже уменьшить у себя нищенства, дѣлающагося иногда наследственнымъ, переходящимъ изъ рода въ родъ, совершенствующимся, имѣющимъ свои преданія и какъ-бы требующимъ, чтобы за нимъ признали право гражданства.

VII.

Нищенство и преступленія тѣсно связаны между собою и идутъ рука объ руку, такъ что иногда трудно сказать, гдѣ кончается нищій и гдѣ начинается преступникъ. Возьмите, напримѣръ, нищихъ-

шарманщиковъ: они не только прикрываютъ свое нищенство тѣмъ, что носятъ шарманку, но они служатъ и распространителями нищенства, выписывая въ Парижъ малолѣтнихъ итальянцевъ, которыхъ буквально покупаютъ у отцовъ, матерей и родственниковъ. Эти дѣти пріучаются къ праздной жизни, къ мелкому мошенничеству, къ самому невообразимому разврату. И эта покупка дѣтей такъ правильно организована, что у шарманщиковъ есть свои путешествующіе комми, свои агенты. Эти агенты ѣздятъ по Италіи, забираютъ дѣтей и продаютъ ихъ шарманщикамъ „по столько-то за голову“. Они высматриваютъ въ деревняхъ, нѣтъ-ли бѣдныхъ дѣтей съ музыкальными способностями и съ смазливими личиками, такъ-какъ эти два качества возвышаютъ цѣну покупаемаго мальчугана. Какъ прибыльно ремесло этихъ агентовъ, можно видѣть изъ того, что въ настоящее время въ Лондонѣ живетъ одинъ „удалившійся отъ дѣлъ“ парижскій агентъ шарманщиковъ, имѣющій до 200,000 франковъ нажитаго этимъ гнуснымъ ремесломъ капитала. Въ исторіи, въ нравахъ, въ образѣ жизни мошенниковъ очень много общаго съ исторіею, нравами и образомъ жизни нищихъ.

Вы и тутъ найдете цѣлыя семейства, передавшія изъ рода въ родъ свою профессію: фамиліи Пьенуаръ, Кёръ-де-Руа, Натанъ очень извѣстны парижскимъ судьямъ. И здѣсь есть правильныя товарищества, имѣющія своихъ корреспондентовъ, свои склады, свои коммерческія книги; такъ дѣйствовали Клейны, Серфы, Блюмы, Леви. Находятся тутъ и такіе люди, которые страдаютъ мнимою паучей болѣзью и, подобно нищимъ, валяются по землѣ съ мыльною пѣною у рта, выгружая карманы тѣхъ, кто слишкомъ близко наклоняется къ нимъ, или помогая своимъ собратьямъ выгружать карманы собравшихся зѣвакъ. И здѣсь терпится нерѣдко та-же самая нужда, какая терпится многими нищими; какова она—это видно изъ отвѣта дѣвочки, дочери схваченнаго вора, посаженной въ нищенскій комитетъ: „хорошо-ли здѣсь?“ спросили ее.—„О да, отвѣтила она,—здѣсь ѣдятъ каждый день!“ Какъ и нищіе, воры иногда устаютъ, утомляются своимъ трудомъ и какой-нибудь старый воръ, мучитель полицейскихъ сыщиковъ, наконецъ, самъ является въ полицію и говоритъ: „Это я: я усталъ, я сдаюсь“.

Мошенничество, замѣчаетъ Дю-Канъ, имѣетъ тысячи формъ. Ку-

пецъ обвѣшивающій покупателя или подмѣшивающій провизию; барыня, провозящая котрбандою кружево; обойщикъ, положившій въ мебель мочало вмѣсто волоса; шулеръ, обыгрывающій своихъ партнеровъ; чиновникъ, уносящій домой бумагу и перья, купленныя его департаментомъ для государственной переписки; вашъ добрый пріятель, зачитывающій вашу книгу, — это все мошенники, хотя каждый изъ нихъ готовъ съ негодованіемъ говорить о воровствѣ и каждый изъ нихъ возмущился-бы, если-бы вдругъ уничтожили всякія полицейскія наблюденія въ городѣ за ворами и оставили-бы его управляться самого съ людьми, запускающими руку въ чужой карманъ. Но, конечно, здѣсь идетъ рѣчь не объ этихъ ворахъ, такъ какъ говорить о нихъ — значитъ говорить вообще... Тѣ спеціальныя категоріи мошенниковъ, о которыхъ говорится здѣсь, мошенниковъ по профессіи, представляютъ массу самыхъ оригинальныхъ типовъ: всѣ отвратительныя, слабыя, смѣшныя и хорошія качества человѣчества отражаются здѣсь и, надо сказать, отражаются въ болѣе яркой формѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь, такъ-какъ корпорація мошенниковъ руководствуется только своими инстинктами, своимъ произволомъ, не признавая никакихъ внѣшнихъ стѣсненій, пріличій и требованій: „Щедръ, какъ воръ“. говоритъ французская поговорка и она вполне оправдывается на дѣлѣ. Воръ-скряга и скопидомъ — чистая аномалія, встрѣчающаяся только между ворами-евреями. Совершивъ удачную кражу, воръ бросаетъ деньги на право и на лѣво, онъ одѣваетъ своихъ товарищей, угощаетъ свою любовницу, ни въ чемъ не отказываетъ себѣ. Фиронъ, убившій служанку господина Тессанъ, и ограбившій квартиру этого барина, прежде всего закупилъ гостинцевъ дочери своей возлюбленной. Большею частью, воры и попадаютъ въ руки полиціи вслѣдствіе своей обличающей расточительности. Кромѣ того, у нихъ сильно развито тщеславіе и они всѣми силами стараются показать своимъ товарищамъ, какое крупное дѣльце удалось имъ сдѣлать. Страсть къ перемѣнѣ платья, къ кольцамъ, цѣпочкамъ, къ яркимъ цвѣтамъ развита почти въ каждомъ ворѣ и въ этомъ отношеніи они похожи на дѣтей, на дикарей, на сыновъ природы. Иногда даже побужденіемъ къ преступленію служитъ роскошный туалетъ. Въ 1846 году нѣкто Дюбо убила госпожу Дакль. Когда убійцу спросили, для чего она совершила преступленіе, она отвѣтила: „чтобы имѣть хорошіе чепчики!“ Еще по-

разительнѣе мотивъ преступленія, совершеннаго слугою маркиза Г. Этотъ человѣкъ получалъ, кромѣ побочныхъ доходовъ, 6,000 фр. въ годъ. Главною его страстью были „новинки“ разныхъ плодовъ и овощей и чистое тонкое бѣлье. Онъ имѣлъ дочь, за которую платилъ въ пансіонъ. Наконецъ, дочь кончила ученье и переселилась къ отцу. Расходы на нее увеличились и лакей не всегда могъ ѣсть зеленый горошекъ и спаржу въ мартѣ и ежедневно мѣнять бѣлье. Онъ нашелъ средство сократить свой бюджетъ—онъ убилъ свою дочь. Иногда мошенники изумляютъ своею щепетильностью; такъ знаменитый Ласверъ, уже совершившій нѣсколько преступленій, занимаясь перепискою бумагъ, отказался переписать одну пьесу. „Я ее прочелъ, замѣтилъ она, и вижу, что она слишкомъ глупа“. Знаменитый Пьенуаръ, постоянно ускользавшій изъ рукъ полиціи, никогда не дѣлалъ самъ подготовленій къ кражѣ и употреблялъ на это дѣло помощниковъ, оставляя за собой только право совершить послѣдній актъ преступленія. Его болѣе всего шокировало то, что въ дѣтствѣ ему проткнули уши, такъ-какъ это придавало ему „нѣсколько вульгарный видъ“. Въ настоящее время, отрѣшившись отъ дѣлъ, онъ живетъ очень богато въ одномъ изъ городовъ Голландіи. Иногда это люди элегантные, ловкіе, образованные, даже спеціалисты; одинъ изъ нихъ былъ замѣчательнымъ математикомъ, занимавшимся постоянно высшею математикою, — тѣмъ не менѣе онъ былъ, наконецъ, пойманъ за кражу въ магазинъ и осужденъ на семь лѣтъ тюремнаго заключенія. Порой они живутъ такъ широко и важно, что трудно подозрѣвать въ нихъ самыхъ мелкихъ мошенниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ весь Парижъ былъ изумленъ арестомъ нѣкоего Турпіана, жившаго богато, посѣщавшаго морскія купанья, бывшаго на скачкахъ, имѣвшаго 8 лошадей въ конюшнѣ и блестящіе экипажи: оказалось, что онъ былъ учителемъ мелкихъ ворюшекъ. Но какъ-бы ни были изысканны ихъ манеры, какъ-бы ни была прилична ихъ внѣшность, эти люди все-таки являются полнѣйшими рабами своей животной природы и только ея одной. Вотъ отчего здѣсь рядомъ съ непомирной вѣтряной и дѣтски-беззаботной расточительностью, рядомъ съ ребяческимъ пристрастіемъ къ разнымъ блестящимъ побрякушкамъ, рядомъ съ мелочнымъ тщеславіемъ является такое страшное звѣрство, которое заставляетъ спрашивать: „не помѣ-

шаны-ли эти люди?" Одинъ изъ нихъ, Бутилье, юноша двадцати одного года, убиваетъ свою мать пятидесятью шестью ударами ножа и, уставъ, ложится на постель рядомъ съ трупомъ. Другой, Тернонь, почти мальчикъ, едва прожившій шестнадцать лѣтъ, душитъ и раздавливаетъ ребенка трехъ лѣтъ, предварительно изнасиловавъ его вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Касте. Вердюръ идетъ смотрѣть на смертную казнь родного брата и потомъ, смѣясь, похваляется, что онъ во время казни стащилъ двѣ пары часовъ. Вообще чисто-физическая энергія и полнѣйшее отсутствіе нравственной устойчивости—вотъ главные качества этихъ людей. Иногда они стараются, какъ Ласнеръ, сдѣлать изъ скамьи подсудимыхъ нѣчто въ родѣ пьедестала для себя и блеснуть передъ обществомъ своею поразительною испорченностью.

Какъ члены особаго семейства, особой націи, особаго государства, мошенники, подобно „золотой юности“ наполеоновской Франціи, имѣютъ свой собственный языкъ, заимствованный изъ разныхъ діалектовъ, восходящій къ XIV и XV вѣкамъ. Палачъ носить у нихъ названіе *boye* отъ итальянскаго *boja*; господинъ—*тег* или *тек*, сокращенное латинское *magus* или арабское *телек*; помилованіе—*gedam* отъ латинскаго *redimere*. Иногда ихъ языкъ является очень выразительнымъ и образнымъ, какимъ всегда бываетъ языкъ дикарей и первобытныхъ народовъ. Для мошенника годы, проходящіе между преступленіями и тюрьмой, являются труднымъ путемъ, какъ восхожденіе съ горы на гору, и потому они носятъ названіе—*berges*, произведенное отъ нѣмецкаго слова *berg*—гора. Поджигатели назывались *suageur*, то есть, людьми заставляющими потѣть. *Гудствовать* значить предавать челоуѣка, сохраняя званіе его друга; *масло*—это подозрѣніе; *махать красной тряпкой*—значить говорить; *вавилонская башня*—это законодательный корпусъ; *общественная печь*—омнибусъ. Рѣшотка тюрьмы—это *арфа* на ихъ языкѣ и *играть на арфѣ*—значить распилить рѣшотку. *Негритянкой*—называется кша товаровъ, обернутая клеенкой; *безспинникъ*—табуретъ, на который сажаютъ преступника, когда дѣлаютъ его *туалетъ*. *Четверть глаза*—комисаръ полиціи, а *продавецъ сптеи*—жандармъ.

Они далеко не смѣшиваются въ одну групу и мошенникъ, занимающійся различными родами мошенничества, встрѣчается срав-

нительно рѣдко: здѣсь тоже есть раздѣленіе труда. Прежде всего является шайка людей, которые не грабятъ никого насильно, а заставляютъ народъ платить имъ извѣстную контрибуцію добровольно. Это хорошо одѣтые, ловкіе и приличные люди; они живутъ въ кварталахъ крупной торговли; они имѣютъ конторы съ вывѣскою „касса“; они печатаютъ въ журналахъ объявленія о выгодномъ помѣщеніи капиталовъ. Имъ несутъ деньги, деньги пропадаютъ и обманутые говорятъ: „спекуляція не удалась“. Они имѣютъ дѣла съ биржей, съ банками, съ литературой, съ комерціей, съ поставками и вездѣ они являются съ прямой цѣлью надуть. Два обширныхъ кафе въ предмѣстьѣ и на бульварѣ Мон-мартра служатъ мѣстомъ ихъ сборовъ; здѣсь за пять или за двадцать сантимовъ подписываются дутые векселя и производятся тому подобныя сдѣлки. Многіе изъ нихъ составляютъ состояніе, дѣлаются милліонерами. Еще Видокъ высчитывалъ, что въ его время они брали налогъ съ парижанъ въ 70,000,000 франковъ. Теперь, во времена ажіотажа, контрибуція должна быть еще больше. Попавшись на скамью подсудимыхъ и потерявъ кредитъ, они, если ихъ не поддержитъ какая-нибудь старая любовница, кончаютъ тѣмъ, что занимаются торговлей стараго платья, предохранительныхъ цѣпей или дѣлаются фотографами, занимаясь производствомъ такого рода картинъ, что въ ихъ дѣла вмѣшивается полиція; но они объясняютъ, что эти фотографіи называемыя ими *rolkas*, предназначались ими собственно для отсылки въ Бразилію, Перу или Японію. Названіе этихъ мошенниковъ — *faiseurs*. За ними идетъ рядъ другихъ мошенниковъ — *droguteurs de la haute* или *francs-bourgeois*. Это нищія, втирающіеся въ дома и объявляющіе, что они принадлежатъ къ той-же профессіи, какъ и хозяйка дома. Они объявляютъ себя актерами разореннаго пожаромъ театра; духовными лицами, идущими пѣшкомъ въ Римъ; писателями, обѣдѣвшими вслѣдствіе разоренія издателя; наставниками, доведенными до нищеты потерей уроковъ. У нихъ есть свидѣтельство о бѣдности и ихъ званіи, неизвѣстно кѣмъ написанныя. Они довольствуются ничтожной милостыней и какими-нибудь часами или шубой, снятыми со стѣны. Третій родъ мошенниковъ — *chineurs* — предлагаетъ матеріи, стоящія особенно дешево вслѣдствіе разныхъ случайностей. Женщины поддаются на эту удочку и покупаютъ гнилье, разлѣзающееся послѣ первой стирки. Есть раз-

рядъ мошенниковъ, надувающихъ содержателей кафе и гостиницъ самымъ простымъ способомъ: они садятся за столъ, объѣдаютъ, потомъ зовутъ хозяина. „Что вы дѣлаете, когда незнакоме вамъ посѣтителѣ не имѣютъ денегъ, чтобы заплатить за объѣдъ?“ слышится вопросъ посѣтителя. — „Я ихъ выгоняю пинками,“ отвѣчаетъ хозяинъ. — „Потрудитесь получить“, отвѣчаетъ мазурикъ, становясь въ приличную случаю позу. Не менѣе простъ способъ мошенничества „ангеловъ-хранителей:“ они подъ видомъ обереганія пьяныхъ прохожихъ обираютъ ихъ до-чиста. Гораздо болѣе способностей долженъ имѣть *тигеур*. человекъ, таскающій изъ кармановъ часы, портмоне, портфели. Эти люди по большей части пускаютъ впередъ трехъ-четырехъ мальчишекъ, подающихъ знаки, гдѣ и у кого можно украсть. Это своего рода фокусники. Одинъ изъ нихъ Мими Лепрейль, прозванный „золотой рукой,“ не могъ быть никогда пойманъ на мѣстѣ преступленія и оставилъ свое ремесло, обезпечивъ себя 15,000 ливровъ годового дохода. Извѣстенъ анекдотъ изъ его жизни: въ 1833 году на биржевой площади собралась толпа народа слушать оратора. Тутъ-же былъ и Лепрейль. Полицейскій попросилъ его удалиться. Лепрейль заспорилъ и, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія воскликнулъ: „Что вы мнѣ толкуете о вашихъ республиканцахъ: я перешарилъ пятьсотъ кармановъ и не нашелъ ни гроша!“ Кража вещей въ магазинѣ, совершаемая болѣею частью двумя женщинами, изъ которыхъ одна смотритъ вещи, другая воруетъ; кража вещей, выставленныхъ магазинами на показъ; кража передъ закрытіемъ ихъ, совершаемая заползающимъ подъ выручку мальчишкой; обкрадываніе магазиновъ при помощи взломовъ: кража необдѣланныхъ бриліантовъ, которые воръ разсматриваетъ такъ близко, что они прилипаютъ къ его языку, къ носу, намазанному свѣжимъ воскомъ, или къ ладони, намазанной гумиарабикомъ; ограбленіе возовъ съ товарами на улицѣ; подмѣна настоящихъ камней и золота поддѣльными; кража въ купальняхъ: обираніе дѣтей; кража при помощи поддѣльныхъ ключей; наконецъ, убійства всякими орудіями — все это особныя категоріи мошенничества, процвѣтающаго до сихъ поръ въ Парижѣ и доведеннаго до виртуозности, неизвѣстной въ былыя времена. Мошенники не всегда живутъ въ бель-этажахъ; они часто не имѣютъ пристанища; они ночуютъ въ ночлежныхъ домахъ; у нихъ есть свои

кабаки, свои кафе-шантанъ, свои танцовщицы и пѣвицы, свои бальныя залы.

Но если прогрессъ замѣчается въ ловкости мошенниковъ, въ ихъ обстановкѣ, въ ихъ доходахъ, то онъ обнаруживается и въ ихъ числѣ. Въ 1837 году было арестовано 20,726 человекъ, въ 1862 году—24,953; въ 1865 году—25,516; въ 1866 году—28,644; 1867 году—31,437; въ 1868 году—35.751. Максимъ-дю-Канъ сомнѣвается, чтобы все повышающуюся цифру арестованныхъ можно было приписать исключительно большей бдительности полиціи; онъ полагаетъ не безъ основанія, что увеличивается и контингентъ преступниковъ, какъ увеличивается и число уопленниковъ въ Парижѣ. Жизнь въ деревняхъ тяжела; провинціалы думаютъ, что въ Парижѣ есть работа для всѣхъ, что тамъ жить лучше; они ѣдутъ въ столицу и гибнутъ отъ нужды, отъ недостатка работы, отъ царящихъ тамъ разврата и бѣдности. Въ былыя времена путешествіе въ Парижъ было трудно, продолжительно и потому на него рѣшались немногіе; теперь оно легко и скоро и потому такъ много людей стремится сюда. Сначала нужда ведетъ къ бродяжничеству (2,333 человекъ дѣтей моложе шестнадцати лѣтъ были взяты за это); бродяжничество кончается тюрьмою, гдѣ дѣти научаются разврату и кражѣ; очутившись на свободѣ, безъ денегъ, они дѣлаются ворами и проститутками; ихъ снова сажаютъ въ тюрьмы и они уже на-столько загрузѣли, что ихъ интересуютъ рассказы „о выгодныхъ убійствахъ“; попавъ опять на свободу, они идутъ еще дальше по пути преступленія.

Долгое время боролось парижское общество съ мошенниками при помощи строгихъ наказаній,—но число мошенниковъ не уменьшалось. Общество увидѣло необходимость перейти къ другой мѣрѣ, къ хорошей организаціи полиціи и эта мѣра помогала только чаще ловить преступниковъ, но не помогала ихъ уничтоженію. Причины мошенничества, точно такъ-же какъ и причины нищенства, коренились здѣсь очень глубоко. Возьмите, наприимѣръ, простое вздорожаніе хлѣба въ Парижѣ и вы увидите, какъ отзывалось оно на развитіи мошенничества: въ 1845 году гектолитръ пшеницы стоилъ 19 фр, 76 сант. и преступниковъ было на 10.000 жителей 10.818; въ 1847 году гектолитръ пшеницы стоилъ 29 фр. 10 сант. и насчитывается 17 преступниковъ на 567 жителей;

съ 1856 по 1859 годъ цѣна пшеницы понизилась съ 30 фр. 75 сент. на 16 фр. 74 сент. и число преступниковъ упало съ 18.222 на 14.655; въ 1861 году гектолитръ пшеницы поднялся до 24 фр. 55 сент. и цифра преступниковъ дошла до 16.518. И это дѣлается еще понятнѣе, когда мы рассмотримъ, изъ какого класса набирается войско парижскихъ преступниковъ: 5 повивальныхъ бабокъ, 21 аптекарь, 1 почтальонъ, 66 наставниковъ, 15 инженеровъ, 36 назвавшихся литераторами, 1 нотариусъ, 3 адвоката, 7 архитекторовъ, 1,132 слесаря, 1,176 слугъ, 1,975 каменщиковъ, 10,376 назвавшихся поденщиками, то есть, людей, неимѣющихъ въ сущности никакой профессіи — вотъ лица, составлявшія армію преступниковъ. Далѣе вы увидите, что главный контингентъ мошенниковъ составляется не только изъ менѣе образованныхъ классовъ общества, но что и въ этихъ-то классахъ вербуются, главнымъ образомъ, та часть, которая настолько бѣдна, что не могла даже получить образованія: изъ 4,607 человекъ, представшихъ на судъ присяжныхъ въ 1867 году, 1,681 (т. е. 36%) не умѣли ни читать, ни писать; 2,068 (т. е. 45%) читали и писали плохо; 638 (т. е. 14%) читали и писали на-столько порядочно, что могли утилизировать свои знанія по этой части; 200 (т. е. менѣе 5%) получили высшее образованіе. Такихъ причинъ, какъ вздорожаніе пшеницы, является множество: цѣны на мясо, на квартиры, на одежду, на трудъ — все это сильно вліяетъ на нравственность. Рядомъ съ этимъ идутъ такія причины, какъ, на примѣръ, все большее и большее развитіе человѣческихъ потребностей среди городской жизни, при извѣстной степени образованія и т. д.

Взятые нами два яркіе контраста парижской жизни очень характеристичны: они показываютъ съ одной стороны, какъ далеко шагнула современная цивилизація, а съ другой, какъ еще бессильна она въ дѣлѣ искорененія нѣкоторыхъ застарѣлыхъ недуговъ общества.

А. Михайловъ.

ДОБРЫЙ ТОВАРИЩЪ.

(Изъ Уланда.)

Былъ у меня товарищъ,
Товарищъ дорогой.
Былъ барабанъ тревогу;
Онъ шелъ со мною въ ногу,
Шагъ въ шагъ, рука съ рукой.

Тутъ вдругъ шальная пуля.
Не мнѣ ли? Нѣту; съ ногъ
Его рядкомъ свалило,
Какъ словно отхватило
Отъ тѣла мнѣ кусокъ.

Онъ протянулъ мнѣ руку,
А мнѣ — вбивать зарядъ.
„Ну, не взыщи, сердечный!
Дай мира въ жизни вѣчной
Тебѣ Господь, камарадъ!“

М. М.

Ж А Р И.

БРЕТЬ-ГАРТА.

(Сцены изъ американской жизни.)

I.

Въ 1858 году въ Фидльтоунѣ ее считали очень красивой женщиной. У нея были густые, длинныя свѣтло-каштановыя волосы, прекрасный станъ, ослѣпительный цвѣтъ кожи и томная грація. Она всегда одѣвалась со вкусомъ, по послѣдней фидльтоунской модѣ. У нея было только два недостатка: одинъ изъ ея бархатныхъ глазъ слегка косилъ и на ея лѣвой щекѣ былъ едва замѣтный шрамикъ, вытравленный каплей сѣрной кислоты, въ счастію, единственной, попавшей на прекрасное лицо изъ цѣлаго пузырька, брошеннаго ревнивою рукой. Впрочемъ, нужно было очень внимательно разсматривать ея глаза, чтобы имѣть возможность открыть неправильность въ одномъ изъ нихъ; а шрамикъ, по словамъ ея почитателей, придавалъ пикантность ея улыбкѣ. Джекъ Припсъ, молодой редакторъ фидльтоунской газеты „Лавина“, утверждалъ, что это не шрамъ, а просто природная ямочка на щекѣ; полковнику Старботлю этотъ шрамикъ напоминалъ поощряющія мушки временъ королевы Анны, а также знакомую ему метиску въ Новомъ Орлеанѣ, о которой онъ говорилъ, какъ о самой красивѣйшей изъ женщинъ, и которая, по его словамъ, сама сдѣлала себѣ шрамъ отъ праваго глаза до подбородка.

Все мужское общество Фидльтоуна было влюблено въ нее; половина влюбленныхъ воображала, что встрѣчаетъ взаимность. Ея мужъ, напротивъ, имѣлъ причины сильно сомнѣваться въ пламенныхъ чувствахъ своей сожительницы. Фамилія этого несчастнаго

была Трэттерикъ. Для фидльтоупской очаровательницы онъ покинулъ свою первую, превосходную жену; очаровательница для союза съ нимъ также прибѣгла къ разводу; впрочемъ, злые языки рассказывали шопотомъ, что ея первый бракъ не былъ облеченъ въ законную форму. Но еще прежде, чѣмъ Трэттерикъ познакомился съ нею лично, онъ увлекся ея поэтическимъ талантомъ. Она такъ прекрасно выражала свои высокія чувства въ гармоническихъ стихахъ! Многие-ли безъ слезъ могли прочесть ея стихотворное произведение „Infelicissimus“, начинающееся такими словами: „зачѣмъ черный кипарисъ не увѣнчиваетъ ея лба“ и подписанное псевдонимомъ: „Леди Клеръ?“ Газета „Intelligencer“ осмѣлилась замѣтить, что кипарисъ — экзотическое растеніе, неизвѣстное въ Фидльтоунѣ; но эта жалкая шутка вызвала только презрѣніе въ многочисленныхъ рядахъ почитателей прекрасной поэтессы. Жалобы на судьбу и жизнь, изливаемая Кларой въ стихахъ, печатаемыхъ въ газетахъ, обратили вниманіе Трэттерика. Ея поэмы, въ которыхъ выражалась чувственная сторона калифорнскихъ нравовъ и неопредѣленное пареніе къ безконечному, произвели живое впечатлѣніе на м-ра Трэттерика, правившаго шестью мулами, запряженными въ огромную фуру, перевозящую товары между Найтс-ри и Стоктономъ, и онъ сталъ розыскивать незнакомую музу. М-ръ Трэттерикъ почувствовалъ, что въ немъ тайно заговорило чувство, которое до сихъ поръ не имѣло повода проявляться, такъ-какъ всѣ его мысли были поглощены торговлей табакомъ и виски, которую онъ производилъ въ лагеряхъ рудокоповъ; его непрерывные перѣзды по пыльной и печальной равнинѣ точно также были мало способны возбуждать и питать фантазію. Но разъ пробудилась въ немъ чувствительность, онъ быстро пошелъ къ цѣли и послѣ недолгаго предварительнаго ухаживанія за Кларой женился на ней.

Ихъ союзъ былъ несчастливъ. Очень скоро м-ръ Трэттерикъ замѣтилъ, что его мечты не имѣютъ ничего общаго съ мечтами его супруги. Лекарствомъ отъ такого горя онъ, по слабой логичности своего мышленія, счелъ побой и сталъ бить свою жену. На побой она отвѣтила легкимъ отношеніемъ къ своимъ супружескимъ обязанностямъ. М-ръ Трэттерикъ занилъ, а мистриссъ стала еще ревностиѣе, чѣмъ прежде, наполнять своими произведеніями столбцы газеты „Лавина“. Въ это самое время полковникъ Старботль открылъ поразительное сходство между геліемъ м-съ Трэттерикъ

и знаменитой Сафо, что и выразилъ въ краснорѣчивой критической статьѣ, подписанной буквами „А. С“, снабженной длинными цитатами и напечатанной въ той-же „Лавинѣ“. Къ его несчастью, типографія газеты не обладала греческимъ шрифтомъ; по этому стихи Сафо были напечатаны вульгарными латинскими литерами, къ великому негодованію полковника и къ радости всего Фидльтоуна, признавашаго текстъ стиховъ Сафо за удачное подражаніе шотавскому индѣйскому нарѣчію, которое по общераспространенному здѣсь слуху, было хорошо знакомо Старботлю, довольно долго жившему въ индѣйскихъ территоріяхъ. На слѣдующей недѣлѣ въ газетѣ „Intelligencer“ появился отвѣтъ въ стихахъ фидльтоунской Сафо, приписанный женѣ индѣйскаго начальника, съ прибавленіемъ горячей похвалы этому произведенію, подписаннымъ буквами „А. С. С.“. Послѣдствіемъ этой шутки была дуэль, описанная въ ближайшемъ номерѣ „Лавины“. „Въ понедѣльникъ, передъ салономъ Эврика, произошла дуэль между достопочтеннымъ Джэксономъ Флашемъ, редакторомъ газеты „Intelligencer“, и полковникомъ Старботлемъ. Противники обмѣнялись выстрѣлами, но ни одинъ изъ нихъ не былъ раненъ; увѣряютъ, что случайно проходившій мимо этого мѣста китаецъ былъ раненъ въ икру пулей изъ карабина полковника, — подарокъ, предназначавшійся вовсе не ему. Джонъ *), такимъ образомъ, узналъ, что необходимо держаться подалеже отъ того мѣста, гдѣ разряжается огнестрѣльное оружіе. Причина дуэли неизвѣстна, однакожь рассказываютъ, что въ это дѣло замѣшана дама. Нѣкоторые указываютъ даже на женщину-автора, хорошо извѣстную здѣсь по своему таланту и своей красотѣ, — писательницу, которая нерѣдко удостоиваетъ нашу газету печатаніемъ въ ней своихъ поэтическихъ произведеній“. Пассивное положеніе, сохраненное Трэттерикомъ въ этомъ дѣлѣ, было надлежащимъ образомъ оцѣнено въ рудникахъ. „Старца разсчиталъ вѣрно, говорилъ одинъ тамошній философъ: — если-бы полковникъ убилъ Флаша, и съ Трэттерикъ была-бы отомщена, а если-бы Флашъ повалилъ полковника, это также было-бы съ руки Трэттерику. Въ обоихъ случаяхъ дѣло кончалось-бы въ его пользу“. Это деликатное обстоятельство, однакожь, побу-

* Джэкомъ въ Соединенныхъ Штатахъ называютъ эмигранта изъ Китая, также какъ мексиканца зовутъ Гризель, а ирландца — Пауди.

дило м-сь Трэттерикъ оставцть супружескій очагъ и переселиться въ гостиницу, взявъ съ собой только то платье, которое было на ней надѣто. Она оставалась здѣсь нѣсколько недѣль и, слѣдуетъ отдать ей справедливость, вела себя прилично, на-сколько это было возможно.

Въ одно ясное весеннее утро молодая женщина вышла изъ гостиницы и пошла по узкой улицѣ, простиравшейся до опушки темнаго еловаго лѣса, лежавшаго на границѣ Фидльтоуна. Благодаря раннему часу утра, прохожихъ встрѣчалось очень мало, да и тѣ спѣшили, чтобы не прозввать отхода дилижанса въ Вингдамъ. М-сь Трэттерикъ прошла предмѣстье никѣмъ незамѣченная; затѣмъ она вошла въ аристократическій кварталъ города, о чемъ свидѣтельствовало отсутствіе лавокъ въ домахъ, и встрѣтилась съ полковникомъ Старботлемъ. Потому-ли, что тѣсные сапоги жали ему ноги или портной сфальшивилъ какъ-нибудь въ покровъ платья, или-же, наконецъ, что необходимость вести даму подъ руку мѣшала ему играть граціозно тросточкой, но только изящный полковникъ казался далеко не въ спокойномъ расположеніи духа. Несмотря на это, м-сь Трэттерикъ наградила его любезной улыбкой и кокетливо вскинула глазами, когда онъ, безпокойно откашливаясь, предложилъ ей свою руку.

— Не бойтесь ничего, сказалъ онъ:—Трэттерикъ отправился кутить въ Дэтчъ-Флятчъ, и китаецъ, стерегущій домъ, дастъ вамъ полную свободу распорядиться, какъ вамъ будетъ угодно. Я— (при этомъ съ гордой осанкой онъ вытнулъ свою грудь)—я позабочусь о вашей безопасности, пока вы будете забирать тамъ все, что вамъ принадлежитъ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ за такое вниманіе и безкорыстіе! сказала дама съ улыбкой;—пріятно въ массѣ жесткихъ людей, окружающихъ насъ, встрѣтить человѣка съ сердцемъ, который меня вполне понимаетъ.

И она опустила глаза, однакожь послѣ того, какъ они успѣли произвести свое обычное дѣйствіе на кавалера, ведущаго ее подъ руку.

— Конечно, конечно, отвѣчалъ полковникъ, бросая безпокойный взглядъ вдоль улицы.—О, да, конечно, это такъ.

Увѣрившись, что никто не видитъ и не слышитъ его, онъ безъ всякаго предисловія объявилъ своей спутницѣ, что жизнь его

преизобиловала сердечными привязанностями. Множество женщин,—она позволила ему не называть их именъ,—очень много прелестныхъ женщинъ добивались его привязанности. Но онъ не могъ отвѣчать имъ взаимностью; теперь же, когда два существа, ея и его, соединенныя истинной симпатіей другъ къ другу, одинаково желаютъ пренебречь недѣльные предрассудки вульгарнаго, лицемернаго общества, когда двѣ души смѣшиваются въ поэтическомъ союзѣ, теперь...

Рѣчь полковника, который своимъ краснорѣчіемъ былъ обязанъ учиненной имъ предварительной вышивкѣ, внезапно стала невнятной и недобопонятной. Хотя м-съ Трэттерикъ приходилось уже не разъ выслушивать подобныя рѣчи, хотя, можетъ быть, она и привыкла не придавать имъ серьезнаго значенія, но на этотъ разъ краска не сходила съ ея лица до тѣхъ поръ, пока она не достигла цѣли своего путешествія. Это былъ прелестный котѣдзь, освѣщенный группой елей. При солнечномъ освѣщеніи этотъ домикъ казался только-что отстроенымъ и заново отдѣланнымъ, точно будто плотники и маляры окончили его вчера; и въ самомъ дѣлѣ, окраска его была еще совсѣмъ свѣжая. Китаецъ, оставленный присматривать за домомъ, что-то копалъ заступомъ на огородѣ. Нельзя было подозрѣвать, чтобы въ домѣ находилось живое существо—такъ было тамъ тихо. Полковникъ справедливо замѣтилъ, что м-съ Трэттерикъ будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій.

М-съ Трэттерикъ остановилась передъ дверью; полковникъ хотѣлъ слѣдовать за нею; она остановила его жестомъ.

— Приходите за мной черезъ два часа, все будетъ упаковано, сказала она, пожимая ему руку.

Полковникъ взялъ эту бѣлую руку и нѣжно сжалъ ее въ своихъ рукахъ, потомъ удалился торжественнымъ шагомъ, какъ побѣдитель,—на-сколько, впрочемъ, позволяли ему слишкомъ высокіе каблукы его слишкомъ тѣсныхъ сапогъ.

Когда онъ ушелъ, м-съ Трэттерикъ отперла дверь, прислушалась, потомъ стала медленно подниматься по лѣстницѣ, ведущей въ ея бывшую комнату. Все въ ней оставалось въ томъ-же положеніи, какъ было въ вечеръ ея исчезновенія изъ дома. На туалетѣ стояла картонка, изъ которой она вынула свою шляпку, на каминѣ лежала перчатка, забытая ею второпяхъ. Два нижніе ящика комода были открыты,—она не подумала ихъ запереть; наверху

одного изъ нихъ лежала булавка, которую она закалывала шаль. Какія воспоминанія посѣтили ее въ эту минуту? я не знаю, но она поблѣднѣла, съ сплывающимъ сердцемъ взялась за ручку двери и стала снова прислушиваться. Потомъ она подошла къ зеркалу и отчасти съ боязнью, отчасти съ любопытствомъ откинула назадъ свои волосы, такъ что раскрыла свою еще не совсемъ зажившую рану. Она довольно долго ее рассматривала, потомъ гордо подняла голову и въ ея глазахъ блеснулъ мрачный огонь. Затѣмъ она весело и беззаботно засмѣялась и побѣжала въ уборную, гдѣ хранились ея платья. Осмотрѣвъ ихъ, она замѣтила, что между ними нѣтъ ея любимого платья, и едва не упала въ обморокъ, но когда черезъ минуту нашла его, она успокоилась. Ей пришла охота примѣрить его, какъ вдругъ она услышала подлѣ себя дѣтскій голосъ и остановилась въ изумленіи.

— Это ты, мама? сказалъ ребенокъ.

М-съ Трэттерикъ быстро обернулась. У двери стояла маленькая дѣвочка 6—7 лѣтъ; ея платье, нѣкогда миленькое, теперь было изорвано и покрыто пятнами; ея рыжіе волосы беспорядочно перепутались и образовали весьма комическую прическу. Это милое, дикое созданье имѣло смѣлый, рѣшительный видъ, какой принимаютъ дѣти, предоставленныя самимъ себѣ. Она держала въ рукахъ огромную куклу, сработанную ею самой изъ лоскутковъ; на цилиндрической головѣ куклы были грубо начерчены углемъ глаза и носъ. На плечи ребенка была накинута огромная шаль, очевидно принадлежавшая взрослой женщинѣ. Дѣтя не понравилось м-съ Трэттерикъ, и когда оно повторило: „это ты, мама?“ она отвѣтила сухо, суровымъ тономъ:

— Нѣтъ, я не ваша мама.

Малютка понялась нѣсколько назадъ; разстояніе придадо ей храбрости и она сказала съ милымъ дѣтскимъ шепелявениемъ:

— Тогда уходи! Отчего-же ты не уходишь?

М-съ Трэттерикъ замѣтила шаль; съ гнѣвомъ она сорвала ее съ плечъ ребенка.

— Какъ смѣли вы взять вещь, мнѣ принадлежащую?

— Такъ она твоя? Значитъ, ты новая мама. Не правда-ли, ты мама? съ радостью сказала малютка и, бросивъ свою куклу, прежде, чѣмъ м-съ Трэттерикъ попыталась ей воспрепятствовать,

схватила въ свои обѣ руки юбки предполагаемой мамы и стала прыгать отъ радости.

— Какъ васъ зовутъ? спросила м-съ Трэттерикъ холодно, и поспѣшила освободить оборки своихъ юбокъ изъ рукъ малытки, на-столько грязныхъ, что онѣ оставили пятна на платьѣ.

— Каря.

— Каря?

— Да, Каря, Каролина.

— Каролина?

— Да, Каролина Трэттерикъ.

— Чья вы дочь? спросила м-съ Трэттерикъ еще холоднѣе, чтобы скрыть напавшій на нее страхъ.

— Чья-же, какъ не твоя? сказала смѣясь Каря.—Твоя маленькая дочь. Ты мама, моя новая мама. Ты знаешь, что моя прежняя мама ушла и уже не воротится. Я больше не живу съ моей старой мамой; я живу съ тобой и съ папой.

— Сколько времени вы здѣсь живете? спросила пораженная м-съ Трэттерикъ.

— Я думаю, три дня, отвѣчала одичившая дѣвочка послѣ нѣкотораго размышленія.

— Вы думаете? Но развѣ вы не знаете? И откуда вы пріѣхали?

Прижимистый экзаменъ, которому ее подвергли, привелъ въ сильное замѣшательство Каря. Ея лицо сморщилось, точно она собиралась заплакать. Ее душили слезы и она отвѣчала прерывисто:

— Папа... папа пріѣхалъ за мной въ пансіонъ... въ Сакраменто, недѣлю тому назадъ.

— Недѣлю тому назадъ? А вы сказали три дня! прервалъ ее строгій слѣдователь.

— Я хотѣла сказать мѣсяцъ, возразила Каря, окончательно потерявшаяся.

— Вы сами не знаете, что говорите, сказала сурово м-съ Трэттерикъ и выказала рѣшительное намѣреніе прибѣгнуть къ небольшой встряскѣ для полученія настоящаго отвѣта; но маленькая растрепанная головка внезапно скрылась въ складкахъ ея платья, точно ея владѣлица желала потушить свои пылавшіе кудри.

— Ну, ну, будетъ вамъ софты, перестаньте! сказала м-съ

Трэттерикъ, которая, конечно, болѣе всего заботилась о томъ, чтобы предохранить свое платье отъ влажныхъ поцѣлуевъ ребенка.—Перестаньте, не пачкайте мнѣ платья. Слушай, прибавила она, когда Кари отошла отъ нея,—гдѣ твой папа?

— Онъ также уѣхалъ. Онъ боленъ; его нѣтъ дома уже... два или три дня.

— Кто-же ходитъ за тобой? спросила ее молодая женщина, рассматривая ребенка уже съ любопытствомъ.

— Джонъ, нашъ китаецъ. Одѣваюсь я сама; Джонъ готовитъ кушанье и стелетъ мнѣ постель.

— Хорошо, теперь ступай и веди себя хорошо, сказала м-съ Трэттерикъ, вспоминая о цѣли своего визита.— Подожди немного. Ты куда пойдешь? спросила она, когда ребенокъ, таща за собой за ногу огромную куклу, сталъ подниматься по лѣстницѣ.

— Я пойду играть наверхъ, постараюсь быть умницей и не стану надоѣдать тебѣ, мама.

— Помни разъ навсегда, что я тебѣ вовсе не мама, закричала м-съ Трэттерикъ; потомъ она вошла въ комнату и съ шумомъ заперла дверь.

Оставшись одна, она перенесла изъ кабинета большой чемоданъ и стала упаковывать въ него вещи своего гардероба. Собирая платья и въ то-же время размышляя съ негодованіемъ о событіяхъ, случившихся въ послѣднія минуты, она исцарапала и наколола себѣ руки крючками и булавками. Все стало ясно для нея. Трэттерикъ перевезъ въ свой домъ свою дочь отъ первой женитьбы, о существованіи которой онъ было совсѣмъ позабылъ, единственно съ цѣлью досадить ей, своей теперешней женѣ. Нечего сомнѣваться, что въ скоромъ времени не замедлитъ переселиться сюда и мать ребенка, первая жена Трэттерика, если онъ не заблагоразсудитъ развестись со второю женою, жениться на третьей. Конечно, Каролина — живой портретъ своей матери; несмотря на рыжіе волосы, она недурна собой. Очень можетъ быть, что Трэттерикъ давно уже подготовилъ это переселеніе: недаромъ онъ помѣстилъ въ пансіонѣ въ Сакраменто дочь, вполне напоминавшую свою мать. Чѣмъ-же, какъ не желаніемъ видѣться съ своей дочерью, объясняются частыя отлучки Трэттерика въ Сакраменто? Онъ говорилъ всегда, что ѣдетъ по дѣлу; теперь понятно, какія дѣла могли призывать его туда. Да точно-ли уѣхала оттуда мать ребенка?...

Всѣмъ было извѣстно, что та отправилась въ восточные штаты, но м-съ Трэттерикъ, по своему упрямству, не хотѣла вѣрить этому. Да, ни одна женщина на мѣрѣ не была такъ недостойно оскорблена, какъ она, рѣшила м-съ Трэттерикъ. Быстро въ своемъ умѣ начертала она картину своихъ заключеній: вотъ сидитъ она одна, брошенная всѣми, сидитъ на развалинахъ, въ граціозной, но вѣстѣ съ тѣмъ и меланхолической позѣ, а мужъ ея вѣстѣ съ рыжеволосой женщиной проѣзжаетъ мимо нея въ великолѣпномъ экипажѣ. Сидя на чемоданѣ, до верху наполненномъ тея гардеробомъ, она сочинила нѣсколько строфъ элегій, въ которыхъ описала свои страданія, свою бѣдность, изобразила себя умирающей съ голода, однакожь настолько прекрасной, что можетъ еще очаровывать редактора „Лавины“ и полковника Старботля. Бѣстѣ, гдѣ-же находился теперь полковникъ? Почему не пришелъ онъ до сихъ поръ? Онъ, понимающій ее лучше всѣхъ другихъ людей.... Она засмѣялась своимъ легкимъ и смѣлымъ смѣхомъ; но черезъ минуту лицо ея сдѣлалось серьезнымъ, еще серьезнѣе, чѣмъ въ минуты ея безотрадныхъ думъ.

А что дѣлаетъ теперь рыжій бѣснонокъ? Почему его не слышать? М-съ Трэттерикъ осторожно отворила дверь и ей показалось, что среди треска и шума, всегда слышныхъ въ уединенномъ зданіи, до ея слуха смутно долетаютъ слова, произносимыя дѣтскимъ голосомъ. и которыя очевидно доносятся съ верхняго этажа. Сколько она могла припомнить, тамъ, на-верху, былъ только чердакъ. Почти стыдясь самой себя, она поднялась по лѣстницѣ, отворила дверь и заглянула на чердакъ. Солнечный лучъ, блеснувъ въ мрачное помѣщеніе черезъ слуховое окно и проходя черезъ тучу мелкой пыли, освѣщаль уголокъ чердака. Въ этомъ уголкѣ на полу сидѣла дѣвочка; солнечный лучъ окружалъ, какъ-бы сіяніемъ, ея растрепанные рыжіе волосы; на колѣняхъ у нея лежала ея огромная кукла. Малютка, сильно жестикулируя, разговаривала съ своей куклой. М-съ Трэттерикъ тотчасъ-же убѣдилась, что дѣвочка слово-въ-слово повторяла свой разговоръ съ новой мамашей, при чемъ роль мамы исполняла она сама, а кукла долженствовала изображать Кари. Дѣвочка бранила куклу за то, что она не умѣла точно объяснить сколько дней живетъ она въ домѣ и вообще выказала неспособность вѣрно опредѣлять время. Дѣвочка съ буквальной точностью воспроизвела свиданіе свое съ

новой маме, однакожь заключеніе бесѣды явилось у нея въ нѣсколько иномъ, исправленномъ видѣ: послѣ того, какъ она объявила, чтобы кукла не смѣла звать ее своей матерью, она прибавила нѣжно, что если кукла будетъ вести себя хорошо, очень хорошо, она позволитъ ей звать себя мамой и станеть любить ее крѣпко.

М-съ Трэттерикъ чувствовала себя не совсѣмъ ловко, слушая эту бесѣду, а при заключительныхъ словахъ Кари, краска покрыла ея щеки. Полусвѣтъ, царствовавшій на чердакѣ, маленькое, очевидно, слабое созданье, составлявшее оживленный центръ картины, гигантская кукла—все это вмѣстѣ взятое возбудило чувствительность женщины и поэта. М-съ Трэттерикъ намѣревалась уже утилизировать свои впечатлѣнія, передавъ ихъ звучными стихами, конечно, нѣсколько опоэтизовавъ обстановку: дочь должна сидѣть не на чердакѣ уединеннаго дома, а подлѣ могилы своей матери; вокругъ свѣщеть вѣтеръ.... Но ея поэтическія мечты внезапно были прерваны стукомъ палки полковника о лѣстничныя ступени. Она поспѣшно сбѣжала съ лѣстницы, встрѣтила Старботля и сообщила ему о своихъ открытіяхъ, жалуясь на тиранство своего мужа.

— И не подумайте защищать его, я знаю теперь, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать! вскричала она. — Ну, есть-ли сердце у этого презрѣннаго, когда онъ бросаетъ безъ всякаго призора свое собственное дитя!

— Какой стыдъ! пробормоталъ полковникъ, самъ не зная, что онъ говорить. Онъ принялъ напыщенный видъ; на лицѣ его выразились строгость и недоумѣніе; затѣмъ это выраженіе смѣнилось нѣжнымъ, предупредительнымъ; но все, что ни дѣлалъ теперь полковникъ, выходило такъ глупо, что красавица неволью подумала, что она поторопилась съ своимъ заключеніемъ о сліяніи ея души съ душой предстоящаго джентльмена.

— Все это бесполезно, сказала она рѣзко въ отвѣтъ на какое-то междомѣтіе, вылетѣвшее изъ устъ полковника, — все это бесполезно... Я рѣшилась, я знаю, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать; вы можете возвратиться еще разъ за моимъ чемоданомъ, если придетъ вамъ охота, но я останусь здѣсь, чтобы пристыдить этого человѣка, чтобы доказать ему, что онъ поступаетъ низко!

Трудно сказать, понялъ-ли Старботль, въ чемъ именно заклю-

чалась низость м-ра Трэттерика, но не подлежить никакому сомнѣнію, что онъ отлично понялъ, что явилось препятствіе осуществленію его пламенныхъ желаній. Онъ открылъ-было ротъ для отвѣта, какъ на порогѣ показалась Каря и хотя робко, но тѣмъ не менѣе пытливо, стала разсматривать новую мамашу и ея собесѣдника.

— Это она, сказала м-съ Трэттерикъ.

— А! вскричалъ полковникъ съ внезапнымъ порывомъ отцовской нѣжности, который озадачилъ и мамашу, и дочку своей нелѣпой афектаціей;—ахъ! какая прелестная малютка! Какъ ваше здоровье, душечка? У васъ ничего не болитъ, моя крошечка?

И полковникъ поднялъ плечи, поигралъ тросточкой, желая тѣмъ привлечь на себя вниманіе Каря и расположить ее къ себѣ. Но малютка не поддавалась на эти соблазнительныя ухищренія, напротивъ, заигрыванія джентльмена показались ей очень подозрительными; она подбѣжала къ мамашѣ и укрылась въ складкахъ ея платья.

Наступило неловкое молчаніе, наконецъ, м-съ Трэттерикъ, наклонивъ голову въ сторону малютки, сказала полковнику:

— До свиданія, не возвращайтесь сюда болѣе... сегодня вечеромъ я увижусь съ вами въ гостиницѣ.

Она подала полковнику руку; онъ граціозно раскланялся и вышелъ.

— Слушай, сказала м-съ Трэттерикъ растроганнымъ голосомъ, обращаясь къ рыжимъ вудряжъ, которыя только и выставялись изъ-подъ складокъ ея платья; — будешь-ли ты умницей, если я позволю тебѣ оставаться здѣсь со мною?

— И позволишь назвать тебя мамашей? спросила Каря, поднимая голову.

— И позволю назвать себя мамашей, отвѣчала м-съ Трэттерикъ съ сдержаннымъ смѣхомъ.

— Тогда я буду умницей, рѣшительно сказала Каря.

Онѣ вмѣстѣ вошли въ спальню. Отъ пронизательнаго взгляда Каря не укрылся наполненный чемоданъ.

— Такъ ты опять уѣдешь, мама? сказала дѣвочка дрожащимъ голосомъ, крѣпко уцѣпившись за юбку м-съ Трэттерикъ.

— Нѣтъ, отвѣчала та, не останавливая взора на малюткѣ.

— А у тебя совсѣмъ уложены платья. Ты вѣрно играла въ отбѣздъ. И я буду играть такъ-же.

М-съ Трѣтерикъ согласилась. Кари убѣжала въ сосѣднюю комнату и возвратилась оттуда, таща маленькій сундучокъ, въ который стала, съ важностью укладывать свои платья и бѣлье. М-съ Трѣтерикъ убѣдилась, что и того, и другого очень немного у малютки. Нѣсколькихъ вопросовъ со стороны м-съ Трѣтерикъ, на которые послѣдовали искренніе отвѣты, когда она усадила Кари въ себѣ на колѣни, было достаточно, чтобы передъ нею уяснилась исторія малютки.

Кари перестала говорить, но м-съ Трѣтерикъ не спускала ее съ колѣнъ; погружаясь въ глубокія размышленія и машинально глядя дѣвочку по головѣ, она и не замѣтила, какъ та два или три раза перемѣняла положеніе.

— Ты не такъ меня держишь, мама, сказала, наконецъ, Кари.

— Какъ-же надо держать тебя?

— А вотъ какъ, отвѣчала Кари, обнимая рукою шею новой мамы и владея своею щеку въ ней на грудь,— вотъ какъ!

И она свернулась, точно котенокъ, закрыла глаза и заснула.

Прошло нѣсколько минутъ; м-съ Трѣтерикъ не шевелилась; она старалась даже сдерживать свое дыханіе. Потомъ она задумалась; на лицѣ ея выразилась сильная грусть; ей пришло на умъ, что и она могла-бы имѣть дитя такихъ-же лѣтъ, какъ Кари. Ея руки, которыми она придерживала спящую малютку, конвульсивно задрожали, дрожь прошла по всему ея тѣлу, глаза замигали и она разразилась рыданіями, слезы обильно потекли изъ ея глазъ. Двѣ или три капли упали на волоса Кари и потревожили ея сонъ. Но молодая женщина успокоила ее, — теперь такая забота казалась ей уже легкой и пріятной, — а вскорѣ успокоилась и сама.

Тщетно ожидалъ цѣлую ночь въ гостиницѣ свою прелестную собесѣдницу полковникъ Старботль—она не пріѣхала.

На другой день м-ръ Трѣтерикъ воротился домой; въ немъ нашель онъ только мухъ и солнечные лучи; другіе-же обитатели его оставили.

II.

Побѣгъ м-съ Трэтэриекъ и похищеніе ею ребенка ея мужа произвели сильнѣйшее волненіе въ Фидльтоунѣ. Это событіе стало предметомъ оживленныхъ толковъ и споровъ: одни защищали фидльтоунскую красавицу, другіе порицали ее. „Intelligencer“, конечно, явился выразителемъ мнѣнія противниковъ интересной писательницы; онъ загремѣлъ противъ воровства ребенка, и разсуждалъ объ этомъ такъ-же ѣдко и рѣзко, какъ нѣкогда при разборѣ стихотвореній м-съ Трэтэриекъ. Представительницы прекраснаго пола въ Фидльтоунѣ торжественно заявили, что онѣ согласны съ статьей „Intelligencer'a“; большинство изъ нихъ, однакожь, сожалѣло объ отѣздѣ м-съ Трэтэриекъ. Конечно, нашлось нѣсколько мужчинъ, присоединившихъ свои голоса къ женскому хору. Такимъ образомъ, противъ м-съ Трэтэриекъ составилось большинство. Члены этого большинства рѣзко выражали свое сомнѣніе на счетъ горести оскорбленнаго мужа и неутѣшнаго отца, и одолѣвали проническими соболѣзнованіями полковника Старботля, непрерывно приставаая къ нему съ выраженіями глубокой симпатіи къ его горю.

— Она никогда не отличалась постоянствомъ, полковникъ, говорилъ одинъ изъ такихъ утѣшителей, съ выраженіемъ лицемѣрной грусти на лицѣ, — весьма естественно, что она пожелала избавиться отъ такого дурака, каковъ ея мужъ; но чѣмъ объяснить, что и съ вами она обошлась не лучше, чѣмъ съ нимъ. А еще разсказываютъ, что вы всю ночь слонялись вокругъ гостиницы, бродили по коридорамъ, поджидая ее, безпрестанно сбѣгали по лѣстницѣ внизъ, выходили на улицу...

Другой, изъ числа такихъ-же великодушныхъ утѣшителей, пожелалъ смягчить бальзамомъ рану полковника.

— Можете судить, полковникъ, сказалъ онъ, — мнѣ разсказывали, что м-съ Трэтэриекъ, пользуясь вашею любезностью, заставила васъ нести чемоданъ и ребенка до кареты, гдѣ ее ожидалъ ея любезный, съ которымъ она укатила изъ нашего города. Прибавляютъ, что этотъ любезный поблагодарилъ васъ, предложилъ вамъ сигару и далъ обѣщаніе отслужить вамъ при первомъ удобномъ случаѣ. Вы говорите, что это неправда; очень радъ, я могу

теперь сообщить объ этомъ тѣмъ, кто распространяетъ на вашъ счетъ басни.

Въ счастію, для репутаціи м-съ Трэттерикъ, слуга китаецъ, единственный свидѣтель ея побѣга, заявилъ, что она уѣхала только съ ребенкомъ; никакой мужчина ее не сопровождалъ. Китаецъ добавилъ, что по ея приказанію онъ взялъ два мѣста въ дилижансѣ, идущемъ черезъ Сакраменто въ Сан-Франциско. Свидѣтельство А-Фэ—такъ звали *Джона* м-ра Трэттерика—хотя и не имѣло юридической вѣроятности, однакожь, не возбуждало сомнѣній. Тѣ самые люди, которые считали этого язычника неспособнымъ понять значеніе присяги, не могли не согласиться, что А-Фэ не могъ имѣть никакого личнаго интереса въ ложномъ показаніи.

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ исчезновенія м-съ Трэттерикъ, А-Фэ, работая въ полѣ, былъ окликнутъ проходящими китайцами. Это были двое кули съ рудниковъ, вооруженные длинными шестами; каждый изъ нихъ тащилъ за спиной объемистую корзину. Между А-Фэ и его соотечественниками завязался оживленный разговоръ,—тотъ характеристическій разговоръ, который со стороны кажется споромъ и служитъ предметомъ насмѣшекъ людей высшей, бѣлой расы, конечно, непонимающихъ ни слова по-китайски. М-ръ Трэттерикъ съ своей веранды и полковникъ Старботль, проходившій въ это время мимо оживленной группы, прервали бесѣду на варварскомъ жаргонѣ — одинъ, бросивъ съ проклятіями камень въ разговаривавшихъ, другой попотчивавъ котораго-то изъ нихъ пинкомъ. Однакожь, несмотря на это внимательство, собесѣдники разошлись только послѣ того, какъ въ рукахъ А-Фэ очутились два клочка рисовой бумаги, испещренныхъ іероглифами, и небольшой узелокъ. На кухнѣ, въ уединеніи, А-Фэ развернулъ узелокъ и нашелъ въ немъ отлично вымытый дѣтскій передникъ съ мѣтею: К. Т. Китаецъ спряталъ передникъ въ карманъ своей блузы и съ довольной улыбкой сталъ мыть и чистить посуду.

Черезъ два дня онъ пришелъ въ комнату ховина и сказалъ:

— Мой не любить больше Фидльтоунъ, мой больна, мой хочеть уходить.

М-ръ Трэттерикъ послалъ его къ чорту. Джонъ посмотрѣлъ на него съ обычнымъ спокойствіемъ и вышелъ изъ комнаты.

Прежде чѣмъ оставить Фидльтоунъ, онъ случайно встрѣтился

съ полковникомъ Старботлемъ и будто ненарокомъ проронилъ нѣсколько, повидимому, незначущихъ фразъ, которыя, однакожь, заинтересовали этого джентльмена. Полковникъ вручилъ ему письмо и золотую монету въ двадцать долларовъ и сказалъ:

— Если ты принесешь мнѣ отвѣтъ, удвою эту сумму. По-нялъ ты?

А-Фэ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

Также случайно произошло свиданіе между А-Фэ и молодымъ редакторомъ „Лавины“ и привело къ такому-же результату.

Къ моему сожалѣнію, я вынужденъ заявить, что въ самомъ началѣ своего путешествія А-Фэ совершенно спокойно распечаталъ оба письма и, послѣ тщетной попытки прочитатъ ихъ сперва вверхъ ногами, а потомъ держа передъ собой вверхъ правымъ бокомъ, онъ разорвалъ листы бумаги пополамъ и передалъ эти куски одному изъ встрѣтившихся ему на пути сыновъ небесной имперіи. Говорятъ, что Старботль былъ непріятно пораженъ, когда китаецъ-прачка подаль ему счетъ за вымытое бѣлье, написанный на одной половинѣ его нѣжнаго посланія. Черезъ день послѣ этого полковникъ совсѣмъ вышелъ изъ себя, удостовѣрившись, что осталъная часть его посланія отъ прачки Фангъ-Ти попала въ руки одного изъ давальцевъ этого китайца и стала извѣстна всѣмъ фидльтоунскимъ гражданамъ и гражданкамъ. Достоверная исторія, впрочемъ, свидѣтельствуетъ, что А-Фэ былъ наказанъ за свое вѣроломство. По дорогѣ въ Сакраменто какой-то пьяный буянь два раза выталкивалъ его изъ дилижанса, подъ предлогомъ, что онъ не желаетъ сидѣть рядомъ съ куряльщикомъ опиума. Въ Гангтоунѣ какой-то прохожій мобилъ его за то только, что онъ непросвѣщенный азычникъ. Въ Детчъ-Флятѣ его обокрали; въ Сакраменто его арестовали, принявъ за другое лицо; онъ былъ освобожденъ, но выслушалъ строгій выговоръ, можетъ быть, за то, что, введя правосудіе въ заблужденіе, хотя и не по своей виѣ, онъ тѣмъ самымъ пріостановилъ преслѣдованіе настоящаго виновнаго. Въ Сан-Франциско школьники бросали въ него камнями; избавившись отъ нихъ, онъ сталъ тщательно обходить учебныя заведенія, долженствовавшія служить просвѣщенію и прогрессу, и только благодаря такой осторожности онъ прибылъ здоровъ и невредимъ въ китайскій кварталъ, гдѣ его соотечественники спасались отъ оскорбленій уличныхъ зѣвакъ и мальчишекъ потому,

что здѣсь ихъ уже защищала полиція. На другой день А-Фэ поступилъ работникомъ въ прачешное заведеніе Ги-Фува и въ ближайшую пятницу былъ уже посланъ въ городъ съ корзиной чистаго бѣлья.

Въ этотъ день, послѣ полудня, какъ обыкновенно, въ городѣ стоялъ густой туманъ. Слѣдовало обладать францисканской фантазіей, чтобы такой день назвать лѣтнимъ. Ни жары, ни свѣта, ни яркихъ цвѣтовъ ни на небѣ, ни на землѣ; все было окрашено въ какой-то монотонный, нейтральный, сѣро-грязный цвѣтъ. На улицахъ, пронизываемыхъ вѣтромъ, царствовало лихорадочное движеніе, но въ сѣренькихъ домахъ была мрачная тишина. Рѣзкій сѣверный вѣтеръ давалъ себя сильно чувствовать. А-Фэ пробрало до костей; ему захотѣлось отдохнуть и онъ поставилъ-было на землю свою бѣлевую корзину, но, замѣтивъ, что къ нему приближаются мучители-школьники, гурьбой идущіе изъ школы, онъ посѣвшилъ убраться поскорѣе. Завернувъ за уголъ главной улицы и перейдя нѣсколько переулковъ, онъ остановился передъ дверью маленькаго домика, съ палисадникомъ и верандою, однимъ словомъ, такъ го домика, какихъ сотни встрѣчаются въ предмѣстьяхъ Сан-Франциско. А-Фэ позвонилъ; вышла служанка, презрительно, почти съ отращеніемъ, точно передъ нею стояло непріятное, но необходимое домашнее животное, оглядѣла китайца и впустила его въ дверь. А-Фэ молча поднялся на лѣстницу, поставилъ корзину у порога дверей первой комнаты и сталъ ожидать, чтобы съ нимъ заговорили. У окна сидѣла молодая женщина, имѣя у себя на колѣняхъ ребенка. Она поднялась со стула и китаецъ тотчасъ-же узналъ въ ней м-съ Трэттерикъ; ни одинъ мускулъ не двинулся на его безстрастномъ лицѣ и въ его узенькихъ глазахъ не выразилось ничего, когда они встрѣтились съ ея глазами. М-съ Трэттерикъ не узнала китайца и стала спокойно пересчитывать бѣлье; но ребенокъ, съ любопытствомъ и вниманіемъ разсматривавшій А-Фэ, узналъ его и закричалъ радостно:

— Это Джонъ, мама! нашъ старый Джонъ, который былъ у насъ въ Фидльтоунѣ.

Китаецъ вздрогнулъ точно отъ прикосновенія электрической искры; радость засвѣтилась въ его глазахъ и на губахъ появилась пріятная улыбка; но это продолжалось мгновеніе и онъ снова принялъ видъ совершеннаго безстрастія.

— Мой Джонъ или А-Фэ, сказалъ онъ дѣвочкѣ, скакавшей подлѣ него и бившей отъ радости въ ладоши, — это одно и то-же... Мой васъ знаетъ. Здоровы вы?

М-съ Трэттерикъ, съ выраженіемъ страха на лицѣ, разорвала бѣлье и пристально посмотрѣла на китайца. Она не вѣрила въ привязанность китайцевъ; у ней явилось предчувствіе, что ей грозитъ опасность. Съ дрожаніемъ въ голосѣ она спросила Джона, когда онъ выѣхалъ изъ Фидльтоуна?

— Давно. Мой не любитъ Фидльтоунъ, мой не любитъ Трэттерикъ. Мой любитъ Сан-Фриско, мой любитъ стирать, мой любитъ Кари.

Лаконизмъ китайца понравился м-съ Трэттерикъ.

— Не говорите никому, что вы меня видѣли, сказала она, доставая портмонэ изъ кармана.

А-Фэ, не глядя на нее, замѣтилъ, что портмонэ почти пустъ; точно также, повидимому, не рассматривая комнаты, онъ убѣдился, что меблировка ея весьма скудная; глазѣя на потолокъ, онъ увидѣлъ, что м-съ Трэттерикъ и Кари бѣдно одѣты. При всемъ томъ, онъ охотно взялъ предложенный ему полу-долларъ и сжалъ его въ своей ладони; потомъ, съ какими-то странными кривляніями, сталъ шарить въ своей блузѣ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ отыскалъ, неизвѣстно гдѣ, дѣтскій передникъ, положилъ его на верхъ корзины съ лаконическимъ замѣчаніемъ „забылъ“, а затѣмъ, снова сталъ неистово кривляться и снова шарить въ своей блузѣ, до тѣхъ поръ, пока не вытащилъ откуда-то, — казалось, что изъ праваго уха, — комокъ шелковой бумаги; развернулъ его и, вынувъ двѣ золотыя монеты, каждая въ двадцать долларовъ, предложилъ ихъ м-съ Трэттерикъ.

— Вы оставилъ деньги на комодѣ въ Фидльтоунѣ; мой нашелъ ихъ, мой принесъ вамъ.

— Мнѣ помнится, я ничего не оставляла на комодѣ; Джонъ, вы ошибаетесь. Эти деньги принадлежатъ кому-нибудь другому. Возьмите ихъ назадъ.

Китаецъ опечалился. Онъ схватилъ и поднялъ на плечи свою корзину.

— Мой не возьметъ, нѣтъ, нѣтъ. Джона схватить полисменъ и скажетъ: „проклятый воръ, въ тюрьму!“ Вы оставили сорокъ долларовъ на комодѣ въ Фидльтоунѣ, мой принесъ, мой не возьметъ.

М-съ Трәтерикъ была въ недоумѣніи. Можетъ быть, онъ говорить правду: развѣ не могла она, въ самомъ дѣлѣ, при поспѣшности своего побѣга, забыть деньги на комодѣ? Во всякомъ случаѣ, она не имѣла права своимъ отказомъ подвергнуть опасности честнаго китайца.

— Очень хорошо, сказала она, — я возьму деньги; но вы должны приходить ко мнѣ.

Тутъ, въ первый разъ въ жизни, ей пришло на мысль, что къ ней въ домъ могутъ приходить и для того, чтобы видѣть кого-нибудь другого, а не ее.

— Приходите къ намъ, ко мнѣ и къ Кари, добавила она.

Снова лицо А-Фэ озарилось радостью; онъ даже засмѣялся, но не шевеля губъ, смѣхомъ чревовѣщателя; потомъ, съ корзиной за плечами, онъ быстро сошелъ съ лѣстницы. Въ сѣняхъ, однакожь, онъ встрѣтилъ неожиданное затрудненіе: онъ никакъ не могъ добиться, какимъ образомъ отворяется входная дверь; повернувъ безуспѣшно два или три раза влючъ, онъ осмотрѣлся вокругъ себя, несомнѣнно ожидая, что кто-нибудь явится къ нему на помощь; но служанка ирландка, впустившая его въ домъ, не показывалась. Тутъ случилось съ нимъ таинственное приключеніе, которое я намѣреваюсь рассказать, не дѣлая никакихъ выводовъ. На столѣ, у подножія лѣстницы, лежалъ шарфъ, составлявшій собственность ирландки. Работая одной рукой надъ замкомъ, А-Фэ другой оперлся слегка на столъ. Вдругъ, безъ сомнѣнія противъ воли А-Фэ, шарфъ сталъ ползти къ его рукѣ. Обернувшись вокругъ руки китайца, шарфъ, точно змѣя, скользнулъ далѣе въ его рукавъ, а затѣмъ скрылся въ складкахъ его блузы. Не выразивъ ни однимъ жестомъ волненія при видѣ такого феномена, А-Фэ продолжалъ вертѣть замокъ. Черезъ секунду салфетка изъ красной камки, покрывавшая столъ, продѣлавъ то-же самое, какъ и шарфъ, скрылась въ ту-же кладовую. Очень можетъ быть, что за этой магической продѣлкой послѣдовали-бы и другія подобныя, еслибъ А-Фэ не открылъ, наконецъ, секрета отпирания замка какъ разъ въ ту самую минуту, какъ послышались шаги, направлявшіеся изъ кухни на лѣстницу. А-Фэ не заторопился, напротивъ, утвердивъ хорошенько на своей спинѣ корзину, онъ медленно заперъ за собою дверь и вышелъ на улицу. Изъ своего окна м-съ Трәтерикъ слѣдила за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ

не скрылся въ густомъ туманѣ. Одинокая бѣдная женщина почувствовала къ нему живую признательность и, конечно, приписала бѣнню его великодушнаго сердца необыкновенное вздутіе его живота, произведенное шарфомъ и салфеткой, — и съ Трэттерикъ все еще была такъ-же чувствительна, какъ и прежде; она оставалась тѣмъ-же поэтомъ. Между тѣмъ наступила ночь, она отвела Кари въ спальню и, не слушая ея болтовни, погрузилась въ чувствительныя воспоминанія, горькія и опасныя. Неожиданное появленіе А-Фэ напомнило ей о былой жизни въ Фидльтоунѣ; время, протекшее съ той минуты, какъ она отказалась отъ той жизни, принесло ей много невзгодъ и испытаній; ея жизненный путь былъ теперь тяжелъ и тернистъ; множество преградъ загоразивало ей дорогу къ счастію. Нечего удивляться, что вскорѣ Кари вскочила съ своей постели и, обвивъ свои ручки вокругъ шеи пріемной матери, стала умолять ее, чтобы она перестала плакать.

Строгій моралистъ готовъ, пожалуй, осудить и-съ Трэттерикъ и обвинить ее въ легкомысліи и стремленіи жить на чужой счетъ, но я намѣренъ вступить за нее и заявить, что въ ея дѣлѣ находится много смягчающихъ обстоятельствъ. Небольшая сумма денегъ, которой она располагала въ день отъѣзда изъ Фидльтоуна, скоро истощилась. Живя въ Сакраменто, она не замедлила убѣдиться, что поэзія даетъ ей слишкомъ ничтожное матеріальное вознагражденіе, такъ-что получасемаго гонорара ей далеко не хватало на содержаніе себя и малютки. Убѣдившись въ этомъ, она рѣшилась попытать счастія въ театрѣ; дебютъ ея былъ крайне неудаченъ; отсутствіе-ли таланта или, можетъ быть, неузнѣнне примѣниться ко вкусамъ публики Сакраменто, но только она на первомъ-же шагу торжественно провалилась; на ея успѣхъ могло повліять и то обстоятельство, что ея красота, обаятельная вблизи, слишкомъ теряла при освѣщеніи лампами рамы. Испытавъ здѣсь неудачу, она пустила въ оборотъ свой голосъ; у нея былъ контральто, недостаточно сильный и плохо обработанный, но пріятный и выразительный; она поступила въ церковный хоръ. Три мѣсяца къ ряду она пѣла въ церкви Сан-Франциско, къ великому удовольствію представителей грубаго пола, которые любовались ею со всѣхъ скамей. И какъ только я вспомню о ней, я всегда вижу ее такою, какою она была въ то время. Свѣтъ нѣжно от-

тѣнялъ ея густые рыжеватые волосы, ярко выдѣлялъ дугу ея шелковистыхъ черныхъ бровей, подѣ которыми блестяли ея бархатные глаза. Пріятно было видѣть, какъ открывался и закрывался ея маленькій ротъ, какъ краска безпрестанно покрывала ея щеки; надо сознаться, что м-съ Трэттерикъ была очень чувствительна въ поклоненію, и страстные взгляды, бросаемые на нее, возбуждали въ ней такую-же энергію, какой воодушевляется конь, когда почувствуетъ; что въ его бока вонзились шпоры. Но скоро ея торжеству пришелъ конецъ; она перестала быть пріятной новинкой и противъ нея начались интриги. Сопрано, маленькая женщина, — конечно, вполне безпристрастная, когда дѣло шло о людяхъ ея пола, — сообщила мнѣ, что поведеніе м-съ Трэттерикъ крайне возмутительно, тщеславіе въ ней безпримѣрное, а кокетство ея съ басомъ во время службы на самую пасху было до того скандально, что самъ докторъ Копъ вынужденъ былъ два раза отвлекаться отъ благочестивыхъ размышленій и кидать строгій взглядъ на эту грѣшницу. Въ виду такого поведенія этой женщины, друзья ея, рассказчицы, совѣтуютъ ей не пѣть въ одномъ хорѣ съ такой безстыдницей. Мало того, теперь уже всѣмъ известно, что мотивы, побудившіе эту женщину оставить своего мужа, были далеко не безупречны, и что рыженькая дѣвочка, иногда сопровождающая ее, вовсе не ея дочь. Теноръ, въ будніе дни занимавшій мѣсто привашика въ магазинѣ дамскихъ нарядовъ, имѣвшемъ много покупателей, по тому самому поддерживалъ злыя нападки сопрано. Только басъ, толстый нѣмецъ съ грубымъ голосомъ, осмѣливался громко говорить, что женщины влословятъ м-съ Трэттерикъ потому, что *она очень красива*. Вскорѣ между дамами хора дошло до открытой борьбы. Онѣ заспорили горячо и м-съ Трэттерикъ такъ ловко напала на соперницу, такъ сильна и краснорѣчива была ея рѣчь, что сопрано подверглась нервному припадку и была въ обморочномъ состояніи вынесена изъ комнаты своимъ мужемъ и теноромъ. М-съ Трэттерикъ воротилась домой сильно возбужденная своимъ торжествомъ, но при взглядѣ на Карю почувствовала раскаяніе, слезы полились у нея изъ глазъ и она стала винить себя за то, что она, мать, изъ пустого тщеславія, вырвала у своего ребенка изо рта кусокъ хлѣба. Она была еще подѣ влияніемъ самобичеванія, когда служанка доложила ей, что пріѣхалъ членъ церковнаго комитета,

завѣдующій хоромъ. М-съ Трэттерикъ осушила глаза, приколола къ груди розовый бантъ и вышла въ гостинную. Визитъ продолжался довольно долго и могъ-бы вызвать разные злорѣчивые комментаріи, если-бы гость не былъ человѣкомъ женатымъ и отцомъ взрослыхъ дочерей. Возвратясь въ свою комнату, м-съ Трэттерикъ, напѣвая вполголоса, посмотрѣлась въ зеркало и безъ всякой причины разбранила Кари. Послѣ этого визита м-съ Трэттерикъ снова вступила въ хоръ, но оставалась тамъ недолго. Ея враги пріобрѣли могущественнаго союзника въ женѣ завѣдывающаго хорами. Эта дама сдѣлала визиты всему духовенству, а также семейству доктора Копа. Ея хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ и въ ближайшемъ засѣданіи церковнаго комитета голосъ м-съ Трэттерикъ былъ признанъ слишкомъ слабымъ и ее попросили болѣе не участвовать въ составѣ хора. Послѣ этого событія прошло два мѣсяца; м-съ Трэттерикъ тщетно искала какихъ-нибудь другихъ занятій и ея денежные ресурсы почти совершенно истощились, когда такъ кстати подоспѣли двѣ золотыя монеты, врученныя ей китайцемъ А-Фэ.

III.

Наступила темнота, на улицахъ зажгли фонари, а м-съ Трэттерикъ все еще сидѣла у открытаго окна, погруженная въ мечты. Она не замѣтила, какъ Кари вышла изъ комнаты и только тогда пришла въ себя, когда малютка возвратилась и положила на столъ газету, которую м-съ Трэттерикъ имѣла обыкновеніе ежедневно прочитывать, преимущественно отдѣлъ объявленій, въ надеждѣ отыскать тамъ приглашеніе на мѣсто, какое она могла-бы занять по своимъ способностямъ. Кари вошла съ шумомъ, что и заставило м-съ Трэттерикъ оставить область фантазіи и спуститься на землю. Почти машинально она затворила окно, зажгла свѣчу и развернула газету; ея глаза случайно остановились на слѣдующемъ извѣстіи: „*Фидльтоунъ*: прошлую ночь умеръ отъ *бѣлой горячки* м-ръ Джемсъ Трэттерикъ. Въ послѣднее время м-ръ Трэттерикъ очень неумѣренно употреблялъ спиртные напитки, что, говорятъ, было результатомъ его печальной семейной обстановки“. М-съ Трэттерикъ, повидимому, хладнокровно приняла это извѣстіе;

она перевернула страницу и бросила пристальный взгляд на Кари, погруженную въ чтеніе своей книжки. Весь вечеръ и-съ Трэттерикъ молчала, но когда малютка улеглась въ постель, она встала на колѣни подлѣ ея кровати и, взявъ въ руки ея рыженькую головку, спросила:

— Была-ли-бы ты довольна, милочка, если-бъ я тебѣ дала другого папашу?

— Нѣтъ, отвѣчала Кари послѣ минутнаго размышленія.

— Но ты получишь папашу, который будетъ помогать твоей мамѣ заботиться о тебѣ, любить тебя и одѣвать тебя въ хорошія платья, однимъ словомъ, сдѣлаетъ изъ тебя настоящую леди, когда ты вырастешь.

— А ты, мама, будешь довольна? спросила Кари, поворачиваясь къ ней и смотря на нее сонными глазами.

И-съ Трэттерикъ покраснѣла до самыхъ корней волосъ.

— Спи спокойно, сказала она сухо и отвернулась отъ малютки.

Въ полночь Кари была разбужена рыданіями; проснувшись, она увидѣла себя въ объятіяхъ и-съ Трэттерикъ.

— Не плачь, прошептала она, смутно припоминая послѣдній разговоръ, — не плачь. Я думаю, что полюблю новаго папу, если онъ будетъ любить тебя много... очень много.

Черезъ мѣсяць, къ общему удивленію, и-съ Трэттерикъ вышла замужъ. Ея счастливымъ супругомъ сдѣлался полковникъ Старботль, недавно избранный въ законодательное собраніе представителемъ отъ графства Калавераса. Не могу не привести здѣсь краснорѣчиваго извѣстія объ этомъ бракѣ, сообщеннаго корреспондентомъ газеты „Sacramento Globe“: „Неумолимныя стрѣлы цаловливаго божка произвели новыя опустошенія въ рядахъ нашихъ изящныхъ законодателей. Однимъ несчастнымъ на свѣтѣ стало болѣе. Этой послѣдней жертвой сдѣлался достопочтенный А. Старботль, представитель Калавераса. Обольстительница — очаровательная вдовушка, нѣкогда посвящавшая себя служенію Аполлону, а потомъ участвовавшая въ хорѣ пѣвчихъ въ одной изъ модныхъ церквей въ Сан-Франциско, за что получала приличное жалованье“.

Газета „Intelligencer“ по своей всегдашней манерѣ, съ полнѣйшей безцеремонностію коментировала этотъ фактъ; съ злобной

шутливостью она сообщала, что новый представитель калаверасских демократов имѣлъ на-столько мужества, что менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти м-ра Трэттерика, превратилъ м-сь Трэттерикъ въ м-сь Старботль, чѣмъ торжественно доказалъ, что не боится посѣщенія своего предшественника, т. е. покойнаго мужа интересной вдовы.

Слѣдуетъ отдать справедливость м-сь Трэттерикъ: полковнику не легко досталась побѣда надъ ея цѣломудренными сомнѣніями. Правда, тутъ замѣшался еще соперникъ, богатый гробовщикъ въ Сакраменто, видѣвшій м-сь Трэттерикъ только въ театрѣ и въ церкви, но тѣмъ не менѣе плѣвившійся ею. Гробовщикъ во время послѣдней эпидеміи сильно нажился и полковникъ, поэтому, не могъ не видѣть въ немъ опаснаго соперника. Къ счастью для полковника, въ это самое время гробовщикъ получилъ богатый заказъ отъ семейства сенатора, убитаго Старботлемъ на дуэли. Очень вѣроятно, что это обстоятельство настолько подѣйствовало на гробовщика, что онъ успѣшилъ удалиться съ арены и предоставилъ свободное поле полковнику.

Медовый мѣсяцъ новобрачныхъ продолжался недолго и окончился катастрофой. На время послѣбрачнаго путешествія Кари была поручена сестрѣ полковника. Какъ только м-сь Старботль вошла въ свой домъ по возвращеніи изъ путешествія, она заявила, что намѣрена сейчасъ-же навѣстить свою дочурку. Старботль, который всякій разъ, какъ жена его упоминала имя Кари, прибѣгалъ къ рюмкѣ и отмалчивался, на этотъ разъ принялъ твердую рѣшительность высказать душившую его тайну. Онъ выпилъ рюмку, застегнулъ свой сюртукъ, прошелся три раза по комнатѣ и остановился передъ своей женой.

— Я медлилъ, сказалъ онъ, и вся его фигура выразила величіе, а голосъ дошелъ до ужасающаго шопота, — я медлилъ до послѣдней минуты (его языкъ все болѣе и болѣе путался и онъ сталъ почти заикаться) съ тѣмъ важнымъ сообщеніемъ, которое считаю долгомъ сдѣлать вамъ сегодня. Да, я опасался омрачить наше супружеское небо несвоевременнымъ признаніемъ. Но необходимо, чортъ возьми, сдѣлать его, сударыня. Ребенка здѣсь нѣтъ болѣе.

— Ребенка здѣсь нѣтъ болѣе? повторила м-сь Старботль точно эхо.

Въ ея тонѣ, въ неподвижности ея глазъ было что-то такое, что тотчасъ-же совершенно отрезвило полковника. Его выпяченная грудь внезапно опустилась.

— Я вамъ объясню все, забормоталъ онъ съ умоляющимъ жестомъ, — и вы все поймете. Хотя это событіе и кажется вамъ печальнымъ и неприятнымъ, но оно необходимо для нашего счастья. Вы избавляетесь отъ ребенка, ребенокъ избавляется отъ васъ... не ясно-ли, что вы обѣ въ выигрышѣ... Трэттерикъ умеръ; всѣ права, которыя черезъ него вы имѣли на ребенка, умерли вмѣстѣ съ отцомъ. Такъ гласитъ законъ. Кому принадлежалъ ребенокъ? Трэттерикъ. Что-же мы видимъ теперь?.. Трэттерикъ умеръ... Ребенокъ не можетъ принадлежать мертвецу. Но, быть можетъ, онъ принадлежитъ вамъ? Нѣтъ. Кому-же, наконецъ, онъ принадлежитъ? Конечно, чортъ возьми, своей матери. Поняли вы теперь?

— Гдѣ Карі? спросила м-съ Старботль надорваннымъ голосомъ и сильно поблѣднѣвъ.

— Я вамъ пояснилъ законъ. Я законодатель и американскій гражданинъ; мой долгъ какъ законодателя и американскаго гражданина побудилъ меня возвратить ребенка горюющей матери, возвратить его, какія-бы послѣдствія это ни вызвало... да, къ чему-бы это ни привело...

— Гдѣ она? повторила м-съ Старботль, пристально смотря въ лицо мужа.

— У ея матери. Вчера попутный вѣтеръ понесъ ее на корабль на югъ къ ея печальной матери. Въ этомъ все дѣло!

М-съ Старботль не шевелилась. Полковникъ, опершись рукою на стулъ, пытался смотрѣть ей въ лицо твердымъ взглядомъ администратора, однакожь, не безъ примѣси рыцарской любезности.

— Ваши чувства, сударыня, дѣлаютъ честь вашему полу, но рассмотрите серьезно положеніе, взвѣсьте чувства матери, мои...

Полковникъ остановился, развернулъ платокъ, небрежно сунулъ его подъ жилетъ и засмѣялся тѣмъ смѣхомъ, какимъ въ былое время смѣялись волокиты, носившіе кружевныя жабо.

— Зачѣмъ тѣнь будетъ омрачать два сердца, продолжалъ онъ, — которыя бились одно для другого? Согласенъ, она прелестьное, милое дитя! но прежде всего она дитя другого. Она уѣхала отъ васъ, Клара, но у васъ осталось еще многое, очень многое. Моя милая, безцѣнная, я остался съ вами, я вашъ на вѣки!

М-съ Старботль стремительно вскочила съ своего стула.

— Вы! вскричала она громко, всей грудью, такимъ тономъ, что полковникъ задрожалъ. — Вы? Но я вышла за васъ замужъ прежде всего для того, чтобы мое милое дитя не умерло съ голоду. Чѣмъ вы были для меня? Вы были годны только на то, чтобы избавлять меня отъ докучливыхъ любезниковъ, но это могла бы не хуже васъ дѣлать привязанная мнѣ собака. Вы!?

Она задыхалась отъ гнѣва. Она быстро ушла въ комнату Кари, но скоро возвратилась оттуда угрожающая, величественная; ея щеки горѣли, брови были нахмурены, губы сжаты; полковнику показалось, что самая голова ея сцлющилась и стала походить на голову ехидны.

— Слушайте, сказала она рѣзкимъ голосомъ. — Слушайте внимательно! Если вы хотите видѣть меня у себя, возвратите мнѣ прежде ребенка. Если вы желаете говорить со мной, приведите прежде ребенка; гдѣ будетъ онъ, тамъ буду и я... Ищите меня тамъ, гдѣ находится онъ.

Она прошла мимо него, простившись съ нимъ выразительнымъ, чисто женскимъ жестомъ, въ которомъ выразились и гнѣвъ, и страданіе, и презрѣніе, и заперла на задвижку дверь своей комнаты.

Полковникъ не былъ трусомъ, но онъ чувствовалъ какой-то суевѣрный страхъ, когда видѣлъ передъ собой женщину въ сильномъ гнѣвѣ. Онъ задрожалъ, когда м-съ Старботль, проходя, задѣла его своими юбками; онъ потерялъ равновѣсіе, которое всегда умѣлъ сохранять, и упалъ на диванъ. Долго лежалъ онъ здѣсь, совсѣмъ уничтоженный, временами высказывая свое негодование противъ безтолковыхъ протестовъ, и пересыная свою рѣчь проклятіями и ругательствами; наконецъ, волненіе, усталость и выпитыя рюмки оказали свое снотворное дѣйствіе и онъ заснулъ.

Въ это время м-съ Старботль на-скоро собирала свои паряды и укладывала ихъ въ чемоданъ, какъ въ Фидльтоунѣ. Можетъ быть, ей припоминались подробности того дня, потому-что не разъ она останавливалась, садилась въ глубокой задумчивости, подперевъ свою разгоряченную щеку рукою; не разъ ей казалось, что Кари входитъ въ комнату, слышится ей голосъ ребенка: „Это ты мама!“ — и крупные слезы катились по ея щекамъ. Перерывая въ ящикахъ комода, она нашла туфлю, въ формѣ сан-

дали, которую носила Кари и всю стоптала. Узнавъ эту вещь, м-сь Старботль испустила радостный крикъ, прижала туфлю къ своей груди, грустно, страстно поцѣловала ее, и стала машинально раскачивать ее, точно ребенка. Потомъ она подошла ближе къ окну, чтобы лучше разсмотрѣть эту драгоценность, чему, одякожь, мѣшали слезы, теперь обильно текуція по ея щекамъ. При этомъ еще на нее напалъ сильный кашель; она старалась заглушить его, прикладывая къ губамъ платокъ, и, конечно, еще болѣе усиливала его. Она совсѣмъ ослабѣла. Ей казалось, что недоконникъ, на который она упиралась, дрожить, что полъ, на которомъ она стоитъ, олукается. Шатаясь, дошла она до своей кровати и упала на нее, держа у своихъ воспаленныхъ губъ платокъ и туфлю. Она страшно поблѣднѣла, ея черные глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ. На ея платкѣ обозначилось кровавое пятно, другое такое-же пятно показалось на одѣялѣ. Поднялся вѣтеръ, ворвался въ комнату, заколебалъ занавѣси, придавъ имъ какое-то фантастическое движеніе; наступили сумерки и всѣ предметы въ комнатѣ приняли темно-сѣрый, туманный оттѣнокъ. Она продолжала лежать неподвижно; при всемъ томъ она была прелестная новобрачная. А за дверью, на своемъ импровизированномъ ложѣ, спокойно храпѣлъ ея супругъ...

IV.

18 декабря 1870 года въ маленькомъ городѣ Генуѣ, въ штатѣ Нью-Йоркѣ разыгралась непогода, какъ-бы желая гѣмъ показать, что между американскимъ городомъ и его итальянскимъ тезкой очень мало общаго. Свирѣпствовала страшная снѣжная метель; около домовъ, на подвѣтрянной сторонѣ нанесло кучи снѣга, на дорогѣ образовались ухабы; ставни у домовъ и телеграфная проволока были запорошены снѣгомъ; между дорическихкихъ колоннъ домовъ, гдѣ помещались почта и ратуша, крутился снѣгъ. Четыре главныя церкви города мрачно возвышались среди метели, а ихъ плохо выстроенныя колокольни совсѣмъ исчезали въ ураганѣ. Новая методистская часовня, построенная возлѣ станціи желѣзной дороги и похожая на локомотивъ, казалось, ожидала, что къ ней прицѣпить сейчасъ вмѣсто вагоновъ, нѣсколько до-

мовъ и она перенесетъ ихъ въ болѣе пріятную мѣстность. Но гордость Генуи, крамеровскій институтъ для воспитанія дѣвицъ, и во время бури величественно отдѣлялся отъ прочихъ домовъ главной улицы своимъ длиннымъ фасадомъ и своимъ куполомъ. При первомъ взглядѣ на это зданіе можно было убѣдиться, что институтъ Крамера — учебное и воспитательное заведеніе.

Свистокъ локомотива четырехчасоваго поѣзда, высадившаго въ Генуѣ только одного пассажира, который на саняхъ отправился въ гостиницу, — этотъ рѣзкій свистокъ заставилъ вздрогнуть трехъ пансіонерокъ института Крамера, въ это время направлявшихся къ лавкѣ пирожника, гдѣ онѣ намѣревались угоститься на славу. Приходится сознаться, что отличный порядокъ, которымъ славился институтъ, существовалъ только для выставки; воспитанницы, вопреки всякимъ правиламъ, позволяли себѣ уходить въ пастетную лавку и тамъ завтракать и обѣдать въ непоказанной частъ; точно также онѣ, ужь никакъ не по правиламъ заведенія, во время церковной службы кокетничали на пропалую съ мужчинами, ради этого, вѣроятно, усердно посѣщавшими церковь, куда ходили пансіонерки; или-же, наслушавшись въ классѣ самыхъ трогательныхъ наставленій, и затѣмъ прочитавъ запрещенные для нихъ романы, старались поступать совершенно противоположно этимъ наставленіямъ. Воспитанницы института Крамера были веселыя, здоровыя и весьма пріятныя юныя дѣвицы. Сама пирожница отзывалась о нихъ всегда прекрасно и отпускала имъ въ долгъ пирожки; она утверждала, что, при взглядѣ на цвѣтущую юность, она сама молодѣетъ и радость наполняетъ ея душу; потому-то, вѣроятно, она и поощряла ихъ прогуливать классныя часы.

— Уже четыре часа! если мы не вернемся къ пяти, на молитву, насъ поймутъ! сказала, подымаясь, самая высокая изъ трехъ пансіонерокъ института Крамера, съ энергическимъ лицомъ и спокойными, но рѣшительными манерами; тонъ ея голоса и жесты ясно показывали, что она привыкла распоряжаться своими подругами и онѣ подчинялись ея авторитету.

— Съ тобой книги, Адди? продолжала она.

Миссъ Адди съ видомъ пренебреженія показала три книги, связанные ленточкой.

— А ты, Каря, захватила провизію?

«Дѣло», № 3.

Миссъ Кари раскрыла свой мѣшокъ, ~~до~~ полна нагруженный пирожками.

— Отлично. Теперь, милыя, въ дорогу! Запишите въ книжку, сказала она пирожницѣ повелительнымъ тономъ;— я заплачу, когда пришлють мнѣ мое третное жалованье.

— Послушай, Кэтъ, замѣтила Кари, раскрывая кошелекъ, — лучше заплачу я, сегодня моя очередь.

— Вздоръ! вскричала Кэтъ, нахмуривъ брови;— я не позволила-бы тебѣ этого даже и въ томъ случаѣ, если-бъ тебѣ прислали все золото Калифорніи. Ну, маршь въ дорогу.

Она отворила дверь; сильный ураганъ ворвался въ комнату и едва не повалилъ ее. Нѣжное сердце пирожницы сжалось отъ жалости.

— Боже милосердый, какова погодка! Милыя дѣточки, вамъ нельзя идти въ такую бурю. Лучше я сама схожу въ институтъ и дамъ знать, что ураганъ помѣшалъ вамъ идти далѣе и вы принуждены остаться ночевать у меня.

Но ея обязательное предложеніе было встрѣчено протестомъ и юныя дѣвицы, рука объ руку, храбро вышли на улицу и пошли на-встрѣчу урагану.

Между тѣмъ короткій декабрьскій день приходилъ уже въ концу; солнце заходило за густыми тучами и темнота наступила раньше, чѣмъ обыкновенно. Когда дѣвушки вышли отъ пирожницы, наступила уже ночь и снѣгъ валилъ хлопьями. Вначалѣ пути молодежь весело смѣялась и шутила; но когда дѣвушки, желая сократить путь, пошли на прямикъ по полю, мужество ихъ ослабѣло и смѣхъ мало-по-малу прекратился. Когда-же онѣ снова вышли на дорогу, т. е. вошли въ главную улицу, онѣ чувствовали уже страшную усталость.

— Не зайдти-ли намъ отдохнуть въ ближайшій домъ, настаивала Кари.

— Знаю я, почему тебѣ хочется зайдти въ этотъ домъ, сказала Адди, бросая насмѣшливый взглядъ на свою подругу, заставившій ее покраснѣть, о чемъ, впрочемъ, можно было только догадываться, но не видѣть, потому что было совсѣмъ темно:— этотъ домъ принадлежитъ сквайру Робинзону.

— Да, пояснила съ ироніей высокая Кэтъ, — ты желаешь, чтобы тебя проводилъ въ институтъ твой милый другъ м-ръ Гарри

и принесъ-бы за тебѣ извиненіе отъ имени своихъ родителей. Знаю я, что онъ строить тебѣ куры. Дѣлай, впрочемъ, какъ хочешь! Я же вѣду въ институтъ, какъ вышла оттуда: черезъ окно, но никакимъ другимъ путемъ.

Она набросилась, какъ соколъ, на Карю, которая, чуть не плача отъ усталости, усѣлась на краю канавы; Кэтъ сурово поставила ее на ноги и сказала отрывисто:

— Ты сейчасъ заснешь!.. Но что это такое?

Послышался скрипъ полозьевъ и въ темнотѣ смутно выяснился очеркъ саней, подвигавшихся къ нимъ.

— Опустите головы пониже, если насъ узнаютъ, мы погибли!

Какъ-бы въ отвѣтъ ей послышался пріятный и доброжелательный, но совершенно незнакомый голосъ, который спрашивалъ, не можетъ-ли онъ быть полезнымъ обществу миссъ, повидимому, сбившихся съ дороги во время снѣжной мятели.

Юныя дѣвицы увидѣли передъ собой мужчину въ мѣховомъ пальто и въ башлыкѣ, совершенно закрывавшемъ лицо, такъ что можно было разсмотрѣть только усы и два быстрыхъ глаза. Конечно, юницы поспѣшили воспользоваться предложеніемъ незнакомца и усѣлись въ сани.

— Куда везти васъ? спросилъ незнакомецъ.

Дѣвушки пошучивались между собой, наконецъ, Кэтъ сказала рѣшительно:

— Въ институтъ!

Снова полозья заскрипѣли по снѣгу и вскорѣ показался фасадъ институтскаго зданія. Незнакомецъ остановилъ лошадей.

— Здѣсь вы знаете дорогу лучше, чѣмъ я, сказалъ онъ, — черезъ который подѣздъ вы думаете войти въ заведеніе?

— Не черезъ подѣздъ, а черезъ окно съ задняго фасада, отвѣтила Кэтъ съ искренностію, которой она всегда отличалась.

— Понимаю, сказалъ незнакомецъ и, соскочивъ на землю, отвязалъ бубенчики. — Теперь мы можемъ подѣхать къ какому вамъ угодно мѣсту такъ тихо, что насъ не услышатъ.

Проѣхавъ вдоль стѣны, сани остановились за нѣсколько саженъ до указаннаго окна. Незнакомецъ помогъ выйти молодымъ дѣвушкамъ. Бѣлизна вновь выпавшаго снѣга дѣлала теперь менѣе чувствительной темноту, что позволило незнакомцу довольно хорошо разсмотрѣть каждую изъ дѣвушекъ, тѣмъ болѣе, что онѣ, чувствуя

къ нему довѣріе и благодарность, не старались скрывать свои лица. Каждая изъ нихъ поблагодарила его и пожелала ему добраго вечера. Вскорѣ двѣ тѣни исчезли за окномъ, но третья осталась, что хорошо замѣтилъ незнакомецъ, зажегшій спичку подъ предлогомъ закурить сигару. Когда вспыхнуло пламя спички, онъ увидѣлъ темную голову Кэтъ, прелестно обрамленную окномъ. Спичка медленно горѣла въ его рукѣ, но, по его мнѣнію, слишкомъ скоро. Кэтъ лукаво улыбнулась: она угадала, съ какой цѣлью онъ зажигалъ спичку; не даромъ она во всѣхъ отношеніяхъ считалась первой въ своемъ классѣ.

Ураганъ прошелъ и на слѣдующее утро солнце весело освѣщало классную комнату института Крамера. Въ классѣ было тихо, дѣвушки были заняты своими уроками. Вдругъ Кэтъ фан-Корлиръ, мѣсто которой было у окна, съ самымъ драматическимъ жестомъ, положила руку къ себѣ на сердце и прошептала прерывистымъ голосомъ на ухо своей сосѣдкѣ, Кари:

— Онъ пришелъ!

— Кто? спросила Кари, не зная навѣрное: серьезно или шутя говорить ея подруга.

— Кто? Нашъ вчерашній спаситель! Онъ остановился у подъѣзда. Молчи... Я сейчасъ успокоюсь немного!

И, съ трагическимъ жестомъ поднявъ руку ко лбу, Кэтъ вздохнула не безъ усилія.

— Что ему нужно здѣсь? спросила Кари.

— Можетъ быть, помѣстить въ пансіонъ свою дочь.

— Онъ молодъ и, повидимому, холостой, замѣтила Адди.

— Глупушка ты! вздохнула скептикъ-Кэтъ, — по лицу мужчинъ ничего не узнаешь, всѣ они народъ коварный; но тише! послушаемъ, что говоритъ миссъ Валькеръ.

— Въ гостинной спрашиваютъ миссъ Кари Трэттерикъ, сказала классная дама.

Въ это самое время м-ръ Джэкъ Принсъ, передавшій достопречтенному м-ру Крамеру свою карточку вмѣстѣ съ нѣсколькими рекомендательными письмами, нетерпѣливо рассказывалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, извѣстной по институтской номенклатурѣ подъ именемъ гостинной, а по прозванію пансіонерокъ „чистилище“. Онъ осмотрѣлъ своимъ пытливымъ взглядомъ всѣ предметы, находившіеся въ комнатѣ, начиная съ камина, согрѣвавшего одинъ

конецъ огромной комнаты и кончая монументальнымъ бюстомъ доктора Крамера, леденившего другой конецъ; начиная съ образчиковъ каллиграфій, навѣшанныхъ на стѣнахъ, и кончая видомъ Генуи, рисованнымъ съ натуры пансіонскимъ учителемъ рисованія такъ искусно, что никто не узнавалъ въ копіи ея оригинала; начиная съ нравственныхъ книгъ, предназначенныхъ для чтенія дѣвицъ и кончая фотографіей воспитанницъ высшаго класса, на которой изображены хорошенькія дѣвушки, — впрочемъ, похожія скорѣе на эфіопянокъ, чѣмъ на бѣлыхъ, — сидящими одна на другой — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось при взглядѣ на фотографію. Фантазія м-ра Принса представила ему цѣлый рядъ печальныхъ и трогательныхъ сценъ, которыя происходили въ этой гостиной. Онъ такъ замечтался, что даже позабылъ цѣль своего визита, но отворилась дверь и въ комнату вошла миссъ Кари Трэттерикъ.

Онъ тотчасъ узналъ въ ней одну изъ дѣвицъ, которыхъ вчера, во время бури, захватилъ въ свои сани; не умѣя отдать себѣ отчета, почему это случилось, онъ почувствовалъ разочарованіе. Однакожъ едва-ли онъ могъ предполагать, что встрѣтитъ болѣе прелестное лицо: ея роскошные волнистые волосы были золотистаго цвѣта, кожа была нѣжна и бѣла; ея черные глаза имѣли рѣдкій оттѣнокъ морскихъ водорослей, погруженныхъ въ глубокую воду. Менѣе впечатлительная, чѣмъ онъ, Кари тѣмъ не менѣе почувствовала, что ей что-то не по себѣ. Человѣкъ, стоявшій передъ нею, принадлежалъ къ тому разряду джентльменовъ, который слыветъ у женщинъ подъ вульгарнымъ эпитетомъ „красиваго мужчины“, т. е. что онъ одѣтъ весьма правильно, — что его костюмъ соотвѣтствуетъ чертамъ его лица и его манерамъ; при всемъ томъ въ немъ не замѣчалось ничего банальнаго; онъ ни на кого не приходилъ. Кари онъ не совсѣмъ понравился.

— Я не смѣю надѣяться, началъ онъ улыбаясь, — что вы помните Джэка Принса. Одинадцать лѣтъ тому назадъ вы были совсѣмъ маленькой дѣвочкой. Я хорошо зналъ вашу матушку; я редактировалъ „Лавину“ въ то время, когда она увезла васъ въ Сан-Франциско.

— Вы, вѣроятно, говорите о моей мамчѣ? живо прервала его Кари.

М-ръ Принсъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Да, миссъ, я говорю о вашей мачихѣ, отвѣтилъ онъ съ важною. — Я никогда не имѣлъ чести встрѣчаться съ другою м-съ Трѣтерикъ.

— Моя мачиха снова вышла замужъ, черезъ мѣсяцъ послѣ смерти моего отца, и отправила меня къ моей матери, сказала Кари, сопровождая слова гордымъ движеніемъ головы.

— Ваша мачиха, возразилъ Принсъ, улыбаясь, — по соглашенію съ вашею родною матерью, приняла на себя расходы на ваше воспитаніе до того дня, когда вамъ минетъ восемнадцать лѣтъ; въ этотъ день вамъ предоставляется самой выбрать себѣ попечительницу и, по окончаніи курса, поселиться у нея. Этотъ день долженъ наступить, если я не ошибаюсь, двадцатаго числа этого мѣсяца.

Кари молчала.

— Прошу васъ, не думайте, что я пріѣхалъ сюда затѣмъ, чтобы освѣдомиться о вашемъ рѣшеніи; не могъ-же я рассчитывать, что, выслушавъ меня, вы тотчасъ-же рѣшитесь. Я желаю только извѣстить васъ, что ваша мачиха, м-съ Старботль, будетъ завтра въ Генуѣ и проведетъ здѣсь нѣсколько дней, занявъ квартиру въ гостиницѣ. Если вы пожелаете видѣть ее раньше, чѣмъ примете какое-нибудь рѣшеніе по вопросу о попечительницѣ, она будетъ очень рада и счастлива; во всякомъ случаѣ, вѣрьте, что она желаетъ видѣться съ вами не затѣмъ, чтобы повліять на ваше рѣшеніе.

— Моей матери извѣстно о пріѣздѣ сюда моей мачихи?

— Этого я не знаю. Мнѣ извѣстно только, что она не рѣшится на свиданіе съ вами безъ согласія вашей матери. М-съ Старботль очень страдаетъ; перемѣна воздуха и душевное спокойствіе могутъ благотѣльно подѣйствовать на ея здоровье; эти соображенія болѣе всего побудили ее предпринять поѣзду въ Геную.

М-ръ Принсъ устремилъ пристальный взглядъ на молодую дѣвушку и, затаивъ дыханіе, ожидалъ ея отвѣта.

— Такъ вы сказали, что мачиха моя пріѣдетъ завтра или сегодня?

— Да, завтра.

— Полковникъ Старботль также пріѣдетъ въ Геную?

— Полковника нѣтъ уже въ живыхъ; ваша мачиха во второй разъ овдовѣла.

— Его нѣтъ въ живыхъ?

— Нѣтъ; ей выпала горестная участь переживать всѣ свои привязанности, отчеканилъ м-ръ Принсъ.

Кари, казалось, не поняла смысла его словъ; ея взглядъ, брошенный на него, ничего ему не разъяснилъ. Немного погодя Кари заплакала. М-ръ Принсъ приблизился къ ней.

— Я опасаюсь, миссъ Трэттерикъ, сказалъ онъ, крутя свой длинный усъ, — что вы приняли все это слишкомъ близко къ сердцу. Въ вашемъ распоряженіи находится еще нѣсколько дней и вы можете спокойно размыслить, что вамъ лучше предпринять. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Надѣюсь, что вчерашнее путешествіе прошло для васъ безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій?

Пикантное лицо Кари озарилось милой улыбкой.

— Вы, вѣроятно, нашли насъ нѣсколько странными дѣвушками... Мы надѣлали вамъ множество хлопотъ.

— Увѣряю васъ—никакихъ. Я-бы, конечно, былъ сильно озадаченъ, если-бы три дѣвушки попросили меня помочь имъ выйти изъ института въ окно, и я не рѣшился-бы, можетъ быть, исполнить ихъ желаніе; но когда, напротивъ, дѣло шло о томъ, что бы войти въ институтъ этимъ путемъ...

Звонокъ прервалъ его рѣчь; вслѣдъ за звонкомъ привратникъ провозгласилъ: „м-съ Трэттерикъ и м-ръ Робинзонъ“. Услышавъ эти имена, Кари засуетилась и не разслышала прощальнаго привѣтствія м-ра Принса и его заключительныхъ словъ, обращенныхъ къ ней:

— У васъ достаточно времени, чтобы хорошенько подумать, прежде чѣмъ вы на что-нибудь рѣшитесь.

V.

М-ръ Джекъ Принсъ возвратился въ гостиницу усталый и въ дурномъ расположеніи духа; онъ охотно уклонился-бы отъ разговора съ содержателемъ востянцы, но тотъ осадилъ его на лѣстницѣ.

— Какая-то дама ждет васъ въ гостинной, сэръ, сказалъ онъ.

Принсъ пустился бѣгомъ въ указанную комнату; въ то-же самое время м-съ Старботль поспѣшила къ нему на-встрѣчу. Въ эти десять лѣтъ она сильно измѣнилась; ея станъ уже не былъ такъ соблазнительно строенъ, какъ въ бывшее время; ея округленные руки похудѣли до того, что браслеты, ихъ украшавшіе, едва не выскользнули на полъ, когда она конвульсивно схватила руку Принса, здороваясь съ нимъ. Ея прелестныя ямочки, которыми она такъ тщеславилась прежде, совсѣмъ сгладились; на щекахъ ея постоянно пылалъ лихорадочный румянецъ. Одни глаза ея остались такъ-же прекрасны, бархатисты и глубоки, да, пожалуй, въ ея улыбкѣ, какъ и тогда, было что-то обаятельное. Она по-прежнему носила великолѣпную прическу, и волосы ея все еще были густы и длинны, но въ нихъ, особенно на вискахъ, стала сильно замѣтной серебристая сѣдина.

— Клара, сказалъ Принсъ тономъ упрека.

— Извините меня, прошептала она, почти падая на стулъ отъ слабости;—простите меня, мой другъ, но я рѣшительно не могла ожидать, я-бы умерла до послѣ-завтра. Переносите терпѣливо мои причуды еще нѣсколько времени... вамъ не долго придется ждать. Не сердитесь-же, что я поторопилась пріѣхать сюда. Я знаю, что, можетъ быть, а ее не увижу, не буду говорить съ нею; но мнѣ отрадно сознавать, что я, по крайней мѣрѣ, дышу однимъ воздухомъ съ нею! Здѣсь я чувствую себя лучше, Джэкъ; посмотрите, теперь мнѣ легче. Вы ее видѣли? Какъ она выглядитъ? Что она вамъ сказала? Расскажите мнѣ все, рѣшительно все. Такъ-ли она красива, какъ увѣряютъ? Какого она роста? Узнала-ли она васъ? Придетъ-ли она ко мнѣ, Джэкъ? Можетъ быть, она уже пришла? (и она, трепещущая отъ радости, поднялась со стула) — можетъ быть, она здѣсь? Почему вы ничего не говорите? Я хочу все знать!

Глаза молодого человѣка, обращенные на нее, были полны безпредѣльной нѣжности; нието, не исключая и этой женщины, не подозрѣвалъ, что редакторъ „Лавины“ способенъ къ сильной привязанности.

— Клара, сказалъ онъ, усиливаясь казаться веселымъ,—попытайтесь успокоиться. Усталость отъ дороги возбудила ваши

нервы. Я видѣлъ Кари. Она здорова, красавица... пока будетъ съ васъ и этого довольно.

Его нѣжная деликатность и вмѣстѣ твердость успокоили ее, какъ успокаивали не разъ и прежде.

— Писала-ли вамъ когда-нибудь Кари? спросилъ онъ, взявъ ея блѣдныя руки въ свои.

— Два раза. Она меня благодарила за посланные ей подарки. Это были вполнѣ письма пансіонерки; вы понимаете, что я хочу этимъ сказать? отвѣчала она нетерпѣливо, потому что онъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Знаетъ-ли она о томъ, что вы вынесли для нея; извѣстно-ли ей, что вы испытали бѣдность, что вы приносили тяжелыя жертвы, чтобы имѣть возможность платить за ея воспитаніе, что вы завладывали для этого даже ваши платья?

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ же она могла узнать? Я не имѣю враговъ настолько жестокихъ, чтобы они могли передать ей объ этомъ.

— Однакожь, если это дошло до м-съ Трэттерикъ и она передала Кари, то молодая дѣвушка, считая васъ бѣдной, и полагая, что вы не въ состояніи будете устроить ей пріятную жизнь, пожалуй, не рѣшится избрать васъ своей попечительницей. Дѣвушки тоже любятъ деньги. У Кари, можетъ быть, есть богатые друзья... Кто знаетъ, можетъ быть, она влюблена...

При послѣднихъ словахъ его м-съ Старботль вздрогнула.

— Но, сказала она, нервно сжимая руку Джэка, — не сами-ли вы сказали мнѣ, когда отыскиали меня въ Сакраменто больницу и безпомощную—за что награди васъ Богъ—и предложили свезти меня на югъ, — не сами-ли вы сказали мнѣ, что у васъ въ рукахъ есть средство устроить независимое существованіе Кари и мнѣ.

— Да, я говорилъ это, отвѣчалъ Джэкъ, — но для этого прежде всего необходимо, чтобы къ вамъ возвратились силы и вы почувствовали себя здоровой. Теперь, когда вы стали разсудительнѣе, я расскажу вамъ со всѣми подробностями мой визитъ въ институтъ.

И Джэкъ Принсъ рассказалъ ей о своемъ свиданіи все, что намъ уже извѣстно. Не измѣняя ни одного факта, не пропуская ни одного слова, ни одной подробности, онъ, однакожь, придалъ поэтическій колоритъ этому прозаическому эпизоду изъ своей жиз-

ни. Яркими, обаятельными красками онъ нарисовалъ героиню своего разсказа. Онъ такъ увлекся своими похвалами, что остано-вился только тогда, когда увидѣлъ, что блѣдныя щеки молодой женщины покрылись яркимъ румянцемъ и дыханіе ея отъ радости стало прерывистымъ. „Пусть Богъ ей поможетъ и проститъ мнѣ за то, что я ее обманывалъ, подумалъ онъ: — но могъ-ли я рѣшиться разсказать ей все, какъ было“.

Когда м-съ Старботль положила свою истомленную голову на подушку, она попыталась представить себѣ Карю, лежащей рядомъ съ нею на маленькой кроваткѣ; уже одна мысль, что такое короткое разстояніе раздѣляетъ ихъ, облегчила ея страданія и она почувствовала себя гораздо лучше.

Въ то-же самое время въ институтскомъ дортуарѣ раздѣтая Каря сидѣла на своей постели; лицо ея было сердитое и она нервно перебирала руками свои локоны; миссъ Кэтъ фан-Корлиръ, драпировавшаяся огромной бѣлой простыней, стояла возлѣ своей подруги, точно негодующій призракъ; ея черные глаза металн молніи, поздри ея орлинаго носа—расоваго носа, если позволено будетъ такъ выразиться,—раздувались отъ гнѣва. Каря въ этотъ вечеръ излила свое горе на груди миссъ Кэтъ и эта эксцентрическая особа, вмѣсто утѣшенія своего друга, загремѣла противъ неблагодарности Каря и явилась защитницей оспариваемыхъ правъ м-съ Старботль.

— Если даже половина изъ того, что вы, миссъ, сказали мнѣ—правда, ясно, что ваша мать и ея совѣтники, Робинзоны, заставляютъ васъ играть возмутительную роль. Здѣсь дѣло идетъ о приличіяхъ, а приличія, даю вамъ слово, непременно должны быть соблюдены! Никто, конечно, не можетъ сомнѣваться, что моя фамилія на нѣсколько столѣтій древнѣе вашихъ Трэттериковъ, но если-бъ моя семья поступала со мной такъ-же, какъ поступаетъ съ вами ваша, заставляя чужую содержать меня и потому требуя, чтобы я повернула спину моему лучшему другу, я-бъ показала ей...

Миссъ Кэтъ остановилась, презрительно махнула рукой и бросила свирѣпый взглядъ на воображаемыхъ выродившихся фан-Корлировъ, которыхъ она, казалось, видѣла передъ собой здѣсь, въ дортуарѣ.

— Ва! вы говорите такъ потому, что влюбились въ этого -ра Принса, сказала Кари холодно.

Миссъ Кэтъ чуть не схватила ее за горло. Надменнымъ движеніемъ головы она отбросила свои черные волосы на одно изъ своихъ плечъ, а на другое конецъ простыни на манеръ какъ носили весталки, затѣмъ обрушилась на безразсудную, осмѣлившуюся затронуть такой деликатный пунктъ, слѣдующей рѣчью:

— А если это и такъ, миссъ Кари, то чтожь изъ этого слѣдуетъ? Какая бѣда въ томъ, что я съ перваго взгляда умѣю отличить джентльмена? Не бѣда, если я спокойно прошла мимо тысячи личностей, до приторности похожихъ одна на другую, въ родѣ м-ра Гарри Робинсона, и остановила свое вниманіе на существѣ оригинальномъ, самобытномъ, независимомъ, какимъ мнѣ кажется вашъ Принсъ. Прощайте, миссъ, и молитесь Бога, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ сдѣлалъ Принса вашимъ. Попытайтесь явиться на молитву съ сокрушеннымъ сердцемъ и благодарите небо за то, что оно послало вамъ такого друга, какъ Кэтъ фан-Корлиръ.

Окончивъ эту тираду, она обѣими руками схватила голову Кари, быстро поцѣловала ее въ лобъ и легла въ свою постель.

Слѣдующій день показался очень длиннымъ м-ру Джэку Принсу. Въ глубинѣ своей души онъ былъ убѣжденъ, что Кари не придетъ, но, конечно, ему слѣдовало скрыть это предположеніе отъ м-съ Старботль. Чтобы нѣсколько разсѣять ее, онъ предложилъ ей прогулку въ каретѣ; но она не согласилась: она боялась, что Кари можетъ прійти въ ея отсутствіе, въ тому-же она чувствовала себя совсѣмъ слабой. Чѣмъ внимательнѣе онъ наблюдалъ за нею, тѣмъ болѣе убѣждался, что отъ рѣшенія Кари будетъ зависѣть жизнь бѣдной женщины: отрицательный отвѣтъ убьетъ ее, а положительный дастъ ей возможность прожить нѣсколько времени. Онъ сталъ припоминать всѣ подробности своего свиданія съ Кари и дошелъ до того, что приписалъ себѣ вину за неуспѣшность своей попытки. Но, видя съ какимъ довѣріемъ ожидаетъ м-съ Старботль исполненія своего завѣтнаго желанія, онъ и самъ сталъ сомнѣваться въ вѣрности предположенія, что его попытка была безуспѣшна. Какъ только м-съ Старботль почувствовала себя настолько сильной, что могла подняться съ дивана, на которомъ лежала, она сѣла въ кресло у окна такъ, что могла въ одно время видѣть и нансіонъ, и подлѣздъ гостипицы. Она составляла

проекты насчетъ будущаго, толковала о жизни въ деревнѣ, куда она намѣрена была переселиться и гдѣ хотѣла отдохнуть. Она видѣла себя поправившейся, болѣзнь мало-по-малу ослаблялась и вотъ она совсѣмъ выздоровѣла и любитъ свою Кари. Выслушавъ ея мечтательныя предположенія, Джэкъ Принсъ, какъ безумный, убѣжалъ въ общую залу, спросилъ себѣ вина, но не пилъ его, зажигалъ сигару, но не курилъ ее, задавалъ вопросы присутствующимъ, но не разслушивалъ отвѣтовъ, однимъ словомъ, поступалъ, какъ человѣкъ, находившійся въ самомъ критическомъ положеніи.

Къ вечеру поднялся сильный вѣтеръ и началъ падать снѣгъ. М-съ Старботль по-прежнему оставалась спокойной и была даже весела. Когда Джэкъ отодвинулъ ея кресло отъ окна и пододвинулъ его къ огню, она самымъ простымъ тономъ объяснила ему, почему Кари еще не пришла: втеченіе дня ее, по всей вѣроятности, задержали уроки, а вечеромъ она непременно придетъ. Послѣ этого м-съ Старботль стала расчесывать свои все еще роскошные волосы и вообще старалась причесать ихъ какъ можно красивѣе, насколько позволяло ей ея печальное положеніе.

— Не слѣдуетъ наводить страхъ на ребенка, Джэкъ, сказала она, какъ-бы желая этими словами извинить свое стремленіе прикраситься.

Джэкъ почувствовалъ сильное облегченіе, когда, въ десятомъ часу, его вызвали и сообщили, что внизу его спрашиваетъ докторъ. Онъ быстро сошелъ туда и, при слабомъ освѣщеніи комнаты, замѣтилъ въ углу женскую фигуру, лицо которой было совсѣмъ закрыто спущеннымъ капюшономъ; онъ уже хотѣлъ удалиться, полагая, что ошибся и попалъ не въ ту комнату, какъ раздался пріятный голосъ, который онъ хорошо помнилъ:

— Все идетъ отлично! Докторъ, это—я.

Капюшонъ былъ отброшенъ назадъ и показалось смуглое и открытое лицо Кэтъ фан-Корлиръ.

— Пожалуйста, безъ лишнихъ распросовъ, сэръ. Я докторъ, а вотъ мой рецептъ, сказала она, указывая на трепещущую въ углу Кари.—Верите ее.

— Значить, м-съ Трэттерикъ дала свое согласіе.

— Если-бы мы захотѣли слѣдовать желаніямъ этой дамы, мы

сдѣлали-бы лучше, оставшись въ институтѣ, возразила Кэтъ безпечнымъ тономъ.

— Какъ-же вамъ удалось вырваться изъ института?

— Мы ушли черезъ окно.

Отведя Кари къ м-съ Старботль и оставивъ ее въ объятіяхъ мачихи, Джэвъ воротился къ Кэтъ и сказалъ ей:

— Она остается. Надѣюсь, что и вы проведете съ нами вечеръ?

— Такъ-какъ мнѣ еще не скоро восемнадцать лѣтъ и двадцатаго числа я не буду свободна располагать собой; и такъ-какъ у меня нѣтъ больной мачихи, я уйду, отрѣзала она.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ проводить васъ и увѣриться, что вы здоровы и невредимы воротились домой черезъ окно, сказалъ онъ самымъ почтительнымъ тономъ.

Черезъ часъ онъ воротился и засталъ Кари сидящей на табуретѣ у ногъ м-съ Старботль; при его входѣ молодая дѣвушка спрятала въ колѣни мачихи свое лицо, орошенное слезами.

— Я вамъ говорила, что она придетъ, сказала м-съ Старботль, приложивъ палецъ къ губамъ. — Да благословить васъ Богъ, Джэкъ! Покойной ночи.

На слѣдующее утро м-съ Трэттерикъ въ сопровожденіи достопочтеннаго Крамера, директора института, и ея добраго друга, м-ра Робинсона, негодующая явилась передъ лицомъ м-ра Джэка Принса. Она бурно напала на него, требуя, чтобы онъ возвратилъ Кари.

— Мы не потерпимъ такого нарушенія условій, сказала м-съ Трэттерикъ. — До конца контракта остается еще нѣсколько дней и мы не расположены жертвовать ни однимъ днемъ въ пользу м-съ Старботль.

— До тѣхъ поръ, пока миссъ Трэттерикъ не выйдетъ официально изъ нашего института, она обязана подчиняться всѣмъ его правиламъ и не нарушать дисциплины, продолжалъ докторъ Крамеръ.

— Такое безразсудство можетъ серьезно компрометировать будущность и социальное положеніе миссъ Трэттерикъ, настаивалъ м-ръ Робинзонъ, думавшій въ эту минуту о надеждахъ своего сына.

Тщетно м-ръ Принсъ ссылаясь на то, что м-съ Старботль уни-

раетъ, что она не принимала никакого участія въ устройствѣ побѣга Кари; что молодая дѣвушка рѣшилась на него, побуждаемая привязанностью и признательностью, что побужденія эти благородны и она вправѣ была послушать ихъ внушенія. Ничто, по видимому, не обезоруживало его противниковъ и они продолжали стоять на своемъ. Тогда Джэкъ прибѣгнувъ къ послѣднему средству.

— Еще одно слово, сказалъ онъ съ презрѣніемъ, выразившемся на его лицѣ, но съ полнымъ хладнокровіемъ. — Считаю долгомъ предупредить васъ, что я, какъ одинъ изъ душеприказчиковъ покойнаго м-ра Трэттерика, обязанъ воспротивиться вашему требованію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти м-ра Трэттерика, китаецъ, его старый слуга, сообщилъ намъ о существованіи духовнаго завѣщанія, которое мы и нашли въ бумагахъ покойнаго. Оно, конечно, было тотчасъ-же засвидѣтельствовано въ судѣ. При тогдашней ничтожной цѣнѣ земли въ Калифорніи, имущество, оставленное по духовному завѣщанію Трэттерика, не представляло особенно лакомого куска, почему на него въ то время никто не обратилъ вниманія; но два года тому назадъ цѣнность на землю у насъ сильно возвысилась и теперь это имѣніе стоитъ хорошихъ денегъ. По смыслу завѣщанія имѣніе должно быть раздѣлено между Кари и ея мачихой; послѣдняя должна сдѣлаться законной попечительницей молодой дѣвушки въ такомъ случаѣ, если она воспитаетъ ее; поэтому миссъ Кари, естественно, должна жить въ домѣ м-съ Старботль.

— А въ какую сумму вы оцѣниваете наслѣдство? спросилъ живо м-ръ Робинзонъ.

— Въ сто тысячъ долларовъ, не менѣе.

— Въ такомъ случаѣ я, какъ искренній другъ миссъ Трэттерикъ, объявляю, что нахожу ея поведеніе вполне достойнымъ и разумнымъ.

— Я не позволю себѣ оспаривать волю моего покойнаго мужа и не дѣлаю больше никакихъ возраженій, прибавила м-съ Трэттерикъ, окончательно смягчаясь.

На этомъ разговоръ окончился. Когда м-съ Старботль узнала о немъ, она поднесла руку Джэка къ своимъ губамъ.

— Болѣе мнѣ ничего не нужно для полного моего счастья; но скажите, зачѣмъ вы скрыли все это отъ Кари?

Онъ только улыбнулся; ему не хотѣлось сказать, что онъ желалъ испытать Кари.

Черезъ недѣлю всѣ законныя формальности были окончены и Кари была безповоротно передана мачихѣ. Нанявъ небольшой домъ въ окрестностяхъ города, м-съ Старботль, Кари и Джэкъ переѣхали туда, съ нетерпѣніемъ ожидая весны, на которую они возлагали надежды, думая, что она за собой принесетъ облегченіе бѣдной женщинѣ. Но весна запоздала въ этомъ году и никакого облегченія не предвидѣлось. Сама м-съ Старботль, однакожь, вѣрила въ свое выздоровленіе. Изъ своего окна слѣдила она за ростомъ почекъ на деревьяхъ; многихъ породъ деревьевъ она не видѣла въ Калифорніи и, прося Кари назвать ихъ, съ дѣтской пытливостью слѣдила за объясненіями своей падчерицы; она строила планы, какъ лѣтомъ вмѣстѣ съ Кари будетъ гулять по лѣсамъ. Она даже составляла стихи на этотъ сюжетъ и одинъ изъ членовъ этой импровизированной семьи до сихъ поръ съ благоговѣніемъ сохраняетъ небольшую пѣсню, такую радостную и такую наивную, что ее можно принять за эхо пѣсни реполова, который постоянно распѣвалъ подъ окномъ комнаты больной.

Въ концѣ зимы, въ этотъ годъ очень холодной, выпалъ такой теплый, прекрасный день, точно въ самый разгаръ весны, когда все твердитъ о возрожденіи и жизни. Большую вынесли на воздухъ, на живительное солнце. И, дѣйствительно, она, казалось, оживилась; блаженство разлилось по ея лицу. Утомленная постояннымъ уходомъ за больной, Кари заснула подлѣ нея и м-съ Старботль положила ей на голову свои сильно похудѣвшіе пальцы, точно благословляла ее. Вдругъ она позвала Джэка.

— Кто это пришелъ сейчасъ? спросила она тихо.

— Миссъ фан-Корлиръ, сказалъ Джэкъ, съ полной искренностію отвѣчая на пытливый взглядъ ея большихъ глазъ.

— Она приходитъ слишкомъ часто, прошептала умирающая. — Джэкъ, сядьте подлѣ меня; мой милый Джэкъ, мнѣ нужно кое-что сказать вамъ. Если въ былое время я казалась вамъ холодной, кокетливой, легкомысленной, то это потому, что я васъ любила, Джэкъ, — я слишкомъ любила васъ, чтобы могла рѣшиться связать вашу судьбу съ моею. Я васъ всегда любила, даже въ то время, когда я менѣе всего была достойна васъ. Все это кончилось теперь. Но слушайте еще. Въ послѣднее время меня за-

нимала сладостная мечта... Я мечтала—(и ея взглядъ съ любовью остановился на спящей молодой дѣвушкѣ)—что въ *ней* вы найдете то, чего во мнѣ недоставало, что вы будете любить ее такъ, какъ вы меня любили. Скажите, это не можетъ осуществиться? спросила она, бросая на него взглядъ, полный тоски и безпокойства.

Джэкъ нѣжно пожалъ ея уже на-половину похолодѣвшую руку и ничего не отвѣчалъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія она продолжала:

— Можетъ быть, вы удачно сдѣлали вашъ выборъ. Она, кажется, хорошая дѣвушка... но слишкомъ смѣлая...

Это были послѣднія слова, произнесенныя этой слабой, страстной и подчасъ безразсудной женщиной. Черезъ минуту ея не стало; когда сняли ея руку, лежавшую на головѣ Кари, она была уже мертва.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖЕНЩИНА.

РОМАНЪ

МИСТРИССЪ ФЛЕМИНГЪ.

СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА VII.

Высокій ростъ и блѣдное лицо миссъ Эрнкастль, рельефно выдѣлявшіеся на фонѣ розовыхъ драпировокъ, дѣлали ее похожею на видѣніе; Сесилія Клейвъ всю свою жизнь помнила ее потому такою, какъ она тутъ стояла.

— Леди Дангерфильдъ послала меня за вами, сказала она Сесилии и остановилась, замѣтивъ присутствіе третьяго лица.

— За мною? съ живостью повторила Сесилія и послѣшно встала:—вѣрно, приготовляются къ шарадамъ?

— Да, васъ ждутъ.

— А вы будете участвовать въ шарадахъ, сэръ Артуръ? обратилась къ нему Сесилія, и замѣтивъ, что онъ съ изумленіемъ смотритъ на миссъ Эрнкастль, которую видѣлъ въ первый разъ, она представила ему ее.

— Какъ странно, замѣтила она, смѣясь,—вы цѣлую недѣлю жили въ одномъ домѣ и не знали другъ друга! Что это, кажется, Джиневра снова зоветъ меня?..

— Сесилія! Сесилія! раздавался нетерпѣливый голосъ хохотки,—что ты, спишь? или умерла? куда ты пропала?

Драпировка откинулась и Джиневра остановилась въ безобразіи и удивленіи на порогѣ.

— Что это вы всё здѣсь дѣлаете? сказала она. — Сэръ Артуръ, вѣдь я васъ послала къ леди Сесиліи! А васъ, миссъ Эрнкастль, я послала... Да отчего-же вы всё какъ пошли, такъ пропали?

Она проникательно посмотрѣла на Тречена. Ее занимала мысль, успѣлъ-ли онъ сдѣлать предложеніе. Но на его лицѣ нельзя было ничего прочесть.

Леди Сесилія уже убѣждала, миссъ Эрнкастль медленно и величественно послѣдовала за нею.

— Кто эта особа? спросилъ Треченъ съ очевиднымъ интересомъ.

— Это моя гувернантка.

— Гувернантка? она скорѣе похожа на императрицу!

— Ужасно высока, точно башня. Вамъ нравятся высокія женщины? Миссъ Эрнкастль будетъ сегодня участвовать въ картинахъ, поэтому вы ее видите въ пріемныхъ комнатахъ; обыкновенно она сидитъ съ дѣтьми.

Съѣхались гости; сначала разыграли шарады въ дѣйствиі, потомъ перешли къ живымъ картинамъ.

Сесилія явилась въ образѣ Маріи Стюартъ, въ длинномъ бархатномъ, вышитомъ платьѣ, съ рядами жемчуга на груди; леди Дангерфильдъ представляла и поселянку, и плѣнницу у бедуиновъ и Екатерину Арагонскую; маіоръ Фаркландъ всегда былъ ея спутникомъ.

Несмотря на сопротивленіе Ричарда Дангерфильда, его также взяли въ картины. Жена его нашла въ немъ поразительное сходство съ Маратомъ и непременно хотѣла дать ему эту роль.

Занавѣсъ поднялся. На сценѣ представляется темная комната, посреди которой стоитъ ванна, а въ ваннѣ Марать; онъ сидитъ съ опущенной головой и пишетъ что-то на доскѣ, положенной поперекъ ванны. Дверь внутри тихо отворяется, музыка играетъ зловѣщую арію изъ Донъ-Жуана передъ входомъ статуи, и является женская фигура въ длинномъ черномъ платьѣ. Это Шарлота Корде—миссъ Эрнкастль. Лицо ея смертельно блѣдно; рука прячетъ кинжалъ между складками платья. Ожиданіе чего-то страшнаго охватываетъ зрителей. Она подходитъ ближе и заноситъ кинжалъ. Въ эту минуту Марать поднимаетъ голову, вѣтъ надъ собой это лицо и занесенный кинжалъ и съ страшнымъ, явнымъ воплемъ выскакиваетъ изъ ванны... Занавѣсъ быстро скатается; содроганіе ужаса пробѣгаетъ по всемъ членамъ.

— Воже, не убила-ли она его? раздаются тревожные голоса; но зала освѣщается и музыка играетъ веселый вальсъ.

— Кто-же это представлялъ Шарлоту Корде? спрашиваютъ гости другъ у друга.

За кулисами происходитъ еще большее смятеніе.

— Кто смѣлъ послать ко мнѣ эту женщину? кричалъ сэръ Ричардъ внѣ себя и едва держась на ногахъ;—зачѣмъ вы меня не предупредили, что она будетъ участвовать? Вы обманули меня: репетиція была не съ нею!

— Что-жъ такое! возразила жена его, нѣсколько струсивъ:—мы перемѣнились ролями послѣ, потому что она сама просила дать ей эту роль.

Ричардъ схватилъ себя за голову съ такимъ безумнымъ видомъ, что всѣ стали бояться за его рассудокъ. Посреди общаго смущенія, одна миссъ Эрнкастль стояла безстрастная и спокойная, какъ-будто дѣло шло не о ней. Впрочемъ, послѣ рѣзкихъ словъ Ричарда она хотѣла выдти, но Сесилія, оскорбленная за нее, такъ-какъ она сочла капризомъ Ричарда нежеланіе участвовать въ картинѣ съ миссъ Эрнкастль и увидѣла въ этомъ вообще неуваженіе къ женщинѣ, — Сесилія остановила ее.

— Оставайтесь, пожалуйста, миссъ Эрнкастль, сказала она;—неужели вы должны скрываться изъ-за того, что у сэра Ричарда истерика и нервы? Вы отлично сыграли вашу роль, отлично! Вы должны пробыть съ нами весь вечеръ и досмотрѣть живыя картины. Я пойду одѣваться въ леди Ровену, а вы, сэръ Артуръ, займите покаместъ миссъ Эрнкастль.

Артуръ охотно повиновался. Его самого чрезвычайно интересовала эта молодая женщина, имѣвшая видъ низверженной королевы ея необыкновенная игра произвела на него потрясающее впечатлѣніе. Сама Шарлота Корде не могла быть драматичнѣе, поражая кинжаломъ Марата.

— Позвольте предложить вамъ стулъ, миссъ Эрнкастль, сказалъ онъ,—и высказать вамъ мое мнѣніе, что вы рождены на то, чтобъ быть актрисой.

Она улыбнулась и сѣла возлѣ него. Присутствующія дамы переглянулись и пожали плечами. Вводитъ гувернантку въ ихъ общество базалось имъ очень странной фантазіей.

Во все остальное представленіе они сидѣли рядомъ и разго-

варивали о живых картинах и о дѣйствующихъ лицахъ. Потомъ начались танцы, и такъ какъ Тречень не танцоваль, то и остался опять сидѣть возлѣ миссъ Эрнкастль. Онъ самъ не зналъ, что его такъ привлекало къ ней. Красоты въ ней не было; но глаза ея были поразительны по своей глубинѣ и странному блеску. Голосъ ея, необыкновенно музыкальный, чрезвычайно ему нравился. Она была въ бѣломъ платьѣ безъ лентъ и безъ украшеній; ея густые черные волосы лежали короной на головѣ и между ними спускалась вѣтка красной фуксимъ. Тречень мысленно сравнивалъ ее съ изображеніемъ Семирамиды, представленной также въ бѣломъ платьѣ съ красными цвѣтами въ волосахъ.

Она разсматривала гравюры въ книгѣ и на губахъ ея бродила улыбка.

— Какая это картина? спросилъ Артуръ.

— Это изъ поэмы: „Король и Нищія“, отвѣчала она;— посмотрите, какъ хороша эта дѣвушка нищія! Какія руки и ноги, какое совершенство профиля! и какъ къ ней идетъ и платье, и цвѣты, и все... Жаль, что настоящія нищія не бываютъ такими, какъ ихъ представляютъ поэты. Замѣтьте, съ какимъ негодованіемъ смотрятъ на дѣвушку эти знатные люди на балконѣ... Но она такъ хороша, что почти можно простить королю его увлеченіе.

— Почему-же *почти*? сказалъ улыбаясь Тречень:— что мѣшало ему сдѣлать ее королевой?

— То, что она нищія безъ имени. Никакая красота и никакія достоинства не сотрутъ этого. Притомъ нищія имѣютъ греческіе носы и изящныя руки только въ поэмахъ; въ дѣйствительной жизни онѣ бываютъ смуглыя, съ грубыми чертами и съ красными руками.

— Какое рѣзкое сужденіе, миссъ Эрнкастль! Я никогда-бы не подумалъ, чтобъ молодая дѣвушка могла разсуждать такъ безпощадно-практично.

— Молодая дѣвушка—можетъ быть; но я вѣдь не болѣе, какъ гувернантка. Разница тутъ огромная. Для дочери пара міръ представляется въ видѣ свѣтлаго, розоваго шара; а для гувернантки въ видѣ мрачной пустыни.

Она засмѣялась и перевернула страницу. Слова ея удивили сэра Артура и заставили его задуматься. Эта женщина была, пови-

дному, не изъ числа куколъ и бабочекъ; а это онъ цѣнилъ больше всего.

Леди Дангерфильдъ, видя, что Тречень сидитъ весь вечеръ съ ея гувернанткой, пришла въ сильнѣйшее негодованіе.

— Сесилія, ты видишь, что дѣлаетъ это дерзкое созданіе, миссъ Эрнкастль? Она завербовала твоего жениха, а ты и не заботишься объ этомъ!

Сесилія весело засмѣялась.

— Я не забочусь, сказала она, — я ей очень благодарна и надо тебѣ сказать, что я сама послала къ ней сэра Артура.

Леди Дангерфильдъ некогда было возражать; ее занимало другое: спаситель ея жизни былъ найденъ, приглашенъ въ замокъ и сидѣлъ возлѣ лорда Клейва во время представленія послѣднихъ картинъ.

Лордъ Клейвъ, видя, что судьбы не избѣжишь, съ отчаянной рѣшимостью самъ подвелъ его къ дочери. Она была еще въ костюмѣ и уборѣ Маріи Стюартъ.

— Сесилія, сказалъ лордъ Клейвъ, — узнаешь ты стараго знакомаго, нашего добраго друга капитана О'Доннеля?

— Въ шесть лѣтъ можно многое позабыть, но я все-таки надѣюсь, что леди Сесилія помнитъ своего прежняго знакомаго.

Сесилія обернулась и какъ-будто электрическая искра пробѣжала по ней съ головы до ногъ. Передъ ней стоялъ человѣкъ, котораго она, при всѣхъ развлеченіяхъ свѣтской жизни, не могла забыть въ продолженіи шести лѣтъ. Она не знала, что въ то время Раймондъ О'Доннель просилъ ея руки и отецъ ея отказалъ ему отъ ея имени, но что-то говорило ей, что любовь ея не была безотвѣтной.

И вотъ онъ опять стоялъ передъ нею, чрезвычайно перемѣнившійся, смуглый, загорѣлый, съ усами и бородой, но такой-же красивый и стройный, какъ прежде. Во взглядѣ его проглядывала усталость и прежняя наивная искренность уступила въ немъ мѣсто пытливой проникательности и твердости. Въ первую минуту у Сесилии занялось дыханіе; но она никогда не теряла надолго присутствія духа. Съ сіяющей улыбкой она подала ему руку.

— Капитанъ О'Доннель, очень рада васъ видѣть, но какъ вы перемѣнились! сказала она.

— Конечно, не къ лучшему, возразилъ онъ;—постарѣть и обрось волосами. Вы тоже переиѣнились... и если-бъ я вамъ высказалъ, каковы вы стали, это можно-бы было принять за лесть. А впрочемъ, я вездѣ-бы васъ узналъ.

— Такъ это вы были героемъ послѣдняго приключенія? сказала улыбаясь Сесилія: — точно вамъ на роду написано спасать всѣхъ. Скажите, пожалуйста, какъ вы попали въ наши края?

— Суссекское графство отличное мѣсто для охоты. Но я пріѣхалъ сюда не по своему выбору. Сестра моя непремѣнно хотѣла пожить въ окрестностяхъ Скарсвуда. Мы съ ней остановились въ Каствльфорѣ.

— Ваша сестра здѣсь? Я уже слышала, что она живетъ съ вами и, кажется, больна?

— Да, она очень слабого здоровья и я исполнилъ ея желаніе ѣхать сюда чисто какъ капризъ больной, потому что другой причины нѣтъ.

— Какъ! ваша сестра въ Каствльфорѣ и больная? вѣдѣлась леди Дангерфильдъ, подходя,—и мы этого ничего не знали! Гдѣ вы тамъ остановились?

— Въ гостиницѣ *Серебряной розы*.

— Для васъ это, можетъ быть, и ничего; но каково-же это для больной! Ваша сестрица должна пріѣхать ко мнѣ, капитанъ О'Доннель. Непремѣнно, непремѣнно! Я приглашаю васъ обоихъ въ Скарсвудъ на все время и не хочу слышать никакихъ отговорокъ.

О'Доннель слушалъ и улыбался своей скептической улыбкой.

— Благодарю васъ отъ души, отвѣчалъ онъ,—вы очень добры, но... это невозможно.

— Я этого слова не знаю, возразила Джиневра,—когда я чего хочу, то все возможно. Завтра мы съ Сесиліей поѣдемъ въ Каствльфоръ съ визитомъ къ миссъ О'Доннель и привеземъ ее съ собой—это рѣшено!

— Ну, моя милая, замѣтилъ лордъ Клейвъ,—съ капитаномъ О'Доннелемъ не такъ легко сладить, какъ ты думаешь, когда онъ чего не захочетъ. А знаете-ли, О'Доннель, здѣсь вашъ хорошій пріятель, лордъ Артуръ Треченъ.

— Неужели? я очень радъ его видѣть. Гдѣ-же онъ?

Ему указали на Тречена; но лордъ казалось на столько былъ

поглощенъ разговоромъ съ миссъ Эрнкастль, что О'Доннель не рѣшился подойти и прервать его.

Лордъ Клейвъ недоволено поморщился.

— Цѣлый вечеръ съ гувернанткой, пробормотала онъ;—я никогда не видалъ, чтобъ онъ такъ долго разговаривалъ съ женщиной.— Джиневра, съ какой стати ты позволила ей быть въ гостиной? Ты, кажется, не имѣла этого обыкновенія.

— Это все по милости Сесилии, отвѣчала она, пожимая плечами:—она непременно хотѣла ввести ее въ нашъ кругъ.

— Это на нее похоже, замѣтилъ Клейвъ и, обратившись къ О'Доннелю, прибавилъ:—что это вы такъ пристально смотрите на эту гувернантку? ужъ не сдѣлались-ли и вы жертвою внезапной любви, какъ сэръ Артуръ?

— Поважѣсть нѣтъ еще, но я стараюсь припомнить, гдѣ я прежде видѣлъ эту особу.

— Какъ! и вы также? вскричала леди Дангерфильдъ:—это ужъ слишкомъ! Всѣ, всѣ принимаютъ ее за кого-то—одни за живую, другіе за мертвую... Это, наконецъ, нестерпимо! Гдѣ-же вы ее видѣли, капитанъ О'Доннель?

— Не могу вспомнить, но что я ее знаю—это вѣрно. Ея лицо не изъ такихъ, которыя забываются?

Тутъ къ Сесилии подошелъ ея кавалеръ лордъ Тальботъ напомнить ей, что она общалась ему вальсъ.

„Какъ это все странно, думала Сесилия, отходя подъ руку съ нимъ:—что за таинственная личность эта миссъ Эрнкастль? Почему она производитъ на меня такое сильное впечатлѣніе? Не то, чтобъ я любила ее,—я въ ней сомнѣваюсь, я ей не довѣряю. Но мнѣ какъ-то любопытно смотрѣть на нее, слушать ее... Что сдѣлалось съ лордомъ Треченомъ? нѣсколько часовъ тому назадъ онъ готовъ былъ сдѣлать мнѣ предложеніе, а теперь для него, кажется, не существуетъ другой женщины на свѣтѣ, кромѣ Элленъ Эрнкастль... Ужъ не ревную-ли я его?..“

Въ это самое время они проходили мимо Тречена и миссъ Эрнкастль. Внезапно Сесилия почувствовала, что рука ея кавалера сильно дрогнула и онъ остановился, какъ вкопанный. Въ его широко раскрытыхъ глазахъ, устремленныхъ на гувернантку, выразились изумленіе и ужасъ.

— И вы въ числѣ духовидцевъ! сказала ему съ любопыт-

ствомъ Сесилія: — это пренеприятно. Вы также знали миссъ Эрнкастль въ какомъ-нибудь лучшемъ мѣрѣ? Неужели она на всѣхъ производитъ такое дѣйствіе.

— Боже милосердый, какое сходство! Клянусь вамъ честью, леди Сесилія, я подумалъ, что вижу вставшую изъ могилы!

— Не вы одни это говорите. За кого-же вы ее приняли?

— За Изабеллу Дангерфильдъ, конечно! Это какое-то навожденіе... Хотя волосы другого цвѣта, но это она... она! Что думаетъ сэръ Ричардъ объ этомъ сходствѣ, желалъ-бы я знать?

— Сэръ Ричардъ находится въ ужасномъ положеніи съ тѣхъ поръ, какъ она вступила въ Скарсвудъ. Съ нимъ дѣлаются первые припадки при видѣ ея.

— Что-бы сказала Эдифъ, если-бы увидала ее? продолжалъ Тальботъ, нѣсколько оправившись.

— Какая Эдифъ?

— Моя сестра, которая была другомъ Изабеллы Дангерфильдъ; теперь она замужемъ за м-ромъ Дауеромъ. Я-бы не желалъ, чтобъ онѣ встрѣтились; это могло-бы слишкомъ сильно подѣйствовать на сестру.

Они пошли вальсировать. Сесилія видѣла, какъ Раймондъ О'Доннелъ рѣшился, наконецъ, прервать загадочное tête-à-tête Артура Тречена и какъ тотъ обрадовался ему. Миссъ Эрнкастль тотчасъ исчезла.

Гости начали развѣзжаться. Леди Дангерфильдъ о чемъ-то горячо спорила съ О'Доннелемъ, и подозвала Сесилію.

— Иди сюда, нетерпѣливо закричала она ей, — ты пользуешься правомъ старой дружбы съ капитаномъ О'Доннелемъ; попробуй побѣдить его упрямство!

— Я, по старой памяти, знаю, что это невозможно, возразила Сесилія, — но въ угоду тебѣ, я попробую. Въ чемъ дѣло?

— Я прошу его переѣхать съ сестрою къ намъ. Мы всѣ этого желаемъ, всѣ просимъ, а онъ не соглашается!

— Вы переѣдете! сказала Сесилія, обращая на О'Доннеля долгій, бархатный взглядъ, сводившій съума всѣхъ ея поклонниковъ: — не правда-ли? Въ Скарсвудѣ вамъ будетъ гораздо лучше, чѣмъ въ „Серебряной розѣ.“ Сдѣлайте это, я этого желаю.

— Никто еще не говорилъ Сесилии *нѣтъ* на такую просьбу, прибавила Джиневра, улыбаясь.

О'Доннель посмотрѣлъ прямо въ прекрасные, ласкающіе глаза, устремленные на него, и отвѣчалъ:

— Я этому вѣрю и хочу доставить леди Сесилии разнообразіе новаго ощущенія. Въ этомъ случаѣ позвольте мнѣ поступить по-своему. Пребываніе въ Скарсвудѣ слишкомъ обольстительно, а опытъ научилъ меня благоразумію.

Сквозь его мягкій свѣтскій тонъ проглядывала непреклонная воля. Сесилия увидала, что передъ нею уже не тотъ Раймондъ О'Доннель, которому ей стоило только сказать: сдѣлай то или то, — и онъ дѣлалъ. Если она желала испробовать свою власть надъ нимъ, то потерпѣла пораженіе. Когда онъ выходилъ, на губахъ его мелькала полу-насмѣшливая, полу-значительная улыбка.

ГЛАВА VIII.

Хотя Раймондъ О'Доннель и отклонилъ лично для себя любезное гостепримство леди Дангерфильдъ, но, возвратившись къ сестрѣ въ гостиницу Серебряной Розы, онъ передалъ ей приглашеніе и сказалъ, что эти дамы сами пріѣдутъ къ ней съ визитомъ.

Дѣйствительно, на слѣдующій день къ крыльцу гостиницы подъѣхала открытая коляска и изъ нея вышли леди Дангерфильдъ и ея стройная, бѣлокурая кузина.

Роза О'Доннель приняла ихъ съ граціей и непринужденностью женщины, привыкшей къ хорошему обществу. Она была на видъ лѣтъ двадцати пяти, небольшого роста, нѣжнаго сложенія, съ задумчивыми и грустными темно-голубыми глазами. На ея нѣжномъ, блѣдномъ лицѣ лежало постоянное выраженіе грусти. На ней было сѣрое шелковое платье, безъ отдѣлки и безъ лентъ. Въ этомъ строгомъ нарядѣ она похожа была на кваершу или на сестру милосердія.

Сесилия съ перваго взгляда почувствовала къ ней симпатію и стала приглашать ее такъ искренно, что послѣ нѣсколькихъ отговорокъ Роза О'Доннель согласилась принять приглашеніе. Леди Дангерфильдъ была довольна этимъ прибавленіемъ къ ея обществу и настояла, чтобъ Роза ѣхала съ ними сейчасъ.

По пріѣздѣ въ Скарсвудъ миссъ О'Доннель прошла въ на-

значенную ей комнату, чтобы переменить свою квякерскую одежду на синее шелковое платье. Она была очень блѣдна и губы ея дрожали, когда она подошла къ окну и стала глядѣть на деревья парка, на аллею вязовъ и на пестрые цвѣтники.

„Такъ вотъ этотъ Скарсвудъ, думала она: — то самое ровное мѣсто... Куда его увезли отсюда? Неужели я никогда не узнаю, живъ онъ или умеръ?.. Если-бъ я только смѣла рассказать обо всемъ Раймонду... Но это невозможно, потому-что тогда Раймондъ убьетъ его, если только онъ живъ.“

Въ это время Джиневра, сидя на зеленой лужайкѣ передъ домомъ въ ожиданіи обѣда, страшно скучала безъ мужского общества, такъ-какъ въ этотъ день всѣ мужчины ея общества отправились на охоту. Она никогда ничего не дѣлала, не читала, не работала и не думала. Уже готовы были вернуться слезы на ея глазахъ при мысли, что она разодѣта, раскрашена лучшими косметиками, причесана къ лицу и — некому на нее любоваться. Въ такія минуты жизнь становилась для нея невыносимымъ бременемъ. Сесилія прилежно читала, миссъ Эрикастль была съ дѣтьми на дальнемъ концѣ лужайки.

Когда Роза О'Доннель подошла, одѣтая къ обѣду, леди Дангерфильдъ обрадовалась ей:

— Мы совсѣмъ однѣ, сказала она: — наши охотники до сихъ поръ еще не возвратились. Это вашъ братъ увелъ ихъ такъ далеко. Я всегда смертельно скучаю безъ общества. Сесилія любить читать, но я никогда не читаю. Книги нагоняютъ на меня тоску. Что это ты читаешь, Сесилія?

— Ирландскія баллады. Вы знаете ихъ, миссъ О'Доннель?

— Отчасти знаю, отвѣчала Роза; — особенно хорошо описаніе сраженія при Фонтенуа.

— Въ самомъ дѣлѣ? Прочти намъ громко, Сесилія, сказала леди Дангерфильдъ, зѣвая.

— Я никогда не читаю громко, не имѣю этого таланта, возразила Сесилія и позвала: — Миссъ Эрикастль!

Гувернантка приподняла голову отъ работы.

— Будьте такъ добры, миссъ Эрикастль, продолжала Сесилія, — прочтите намъ громко эту балладу. Я слышала, какъ вы читали дѣтямъ, и мнѣ чрезвычайно понравилось ваше чтеніе.

— Извольте, я попробую, отвѣчала миссъ Эрнкастль, вставая. Она медленно прошла черезъ лужайку, взяла книгу и остановилась передъ слушательницами. Послѣдніе лучи солнца освѣщали ея высокую фигуру и блѣдное, неподвижное, какъ-бы вылитое изъ мрамора лицо. Она начала читать и голосъ ея звучалъ какъ музыка, картина сраженія встала какъ живая передъ глазами очарованныхъ слушателей, къ числу которыхъ присоединились незамѣтно Артуръ Тречень и капитанъ О'Доннель, вышедшіе изъ аллеи.

Когда она умоляла, всѣ долго стояли или сидѣли неподвижно, прислушиваясь къ послѣднимъ звукамъ этого голоса. Наконецъ, опомнившись, всѣ стали осыпать миссъ Эрнкастль похвалами, увѣряя, что она рождена для сцены.

Одинъ О'Доннель не принималъ участія въ этихъ привѣтствіяхъ. Онъ пристально смотрѣлъ на гувернантку, стараясь припомнить, гдѣ онъ ее видѣлъ. Вдругъ глаза его блеснули и загадка для него разрѣшилась: онъ вспомнилъ...

Лордъ Клейвъ и маіоръ Фарьландъ, подошедшіе послѣ, также слышали окончаніе баллады и присоединились къ общему восторгу.

— Я не знаю, какъ назвать это, обратился Клейвъ къ миссъ Эрнкастль:—лучшая актриса на театрѣ не прочла-бы такъ хорошо. И вы скрываете такой талантъ! Bravo, миссъ Эрнкастль, bravo! Ужь не имѣемъ-ли мы счастье принимать у себя въ домѣ новую Марсъ, сами того не зная?

Онъ говорилъ, по своему обыкновенію, небрежно-насмѣшливо. Этотъ тонъ не понравился миссъ Эрнкастль и ея сѣрые глаза взглянули на него такъ, что онъ невольно смутился.

— Чортъ возьми! пробормоталъ онъ про себя: — бывало она глядѣла на меня вотъ точно такимъ-же взглядомъ. Это ужасно неприятное сходство. Моя Сесилія нисколько не похожа на мать, а эта—чужая—двѣ капли воды она. Что за чудо? Не очень-то пріятно жить въ одномъ домѣ съ живымъ кошмаромъ; я попрошу Джиневру отказать ей, если она еще будетъ такъ смотрѣть на меня.

Между тѣмъ Сесилія, отведя въ сторону свою кузину, говорила ей просящимъ голосомъ:

— У меня до тебя просьба, Джиневра, не откажи мнѣ. Не

выгоняй миссъ Эрикастль изъ нашего общества; позволь ей объ-
дать съ нами.

— Что съ тобой, Сесилія, съ какой это стати?

— У нея такія приличныя манеры и она такъ хорошо умѣетъ
занимать мужчинъ...

— Вотъ съ этимъ я согласна, это и я замѣтила. Я не по-
нимаю тебя, Сесилія: ты-бы должна стараться удалить ее отсюда.
Вѣдь ты не слѣпа, я думаю!

— Нѣтъ, я не слѣпа, засмѣялась Сесилія;—впрочемъ, неуди-
вительно, что ты меня не понимаешь: я и сама себя не пони-
маю. Исполни мою просьбу, Джиневра; пусть она объѣдаетъ
каждый день съ нами; ты сдѣлаешь это для меня?

— Если ты непремѣнно желаешь, если тебѣ это нужно...

— Мнѣ это нужно, Джиневра; поди и пригласи ее сама,
только по-ласковѣе.

Леди Дангерфильдъ пожала плечами и подумала, что, вѣрно,
у Сесилии какіе-нибудь свои хитрые планы. Она направилась къ
гувернантѣ и сказала ей коротко и ясно:

— Леди Сесилія желаетъ, чтобы вы съ нами объѣдали се-
годня, и потому оставайтесь. Переодѣваться вамъ не нужно: и
такъ хорошо.

На миссъ Эрикастль было сѣрое шелковое платье, заколотое
жемчужной брошкой, и въ волосахъ синяя лента.

— Леди Сесилія Клейвъ желаетъ, чтобы я объѣдала съ вами!
переспросила она.

— Я вамъ это уже сказала, отвѣчала съ досадою миледи и,
волоча свой шлейфъ, надменно удалилась.

„Чего нужно отъ меня леди Сесилии? думала гувернантка,
оставшись одна. — О! она хороша, и граціозна, и образована, и
дочь лорда. Мнѣ приходится искушеніе взять у нея все это...
такъ, какъ у меня взяли все. Да, я клянусь моею загубленной
жизнью, клянусь нищетою и униженіями, какія я перенесла, что
я это сдѣлаю!“

Черезъ четверть часа всѣ сидѣли за столомъ и сэръ Ричардъ
не ѣлъ супъ, погруженный въ горестныя размышленія о томъ, по
какой именно причинѣ жена его вѣчно суетъ ему въ глаза эту
ненавистную гувернантку.

Миссъ Эрикастль опять сидѣла возлѣ Артура Тречена, кото-

рый говорил ей, что если судить по ея нынѣшнему чтенію, у нея серьезный драматическій талантъ.

— Это не доказательство, возразила она;— большая разница— порядочно прочесть стихи или сыграть леди Макбетъ.

При этихъ словахъ сидѣвшій напротивъ нея и не сводившій съ нея глазъ О'Доннель наклонился черезъ столъ и сказалъ ей:

— Не знаю, миссъ Эрнкастль, какъ-бы вы сыграли леди Макбетъ, но знаю, что роль Офелія выйдетъ у васъ превосходно.

Миссъ Эрнкастль держала въ рукѣ бокалъ шампанскаго; рука ея вздрогнула такъ сильно, что вино пролилось на скатерть.

— Впередъ леди Дангерфильдъ не пригласить меня къ обѣду, замѣтила она, непринужденно смѣясь: — я такъ неловка за столомъ джентльменовъ! Благодарю васъ, господа, не беспокойтесь, мое платье не испорчено.

По милости этого маленькаго происшествія, замѣчаніе капитана О'Доннеля прошло незамѣтно; но миссъ Эрнкастль старалась не встрѣчаться больше съ нимъ глазами.

Послѣ обѣда миссъ Эрнкастль, по чьей-то просьбѣ, сѣла играть на роялѣ, тогда какъ остальные усѣлись на терасѣ.

Тречень любилъ музыку, притомъ миссъ Эрнкастль улыбнулась ему особеннымъ образомъ и сдѣлала какое-то замѣчаніе; этого было довольно, чтобъ онъ усѣлся возлѣ нея. Раймондъ О'Доннель, пользуясь тѣмъ, что леди Дангерфильдъ начала шептаться съ майоромъ Фаркландомъ, пошелъ къ леди Сесилии, сидѣвшей на лужайкѣ на дерновой скамьѣ, и помѣстился на травѣ у ея ногъ. Она позволила ему закурить сигару и у нихъ начался тихій, живой разговоръ.

Черезъ нѣсколько времени разговоръ этотъ былъ прерванъ восклицаніемъ миссъ О'Доннель:

— Раймондъ, мнѣ сейчасъ принесли письмо отъ дѣдушки де-Ланзака изъ Нью-Орлеана.

При этихъ словахъ музыка въ гостиной замолкла; миссъ Эрнкастль внезапно остановилась и съ напряженнымъ вниманіемъ стала прислушиваться къ разговору.

— Что же онъ пишетъ? спрашивалъ О'Доннель.

— Пишетъ, что боленъ, и проситъ меня воротиться къ нему, отвѣчала ему сестра.— Онъ пишетъ: „Безцѣнная Мари, пожалѣй меня, безъ тебя я какъ потерянный“...

— Мари? замѣтила Сесилія тихо О'Доннелю;—почему-же онъ называетъ вашу сестру Мари? Ея имя—Роза.

— Роза - Марія, отвѣчалъ громко О'Доннель: — наша мать была французенка, мадмуазель де-Ланзаеъ. И когда сестра жила у дѣдушки, то ее иначе не называли, какъ Мари де-Ланзаеъ. Это въ Англии она Роза О'Доннель.

Слабый крикъ вырвался изъ груди миссъ Эрнкастль...

— Вы нездоровы? поспѣшно заговорилъ Треченъ, и въ глазахъ его выразилась такая тревога, такое волненіе, какихъ красавицъ Сесилии не случалось возбуждать въ своихъ поклонникахъ. Онъ стоялъ и трепеща смотрѣлъ на эту женщину, къ которой его влекло какое-то очарованіе. Сѣрватая блѣдность разлилась, какъ туманъ, по ея лицу, глаза смотрѣли не видя... Еще минута—и она овладѣла собою, маска безстрастія опять легла на ея лицо и она спокойно улыбнулась своему собесѣднику.

— Это нервы, сказала она:—я простудилась, мнѣ холодно.

— Позвольте принести вамъ шаль, возразилъ Треченъ и поспѣшно вышелъ. Тогда миссъ Эрнкастль совѣмъ высунулась изъ окна, продолжая прислушиваться къ словамъ О'Доннеля.

— Да, она все время жила у дѣдушки де-Ланзаеа въ Нью-Орлеанѣ. Потомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она заболѣла и все хотѣла ѣхать непременно сюда, въ Суссекское графство....

Тутъ Артуръ Треченъ принесъ шаль и, въ ту минуту, какъ онъ закутывалъ ея стройныя плечи миссъ Эрнкастль, вошла леди Дангерфильдъ съ своимъ маіоромъ. При видѣ ихъ, стоявшихъ вдвоемъ въ пустой гостиной, брови ея нахмурились и въ глазахъ сверкнулъ гнѣвъ.

— Вы все еще здѣсь, миссъ Эрнкастль? сказала она рѣзкимъ тономъ:—я думала, что вы давно уже ушли. Кто-же укладывалъ въ постель Пери и Панси? Подите узнайте.

— И прошу не возвращаться, сказало выраженіе ея лица.

— Доброй ночи, шепнула миссъ Эрнкастль Тречену и исчезла.

На этотъ разъ леди Дангерфильдъ поступила безтактно. Она сама поняла это по внезапному облаку гнѣва, омрачившему лобъ лорда Тречена. Дама, съ которой онъ сидѣлъ, была оскорблена и почти выгнана изъ комнаты въ его присутствіи, единственно ради того вниманія, какое онъ ей оказывалъ, — это онъ понималъ

очень хорошо. Онъ измѣнился въ лицѣ и оно сдѣлалось такъ мрачно, такъ сурово и гнѣвно, что леди Дангерфильдъ смутилась.

— Мы садимся играть въ карты, сказала она ему съ одной изъ очаровательнѣйшихъ своихъ улыбокъ: — маіоръ Фаркландъ, миссъ О'Доннелъ и я; вы будете четвертымъ, не такъ-ли?

— Прошу извинить меня. Я сегодня не расположенъ играть въ карты, отвѣчалъ онъ ледянымъ тономъ и отошелъ отъ нея.

Сеесилія сидѣла за роялемъ и не могла удержаться отъ улыбки при видѣ сконфуженной, разсерженной Джиневры и разгнѣваннаго сэра Артура. Глаза ея встрѣтились съ другими смѣющимися глазами, искавшими ея взгляда... Удивительно, какъ въ этотъ вечеръ она и Раймондъ О'Доннелъ безъ словъ понимали другъ друга.

ГЛАВА IX.

Несмотря на убѣжденія хозяевъ, Раймондъ О'Доннелъ не остался ночевать въ замкѣ и пѣшкомъ отправился въ городъ. Онъ нарочно не хотѣлъ ѣхать на лошади, чтобъ насладиться красотой ночи. Небо было темно-голубое, золотыя звѣзды окружали луну, сіявшую посреди нихъ въ царственномъ величїи. Тѣни деревьевъ ложились длинными полосами на дорогу, живыя изгороди въ цвѣту наполняли воздухъ благоуханїемъ и нигдѣ не было видно ни одной живой души.

Толье-что онъ успѣлъ это подумать, какъ увидѣлъ вдали темную женскую фигуру, идущую по волнующемуся вереску. У О'Доннела было отличное зрѣніе и онъ даже въ такой дали тотчасъ узналъ этотъ стройный станъ, высокій ростъ, посадку головы и плечъ, и остановился въ изумленїи. Куда могла идти миссъ Эрнкастль одна въ такую пору?

Любопытство заставило его мигомъ рѣшиться. Онъ бросилъ сигару, перескочилъ черезъ плетень и погнался за женской фигурой, стараясь, однако, чтобъ она его не видала. Съ тѣхъ поръ, какъ она узналъ въ пей знакомую личность, его чрезвычайно интриговала мысль, что могло заставить ее пойти въ гувернантки, и онъ чувствовалъ сильное недовѣріе къ пей.

Миссъ Эрнкастль шла, не оглядываясь, быстрой и увѣренной

походкой, какъ по давно знакомой дорогѣ, и направлялась къ Пустой Лощинѣ. О'Доннель, слѣдуя за нею по пятамъ, въ первый разъ увидѣлъ этотъ низкій, мрачный домъ, полускрытый деревьями на днѣ лощины. Въ немъ не было свѣта и онъ казался совершенно нежилымъ; но ночная посѣтительница вынула изъ кармана ключъ, отперла ворота и опять заперла ихъ за собою. Потомъ пошла по двору прямо къ дому и исчезла подъ навѣсомъ крыльца.

Тогда Раймондъ О'Доннель, спрятавшійся въ густомъ верескѣ, всталъ на ноги и началъ разсматривать это мрачное жилище. Ему никогда не случалось заходить сюда въ своихъ охотничьихъ прогулкахъ и онъ не подозрѣвалъ о существованіи этого мѣста, лежавшаго въ сторонѣ отъ дороги.

Пока онъ тутъ стоялъ и размышлялъ, чей-бы это могъ быть домъ, вдругъ въ ухахъ его раздался страшный, протяжный, нечеловѣческій крикъ, отъ котораго кровь застыла у него въ жилахъ. За этимъ крикомъ послѣдовалъ другой, такой-же раздирающій и жалобный, затѣмъ третій... и снова все погрузилось въ безмолвіе.

Какъ ни былъ мужественъ и храбръ капитанъ О'Доннель, онъ задрожалъ съ головы до ногъ отъ страха. Что за преступная тайна скрывается въ этомъ домѣ? Не убиваютъ-ли тамъ кого-нибудь? Было очень похоже на то, а онъ не могъ подать помощи жертвѣ... Онъ прислушался, не раздастся-ли опять крикъ или шумъ, но прошло пять, десять, пятнадцать минутъ — безмолвіе не прерывалось. Слышался только шелестъ листьевъ на деревьяхъ и крикъ кузнечика въ травѣ. Пока онъ стоялъ въ страхѣ и нерѣшимости, дверь дома отворилась и таинственная посѣтительница вышла въ сопровожденіи другой женщины.

— Нѣтъ, не ходи, Ганна, говорила она, — я не боюсь идти одна. Теперь ничто на свѣтѣ напугать меня не можетъ. Я дойду до Скарсвуда въ три четверти часа и, несмотря на всѣ запоры и засовы сэра Ричарда, пройду въ замокъ. Постарайся, чтобъ у тебя все было спокойно; нельзя-ли какъ-нибудь остановить эти ужасные крики?.. Хорошо еще, что всѣ боятся заходить въ Пустую Лощину и думаютъ, что въ ней водятся привидѣнія. Ну, прощай; я скоро вриду опять.

Старуха вернулась въ домъ, а молодая высокая фигура пошла къ воротамъ. Отворивъ ихъ, она вынула часы и прошептала:

— Какъ поздно: второй часъ.

Тутъ, повинуваясь внезапному побужденію, О'Доннель вдругъ вышелъ изъ-за дерева.

— Съ вашего позволенія, я буду вашимъ провожатымъ, сказалъ онъ, любезно раскланиваясь съ миссъ Эрнкастль.

Она не вскрикнула, даже не вздрогнула; въ ея жилахъ текла мужественная кровь. Она стояла спокойно и смотрѣла на него; только при мѣсячномъ свѣтѣ замѣтно было, что обыкновенная блѣдность ея усилилась и глаза приняли выраженіе загнаннаго охотниками звѣря. О'Доннель также молча смотрѣлъ на нее блестящими, беспощадно-проницательными глазами. Наконецъ, рѣшимость и самообладаніе воротились къ ней и она заговорила первая.

— Это вы, капитанъ Раймондъ О'Доннель? Я рада, что это вы. потому что приняла-было васъ за привидѣніе; вы меня испугали.

— Не думаю, миссъ Эрнкастль, вы не такая пугливая; немногія, на вашемъ мѣстѣ, рѣшились-бы совершить такую длинную прогулку въ ночное время. Вы теперь идете домой? я считаю обязанностью васъ проводить.

Она улыбнулась, заперла ворота, положила ключъ въ карманъ, завернулась въ мантилью и пошла впередъ.

— Обязанностью? повторила она;—вы, какъ кажется, считали также обязанностью слѣдить за мной, подстергать, куда я пойду, однимъ словомъ, хотъ это и некрасивое выраженіе,—играть роль шпиона.

— Я согласенъ, что на то похоже, возразилъ онъ.—Но въ оправданіе моего поступка я долженъ вамъ сказать, что не одно любопытство руководило мною. Въ другое время хотя меня и удивило-бы, что гувернантка леди Дангерфильдъ странствуетъ по ночамъ, я и не подумалъ-бы шпионить за нею, какъ вы выражаетесь; но была другая причина, которая побудила меня слѣдовать за вами, дожидаться васъ и навязаться вамъ въ спутники.

— Могу я спросить, какая причина заставила капитана О'Доннеля обратить вниманіе на поступки такой ничтожной особы, какъ гувернантка леди Дангерфильдъ?

Холодная твердость и легкая насмѣшливость ея тона пока-

зали ему, что она ко всему приготовилась и будет бороться шагъ за шагомъ.

— Въ первую минуту, когда я васъ увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ, сказалъ онъ. — мнѣ пришло въ голову, что вы лунатикъ и идете во снѣ. Но черезъ нѣсколько времени я убѣдился, что вы вполне проснувшись и знаете, что дѣлаете.

Миссъ Эрнкастль улыбнулась съ язвительной ироніей. Ея взглядъ, лицо, манера были уже совсѣмъ не тѣ, какъ въ домѣ леди Дангерфильдъ, гдѣ она скорѣе была похожа на статую, чѣмъ на живого человѣка.

— И убѣдившись въ этомъ, возразила она спокойно, — всякій честный человѣкъ подумаль-бы, что если миссъ Эрнкастль идетъ куда-нибудь по дѣлу или просто для прогулки, то она, вѣроятно, не нуждается въ спутникѣ и можетъ сама о себѣ позаботиться. Странно, что это не пришло вамъ въ голову.

— Это потому, миссъ Эрнкастль, что вчера, когда вы, на лугу, читали ирландскую балладу, я васъ узналъ.

— Узнали? равнодушно повторила миссъ Эрнкастль: — что вы хотите этимъ сказать? что вы видѣли меня прежде гдѣ-нибудь въ Лондонѣ на улицѣ?

— Нѣтъ, миссъ, это было не въ Лондонѣ; я очень памятливъ на лица, а ваше лицо трудно забыть.

-- Поздравляю васъ съ такой отличной памятью. Гдѣ-же вы меня видѣли?

— Вы сами должны это знать; вы видите, что я васъ знаю.

— Развѣ вы знаете про меня что-нибудь дурное, сэръ? спросила миссъ Эрнкастль сурово.

— Ничего дурного, если-бъ вы сказали леди Дангерфильдъ всю правду; но вы сердили отъ нея, что вы были актрисой въ Нью-Йоркѣ.

— Капитанъ О'Доннель!

— Что угодно, миссъ Эрнкастль?

Прошла минута молчанія и только одна миссъ Эрнкастль знала, какъ страшно билось въ эту минуту ея сердце.

— Я васъ не понимаю, сказала она и, несмотря на все ея самообладаніе, голосъ слегка измѣнилъ ей; — я никогда не была въ Нью-Йоркѣ. Я родилась и жила всегда въ Англіи.

Если-бъ онъ хоть на минуту отвелъ отъ нея глаза, она-бы вер-

нула все свое присутствіе духа, но эти безошадные, твердые, какъ сталь, голубые глаза, казалось, проникали въ самые тайные закоулки ея души.

— Мнѣ жаль, миссъ Эрнкастль, что вы считаете нужнымъ отречься отъ факта, сказалъ онъ холодно. — Такъ-же вѣрно, какъ то, что мы оба стоимъ здѣсь, я видѣлъ васъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, на сценѣ нью-іоркскаго театра. Шла трагедія *Гамлетъ*; знаменитый американскій актеръ Эдвинъ Бутъ игралъ Гамлета, а вы играли *Офелію* и публика восхищалась вами. Я не помню, подъ какимъ именемъ вы были тамъ извѣстны... Сдѣлайте одолженіе, не отрекайтесь. Это совершенно вѣрно: я знаю, что говорю правду.

Она остановилась и обернулась къ нему внезапнымъ движеніемъ. Ея подавленная страстность вырвалась, наконецъ, наружу.

— Зачѣмъ я буду отречься? заговорила она съ волненіемъ: — вы джентльменъ и честный человѣкъ, вы не выдадите меня. Я точно была актрисой въ Нью-Іоркѣ.

— Я это зналъ; я видѣлъ васъ на сценѣ не одинъ разъ. И такъ-какъ любимыя публикой актрисы не имѣютъ обыкновенія мѣнять блестящее и выгодное положеніе на зависимую, скучную жизнь гувернантки, то вы меня извините, если во мнѣ возбудились нѣкоторыя подозрѣнія, заставившія меня слѣдить за вами. Я подумалъ, что вы не могли такъ поступить безъ могущественной причины, — можетъ-быть, не совсѣмъ чистой причины... Леди Дангерфильдъ ничего не знаетъ о вашей прежней жизни и вполне обманута вами, такъ-какъ вы представили ей рекомендаціи, вѣроятно, сочиненныя вами самими... Я говорю на чистоту, миссъ Эрнкастль.

— Я это вижу, отвѣчала она съ горечью. — Вы подобрали обвинительныя статьи съ безошадностью судьи, который приговариваетъ преступника къ галерамъ. Позвольте-же мнѣ теперь спросить у васъ, какое вамъ дѣло до всего этого? Развѣ вы взялись оберегать леди Дангерфильдъ? Или вы сами никогда не страдали, что такъ строго осуждаете тѣхъ, съ кѣмъ жизнь обошлась круто?

Страстный звукъ ея голоса, дикое, горькое выраженіе взгляда поколебали О'Доннеля.

— Нѣтъ, сказалъ онъ серьезно: — моя жизнь также не была усыпана розами, и я послѣдній человѣкъ, который станетъ обви-

нять своего ближняго. Я не имѣю никакого желанія вредить вамъ. Наша сегодняшняя встрѣча и разговоръ останутся тайной для всѣхъ, хотя я навѣрное не знаю, хорошо-ли сдѣлаю, скрывъ его.

— Хорошо, благодарю васъ, сказала она твердо;—но еще одно слово. Вы приписали моимъ поступкамъ какіе-то не совсѣмъ чистые мотивы; на чемъ-же вы основываете ваше предположеніе? Неужели нельзя предположить чего-нибудь хорошаго. Конечно, жизнь актрисы несравненно веселѣе и пріятнѣе жизни гувернантки, но за то она полна опасностей и искушеній, отъ которыхъ гувернантка избавлена...

О'Доннель улыбнулся.

— Она полна опасностей для неопытныхъ, неразвитыхъ дѣвочекъ, но не для женщины съ вашимъ характеромъ. Въ какое-бы положеніе вы ни были поставлены, вы никогда не потеряетесь. Слѣдовательно, предлагаемое вами объясненіе вашихъ поступковъ не годится. Но все это, конечно, до меня не касается; развѣ если только...

— Если только что?

— Если отъ этого не будетъ никому вреда. Вы уже сдѣлали вредъ одному человѣку — сэру Ричарду, которому вы представляетесь въ видѣ привидѣнія.

— Бѣдный сэръ Ричардъ! засмѣялась не совсѣмъ естественно миссъ Эрккастль:—въ этомъ ужь я не виновата, что похожа на его покойную кузину.

— Положимъ такъ, но въ другомъ случаѣ вы виноваты... Неужели вамъ неизвѣстно, что лордъ Артуръ Тречень давно помолвленъ съ леди Сесиліей?..

— А! вы коснулись и этого предмета, возразила миссъ Эрккастль и глаза ея сверкнули.—За то, что лордъ Артуръ Тречень не побоялся снизойти до бѣдной гувернантки и обращается съ нею какъ съ человѣкомъ, леди Сесилія Клейвъ, со всей своей красотой и знатностью, удостоиваетъ ревновать меня! И вы, вы мнѣ это говорите?

— Почему-же нѣтъ?

— Потому, сказала она съ мрачнымъ торжествомъ,—что леди Сесилія, помолвленная за богача и лорда, любитъ васъ. Она любитъ васъ и не колеблясь отдаетъ свою руку лорду Тречену только изъ-за его богатства. И это благородная, безпороч-

ная, гордая леди Сесилія! Въ какихъ отношеніяхъ вы были съ нею прежде — это вамъ лучше извѣстно; но сэръ Артуръ не подозрѣваетъ объ этомъ. Онъ благородный человѣкъ и вѣрный другъ. Какъ вамъ кажется, капитанъ О'Доннель, мой строгій судья и цензоръ, заслуживаетъ онъ съ вашей стороны такое вѣроломство?

Ударъ пришелся мѣтко. Исходъ борьбы оказался въ ея пользу: побѣда была опять на ея сторонѣ. Лицо О'Доннеля все вспыхнуло, потомъ страшно поблѣднѣло. Миссъ Эрнкастль продолжала съ прежней горячностью:

— Вы видите спицу въ глазахъ вашего ближняго, а въ своихъ не замѣчаете бревна! Леди Сесилія, въ вашемъ мнѣніи, чиста, какъ горный снѣгъ, а между тѣмъ она продаетъ себя за сто тысячъ годового дохода. Ея жизнь будетъ постоянной, ежедневной ложью; она дастъ клятву одному, а сердце ея отдано другому. Вы знаете это и таите отъ сэра Артура, а онъ вѣритъ вамъ обоимъ. Впрочемъ, кто-же не лжетъ и не обманываетъ въ этомъ мирѣ! Сэръ Артуръ не имѣетъ даже права жаловаться, потому что съ нимъ поступаютъ какъ и съ прочими мужьями, но за то и вы не имѣете права скандализироваться тѣмъ, что онъ разговариваетъ со мною. Вотъ мы дошли до парка; я смертельно устала. Не проститься-ли намъ здѣсь?

— Какъ вы войдете въ домъ? спросилъ онъ. — Всѣ двери и окна заперты.

— Это для меня ничего не значить. Итакъ, прощайте, капитанъ О'Доннель. Мы расстаемся въ мирѣ или между нами война на смерть?

— Это какъ будетъ вамъ угодно, отвѣчалъ онъ холодно; — я позволю себѣ только предостеречь васъ насчетъ этихъ ночныхъ прогулокъ. Кто-нибудь другой кромѣ меня можетъ послѣдовать за вами и услышать загадочный крикъ, который раздается изъ этого дома.

У нея захватило дыханіе: она совсѣмъ забыла про это.

— Вы слышали?..

— Я слышалъ три раза нечеловѣческой крикъ, миссъ Эрнкастль. Завтра я наведу справку, кто живетъ въ этомъ домѣ.

— И узнаете, что тутъ живетъ старуха, одинокая и немного помѣшанная. Въ лунныя ночи она всегда безпокойна, и когда ее

начинаетъ мучить ревматизмъ, она кричитъ такъ, какъ вы слышали.

Улыбка мелькнула на губахъ О'Доннеля.

— Вы мнѣ не вѣрите? спросила она.

— Милая миссъ Эрнкастль, я не такъ невѣжливъ, чтобъ отвѣчать на подобный вопросъ. Покойной ночи.

Онъ поклонился ей и повернулъ назадъ, но оглянулся посмотреть, куда она пойдетъ. Она стояла на томъ-же мѣстѣ и пристально смотрѣла ему вслѣдъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ виду. Тогда она вошла въ аллею парка и исчезла.

ГЛАВА X.

Дня черезъ два послѣ того съ Ричардомъ Дангерфильдомъ случилось странное происшествіе.

У него была привычка, по вечерамъ, когда жена его занималась съ гостями, тайно отлучаться изъ дому и ѣздить въ Каствльфоръ въ игорный домъ, который содержалъ одинъ иностранецъ Дюбуръ. Никто изъ домашнихъ не подозрѣвалъ, что азартная игра была страстью Ричарда, помогавшей ему сносить свое существованіе, и что онъ безпрестанно проигрывалъ и выигрывалъ огромныя суммы. Только одинъ грумъ, сѣдлавшій и принимавшій отъ него лошадь, посвященъ былъ въ тайну этихъ поѣздокъ и за свое молчаніе получалъ щедрую плату.

Однажды ночью, возвращаясь изъ Каствльфора, Ричардъ подѣзжалъ къ своему замку въ хорошемъ расположеніи духа, такъ-какъ былъ въ выигрышѣ. Ночь была такъ свѣтла и прекрасна, что смущавшія его мысли о разныхъ галлюцинаціяхъ совершенно вылетѣли изъ его головы.

Но что это? Его лошадь вдругъ шарахнулась съ дороги такъ, что онъ едва не слетѣлъ съ нея. Въ это время онъ проѣзжалъ мимо огромнаго дуба, извѣстнаго подъ именемъ Королевскаго дуба; длинные сучья дерева бросали тѣнь на большое разстояніе и изъ этой тѣни вдругъ выступила бѣлая фигура съ распущенными волосами. Неслышно, какъ духъ, скользя по травѣ, она приблизилась и стала поперегъ дороги, вся въ бѣломъ, обративъ къ полному мѣсяцу свое лицо—мертвое лицо Изабеллы Дангерфильдъ!

На этотъ разъ Ричардъ не могъ принять ее за миссъ Эрн-кастль: ему были слишкомъ знакомы эта бѣлая одежда и развѣ- вающіеся волосы:—онъ столько разъ видѣлъ ее такую!

Ужасъ сковалъ его уста и онъ вдругъ безумно погналъ ло- шадь. Она встала на дыбы и, сбросивъ его на землю, помчалась впередъ, закусивъ удила. Хриплый стонъ вырвался изъ груди Ри- чарда.

Грумъ, дожидавшійся его возвращенія, ужаснулся при видѣ прискакавшей лошади и побѣжалъ отыскивать своего господина.

На дорогѣ лежалъ безчувственный, окровавленный Ричардъ Дангерфильдъ. Онъ расшилъ себѣ лобъ о камень; лицо его было блѣдно, какъ у трупа.

Грумъ побѣжалъ за помощью; весь домъ подняли на ноги и перенесли сэра Ричарда въ его комнату. Слуги совѣтовались между собой, послать-ли сейчасъ за докторомъ или разбудить леди Дангерфильдъ? Рѣшено было сдѣлать и то, и другое.

Джиневра, потревоженная въ постели, долго отговаривалась, вздыхала, пожимала плечами и повторяла:

— Что могу я сдѣлать? для чего меня будили?

Однако, она одѣлась и пошла къ мужу; ее испугалъ видъ крови и общее смятеніе окружающихъ; на ея счастье явилась миссъ Эрн-кастль, въ бѣлой блузѣ, съ свѣчей въ рукѣ, и спрашивала, что случилось.

— О, миссъ Эрнкастль, обрадовалась миледи: — не знаете-ли вы, что надо съ нимъ дѣлать? Представьте, меня разбудили, когда я только-что заснула, какъ-будто я могу чѣмъ-нибудь помочь. А у меня уже нѣсколько дней разстроены нервы и отъ одного вида крови мнѣ дѣлается дурно. Посмотрите, пожалуй-ста, что съ нимъ? не умеръ-ли онъ? Если это обморокъ, и не- опасный, то я пойду спать. Я-бы, конечно, съ удовольствіемъ осталась, если-бъ была опасность, но я вижу, что ея нѣтъ.

Служанки съ улыбкой переглянулись: онѣ знали, что миледи, точно, осталась-бы съ радостью; если-бъ была увѣрена, что мужъ ея умираетъ.

Миссъ Эрнкастль спокойно и внимательно наклонилась надъ безчувственнымъ баронетомъ, пощупала ему пульсъ, смыла губкой кровь съ его лица и осмотрѣла рану.

— Это совсѣмъ не опасно, миледи, сказала она: — съ нимъ

сдѣлался обморокъ, — вѣроятно, отъ паденія съ лошади, а не отъ этой царапины. Опасности нѣтъ никакой. Вы можете идти въ постель: съ вашимъ слабымъ здоровьемъ вамъ нельзя ухаживать за больными. Позвольте мнѣ остаться возлѣ сэра Ричарда.

— Пожалуйста, и если будетъ нужно, пришлите за мною. Ахъ, какъ это на меня подѣйствовало — я непремѣнно буду больна: у меня такъ слабы нервы.

И леди Дангерфильдъ, завертываясь въ шаль, съ видомъ мученицы отправилась къ себѣ, оставивъ мужа на попеченіи миссъ Эрнкастль. Губернантка тотчасъ распорядилась, чтобъ всѣ вышли изъ комнаты, кромѣ ключницы и камердинера; потомъ стала мочить лобъ Ричарда холодной водой и дала ему нюхать спиртъ. Рѣсницы его зашевелились, по всему тѣлу пробѣжала дрожь и глаза его томно устремились на миссъ Эрнкастль.

— Какъ вы себя чувствуете, сэръ Ричардъ? спросила она.

Страшный крикъ былъ ей отвѣтомъ; черты его исказились безпомощнымъ ужасомъ и онъ опять упалъ безъ чувствъ...

На этотъ разъ обморокъ былъ такъ глубокъ, что ничто не могло привести его въ чувство. Ключница и камердинеръ поблѣднѣли и потерялись; наконецъ, явился докторъ, которому удалось, послѣ многихъ усилій, призвать несчастнаго къ жизни.

Онъ осмотрѣлся вокругъ, все еще съ выраженіемъ ужаса, и остановилъ глаза на докторѣ.

— Гдѣ она? прошепталъ онъ.

— Кто? спросилъ докторъ: — леди Дангерфильдъ?

— Нѣтъ, Изабелла Дангерфильдъ.

Докторъ зналъ исторію Изабеллы и отвѣчалъ:

— Здѣсь нѣтъ такой особы и не можетъ быть.

Ричардъ приподнялся на локтѣ.

— Я говорю вамъ, что видѣлъ ее! Видѣлъ два раза. Что мнѣ за дѣло, что вы всѣ этому не вѣрите и считаете вздоромъ... Я видѣлъ ее тамъ, подъ деревомъ, всю въ бѣломъ, съ распущенными волосами, съ мертвымъ лицомъ... И въ другой разъ, вотъ сейчасъ, въ этой комнатѣ, я видѣлъ, какъ она наклонилась надо мною и смотрѣла мнѣ въ глаза своими мертвыми глазами.

Тутъ вступилась ключница.

— Вы ошиблись, сэръ Ричардъ, заговорила она:—это вы видѣли гувернантку, миссъ Эрикастль. Она была возлѣ васъ, и вотъ она теперь здѣсь.

Миссъ Эрикастль выступила впередъ. Ричардъ пристально посмотрѣлъ на нее и выраженіе ужаса на лицѣ его смѣнилось выраженіемъ робости и страха. Взглядъ ея сѣрыхъ глазъ имѣлъ на него какое-то магнетическое вліяніе.

— Ложитесь, сэръ Ричардъ, сказала она ему,—я дамъ вамъ лекарство и посижу съ вами, пока вы заснете.

Докторъ приготовилъ успокоительное лекарство и миссъ Эрикастль дала его больному, не сводя глазъ съ его лица. Ричардъ вдругъ сдѣлался тихъ и послушенъ какъ дитя, безпрекословно позволилъ ей поправить подушки у себя подъ головой и закрылъ глаза. Докторъ ушелъ, говоря, что у него просто разстроены нервы этимъ паденіемъ и что ему нужно только спокойствіе.

Извѣстіе о томъ, что сэръ Ричардъ видѣлъ духъ Изабеллы Дангерфильдъ подъ Королевскимъ дубомъ, мигомъ разнеслось по Кастльфору и поутру дошло уже до ушей капитана О'Доннеля.

— Духъ Изабеллы Дангерфильдъ, ночью, близъ парка! подумалъ онъ:—гмъ! это не особенно удивительно.

И онъ тотчасъ отправился въ Скарсвудъ разузнать, что тамъ происходило. На террасѣ онъ встрѣтилъ Сесилію, которая рассказала ему все до малѣйшихъ подробностей. Сильно заинтересованный всѣмъ этимъ, О'Доннель отправился въ комнату сэра Ричарда и засталъ тамъ слѣдующую картину: въ ногахъ постели больного сидѣлъ Артуръ Тречень, погруженный въ чтеніе газеты, а въ головахъ миссъ Эрикастль, прилежно занятая вышиваніемъ. Глаза Ричарда были постоянно устремлены на нее и въ нихъ не видно было болѣе ни страха, ни отвращенія. Они всѣ трое казались очень довольны.

— Я не обезпкою васъ, сэръ Ричардъ? спросилъ О'Доннель, останавливаясь въ дверяхъ.

— О нѣтъ, я очень радъ вамъ, отвѣчалъ онъ; — замѣните сэра Артура; онъ, вѣроятно, усталъ сидѣть здѣсь.

Джентльмены помѣнялись мѣстами; Тречень вышелъ изъ комнаты и миссъ Эрикастль тоже встала.

— Теперь я вамъ не нужна, сэръ Ричардъ, сказала она, — я пойду прогуляться, а потомъ приду давать вамъ лекарство.

О'Доннелъ съ любопытствомъ слѣдилъ за ея стройной фигурой, когда она выходила изъ комнаты.

— Какой странный случай, обратился онъ къ Ричарду, оставшись съ нимъ одинъ: — молва гласить, будто вы видѣли привидѣніе. Какъ это объяснить?

— Я-бы и самъ желалъ это объяснить, простоналъ Ричардъ. Теперь, когда солнце весело свѣтило въ комнатѣ и съ нимъ сидѣлъ собесѣдникъ — человекъ здоровый и сильный, онъ могъ говорить спокойно объ этомъ происшествіи. — Я знаю только одно, что я видѣлъ Изабеллу Дангерфильдъ такъ, какъ теперь вижу васъ.

— И она пропала, когда вы на нее взглянули?

— Этого я не знаю; лошадь моя понесла и я больше ничего не помню. И потомъ... потомъ... и опять увидалъ ее здѣсь...

— Знаю, это была миссъ Эрнкастль. Вы приѣхали ее за вашу покойную родственницу. Очень она на нее похожа?

— Нельзя выразить, какъ она на нее похожа! Меня ужасъ беретъ, когда я на нее гляжу.

— Зачѣмъ-же вы ее терпите возлѣ себя?

— Ахъ, я и самъ не знаю! Она меня пугаетъ и привлекаетъ, я не въ силахъ ей противиться... Откуда она, кто она? Какъ смѣетъ она быть такъ похожа на другую

— Знаете, сэръ Ричардъ; меня очень интересуеетъ эта покойная Изабелла Дангерфильдъ. Нѣтъ-ли у васъ ея портрета? нѣ-бы хотѣлось видѣть его.

— У меня есть ея портретъ, отвѣчалъ больной, — отворите вотъ этотъ ящикъ, тутъ налѣво лежитъ фотографическій портретъ Изабеллы, снятый за мѣсяцъ до ея смерти.

О'Доннелъ отошелъ съ портретомъ къ окну и долго, внимательно разсматривалъ его.

— Не правда-ли, что его можно принять за портретъ миссъ Эрнкастль? спросилъ Ричардъ.

— Нѣтъ, я этого не скажу, сэръ Ричардъ. — Въ этомъ молодомъ, сіяющемъ, полномъ жизни лицѣ нѣтъ выраженія миссъ Эрнкастль. Знаете-ли, что я думаю?

— Что?

— Если-бъ ваша кузина не умерла, а осталась-бы жива и поклялась-бы мстить своимъ врагамъ, тогда изъ этого лица, что на портретъ, вышло-бы настоящее лицо миссъ Эркастль.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ Ричардъ въ какомъ-то испугѣ.

— Это лицо на портретъ, продолжалъ О'Доннель, — полно скрытыхъ, неразвившихся, непробужденныхъ силъ, могущихъ обратиться, смотря по обстоятельствамъ, и на добро, и на зло. Если-бъ Изабеллѣ Дангерфильдъ судьба послала счастливую жизнь, она была-бы доброй женщиной, примѣрной женой и матерью. Если-же, напротивъ, будущность ея была испорчена, то мнѣ кажется, что она всю жизнь свою употребила-бы на мщеніе тѣмъ, кто ее обидѣлъ. Это лицо носить въ себѣ опасные задатки. Если-бъ только она не умерла, а былъ-бы увѣренъ, что она и миссъ Эркастль одно и то-же лицо.

Сэръ Ричардъ приподнялся, блѣдный и разстроенный.

— Великій Боже!.. О'Доннель, что вы хотите этимъ сказать? вскричалъ онъ.

— Я самъ хорошенько не могу опредѣлить моей мысли... я брожу въ потемкахъ. Скажите, сэръ Ричардъ, — хотя мой вопросъ покажется вамъ нелѣпымъ, — точно-ли нѣтъ сомнѣнія, что Изабелла Дангерфильдъ умерла?

— Какое-же сомнѣніе, когда она похоронена шесть лѣтъ тому назадъ! возразилъ изумленный Ричардъ: — вы можете видѣть ея могилу. Еще-бы не умерла! конечно, умерла! Бѣдная Белла!

Голосъ его прервался; онъ отвернулся и закрылъ лицо руками. Глубокіе вздохи поднимали его грудь. О'Доннель смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Вы были влюблены въ вашу кузину, сказалъ онъ, — а я, напротивъ, думалъ...

— И вы думали справедливо. Я оскорбилъ ее, я поступилъ съ нею, какъ подлецъ, какъ мерзавецъ, и она... она поклялась, что будетъ мстить мнѣ, живая или мертвая... И это слово ея исполняется надо мной...

Истерическія рыданія прервали эти послѣднія слова.

О'Доннель сидѣлъ молча, нахмуривъ брови, и ждалъ окончанія этого припадка. Ричардъ самъ, наконецъ, устыдился своихъ малодушныхъ слезъ.

— Если-бъ вы попробовали побыть на моемъ мѣстѣ, О'Доннель, сказалъ онъ, — вы-бы увидали, легко-ли это. Я знаю, что Изабелла Дангерфильдъ умерла, и между тѣмъ вижу ея призракъ, и буду видѣть его до тѣхъ поръ, пока сойду съума или умру.

О'Доннель пожалъ плечами, посмотрѣлъ на часы и протился съ Ричардомъ. Онъ прошелъ, незамѣченный никѣмъ, черезъ террасу и направился пѣшкомъ къ Кастльфору. Тайна скарсвудскаго замка чрезвычайно занимала его, такъ что онъ рѣшился свернуть съ дороги и зайти на кладбище. Онъ осмотрѣлъ могилу и прочелъ надпись: *Изабелла, 17 лѣтъ. Resurgam.*

„Resurgam — я встану опять!“. Это слово поразило его; при настоящихъ обстоятельствахъ, оно звучало пророческой угрозой. Кому могла придти въ голову такая надпись? Что за новая загадка? Онъ простоялъ тутъ, погруженный въ размышленія, до тѣхъ поръ, пока наступила ночь.

Направившись къ калиткѣ кладбища, онъ внезапно остановился. У самой калитки подъ деревьями стояли мужчина и женщина и тихо разговаривали. Женщина была миссъ Эрикастль; какъ-будто сама судьба наталкивала его на нее.

„Кто-же мужчина? думалъ онъ, отступая за могилу, — неужели Артуръ Тречень? Возможно-ли это?“

Но въ эту минуту онъ увидѣлъ, что ошибся. Незнакомецъ повернулся къ нему лицомъ и этого лица О'Доннель никогда прежде не видалъ. Тутъ явственно раздался голосъ миссъ Эрикастль; она говорила:

— Увѣжайте отсюда, Генрихъ, нынче-же ночью. Довольно того, что васъ видѣли въ Кастльфорѣ что бы на всѣхъ перекресткахъ говорить объ этомъ. Я не звала васъ сюда; я только написала вамъ, что Мари де-Ланзакъ находится здѣсь; но я не ожидала, что, вмѣсто отвѣта, вы прѣдете сами. Прощайте, ваше присутствіе разстроиваетъ мои планы.

Незнакомецъ что-то тихо сказалъ ей и она отвѣчала:

— Чтобъ я отказалась отъ этого теперь, послѣ всего, что я выстрадала, послѣ всего, что я уже сдѣлала? Никогда. Вы-бы должны лучше знать меня. Въ чемъ я повлялась, то я исполню; а тамъ — что будетъ, то будетъ. Прощайте, другъ мой, мой вѣрный, единственный другъ! повѣжайте въ Лондонъ.

Съ этими словами она опустила на лицо вуаль и они разошлись въ разныя стороны.

Капитанъ О'Доннель стоялъ какъ пораженный громомъ. Что значило имя его сестры, Мари де-Ланзакъ, въ устахъ миссъ Эрнкастль? Какое дѣло было этому человѣку до того, гдѣ находится Мари де-Ланзакъ? О'Доннель терялся въ догадкахъ и тревога его возрастала.

Кто-же эта миссъ Эрнкастль, дѣйствующая и приготовляющая удары въ потьмахъ? Онъ еще разъ взглянулъ на могилу. Точно ли погребена въ ней Изабелла Дангерфильдъ?

— Я это узнаю, сказалъ онъ про себя, — я узнаю, призракъ-ли воображенія видѣлъ сэръ Ричардъ или живую женщину. А главное, надо узнать, какую роль играетъ тутъ имя Мари де-Ланзакъ.

ГЛАВА XI.

Сесилія только-что выдержала сцену упрековъ отъ своего отца, приходившаго въ отчаяніе, что она выпускаетъ изъ рукъ драгоценнаго жениха и добровольно отдаетъ его гувернанткѣ. Еще вся взволнованная, она вошла въ гостиную, гдѣ были зажжены лампы, и увидала миссъ Эрнкастль за работой и возлѣ нея Артура Тречена. Тутъ сидѣлъ также лордъ Тальботъ, разговаривая съ миссъ О'Доннель. Брата ея не было и Сесилія была этому рада, послѣ язвительныхъ замѣчаній отца. Леди Дангерфильдъ, за особеннымъ столомъ, играла въ карты вдвоемъ съ майоромъ Фарландомъ. Надо сказать, что теперь она относилась снисходительно къ пребыванію гувернантки въ гостиной, потому что недавно открыла въ ней неоцѣненный талантъ — великолѣпно вышивать по кисеѣ и умѣть устраивать отдѣлку платья съ необыкновеннымъ вкусомъ.

Лордъ Клейвъ, вошедшій вмѣстѣ съ дочерью, которая сѣла играть на роялѣ, походилъ по комнатѣ и остановился возлѣ миссъ Эрнкастль.

— Какъ вы прилежно работаете, замѣтилъ онъ, — а сэръ Артуръ еще прилежнѣе смотритъ на васъ. Онъ не беретъ-ли у васъ уроки вышиванія?

Артуръ покраснѣлъ, частью отъ досады, частью отъ смущенія. Онъ самъ чувствовалъ свое фальшивое положеніе. зналъ, что всѣ ожидаютъ отъ него предложенія леди Сесиліи, и, въ самомъ дѣлѣ, его молчаніе было очень странно послѣ того начала, которое было уже имъ сдѣлано въ розовомъ будуарѣ. Но онъ не могъ совладать съ собою; что-то неотразимое влекло его къ миссъ Эрнкастль.

Она, нисколько не смутившись отъ колкаго замѣчанія Клейва, равнодушно улыбулась и потянулась за своимъ рабочимъ ящичкомъ. Съ намѣреніемъ или нечаянно это сдѣлалось, но ящичекъ выскользнулъ у нея изъ рукъ; кисей, кружева и мотки нитокъ разронялись по полу и между ними какая-то твердая, плоская вещь. Артуръ поднялъ ящикъ и кружева, а лордъ Клейвъ вещь. Это былъ миніатюрный портретъ, писанный на слоновой кости и вдѣланный въ дорогую рамку. При взглядѣ на этотъ портретъ на лицѣ лорда Клейва выразилось сильнѣйшее изумленіе; онъ обернулся къ миссъ Эрнкастль и пристально, серьезно посмотрѣлъ на нее.

Она, не смигнувъ, выдержала его взглядъ и спокойно протянула руку, чтобъ взять портретъ.

Но Клейвъ удержалъ его и сказалъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Извините мой дерзкій вопросъ: откуда у васъ этотъ портретъ?

— Этотъ портретъ? А развѣ вы знаете, чей онъ?

— Знаю, миссъ Эрнкастль.

— О, такъ скажите мнѣ, потому что я не знаю и всегда желала знать, возразила она.—Этотъ портретъ случайно попалъ ко мнѣ отъ одной дамы—м-съ Вавазоръ.

— Вавазоръ? это фамилія очень обыкновенная; но странно, что какая-нибудь м-съ Вавазоръ могла имѣть этотъ портретъ.

— Такъ вы знаете оригиналъ его?

— Конечно. Это портретъ Ліонеля Кардонеля, брата моей покойной жены, который теперь находится въ Квебекѣ. Могу я, въ свою очередь, спросить васъ, кто была эта м-съ Вавазоръ и какъ у нея очутился портретъ?

Миссъ Эрнкастль встрѣтила его подозрительный и наблюдающій за нею взглядъ съ полнымъ спокойствіемъ.

— Къ сожалѣнію, я не могу отвѣчать на оба эти вопроса, сказала она: — я познакомилась съ м-съ Вавазоръ шесть лѣтъ тому назадъ, въ одноѣ семействѣ, гдѣ я давала уроки. Одинъ разъ она спѣшила куда-то ѣхать и просила меня отдать починить сломавшуюся рамку этого портрета. Послѣ того я ее не видала; ей пришлось по какимъ-то дѣламъ ѣхать во Францію. Знакомые ея не хотѣли брать портрета и такъ онъ остался у меня до востребованія. Я не знала, чей онъ, только она сказала мнѣ шутя, что это портретъ ея бывшаго жениха.

Миссъ Эрнкастль вдѣла нитку въ иголку и принялась опять за вышиваніе. Клейвъ выслушалъ ее въ глубокомъ молчаніи. Разсказъ ея былъ какъ нельзя болѣе вѣроятенъ, но онъ не вѣрилъ ни одному ея слову.

— Какова была наружность этой м-съ Вавазоръ? спросилъ онъ, отдавая назадъ портретъ.

— Маленькая ростомъ, брюнетка, не первой молодости, довольно хорошенькая и не похожа на англичанку. Ее звали Гарриета.

— Гарриета? а, понимаю!.. Это была Гарриета Ленормъ или Гарриета Гартманъ, какъ она послѣ называлась. Я такъ и подумалъ на нее съ самаго начала.

Съ этими словами лордъ Клейвъ отошелъ отъ нихъ и скрылся.

— А вы, сэръ Артуръ, спросила миссъ Эрнкастль, — знали этого Лιονеля Кардонеля? Впрочемъ, это было давно; вы были слишкомъ молоды.

— Его я никогда не видалъ, но слышалъ о немъ много, особенно исторію его любви съ этой Гарриетой.

— А сестру его, леди Клейвъ, вы знали?

— Нѣтъ, также не зналъ. Она умерла, когда леди Сесилии не было еще шести недѣль. Но портретовъ ея я видалъ много.

— Леди Сесилия, вѣрно, похожа на нее? Если такъ, то она, должно быть, была красавица?

— О нѣтъ, леди Сесилия нисколько на нее не похожа. Знаете-ли, миссъ Эрнкастль, какъ ни странно вамъ это покажется... *вы* похожи на леди Клейвъ!

— Развѣ это возможно, сэръ Артуръ?

— Увѣряю васъ; самъ лордъ Клейвъ былъ пораженъ этимъ сходствомъ, и леди Сесилия также это находить по портрету ма-

тери. Есть что-то чрезвычайно общее въ выраженіи, въ посадкѣ головы и въ глазахъ. Однимъ словомъ, вы больше похожи на леди Клейвъ, чѣмъ ея родная дочь.

Несмотря на все самообладаніе миссъ Эрнкастль, вышиваніе упало изъ ея рукъ и она повернулась лицомъ къ окну, устремивъ глаза на розы и лиліи цвѣтника. Нѣсколько минутъ она молчала; потомъ заговорила, улыбаясь:

— Что за странное у меня лицо, что всѣ находятъ во мнѣ сходство съ кѣмъ-нибудь! Вотъ, говорятъ, я похожа на покойную кузину сэра Ричарда.

— Это сходство еще сильнѣе, возразилъ Артуръ:— всѣ, кто ее зналъ, почти пугаются васъ.

Миссъ Эрнкастль опять взяла портретъ и стала разсматривать его.

— Такъ этотъ красивый офицеръ братъ леди Клейвъ? сказала она;— желала-бы я знать его исторію. Удовлетворите мое любопытство, сэръ Артуръ... Во-первыхъ, скажите, правда-ли, что онъ хотѣлъ жениться на этой... Гарриетѣ Ленормъ?

— Да, я слышала, что это такъ было.

— И правда-ли, что этой свадьбѣ помѣшала сестра его, леди Клейвъ, завезла Гарриету въ какую-то трущобу и оставила тамъ а брата своего, между тѣмъ, отправила въ Индію?

— О, да она вамъ все рассказала, я вижу, отвѣчалъ Артуръ;— скажите откровенно, это былъ не совсѣмъ хорошій поступокъ со стороны миледи.

— Какъ? вскричала миссъ Эрнкастль, — вы осуждаете ее за то, что она спасла брата и не допустила его погубить себя женьбой на такой женщинѣ?

Артуръ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Конечно, она была ниже его по званію, сказалъ онъ, — она была горничной у его сестры; но они искренно любили другъ друга и никто не зналъ за ней ничего дурного. Хотя и говорятъ, что цѣль оправдываетъ средства, но я въ этомъ сомнѣваюсь. Неужели человѣкъ не имѣетъ права выбирать себѣ жену изъ какого хочеть круга общества?

Это былъ щекотливый предметъ. Лицо Треченъ вспыхнуло, когда онъ говорилъ это.

— Вопросъ не въ томъ, возразила миссъ Эрнкастль, приня-

маясь снова за работу, — я повторяю, что для м-ра Кардонеля было счастьем избѣжать брака съ этой женщиной. Я знаю, что она надѣлала много зла людямъ, отъ которыхъ она не видѣла ничего худого. Что-же, послѣ того она помирилась съ леди Клейвъ или нѣтъ?

— Да; леди Клейвъ дала ей приданое и выдала ее замужъ за купца... кажется его фамилія была Гартманъ. Но онъ умеръ черезъ годъ послѣ свадьбы и оставилъ жену съ новорожденнымъ ребенкомъ.

— И, вѣроятно, леди Клейвъ не оставила ее? спросила миссъ Эрнкастль.

— Тутъ случилась исторія съ самой леди Клейвъ, сказалъ Артуръ, помолчавъ.—Я не ручаюсь за достовѣрность всего этого, но вотъ что я слышалъ отъ моего отца. Леди Клейвъ была ревнива до безумія... однажды она поссорилась съ мужемъ такъ, что убѣжала изъ его дома и не хотѣла возвращаться. Она нашла пріютъ у своей бывшей горничной и, въ ту-же ночь, какъ она пришла къ ней, у нея родился ребенокъ—дочь; а на другой день она умерла на рукахъ Гарриеты Гартманъ.

Опять работа выпала изъ рукъ миссъ Эрнкастль; глаза ея расширились, губы раскрылись.

— Что случилось съ ребенкомъ? прошептала она едва слышно.

— Ребенка оставили у м-съ Гартманъ. Лордъ Клейвъ щедро заплатилъ ей за уходъ за дочерью—это была леди Сесилія,—а самъ уѣхалъ за-границу развлекаться отъ смерти жены. Спустя два года послѣ того м-съ Гартманъ написала ему, чтобъ онъ пріѣзжалъ за дочерью, потому что она намѣрена переселиться во Францію. Тогда онъ возвратился въ Англію и взялъ къ себѣ леди Сесилію.

— А у м-съ Гартманъ была также дочь? спросила миссъ Эрнкастль.

— Да, такихъ-же лѣтъ дѣвочка. Она увезла ее съ собой во Францію. Однако, миссъ Эрнкастль, леди Сесилія перестала играть; не сядете-ли вы на ея мѣсто? я-бы желалъ услышать вашу несравненную игру.

Она тотчасъ встала и пошла играть; онъ сидѣлъ возлѣ нея, упиваясь звуками. Кончивъ блестящую піесу, она встала и, въ первый разъ, подала ему руку сама.

— Покойной ночи, сэръ Артуръ. Благодарю васъ; вы сегодня вечеромъ оказали мнѣ большую услугу.

— Большую услугу? я не понимаю васъ, миссъ Эрнкастль, сказалъ онъ, удерживая ея руку въ своихъ.

Она только улыбнулась и пошла своей величавой походкой черезъ гостиную. Лордъ Клейвъ и леди Сесилія видѣли это многозначительное прощаніе и оба покраснѣли: онъ—отъ гнѣва, она—отъ чувства, которое сама не могла опредѣлить.

Миссъ Эрнкастль ушла въ свою комнату, но не легла въ постель. Ея блѣдныя щеки теперь пылали; она подошла къ окну, чтобъ освѣжиться.

— Наконецъ, наконецъ! мысленно повторяла она, — теперь я знаю все, что мнѣ надо дѣлать; мой часъ насталъ.

Она пристально смотрѣла въ окно, но ничего не видала передъ собою. Ея лица нельзя было узнать.

ГЛАВА XII.

— Я говорю вамъ, миледи, что вы не поѣдете на этотъ маскарадъ.

— А я вамъ говорю, сэръ, что я поѣду.

— Леди Дангерфильдъ, я повторяю вамъ, что не хочу, чтобъ вы ѣхали къ этой женщинѣ, потому что у нея сомнительная репутація, и притомъ неприлично вамъ одѣваться въ мужское платье.

— Я вамъ въ десятый разъ повторяю, сэръ Ричардъ, что такъ-же вѣрно, какъ я здѣсь стою, я послѣ завтра поѣду на вечеръ къ м-съ Эверлейгъ въ костюмъ пажъ.

Разговоръ этотъ происходилъ между супругами Дангерфильдъ. Они стояли другъ противъ друга блѣдныя, задыхаясь отъ гнѣва.

„Что съ нимъ? онъ съ ума сошелъ! вертѣлось въ головѣ Джиневры:—этого прежде никогда не было!“

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ Ричардъ поправился послѣ своей болѣзни, съ нимъ произошелъ какой-то переворотъ. Или первы его были въ возбужденномъ состояніи, или что другое, но уединеніе вдругъ сдѣлалось для него невыносимымъ. Онъ бросилъ свои занятія ботаникой и бабочками и сталъ постоянно искать общества. Но въ обществѣ онъ не довольствовался быть простымъ

зрителемъ, а вмѣшивался во все, и, между прочимъ, вздумалъ ревновать свою жену къ маюру Фаркланду.

Конечно, это была не ревность, потому что онъ не любилъ свою жену, но это былъ духъ прѣтворчїя, упрямства и самолюбїя, который, при характерѣ Ричарда, могъ довести его до высшей степени раздраженїя и злобы. Въ первый разъ обративъ вниманїе на ухаживанїе—впрочемъ, платоническое—маюра Фаркланда за Джиневрой, на ихъ шопотъ, смѣхъ и веселый видъ, когда они были вмѣстѣ. Ричардъ почувствовалъ терзанїя зависти къ чужому счастью и желанїе какъ-нибудь разстроить это счастье.

Предлогомъ къ этому послужилъ предполагаемый маскарадъ у м-съ Эверлейгъ. Это была очень богатая, веселая и легкомысленная дама въ разводѣ съ мужемъ, почему высшее общество смотрѣло на нее косо и не хотѣло съ ней знаться. Но Джиневра на это не смотрѣла; она подружилась съ м-съ Эверлейгъ и онѣ вмѣстѣ придумали этотъ маскарадъ. Рѣшено было нарядить маюра Фаркланда „вождемъ Ларой“ въ черномъ бархатѣ и въ токъ съ перьями, а Джиневра должна была представлять пажа Лары — Каледа.

Никто не сообщалъ объ этомъ проектѣ Ричарду; но онъ какимъ-то образомъ подслушалъ и разузналъ все и въ бѣшенствѣ пришелъ въ комнату миледи. Можно судить, каковы были изумленїе и гнѣвъ Джиневры.

— Я поѣду, поѣду! говорила она, топая ногами, внѣ себя:— не дурачьте сами себя, сэръ Ричардъ, и такъ уже надъ вами всѣ смѣются! Какъ вы смѣете вмѣшиваться въ мои дѣла? Убирайтесь къ вашимъ бабочкамъ, къ лягушкамъ, къ призракамъ!.. Ступайте въ игорный домъ... Вы думаете я не знаю, что вы тамъ были въ ту ночь, какъ вамъ привидѣлись разные мертвецы и гадости?

Желтое лицо Ричарда вспыхнуло; молнїя бѣшенства сверкнула въ его глазахъ. Онъ скрестилъ свои худыя руки на груди и сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Такъ вы несмотря ни на что хотите ѣхать въ мужскомъ платьѣ къ этой женщинѣ? Вспомните, что у васъ почти большїя дѣти и что вамъ тридцать пять лѣтъ!

Это было уже слишкомъ. Джиневра сначала онѣмѣла отъ гнѣва; потомъ закричала не помня себя:

— И вы смѣете мнѣ это говорить, вы!.. Вы ждете! тридцать пять лѣтъ! Съ чего вы это взяли? Мнѣ въ нынѣшнемъ году минетъ только тридцать одинъ. Теперь я нарочно поѣду, нарочно, нарочно!

— И съ маіоромъ Фаркландомъ?

— Да, съ маіоромъ Фаркландомъ, который не позволитъ себѣ такъ безсовѣстно лгать, будто мнѣ тридцать пять лѣтъ. Я поѣду съ нимъ!

— Очень хорошо, леди Дангерфильдъ, сказалъ Ричардъ, и голосъ его зазвучалъ такъ глухо и злобѣще, что она невольно вздрогнула. — Теперь выслушайте, что я вамъ скажу. Если вы поѣдете къ м-съ Эверлейгъ съ этимъ человѣкомъ и въ этомъ платьѣ, то и оставайтесь у м-съ Эверлейгъ. Назадъ не возвращайтесь. Поѣзжайте, я вамъ не мѣшаю, только не смѣйте возвращаться. Скарсвудъ мой! Хозяйки Скарсвуда всегда были честными женщинами, и я не потерплю, чтобъ вы безчестили его кровлю вашимъ поведеніемъ. Клянусь, что этого не будетъ!

Говоря эти слова, сэръ Ричардъ былъ страшенъ: смѣяться надъ нимъ и презирать его нельзя было въ эту минуту. Онъ повернулся и вышелъ прежде, чѣмъ остолбенѣвшая Джиневра могла опомниться. Она провела рукою по лбу. На яву или во снѣ это было? Точно-ли это говорилъ безгласный, забытый Ричардъ Дангерфильдъ? вѣрить-ли ей своимъ ушамъ?

Посреди своихъ размышлений она замѣтила, что въ комнатѣ находится миссъ Эрнкастль, почти такъ-же изумленная, какъ она сама, выходкой Ричарда.

— Прекрасно! вы подслушивали? накинулась она на нее.

— Я не подслушивала, спокойно отвѣчала та. — Вы приехали мнѣ прійти сказать вамъ, когда костюмъ будетъ готовъ; я и пришла.

Уже нѣсколько дней миссъ Эрнкастль не занималась ничѣмъ другимъ, кромѣ придумыванія и приготовленія костюма для миссис. Мысль о костюмѣ пажа принадлежала ей; она отыскала картинку, которая восхитила Джиневру, и съ тѣхъ поръ она во всемъ совѣтовалась съ миссъ Эрнкастль и возила ее съ собой въ городъ для покупки бархата, кружевъ и перьевъ. Маіоръ Фаркландъ, съ своей стороны, поѣхалъ въ Лондонъ заказывать себѣ костюмъ.

— Вы говорите, что все готово? спросила Джиневра оживляясь;—ну, пойдите примѣрять.

Онѣ вошли въ уборную. Тамъ, на диванѣ, обольстительно красиво, разостланъ былъ костюмъ изъ алаго атласа, чернаго бархата, золотой бахромы и бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ.

У Джиневры все вылетѣло изъ головы, глаза ея засіяли и вздохъ наслажденія вырвался изъ груди.

— О, миссъ Эрнкастль! съ какимъ вкусомъ это сдѣлано... я ничего лучше не видывала! И этотъ безтолковый Ричардъ смѣетъ говорить, чтобъ я этого не надѣвала! Причешите меня теперь по картинкѣ, миссъ Эрнкастль, и тогда я примѣрю.

Искусные пальцы миссъ Эрнкастль въ мигъ убрали волосы миледи.

— Не смотрите теперь въ зеркало, сказала она ей: — лучше тогда, когда совсѣмъ одѣнетесь.

Онѣ заперли дверь; воцарилось глубокое, торжественное молчаніе, прерываемое только шелестомъ шелка и бархата. Граціозное тѣло Джиневры постепенно облекалось въ шелковые чулки, башмаки съ пряжками, шелковые панталоны, алый камзолъ съ брилліантовыми пуговицами, обшитый золотой бахромой, и короткую черную бархатную мантию, обведенную по краямъ алымъ шнуркомъ. Послѣ всего былъ надѣтъ на взбитые волосы маленький беретъ съ длинными страусовыми перьями, свѣспивающимися на плечо и прикрѣпленными брилліантовымъ аграфомъ. Небольшая рапира въ серебряныхъ ножнахъ довершала костюмъ.

Въ такомъ видѣ миледи увидѣла себя въ зеркалѣ, — какъ будто не себя, а какое-то волшебное, невыразимо прелестное, юное созданіе. Она не въ состояніи была произнести ни слова отъ восторга и смотрѣла на себя въ безмолвномъ экстазѣ.

— И онѣ смѣлъ сказать, что мнѣ тридцать пять лѣтъ! было первое слово, вырвавшееся у нея.

Но когда она раздѣлась, воспоминаніе о словахъ мужа стало опять беспокоить ее и она повѣрила миссъ Эрнкастль свои сомнѣнія и недоумѣнія, спрашивая у нея, неужели возможно пожертвовать такимъ баломъ и такимъ костюмомъ?

— Есть очень простое средство все уладить, отвѣчала та, выслушавъ. — Дѣйствительно, опасно раздражать сэра Ричарда: онѣ упрямятъ и можетъ рѣшиться на всякую крайность.

— Какъ! вы хотите сказать, чтобъ я не ѣхала?

— Нѣтъ; надо только, чтобъ вашъ мужъ не зналъ, что вы ѣдете. Нѣтъ ничего легче, какъ обмануть его. Когда онъ отправится въ постель, вы поѣдете на балъ и онъ никогда этого не узнаетъ.

— Какъ-же сдѣлать, чтобъ онъ не узналъ?

— Вотъ какъ. Напишите маіору Фаркланду, что когда онъ пріѣдетъ изъ Лондона, то не показывался-бы въ Скарсвудъ, а остался въ Кастльфорѣ. Потомъ вы можете сказать сэру Ричарду, что отложили намѣреніе ѣхать въ маскарадъ, по той причинѣ, что маіора задержали въ Лондонѣ дѣла и у васъ нѣтъ кавалера. Сначала онъ, конечно, не повѣритъ, но когда увидитъ, что маіоръ Фаркландъ не пріѣзжаетъ и вы спокойно идете спать, то всѣ подозрѣнія его разсѣются. А вы, придя въ вашу комнату, одѣнетесь и поѣдете къ м-съ Эверлейгъ и велите кучеру васъ дожидаться. Маіоръ Фаркландъ встрѣтитъ васъ тамъ и войдетъ вмѣстѣ съ вами.

Миледи вѣжательно слушала.

— Эта идея хороша, сказала она:—вы это славно придумали. Какая вы находчивая!

Миссъ Эрнкастль иронически улыбулась на этотъ комплиментъ и продолжала:

— Если вы напишете маіору Фаркланду, миледи, то, если вамъ угодно, я сама отнесу письмо на почту сейчасъ-же и тогда онъ получитъ его завтра утромъ.

Она поставила передъ Джиневрой чернилицу и подала ей бумагу, и та, сама не замѣчая, что уступаетъ ея волѣ, написала письмо, въ которомъ подробно рассказала все, что произошло и что она задумала сдѣлать.

Лишь только письмо было запечатано, какъ миссъ Эрнкастль, уже надѣвшая шляпу и мантилью, взяла его, положила въ карманъ и вышла съ нимъ изъ дому.

По ея уходѣ Джиневра опомнилась и въ душѣ ея проснулось смутное недовѣріе къ миссъ Эрнкастль, которую она вовсе не любила.

„Что значать ея необыкновенная услужливость и предупредительность? думала она: — къ чему она вызвалась сама нести письмо? Ужь не задумала-ли она изобличить меня передъ сэромъ

Ричардомъ и рассказать ему все? Онъ тогда взбѣсится и пожалуй...“

Она вспомнила со страхомъ его угрозу, его лицо и тонъ, нагнавшіе на нее ужась.

„Лучше-бы было все это оставить. Что, если онъ вадумаетъ сдержать слово?.. Боже мой, что будетъ тогда со мной! Ахъ, лучше неѣхать. Онъ такъ золь и такъ упрямя, когда разсердится...“

Глаза ея упали на блестящій костюмъ, разложенный на диванѣ, и мысли ея опять перемѣнились.

„Нѣтъ, это невозможно. Другого такого случая не будетъ во всю жизнь. Нельзя бросить такой костюмъ, въ которомъ я кажусь семнадцатилѣтней. Нѣтъ! пусть будетъ, что будетъ. Миссъ Эрнкастль нѣтъ никакого интереса измѣнять мнѣ; мы съ ней вмѣстѣ одурачимъ этого ревниваго, противнаго карлика; а если онъ узнаетъ объ этомъ въ послѣдствіи, то его храбрый духъ уже усмирится къ тому времени. Онъ такъ безхарактеренъ. Тридцать пять лѣтъ!.. ненавистное чудовище! какъ у него повернулся языкъ!“

ГЛАВА XIII.

Миссъ Эрнкастль возвращалась изъ города, куда относилась письмо, уставшая, по палящему солнцу, и въ концѣ аллеи встрѣтилась съ сэромъ Ричардомъ и капитаномъ О’Доннелемъ. Изъ всего общества Ричардъ охотнѣе разговаривалъ съ нимъ. Оба они поклонились гувернанткѣ, когда она проходила мимо, и Ричардъ, подозрительно смотря ей вслѣдъ, сказалъ:

— Гдѣ она была? куда она все ходитъ такъ таинственно?

— Я хотѣлъ просить васъ, сэръ Ричардъ объяснить мнѣ одно обстоятельство, сказалъ О’Доннель. — Разсматривая фотографическій портретъ Изабеллы Дангерфильдъ въ увеличительное стекло, я открылъ у нея на лѣвомъ вискѣ какой-то знакъ, въ родѣ шрама. Это у нея было отъ рожденія?

— Нѣтъ, это знакъ отъ ушиба, когда ее везли маленькую по желѣзной дорогѣ и тамъ случилось несчастье съ вагонами.

— Я полагаю, сказалъ О’Донпель. — что если этотъ шрамъ сохранился у нея до семнадцати лѣтъ, то не могъ-бы уничтожиться и въ послѣдствіи?

— Конечно; но какой-же въ этомъ интересъ?

— Нѣтъ, я такъ подумалъ... Вы говорили мнѣ, сэръ Ричардъ, что она умерла въ домѣ нѣкоего Отиса, доктора... Онъ живъ и теперь?

— Не знаю, но думаю, что живъ.

— Его звали Генрихъ?

— Да, Генрихъ Отисъ.

— Онъ высокій, бѣлокурый, довольно худой?

— Да, да. Развѣ вы его видѣли?

— Должно быть видѣлъ. Такъ она умерла въ его домѣ и онъ хоронилъ ее? А еще кто былъ при этомъ?

— Не помню теперь. Тогда говорили, что онъ былъ влюбленъ въ Изабеллу и убивался по ней. Онъ самъ похоронилъ ее и поставилъ ей памятникъ.

— А! такъ это онъ ставилъ памятникъ и придумалъ надпись!.. Онъ жилъ одинъ?

— Нѣтъ, съ матерью.

— А слуги у нихъ были?

— Для чего вамъ это, О'Доннель?

— Для того, это если-бъ я зналъ кто у нихъ служилъ въ то время, я разспросилъ-бы этого человѣка обо многомъ. Скажите мнѣ еще, что за мѣсто Пустая Лощина кто тамъ живетъ?

— Мѣсто это слыветъ очень дурнымъ; тамъ слышатся какіе-то вопли и стоны по ночамъ; а живетъ тамъ старуха Ганна Герисъ, бывшая кормилица Изабеллы Дангерфильдъ.

— Бывшая кормилица! такъ вотъ оно что! вослигнулъ О'Доннель и значительно засвисталъ.

— Что такое? что вы думаете? спросилъ Ричардъ съ беспокойствомъ.

— Теперь я вамъ ничего не могу сказать, сэръ Ричардъ, отвѣчалъ О'Доннель, положивъ руку ему на плечо, — но я начинаю уже разгадывать загадку, хотя еще смутно и неясно. Потерпите, вѣроятно, скоро все разъяснится.

Онъ пошелъ одинъ въ домъ и прямо съ балкона вошелъ въ библіотеку. Она была пуста и темна отъ спущенныхъ зеленыхъ занавѣсей и какъ нельзя болѣе благопріятствовала уединеннымъ размышленіямъ.

О'Доннель опустился на диванъ и хотѣлъ облокотиться рукой

на подушку, но вдругъ вскочилъ въ изумленіи. На противоположномъ отъ него диванѣ, закинувъ голову на спинку, крѣпко спала миссъ Эрнкастль. Ясно, что войдя сюда уставшая, прямо съ палящаго жара, она соблазнилась прохладой и темнотою комнаты и сѣла на диванъ отдохнуть. По ея позѣ видно было, что она заснула неожиданно для себя самой. Шаги О'Доннеля были не слышны на мягкомъ коврѣ и не могли разбудить ее.

Послѣ первой минуты изумленія О'Доннель тихо подошелъ къ спящей и пытливо сталъ смотрѣть въ ея лицо. Шляпа ея лежала возлѣ, на диванѣ, волосы откинулись назадъ, руки распались въ утомленіи. Сонъ ея не былъ спокоенъ, потому что тонкія брови двигались и выраженіе лица измѣнялось.

— Кто-же она—эта удивительная женщина? Точно-ли Эленъ Эрнкастль изъ Лондона, или... или...

О'Доннель протянулъ руку и тихо приподнялъ прядь волосъ, закрывавшую лѣвый високъ, такъ-какъ прическа миссъ Эрнкастль не допускала его видѣть... Почти тотчасъ онъ отшатнулся, весь вздрогнувъ, едва дыша. Онъ увидаль шрамъ на вискѣ, точно такой-же треугольный шрамъ, какой былъ на портретѣ Изабеллы. Кромѣ того, когда онъ приподнялъ ей волосы кверху, лицо ея стало гораздо моложе и, какъ двѣ капли, похожее на портретъ. О'Доннель стоялъ пораженный своимъ открытіемъ и дико смотрѣлъ на спящую. Магнетизмъ этого взгляда тотчасъ подѣйствовалъ на нее; глаза ея раскрылись и она увидѣла прямо передъ собою блѣдное, разстроенное лицо О'Доннеля.

Нѣсколько минутъ оба они молчали.

Наконецъ, она приподнялась и, не сводя съ него глазъ, тихо спросила:

— Что вамъ нужно?

Звукъ ея голоса вывелъ его изъ оцѣпененія; онъ перевелъ духъ и далъ себѣ слово быть какъ можно осторожнѣе: борьба съ такой женщиной была не легка.

— Я пробовалъ надъ вами силу животнаго магнетизма, миссъ Эрнкастль, сказалъ онъ холодно;—я нашелъ васъ спящею и захотѣлъ, чтобъ вы проснулись. И вы повиновались моей волѣ... Можетъ быть, это нѣсколько безцеремонно съ моей стороны, но искушеніе было слишкомъ сильно. У васъ самихъ такая сильная воля, что всякому лестно покорить ее себѣ.

Легкая краска выступила на блѣдныхъ щекахъ миссъ Эрикастль. Ея большіе сѣрые глаза пронизательно устремились на него съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. Но самообладаніе уже сдѣлалось для нея второй натурой и она возразила съ улыбкой:

— Жаль, что вы, капитанъ О'Доннель, расходуете свою магнетическую силу на *меня*. Леди Сесилія Клейвъ была-бы для васъ болѣе интереснымъ предметомъ наблюденія.

— Почему-же? сказалъ небрежно О'Доннель, садясь въ кресла, — въ жизни леди Сесилии нѣтъ ничего таинственнаго, возбуждающаго живой интересъ, тогда-какъ вы составляете загадку для цѣлаго дома.

— Я этого не знала.

— Какъ не знали? Развѣ не таинственно ваше сходство съ Изабеллой Дангерфильдъ? А ваши ночныя путешествія въ Пустую Лощину? Вы, видно, не боитесь тамошнихъ домовыхъ? Наконецъ, вашъ послѣдній непонятный поступокъ: свиданіе на кладбищѣ съ таинственнымъ джентльменомъ?

Мрачный огонь сверкнулъ въ ея глазахъ, но она промолчала.

— Я даже знаю, кто этотъ джентльменъ, продолжалъ О'Доннель, — это бывший кастльфорскій докторъ Генрихъ Отисъ, тотъ самый человекъ, изъ дома котораго вынесли хоронить Изабеллу Дангерфильдъ.

На этотъ разъ она вся измѣнилась въ лицѣ; смертельная блѣдность разлилась по немъ отъ лба и до шеи; на одну минуту безстрастные глаза ея опустились... но только на минуту. Она быстро оправилась и сказала вызывающимъ тономъ:

— Дальше что?

— О, совершенно ничего. Сначала я было-принялъ этого господина за Артура Тречена и, признаюсь, мнѣ очень неприятно было думать, что онъ способенъ на безчестный поступокъ.

— Вы считаете, что свиданіе со мною было-бы безчестнымъ поступкомъ со стороны лорда Тречена?

— Да, если-бы это было любовное свиданіе. Какъ обрученный женихъ леди Сесилии, онъ не долженъ поступать такъ.

— Обрученный женихъ леди Сесилии Клейвъ? повторила отчетливо миссъ Эрикастль; — съ чего вы взяли это, капитанъ

О'Доннель? Онъ никогда не былъ обрученъ съ нею и никогда не будетъ—за это я вамъ ручаюсь!

Молнія торжества сверкнула въ ея глазахъ. О'Доннель посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и поблѣднѣлъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? Развѣ эта свадьба не была уже рѣшена нѣсколько лѣтъ тому назадъ?

— Никогда! не было не только лѣтъ, но ни одного дня въ его жизни, когда-бы онъ считалъ себя связаннымъ съ леди Сесиліей. Онъ никогда не былъ для нея тѣмъ, чѣмъ вы были, капитанъ О'Доннель, — любимымъ ею человекомъ... Вы видите, что я знаю этотъ романтическій эпизодъ вашей любви въ Ирландіи... Я знаю все про васъ и про нее!..

Она забылась. Въ словахъ ея звучали страсть и волненіе, которыя изумили-бы всякаго другого, но лицо Раймонда О'Доннеля приняло ледяное выраженіе. Онъ скорѣе повѣрилъ-бы, что миссъ Эрнкастль сдѣлалась англійской королевой, чѣмъ тому, что она—невѣдомо для самой себя—полюбила его.

— Напрасно вы вмѣшиваєте имя леди Сесилии въ этотъ разговоръ, сказалъ онъ:—въ ея жизни не было ни одной страницы, которую не могъ-бы читать каждый.

— Въ самомъ дѣлѣ? О, какое мнѣ приходитъ искушеніе, если-бъ вы знали, м-ръ О'Доннель!..

— Какое? спросилъ онъ; его презрительный взглядъ, его холодный тонъ рѣзали ее, какъ ножомъ:—отнять у нея лорда Тречена и сдѣлать его несчастнымъ на всю жизнь? Это, конечно, вы можете сдѣлать, но что-же изъ этого? Если вы думаете, что онъ женится на васъ—на женщинѣ, имѣющей причины скрывать свое прошлое—то вы совершенно его не знаете. Артуръ Тречень человекъ гордый; онъ, конечно, можетъ жениться на гувернантѣ, но никогда на авантюристкѣ.

— Капитанъ О'Доннель! вскричала она, задыхаясь.

— Вы вынудили меня сказать вамъ это, миссъ Эрнкастль; и я скажу вамъ также, что я приложу всѣ старанія, чтобы открыть ваше прошлое и сообщить ему.

Никакой судья не могъ-бы произнести болѣе рѣзкаго и безапелляціоннаго приговора болѣе суровымъ и непреклоннымъ тономъ.

Огонь гнѣва потухъ въ глазахъ миссъ Эрнкастль; она какъ-то

беспомощно опустилась на спинку дивана, сложила руки на колѣняхъ и посмотрѣла на него.

— М-ръ О'Доннель, что я сдѣлала вамъ, что вы преслѣдуете меня, какъ охотникъ звѣря?

Въ голосъ и взглядъ ея было столько унынія, столько сдержаннаго отчаянія, что онъ былъ потрясенъ противъ воли.

— Я уже разъ говорилъ вамъ, миссъ Эрнкастль, что ничего не имѣю лично противъ васъ, отвѣчалъ онъ болѣе мягко;—мнѣ нѣтъ никакой охоты играть роль сыщика; но я уважаю лорда Тречена и не хочу видѣть его обманутымъ. Вы уже довольно внесли сюда раздора; удовольствуйтесь этимъ и оставьте этотъ домъ. Тогда вы можете быть увѣрены, что я никому не отерю того, что я подозрѣваю. Ради Бога уѣзжайте; дайте вздохнуть несчастному сэру Ричарду!.. и если я могу быть полезенъ вамъ въ чемъ-нибудь, то приказывайте. Но помните, что всѣ эти темныя махинаціи должны кончиться; иначе...

— Иначе вы объявите мнѣ войну, м-ръ О'Доннель? Вы употребите всѣ силы своего ума и духа на то, чтобы повредить насколько возможно бѣдной женщинѣ, которая не сдѣлала вамъ никакого зла?.. Хорошо, сэръ, пусть будетъ война! Вы назвали меня авантюристкой—докажите это, если можете. Придетъ день, когда вы увидите, что я имѣла право поступать такъ, какъ я дѣлала. Подсматривайте за мной, подслушивайте, насказывайте на меня что хотите лорду Тречену: всѣ ваши труды пропадутъ даромъ, потому что онъ влюбленъ въ меня!.. Слышите-ли, лордъ Треченъ влюбленъ въ меня и женится на мнѣ, если я только захочу. Скажите ему и это, если хотите. Теперь пропустите меня, м-ръ О'Доннель, мнѣ болѣе не о чемъ говорить съ вами.

Еще разъ прорвалась наружу страсть, которую онъ пробудилъ въ ней и ревность, увлекавшая ее за предѣлы благоразумія. Но онъ былъ слишкомъ далекъ отъ этой мысли и сердце его ожесточилось противъ нея.

— Еще одно слово, сказалъ онъ вставая;—я слышалъ, какъ вы говорили человѣку, съ которымъ видѣлись у кладбища, что „Мари де-Ланзакъ здѣсь“. Какое отношеніе имѣетъ къ вамъ моя сестра?

Миссъ Эрнкастль, уже стоявшая у двери, повернулась къ нему съ выраженіемъ злобщаго торжества.

— А, вы это слышали? Вы спрашиваете, какое отношеніе имѣетъ къ мнѣ Мари де-Ланзакъ? Капитанъ О’Доннель, вы обвиняли меня, что я скрываю свое прошедшее, — а знаете-ли вы прошедшее вашей сестры? Точно-ли вы увѣрены, что она разсказывала вамъ каждую страницу своей жизни? Отвѣчайте мнѣ, слышали-ли вы отъ нея когда-нибудь имя Гастона Дантри?

Гастонъ Дантри! Дѣйствительно, онъ слышалъ это имя, но не могъ припомнить отъ кого.

— Сестра не говорила мнѣ, сказалъ онъ.

— Я полагаю, что нѣтъ! Вы видите, что не у одной меня есть секреты; не судите-же меня такъ строго. До свиданія, м-ръ О’Доннель.

Не прошло пяти минутъ послѣ ухода миссъ Эрнкастль, какъ въ бібліотеку вошла Сесилія Клейвъ въ прозрачномъ свѣтло-зеленомъ платьѣ, съ живыми цвѣтами въ волосахъ и на груди. Она была похожа на лилію, на наяду, на бѣлокурую русалку — полная противоположность съ мрачнѣй женщиной, только-что вышедшей отсюда. О’Доннель вспыхнулъ отъ счастья при видѣ ея.

— Вы здѣсь, капитанъ О’Доннель? сказала она; — я не знала, я пришла-было... Мнѣ сказали, что здѣсь миссъ Эрнкастль...

— Миссъ Эрнкастль, точно, была здѣсь со мною, отвѣчалъ онъ; — она сейчасъ вышла.

Щеки Сесилии покрылись румянцемъ. Она повернулась назадъ.

— Мнѣ нужно было ее видѣть; впрочемъ, все равно... Вы обѣдаете съ нами, м-ръ О’Доннель?

Тонъ ея вдругъ сдѣлался холоденъ, небреженъ. Она вышла, не дожидаясь отвѣта.

„Миссъ Эрнкастль здѣсь... съ нимъ!“ думала она и ее вдругъ бросило въ жаръ и въ холодъ...

Ей стало досадно самой на себя. Какое ей было дѣло до Раймонда О’Доннеля? развѣ онъ не можетъ дѣлать, что хочетъ? Онъ ничто для нея, какъ и она ничто для него: его обращеніе съ нею достаточно это показываетъ. И, несмотря на все, она чувствовала, что кровь то приливаетъ, то отливаетъ у нея отъ сердца.

ГЛАВА XIV.

— Роза, началъ безъ всякихъ предисловіи Раймондъ О'Доннель, увидѣвъ сестру одну въ столовой:—Роза, ты знала когда-нибудь Гастона Дантри?

Отвѣта не было. Она уставила на него глаза, полные смятенія и испуга, и лицо ея сдѣлалось бѣло, какъ мраморъ.

— Ты не отвѣчаешь, Роза? сказалъ онъ такъ-же рѣзко и безпощадно, какъ говорилъ недавно съ Миссъ Эрнкастль.

Слабый стонъ вырвался изъ груди ея; она закрыла лицо руками.

— Я вижу, что меня не обманули, продолжалъ онъ, слегка блѣднѣя, — теперь я понимаю, почему ты непремѣнно хотѣла ѣхать сюда, въ этотъ край. Этотъ человекъ былъ здѣсь, въ Скарсвудѣ, женихомъ Изабеллы Дангерфильдъ и потомъ, когда случилась всѣмъ извѣстная исторія, онъ пропалъ безъ вѣсти. Такъ ты пріѣхала сюда затѣмъ, что-бы отыскать его?

Роза О'Доннель нѣжно любила брата и въ то-же время боялась его непреклоннаго характера. Она подняла на него умоляющіе, грустные глаза.

— Скажи мнѣ теперь, продолжалъ онъ, —ты познакомилась съ нимъ въ Нью-Орлеанѣ, когда жила у дѣдушки?

— Да, проговорила она едва слышно.

О'Доннель сжалъ губы и молчалъ нѣсколько минутъ.

— Теперь, Роза, могу я спросить у тебя, что онъ былъ тебѣ?

Горькое рыданіе вырвалось изъ ея груди.

— Ты любила его?

— Да, прошептала она разбитымъ голосомъ.

— И онъ бросилъ тебя?

— Да!

— Зналъ объ этомъ дѣдушка де-Ланзакъ?

— Нѣтъ.

— И такъ ты, Роза О'Доннель, упала до того, чтобы имѣть тайныя сношенія съ женщиной? чтобы таиться отъ всѣхъ и обманывать твоего брата?

Она отвѣчала опять рыданіемъ. Раймондъ горячо любилъ сестру, но ея скрытность, которой онъ никогда не подозрѣвалъ, нанесла ему чувствительный ударъ. „Неужели ни въ одной женщинѣ нѣтъ правды?“ думалъ онъ съ горечью.

Его молчаніе ужаснуло Розу.

— Раймондъ, ты жестокъ ко мнѣ! вскричала она всплескивая руками, — я заслуживаю состраданія, а не осужденія... Я любила этого человѣка и онъ говорилъ, что любитъ меня... я вѣрила ему... Меня предупреждали и говорили мнѣ, что его привлекаю не я, а перспектива дѣдушкиныхъ милліоновъ... Но развѣ въ шестнадцать лѣтъ я могла этому повѣрить? Вдругъ произошла неожиданная перемена: дѣдушка де-Ланзавъ женился, черезъ годъ у него родился наслѣдникъ, и я оказалась бѣдной невѣстой. Гастонъ Дантри оставилъ меня безъ всякаго объясненія и уѣхалъ въ Англію. Оттуда онъ прислалъ мнѣ мои письма и портретъ. Вскорѣ послѣ того мы узнали изъ газетъ трагическую исторію Изабеллы Дангерфильдъ и его отношенія къ ней. Съ этого времени я о немъ ничего не слыхала. Ты сердисься, что я тебѣ никогда не рассказывала объ этомъ; но... Раймондъ, развѣ легко рассказывать исторію своего безумія, разочарованія и униженія!..

Она умолкла, голова ея упала на грудь, слезы струились по ея щекамъ.

— Я могъ-бы простить безуміе прошедшаго, отвѣчала О'Доннелъ, — но не настоящее твое безуміе. Шестнадцатилѣтней дѣвочкѣ очень извинительно влюбиться, но чтобъ двадцатипятилѣтняя женщина скакала по всей Европѣ, отыскивая мерзавца, который насмѣялся надъ нею, — этого я не могу постичь. И я считаю достойнымъ поступкомъ съ твоей стороны, что ты одурачила меня, заставляя участвовать въ этихъ нелѣпныхъ поискахъ. Я думалъ, что у тебя капризъ больной переѣзжать съ мѣста на мѣсто, и покорялся этому капризу изъ любви къ тебѣ. Но узнавъ твою цѣль, я не могу этого простить!

— Раймондъ! возразила Роза прерывающимся голосомъ, — это не то... Ты не знаешь, зачѣмъ... Мнѣ необходимо знать, живъ этотъ человѣкъ или умеръ. О Боже мой! кто-же тебѣ объ этомъ сказалъ, Раймондъ?

— Миссъ Эривастль. Я совѣтую тебѣ справиться у нея обо

всемъ, что тебѣ нужно, и нельзя-ли поскорѣе, потому что жить здѣсь понапрасну нечего.

Съ этими словами онъ вырвалъ у нея руку и вышелъ.

Роза, вся дрожащая, въ слезахъ, бросилась отыскивать миссъ Эрнкастль. Въ комнатахъ ея не было; Роза вышла въ садъ и тамъ, при свѣтѣ мѣсяца, увидѣла Артура Тречена и миссъ Эрнкастль, прогуливающихся по аллеѣ. Въ это время они уже прощались и Роза слышала, какъ миссъ Эрнкастль благодарила его за книги и за ноты.

Тречень пошелъ въ домъ, а она осталась въ саду. На голову у нея была накинута черная кружевная мантилія и изъ подъ нея свозили въ волосахъ красный цвѣтокъ.

— Миссъ Эрнкастль! позвала ее Роза такимъ нервнымъ голо-
сомъ, что она поспѣшно обернулась.

— Вы звали меня, миссъ О'Доннель?

— Да, я звала васъ. Мнѣ нужно спросить у васъ... Вы сказали моему брату, что я знаю Гастона Дантри. Почему вамъ это извѣстно?

Въ глазахъ и тонѣ Розы была, въ эту минуту рѣзкая суровость, напоминавшая ея брата. Но миссъ Эрнкастль твердо выдержала ея взглядъ, хотя и не отвѣчала.

— Я спрашиваю у васъ, продолжала Роза, — что вы знаете про меня и про Гастона Дантри?

— Все, коротко отвѣчала миссъ Эрнкастль.

— Что такое все? что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, сурово возразила гувернантка, — что я знаю, что вы повѣнчаны съ Гастономъ Дантри: *вы его жена*, если только онъ живъ!

ГЛАВА XV.

Въ пятницу вечеромъ, наканунѣ маскарада, въ Сварсвудъ при-
слана была изъ Лондона посылка на имя леди Дангерфильдъ. Въ ней заключался полный костюмъ „вождя Лары“. Маіоръ Фаркландъ отправилъ его прежде, чѣмъ получилъ письмо Джиневры о томъ, что ему не надо показываться въ замокъ. Миледи встре-

вожилась. Какъ быть теперь? Какъ переслать ему назадъ костюмъ и куда? Миссъ Эрнкастль опять явилась на помощь.

— Тутъ нѣтъ никакого затрудненія, сказала она, — по вашему письму, маіоръ Фаркландъ будетъ завтра съ двухъ-часовымъ поѣздомъ въ Кастльфорѣ. Нужно отослать костюмъ туда къ этому времени.

— Разумѣется, отвѣчала Джиневра: — но тогда слуга, котораго я пошлю, узнаетъ, что маіоръ Фаркландъ въ Кастльфорѣ, а я объявила сэру Ричарду, что онъ задержанъ въ Лондонѣ по дѣламъ.

— Я могу пойти опять въ Кастльфорѣ, возразила гувернантка; — я встрѣчу маіора Фаркланда прямо съ поѣзда, отдамъ ему костюмъ и повторю ему еще разъ, въ которомъ часу онъ долженъ ѣхать въ маскарадъ.

Джиневра поблагодарила ее, хотя не совсѣмъ отъ души: ей все какъ-то подозрительна была услужливость гувернантки, но она не имѣла привычки много думать, и потому скоро успокоилась.

На слѣдующій день за обѣдомъ, миледи, согласно своей программѣ, стала жаловаться на сильнѣйшую головную боль, ничего не ѣла и, вставъ изъ-за стола, пошла въ спальню, гдѣ тотчасъ опустили занавѣси и извели двѣ большія стеклянки одеколону для облегченія миледи. Сэръ Ричардъ смотрѣлъ на все это съ саркастической улыбкой, очевидно, не вѣря ничему.

„Онъ догадывается обо всемъ, подумала миссъ Эрнкастль; — тѣмъ лучше: мнѣ меньше труда. Пожалуй, онъ самъ вздумаетъ замаскироваться и поѣхать!“

Никто въ домѣ, кромѣ миссъ Эрнкастль, не былъ посвященъ въ тайну сборовъ миледи. Она боялась правдивой Сесиліи, которая стала-бы непремѣнно отговаривать ее отъ поѣздки. Запершись съ миссъ Эрнкастль въ своей комнатѣ, миледи тотчасъ подняла опять занавѣси и съ апетитомъ принялась за припасенную заранѣе закуску, такъ-какъ за обѣдомъ она ничего не ѣла. Потомъ, разлегшись на диванѣ, она стала разспрашивать миссъ Эрнкастль объ ея утреннемъ путешествіи въ Кастльфорѣ и о томъ, что именно она говорила маіору Фаркланду.

— Я отдала ему костюмъ, миледи; будьте покойны, вождь Лара явится въ свое время, отвѣчала гувернантка.

Вскорѣ онѣ принялись за одѣваніе. Мистическія церемонія туа-

лета продолжались болѣе часа и, наконецъ, Джиневра снова стояла передъ зеркаломъ въ ослѣпительномъ костюмѣ пажа, молодая и красивица.

— Прелестно, прелестно! говорила она, — я не помню, чтобъ когда-нибудь въ жизни я была такъ авантюжна. Я думаю, маіоръ Фаркландъ удивится!.. Теперь, миссъ Эрнкастль, подите и посмотрите, стоять-ли за воротами извозчикъ, котораго вы наняли въ Кастльфорѣ; узнайте также, гдѣ сэръ Ричардъ. Ахъ! мнѣ все что-то страшно!

Черезъ нѣсколько минутъ миссъ Эрнкастль возвратилась.

— Экипажъ стоитъ давно за воротами, донесла она; — сэръ Ричардъ запершись у себя въ комнатѣ, остальные сидятъ въ гостиной. Васъ никто не увидитъ, миледи, идите.

Но Джиневра стояла въ нерѣшимости. Если-бъ въ эту минуту миссъ Эрнкастль сказала одно слово противъ поѣздки, она-бы осталась... Но, вмѣсто того, миссъ Эрнкастль обратила ея вниманіе на нарядъ.

— Всѣ дамы сойдутъ съума отъ зависти, сказала она: — вашъ костюмъ будетъ прелестнѣе всѣхъ. Вы никогда не были и не будете такъ хороши, какъ сегодня!

Этого было довольно. Леди Дангерфильдъ закуталась съ головой въ длинный черный плащъ и пошла за миссъ Эрнкастль. Въ коридорѣ имъ никто не встрѣтился. Онѣ прошли черезъ терасу на лугъ, и оттуда въ калитку на дорогу. Тамъ ждалъ наемный экипажъ. Миледи сѣла и поѣхала.

Подѣзжая къ дому м-съ Эверлейгъ, она надѣялась, что маіоръ Фаркландъ встрѣтитъ ее у освѣщеннаго подѣзда, но его не было и она принуждена была войти одна. Лакей проводилъ ее въ уборную м-съ Эверлейгъ, гдѣ та оканчивала свой великолѣпный туалетъ. Послѣ взаимнаго критическаго осмотра, обѣ дамы сошли внизъ, въ пріемныя комнаты, уже наполненныя группами масокъ. Тутъ были, по обыкновенію, и наяды, и фавны, и демоны, и монахи. Пираты вальсировали съ королевами, негры съ пастушками, индіанки съ рыцарями и такъ далѣе.

Красивый костюмъ Джиневры тотчасъ привлекъ общее вниманіе. Но гдѣ-же ея кавалеръ, гдѣ вождь Лара? Прошло уже около часа, какъ она пріѣхала, и была все одинока посреди другихъ

шаръ. Краска гнѣва и безпокойства выступала на ея лицѣ подѣ атласной маской.

Послѣ вальса она съ досады сѣла позади всѣхъ и разсуждала сама съ собою:

— Неужели онъ вовсе не прїѣдетъ? Какъ онъ смѣетъ такъ поступать со мною?.. Очень прїятно быть пажомъ безъ рыцаря! Но что-же это значитъ? развѣ миссъ Эрнкастль...

— Взгляните-же на меня, мой вѣрный Каледъ, мой прелестный пажъ! произнесъ чей-то голосъ ей на ухо: — вашъ вождь явился.

Въ самомъ дѣлѣ, Лара, въ живописномъ костюмѣ XV вѣка, стоялъ сзади ея; но въ первую минуту она не узнала голоса маіора Фаркланда и вздрогнула.

— Не упрекайте меня, Джиневра, продолжалъ онъ, — я знаю, что я виноватъ. Я расскажу вамъ послѣ, почему я не могъ явиться раньше. А теперь пойдите танцовать редову. Какъ вы очаровательны въ этомъ костюмѣ!

Онъ взялъ ее за талію; но неожиданно, еще въ первый разъ во все продолженіе ихъ знакомства, они не попали въ тактъ и сбились. Наконецъ, послѣ двухъ-трехъ попытокъ, Лара наладилъ и они понеслись по залѣ.

— Что съ вами сегодня, Джасперъ? сказала съ досадою леди Дангерфильдъ: — говорите вы какимъ-то не своимъ голосомъ, танцовать не умѣете, когда прежде мнѣ съ вами было такъ ловко...

— Развѣ теперь неловко?

— Теперь ничего, но вы держите меня совсѣмъ не такъ, какъ всегда. И вообще въ васъ сегодня что-то необыкновенное. Извольте сейчасъ снять маску, я посмотрю, что съ вами!

— Пажъ не можетъ приказывать своему господину, отвѣчалъ онъ смѣясь; — я не сниму маски иначе, какъ за ужиномъ, когда всѣ снимутъ. Дайте-же мнѣ полюбоваться на васъ, Джиневра, вы такъ хороши!

При этихъ словахъ, довольно громко произнесенныхъ, проходившее мимо нихъ черное домино вдругъ остановилось и съ этой минуты стало всюду слѣдить за ними.

Баль былъ блестящій; танцы смѣнялись танцами; часы летѣли, какъ минуты; Джиневра забыла свое неудовольствіе и была въ

упоепіи. Черное домино, незамѣчаемое ею, продолжало слѣдовать за нею по пятамъ.

Къ концу вечера вождь Лара съ своими пажомъ Каледомъ уединились въ оранжерею, освѣщенную матовыми лампами и наполненную роскошными тропическими растеніями.

— Какъ тамъ жарко, какъ шумно! сказала Джиневра, опускаясь на зеленую скамью. — Я сниму на минуту маску; иначе, я не успѣю прохладиться до ужина и у меня лицо будетъ горѣть, какъ у крестьянской дѣвки.

Она сняла маску, а онъ наклонился къ ней и сталъ обмахивать ее опахаломъ изъ перьевъ, нашептывая ей вполголоса разные комплименты.

— Не принести-ли вамъ мороженого? спросилъ онъ;— оно сейчасъ освѣжитъ васъ.

Она томно согласилась. Маска ея лежала на колѣняхъ; а черное домино наблюдало за нею изъ-за кустовъ.

Долго ждала Джиневра возвращенія вождя Лары. Время проходило, сейчасъ надо идти ужинать, а его все нѣтъ!

Джиневру приходили уже звать, но она нарочно мѣшала, не желая идти безъ своего кавалера, котораго она внутренно проклинала.

Наконецъ, она принуждена была взять предложенную ей руку людоеда и отправиться, вмѣстѣ съ другими, въ столовую. Тамъ всѣ сняли маски: начался общій смѣхъ; открылось, что многіе принимали одно лицо за другое и такъ далѣе. Но вождя Лары небыло нигдѣ, ни въ маскѣ, ни безъ маски. Кромѣ Джиневры, многіе знакомые искали его, но напрасно.

Разстроенная, почти взбѣшенная Джиневра оглядывала весь столъ и вдругъ вся затряслась, какъ листъ. Почти напротивъ себя она увидала лицо своего мужа, пристально смотрящее на нее. Но онъ не сѣлся за столъ, а исчезъ, также какъ и ея кавалеръ.

ГЛАВА XVI.

Между тѣмъ какъ все это происходило на балѣ, лордъ Клейвъ рѣшился воспользоваться этимъ вечеромъ, чтобъ сдѣлать рѣшительное нападеніе на Артура Тречена. Обстоятельства благо-

пріятствовали откровенному разговору; леди Дангерфильдъ удалилась къ себѣ подѣ предлогомъ головной боли; миссъ Роза О'Доннель, бывшая весь день блѣдна и разстроена, также извинилась передъ обществомъ и ушла, говоря, что дурно себя чувствуетъ.

Леди Сесилія, обезпокоенная этимъ, пошла съ нею и, такимъ образомъ, лордъ Клейвъ и Артуръ Тречень остались вдвоемъ.

— Вы говорили сегодня, что получили письмо изъ Корнвала, началъ Клейвъ, — и вы ѣдете туда?

— Да, я долженъ ѣхать, отвѣчалъ Артуръ; — мой повѣренный пишетъ мнѣ, что дѣла требуютъ моего присутствія. Я жалѣю, что не уѣхалъ на прошлой недѣлѣ.

— И я также жалѣю объ этомъ, сэръ Артуръ, сказалъ серьезно лордъ Клейвъ, — отъ души жалѣю. Вы и такъ слишкомъ долго пробыли въ Скарсвудѣ.

— Милордъ! вскричалъ Артуръ, вспыхнувъ.

— Пора мнѣ высказаться; деликатность не у мѣста, продолжалъ Клейвъ взволнованнымъ голосомъ; — меня обязываетъ къ этому дружба съ вашимъ отцомъ, моимъ лучшимъ, единственнымъ другомъ. Это послѣдній нашъ разговоръ, потому что когда вы опять пріѣдете въ Скарсвудъ — меня и моей дочери здѣсь уже не будетъ. Здоровье Сесиліи требуетъ перемѣны — у нея сильный упадокъ духа, — я отвезу ее въ Шотландію гостить къ ея теткѣ графинѣ Страйтень.

Густой румянецъ выступилъ на лицѣ баронета; глаза его невольно опустились: онъ глубоко чувствовалъ свою вину.

— Я вижу, что мои слова не удивляютъ васъ, холодно продолжалъ Клейвъ, — вы были къ нимъ приготовлены. Напрасно было-бы говорить вамъ, какъ горько я разочарованъ въ васъ... въ моихъ планахъ... въ моихъ лучшихъ надеждахъ, однимъ словомъ, во всемъ, чего я имѣлъ право ожидать отъ сына вашего отца. Это уже дѣло конченное и я не для того началъ этотъ разговоръ. Но ради вашего отца, просившаго меня на смертномъ одрѣ, чтобъ я замѣнилъ его вамъ, — я долженъ остеречь васъ. Позвольте мнѣ говорить прямо. Вы влюбилсь въ женщину, о которой ничего не знаете, кромѣ того, что она авантюристка...

Сэръ Артуръ вспыхнулъ и поднялъ глаза.

— Это очень рѣзкое слово, милордъ, сказалъ онъ: — какія у

вась доказательства, что вы рѣшаетесь называть ее такимъ именемъ?

— Я имѣю доказательства, иначе я не сталъ-бы говорить. Я подозрѣваю миссъ Эрикастль во многомъ, но до подозрѣній моихъ никому нѣтъ дѣла. Такъ-какъ я полагаю, что ваше слишкомъ замѣтное ухаживаніе за миссъ Эрикастль должно повести къ свадьбѣ, то прежде, чѣмъ это безуміе совершится,—я считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ нѣкоторые факты.

Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько бумагъ и разложилъ ихъ на столѣ.

— Будьте такъ добры, сэръ Артуръ, сказалъ онъ,—взгляните сюда. Вотъ это рекомендаціи, которыя представила за себя миссъ Эрикастль, поступая въ домъ къ леди Дангерфильдъ.

Артуръ взялъ бумаги. Это были обыкновенные аттестаты въ познаніяхъ и хорошей нравственности миссъ Эрикастль, подписанные м-съ Лаутонъ и м-ромъ Джономъ Вудстонъ.

— Что-же дальше? спросилъ онъ.

— Я недавно написалъ къ моему повѣренному въ Лондонъ, чтобъ онъ справился, что за личности эта м-съ Лаутонъ и Джонъ Вудстонъ. Вотъ его отвѣтъ, читайте сами.

Онъ положилъ передъ нимъ письмо.

„Милордъ! По порученію вашему, я отправился по данному адресу, но никакой м-съ Лаутонъ не нашелъ и въ этой улицѣ никто не знаетъ такой фамилии.

„По другому адресу я нашелъ домъ, гдѣ дѣйствительно жилъ м-ръ Джонъ Вудстонъ, но онъ уже съ годъ какъ уѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Австралію“.

На лицѣ Артура краска смѣнилась блѣдностью.

Лордъ Клейвъ продолжалъ:

— Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка ясно, что эти рекомендательныя письма сочинены самою миссъ Эрикастль. Она очень хитрая и умная женщина. Но этого мало: позвольте мнѣ теперь сообщить вамъ, что я знаю изъ моихъ собственныхъ наблюденій надъ нею и что я видѣлъ моими собственными глазами.

Онъ откинулся на спинку кресла и, пристально смотря въ лицо взволнованнаго Артура, началъ:

— Наканунѣ той ночи, въ которую сэръ Ричардъ видѣлъ

призракъ, я долго писалъ письма и, прежде чѣмъ лечь спать, чувствуя тяжесть въ головѣ, пошелъ пройти по саду. Ночь была лунная. Проходя у забора, я, къ удивленію моему, увидалъ идущую по дорогѣ къ замку миссъ Эрнкастль. Ее провожалъ мужчина— я не скажу вамъ его имени—и я слышалъ, какъ онъ общалъ ей *не выдавать ее*. Она, казалось, была совершенно въ его власти и долго смотрѣла ему вслѣдъ, когда онъ пошелъ назадъ. Какъ и откуда она прошла въ дождь—я не видалъ и не могу понять. Это было часа въ два утра. Мои подозрѣнія были возбуждены этой сценой и я на слѣдующую ночь пошелъ опять на то-же мѣсто, думая подкараулить еще что-нибудь. Сэръ Артуръ,—говорю вамъ, это такъ-же вѣрно, какъ вы сидите передо мною,—я видѣлъ собственными глазами, какъ миссъ Эрнкастль, закутанная съ головою въ темный плащъ, прошла къ Королевскому дубу и притаилась тамъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышался галопъ лошади сэра Ричарда... Миссъ Эрнкастль вышла на дорогу, сбросила съ себя плащъ и очутилась вся въ бѣломъ, съ распущенными волосами и съ страшными, остановившимися глазами. Вы знаете, что затѣмъ послѣдовало. Я былъ такъ испуганъ паденіемъ съ лошади сэра Ричарда, что ужь не замѣтилъ, куда потомъ дѣвалась миссъ Эрнкастль. До сихъ поръ я молчалъ объ этомъ, но завтра-же я расскажу это всѣмъ и покажу письмо моего повѣреннаго. Завтра-же миссъ Эрнкастль оставить Скарсвудъ навсегда. Вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ, Артуръ. Хотя вы и отшатнулись отъ меня, но я никогда не перестану желать вамъ добра и скажу вамъ такъ, какъ сказалъ-бы вашъ отецъ: Артуръ! бѣгите отъ этой женщины, пока есть время, не позорьте свое имя, не губите свою жизнь!

Лордъ Клейвъ выговорилъ эти слова съ отлично разыграннымъ чувствомъ; Артуръ сидѣлъ, какъ окаменѣлый.

— Я все сказалъ. Теперь прощайте, Артуръ, милый мой! да благословить васъ Богъ.

Клейвъ всталъ съ этими словами и взялъ за руку молодого человѣка. Артуръ также всталъ, блѣдный, какъ полотно.

— Еще одну минуту, милордъ, проговорилъ онъ, — прежде, чѣмъ мы простимся. Все, что вы мнѣ сказали, справедливо. Никто тяжелѣе меня не чувствуетъ, какъ я нарушилъ законы чести и благородства. Я пріѣхалъ въ Скарсвудъ съ тѣмъ, чтобъ сбли-

зиться съ леди Сесиліей и просить ея руки. Въ ту минуту, какъ я въ первый разъ увидѣлъ миссъ Эрнкастль, я уже готовился произнести слова, которыя-бы навѣки связали меня съ вашей дочерью. Но съ этой минуты я былъ какъ-будто околдованъ—вы сами могли видѣть это... Все это время я былъ слѣпъ, безуменъ. Вы открыли мнѣ глаза. Я долженъ бѣжать опасности. Только одна женщина въ мірѣ можетъ сдѣлаться моею женою—ваша дочь. Рѣшите сами, оскорбилъ-ли я ее на-столько, чтобъ не имѣть больше права просить ея руки. Если такъ, то я оставлю Англию навсегда; если-же нѣтъ... Рѣшайте, милордъ!

Онъ сложилъ руки на груди и, съ трудомъ переводя духъ, ждалъ отвѣта.

Сердце лорда Клейва забилося отъ радости. Онъ былъ спасень! Но его привывшее къ притворству лицо оставалось холоднымъ и строгимъ.

— Я не осуждаю васъ, Артуръ, сказалъ онъ, помолчавъ;— миссъ Эрнкастль хотя и не красавица, но женщина въ своемъ родѣ привлекательная, женщина, которая можетъ вскружить голову мужчинѣ. Но я отъ души радъ, что вы сами сознали опасность и опомнились. За Сесилию я не могу ручаться; она очень горда. Объяснитесь съ нею сами и, если она проститъ васъ, тѣмъ лучше. А покажѣсть прощайте, я уйду къ себѣ.

Лордъ Клейвъ дѣйствительно ушелъ, рассчитывая совершенно вѣрно, что Сесилія не могла еще лечь спать и навѣрное придетъ въ гостиную, гдѣ Артуръ можетъ тотчасъ-же объясниться съ нею.

Точно камень лежалъ на сердцѣ Артура. Передъ нимъ носились загадочные, сѣрые глаза миссъ Эрнкастль, въ ухахъ его звучалъ ея сладкій голосъ—обманчивый, вѣроломный голосъ.... Женщина, которую онъ выбралъ-бы себѣ въ жены между всѣми, оказывалась лживой, двусмысленной, недостойной уваженія честнаго человѣка.

Подавляемый тяжестью своихъ ощущеній, Артуръ медленно пошелъ изъ гостиной, еще самъ не зная, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Передъ нимъ очутилась дверь маленькаго будуара, того самаго, гдѣ онъ началъ когда-то дѣлать предложеніе Сесилии; розовыя бархатныя драпировки двери были спущены, какъ тогда. Онъ

машинально отвернулъ ихъ.... На розовомъ диванѣ, сложивъ руки на колѣняхъ, сидѣла—опять какъ тогда—леди Сесилія.

Она вздрогнула, увидѣвъ его, и слабое восклицаніе замерло на губахъ ея. Артуръ подошелъ ближе, постоялъ нѣсколько секундъ молча и мрачно передъ нею и вдругъ—поспѣшно, неожиданно—высказалъ ей, зачѣмъ онъ пришелъ, въ безсвязныхъ, торопливыхъ словахъ. Со стороны можно было скорѣе подумать, что у нихъ дѣловой разговоръ, до того лицо его и голосъ были непохожи на лицо и голосъ человѣка, предлагающаго женщинѣ дѣлать съ нимъ его жизнь, его радости и горести.

Сесилія отшатнулась отъ него и, неподвижная, блѣдная, слушала, не говоря ни слова. Презрѣніе къ нему, еще болѣе—презрѣніе къ самой себѣ поднимались въ душѣ ея и наполняли ее невыразимою горечью.

— Вы имѣете согласіе моего отца, говорите вы? сказала она медленно и блѣдныя щеки ея вспыхнули:—скажите мнѣ правду, сэръ Артуръ... Отецъ мой... *вынудилъ* васъ пойти ко мнѣ и сказать мнѣ все это?.. Да?

— Клянусь честью, нѣтъ! Я первый просилъ у вашего отца позволенія переговорить съ вами. Если вы мнѣ откажете, я приму это какъ достойное наказаніе за мой проступокъ. Если-же вы удостоите принять мое предложеніе, я всю жизнь мою посвящу на то, чтобъ сдѣлать васъ счастливой.

Онъ ждалъ ея отвѣта; она молчала и думала, сжимая руки:

„Боже, Боже мой! онъ только и ждетъ того, чтобъ я отказала, онъ на это и рассчитываетъ... А я все-таки должна сказать *да*; иначе ни у меня, ни у отца моего нѣтъ будущности, мы пропадемъ!“

Что предстояло ей, привыкшей къ богатству? Работать она не могла, обойтись безъ роскоши не умѣла. Ее пугала также мысль объ отчаяніи отца, если-бъ она отказала. Мысль о Раймондѣ О’Доннелѣ встала еще разъ ярко передъ нею. Одна любовь его могла-бы спасти ее отъ ненавистнаго брака; но онъ равнодушенъ къ ней — она для него ничто, не болѣе, чѣмъ ея кузина Джиневра, можетъ быть *меньше*, чѣмъ миссъ Эрикастль... Зачѣмъ-же колебаться? если нельзя выдти замужъ за любимаго человѣка, то не все-ли равно за кого?

— Вы не отвѣчаете, сказалъ Артуръ,—вѣроятно, я потерялъ

всякое право на ваше уваженіе. Если такъ, рѣшите скорѣе мою судьбу и тогда я оставлю Англію навсегда...

— Навсегда оставите Англію? медленно проговорила Сесилія, поднимъ на него глаза:—развѣ тогда у васъ не останется никакой другой женщины, на которой вы желали-бы жениться?..

— Никакой, поспѣшно и рѣшительно прервалъ Артуръ;—никакой другой женщины. Еще разъ я спрашиваю васъ, леди Сесилія, хотите-ли вы быть моей женой?

— Да... я буду... вашей женой, проговорила она съ такой разстановкой, какъ-будто ея губы были скованы морозомъ.

Роконья слова были сказаны. Артуръ поцѣловалъ ея руку... Какъ ни холодна была ея рука, его губы были еще холоднѣе...

— Завтра я ѣду по дѣламъ въ мое корнвалійское имѣніе, сказалъ Тречень,—и пробуду тамъ около трехъ недѣль. Что-бы ни было въ прошедшемъ, леди Сесилія, но съ этой минуты вы однѣ будете занимать мои мысли.

— Я вѣрю вамъ. Покойной ночи, сэръ Артуръ.

— Покойной ночи, леди Сесилія.

Они расстались.

„Какой нелѣпый фарсъ — жизнь! думала Сесилія, уходя въ свою комнату.— Два человека общаются вѣчную любовь другъ другу, не ощущая ни тѣни ея... Ихъ сводятъ какъ двухъ маріонетокъ на сценѣ—и это называется бракомъ!“

ГЛАВА XVII.

Съ своей стороны, Раймондъ О'Доннель также не терялъ времени и дѣятельно занялся развѣдываніемъ о таинственной личности миссъ Эрнкастль. Прежде всего онъ навелъ справки, гдѣ жилъ докторъ Отисъ во время катастрофы съ Изабеллой Дангерфильдъ. Ему указали домъ и сказали, что теперь тутъ живетъ семейство Вильсонъ. Онъ отправился въ этотъ домъ и спросилъ, не осталось-ли тутъ кого-нибудь изъ прежней прислуги, жившей при Отисѣ. Отвѣтъ былъ отрицательный, но ему указали на бывшую служанку Отиса—Доркасъ, которая жила теперь своимъ домомъ. О'Доннель пошелъ къ ней и началъ разговоръ съ того,

го онъ желалъ-бы узнать нѣкоторыя подробности о смерти миссъ ангерфильдъ.

Доркасъ очень охотно рассказала ему то, что уже извѣстно читателю и было извѣстно всѣмъ въ окрестности.

— И вы сами видѣли ее мертвою? спросилъ онъ.

— Какже! лицо у нея было такое прекрасное, спокойное, точно она спала, отвѣчала служанка.

— Сколько-же времени ея тѣло пролежало въ домѣ?

— Только два дня, сэръ, и она нисколько не измѣнилась. Я какъ сейчасъ вижу, какъ она лежала въ гробу, вся въ цвѣтахъ, и старая госпожа — матушка м-ра Отиса — наряжала ее, а м-ръ Отисъ стоялъ, точно каменный. Потомъ понесли ее хоронить и многіе изъ сосѣдей были на похоронахъ.

— Гмъ! промычалъ въ раздумьѣ О'Доннель. — М-ръ Отисъ скоро послѣ похоронъ уѣхалъ совсѣмъ отсюда? спросилъ онъ.

— Онъ пробылъ еще мѣсяць. Они было собирались ѣхать раньше, да ихъ задержалъ пріѣздъ больной племянницы изъ Эссекскаго графства.

О'Доннель встрепенулся.

— Какая-же это больная племянница? Когда она къ нимъ пріѣхала?

— Въ самую ночь послѣ похоронъ, сэръ, и совершенно неожиданно. Я сплю, вдругъ м-съ меня будить и велитъ мнѣ приготовить воды для теплой ванны, а сама вся дрожитъ. Я удивилась и спрашиваю, не занемогъ-ли м-ръ Отисъ. Тутъ она мнѣ сказала, что сейчасъ пріѣхала изъ Эссекса ея племянница, больная и немножко помѣшанная. Только она меня просила никому объ этомъ не говорить.

— Вы видѣли эту даму?

— Нѣтъ, сэръ; она все время была въ комнатѣ м-съ Отисъ и сама мистрисъ ходила за нею и носила ей кушанье. Она, говорятъ, не могла видѣть постороннихъ людей, такъ-какъ въ головѣ-то у нея было не въ порядкѣ.

— Долго она пробыла здѣсь?

— Недѣли полторы.

— Но при отъѣздѣ, по крайней мѣрѣ, вы ее видѣли?

— Нѣтъ, при отъѣздѣ я ее не видала; но одинъ разъ поздно вечеромъ, когда я ужъ легла спать, я услышала, что отворяютъ дверь

балкона. Я взглянула въ окно и увидѣла, что по цвѣтнику ходить, подъ руку съ м-ромъ Отисомъ высокая дама. Но лица я не разглядѣла, потому что ночь была темная.

— Такъ она была высокаго роста? Такого роста, какъ миссъ Дангерфильдъ?

— Ну, вотъ, вотъ! такая-же высокая.

О'Доннель даже весь покраснѣлъ отъ волненія.

— Ну, потомъ, продолжала словоохотливая Доркасъ, — эта дама на другую-же ночь послѣ того, какъ я ее видѣла, ушла отъ насъ пѣшкомъ и тихонько. Старуха такъ и взметалась на другое утро, побѣжала къ сыну и начали они ее розыскивать, боялись, что она не въ своемъ умѣ, чего-бы не надѣлала. Но вечеромъ получили они отъ нея телеграмму изъ Лондона, и м-ръ Отисъ тотчасъ поѣхалъ туда и пробылъ тамъ два дня. Больше я эту племянницу не видала, и мои хозяева сами скоро переѣхали въ Лондонъ.

Этого было достаточно. О'Доннелю удалось узнать болѣе, чѣмъ онъ надѣялся. Онъ щедро заплатилъ Доркасъ за добытыя свѣденія и ушелъ съ твердой рѣшимостью не терять изъ рукъ путеводную нить.

Фактической увѣренности, что Изабелла Дангерфильдъ и миссъ Эрнкастль одно и то-же лицо, у него все-таки не было. Надо было во что-бы то ни стало провѣрить фактами весьма вѣроятныя подозрѣнія. Для этого было одно только средство, и на него рѣшился О'Доннель.

Написавъ къ сестрѣ записку, что ему нужно отлучиться дня на два, онъ отправился въ Лондонъ съ вечернимъ поѣздомъ и, на другой день, также къ вечеру, возвратился оттуда, но не одинъ. Съ нимъ былъ человѣкъ, повидимому, изъ простого званія, въ рабочей блузѣ и съ довольно объемистымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Въ этомъ мѣшкѣ заключались разныя желѣзныя орудія.

Этотъ человѣкъ былъ такъ-называемый *ресурекціонистъ*. Его ремесло состояло въ томъ, что онъ отрывалъ могилы, вынималъ оттуда жертвы тѣла и доставлялъ ихъ тайно студентамъ для разсѣченія.

Вполовинѣ ночи О'Доннель вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ и съ своимъ слугою, котораго онъ посвятилъ въ эту тайну, отправились на кладбище. Гробовикъ разложилъ свои орудія близъ

указанной могилы Изабеллы Дангерфильдъ и принялся за работу. Она была ему привычная и, съ помощью слуги, отъ скоро добрался до гроба. Сердце О'Доннеля сильно забилося при первомъ ударѣ заступомъ о твердое тѣло. Наконецъ-то онъ узнаеть навѣрное!..

— Отерывайте, сказали онъ.

Гробокопатель инструментомъ приподнялъ крышку гроба. О'Доннель жадно наклонился къ нему. Гробъ былъ пустой,—пустой и совершенно чистый, безъ малѣйшаго признака костей или остатковъ одежды...

Этого и добивался О'Доннель.

Все было положено опять по-прежнему, памятникъ вдвинуть на свое мѣсто, и Раймондъ О'Доннель снова отправился въ Лондонъ, виѣсть съ *ресурекціонистомъ*.

Послѣднее сомнѣніе рушилось: теперь онъ зналъ, кто была миссъ Эрнестъ, и зналъ наизусть всю таинственную исторію ея возвращенія въ міръ живыхъ, такъ, какъ-будто присутствовалъ самъ при этомъ. Ясно, что состояніе Изабеллы, которое всѣ приняли тогда за смерть, было летаргическимъ обморокомъ, называемымъ катаlepsіей. Извѣстно, что эта необыкновенная болѣзнь такъ похожа на смерть, что докторъ Граве легко могъ ошибиться. Но Генрихъ Отисъ былъ влюбленъ въ Изабеллу и—какъ влюбленный—не вѣрилъ въ ея смерть, хватался за всякую надежду, за всякую вѣроятность.

Одно было непонятно—почему онъ допустилъ похоронить ее, если подозрѣвалъ, что она не умерла. Но и это можно было объяснить тѣмъ, что онъ не хотѣлъ никого посвящать въ свои безумныя надежды и хотѣлъ произвести этотъ опытъ одинъ, несмущаемый постороннимъ любопытствомъ. Какъ-бы то ни было, ясно, что въ ночь послѣ похоронъ онъ отрылъ могилу и внесъ оживающее тѣло опять въ домъ, и тутъ сочинена была исторія о пріѣхавшей больной племянницѣ. И, вѣроятно, тутъ-то, втеченіи этой недѣли, былъ составленъ весь планъ будущей жизни Изабеллы Дангерфильдъ и ея проекты мщенія.

Потомъ, оставивъ домъ Отиса, она уѣхала въ Америку и поступила тамъ на сцену. Набравъ довольно денегъ для того, чтобъ быть обеспеченной, она возвратилась въ Англію, съ твердымъ намѣреніемъ привести въ исполненіе свои планы.

Но въ чемъ-же состояло ея мщеніе? Что она выиграла тѣмъ, что едва не свела съума отъ страха бѣднаго сэра Ричарда? Неужели стоило столько трудиться, столько рисковать, чтобъ достигнуть такого жалкаго, почти комическаго результата?

Не вѣрнѣе-ли предположить, что мщеніе ея еще впереди, что она неустанными, вѣрными шагами идетъ къ какой-то темной, страшной цѣли? Если такъ, то, можетъ быть, еще было время помѣшать ей. Но какъ это сдѣлать, не зная, къ чему она стремится?

При всемъ томъ въ душѣ О'Доннеля было болѣе удивленія къ миссъ Эрикастль, чѣмъ какого нибудь другого чувства. „Неужели вы сами никогда не страдали, что такъ безпощадно осуждаете тѣхъ, съ кѣмъ жизнь поступила круто?“ Эти слова отдавались въ его ухахъ съ чувствомъ, почти похожимъ на угрызение. И ему думалось, что природа дала ей великое, благородное, великодушное сердце, но оно было разбито, сокрушено; весь характеръ ея былъ изломанъ и сдѣлался, можетъ быть, испорченнымъ и порочнымъ.

Цѣль вторичной поѣздки О'Доннеля въ Лондонъ была — повидаться лично съ докторомъ Отисомъ и повліять черезъ него, если возможно, на дальнѣйшіе планы Изабеллы.

Онъ прямо отправился къ нему въ домъ, но не засталъ его и долженъ былъ ограничиться разговоромъ съ его матерью.

— Мнѣ нужно было повидаться съ вашимъ сыномъ, началъ онъ, — но я полагаю, что могу сообщить вамъ все, что мнѣ нужно ему сказать. Я пришелъ говорить о миссъ Эрикастль; вы и сынъ вашъ ея единственные вѣрные друзья. Уговорите ее немедленно оставить Скарсвудъ, иначе я исполню долгъ честнаго человѣка и открою все сэру Ричарду Дангерфилду.

О'Доннель нарочно съ этого началъ, чтобъ не дать ей времени приготовиться, и расчетъ его оправдался. Бѣдная м-съ Отисъ задрожала и измѣнилась въ лицѣ.

— Кто вы такой, сэръ? спросила она съ испугомъ.

— Мое имя — Раймондъ О'Доннель.

Она еще больше поблѣднѣла; вѣроятно, она уже слышала о немъ.

— Если миссъ Эрикастль приметъ предостереженіе, продолжалъ О'Доннель, — я сохраню ея тайну; но она должна

выбирать одно изъ двухъ: или оставить Скарсвудъ, или сказать всю правду.

— Какую правду? прошептала м-съ Отисъ.

— Что она не Эллентъ Эрнкастль, а Изабелла Дангерфильдъ.

Старушка посмотрѣла на него глазами, полными ужаса.

— Я знаю все, продолжалъ О'Доннель, — ее похоронили въ летаргическомъ снѣ; ночью вашъ сынъ разрылъ могилу, вынулъ Изабеллу Дангерфильдъ изъ гроба и возвратилъ ее къ жизни. Она уѣхала въ Америку, поступила тамъ въ актрисы и теперь находится въ Скарсвудѣ подъ именемъ миссъ Эрнкастль и является сѣру Ричарду въ видѣ призрака. Это игра опасная и я не на-мѣренъ оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ ея интригъ. Повторяю вамъ, что если она не уѣдетъ, я расскажу все, что знаю. Передайте вашему сыну, что я желалъ-бы повидаться съ нимъ и что я пробуду въ Лондонѣ еще два дня. Вотъ моя карточка и адресъ.

Онъ раскланялся и вышелъ, оставивъ м-съ Отисъ въ страшной тревогѣ и смятеніи.

ГЛАВА XVIII.

Напрасно О'Доннель нарочно мѣшалъ въ Лондонѣ, поджидая къ себѣ Генриха Отиса. Тотъ не явился и Раймондъ принужденъ былъ уѣхать назадъ въ Кастльфоръ. Онъ дней пять не былъ въ Скарсвудѣ и ничего не зналъ о происшествіи въ маскарадѣ. Безпокоясь о здоровьѣ своей сестры, онъ послѣшилъ тотчасъ-же отправиться въ замокъ.

Было уже около восьми часовъ вечера и сумерки окутывали аллею, какъ серебристымъ туманомъ. По терасѣ медленно прохаживалась стройная и легкая женская фигура, закутанная въ длинную мантилью изъ розоваго кашемира съ бѣлыми кистями. Это была Сесилія: она читала, ходя, какое-то письмо. Подойдя ближе, Раймондъ увидѣлъ съ безпокойствомъ, что ея лицо было блѣднѣе и серьезнѣе обыкновеннаго и носило какъ-будто слѣды слезъ.

— Здравствуйте, леди Сесилія, сказалъ О'Доннель.

Она подняла глаза отъ письма и слегка покраснѣла.

— Здравствуйте, капитанъ О’Доннель;—мы уже думали, что вы пропали безъ вѣсти. Я рада, что вы пріѣхали, вы здѣсь очень нужны. Знаете-ли вы, что Роза больна?

— Неужели?

— Да; она серьезно больна и душевно разстроена. У нея какое-то горе; тотчасъ послѣ вашего отъѣзда она слегла, не пьетъ и не ѣстъ. Тутъ замѣшана миссъ Эрикастль, хотя я и не знаю, въ чемъ именно. О! эта ужасная миссъ Эрикастль! Въ несчастную минуту она поступила сюда... Если-бъ вы знали, что у насъ тутъ случилось и что она надѣлала! Теперь ея уже здѣсь нѣтъ?

— Какъ, ея уже нѣтъ?

— Ей отказали... ее прогнали отсюда... Это такое необыкновенное, злое существо!.. И что у нея была за цѣль;—никто не понимаетъ.

— Леди Сесилія, вы меня поражаете. Что-же сдѣлала миссъ Эрикастль?

— Она рассорила леди Дангерфильдъ съ мужемъ и, какъ кажется, навсегда.

— Рассорила съ мужемъ? Но какимъ-же это образомъ? расскажите мнѣ, ради Бога, все, леди Сесилія.

— Это просто невѣроятно! Помните вы эту исторію съ маскараромъ м-съ Эверлейгъ? Джиневра хотѣла ѣхать туда съ майоромъ Фаркландомъ въ мужскомъ костюмѣ, а сэръ Ричардъ возсталъ противъ этого. Это было еще при васъ. Сэръ Ричардъ сказалъ женѣ, что если она поѣдетъ, то онъ разстанется съ ней навсегда. Сначала Джиневра испугалась. Но эта миссъ Эрикастль, какъ какой-нибудь злой демонъ, уговорила ее обмануть мужа, сама сшила ей костюмъ пажы, сама ходила въ Кастльфоръ, взявшись отнести на почту письмо миледи къ Фаркланду и наняла для нея извозничій экипажъ, чтобъ отвезти ее къ м-съ Эверлейгъ. Джиневра въ этотъ вечеръ притворилась больною, ушла будто-бы лечь спать, а сама одѣлась и поѣхала въ маскараръ. И—что-же бы вы думали, мистеръ О’Доннель? въ этому не повѣрите!—миссъ Эрикастль сама нарядилась въ костюмъ „вождя Лары“ и поѣхала въ маскараръ вмѣсто майора Фаркланда! Вѣдь она высока, какъ мужчина; Джиневра ее не узнала и танцевала съ нею весь вечеръ.

— Но почему-же майоръ Фаркландъ не пріѣхалъ?

— Подождите, это будетъ впереди. Сэръ Ричардъ съ самаго начала подозрѣвалъ, что жена хочетъ обмануть его; онъ подсматрѣлъ, какъ она уѣхала, и самъ отправился въ маскарадъ слѣдомъ за ней. Тамъ онъ досталъ себѣ черное домино и весь вечеръ наблюдалъ за женой и за ея кавалеромъ. Передъ самымъ ужиномъ Лара исчезъ и Джиневра осталась одна. Потомъ, за ужиномъ, всѣ сняли маски и вдругъ Джиневра увидала передъ собой лицо сэра Ричарда!.. Онъ ни слова не сказалъ ей и вскорѣ ушелъ. Она, бѣдняжка, воротилась домой въ ужаснѣйшемъ состояніи, совсѣмъ потерпанная, въ слезахъ, въ лихорадкѣ. Прежде всего она спросила, гдѣ сэръ Ричардъ, и хотѣла бѣжать къ нему объясниться, но онъ не пріѣзжалъ домой, и съ тѣхъ поръ мы его не видали.

— Гдѣ-же онъ?

— Онъ въ Кастльфорѣ; выписалъ изъ Лондона своего повѣреннаго и хлопочетъ о томъ, чтобъ устроить дѣла и развѣхаться съ женой. Если-бъ былъ поводъ къ разводу, онъ охотно-бы развелся съ нею, но такъ-какъ нѣтъ достаточныхъ основаній, то они просто развѣдутся. Папа ѣздилъ уговаривать его, но онъ не хочетъ и слушать. Онъ кажется очень радъ, что все такъ случилось; онъ говоритъ, что жена мучила его пять лѣтъ и что пора ей, въ свою очередь, помучиться. Джиневра вслѣдствіи старалась добиться свиданія съ нимъ, но онъ не хочетъ ее видѣть. „Я ей сказалъ, говоритъ онъ, что если она будетъ въ маскарадѣ съ майоромъ Фаркландомъ, то чтобъ не показывалась мнѣ на глаза“.

— Но майора Фаркланда тамъ не было, прервалъ О'Доннелль.

— Всѣ твердили ему объ этомъ. Но онъ говоритъ, что это ему все равно. Однимъ словомъ, онъ ищетъ только, къ чему придраться, чтобъ расстаться съ женой. И все это надѣлала эта ужасная гувернантка! Джиневра остается здѣсь, пока какіе-то документы будутъ готовы, и потомъ... она должна уѣхать. Куда? она сама не знаетъ; она чуть не мѣшается въ умѣ. Скапдалъ... толки... сплетни,—все это приводитъ ее въ отчаяніе. Всѣмъ, всѣмъ она обязана этой адской женщинѣ!

— Но какъ-же открылись всѣ ея интриги? Развѣ она сама призналась?

— О, нѣтъ. Она пріѣхала на маскарада прежде Джиневры и первая встрѣтила ее въ своемъ обыкновенномъ платьѣ. Джиневра подняла такой гвалтъ, что мы все, папа, я и даже ваша сестра собрались около нея и она начала безсвязно рассказывать намъ всю исторію. Когда она упомянула о Фаркландѣ, то папа крайне удивился и сказалъ, что маіоръ никакъ не могъ быть въ маскарадѣ, потому что онъ самъ видѣлъ его въ этотъ самый день въ Кастльфорѣ и онъ при немъ уѣхалъ обратно въ Лондонъ съ шестичасовымъ поѣздомъ. Джиневра заспорила съ нимъ; онъ стоялъ на своемъ. Наконецъ, папа телеграфировалъ Фаркланду въ Лондонъ, спрашивая, гдѣ онъ теперь и былъ-ли онъ въ маскарадѣ. Отвѣтъ пришелъ: онъ въ маскарадѣ не былъ и самъ ѣдетъ сюда. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ и тутъ все открылось. Оказалось, что проеѣтъ Джиневры ѣхать въ маскарадъ тайно отъ мужа возбудилъ въ немъ опасенія за нее, въ случаѣ, если сэръ Ричардъ узнаетъ объ этомъ. Онъ написалъ ей длинное письмо, умоляя отказаться отъ безразсуднаго намѣренія и отказываясь самъ принять въ немъ участіе. Письмо это онъ передалъ лично миссъ Эрикастль, которая утромъ встрѣтила его въ вокзалѣ въ Бастльфорѣ, куда онъ пріѣхалъ парочно, чтобъ вѣрнѣе доставить письмо Джиневрѣ. „Но я никакого письма не получала, закричала Джиневра:—гдѣ миссъ Эрикастль? куда она его дѣвала!“ Миссъ Эрикастль свели на очную ставку съ Фаркландомъ и она преспокойно отвѣчала, что изорвала это письмо.

— Изорвала? зачѣмъ?

— За тѣмъ, что ей жалко было лишать леди Дангерфильдъ удовольствія ѣхать въ маскарадъ. У нея спросили, кто-же игралъ роль „вождя Лары“; она не хотѣла отвѣчать, но въ ея комнатѣ нашли этотъ костюмъ, тогда какъ она увѣрила Джиневру, что отдала его утромъ маіору Фаркланду. Послѣ этого, конечно, Джиневра велѣла ей тотчасъ-же оставить домъ, и она ушла, не говоря ни слова.

О’Доннель тяжело перевелъ духъ.

— Чудныя дѣла! сказалъ онъ;—куда-жъ она пошла?

— Она уѣхала въ Лондонъ; но передъ отъѣздомъ она имѣла разговоръ съ вашей сестрой, и послѣ этого разговора Роза не вставала, не пила и не ѣла. Джиневра также лежитъ въ

своей комнатѣ въ истерикѣ. Весь домъ въ переполохѣ. Папа говоритъ, что миссъ Эриккастль — самъ сатана въ кринолинѣ.

— Я съ нимъ согласенъ. А гдѣ же ея поклонникъ, ея вѣрный рыцарь, Артуръ Тречень? Развѣ опъ не ломаетъ копыя въ честь ея?

Сесилія вся измѣнилась въ лицѣ при этомъ имени.

— Сэръ Артуръ уѣхалъ въ Корнваль, отвѣчала она холодно и принужденно; — очень рано утромъ уѣхалъ; новости до него еще не дошли.

— Это все очень, очень неприятно, сказалъ въ раздумьѣ О'Доннель; — но вы меня извините, леди Сесилія, если я не особенно симпатизирую вашей кузинѣ. Она сама виновата во всемъ...

— Ей отъ этого не легче. Впрочемъ, я и прежде знала, что вы не имѣете снисхожденія къ человѣческимъ заблужденіямъ.

Сесилія сдѣлалась еще блѣднѣе; глаза ея были опущены, губы дрожали. Онъ не понималъ, что съ нею.

— Да, продолжала она, — люди, которые прошли черезъ жизнь такъ, какъ вы, никого сильно не любя и не ненавидя, всегда становятся рѣвкими въ сужденіяхъ. Вы никогда не страдали, никогда не заблуждались и не можете понимать чувствъ тѣхъ, кто слабѣе васъ. Но я надѣюсь, что къ сестрѣ вашей, по крайней мѣрѣ, вы будете помягче; она въ горѣ и ей нужно утѣшеніе и сочувствіе.

Она повернулась и вышла изъ комнаты.

О'Доннель нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно. Что значили ея странныя слова и волненіе?

“Не та-ли это опять игра, что шесть лѣтъ тому назадъ? подумалъ онъ съ горечью; — нѣтъ, ужъ вы проучили меня, леди Сесилія, такъ проучили, что сами тому не рады“.

Онъ пошелъ въ комнату сестры и постучался въ дверь.

— Это я, Роза; можно войти?

Степаніе было ему отвѣтомъ. Онъ вошелъ и едва узналъ свою сестру въ этой блѣдной, призрачной, подавленной горемъ женщинѣ.

— Роза! вскричалъ онъ въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ, — мнѣ сказали, что ты больна, но я не ожидалъ, чтобъ до такой степени!..

Она обвила руками его шею и упала къ нему на плечо.

— Раймондъ! Раймондъ! не смотри на меня. Я не заслуживаю твоей любви... Я тебя обманывала! Теперь я все скажу тебѣ. Садись сюда.

— Милая Роза, ничего ты не скажешь мнѣ такого ужаснаго, чтобъ я пересталъ любить тебя. Успокойся, другъ мой. Вѣрно, это что-нибудь опять про Гастона Дантри?

— Да; Раймондъ... я-бы давно сказала тебѣ все... но, я боялась... я была малодушна. Слушай-же: я сказала тебѣ, что просто любила Гастона Дантри... теперь узнай, что онъ мнѣ мужъ. Мы съ нимъ повѣнчались семь лѣтъ тому назадъ!..

Задыхаясь, она упала лицомъ къ нему на колѣни: она ожидала взрыва негодованія, по его не было. Воцарилось глубокое молчаніе, показавшееся ей вѣкомъ.

(Продолженіе будетъ.)

ДЕРЕВЕНСКІЯ СТАРУХИ.

(Изъ Ф. Коппе.)

Юль идетъ къ концу, пустѣютъ избы въ селахъ:
Садится солнышко за массою тучъ тяжелыхъ,
Пророча близость бурь, и на поляхъ народъ
Спѣшитъ скорѣй убрать плоды своихъ работъ.
Приходитъ жатвы дни, дни сбора винограда:
Серпы оттачивать, гумно готовить надо,
Вставать съ зарей отъ сна и бодро на поля
Идти на праздникъ твой, кормилица-земля!
Но въ эти дни труда, тревоги и волненья
Старухи дряхлыя одиѣ во всемъ селеньи,
Невозмутимыя, съ клюками, у воротъ
На солнцѣ грѣются, не вѣдая заботъ.
Ихъ сгорбила давно тяжелая работа,—
Еще одежда ихъ хранитъ слѣды отъ пота,—
И счастливы онѣ, что могутъ на скамьяхъ
Сидѣть теперь весь день въ большихъ своихъ чепцахъ
Безмолвно, можетъ быть, безъ мысли сокровенной,
Смотря съ улыбкою неясной и блаженной,
Какъ солнце золотитъ и храмъ, поросшій мхомъ,
И море желтой ржи, подрѣзанной серпомъ.
Вѣдняжкамъ эти дни и сладостны, и милы.
Сидѣть до полночи съ семьей у нихъ нѣтъ силы
И одиночествомъ тоскливымъ ихъ дарятъ
Года послѣдніе: мужья въ могилахъ спать,
Уходить дочь на плотъ, зять возитъ хлѣбъ проворно,—
Имъ грустно, но онѣ везутъ свой крестъ покорно
И съ кроткой радостью въ слезящихся глазахъ
Баюкаютъ внучатъ при солнечныхъ лучахъ.
Пульсъ сердца въ старости, особенно въ селеньи,
Такъ бьется медленно и въ тактъ его биенью
Такъ сладостно качать неспѣшно колыбель..
Но дѣти выросли и жизненная цѣль

Ихъ манитъ въ дальній путь; имъ хочется свободы,
 И вотъ томятъ старухъ второго дѣтства годы,
 Отнявъ послѣднія игрушки ихъ—дѣтей.
 Онѣ могли-бъ сидѣть за прялкою своею,
 Но носится туманъ предъ тусклыми глазами,
 Нѣтъ больше силы прять дрожащими руками,—
 Руками этими, пзсохшими въ трудахъ,
 Любимыхъ мертвецовъ похолодѣвшій прахъ
 Онѣ въ тотъ самый холстъ нерѣдко одѣвали,
 Который по ночамъ онѣ когда-то ткали.

Но вѣчная нужда и падежи овецъ;
 Въ солдаты отданный любимецъ-первенецъ;
 Неурожайный годъ, зимою голоданье;
 Суровые труды безъ крпковъ и ронтанья;
 Дочь въ услуженіи, пеншущая къ нимъ;
 Тревоги тайныя съ страданіемъ пѣмымъ,
 Съ слезами въ тишицѣ, въ почпомъ уединеньи;
 Пожаръ на мельницѣ, прпнесшій раззоренье;
 Все говорящее о тягостномъ быломъ:
 Могилы тѣсныя на кладбищѣ родномъ,
 Гдѣ дѣти рѣзвятся веселыми толпами,
 Гдѣ высятся кресты, обвитые плющамъ,—
 Ничто не вызоветъ тоски о прошлыхъ дняхъ
 Въ ихъ изстрадавшихся и набожныхъ сердцахъ.
 Да, имъ душевный мръ на долю выпалъ тоже
 И, кажется, теперь для нихъ всего дороже
 Возможность посидѣть полуденной порой
 На каменной скамѣ, нагрѣтой въ лѣтній зной,
 Чтобъ молча посмотрѣть въ блаженномъ умленьи,
 Какъ утки плещутся, ныряя въ отдаленьи,
 Послушать дѣвушекъ, поющихъ надъ рѣкой,
 И видѣть, какъ коней ведутъ на водопой...
 Улыбкой счастья сіяютъ лица эти
 И кажутся онѣ безгрѣшными, какъ дѣти,
 Какъ будто бы онѣ про старое жительство
 Забыли навсегда, давно простили все,
 Утѣшившись, что ихъ хоть въ старческіе годы
 Уже не мучаютъ мшувшія невзгоды.

Ж. Н.

ДВА МІРА.

РОМАНЪ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Многолюдная, хотя не особенно шумная свадьба Юліи кончилась. Молодые остались одни, даже мать Юліи, послѣ нѣсколькихъ пролитыхъ слезъ и щедрыхъ поцѣлуевъ и благословеній, уѣхала къ себѣ, оставивъ дочь въ роскошно-отдѣланномъ домѣ князя, гдѣ праздновалась свадьба.

Князь былъ необыкновенно взволнованъ;—цѣлыхъ четыре часа онъ долженъ былъ выносить свѣтскіе, пошлые—какъ ему казалось—поздравленія и комплименты, всю эту болтовню праздныхъ языковъ и весь этотъ наборъ фарисейскихъ словъ, которыми обыкновенно награждаютъ *молодыхъ* въ первые часы послѣ ихъ брака. Приличія не позволяли князю не отвѣчать любезностями на любезности, но въ душѣ онъ сильно негодовалъ. Ему было досадно на своихъ гостей; ему было обидно, что Юлія, ставъ княгиней Горской, не ему даритъ свои первыя улыбки, а расточаетъ ихъ направо и налево, въ сущности равнодушнымъ къ ней, но любопытнымъ зрителямъ. Наконецъ, все въ домѣ затихло и за послѣднимъ гостемъ захлопнулась массивная дверь княжескаго дома.

— Уѣхали, сказалъ про себя князь, и вздохнулъ свободнѣе.

Онъ прошелъ анфиладу душныхъ и еще освѣщенныхъ комнатъ, въ которыхъ суетилась прислуга, задувая свѣчи и убирая хрустальныя тарелочки съ остатками лакомствъ, и тихо посту-

чалъ въ затворенную передъ нимъ дверь. Отвѣта не было. Онъ постоялъ и постучалъ снова. Ручка неслышно повернулась и дверь отворилась. Юлія, все еще въ свадебномъ нарядѣ, стояла передъ своимъ мужемъ. Голова ея была опущена, руки висѣли по бокамъ и терлись въ кружевныхъ волнахъ дорогого тюника; на лбу едва замѣтно обозначилась морщинка, придававшая ей видъ тревоги. И въ самомъ дѣлѣ, эта морщинка выдавала томительное состояніе духа Юліи; она съ безпокойствомъ думала о томъ, что минута расплаты подходитъ все ближе и ближе.

Юлія вполне удовлетворила своему тщеславію; она хотѣла сдѣлаться княгиней Горской, пожинать лавры въ свѣтѣ, блистать передъ своими подругами богатствомъ и общественнымъ положеніемъ. Наконецъ цѣль ея достигнута. Но дорого-ли ей обойдется достиженіе этой цѣли?—вотъ о чемъ она думала теперь. Передъ свѣтомъ она одержала оду изъ блистательнѣйшихъ побѣдъ, она могла съ гордостію сказать, что, можетъ быть, изъ тысячи ея подругъ, только ей одной выпала такая *счастливая* доля, и эту долю она завоевала своимъ *умньемъ нравиться*, своимъ *искусствомъ* поддѣлывать свои чувства, какъ она поддѣлывала выраженіе своего красиваго личика; но теперь, въ эту интимную минуту супружеской жизни, Юлія была *не княгиня*,—а законная жена. Юлія молчала, стоя не передъ княземъ, какъ она за полчаса сидѣла съ нимъ рядомъ за свадебнымъ столомъ,—а передъ своимъ мужемъ, съ которымъ неразрывно соединена ея судьба на всю жизнь. Она видѣла, что онъ былъ взволнованъ, что онъ не могъ произнести ни слова; она опустила глаза и долго не имѣла силы поднять ихъ. Наконецъ, она превозмогла себя и нерѣшительно взглянула на князя; глаза ихъ встрѣтились—Юлія вздрогнула, князь нервно схватилъ ее за руку.

— Милая моя! могъ онъ только произнести, и повелъ Юлію къ образу. — Помолимся! прошепталъ онъ и всталъ на колѣни.

Юлія тоже встала и сложила руки; на минуту исказилось ея лицо, изъ глазъ полились слезы. Князь не смотрѣлъ на нее, но и молиться не могъ; онъ машинально дѣлалъ десятеръ недодѣланныхъ крестовъ, но молитва не шла у него на умъ.

Онъ всталъ.

— Julie! воскликнулъ онъ,—любишь-ли ты меня, моя Julie!

— Да, едва слышно произнесла Юлія и слабо сжала его руку.

II.

На слѣдующее утро молодые встрѣтились въ будуарѣ. Юлія подставила князю свою мраморную щеку; во всемъ лицѣ ея не было ни кровинки. А князь былъ, какъ накупѣ, на седьмомъ небѣ счастья. Опъ восхищался Юліей, онъ былъ болѣе влюбленъ въ нее, чѣмъ когда-либо, онъ былъ такъ переполненъ своей любовью, что даже не замѣчалъ въ ея лицѣ довольно замѣтной перемены.

Да, въ Юліи совершилась необыкновенная перемена. Она, видимо, пережила въ нѣсколько часовъ цѣлую житейскую драму. Каждую минуту она должна была подавлять въ себѣ возмущающееся чувство и говорить себѣ страшныя слова: „я обманула его!“ Къ отвращенію Юліи прибавилось что-то очень близкое къ ненависти, когда она почувствовала, что избавиться отъ князя ей невозможно, что она связана съ нимъ на всю жизнь, и за его искреннее увлеченіе, за его горячую любовь и на его честный вопросъ, даже послѣ вѣнца, — любитъ-ли она его? — Юлія въ глубинѣ души своей отвѣчала рѣшительнымъ: „нѣтъ“.

Для Юліи было истиннымъ облегченіемъ, когда ихъ tête-à-tête былъ нарушенъ прїѣздомъ Екатерины Платоновны. Отъ глазъ опытной старухи не ускользнуло, что Юлія далеко не въ праздничномъ настроеніи духа. Она съ безпокойствомъ посмотрѣла на князя, но сіяющій видъ его тотчасъ-же успокоилъ ее. Поболтавъ съ тещей самымъ радушнымъ образомъ впродолженіи получаса, князь вышелъ изъ будуара.

— Юля, что съ тобой? былъ первый вопросъ Екатерины Платоновны.

— Ничего, отозвалась рѣзко Юлія:

— Ну, какъ-же *ничего* — ты сама на себя не похожа!

— За то я жена князя Горскаго и онъ любитъ меня... страстно любитъ... съ горькой ироніей произнесла Юлія.

— Ну, что-жь, и слава Богу, что мужъ твой любитъ тебя. Юлія молчала.

— Такъ тебѣ хотѣлось-бы, чтобъ мужъ твой не любилъ тебя?

Опять отвѣта не было.

— Юленька, что-жь ты мнѣ ничего не скажешь?

— Ахъ, мама, да что-жь я буду говорить вамъ! раздражительно проговорила Юлія, пожавъ плечами.

Катерина Платоновна холодно посмотрѣла на дочь.

— Вѣдь ты сама все дѣло сладила... начала-было она, но Юлія нетерпѣливо встала съ мѣста.

— Ну-да, ну-да; что-жь, развѣ я васъ въ этомъ упрекаю? Я очень счастлива, я княгиня, я богата и вдобавокъ мужъ мой влюбленъ въ меня... мнѣ остается только благодарить судьбу...

Юлія не договорила; она подошла къ окну и стала барабанить по стеклу пальцами. Катерина Платоновна была сильно озадачена.

— Ты сьумасшедшая, Юля, сказала она, наконецъ; — я рѣшительно не понимаю, чего ты хочешь...

Князь вернулся; всѣ трое прошли въ столовую завтракать. День тянулся для Юліи безконечно, но и онъ прошелъ. Вечеромъ доложили о пріѣздѣ Лопатиныхъ; Юлія, съ согласія князя, просила ихъ пріѣхать провести съ ней послѣдній вечеръ передъ ея отъѣздомъ за границу. Виктора не было, но Александръ явился сказать кузинѣ нѣсколько прощальныхъ словъ. Юлія была слишкомъ горда, чтобы подать поводъ думать, что она не вполне счастлива; только-что явились постороннія лица, тщеславіе взяло верхъ надъ всѣми другими чувствами и она сдѣлалась мила и пѣжна съ княземъ.

Между прочимъ, Александръ вспомнилъ о своемъ намѣреніи заказать сестрѣ бальное платье у той-же портнихи, у которой одѣвалась Юлія.

— Дайте мнѣ адресъ вашей швеи, сказалъ онъ: — я хочу чтобы Полина заказывала свои платья у нея-же.

— Извольте, я очень рада; она лишается во мнѣ главнаго источника своего дохода...

— Какъ, развѣ она не знаменитость?

— О, пѣтъ! Она училась у знаменитости, но потомъ оставила магазинъ. Знаменитость вдругъ стала дѣлать мнѣ безвкусныя одѣлки и я доискалась до причины; я отыскала мою швейку и, какъ сами видите, всегда одѣта со вкусомъ.

Юлія дала ему адресъ швеи и просила сказать ей, что это именно она, Юлія, посылаетъ его къ ней. Затѣмъ они заговорили о другомъ и скоро простились на долгое время.

III.

На слѣдующій день молодые предприняли свое заграничное путешествие. Они отправились прямо въ Ниццу, чтобы пробыть тамъ, сколько поживется. Князь хотѣлъ нанять виллу за городомъ, гдѣ-нибудь въ лимонной рошѣ, вдали отъ свѣта и людей, чтобы жить вполне другъ для друга, но Юлія не раздѣляла пасторальнаго настроенія своего мужа. Она старалась доказать ему, какъ неосновательно тратить десятки тысячъ, чтобы прожить какихъ-нибудь два-три мѣсяца. По ея мнѣнію, они должны были-бы поселиться гдѣ-нибудь въ отелѣ; это казалось ей гораздо удобнѣе и избавляло ихъ отъ домашнихъ хлопотъ, которыя, по ея мнѣнію, всегда нарушаютъ поэзію жизни. Князь былъ побѣжденъ; да впрочемъ, ему было все равно, гдѣ-бы ни жить, только-бы жить другъ для друга. Юлія осмотрѣла всѣ лучшіе отели и наняла помѣщеніе въ одномъ изъ самыхъ многолюдныхъ. Квартира ихъ была особнякомъ и великолѣпная, князь отдѣлалъ ее совершенно по вкусу своей жепы. Юлія имѣла утѣшеніе „жить на молодяхъ“ и, разыгрывая роль влюбленной молодой, окружать себя общими восторгами и вниманіемъ.

Все скучающее въ великолѣпномъ отелѣ и жаждущее чего-нибудь новенькаго было заинтересовано „молодыми“. Князю и Юлію оказывали множество любезностей и вниманія. Мало-по-малу завязались знакомства и Юлія проводила свой медовой мѣсяць веселѣе, чѣмъ думала. Утромъ она и князь выходили наслаждаться красотами южной природы, а по возвращеніи передъ завтракомъ мужъ читалъ ей въ слухъ газеты и журналы. Послѣ завтрака они ѣздили кататься, одни или, чаще, въ большомъ обществѣ. Такъ время и проходило до обѣда. Послѣ обѣда, который кончался не раньше восьми часовъ, она съ мужемъ проходила прямо въ общую гостиную и оставалась въ ней впродолженіи всего вечера; они поднимались къ себѣ уже далеко за полночь.

Князь былъ совершенно счастливъ. Юлія такъ явно пользовалась каждымъ случаемъ выказать ему вниманіе, что князю и въ голову не приходило усомниться въ ея любви. Чувство ревности никогда больше не смущало его. Восторгъ, который она возбуждала въ обществѣ, казался ему не только естественнымъ, но и

должны; ему было приятно, что Юлія не может погаться безъ того, чтобы сразу не расположить людей въ свою пользу. Правда, ему-бы иногда хотѣлось, чтобы въ ней было поменьше сдержанности, когда они бывали вдвоемъ, но онъ объяснял это ангельской скромностію женщины и еще больше любилъ ее за эту сдержанность. Другое дѣло—Юлія; при всемъ внѣшнемъ спокойствіи и блескѣ ей не доставало того внутренняго счастья. безъ котораго трудно примириться съ жизнью, какъ-бы она ни была роскошно обставлена. Юлія не могла побѣдить въ себѣ затаенной антипатіи къ князю и этотъ постоянный разладъ съ самой собою отравлялъ ей лучшія минуты ея жизни. Она дѣлала все, чтобы какъ можно больше быть между посторонними и какъ можно меньше оставаться съ мужемъ съ глазу на глазъ. Но она устранивала это незамѣтно, всегда глядя князя бархатной рукой, всегда выказывая явное желаніе сдѣлать такъ, какъ онъ хочетъ, и все-таки дѣлала по-своему.

День проходилъ за днемъ и, по внѣшности, Юлія какъ-будто свыклась и примирилась съ своей судьбой, но внутренне сердце ея постоянно возмущалось противъ неизбежности покоряться. Ничто не въ силахъ былъ заставить ее позабыть Александра. Часто задавала она себѣ вопросъ: почему она не сдѣлала ни шагу, чтобы быть его женой? Въ этой фразѣ для Юліи было *все*. Она чувствовала, что жизнь ея съ Александромъ была-бы совершенно иною, не такъ завидною по внѣшней обстановкѣ, но вполне отвѣчавшею инстинктамъ ея сердца и внутреннему миру. Она была-бы *ma-me Lapatine*, но имя это пемногимъ хуже ея собственнаго. При нѣкоторомъ *savoir-faire*, она могла-бы производить въ свѣтѣ не меньше эффекта, чѣмъ подъ ореоломъ княгини Горской. Александръ несомнѣнно любилъ ее, — могъ-ли-бы онъ устоять противъ женитьбы?

„И этотъ красавецъ былъ-бы моимъ мужемъ!.. а теперь?..“ И холодный потъ выступалъ на ея лбу при этомъ роковомъ вопросе.

Теперь только Юлія ясно поняла, что значитъ выйти за мужъ за пелюбимаго человѣка. Фактъ этотъ простъ и обыкновененъ, слова эти произнести очень легко, но подъ ними скрывается цѣлый рядъ мучительнѣйшихъ мыслей и чувствъ. Только современемъ, когда женщина или привыкнетъ къ своей роли, или сдѣлается, какъ ка-

мень, равнодушна ко всему окружающему, она припрется съ своимъ положеніемъ, но на первыхъ порахъ ей нужно постоянно подавлять и сдерживать себя. Ей кажется, что весь міръ сталь-бы другимъ, если-бы его не было съ ней, что люди стали-бы добрѣе и природа красивѣе. Ей кажется, что и сама она была-бы лучше и что даже о немъ вспоминала-бы безъ горечи и отвращенія. Все это много разъ передумывала Юлія, но тутъ передъ глазами ея вдругъ выросло огромное чудовище, египетская пирамида. Она всматривается, и что-же?—вмѣсто іероглифовъ, тутъ были человѣческія лица: старыя, молодыя, красивыя, уродливыя, умныя, пахальныя, — лица, которыя встрѣчались въ жизни. Лица эти живы, они мигаютъ, киваютъ и улыбаются ей. Она смотритъ въ вышину, пока глазъ можетъ что-нибудь разсмотрѣть—и пирамидѣ нѣтъ конца, и на какое-бы лицо она ни посмотрѣла, она непремѣнно встрѣтится съ нимъ глазами... Даже, когда она сидитъ среди многолюднаго общества, въ безукоризненномъ нарядѣ, когда она знаетъ, что всѣ восхищаются ею или завидуютъ ей, и тутъ повременамъ вдругъ что-то кольнетъ ее въ сердце и захватитъ дыханіе. Иногда взглянетъ она на князя—онъ улыбается своему собесѣднику или играетъ въ уголкѣ залы въ шахматы, и такъ онъ беззаботенъ, такъ спокоенъ, видно, что дни идутъ для него незамѣтно, безъ всякой борьбы, безъ внутреннихъ тревогъ, и вдругъ овладѣетъ Юліей бѣшеное желаніе сдѣлать ему что-нибудь очень, очень непріятное, чтобы онъ тоже страдалъ, чтобы онъ плакалъ и мучился, какъ она сама. И еще больше ненавидитъ она его, если въ эту минуту встрѣтятся ихъ глаза. Онъ ласково улыбнется ей и ждетъ, пока она тоже отвѣтитъ ему ласковой улыбкой. И губы Юліи, дѣйствительно, принимаютъ ту сладку, которая придаетъ имъ ласковое выраженіе.

Тяжелую работу задала себѣ Юлія, но она не отступила отъ своей задачи; она рѣшилась во что-бы то ни стало достойно удержаться въ своемъ высокомъ положеніи. Размышленія о князѣ находили на нее мучительнымъ наплывомъ и много разъ вродолженіи дни тревожили ее, но не все-же время думала она о немъ—у нея были и болѣе отрадныя мысли. Она много думала о своихъ нарядахъ, о томъ, какой болѣе всего подходитъ къ такому-то случаю. Иногда она долго колесалась, надѣть-ли ей

голубую ленту или зеленую, причесать-ли ей волосы длинными локонами или, напротивъ, подобрать ихъ высоко, на самое темя. И какъ въ институтѣ, такъ и теперь она любила по-долгу стоять передъ зеркаломъ и изучать различные оттѣнки выраженія своей физиономіи и игру своихъ артистическихъ манеръ. Кромѣ того. Юлія скоро замѣтила, что она недостаточно знакома съ модной беллетристивой и стала читать романы. Князь находилъ это совершенно естественнымъ и даже просилъ читать ихъ вслухъ, когда глаза ея утомлялись.

Такииъ образомъ, ихъ жизнь шла мирно и ровно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

На Васильевскомъ островѣ, у Средняго проспекта, въ пятой линіи, нанимала маленькую квартирку вдова Алексѣева и жила въ ней съ своей дочерью. Квартирка эта состояла изъ двухъ комнатъ и кухни. Изъ крошечной передней вела дверь въ приемную; войдя въ нее, можно было сразу догадаться, что тутъ живетъ швея. Комната была просторная, чистая и свѣтлая, мебель стариннаго фасона. У одной изъ стѣнъ стоялъ огромный платяной шкафъ, по бокамъ его двѣ передвижныя вѣшалки на ножкахъ; у противоположной стѣны—диванъ, передъ нимъ столъ и нѣсколько стульевъ. Всюду были разложены разныя недоконченныя платья всѣхъ цвѣтовъ и матерій. На стѣнахъ висѣло въ деревянныхъ рамкахъ нѣсколько этюдовъ карандашомъ, въ простѣнкѣ—зеркало, на окнѣ—канарейка.

Во всей комнатѣ только одинъ уголокъ представлялъ собой нѣчто веселое и уютное,—уголокъ у одного изъ оконъ. Въ немъ было очень удобное малиновое кресло новаго фасона, передъ нимъ столикъ съ тяжелой швейной подушкой; подоконникъ былъ уставленъ дешевыми цвѣтами; немножко въ сторону висѣла этажерка съ книгами. Видно было, что этотъ уголокъ устроенъ былъ заботливой рукой.

Сосѣдняя комната была спальня и столовая вмѣстѣ. Кромѣ двухъ кроватей,—одной, покрытой пестрымъ одѣяломъ, другой—бѣлымъ съ кпсейной оборочкой и кпсейнымъ-же покрывальцемъ

на подушкахъ,— въ этой комнатѣ былъ большой столъ, шкэфъ съ посудой, кіотка съ образами и нѣсколько стульевъ.

Въ приемной комнатѣ, на стулѣ у окна, подъ самой канарейкой, сидѣла женщина лѣтъ пятидесяти въ ситцевомъ черномъ платьѣ съ бѣлыми точками, въ старенькой душегрѣйкѣ и въ кисейномъ чепчикѣ, обшитомъ около лица густой рюшью. Все на ней было акуратно, но старенько. Она тщательно выводила не совсѣмъ ровные стежки, зашивая что-то старое.

На малиновомъ креслѣ помѣщалась дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Она не была въ траурѣ. Ея станъ гладко охватывало сѣрое шерстяное платье, обшитое чернымъ бархатомъ, сверхъ котораго былъ надѣтъ розовый холстинковый передничекъ съ карманами и оборкой. Дѣвушка не была ни худа, ни полна. Темные волосы ея были зачесаны назадъ и на затылкѣ обвивались около гребня. Темно-сѣрые глаза смотрѣли необыкновенно ясно, дѣтски-ясно, если можно такъ выразиться; на щекахъ разливался нѣжный румянецъ. Видно было, что эта дѣвушка *береженная*, ее держали какъ *барышню*, и если-бы она не сидѣла въ эту минуту надъ спѣшной работой, надъ стежкой шелковаго лифа, ее никто-бы не принялъ за бѣдную швейку.

Старуха была вдова Дарья Осиповна Алексѣева, а молодая — дочь ея, Маша.

Разныя грустныя обстоятельства заставили Машу сдѣлаться швеей. Отецъ ея, мѣщанинъ, торговалъ на Васильевскомъ островѣ посудой. У него было двое дѣтей — сынъ и дочь. Сынъ былъ тремя годами старше дочери и посредствомъ чьего-то покровительства попалъ на казенный счетъ въ гимназію. Дочь-же поправилась одной богатой барышнѣ, которая заходила иногда въ лавку ея отца покупать посуду. Барышня немпожко скучала дома и отъ печего дѣлать стала учить Машу читать и писать. Маша была не только красива, но оказалась и понятливой; барышня полюбила ее и Маша изъ году въ годъ ходила къ ней учиться два раза въ недѣлю. Но барышня сама воспитывалась въ какомъ-то пансіонѣ и всего знала по-немпожку. Больше всего любила она произведенія нашихъ поэтовъ и познакомила съ ними Машу очень рано. Уже въ одиннадцать лѣтъ Маша знала на-память цѣлыя отрывки стиховъ и съ волненіемъ подражала декламации барышни. Она пристрастилась въ стихамъ, потому что они

„звучать такъ пріятно“, какъ она говорила. Этотъ вкусъ къ пріятному сталъ развиваться въ Машѣ съ удивительной быстротой; рѣшительно во всемъ она стала прежде всего подмѣчать изящную сторону. Барышня поощряла этотъ вкусъ и мечтала сдѣлать изъ Маши художницу.

Отецъ барышни былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ профессоровъ живописи въ академіи художествъ; у него была бездна картинъ и эстамповъ. Иногда дочь просила у отца позволенія просмотрѣть одну или двѣ изъ его папокъ; лучшіе изъ нихъ она уносила въ свою комнату и разсматривала ихъ вмѣстѣ съ Машей. Она объясняла Машѣ, какъ умѣла, сюжеты картинъ, а ученица жадно слушала ее, не отрывая глазъ отъ картины и провѣряя, то-ли живописецъ нарисовалъ, что говоритъ барышня. Иногда она находила, что онъ не такъ передалъ свою мысль, какъ-бы слѣдовало, и говорила это барышнѣ, а барышня приходила въ восторгъ отъ ея артистическаго чутья и съ жаромъ принималась внушать ей, что она непременно должна сдѣлаться художницей.

Дѣтство Маши было вполне счастливое, — она не помнила, чтобъ отецъ или мать когда-либо ударили ее или строго побранили. Ее всегда баловали и холили, а съ тѣхъ поръ, какъ она стала ходить къ барышнѣ и какъ барышня часто хвалила ее родителями, ей стало еще лучше. По мѣрѣ того, какъ она училась и дѣлала успѣхи, съ ней обращались какъ съ большой и съ равной.

На одиннадцатомъ году, по желанію барышни и съ согласія родителей, Маша начала учиться рисованію. Барышня съумѣла такъ заманчиво представить старикамъ, какая завидная доля предстоитъ Машѣ въ будущемъ, какъ художницѣ, что Алексѣевы не только не мѣшали дочери заниматься живописью, но и поощряли ее. Могло-ли имъ придти въ голову сдѣлать изъ нея сидѣлку въ посудной лавкѣ, когда дочь одного изъ тузовъ искусства брала ее подъ свое покровительство и обѣщала поставить ее на ноги? Кроме того, у нихъ оставался сынъ, котораго они знали мало, такъ-какъ онъ приходилъ къ нимъ только по воскресеньямъ, и изъ котораго отецъ рассчитывалъ сдѣлать своего помощника. Но когда сынъ перешелъ въ седьмой классъ, а Машѣ было уже болѣе четырнадцати лѣтъ, старшій Алексѣевъ умеръ.

Эта смерть перевернула всю жизнь семейства Алексѣевыхъ. На-личнаго капитала у нихъ не было, онъ весь былъ въ торговыхъ оборотахъ и такъ незначителенъ, что только навывкомъ и расчетливостью старикъ могъ поддерживать свою *коммерцію* въ продолженіи многихъ лѣтъ. Дарья Осиповна, по смерти мужа, продолжала торговлю, но дѣло шло хуже и хуже. Коммерческіе расчеты никакъ не давались ей, а взять сына изъ гимназіи, когда ему оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ до выхода, ей было жаль, да и сынъ убѣдительно просилъ оставить его кончить курсъ. Дѣла Дарьи Осиповны, наконецъ, совершенно запутались и необходимо заставила ее все распродать и раздѣлаться съ лавкой. По окончаніи ликвидаціи, у нея оказался небольшой капиталецъ, тысячи въ двѣ, и двое несовершеннолѣтнихъ дѣтей на рукахъ.

А между тѣмъ Маша дѣлала быстрые успѣхи въ рисованіи; всѣ стѣны изъ квартіры были увѣшаны ея рисунками — головками, сдѣланными смѣлымъ и бойкимъ штрихомъ. Дарья Осиповна надѣялась найти кой-какую работу, и перебиваясь кое-какъ, дожидаться той минуты, когда Мама выростетъ и будетъ въ состояніи зарабатывать себѣ хлѣбъ живописью. Она надѣялась, что, по выходѣ изъ гимназіи, сынъ ея тоже прищепитъ себѣ мѣстечко и облегчитъ ея положеніе. Но расчеты ея не сбылись.

Покровительница-барышня вышла замужъ за итальянца и поѣхала съ нимъ на его родину, а подъ покровительствомъ ея отца уже было столько бѣдныхъ учениковъ, что онъ почти не обращалъ вниманія на Машу. Кромѣ того Маша стала понимать, что не такъ-то легко добиться въ живописи порядочныхъ результатовъ, что нужно убить много лѣтъ на ученіе и много положить на него трудовъ, здоровья и денегъ. Смерза, пока она еще была ребенкомъ, ей очень легко было заслужить похвалу и одобреніе, но когда отъ нея стали требовать уже сознательной работы и строгаго соблюденія гармоніи линій и чистоты рисунка, она увидѣла, что не такъ-то легко все это дается, какъ она воображала. Это открытіе нисколько не обезкуражило Машу, — она была готова еще втрое больше работать, — но ее обезкураживало другое: она узнала, какъ различныя условія художественнаго образованія, предоставленныя юпопамъ и дѣвушкамъ. „Безъ натуры и анатоміи, говорилъ часто профессоръ, — нельзя дойти до *правды*; пока вы не пройдете черезъ эту школу, вы всегда будете дѣлать ошибки въ пропорці-

яхъ. Займитесь лучше пейзажемъ, цвѣтами или одной головкой безъ торса. Вы знаете, что дѣвцы у насъ не допускаются рисовать натуру". Маша никакъ не могла примириться съ советомъ профессора. Воображеніе уносило ее далеко и представляло ей цѣлыя картины, изображенныя на полотнѣ, а ей совѣтовали рисовать цвѣточки!

Все это очень огорчало Машу и она не разъ говорила объ этомъ съ своей матерью, но все-же продолжала рисовать съ гипса, пока еще не рѣшила, слѣдуетъ-ли ей оставить рисованіе и поискать чего-нибудь другого.

Весной сынъ Дарья Осиповны вышелъ изъ гимназіи. Торговли больше не было и онъ, по словамъ матери, долженъ былъ самъ пристроить себя къ занятію. Но въ головѣ юноши засѣло другое: онъ непремѣнно хотѣлъ продолжать свое образованіе. Между вдовой и ея дѣтьми пошли безконечныя толки о томъ, какимъ образомъ это можно было-бы осуществить. Сынъ увѣрилъ мать, что ему нужно очень небольшую поддержку для начала, какую-нибудь сотню рублей, чтобъ выйти на самостоятельный путь. Мать этому охотно вѣрила, но это разрушало всѣ ея планы. Она надѣялась, что сынъ, окончивъ гимназическій курсъ и пристроивъ себя къ какому-нибудь дѣлу, черезъ годъ, много черезъ два, въ состояніи будетъ содержать не только себя, но и сестру, а тутъ ей нужно было еще надолго отказаться отъ этой надежды.

Маша отнеслась къ желанію брата иначе. Съ горемъ дошла она однажды до убѣжденія, что мать хочетъ упростить брата принести ей жертву, для того, чтобъ она могла продолжать любимое ея занятіе. Несмотря на свою молодость, она стала думать, на чьей сторонѣ выгода и кому изъ нихъ легче выбиться—ей или брату? Тысячу разъ передумывала она все то-же и то-же, и безпопощадная дѣйствительность доказывала ей, что мужчине все-таки легче пробить себѣ дорогу, что братъ ея съ меньшими трудами могъ-бы дойти до желанныхъ результатовъ, а ей придется еще много-много лѣтъ посвятить на свое ученье, и, кто знаетъ, пробьется-ли она, несмотря на всѣ свои усилія и жертвы своего брата? Горько плакала Маша, раздумывая объ этомъ въ своемъ уединеніи. Она сообщила о своемъ планѣ брату и просила дать ей отвѣтъ по совѣсти и сказать всю правду. Онъ могъ

только подтвердить справедливость ея разсужденія. Маша больше не колебалась.

И дочери, и матери было одинаково трудно отказаться отъ мечты, которую онѣ лелѣяли уже много лѣтъ, но необходимость заставила ихъ покориться. Маша вышла изъ школы, братъ ея поступилъ въ университетъ. Братъ исполнилъ свое обѣщаніе, и ни копейки не стоилъ матери; онѣ платилъ ей за себя, но лишняго не могъ давать ничего. Она и не думала просить его объ этомъ; она видѣла, какъ много онѣ трудился и какъ трудно ему доставался трудовой грошъ. Хотя онѣ и жилъ съ сестрой и съ матерью, но онѣ почти не видѣли его: почти весь день онѣ проводилъ внѣ дома, а когда возвращался, то работалъ не поднимая головы.

Машѣ Дарья Осиповна не могла предложить ничего другого, какъ поступить къ какой-нибудь хорошей портнихѣ на обученіе. Зная, какой опасности подвергаются молодыя дѣвушки во время своего обученія, Дарья Осиповна не рѣшилась отдать Машу на житье въ мастерскую. Она помѣстила ее къ одной французкѣ, съ тѣмъ условіемъ, что Маша будетъ приходить къ ней утромъ и уходить вечеромъ. Дарья Осиповна сама отводила Машу и сама приходила за ней. Условіе было заключено на три года.

Мастерица скоро замѣтила, что Маша приноситъ ей большую выгоду. Дѣвушка работала съ такимъ усердіемъ, легкостью и вкусомъ, что уже черезъ два года только кроила и нашивала отдѣлки. Воображеніе помогло Машѣ и въ швейномъ искусствѣ; ея отдѣлки носили отпечатокъ не простого навыка, пріобрѣтеннаго привычкой, но чутья артистки. Мастерица отличала ее за это, дѣлала ей льготы и учила ее говорить по-французски; она даже обѣщала платить ей хорошее жалованье по окончаніи ученья, если Маша согласится переѣхать къ ней и сдѣлаться главной закройщицей. Но на это Маша не могла дать отвѣта впередъ.

Три года спустя послѣ поступленія ея брата въ университетъ и незадолго до окончанія срока ея ученья, на голову вдовы и дочери упалъ страшный ударъ: единственная ея надежда, сынъ ея, вдругъ оставилъ университетъ и, подъ вліяніемъ юношескаго увлеченія своей ученицей, дѣвушкой богатаго семейства, отправился съ этимъ семействомъ, въ качествѣ учителя, за-границу...

Съ горькими слезами простились съ нимъ мать и сестра; для нихъ онъ все равно, что умеръ...

И положеніе Маши въ мастерской сдѣлалось невыносимымъ. Пользуясь ея безусловной покорностью и нуждой, на нее возлагали такой непосильный трудъ, что она стала чувствовать боль въ груди и сильное, болѣзненное истощеніе. Дѣвушка возвращалась домой измученной и нерѣдко съ воспаленными глазами отъ утомленія и слезъ. Она долго молчала, чтобы не огорчить матери, наконецъ, не вынесла и сказала ей:

— У мастерицы мнѣ быть дольше не подъ силу; я лучше дома работать буду, мамочка.

Подумали онѣ, и Маша стала работать у себя. Онѣ наняли ту квартирку, въ которой ихъ застали. За эти годы изъ ихъ маленькаго капиталца выбыло много сотенъ, и Маша должна была рассчитывать только на свои руки.

Она не пропала. Двѣ-три изъ постоянныхъ закасчицъ ея мастерицы вдругъ стали недовольны работой магазина и замѣтили, что ихъ принимаетъ не Маша, а другая дѣвушка. Онѣ спросили, гдѣ Маша, и добились ея адреса. Дѣвушкамъ, какъ Юлія, портниха, подобная Машѣ, очень съ руки: она — неизвѣстная, начинающая, дорожить практикой и главное — беретъ за работу чуть-ли не треть того, что нужно платить модному магазину. Для небогатыхъ барынь это очень важное условіе, тѣмъ болѣе, что, пользуясь всѣми удобствами, онѣ какъ-будто еще и благодѣяніе оказываютъ, а потому и не церемонятся заставлять двадцать разъ передѣлывать платье, если оно не совсѣмъ приходится имъ по вкусу. Такимъ образомъ, Маша имѣла столько заказовъ, что Дарья Осиповна должна была отказаться отъ своего мѣста, — она всѣ эти годы была сторожихой при баняхъ, — и взять на себя свое маленькое хозяйство.

II.

Мать и дочь сосредоточенно и молча работали — каждая спѣшила окончить свою работу. Дарья Осиповна, наконецъ, прервала молчаніе.

— Вотъ ужъ скоро и Великій постъ — какой-нибудь мѣсяцъ остался...

— Да, мама, работы будетъ поменьше, возразила Маша.

— Замучила тебя Юлія Петровна, совсѣмъ лица на тебѣ нѣтъ.

— Ничего, сегодня я ужъ отдохнула. А мнѣ все-же очень жаль, что она уѣхала: вѣдь главная-то работа отъ нея была.

— За то ужъ и капризница!..

— Всѣ онѣ такія; Юлія Петровна ничуть не хуже другихъ. Напротивъ, если она довольна, то такъ и говоритъ; и князю даже при мнѣ сказала: „вотъ та дѣвица, которая шьетъ мнѣ такія славныя платья!“ А другая, мама, вѣдь и этого не скажетъ.

Дарья Осиповна ничего не отвѣтила; она только махнула рукой, будто желая сказать: „пу ихъ!“—и обѣ продолжали работать.

Въ часъ мать и дочь сѣли обѣдать, а въ два Маша уже опять точала свой лифъ, а старуха опять сидѣла у другого окна.

Изъ дому ихъ подъѣхали щегольскіе сани. Изъ нихъ вышелъ высокій господинъ и сталъ звонить дворника.

— Смотри-ка, Маша, какой богатый баринъ у насъ остановился! Ты его не знаешь?

— Какой красивый! Нѣтъ, мама, откуда-жъ мнѣ его знать?

— Я думала, что это, можетъ быть, кто-нибудь изъ тѣхъ, что ѣздили къ вашей мадамъ.

— Нѣтъ, его тамъ никогда не бывало.

Маша продолжала шить; минуты черезъ три раздался звонокъ въ ихъ скромной квартиркѣ.

— Здѣсь живетъ Алексѣева, швея?

— Здѣсь-съ, пожалуйста.

Красивый господинъ, знакомый намъ Александръ Лопатинъ, вошелъ въ приемную. Маша встала и поклонилась ему. Александръ взглянулъ на нее и тотчасъ-же лицо его приняло пріятное и любезное выраженіе.

— Меня послала къ вамъ моя двоюродная сестра, Юлія Петровна, и рекомендовала мнѣ васъ, какъ швею-артистку. Впрочемъ, я имѣлъ уже много доказательствъ, что это вполне справедливо.

Онъ слегка поклонился. Маша подала ему стулъ. Онъ сбро-

силъ свою дорогую шубу и сталъ объяснять Машѣ причину своего визита, прося помочь ему придумать сестрѣ его, Полинѣ, бальный нарядъ. Онъ подробно описалъ наружность сестры и передалъ Машѣ лифъ одного изъ ея платьевъ.

Маша положила передъ Александромъ цѣлую кипу модныхъ картинокъ и они вмѣстѣ выбрали самый изящный костюмъ. Александръ замѣтилъ, что Маша, дѣйствительно, артистка. Онъ взглянулъ на нее и потомъ, случайно, на стѣну. На ней висѣла въ черной рамкѣ голова Ромула. Работа была превосходная и штрихъ смѣлый.

— Какой славный рисунокъ, замѣтилъ мимоходомъ Александръ. Маша покраснѣла.

— Это только работа начинающей, выдала она себя.

— То-есть чья?

— Моя, давнишняя, когда я была почти ребенкомъ.

Александръ посмотрѣлъ вопросительно.

— Да-съ, когда отецъ былъ еще живъ и мы были люди съ достаткомъ, пояснила старуха.

Маша вся вспыхнула и поспѣшила замять этотъ разговоръ.

— Сдѣлайте одолженіе, поблагодарите отъ меня Юлію Петровну за то, что она не забыла меня, а я приду помѣрить вашей сестрицѣ платье въ субботу утромъ.

— Хорошо-съ; вотъ нашъ адресъ и наша фамилія; по утрамъ сестра всегда дома.

Александръ простился и вышелъ. Маша подошла къ окну и смотрѣла, какъ онъ садился въ сани; потомъ она опять принялась за свой лифъ. Но красивый господинъ не выходилъ у нея изъ головы. Ея бѣдная комната показалась ей еще бѣднѣе, мебель еще дряхлѣе и непригляднѣе, а онъ какъ будто озаренный свѣтлымъ лучемъ. Его длинные рыжеватые волосы блестѣли на солнцѣ точно золото; его темные большіе глаза горѣли какимъ-то особеннымъ блескомъ; рыжеватая бородка окаймляла кожу необыкновенной бѣлизны и тонкости, а руки его были такъ безукоризненно-прекрасны, какъ модель, съ которой Маша не разъ рисовала идеаль мужской руки. Отъ него пахло какими-то нѣжными духами, запахъ которыхъ долго послѣ его ухода все еще чувствовался въ комнатѣ.

Въ ея воображеніи замелькали всевозможные герои произведе- ній Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова.

„Демонъ, вѣрно, былъ такой-же красивый!“ подумалось ей и она стала мысленно повторять лучшія мѣста изъ демона. — „Вотъ, если-бъ я была теперь художницей, я-бы нарисовала Демона!“

Машѣ представилась цѣлая картина; она стала придумывать общій планъ и всѣ ея мельчайшія подробности. Передъ ней замелькали кисти, краски, полотно, палитра. Ей представилось, что она сидитъ въ своей мастерской и дѣлаетъ углемъ эскизъ той картины, которая такъ ясно и живо отпечатлѣлась въ ея воображеніи.

Она замечталась. Она работала нервно, безпокойно и почти не смотрѣла на свое шитье; мысли ея были совершенно въ дру- гомъ мірѣ. Она уколола палецъ и тутъ только опомнилась.

— Что я, сумасшедшая! громко вскрикнула она.

— А что, Маша?

— Палецъ уколола и не замѣтила, что криво нашила! Все нужно распороть, вотъ скука-то!

— Какъ-же ты это не замѣтила?

— Да вотъ, совсѣмъ не о томъ думала.

— О чемъ-же ты это замечталась?

— О книгахъ старыхъ...

— То-то! ужъ я думала, о чемъ-нибудь новомъ.

Маша вспыхнула.

— Да, и о новомъ... застѣнчиво прибавила она; — какой этотъ господинъ долженъ быть добрый: какъ онъ о сестрѣ своей заботится.

— И, и, Маша, полно! Что за особенная доброта такая, — сѣлъ въ сани и прокатился! Я тутъ никакой доброты не вижу.

— Все-таки, мама, много-ли братьевъ о сестрахъ своихъ за- ботятся? Я почти никого не знаю; все имъ кажется, что другія хороши, а сестры — такъ-себѣ, что на нихъ глядѣть! А этотъ съ какой любовью о своей заботится: чтобъ и хорошенькая-то она была, и чтобъ платье-то ей по вкусу пришлось.

Дарья Осиповна ничего не возразила дочери.

— Вѣдь правда, мама? спросила Маша, помолчавъ.

— А кто ихъ знаетъ! — отвѣтила старуха и разговоръ между ними прекратился.

III.

Въ назначенную субботу Маша отправилась примѣрить Поленькѣ платье, и оно оказалось впору. Поленька не приняла никакого участія въ примѣркѣ и крайне равнодушно отнеслась къ своему наряду. Она обошлась съ Машей вѣжливо и общалась прислать за платьемъ, но Маша не видѣла въ ней той привѣтливости, которая была въ ея братѣ, и по красотѣ она многимъ уступала ему. Александра Маша не видѣла, — его не было у Поленьки, — за то на стѣнѣ висѣли три фотографическіе портрета: ея, матери и по бокамъ — обоихъ братьевъ. Маша сейчасъ-же узнала въ одномъ изъ нихъ Александра; но впечатлѣніе, произведенное его приходомъ, уже сгладилось, а портретъ его, сдѣланный однообразнымъ колоритомъ фотографіи, скорѣй терялся, чѣмъ выступалъ въ общемъ однообразіи довольно яркихъ цвѣтовъ пестрой мебели; онъ глядѣлъ какъ-то безжизненно и столько-же напоминалъ живого Александра, сколько высушенный цвѣтокъ напоминаетъ живой, въ полномъ его блескѣ и свѣжести.

„Какъ, однако, фотографія безжизненна, подумала Маша; — то-ли дѣло, если-бъ этотъ портретъ былъ написанъ красками. Если-бы я умѣла теперь писать, онъ, можетъ быть, пріѣхалъ-бы ко мнѣ и заказалъ-бы портретъ вмѣсто этого платья“.

Маша, однако, съ вниманіемъ исполнила свою обязанность портнихи и до мелочей исправила всѣ недостатки своей работы. Когда она пришла домой, она рассказала матери, какъ богато и хорошо живутъ Лопатины и какая добрая, вѣжливая и внимательная — эта Поленька.

— Постараюсь хорошенько потрафить, сказала Маша, — можетъ быть, еще работы дадутъ, хотя она, кажется, не модница и не любитъ нарядовъ. Ей мать говоритъ: ты, Полина, посмотри хорошенько въ зеркало, нравится-ли тебѣ; а она дѣлаетъ только видъ, что смотреть: да, мама, мнѣ очень нравится, вѣдь это Саша выбиралъ, такъ должно быть хорошо.

— Ну, что-жь, и лучше съ такой дѣло имѣть, по крайней мѣрѣ, нѣтъ капризовъ и неудовольствій.

— А мнѣ такъ обидно стало, что я всѣ свои старанія на ея платье положила, а она какъ-будто и не посмотрѣла.

— Подожди, Маша, вѣдь оно еще не кончено; вотъ какъ оно совсѣмъ готово будетъ, такъ ужъ навѣрно поправится.

Маша принялась за работу. Прошло еще два дня и впечатлѣніе, произведенное на нее Александромъ, совсѣмъ ступевалось. Въ тотъ самый день, когда Маша оканчивала свою работу, Александръ вторично вошелъ въ ихъ квартиру. Маша сидѣла спиной къ двери и увидѣла его въ зеркало.

— Извините, что я такъ вторгаюсь къ вамъ, но сестра сказала мнѣ, что скоро пошлетъ за платьемъ, вотъ я и заѣхалъ посмотрѣть, удалось-ли оно. — Чудо! воскликнулъ онъ, отойдя на нѣскольکو шаговъ; — да вѣдь вы настоящая артистка, Марья Михайловна.

Маша покраснѣла до ушей и сердце ея забилося, — такъ ей пріятно было слышать, что ея вкусъ признанъ артистическимъ такимъ человѣкомъ, какъ Александръ.

— Это не простое исполненіе бальнаго наряда, продолжалъ Александръ: — тутъ своего рода вдохновеніе и талантъ! Какъ жаль, что это только платье, а не какое-нибудь произведеніе искусства! докопчилъ онъ, опять взглянувъ на Ромула.

Машей овладѣлъ какой-то восторгъ; если-бъ она смѣла, она-бы схватила его руку и поцѣловала ее. Онъ понялъ, что она вложила въ это платье много труда и частицу своего художественнаго таланта. Въ первый разъ ей приходилось быть творцомъ, а не простымъ исполнителемъ чужого вкуса, — даже платья. И когда она его задумала и исполнила, онъ воскликнулъ: „чудо!“ Что было-бы, если-бы вмѣсто платья она исполнила того-же Демона, какъ онъ представлялся ей нѣсколько дней тому назадъ! О, онъ навѣрно тоже сказалъ-бы: „чудо!“

Все это вдругъ завертѣлось въ головѣ Маши, и она только черезъ нѣсколько минутъ замѣтила, что кромѣ „здравствуйте“ еще не сказала гостю ни слова, — *дорогому гостю*, который первый понялъ тѣ чувства, которыя таились въ ея душѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, подойдите поближе, сказала она, — можетъ быть, вблизи вы найдете что-нибудь неловкимъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ подойдя, — и вблизи не нахожу ничего, къ чему можно было-бы придраться! Простите меня за нескромное замѣчаніе, но мнѣ, право, очень страшно и необъяснимо, какъ это вы стали швеей? Говорю вамъ серьезно, ваше призваніе быть художницей.

— Не всегда можно дѣлать то, что хочется, отвѣтила Маша:—я хотѣла быть художницей, да обстоятельства не позволили.

Александръ былъ еще въ шубѣ; онъ снялъ ее и сѣлъ.

— Незваный гость хуже татарина, сказалъ онъ,—но я все-таки не могу устоять противъ желанія узнать, какія злыя обстоятельства загубили явные признаки большого таланта?

Онъ вопросительно взглянулъ на Машу. Она начала было отдѣлываться общими фразами, но Александръ съ такой искренностью настаивалъ на томъ, чтобы она сказала ему правду, что мать и дочь откровенно рассказали ему, какія невзгоды довели Машу до необходимости взяться за иголку.

— Вотъ такъ-то, заключила Дарья Осиповна,—дошелъ сынъ мой почти до конца ученя и сломился; мы съ дочкой и остались сиротами.

— Такъ онъ былъ въ университетѣ?

— Да-съ, въ университетѣ, вотъ и книги его еще остались.

Дарья Осиповна указала на верхнюю полку этажерки. Александръ подошелъ; книги студента были на второмъ планѣ, а на первомъ—любимые поэты Маши. Онъ посмотрѣлъ на заголовки.

— Это мои, сказала она, подходи вмѣстѣ съ Александромъ.

— Наши лучшіе поэты! Вы ихъ всѣхъ читали?

— Да, ужъ очень давно; моя покровительница дарила мнѣ ихъ въ разные праздники.

— Не то, что читала, замѣтила Дарья Осиповна:—наизусть знаетъ; изъ году въ годъ только и было одно это чтеніе. Да и читать-то ей некогда было: все у мастерицы сидѣла. Иногда въ шесть часовъ утра отправится, а домой возвращалась только послѣ полуночи. Я за ней приду въ восемь, да гдѣ-нибудь въ уголку и засну, дожидаясь, пока ее отпустятъ. Домой она придетъ усталая, какое-жъ тутъ чтеніе!

— А съ другими авторами нашей литературы вы знакомы? спросилъ Александръ.

— Очень мало, отвѣтила Маша:—мнѣ иногда попадались стихи или повѣсти, но очень рѣдко.

— Постойте-же, я завезу вамъ книги, которыя васъ займутъ: повѣсти и романы Тургенева. Вы увидите, какъ они интересны.

— Благодарю васъ, вы очень добры, но, право, я ничѣмъ не заслужила вашей любезности.

— Помилуйте! мнѣ это ничего не стоитъ, а вамъ доставить удовольствіе.

— Только я, можетъ быть, не буду въ состояніи возвратить ихъ вамъ довольно скоро: я могу читать только вечеромъ...

— Держите сколько хотите: у меня нѣсколько экземпляровъ этихъ сочиненій. Я кому-то собирался подарить ихъ, да такъ они и остались на моемъ столѣ.

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Ай-ай, сколько времени я у васъ отнял!

Онъ набросилъ на плечи шубу и схватилъ шапку.

— Прощайте, Марья Михайловна, еще разъ благодарю за платье. Прощайте, матушка.

Онъ протянулъ Машѣ руку и вѣжливо пожалъ ее, а Дарьѣ Осиповиѣ только поклонился и вышелъ. Проводивъ его до двери, Маша вернулась къ платью и съ особеннымъ тщаніемъ сложила его, чтобы не заставлятъ ждать посланнаго. Заснувшія было мечты съ новой силой начали осаждать ее. Что-то радостное и праздничное представлялось ей при мыслѣ объ Александрѣ. Онъ былъ точно свѣтлый лучъ, проникнувшій въ темный казематъ заключеннаго. Однообразная жизнь Маши скрашивалась теперь болѣе радостными ощущеніями...

Она провела надъ шитьемъ лучшіе годы своей юности, она часто чувствовала, какъ тѣло ея разбито отъ усталости, а голова горитъ отъ непосильной работы, и никто, никогда изъ многихъ окружавшихъ ее людей не пожалѣлъ ее, никто не поинтересовался узнать, не надобно-ли ей ея ремесло, не хотѣла-ли она отдохнуть, забыть о немъ хоть на одинъ день. Всѣмъ она чужая и всѣ ей были чужіе; сердечнаго слова она ни отъ кого не слышала и никому не могла его сказать. Только мать много и часто ласкала ее, но и она старательно обходила тяжелые вопросы о скудѣ ея неизбѣжныхъ занятій.

Насталъ и на улицѣ Маши праздникъ. Нежданно-негаданно явился человекъ, который выказалъ сердечное участіе къ ея положенію. Машѣ казалось, что онъ сразу отгадалъ, какое томительное чувство лежало у ней на сердцѣ. Въ его простой фразѣ: „я завезу вамъ книги, онѣ займутъ васъ“, Мама прочла не-

сравненно больше, чѣмъ могли заключать въ себѣ эти слова. Тутъ было желаніе доставить ей отраду, дать ей уму новую пищу... „Я завезу“ — значитъ, самъ хочетъ передать ихъ; это не то, что послалъ лакея и отдѣлался!

И представилось Машѣ ясно, какъ Александръ собираетъ книги, какъ заворачиваетъ ихъ въ бумагу, перевязываетъ суркомъ; какъ онъ надѣваетъ шубу, садится въ сани и ѣдетъ къ ней; какъ онъ звонитъ и входитъ въ комнату и въ печальной комнатѣ этой вдругъ разливается свѣтъ, тепло и благоуханье...

„Все это для меня! Но что-жь я для него, для этого богача и красавца? Чѣмъ-же я заслужила его вниманіе? Всѣ эти любовники у м-ше Alice были такіе нахальные и противные, а онъ такой милый, онъ совсѣмъ на нихъ не похожъ! Онъ ничего не сказалъ мнѣ такого, что они говорятъ... Ему, вѣрно, жаль меня, что я все надъ работой сижу. Книги привезетъ, какой онъ добрый!.. и съ сестрой тоже добрый. Что-то тамъ, въ этихъ книгахъ, написано?“

«Я дамъ тебѣ все, все земное...»

вдругъ пришло ей въ голову, и она вспыхнула. Точно стрѣла кольнула ее въ сердце и на мгновеніе у ней помутилось въ глазахъ. Дарья Осиповна о чемъ-то спросила ее; Маша слышала голосъ матери, но не отдала себѣ въ этомъ сознательнаго отчета и не отвѣтила. Ея руки опять нервно, по привычкѣ, дѣлали стежки, но голова не принимала въ работѣ никакого участія.

А на Дарью Осиповну нашла грусть; она время отъ времени поглядывала на Машу, и послѣ фразы, оставленной безъ отвѣта, сама задумалась. Въ сумерки она молча зажгла лампу и поставила ее на столикъ передъ Машей, потомъ прошла въ кухню и поставила самоваръ. Когда онъ вскипѣлъ, она позвала дочь, Маша все еще пила.

— Что-жь, Машенька, иди, чай давно готовъ, повторила Дарья Осиповна свое приглашенье.

— А-а, ужъ и чай? сейчасъ, мамочка, только кусочекъ дошью.

Маша пришла и сѣла противъ матери. Дарья Осиповна не была такъ весела, какъ обыкновенно, но Маша этого не замѣтила.

— Машенька, зачѣмъ ты согласишься принять отъ барина книги? лучше-бы отказалась, замѣтила Дарья Осиповна.

— Что ты это говоришь, мама! зачѣмъ мнѣ было отказываться!

— Чтобъ потомъ не пожалѣть, отвѣтила Дарья Осиповна и замолчала.

Маша тоже молчала; ей было грустно. *Разъ* въ жизни человѣкъ выказалъ ей участіе, *пожалѣлъ* ее, а родная мать находить, что ей слѣдовало добровольно отвергнуть это участіе, отвернуться отъ него, собственными руками разбить свое счастье, о которомъ смутно мечталось столько лѣтъ! И все это изъ-за того, чтобъ *потомъ не пожалѣть*, какъ говорить мама.

— О чемъ-же я буду жалѣть, если прочту его книги?

— Ужь лучше-бы онъ къ намъ никогда не заѣзжалъ! Боюсь я... произнесла Дарья Осиповна и остановилась на полсловѣ.

Слезы навернулись на глазахъ Маши.

— *Мамочка!* не говори мнѣ этого, а то мнѣ покажется, что ты меня не любишь! Я знаю, ты меня очень любишь, а не хочешь вмѣстѣ со мной порадоваться, что мнѣ улыбнулась жизнь. Подумай, какой онъ добрый! Что значу я для него? А онъ хочетъ, чтобы мнѣ было повеселѣе. Ахъ, мама, не отравляй мнѣ радости, я такъ сегодня счастлива! Вѣдь онъ знаетъ, какъ мнѣ должно быть скучно, онъ хочетъ, чтобъ мнѣ было лучше,—за что-жъ я буду отворачиваться отъ него?

Маша встала и подошла къ матери; Дарья Осиповна не возражала ей, но какая-то мрачная дума, точно облако, пробѣжала по ея блѣдному лицу: Мужъ умеръ, сынъ погибъ, а дочь... и Дарья Осиповна тихо и незамѣтно для Маши заплакала. И чѣмъ можетъ тутъ помочь она, глупая старуха, которая никогда не имѣла на дочь свою никакого вліянія?

— *Мамочка,* чего-же ты боишься?

Дарья Осиповна громко зарыдала и обвила шею единственнаго человѣка въ мірѣ, для котораго жила и на которомъ сосредоточилась вся ея любовь.

— Они нами тѣшутся, а потомъ бросаютъ насъ, вымолвила она,—не вѣрь имъ Маша, что мы для нихъ!

Маша радостно улыбнулась.

— Это тѣ любезники, а этотъ—не любезникъ. Ну, признайся, вѣдь онъ не любезникъ?

— Нѣтъ, но любезникъ.

— Ну вотъ видишь, и плакать не надо. А любезника я-бы сама сейчасъ-же вытолкала изъ двери. Неужели ты забыла, что всѣ называли меня гордячкою!

Дочь еще разъ приласкала свою старуху, и такъ была занята своими свѣтлыми мечтами, что больше о ней и не думала, а Дарья Осиповна вовсе не утѣшилась. Чѣмъ больше она вглядывалась въ безпечную радость Маши, тѣмъ чаще захватывало у нея сердце. Наконецъ, она подошла къ кюветѣ, встала на колѣни и стала горячо молиться о томъ, чтобы Господь отвратилъ отъ ея ребенка горькую чашу.

IV.

Платье Полины произвело фуроръ не только въ домѣ Лопатиныхъ, но и на балѣ. Его положительно замѣтили, а вмѣстѣ съ нимъ замѣтили и Полину. Александръ былъ доволенъ, а Софья Ивановна рѣшила сдѣлать изъ Маши свою постоянную портниху. На слѣдующій-же день она послала за ней и дала ей новый заказъ. Маша, разумѣется, была рада, тѣмъ болѣе, что Софья Ивановна не любила обсчитывать и прибавила ей цѣпу за фасыны. Маша прибѣжала домой въ восторгѣ.

— Что это они всѣ одинъ другого добрѣе! Мать его такая обходительная и сама хочетъ мнѣ больше платить за работу. Всѣ торгуются, а они прибавляютъ!

Въ тотъ-же день заѣхалъ къ ней Александръ и привезъ книги, которыя она ожидала въ продолженіи трехъ сутокъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

— Вотъ книги, сказалъ онъ, — а когда кончите эти, у меня другія къ вашимъ услугамъ.

Онъ остался не больше пяти минутъ и даже не снималъ шубы. Онъ опять протянулъ ей руку на прощанье, но не сказалъ, заѣдетъ-ли еще разъ или нѣтъ.

Цѣлая недѣля прошла; Маша не замѣчала, какъ летѣло время, — она читала привезенныя ей книги. Она жертвовала отдыхомъ и сномъ, чтобы поскорѣй прочесть ихъ, и много часовъ истиннаго блаженства доставило это чтеніе; ей казалось, что она переживаетъ вмѣстѣ съ этими героями и героинями авторской

фантазіи всѣ ихъ радости и огорченія, что она знаетъ ихъ очень-очень близко, любитъ однихъ и ненавидитъ другихъ. Она доходила даже до такого увлеченія, что въ нѣкоторыхъ героиняхъ видѣла себя; особенно нравились ей Наталья въ Рудинѣ и Ася.

„Только онъ не такой, какъ герои Тургенева. Неужели Тургеневъ никогда не встрѣчалъ ни одного такого человѣка, какъ онъ? Отчего-же онъ не описалъ ни одного, похожаго на него?“

Счастье, можетъ быть, и улыбнулось Машѣ, но здоровье ея немножко пострадало отъ бессонныхъ ночей, наполовину проведенныхъ надъ книгами, наполовину въ тщетномъ стараніи заснуть и тѣмъ уговорить беспокойную голову, а также отъ усиленной работы дни; заказовъ было сверхъ силъ и нельзя было не принимать ихъ; подходилъ Великій постъ—время, когда работа идетъ плохо, по крайней мѣрѣ, пять недѣль.

Маша стала необыкновенно нервна, у нея постоянно была лихорадка: она даже работала лихорадочно: много дѣлала въ продолженіи одного часа, потомъ впадала въ апатію и руки ея едва-едва двигались.

Черезъ недѣлю опять явился Александръ подъ предлогомъ заказать сестрѣ какую-то мантилью. Онъ не потратилъ много словъ на объясненіе заказа и тотчасъ-же спросилъ про книги. Маша отъ души благодарила его. Они стали перебирать все, что Маша успѣла прочесть.

— И Фауста читали?

— Да, только вчера кончила.

— Знаете-ли вы исторію настоящаго Фауста, какъ написалъ ее Гете?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ слушайте, я вамъ ее расскажу въ нѣсколькихъ словахъ.

Онъ сѣлъ противъ Мани и сталъ рассказывать. Онъ обладалъ даромъ слова и говорилъ красиво, плавно, съ чувствомъ. Нѣтъ! никакая книга не передавала до сихъ поръ Машѣ такъ картинно и наглядно мысль автора, какъ эта живая рѣчь! Маша жадно слѣдила за Александромъ и всѣмъ существомъ своимъ

вслушивалась въ его слова. Когда, послѣ описанія Фауста, Александръ перешелъ на встрѣчу его съ Маргаритой, то Машѣ показалось, что Маргарита не въ силахъ была-бы устоять противъ него.

Но печальный разсказъ былъ конченъ: тюрьма за убійство ребенка и ранняя смерть Маргариты, невѣрность и забывчивость Фауста, вѣчно къ чему-то стремящагося...

Александръ замолчалъ и пристально посмотрѣлъ на Машу: она сидѣла молча, смотря на него, но глубоко взволнованная разсказомъ. О чемъ думала Маша?—она глядѣла на Александра и извиняла Фауста.

— Что-же, Марья Михайловна, вамъ жаль бѣдную Маргариту? замѣтилъ Александръ съ улыбкой.

Маша покачала головой.

— Она испытала счастье быть любимой... и такимъ человекомъ, какъ Фаустъ! За это счастье можно заплатить многими страданіями...

Александръ всталъ, заложилъ руки въ карманы, прошелся раза два по комнатѣ и остановился противъ Маши.

— Ахъ вы, фантазерка! сказалъ онъ и взглянулъ на нее такъ ласково, что сердце ея забилося.—Позвольте мнѣ доставить дочери вашей маленькое удовольствіе, обратился онъ къ Дарьѣ Осиповнѣ:—мы сейчасъ говорили объ одномъ литературномъ произведеніи, которое послужило темой для оперы; ее играютъ завтра на Большомъ театрѣ; позвольте мнѣ прислать вамъ два билета.

— Мы никогда въ Большомъ театрѣ не бывали, сударь; ужъ я не знаю, какъ Маша...

— Да, мама, да, позволь! воскликнула Маша, подходя къ матери;—видишь, какой Александръ Александровичъ добрый!

Александръ сказалъ еще нѣсколько словъ и уѣхалъ. Часа черезъ два Маша получила два билета въ балконъ третьяго яруса и либретто оперы.

На слѣдующій день обѣ онѣ одѣлись въ самыя лучшія платья и пѣшкомъ отправились въ театръ. Въ первый разъ въ жизни Маша попала въ оперу. Когда она вошла, глаза ея разбѣжались: она никогда еще не видѣла такъ много красивыхъ и нарядныхъ женщинъ вмѣстѣ и такое яркое освѣщеніе; а когда раздались первые звуки пѣнія, у нея положительно закружилась голова.

Опера уже началась, когда въ партерѣ явился Лопатинъ. Онъ обернулся, дойдя до своего мѣста, посмотрѣлъ вверхъ и улыбнулся. Какъ въ чаду возвратилась Маша домой и на слѣдующій день не могла даже работать. Ночь провела она безъ сна и у нея сдѣлалась такая страшная головная боль, что она ничего не видѣла.

— Маша, ты совсѣмъ себя изведешь, если это будетъ такъ продолжаться. Подумай, вѣдь ты не барыня, чтобъ тебѣ по театрамъ развѣзжать! ты труженица, должна сама зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и работать неутомимо.. Не бери ты больше билетовъ, брось ты всѣ эти затѣи..

— Маючка, дай пожить хоть недѣлку, чтобъ и мнѣ было чѣмъ молодость помянуть, благо есть такой человекъ, который не гнушается обо мнѣ позаботиться!

— А что голова?

— Легче; послѣ обѣда шить буду.

Маша исполнила свое обѣщаніе и принялась за шитье, но на ней лица не было: вялая кожа и мѣстами красныя пятна, мутные глаза и сухія губы. Она съ отвращеніемъ шила какое-то платье и день казался ей безконечнымъ, а въ ухахъ все раздавались звуки пѣнія и музыки...

Слишкомъ сильное физическое утомленіе взяло свое: Маша едва напилась чаю, какъ буквально свалилась съ ногъ. Она могла только дойти до постели и кое-какъ улечься. Двѣнадцать часовъ проспала она безъ просыпа, а на слѣдующее утро встала веселая и бодрая. Ужь давно она не чувствовала себя такъ хорошо и съ охотой принялась за работу. А подъ вечеръ опять увидѣла она Александра—онъ заѣхалъ на минутку, чтобы спросить ее, какъ понравилась ей опера.

Прошло не больше трехъ дней, а Александръ опять ужь былъ у Маши и рассказывалъ ей о главныхъ произведеніяхъ Шекспира. Онъ даже привезъ ей нѣсколько переведенныхъ драмъ его и обратилъ ея особенное вниманіе на Отелло, говоря, что Отелло скоро будутъ давать въ оперѣ и Маша опять получить билеты. Такимъ образомъ, Маша попала еще разъ, и даже не разъ, а цѣлыхъ два, въ оперу. Она видѣла Отелло и Трубадура во время масляницы. А потомъ наступилъ Великій постъ и все затихло.

V.

Маша вздохнула: усиленная работа кончилась; она могла нечего не дѣлать, по крайней мѣрѣ, недѣли двѣ. Денегъ у нея было довольно. Уѣзжая, Юлія послала ей сверхъ счета отъ князя цѣлыхъ сто рублей и Лопатины платили акуратъ. Уже съ самаго понедѣльника Маша не брала иголки въ руки, и все читала. Мать ея говѣла, и Маша часто оставалась дома одна.

Была среда; Дарья Осиповна звала ее ко всенощной, но Маша отговорила и осталась дома. Дарья Осиповна ушла, а она продолжала свое чтеніе. Не прошло и получаса, какъ раздался звонокъ,—знакомый и дорогой ей звонокъ. Въ первый разъ она увидѣть его наединѣ. Не будетъ надъ ней зоркаго глаза, который часто заставлялъ ее отводить въ сторону взгляды свои, когда такъ хотѣлось любоваться имъ! Маша встала и побѣжала открывать.

— Здравствуйте! — какъ это вы въ такой необыкновенный часъ?

— Обѣдали раньше. Наши всѣ ко всенощной уѣхали. А вы матушка?

— И она въ церкви, она говѣеть.

— А вы что-же?

— Я не говѣю, не могу. Я пошла-было въ понедѣльникъ къ обѣднѣ, да у меня не то на умѣ. Священникъ Евангеліе читаетъ, а у меня въ мысляхъ все Гамлетъ, Маргарита, Отелло, Леонора,—я совсѣмъ не могу молиться.

— Вамъ все это еще нсво! Пойдите, скоро и это все наскучитъ вамъ; захочется жизни, счастья...

— Нѣтъ, это не можетъ наскучить; я и теперь живу, я и теперь счастлива.

Александръ подошелъ къ ней и взялъ ея руку.

— Дай Богъ, чтобъ вы всегда тѣшились этими игрушками, чтобъ здѣсь у васъ не заговорило что-нибудь другое...

Онъ показалъ на свое сердце.

— Скажите, здѣсь еще спокойно? пытливо вымогалъ онъ, съ волненіемъ смотря ей въ глаза. Руки его были холодны и дрожали, а лицо горѣло и на прекрасныхъ губахъ играла нервная

судорога. Маша отдернула руку и сѣла въ кресло. Александръ отошелъ.

— Что-же вы читали, когда я пошѣшалъ вамъ своимъ приходомъ? спросилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

Маша отвѣтила, но разговоръ не клеился. Александръ говорилъ, точно не думая о томъ, что говорить; радость Маши увидѣть его наединѣ все болѣе и болѣе превращалась въ безпокойный страхъ.

— Когда вы кончите эти книги, я завезу вамъ другія, вяло говорилъ Александръ, а лицо его выражало все то-же волненіе.

— Благодарю васъ, вы и то меня совсѣмъ избаловали...

— Развѣ не извинительно желаніе побаловать того, кто докторъ... тихо произнесъ онъ и опять взялъ ея руку.

— Маша, милая моя, вѣдь я люблю васъ!

Александръ подошелъ близко къ Машѣ, нервно обвилъ ея станъ обѣими руками и прижалъ свои горячія губы къ ея рукамъ.

У Маши закружилась голова. Это не мечта, это онъ обнялъ ее, онъ сказалъ: *я люблю васъ!*..

— Маша, вѣдь и вы меня немножко любите? звучалъ тихій шопотъ;— скажите, да?

— Да.

И она склонила свою голову на его плечо.

— Маша, милая Маша! говорилъ порывисто Александръ, покрывая лицо ея поцѣлуями.

Оба они были счастливы въ эту минуту,—каждый по-своему, но оба были счастливы до забвенія... Ихъ призвалъ къ дѣйствительности звонокъ.

— Это мама, сказала Маша и быстро встала.

Александръ еще разъ поцѣловалъ ее.

— Смотри-же, Маша, люби меня долго и много, какъ я тебя люблю.

Маша порывисто прижала его руки къ своей груди, потомъ отбросила ихъ и пошла отворять.

— Что ты это, Маша?.. Господь съ тобой! вскрикнула Дарья Осиповна, увидя разгорѣвшееся лицо Маши. Она поцѣловала ее и догадалась: отъ Маши пахло духами дорогой помады.—Александръ Александровичъ былъ здѣсь?

— Онъ и теперъ здѣсь, отозвался самъ Александръ и поздоровался съ старухой.

— Наши, вѣрно, тоже вернулись, и мнѣ пора. Прощайте, Марья Михайловна.

— Скоро-ли вы опять заѣдете? не могла удержаться Маша, чтобъ не спросить его на прощанье.

„Ну, смутить!“ подумала Дарья Осиповна.

— Скоро, очень скоро. Проводите меня до крыльца.

Маша вышла съ нимъ на лѣстницу.

— Завтра въ это-же время, моя Маша, — да, *моя*?

— Ваша...

— Скажи: *твоя*.

Маша не рѣшалась.

— Скажи: *твоя*; ну, побалуѣ меня хоть сегодня!..

— *Твоя*.

И снова горячіе поцѣлуи.

— Машенька, что ты тамъ дѣлаешь? иди, милая, въ горницу! звала Дарья Осиповна.

Дверь захлопнулась за Александромъ и Машѣ показалось, что все ея счастье улетѣло вмѣстѣ съ нимъ.

— Иду, мамочка, иду, уныло отозвалась она и вошла въ комнату. — Не брани меня, мама; сегодня я слишкомъ счастлива; дай хоть денегъ...

— За что-жь я буду бранить тебя, мое несчастное дитя? А ты все-же послушай свою маму: вѣдь она не хочетъ, чтобъ большое горе приключилось тебѣ, вѣдь она также любитъ тебя, ненаглядную...

Дарья Осиповна заплакала и, чтобъ скрыть свои слезы, ушла въ кухню готовить чай. Она положила углей въ самоваръ, а сама сѣла къ столу въ ожиданіи, что онъ закипитъ. Она оперла свою сѣдую голову на морщинистую руку, а слезы такъ градомъ и катились изъ ея глазъ. Нѣтъ! ея ненагляднаго ребенка ожидаетъ большое несчастье, и идетъ она, какъ жертва на закланіе, сіяющая и счастливая...

— Мама, ты плачешь? раздался надъ старухой нѣжный голосъ Маши.

— Машенька, за что ты себя погубить хочешь? воскликнула въ отчаяніи Дарья Осиповна; — къ чему все это приведетъ?

Маша въ недоумѣніи отшатнулась.

— Какъ это ты не хочешь понять, что онъ меня любитъ!

Въ этой фразѣ для Маши заключалось *все*. Она не спрашивала, что будетъ потомъ, со временемъ, прочна-ли эта любовь, найдеть-ли она въ ней счастье, и т. д. Она знала только, что теперь это для нея радость, жизнь; что отними у нея эту любовь—и жить ей не нужно; что умереть ей было-бы легче, сознавая, что она любима Александромъ, чѣмъ жить безъ его любви.

— Ахъ, Маша, Маша, всё такъ говорятъ, не онъ одинъ, возразила Дарья Осиповна, покачавъ головой;—что имъ отъ насъ нужно? чего они ищутъ въ насъ? чѣмъ они хотятъ-насъ сдѣлать?..

— Кто-жь эти *они*? перебила Маша.

— Какъ, кто? — всё эти господа. Развѣ имъ приходится когда-нибудь въ голову, что мы можемъ быть, имъ подъ пару? Они поиграютъ съ нами, какъ кошка съ мышкой, а потомъ и бросать: „надоѣла, моль“...

— Онъ не изъ такихъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ возразила Маша.

— Не изъ такихъ! отозвалась Дарья Осиповна:—вотъ головой ручаюсь, что онъ и не зайнется тебѣ о законномъ бракѣ.

Она замолчала и пытливо поглядѣла на дочь. Въ чаду увлеченія Машѣ и въ голову не приходило, что Александръ могъ сдѣлаться когда-нибудь ея мужемъ. Эта мысль и теперь показалась ей дикой. Она, бѣдная швея, все равно, что горничная, и вдругъ жена Александра! Что-бы сказала его мать, сестра и вся его родня, если-бы онъ привелъ ее и сказалъ имъ: вотъ моя невѣста! И что-бы дѣлала она сама среди всей этой знати?

— Мамочка, что ты это выдумала! Ну, какъ-же я могу быть его женой!

— Это ужъ другое дѣло, а мнѣ хочется знать, говорилъ они тебѣ о женитьбѣ или нѣтъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, такъ и любить его нечего. Какое счастье хочешь ты имѣть отъ этой любви? Ты всегда въ его глазахъ будешь такъ-себѣ, дѣвчонка... захочетъ—онъ тебя приголубить, захочетъ—бросить, захочетъ—опять къ тебѣ вернется, чтобы опять бросить. Людямъ онъ тебя никогда на глаза не покажетъ, а если кто намекнетъ ему, что онъ тебя искренно любитъ, онъ застыдится и

отречется. Все онъ у тебя возьметъ — и сердце твое, и честь твою, а тебя-же будетъ стыдиться, а потомъ и презирать тебя станетъ. Вѣдь онъ только хочетъ соблазнить тебя, какъ красивую дѣвушку, а потомъ и не спроситъ, легко-ли это тебѣ придется...

— Мама, тебѣ, можетъ быть, случилось встрѣчать только дурныхъ: вотъ ты и думаешь, что всѣ такіе. А я знаю, что онъ не такой, я не вѣрю, чтобъ онъ былъ такой!..

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Викторъ Лопатинъ кончилъ свою диссертацию и сдалъ ее въ типографію. Послѣ усиленнаго труда и въ ожиданіи диспута, онъ отдыхалъ. Отдыхъ былъ крайне необходимъ ему: постоянная сосредоточенность на одномъ предметѣ, бессонныя ночи, проводимыя имъ за работою, и нервное раздраженіе, свойственное всякому умственному труду, истомили его. Увлеченіе его умственнымъ трудомъ было вовсе не въ характерѣ его семейныхъ привычекъ. Отецъ его, хотя и считался въ свѣтѣ человѣкомъ умнымъ, даже тонкимъ дипломатомъ, — въ смыслѣ стараго ловкаго помѣщика, — но книгъ не любилъ и въ деревнѣ предпочиталъ имъ псовую охоту, а въ городѣ, когда приходилось ужъ очень скучать отъ своихъ канцелярскихъ *сочиненій*, онъ иногда просматривалъ модныя романы, особенно зротическаго содержанія. Софья-же Ивановна и этого не читала; ея день, обыкновенно, проходилъ въ разѣздахъ съ визитами и въ примѣриваніи обновъ. Можетъ быть, на Виктора имѣло вліяніе то обстоятельство, что въ дѣтствѣ его не такъ ласкали и баловали, какъ брата его Александра. Александръ былъ гораздо красивѣе Виктора. Его чудесныя, золотистыя волосы возбуждали общій восторгъ; его ласковыя, вкрадчивыя манеры располагали всѣхъ въ его пользу. Даже отецъ Лопатиныхъ, человѣкъ далеко не пѣжннй, и тотъ всегда съ особенной любовью игралъ его кудрями, и часто смотрѣлъ сквозъ пальцы на его шалости и кауризы. Это придавало мальчику какую-то энергію и развязность. Викторъ-же былъ недовонокъ и застѣнчивъ; онъ краснѣлъ и молчалъ, когда его пред-

ставляли гостямъ. На ихъ любезности онъ отвѣчалъ односложными словами и слегка морщился, когда его цѣловали. При всемъ этомъ Викторъ былъ очень самолюбивъ. Онъ сознавалъ, что свѣтское общество не по немъ, что манеры его неуклюжи, что онъ часто, какъ на зло, что-нибудь задѣнетъ и уронить, или нечаянно наступить на чужое платье. Самолюбіе его страшно страдало, когда отецъ или мать дѣлали ему замѣчаніе при гостяхъ или сами гости подсмѣивались надъ нимъ. Тогда онъ дѣлался еще сосредоточеннѣе и пугливѣе, и, обыкновенно, украдкой спѣшилъ ускользнуть изъ многолюдной залы въ классную комнату, гдѣ онъ чувствовалъ себя легко и привольно.

Лѣтъ съ двѣнадцать дамы ужъ не цѣловали Виктора и считали его не по лѣтамъ умнымъ мальчикомъ. Когда отецъ былъ въ духѣ и безъ гостей, онъ часто обращался къ Виктору: „Ну-ка расскажи ты намъ, философъ, про Сократа, или про Юлія Цезаря, или про какого-нибудь другого знаменитаго человѣка!“ Викторъ исполнялъ желаніе отца; все семейство слушало его съ интересомъ, а потомъ всѣ хвалили его память, его серьезный умъ, его умнѣе занимательно рассказывать. Поощряемый похвалами, Викторъ, не разгибая спины, сидѣлъ за своими уроками. Видя его необыкновенное прилежаніе, отецъ сталъ дѣлать ему льготы и не всегда вызывалъ его внизъ, когда бывали гости. При немъ постоянно находился англичанинъ-гувернеръ, строгій, пунктуальный и сильно помѣшанный на Титѣ Ливіѣ. Онъ каждый день вбивалъ Виктору въ голову, что Титъ Ливій величайшій изъ историковъ, и что если-бъ кромѣ Тита Ливія въ классической древности не было другихъ писателей, то и тогда надо изучать латинскій языкъ, чтобы читать этого историка въ подлинникѣ. Викторъ вполнѣ вѣрилъ своему ментору и безпощадно зубрилъ латинскія вокабулы. Въ четырнадцать лѣтъ онъ уже бойко читалъ декады Тита Ливія.

Въ это время семейство Лопатиныхъ одѣлось въ трауръ: Софья Ивановна лишилась своего мужа. Но событіе это ничѣмъ не повліяло на будущность дѣтей. При мальчикахъ остался тотъ-же гувернеръ; немногимъ измѣнилась и ихъ домашняя обстановка. Только одна переимѣна бросалась всѣмъ въ глаза: мать сдѣлалась болѣе озабоченною и въ гостиной рѣже появлялись званые и незваные гости.

На восемнадцатомъ году Викторъ поступилъ въ университетъ, съ непомятно высокимъ мнѣніемъ о себѣ. Онъ думалъ, что его знанія дають ему большія преимущества предъ прочими молодыми людьми. Выросшій въ четырехъ стѣнахъ своей классной, онъ не имѣлъ понятія о томъ, что дѣлается въ дѣйствительной жизни. Ко всѣмъ людямъ, которыхъ онъ видѣлъ въ родительскомъ домѣ, онъ относился или съ недоувѣріемъ, или съ высокоувѣріемъ, какъ къ низшей, чѣмъ онъ, породѣ. Механическій трудъ онъ считалъ рабскимъ трудомъ, недостойнымъ образованнаго человѣка. Поэтому толпа была для него чѣмъ-то безличнымъ и нестоющимъ никакого вниманія. Не потерявъ еще своей ребяческой застѣнчивости, онъ маскировалъ ее дерзкой самоуувѣренностью. Онъ былъ рѣзокъ на словахъ и грубоватъ въ манерахъ.

Но общество университетскихъ товарищей скоро повліяло на Виктора: всматриваясь въ разнообразныя характеры студентовъ, онъ задумался и надъ собой. Онъ увидѣлъ, что его самоуувѣренность вовсе не по силамъ его. Бѣдные люди, даже очень бѣдные, знали не меньше, чѣмъ онъ, а между тѣмъ у нихъ не было ни тысячнаго гувернера, ни дорогихъ учителей. Когда Викторъ такъ важно излагалъ свои взгляды, его опровергали, съ нимъ спорили и даже случалось, что онъ долженъ былъ внутренно сознаваться, что онъ побѣжденъ, хотя самолюбіе и упрямство не позволяли ему сознаться въ этомъ передъ другими.

На первыхъ-же порахъ своей университетской жизни Викторъ замѣтилъ и отличилъ одного бѣднаго студента, который держалъ себя отъ него въ сторонѣ и не входилъ съ нимъ ни въ какія отношенія. Этотъ студентъ былъ моложе его годомъ и съ необыкновенной усидчивостью занимался не только лекціями своего факультета, но въ свободныя часы заглядывалъ и на лекціи другихъ профессоровъ. Въ первый семестръ товарищи только холодно раскланивались; Викторъ все ждалъ, когда бѣдный студентъ заговорить съ нимъ, но тотъ не заговаривалъ.

Въ началѣ второго полугодія Викторъ прихворнулъ и недѣля двѣ не былъ въ университетѣ. Записки свои онъ по необходимости запустилъ. Когда онъ снова явился, въ аудиторіи было нѣсколько студентовъ и между ними тотъ бѣдный товарищъ, съ которымъ Викторъ желалъ, но не могъ сблизиться. Зашла рѣчь о томъ, кто-

бы одолжилъ ему записки; но ни у кого изъ близкихъ знакомыхъ Виктора ихъ не оказалось.

— Сдѣлайте одолженіе, дайте мнѣ дня на два ваши записки, обратился онъ къ бѣдняку-студенту.

— Извольте. И тотъ подалъ ему тетрадь.

Викторъ взялъ ее, небрежно поблагодарилъ студента и вспыхнулъ.

Воротившись домой, Викторъ сталъ внимательно разсматривать записки своего товарища и на поляхъ ихъ замѣтилъ разныя поясненія и коментаріи, которыя особенно заинтересовали его. Между прочимъ, онъ прочиталъ въ одной замѣткѣ слѣдующее:

„Спартанскія женщины были сильны и ловки, никакъ не хуже мужей своихъ, но можно-ли жалѣть, что нѣтъ больше спартанскихъ женщинъ? Теперь намъ не нужно физической силы и ловкости; лучше было-бы, если-бы наши матери внушали намъ съ дѣтства, какъ безчеловѣчно пользоваться несчастнымъ положеніемъ илотовъ, какъ необходимо освободить ихъ и предоставить имъ возможность сдѣлаться людьми. Можно-ли восхищаться Спартой, когда она допускала свободу только для своихъ гражданъ, а всѣхъ остальныхъ ея членовъ граждане держали въ рабствѣ и охотились на илотовъ, какъ на дикихъ звѣрей“.

Много замѣтокъ въ томъ-же родѣ было сдѣлано на поляхъ. Онѣ повравились Виктору. Онъ даже отмѣтилъ нѣкоторыя у себя въ рѣчижѣ и думалъ непременно затѣять съ ихъ авторомъ споръ, если удастся ему сойтись съ нимъ по-ближе. Отдавая записки, Викторъ признался, что былъ нескроменъ и прочелъ многое, не касающееся лекцій.

— Вы имѣли на это полное право, сказалъ товарищъ:—а писалъ ихъ не по секрету и не для одного себя...

Онъ взялъ тетрадь, спряталъ ее въ портфель и замолчалъ. Виктору очень хотѣлось разговориться съ товарищемъ, который теперь сталъ интересоваться его еще болѣе, но ему не хотѣлось заговорить первому. Наконецъ, черезъ нѣсколько дней, какъ-то незамѣтно и какъ-бы нечаянно товарищи завели длинный и оживленный споръ все по поводу замѣтокъ; этотъ споръ возобновлялся часто и тянулся вплоть до каникулъ.

Викторъ сталъ еще сосредоточеннѣе и задумчивѣе. Его какъ-будто всегда что-то беспокоило и томило. Въ отношеніяхъ его къ

людямъ сталъ проявляться другой оттѣнокъ, онъ обращался ровнѣе, говорилъ проще, въ голосѣ его перестала слышаться нотка дерзкаго самодовольства. Слово *толпа* не срывалось съ его устъ, сопровождаемое презрительнымъ жестомъ. Когда говорили объ его учености, онъ не поднималъ высоко голову и не принималъ комплиментовъ за обычную ему дань. Однажды онъ даже сказалъ своей матери, когда они были наединѣ:

— Милая мама, прошу васъ никогда не говорить при другихъ о моей учености и о моемъ умѣ: я еще молодъ и ничего не знаю.

Софья Ивановна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на сына; ей подумалось, что онъ шутить, но онъ сказалъ это такъ серьезно, съ такимъ желчнымъ раздраженіемъ, что мать невольно замолчала.

Каникулы наступили и прошли. Товарищи встрѣтились осенью, какъ старые друзья, и опять между ними завязались безконечные споры. Во многомъ они не соглашались, но ихъ рознь еще тѣснѣ соединяла ихъ; они спорили безъ раздраженія, говорили другъ другу рѣзкія истины, но потомъ крѣпко пожимали другъ другу руки. Скоро они стали задумевными друзьями и дружба ихъ тянулась изъ году въ годъ.

Университетская жизнь, постоянныя отношенія съ товарищами и дружба съ очень бѣднымъ юношей превратили заносчиваго мальчика въ очень скромнаго человѣка. Въ обществѣ онъ не старался выдаваться и блестѣть; въ своемъ кабинетѣ онъ усердно работалъ и добивался серьезнаго образованія. По окончаніи университетскаго курса, онъ на-долго отправился за-границу, чтобы пополнить свои знанія и провѣрить ихъ въ самомъ источникѣ европейской науки. Соприкосновеніе съ новой жизнью, съ новыми людьми, богатый запасъ наблюденій, сдѣланный имъ среди европейскаго общества сильно подвинули впередъ умственное развитіе Виктора и, такъ-сказать, гуманизировали его. Многія дивія привычки его исчезли, заносчивой самоувѣренности не осталось въ немъ и тѣни. Онъ сталъ относиться къ себѣ гораздо строже, чѣмъ прежде, и былъ гуманенъ съ другими, тѣмъ болѣе съ близкими ему людьми.

Вотъ и теперь ласковое отношеніе къ нему сестры пробудило въ душѣ его особенно нѣжное чувство къ ней. Со дня бала онъ много и часто думалъ о ней. Та томительная скука, которая

иногда проявлялась на лицѣ ея, краснорѣчиво говорила, что она подавлена свѣтскими требованіями своей доброй, но недалекой матери и притворной слащавостью ехидной тетки. Викторъ видѣлъ въ сестрѣ всѣ кроткія свойства матери, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней не было ея безропотной покорности. Приглядываясь къ Поленькѣ ближе, онъ замѣтилъ, что она хотя безмолвно, но сознательно и постоянно протестовала. Онъ читалъ протестъ въ ея умоляющемъ взглядѣ, въ тихомъ голосѣ, въ легкомъ дрожаніи верхней губы, въ вялости движеній, даже въ самой блѣдности лица и въ тоскливомъ выраженіи кроткаго взгляда. Онъ невольно проводилъ параллель между сестрой и матерью. Можетъ быть, и мать его въ годы сестры была такая-же, какъ и она, но теперь между кротостью этихъ двухъ женщинъ была огромная разница. Видно было, что всѣ вкусы, желанія и наклонности старушки когда-то были придавлены желѣзной рукой, а потомъ такъ навсегда и ступшались. Съ тѣхъ поръ, какъ Викторъ помнилъ свою мать, она всегда представлялась ему съ тѣмъ-же робкимъ, немножко пугливымъ взглядомъ, съ той-же привѣтливо-подобострастной улыбкой. Такова была она при жизни своего мужа-деспота, таковой осталась и послѣ его смерти. Освободившись отъ желѣзной руки мужа, Софья Ивановна не могла избавиться отъ грубой тираніи свекрови и утопченной тираніи певѣстки. Она безропотно всему покорилась и только иногда молилась и плакала, когда ей становилось нѣ въ мочь тяжело. Но она не сдѣлала ни одной попытки, чтобъ избавиться отъ незаконно-присвоеннаго надъ нею гнета. Привычка подчиняться сдѣлалась органическимъ свойствомъ ея подавленной природы.

Въ Поленькѣ Викторъ замѣчалъ другой оттѣнокъ. Ея кроткая покорность казалась ему тѣмъ переходнымъ состояніемъ, когда человѣкъ еще самъ хорошенько не знаетъ, на что ему рѣшиться, когда онъ изумленъ, огорченъ, озадаченъ, но все еще вглядывается въ свое положеніе и не можетъ рѣшить: въ какомъ направленіи ему слѣдуетъ сдѣлать первый шагъ? Мягкость обращенія, боязнь огорчить близкихъ были отличительной чертой характера Полины. Но тѣмъ-то тяжелѣе дѣйствовала на ея душу отупляющая домашняя обстановка. Чего стояла одна тетя Катя! Могла-ли-бы такая глупая и притворная женщина имѣть въ любой семьѣ какое-нибудь значеніе, если-бы ее раза два хорошенько осадили и

указали ей приличное мѣсто? Но Софья Ивановна не могла этого сдѣлать; она ежилась отъ змѣиного жальца своей невѣстки и все-таки отдавала себя и дочь свою въ ея кошачьи лапки, и тетя Катя, подъ видомъ того, что гладитъ ихъ, постоянно выпускала свои острые когти. Софья Ивановна это сознавала, но, не видя возможности избавиться, покорялась. Поленька-же часто спрашивала себя, почему тетя Катя всегда дуется, когда не дѣлаютъ такъ, какъ она хочетъ, но этотъ вопросъ оставался еще безъ отвѣта, и Поленька старалась по-возможности исполнять желанія тетки, чтобы не огорчать своей матери.

Викторъ понялъ положеніе сестры гораздо лучше, чѣмъ она сама понимала его, и почувствовалъ къ ней особенную симпатію. Ему хотѣлось сблизиться съ ней и заставить полюбить себя, какъ друга. Онъ вовсе не думалъ объяснять ей сразу ея положеніе или навязывать ей свое покровительство. Всякій деспотизмъ — даже съ гуманною цѣлью — казался ему противенъ. Онъ очень хорошо зналъ, что ему ничего-бы не стоило отбить Поленьку у матери и у тетки, но онъ этого не хотѣлъ, потому что тогда Поленька отнеслась-бы къ нему, какъ къ покровителю и къ учителю, а не какъ къ другу.

Поленька съ полнымъ увлеченіемъ откликнулась на дружеское расположеніе брата. Съ первыхъ-же дней ихъ сближенія въ ней ступсевался „почтительный страхъ“ передъ его ученостью. Хотя она и сознавала его превосходство надъ собой, но это превосходство не тяготѣло надъ ней и не дѣлало ее безгласной въ его присутствіи. Ей не стыдно было за свою неразвитость и не страшно было говорить съ нимъ, какъ она умѣла.

А Викторъ, съ своей стороны, съ удовольствіемъ замѣчалъ, что сестра его совсѣмъ не такая безжизненная и пассивная, какою она казалась на балахъ и въ большомъ обществѣ. Онъ теперь часто видѣлъ ее живою и веселою.

II.

Однажды Поленька сидѣла въ своемъ кабинетѣ и читала журнальную статью, которая, повидимому, очень нравилась ей. Времени отъ времени она улыбалась, даже смѣялась и считала странички, чтобы узнать, сколько времени продлится ея удовольствіе.

Не успѣла она кончить чтенія, какъ въ дверь кто-то постучался. Увида Виктора, Поленька опустила книгу на колѣни.

— Викторъ, какая прелестная статья! воскликнула она.

Викторъ взглянулъ на журналъ.

— А, это статья моего друга. Не хочешь-ли видѣть автора, онъ теперь у меня читаетъ корректуру моей диссертациі?

— Онъ у тебя?

— Да.

— Это твой другъ?

— Ну-да, это тотъ самый Ветловъ, о которомъ я тебѣ говорилъ не разъ.

— Который былъ вмѣстѣ съ тобой за-границей?

— Да.

— Какой онъ долженъ быть желчный и ироническій!

— Напротивъ, онъ очень простой и милый. Если хочешь, посмотри на него.

— Постой, Викторъ... я, право, не знаю, что скажетъ мама...

— Какъ! ты думаешь, что мама не позволила-бы тебѣ сдѣлать мнѣ визита?

Поленька покраснѣла.

— Нѣтъ, я увѣрена, что она не разсердится, но только...

Поленька еще больше покраснѣла и замялась.

— Только, что?

— Мнѣ какъ-то неловко идти знакомиться...

— Признайся, что ты и его боишься, какъ прежде боялась меня, перебилъ Викторъ;— правда?

— Не то, что боюсь, но я не буду знать, что и какъ отвѣчать ему.

— Чего не знаешь, такъ и скажи, что не знаю. Искреннее сознание въ своихъ недостаткахъ никогда не вредить намъ.

Поленька замолчала, подумала и согласилась съ братомъ.

Они поднялись и вошли въ комнаты Виктора. Изъ маленькой передней дверь направо вела въ его кабинетъ. Кабинетъ этотъ былъ просторенъ и удобно меблированъ. Орѣховая, рѣзная мебель была покрыта рипсомъ подъ цвѣтъ дерева. На трехъ окнахъ висѣли тяжелыя гардины. Отъ средняго окна, поперегъ комнаты, помѣщался большой письменный столъ, съ этажерками по бокамъ и множествомъ ящичковъ. Въ одномъ изъ угловъ былъ покойный

диванъ, передъ нимъ столъ и нѣсколько стульевъ. По стѣнамъ была разставлена кое-какая мебель: высокая канторка, бібліотека съ стеклянными дверцами и зеленой тафтой и т. п. Полъ былъ устланъ дорогимъ пестрымъ ковромъ.

Викторъ приподнялъ портьеру и они вошли въ сосѣдную комнату, которая была значительно меньше первой. Меблировка ея состояла изъ шкаповъ съ книгами и нѣсколькихъ кресель, обитыхъ зеленымъ бархатомъ. Подъ висячей лампой стоялъ круглый столъ, у котораго, въ настоящую минуту, сидѣлъ незнакомый Поленькѣ человекъ и читалъ корректуру.

— Иванъ Николаевичъ Ветловъ; сестра моя, Полина Александровна, рекомендовалъ Викторъ.

— Очень пріятно, произнесъ Ветловъ, всталъ и протянулъ Поленькѣ руку.

— Поля осталась довольна твоей послѣдней критикой, началъ Викторъ, и сердце Поленьки забилося; ей было ужасно неловко, ей казалось, что Ветловъ обидится: „вотъ еще что! скажетъ онъ, — дѣвочка можетъ быть довольна или недовольна моей статьей“; но страхъ ея былъ минутный, и Викторъ, не останавливаясь, продолжалъ:—а ты доволенъ-ли прочитаннымъ?

— Въ общемъ—да, даже очень...

— А въ частности?

— Не совсѣмъ.

Викторъ и Поленька сѣли къ столу. Ей казалось невозможнымъ, чтобы Викторъ ошибался; она облокотилась о столъ и со вниманіемъ стала слушать.

Ветловъ перевернулъ нѣсколько страницъ корректурнаго оттиска и указалъ Виктору на отмѣченное имъ мѣсто.

— ... Ты утверждаешь, что усиленное біеніе пульса народной жизни, слишкомъ быстрое, прогрессивное движеніе ея — не нормально, какъ ненормаленъ былъ-бы ростъ человека, немѣвшаго юности и прямо изъ колыбели перешедшаго къ зрѣлому возрасту. Да, это было-бы совершенно справедливо въ отношеніи такихъ государствъ, какъ Франція или Испанія, но не относительно Америки. Здѣсь не было тѣхъ традицій, которыя нерѣдко удерживаютъ націи или въ вѣчномъ младенствѣ, или въ непрерывной старческой дряхлости. Восточныя государства не имѣли юности, но нельзя сказать, чтобы ихъ старчество было

болѣ нормальнымъ явленіемъ, чѣмъ поражающая тебя зрѣлость американской республики. Мы знаемъ и такія общества, которыя состарѣлись раньше, чѣмъ прорѣзались у нихъ молочные зубы. Поэтому я думаю, что бояться за слишкомъ ускоренный ходъ американской націи нѣтъ основанія; скорѣе можно радоваться этому явленію, потому что гдѣ-бы ни прогрессировало человѣчество, гдѣ-бы оно ни завоевало себѣ нѣкоторую долю счастья, — отъ этого не хуже, а лучше и для всѣхъ другихъ націй...

Разговоръ въ томъ-же родѣ продолжался между Викторомъ и Ветловымъ довольно долго.

Викторъ задумался. Поленька съ жадностью слѣдила за диспутномъ молодыхъ людей, но, кромѣ отдѣльныхъ фразъ, ничего не понимала.

„Неужели, подумала она, — Викторъ могъ ошибиться, онъ, котораго она считала почти непогрѣшимымъ?“

— Да, ты правъ, сказалъ Викторъ: — это мѣсто надо измѣнить и исправить.

— Остальное все хорошо, защита будетъ блестящая. Матерьяла столько, что врядъ-ли кто изъ нашихъ ученыхъ умниковъ найдется серьезно возразить тебѣ.

Поленька была озадачена: „неужели этотъ Ветловъ еще умнѣе брата?“ подумала она.

Друзья продолжали разсуждать, а Поленька внимательно наблюдала за каждымъ движеніемъ лицевыхъ мускуловъ Ветлова. Черты лица его были крайне неправильны. Какъ у многихъ русскихъ, лобъ и глаза у него были совершенно правильны и хороши, особенно глаза, большіе, свѣтло-каріе, съ густыми ресницами, а ротъ и носъ были крайне несимметричны: носъ былъ малъ, а ротъ великъ. Но этотъ недостатокъ скрадывался темными усами и клипообразной бородкой. Очень густые, темные волосы его не были ни коротки, ни длинны. Ростомъ онъ былъ выше Виктора, тоньше и стройнѣе его.

Разговоръ друзей и наблюденія Поленьки были прерваны звонкомъ, вслѣдъ за которымъ въ кабинетъ Виктора щелкнула дверь.

— Это, вѣрно, ко мнѣ по дѣлу, сказалъ онъ и вышелъ.

Полина съ безпокойствомъ посмотрѣла на упавшую портьеру. Теперь она одва, съ глазу на глазъ, съ Ветловымъ. Что она бу-

детъ говорить съ нимъ? Эта мысль невольно мелькнула въ ея головѣ и она видимо смутилась.

— Братъ вамъ, вѣрно, говорилъ, на какую тему написана его диссертация? спросилъ ее Ветловъ.

— Нѣтъ; но онъ обѣщалъ мнѣ, что мы будемъ на диспутѣ, хотя мнѣ кажется, что я многогѣ не пойму, нерѣшительно начала-было Поленька, но покраснѣла и сконфузилась.

— Да, вы, дѣйствительно, не много поймете изъ диспута: на немъ, обыкновенно дѣлаются отрывочныя возраженія, изъ которыхъ невозможно составить себѣ никакого общаго понятія о самой диссертации. Прочтите ее раньше, она очень просто и ясно составлена, говорилъ Ветловъ, будто не замѣчая замѣшательства Поленьки. Это ободрило ее. Она думала, что „*педкій критикъ*“ подниметъ ее, пожалуй, на смѣхъ за невѣжество, и готова была уже извиниться, что она институтка, но Ветловъ не только не отнесся къ ея невѣжеству съ ироніей, но оно даже не удивило его. Онъ обрисовалъ ей въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе диссертации такъ просто и ясно, что она поняла и заинтересовалась ею.

Между тѣмъ Викторъ спровадилъ своего гостя и вернулся въ библіотеку.

— Что-жь, ты кончилъ?

— Нѣтъ еще, страницъ пять осталось.

— Это я мѣшаю Ивану Николаевичу, сказала Поленька и встала.

— Кончай скорѣй и приходи поболтать съ нами.

Черезъ нѣсколько минутъ Ветловъ вошелъ въ комнату Виктора.

— Я кончилъ, сказалъ онъ, входя и садясь въ кресло. — Последніе дни доживаю на свободѣ!

— Какъ-такъ?

— Меня приняли соредакторомъ въ одинъ журналъ.

— Значитъ, ты доволенъ?

Ветловъ пожалъ плечами.

— Почему-же и не посражаться на чернильномъ-полѣ, пока не устанутъ руки и голова, отозвался онъ и на нѣсколько секундъ задумался. — Да, теперь прощай, мой другъ, на долго, добавилъ онъ шутливо, — и готовъ мнѣ или лавры, какъ побѣдителю, или теплый халатъ и инвалидную койку, какъ побѣжденному.

— Что это значитъ?

— А то, что я переселяюсь за тридевять земель отъ тебя, то-есть, буду жить около самой редакціи и буду заваленъ массой рукописей; поэтому наши свиданія будутъ рѣдки.

Разговоръ былъ прерванъ обычнымъ обѣденнымъ звонкомъ.

— Ну, какъ тебѣ понравился мой другъ? спросилъ Викторъ Полину, когда Ветловъ вышелъ отъ нихъ.

— Да, очень; какой онъ грустно-веселый. Онъ пристрастный: шутить и улыбается такъ привѣтливо, а все-же какъ-то не весело. Кто онъ?

— Онъ сынъ дворянина Николая Ветлова, но вся его родня давнымъ-давно исчезла съ лица земли, такъ-что можно предположить, что онъ свалился съ сѣдла, какъ Ундина. Только бѣда въ томъ, что онъ не попалъ къ такимъ добрымъ людямъ, какъ рыбакъ и его старуха, а то они, конечно, позаботились-бы о немъ побольше, чѣмъ его родители.

— Развѣ онъ очень бѣденъ?

— Теперь нѣтъ; ужь года четыре какъ онъ выбился изъ крайности, но прежде бѣдствовалъ.

— То-есть, въ то время, когда онъ былъ въ университетѣ?

— Да, въ то время особенно.

— Такъ значитъ ему не на что было учиться?

Викторъ улыбнулся.

— Учиться всегда есть на что, моя милая; чернила, бумага и перья не такъ дорого стоятъ, а книги можно читать въ библиотекѣ и брать у товарищей; а вотъ ѣсть, жить и одѣваться часто бываетъ не на что. Встанетъ человекъ утромъ и не знаетъ, придется-ли ему поѣсть втеченіи дня или не придется.

— Викторъ! воскликнула Поленька съ удивленнымъ негодованіемъ, — по вѣдь у Ветлова были товарищи; неужели они не хотѣли помочь ему?

Она съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта.

— Не всякому легко помочь, отозвался онъ, наконецъ, — иные скрываютъ свою бѣдность и терпятъ нужду до послѣдней возможности прежде, чѣмъ рѣшатся протянуть руку за помощью. Впрочемъ, это именно тѣ хорошіе люди, которымъ особенно жутко.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но они вошли въ столовую, гдѣ всѣ уже садились за столъ.

— Милая Поленька, гдѣ это ты, душенька, пропадала? спросила теть Катя.

— Я была у Виктора.

— Вотъ какъ! Что-же ты тамъ дѣлала?

— Очень пріятно провела время.

— Надѣюсь, что у него не было гостей?

— Нѣтъ, только его близкій другъ.

Теть Катя сжала немножко губы и бросила быстрый взглядъ на Софью Ивановну. Викторъ это замѣтилъ.

— Не правда-ли, мама, вы не запретите Поленькѣ иногда навѣщать меня? спросилъ онъ.

Теть Катя опять взглянула на Софью Ивановну своимъ ястребинымъ взглядомъ. Софья Ивановна покраснѣла.

— Конечно, Викторъ, сестра имѣетъ право иногда заглядывать къ брату.

— Ты хорошо сдѣлала, что была у брата, если твоя мама не имѣетъ ничего противъ этого, ядовито замѣтила теть Катя и принялась *граціозно* прихлебывать супъ...

III.

Викторъ исполнилъ свое обѣщаніе и взялъ съ Софьи Ивановны слово прійхать съ Поленькой на диспутъ. Черезъ нѣсколько дней онъ состоялся и Полина присутствовала на немъ. Диспутъ оставилъ въ памяти Поленьки неизгладимое впечатлѣніе. Все вокругъ нея поблѣднѣло, все показалось ей будничнымъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ той жизнью мысли, которая кипѣла въ томъ мірѣ, куда она случайно заглянула. Въ первый разъ она увидѣла такую огромную залу, биткомъ набитую умными и энергичными лицами. Какъ юная и пылкая голова, Поленька ужасно все преувеличивала. Сердце ея билось, когда Викторъ провожалъ ее и мать на хоры; она боязно поглядывала на него, ей было страшно подумать: а что если онъ вдругъ оборвется!...

Онъ сѣли съ боу, надъ самой кафедрой, такъ что могли все слышать и видѣть диспутанта. Зала была еще пуста, когда онъ явился. Чѣмъ ближе подходило время, тѣмъ она все больше и

больше наполнялась, и, наконецъ вмѣсто пола и стульевъ Поленька увидѣла только сплошной рядъ головъ. По залѣ раздавался гулъ общаго говора. На хорахъ тоже была публика и между прочимъ нѣсколько дамъ. Софья Ивановна изрѣдка обращалась къ Поленькѣ съ какимъ-нибудь вопросомъ, но она почти не могла отвѣчать, она была слишкомъ взволнована. Наконецъ, раздался звонокъ и въ залѣ водворилась мертвая тишина. Софья Ивановна прошептала:

— А, вотъ и Victor.

Въ эту минуту Викторъ показался Поленькѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Его энергичная фигура рѣзко возвысилась надъ всѣми, его умное лицо было строго и сосредоточенно. Онъ поклонился публикѣ, нѣсколько секундъ молчалъ и, послѣ краткой рѣчи, сталъ отвѣчать на какое-то опроверженіе.

Поленька слушала его и видѣла, что вся зала его слушаетъ. Когда Викторъ прерывалъ свою рѣчь, по залѣ переходили изъ устъ въ уста одобренія, но едва онъ опять начиналъ говорить, водворялось прежнее молчаніе.

Около кафедры полукругомъ сидѣли профессора. Ветловъ былъ правъ: они дѣлали диспутанту замѣчанія только для формы; было ясно, что его работа достаточно хороша, чтобъ онъ имѣлъ право получить степень доктора.

Викторъ ни разу не смѣшался и не сбился; блистательно окончивъ свою защиту, онъ поклонился и сошелъ съ кафедры. Къ нему подскочилъ старичокъ со звѣздой и нѣсколько разъ пожалъ ему руку. Весь полукругъ профессоровъ обступилъ его и всѣ, видимо, привѣтствовали его. За спиной Поленьки прозвучалъ чей-то голосъ:

— Не обманулъ ожиданій!

— Да, отозвался другой, — говорятъ, онъ будетъ профессоромъ съ будущей осени.

— И прекрасно! многихъ изъ нашихъ пора-бы и на покой.

Разговаривающіе отошли. Софья Ивановна наклонилась къ Поленькѣ и замѣтила:

— Теперь только я понимаю, какой Викторъ умный. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Понятно, что онъ не можетъ интересоваться нашими мелочами. Посмотри, какъ всѣ его поздравляютъ. Съ какимъ почтеніемъ!.. А Саму видѣла?

— Нѣтъ.

— Онъ все время стоялъ у той колонны, а теперь куда-то скрылся. Ахъ, да вотъ и онъ.

Поленька разсердилась на Александра, когда онъ сталъ звать ихъ домой.

— Пойдемте, я провожу васъ до кареты; Викторъ, вѣрно, еще цѣлый часъ будетъ принимать поздравленія за пожатые лавры.

Поленька боялась, что мать согласится, но материнское сердце тоже было задѣто успѣхами сына, и вмѣсто согласія она обратилась къ дочери съ вопросомъ:

— Полина, хочешь ѣхать домой?

— Нѣтъ, мама, пусть Викторъ придетъ къ намъ, я тоже хотѣла-бы поздравить его.

— Все равно, дома намъ нечего дѣлать до обѣда; можешь подождать и здѣсь.

— О, женщины, женщины! даже чужой успѣхъ кружить имъ головы! полу-шутя, полу-саркастически замѣтилъ Александръ.

Эта фраза неприятно озадачила [Поленьку; Софья Ивановна обиженно отвѣтила:

— Какой-же чужой: это мой сынъ. Всякая мать радуется успѣхамъ своего сына.

Наконецъ, Викторъ выбрался изъ толпы и подошелъ прямо къ матери. Софья Ивановна поцѣловала сына въ лобъ, а Поленька схватила его руку и крѣпко стиснула ее.

„Какая я глупая, думала она, — ничего не могу сказать ему, даже поздравить не могу“!

Викторъ уѣхалъ вмѣстѣ съ ними.

— Мнѣ просто страшно говорить съ тобой, Викторъ, сказала Софья Ивановна: — ты такой ученый, всё за тобой такъ ухаживаютъ!

— Поля, неужели и ты меня боишься? обратился Викторъ къ сестрѣ.

— Нѣтъ, я тебя люблю, отвѣтила она.

Они другъ къ другу нагнулись. Радостная улыбка озарила лицо Виктора.

— Вотъ это самое лучшее слово, которое ты только могла сказать мнѣ! воскликнулъ онъ и хотѣлъ поцѣловать ея руку, но Поленька быстро отдернула ее и подставила ему свое лицо.

Братъ и сестра крѣпко поцѣловались. Имъ обоимъ было радостно найти другъ въ другѣ истинную, теплую симпатію. Поленька сознавала, что ея братъ,—лучшій другъ ея; Викторъ видѣлъ, что она съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывается къ нему.

Для Поленьки было большимъ счастьемъ, что первый порядочный человѣкъ, котораго она близко узнала, былъ ея братъ. Это особенно благопріятно подѣйствовало на ея развивающійся умъ.

Что обыкновенно служитъ первымъ толчкомъ для развитія нашихъ дѣвушекъ? Любовь къ человѣку, который стѣсняетъ возбуждать любознательность дѣвушки и заронить въ ея душу стремленіе къ тому или другому идеалу. Чтобы сравняться съ нимъ, съ этимъ идеаломъ, она всѣми силами начинаетъ стремиться къ развитію. Но увы! почти всегда пріятное волненіе первой страсти занимаетъ нашихъ дѣвушекъ больше, чѣмъ серьезная мысль. Онѣ кое-какъ нахватываются верхушекъ, по внутри души все-таки сознають, что и эти верхушки не особенно занимательны. Иногда объективный интересъ къ знанію западаетъ въ умъ любящей, но чаще всего этотъ интересъ проходитъ вмѣстѣ съ увлеченіемъ, и страсть къ развитію охлаждается вмѣстѣ съ охладившимся сердцемъ. Дѣвушки, „подававшія большія надежды“ во время своего увлеченія, часто вовсе не оправдывали ихъ впослѣдствіи и становились будничными женами такихъ-же будничныхъ мужей.

IV.

На первой недѣлѣ великаго поста всѣ дамы Лопатины говѣли. Передъ исповѣдью Поленька горячо молилась, стоя на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя. Раскаявалась-ли она въ грѣхахъ своихъ? молила-ли она о прощеніи? Нѣтъ, она благодарила Бога за то, что онъ далъ ей такого брата, какъ Викторъ; она просила его, чтобъ онъ не отнималъ у нея ея счастья и помогъ-бы ей съ терпѣніемъ выносить всѣ ея свѣтскія обязанности.

Лопатины провели необыкновенно плохо великій постъ; бабушка все время болѣла. Пасха тоже прошла нерадостно и только къ лѣту старухѣ стало немного лучше. Лѣтомъ, когда нужно было переѣзжать на дачу, старуха потребовала, чтобъ на

дачѣ не было ни пріемовъ, ни шума. Разумѣется, на это должны были согласиться. Въ сущности, всѣ порядочно устали отъ зимней суеты и были рады провести тихое лѣто.

Итакъ, свѣтскія обязанности сами собой устранились отъ Поленьки, но за то она подверглась другому испытанію: нѣсколько часовъ въ день она должна была проводить съ самой капризной и выжившей изъ ума старухой, какую только можно вообразить себѣ. Поленька охотно приняла это испытаніе и выносила его съ рѣдкимъ терпѣніемъ. На ея долю приходилось теперь все утро до самаго завтрака, и только тогда ее замѣняла мать или тет-ка. Остатокъ своего дня Поленька проводила или одна, или съ матерью, или съ братомъ. Когда она была съ матерью, она большею частью читала ей что-нибудь громко; когда она была съ братомъ, она читала про себя, когда онъ работалъ, или говорила съ нимъ, когда онъ отдыхалъ. Читая, она обыкновенно записывала то, что особенно нравилось ей.

„Какъ это Полина опять въ свѣтъ войдетъ? со страхомъ думала Софья Ивановна. — Пожалуй, она совсѣмъ отвыкнетъ отъ него и тогда ее ничѣмъ не затащишь. Нѣтъ, она добрая дѣвушка, она не будетъ идти противъ моего желанія... если только Викторъ... но Викторъ, какъ умный человѣкъ, пойметъ, что сестра его не должна быть притчей цѣлаго города...“

Разъ Софья Ивановна даже постаралась узнать, оправдаются ли ея надежды на доброту Поленьки.

— Полина, сказала она, — мнѣ кажется, ты слишкомъ много читаешь.

— Нѣтъ, мама.

— Тебѣ не кажется, что потомъ тебѣ трудно будетъ отвыкать?

— Зачѣмъ-же отвыкать?

— Развѣ ты думаешь, что всегда можешь проводить время такимъ образомъ? Ты еще молода, ты должна жить въ свѣтѣ.

— Ахъ, это еще далеко: передъ нами цѣлое лѣто.

— Но вѣдь лѣто пройдетъ...

— Тогда увидимъ, что будетъ. Мама, я всегда буду дѣлать то, что вамъ хочется, но теперь мнѣ такъ хорошо, я такъ счастлива...

Софья Ивановна была и обнадежена, и опечалена, но больше не возражала дочери.

„Въ самомъ дѣлѣ, задавала она себѣ вопросъ, — что-бы Полина дѣлала, если-бы не нашла себѣ развлечения въ книгахъ? Вѣдь она-бы погибла отъ скуки при нашей теперешней затворнической жизни“.

Въ половинѣ осени Лопатины перебрались въ городъ. Старухѣ опять сдѣлалось хуже, такъ что всѣмъ было не до гостей.

Сезонъ начался, а дамы Лопатины не выѣзжали и не принимали. Знакомые ѣздили къ нимъ изрѣдка, чтобы не потерять ихъ изъ виду и не остаться въ сторонѣ, когда онѣ снова откроютъ домъ.

Эти обстоятельства позволили Поленькѣ вполнѣ предаваться своимъ наклонностямъ и вкусамъ. Она не должна была тратить свои силы на борьбу съ окружающими, которая такъ часто ослабляетъ энергію и убиваетъ волю. Въ братѣ она продолжала находить сильную поддержку. Когда они переехали съ дачи, его библиотека стала ея комнатою. Она нашла въ ней уютный уголокъ, который Викторъ отдалъ ей въ ея полное распоряженіе.

— Я принимаю всѣхъ въ своемъ кабинетѣ, сказалъ онъ, — и здѣсь тебѣ никто не будетъ мѣшать. Сюда рѣдко кто заходитъ, развѣ Ветловъ, но онъ теперь почти не бываетъ.

Викторъ былъ правъ. Впродолженіи лѣта Поленька ни разу не видала Ветлова, а передъ ихъ отъѣздомъ на дачу и послѣ ея перваго знакомства съ нимъ она встрѣтила его у брата раза два, да и то каждый разъ на минутку. Впрочемъ, она относилась совершенно равнодушно къ этому отсутствію; ей нравился его талантъ и она была о немъ хорошаго мнѣнія, потому что Викторъ очень любилъ его, — вотъ и все. Уютный уголокъ въ комнатѣ брата былъ часто занятъ Поленькой и никто никогда не нарушалъ ея счастливаго уединенія...

Наталья Алѣева.

(Продолженіе будетъ.)

ПОДСТРѢЛЕННАЯ ЧАЙКА.

Надъ побережьемъ чайка пролетала.
Подстрѣлплъ шутя ея стрѣлокъ
И, дрожа, несчастная упала
На горячій, высохшій песокъ.

Передъ ней сверкаетъ то-же море,
Пробѣгаютъ тѣ-же корабли,
Тѣ-же птицы рѣютъ на просторѣ,
Уносясь далеко отъ земли.

Тѣ-же волны рѣзвою семьею
Въ даль бѣгутъ, но тщетно ждетъ она,
Что ея холодною струею
Освѣжитъ хотя одна волна.

Распустить-бы по-скорѣе крылья,
Смыть-бы съ нихъ въ волнахъ кровавый слѣдъ;
Но бесплодны страшныя усилья:
Въ этихъ крыльяхъ прежней силы нѣтъ.

Знойный день ей раны растравляетъ
И песокъ, горячій отъ лучей,
Насыщаясь кровью, прилипааетъ
Къ нимъ при каждомъ вздохѣ все сильнѣй.

Хоть-бы вѣтеръ сильный и могучій
Раскаленный воздухъ освѣжилъ,
Хоть-бы онъ нагналъ на небо тучи
И дождемъ ей раны окропилъ.

Хоть-бы онъ злобщей бури полный,
Прописясь въ пространствахъ мировыхъ,
Нагоняя на побережье волны,
Захлеснулъ ея одной изъ нихъ.

Дюкой чайкѣ въ вихрѣ непогоды
Было-бъ легче разомъ отстрадать,
Чѣмъ среди ликующей природы
Постепенно кровью истекать.

А. Михайловъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОБРАЗЧИКЪ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ.

(«Девятый валь», романъ въ 3-хъ частяхъ, Г. П. Данилевскаго. Изд. Базунова 1874 г. Вретъ-Гартъ, рассказы, очерки, легенды; переводъ съ англійскаго. Спб. 1874 г.).

I.

Первое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня „Девятый валь“, было впечатлѣніе скуки. И большинство романовъ Вальтеръ-Скотта начинаются очень скучно; а многіе нестерпимо скучные французскіе романы съ первыхъ словъ уже бьютъ на эффектъ. Я знаю, что по первому впечатлѣнію судить нельзя, хотя Талейранъ именно первое впечатлѣніе и считалъ безошибочнымъ. Но въ такомъ случаѣ ни одинъ романъ Вальтеръ-Скотта не дочитывался-бы до конца. Но я продолжаю „Девятый валь“ и первое впечатлѣніе сопровождаетъ меня на второй, на третьей и слѣдующихъ страницахъ. Отъ романа вѣтъ по-прежнему скукой, измышленіемъ, искусственностью, отдѣлкой. А гдѣ-же теплота, гдѣ-же чувство, отчего отъ романа вѣтъ холодомъ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ морской девятый валь, и почему этотъ романъ названъ „Девятымъ валомъ?“ Забѣгалъ мыслью впередъ, я не нахожу отвѣтовъ на свои вопросы. Но отчего я забѣгаю? Если-бы романъ охватывалъ мою душу, развѣ я сталъ-бы резонировать? Я только потому и не отдаюсь чувству, что оно во мнѣ не затрогивается, а не затрогивается оно потому, что самъ авторъ

холодень, въ немъ самомъ нѣтъ теплоты и искренняго отношенія къ своему произведенію. Въ этомъ и отвѣтъ на вопросъ. Литературное произведеніе есть зеркало, въ которое смотрится душа автора. Авторъ показываетъ читателю самого себя, свои внутренніе душевные процессы, свою способность думать, понимать, плакать и смѣяться. Если вы умѣете хорошо думать и чувствовать, герои вашего романа будутъ тоже хорошо думать и чувствовать, а тогда хорошо думать и чувствовать вы заставите и читателя. Художественная правда заключается въ искренности, а искренность нельзя замѣнить никакимъ измышленіемъ, никакимъ ученымъ приѣмомъ, никакимъ искусственнымъ механизмомъ, никакой отдѣлкой и полировкой.

Отдѣлка „Девятаго вала“ не та отдѣлка, въ которой-бы вы видѣли поправку мысли, развитіе и освѣженіе чувства и усиленіе впечатлѣній. Отдѣлка г. Данилевскаго чисто-внѣшняя, искусственная, рефлексивная, головная, въ которой слова не всегда вяжутся съ впечатлѣніемъ, точно авторъ заставляетъ свое выраженіе исполнять не свою должность. Рассказывая, какъ учитель-экзаменаторъ допекалъ болѣзненнаго, робкаго ученика, г. Данилевскій говорить: „Ужь онъ его и такъ, и этакъ. И изъ неправильныхъ глаголовъ спросилъ, и *прокатилъ* по всѣмъ тонкостямъ въ разборѣ какой-то древней басни; потомъ *подхватилъ* его съ когти мудреннѣйшей римской поговорки, *потрепалъ* надъ выдержкой изъ рѣчи Цицерона и, наконецъ, безъ всякаго милосердія *швырнулъ* въ пучину метаморфозъ Овидія“... Неужели это сравненіе? Неужели оно рисуетъ передъ вами картину придирчиваго экзаменатора и робкаго, болѣзненнаго ученика?

Отдѣлка романа не пошла ему въ пользу, потому что она покупалась вездѣ на счетъ искренности и правды. А искренности, по крайней мѣрѣ, въ первой части мало, потому что мало дѣйствія, и вамъ приходится одолѣвать длинныя, монотонныя описанія, неоживляющія ни вашей мысли, ни вашего чувства, и потому томительно скучныя. Конечно, автору нужно было познакомить читателя съ нѣкоторыми подробностями изъ жизни своихъ героевъ. Но зачѣмъ-же дѣлать это въ видѣ формулярныхъ списковъ, зачѣмъ такъ безжалостно длинно, сухо, безъ малѣйшей искры остроумія?

„Девятый валъ“, и по замыслу, и по подробностямъ, не по-

хожь на романы послѣдняго времени. Передъ вами какъ-бы само-бытное произведеніе, и странно—отъ этого самобытнаго произведѣнія вѣтъ гончаровской атмосферой. Вы не найдете ни одной сцены, ни одной подробности, напоминающей „Обрывъ“, и въ то-же время вы чувствуете себя въ „Обрывѣ;“ передъ вами то-же литературная школа, тотъ-же механизмъ, тотъ-же приемъ, та-же вычурность простоты, та-же скучная опрятность, та-же холодная душа, и та-же игра мягко-гармоническими словами. „Въ это мгновеніе, будя ночную тишину, раскатисто и звонко заржалъ оставленный за садомъ конь“ (часть II, стр. 673); или: „на дворѣ ясно прозвучали копыта фокинскаго коня, домовито и ласково фыркавшего въ ожиданіи близкаго стойла и корма“ (тамъ-же); или: „Кирило Григорьевичъ, женившись на Ульянѣ Андреевнѣ, привезъ ее сюда и такой-же ласковый, съ такими-же свѣтлыми и добрыми глазами, сидѣлъ съ нею здѣсь“ (часть II, стр. 594); или: „но устремленные на него ласковые, ожидающіе глаза говорили другое“ (часть III, стр. 145); или: „онъ посмотрѣлъ на нее съ такой ласково-нѣжной улыбкой, что Аглая снова вспыхнула“ (часть III, стр. 147); или: „мы не разстанемся болѣе, не правда-ли? дѣтски-ласковыми, любящими глазами, глядя на Ветлугина, спросила Аглая“ (тамъ-же)...

Даже въ патетическихъ сценахъ въ васъ прежде всего является впечатлѣніе отдѣлки, потому что вмѣсто непосредственнаго чувства и дѣйствія вамъ даютъ гладкое, красивое описаніе. Въ той сценѣ (часть I, глава II), гдѣ Вечерѣвъ открываетъ Ветлугину тайну своей семьи, вы никакъ не чувствуете того, что хочеть заставить васъ чувствовать авторъ. Когда Вечерѣвъ сказалъ, что мать хочеть отдать Аглаю въ монастырь и Аглая не возражаетъ, „Ветлугинъ остоленѣлъ. Сердце его упало. Надъ головой потянуло холодомъ“. Почему-же надъ головой? Авторъ вамъ говоритъ, что Вечерѣвъ кричалъ Ветлугину: „жалости въ людяхъ нѣтъ, жалости“ и т. д., что, кончивъ, старикъ зарыдалъ, какъ ребенокъ. Но нѣтъ, вамъ не чувствуется, что онъ кричалъ, и вамъ не слышится его рыданіе. Напротивъ, подлѣ васъ все тихо, благоприлично, все установлено въ такомъ красивомъ, симметрическомъ порядкѣ, такъ отполировано и отдѣлано, что никто не можетъ ни кричать по-настоящему, ни рыдать громкимъ рыданіемъ, безъ удержа, если ужъ неизбѣжно рыдать.

Авторъ, повидимому, хочетъ быть реальнымъ. Онъ даетъ вамъ жизнь теперешней Россіи, рисуетъ вамъ теперешнихъ людей и въ то-же время вводитъ гончаровскій и тургеневскій идеализмъ, превращая живыхъ людей въ тѣни и облака. Когда старикъ Вечерѣвъ игралъ на віолончели Генделя, „мать и дочь обнялись и, изрѣдка перешептываясь, точно тѣни, подъ музыку двигались по залѣ. Онѣ то исчезали въ ея неосвѣщенной сторонѣ, то снова выходили на блѣдныя полосы мѣсяца, въ которыхъ чуть трепетали вѣтви глядѣвшихъ въ окно деревь. Ветлугину стало казаться, что Аглая и ея мать были тѣми-же звуками віолончеля, что онѣ, слетая со смычка и то здѣсь, то тамъ плавая по залѣ, сливались съ ея *чарующей и полной звуковъ темнотой*“. Когда Аглая задумалась и Ветлугинъ спрашиваетъ ее: „гдѣ-же вы?“ Она отвѣчаетъ: „наверху высокой, высокой горы... лѣсъ, свѣжій воздухъ, скалы... да мало-ли еще что! и тишина, такая тишина... Ахъ, какое чудное, синее, далекое небо... а въ небѣ свѣтлые съ голубыми крыльями и съ огненными мечами ангелы“. Я не стану отрицать, что кому-нибудь и можетъ казаться, что люди слетаютъ со смычка, могутъ казаться и голубыя крылья, и огненные мечи, но развѣ такіе люди могутъ служить героями современнаго романа, какой хочетъ дать г. Данилевскій?

„Девятый валь“ производитъ вообще неясное впечатлѣніе; вы видите хорошо обдуманнй планъ, тщательно соображенныя и подобранныя подробности, вы видите, что авторъ проработалъ на подборѣ фактовъ, еще тщательнѣе отдался отдѣлкѣ, но общее впечатлѣніе романа дѣйствуетъ на васъ слабо или, лучше сказать, его вовсе нѣтъ. Въ романѣ не та жизнь, которую вы чувствуете, не тѣ люди, которыхъ вы видите. Правда, вы переживаете чувствомъ страданія Ветлугина и Аглаи, но все это тянетъ васъ внизъ, а не вверхъ, не освѣжаетъ, а глушитъ, не просвѣтляетъ, а подавляетъ.

Въ романѣ г. Данилевскаго нѣтъ ясной и опредѣленной фізіономіи, нѣтъ задачи и цѣли, и оттого въ немъ нѣтъ Россіи. Авторъ рассказываетъ частный случай, который могъ быть и двадцать лѣтъ назадъ, и нынче, и можетъ повториться, пожалуй, черезъ сто лѣтъ. Ясно, что авторъ долженъ былъ уйти въ психологическій анализъ, дать картину нравовъ. Но у него нѣтъ ни глубины, ни анализа и онъ даетъ вамъ одни внѣшнія опи-

санія, не вводя въ самую душу героевъ. Поэтому вамъ приходится чувствовать не такъ, какъ васъ заставляютъ, а по-своему. Даже среди самыхъ эффектныхъ или возмутительныхъ сценъ вы чувствуете какія-то непримиримыя противорѣчія, какія-то психологическія невѣрности и задаетесь вопросомъ: „да такъ-ли?“

Романъ г. Данилевскаго не шагъ впередъ, а шагъ назадъ. Мы знаемъ, что обвиненіе современнаго „разночинца,“ превратившагося въ романиста, совершенно справедливо. Новый романистъ не отличается тѣмъ утонченнымъ образованіемъ, какимъ отличался романистъ 40-хъ годовъ. У него вы не найдете ни глубокаго психологическаго анализа, ни отдѣлки, ни художественности. Онъ только рѣжетъ глаза своей реальной правдой и вмѣсто художественнаго произведенія даетъ или прозаическую тенденцію, или этнографическій романъ. Новый писатель—писатель по преимуществу головной. Онъ вышелъ изъ мысли, изъ тяжелаго раздумья надъ самимъ собою, и потому его романъ—не объективное творчество, а скорѣе размышленіе въ лицахъ. Въ этомъ смыслѣ романъ г. Данилевскаго совершенно не похожъ на литературныя произведенія послѣдняго времени. Онъ рѣзко отличается художественнымъ пошибомъ и мягкостью, какой мы не привыкли видѣть. Романъ г. Данилевскаго является какъ-бы поправкой и чѣмъ-то новымъ. Какой-же новой поправкой думаетъ явиться г. Данилевскій?

Борьба современнаго романа съ романомъ 40-хъ годовъ можетъ происходить только на почвѣ художественности. Современная мысль многостороннѣе, полнѣе, дальше. Она менѣе обща, но за то реальнѣе, жизненнѣе и практичнѣе. Но выражая эту мысль въ художественной формѣ, современный романистъ погрѣшаетъ именно недостаткомъ того картиннаго и болѣе глубокаго психическаго изложенія, какимъ отличались писатели-теоретики 40-хъ годовъ. Пока современный романистъ не создастъ себѣ подобнаго приѣма, его всегда будутъ укорять въ безталанности, всегда будутъ колоть ему глаза Тургеневымъ и Гончаровымъ. Какъ-же г. Данилевскій разрѣшилъ этотъ вопросъ борьбы, съ чѣмъ онъ выступилъ противъ талантовъ 40-хъ годовъ и какому времени онъ служить? Мы думаемъ, что г. Данилевскій только поддѣлалъ Гончарова и въ поддѣльную форму вставилъ поддѣланную, старую душу.

II.

Два рода людей находимъ мы въ „Девятомъ валѣ“, — я не говорю типовъ. Типъ, кромѣ мѣткой группировки извѣстныхъ душевныхъ односторонностей, требуетъ строгой, послѣдовательной выдержки и согласованія мелочей. Этой строгой, логической послѣдовательности и единства въ мелочахъ у г. Данилевскаго нѣтъ. Всѣ его герои и героини мозаической работы и ни одинъ изъ нихъ не отливаецъ однимъ цвѣтомъ.

Представители злого начала должны-бы быть, повидимому, ясные, но если они вамъ и понятны, то совсѣмъ не потому, чтобы ихъ сдѣлалъ такими авторъ, а потому, что вы ихъ дополняете собственнымъ воображеніемъ.

Злое начало „Девятаго вала“ изображаетъ собою Талищевъ и его единомышленники и хищникъ Ключковъ. Талищевъ — представитель старой Россіи, олицетвореніе протеста противъ новыхъ порядковъ — видитъ вездѣ и повсюду разрушеніе, гибель, подземную работу. Авторъ выводитъ его не одиночно, но группируетъ около него цѣлый кружокъ единомышленниковъ, тормозящихъ вмѣстѣ всякое общественное дѣло, всякое земское предпріятіе. Но не ищите во всей этой ватагѣ типовъ. Передъ вами не живые люди, а только недовольные резонеры. Вмѣсто Бетрищевыхъ, Собавзичей, Ноздревыхъ, выродившихся въ новыя формы подъ новыми, послѣдствіями условіями жизни, передъ вами газетныя фразы „Вѣсти“ и „Московскихъ Вѣдомостей“.

А между тѣмъ какой благодарный матеріалъ представляетъ эта почва, если-бы авторъ захотѣлъ ею воспользоваться! Добродѣтели на землѣ мало и интересъ ея не великъ, тогда какъ людская глупость безгранична и навсегда останется самымъ неистощимымъ матеріаломъ для романиста.

Мы не поставимъ въ упрекъ автору, что его Талищевы не выходятъ титанами. Для титанизма требуется возможность иной дѣятельности и иной борьбы. Въ убогой жизни Талищевыхъ, при ограниченности ихъ общественныхъ силъ и ихъ общественной роли, они, конечно, не могутъ производить одиночно ничего грандіознаго. Но за то они могутъ служить неистощимымъ источникомъ мелкихъ дразгъ, духоты, подпольности. Для мыслящаго

и прогрессивнаго романиста Талищевы необыкновенно благодарный матеріалъ — по тѣмъ противорѣчіямъ, которыя они вносятъ въ жизнь. Они воображаютъ себя неподвижными китами и — больше всѣхъ колеблутъ міръ. Они источникъ незаблуждающей истины и — они-то распространяютъ заблужденія. Они проповѣдники нравственности и — прежде всего развращаютъ своихъ собственныхъ дѣтей. Защитники чести, благородства, прямизны, они готовы на всякую подпольность, интригу, таинственность. Въ нихъ соединяются свойства огрызающей, грубой собаки съ мягкими манерами стерегущей кошки.

Этотъ богатый матеріалъ проскользнулъ у г. Данилевскаго между пальцами. Онъ отдался весь изображенію Аглаи, хотя Аглая, какъ типъ, какъ живое лицо и какъ возможность, только рѣдкій случай, исключеніе. Конечно, г. Данилевскій имѣлъ право пройти мимо стада слоновъ и предпочесть ему красивую бабочку. Въ этомъ случаѣ онъ былъ даже послѣдователенъ, ибо, забравшись въ стадо слоновъ, онъ-бы ничего съ нимъ не подѣлалъ и бабочка не вышла-бы замужъ.

Но что г. Данилевскій не сочувствуетъ Талищевымъ, видно изъ его усилій изобразить изъ нихъ „темное царство“. Если онъ и не отводитъ темному царству перваго мѣста, занятаго уже ранѣе людской добродѣтелью, то онъ и не смѣшиваетъ красокъ и не тратитъ на злодѣевъ ни одного розоваго штриха. Можетъ быть, авторъ дѣлаетъ это и изъ экономіи своихъ творческихъ силъ. Во всякомъ случаѣ, несочувствіе его къ злодѣямъ совершенно ясно. Несочувствіе его такъ велико, что онъ допускаетъ даже невѣрности въ изображеніи, впадаетъ въ сатиру, въ преувеличеніе, въ анахронизмъ.

Талищевы несутъ наказаніе въ собственныхъ дѣтяхъ. Талищевъ-гусаръ и Талищевъ-гимназистъ или Николинька оба очень мизерные, ничтожные, способные съ благодушною ограниченностью на всякую мерзость, интригу и, какъ кажется, даже на поддѣлку кредитныхъ билетовъ. Если они до этого еще и не доходятъ, то только потому, что романъ кончается на третьей части.

Г. Данилевскій заставляетъ Николушку, его брата гусара и цѣлую компанію такой-же передовой молодежи дѣлать облаву на Фокина. Проходя по двору, Ветлугинъ слышитъ какой-то странный и какъ-бы задержанный, щемащій душу крикъ; онъ останав-

ливается, поводитъ глазами къ крышѣ талищевскаго амбара и... „по гребню, прачась за его слуховое окно, безъ шапки и въ разорванномъ сюртукѣ пробирался Фокинъ. Во дворѣ, глядя на амбаръ, столпилась часть талищевскихъ гостей. Въ сторонѣ съ ручной пожарной трубой, стоялъ Николушка Талищевъ. „Что глядѣть! кричить кто-то изъ толпы.— Качай Талищевъ и цѣлься...“ Но не пришлось ни качать, ни цѣлиться, потому что пріѣхали новыя гости и шутники разбѣжались. „Вотъ они передовые-то, вотъ вожди народа! съ скрежетомъ зубовъ, въ бѣшенствѣ восклицалъ Фокинъ:—и это теперь-то, теперь, во дни реформъ... Что-же было прежде... прежде...“ Разумѣется, если-бы рѣчь шла о Фоксахъ, Брайтахъ, декламирующій Фокинъ былъ-бы правъ. Но именно здѣсь-то г. Данилевскій и повторилъ свою ошибку постоянного преувеличенія. А преувеличивать онъ любитъ; онъ говоритъ постоянно съ ужасомъ о вещахъ вовсе не ужасныхъ и нерасчетливо щедръ на страшныя слова. Онъ заставляетъ Ветлугина слышать *щемящій душу крикъ*, точно подготавливаетъ васъ къ сценѣ закулиснаго убійства; Николушку онъ превращаетъ въ молодого Брайта, а Талищева-гусара, выросшаго все-таки въ привычкахъ внѣшней благопристойности, заставляетъ изображать изъ себя купеческаго прикащика. Перемѣните лица, заставьте дѣйствовать пьяныхъ купеческихъ сынковъ—и сцена вѣрна. Но авторъ пересолил и соль пропала. Карриатура заслонила правду, анахронизмъ занялъ мѣсто современности и восклицаніе Фокина: „вотъ они передовые-то! вотъ вожди народа!“ заставляетъ васъ только смѣяться надъ трусостью Фокина.

Превращая Талищевыхъ въ ограниченность, г. Данилевскій ставитъ за кулисами другую силу, которая ими двигаетъ и управляетъ. Эта интеллектуальная, злодѣйская сила—Клочковъ. Клочковъ эксплуатируетъ ихъ задоръ, онъ натравливаетъ ихъ на тѣхъ, на кого ему нужно ихъ натравить, онъ даже заставляетъ ихъ выходить за него на дуэль. Клочковъ—злой духъ „Девятаго вала“, хотя и не злой духъ дѣйствительной жизни. Онъ слишкомъ благодушенъ, чтобы быть настоящимъ злодѣемъ, и слишкомъ простоватъ, чтобы изображать изъ себя русскаго Мефистофеля.

Клочковъ тоже пеясеень, какъ и другіе герои. Манерность и отдѣлка наложили на всѣ фигуры романа какой-то расплывающійся колоритъ, точно передъ вами фотографическія карточки

Денъера. Неясность фигуръ г. Данилевскаго происходитъ не отъ излишка подробностей, а отъ противорѣчія подробностей. И герои Тургенева возбуждали вѣчные споры, но Тургеневъ путался въ противорѣчяхъ потому, что слишкомъ громоздилъ частности. Г. Данилевскій не отличается такой подробностью отдѣлки, онъ рисуетъ свои фигуры не слишкомъ щедрыми штрихами, но онъ рисуетъ ихъ разноцвѣтными карандашами и не столько думаетъ о послѣдовательности, объ устраненіи противорѣчій, сколько о мягкости рисунка. Но эта-то мягкость и вредитъ г. Данилевскому.

Есть у г. Данилевскаго одинъ „злой духъ“, въ видѣ игрушки Смарагды. Это лицо закулисное и является на сцену, кажется, всего два раза. Несмотря на то, передъ вами ясный, точно очерченный образъ. Конечно, это типъ давно уже сложившійся. Автору романа оставалось только брать его готовые черты, сопоставить его крайнія противоположности, согласить смиреніе съ жесткостью—и предъ вами готовый рельефный образъ. Но въ томъ-то и бѣда, что г. Данилевскій не примѣнилъ этого приѣма къ другимъ своимъ героямъ. А не примѣнилъ онъ его къ нимъ, кажется, только потому, что его возмущаетъ всякая рѣзкость, а онъ во чтобы-то ни стало желалъ быть мягкимъ.

Клочковъ изображаетъ практическую дѣловитость, отчаяннаго эксплуататора, выжимающаго людей какъ лимоны. Онъ задался очень простою цѣлью — сдѣлать себѣ круглое состояніе въ 500 тысячъ. Клочковъ молится только золотому тельцу и не признаетъ никакихъ другихъ боговъ. Какимъ-же долженъ быть герой съ такой опредѣленной тенденціей? Вотъ тутъ-то и проба авторской творческой силы. Клочковъ могъ выйти настоящимъ бездушнымъ злодѣемъ въ родѣ Родена и могъ быть мелочнымъ мошенникомъ. Авторъ представилъ его себѣ мелкимъ хлопотуномъ и сдѣлалъ не злодѣя, а какую-то помѣсь изъ жадности къ наживѣ съ неуменьемъ обдѣлывать свои дѣлишки. Клочковъ больше желаетъ нажать себѣ деньги, чѣмъ обладаетъ умѣньемъ нажать ихъ въ дѣйствительности, скрывая концы. У Клочкова какъ-будто-бы нѣтъ программы и въ его поведеніи вы находите только легкомысленную необдуманность. Судите. Вамъ рекомендуютъ Клочкова какъ дѣльца, практика, скопидома, человѣка мелочнаго расчета, и затѣмъ вводятъ въ его домъ. Внутренняя жизнь должна-бы прежде всего

подтверждать эту рекомендацію, а она ей противорѣчить. Въ-сто дома, вы видите толкучій рынокъ. Залъ превращенъ въ амбаръ и половина комнаты чуть не до потолка завалена кожами, льномъ и пенькой. Въ другой половинѣ комнаты на спинкахъ сдвинутой мебели висятъ образцы веревокъ и хомуты. Тутъ-же овечья шерсть, мѣшки съ пробами муки и т. д. Въ кабинетѣ, на дорогой гравюрѣ висятъ парусинные панталоны, на портретѣ Ермолова просушивается бритвенное полотенце, нѣсколько заношенныхъ, съ невынутыми запонками рубашекъ валяется по стульямъ и по диванамъ. На письменномъ столѣ, рядомъ съ бюстомъ Кавура, стоятъ флаги съ водкой; на шкапикѣ за печкой лежатъ книги духовнаго и свѣтскаго содержанія, возлѣ нихъ просвира и четки. На этажеркѣ съ вышитыми золотомъ рукавами и воротникомъ валялся мундиръ почетнаго мирового судьи. Между книгами рядомъ съ „Поѣздкою на Валаамъ“ и брошюрой „Агафьюшка“ лежала „Утопія“ Мура и „Будущность общинъ“ Консидерала. Вы удивляетесь, какъ послѣ всей этой путаницы есть еще такіе легковѣрные люди, которые позволяютъ Ключкову себя обманывать. Спросите объ этомъ у г. Данилевскаго. Я знаю только то, что Ключковъ самая мозаическая фигура „Девятаго вала“ и самый невинный мошенникъ, какого только можно выдумать. Онъ лукавъ и ограниченъ, онъ грубъ и мягокъ, онъ уменъ безъ ума; онъ стремится парить, не имѣя крыльевъ, онъ суетливо раскидывается въ угодливости и мелочахъ, хвастаетъ широкими замыслами. И эту-то овцу г. Данилевскій выдаетъ за барона Панургова стада; и дѣлаетъ вамъ намеки, что овца способна на грандіозное злодѣйство.

И вся бѣда Ключкова въ томъ, что онъ болтунъ, что авторъ заставляетъ его раскрывать свою душу каждому встрѣчному. Но развѣ настоящіе эксплуататоры, поддѣльватели и тайные убійцы дѣйствуютъ такъ? Приходитъ-ли Ветлугинъ — и Ключковъ сейчасъ же раскрываетъ ему всѣ свои планы. Онъ сообщаетъ ему о своихъ цѣляхъ, и даже воруетъ при свидѣтеляхъ. Сцена съ Фокинымъ была-бы недурна, если-бы Ключковъ былъ поумнѣе. Ключковъ очень хорошо зналъ, что, по плану г. Данилевскаго, Ветлугинъ долженъ изображать добродѣтель, и какъ-же эту добродѣтель поставить свидѣтелемъ своего насилія? Ветлугинъ по своей роли долженъ былъ возмутиться и онъ возмутился. Ветлугинъ еще сту-

дентомъ сбросилъ Ключкова съ лѣстницы и Ключковъ долженъ былъ знать, что съ нимъ это можетъ повториться и теперь. Все это такъ и случилось. Если-бы Ключковъ былъ мошенникъ умный, онъ воздержался-бы отъ глупостей и тайные его замыслы и секреты г. Данилевскій долженъ былъ-бы отерывать только одному читателю, не заставляя ихъ разбалтывать самого Ключкова. Если-бы г. Данилевскій берегъ своего героя, изъ него-бы дѣйствительно могъ выйти „злой духъ“; теперь-же онъ только овца съ претензіями на роль хищника. Больше всего не на мѣстѣ золотомъ вышитый мундиръ почетнаго судьи, который г. Данилевскій положилъ къ Ключкову на этажерку.

За Ключкова сердиться больше всего на г. Данилевскаго. Жизнь-ли не создаетъ у насъ иныхъ хищниковъ или г. Данилевскій ужь очень его растушевалъ? Если мы возьмемъ вопросъ художественной правды, то изъ лѣтописей русскаго уголовного суда г. Данилевскій могъ-бы подобрать иной матеріалъ, болѣе благодарный для его авторской репутаціи, и не нарушилъ-бы правды жизни. Теперь-же „злой геній“ положительно ему не удался, и только потому, что онъ не умѣлъ размежевать личныхъ секретовъ Ключкова, извѣстныхъ одному автору, отъ того, что могли видѣть и знать остальные герои романа. Въ концѣ-концовъ, конечно, восторжествовала правда, но въ то-же время и порокъ остался ненаказаннымъ. Ключковъ вывернулся. Но мы думаемъ, что г. Данилевскій и тутъ не обнаружилъ независимости мышленія. Онъ правда, отдалъ Ключкова подъ судъ. Что-же судъ? Судъ обвинилъ Ключкова. А что-же авторъ? Онъ подалъ кассационную жалобу — и Ключковъ на свободѣ. Затѣмъ романъ кончается и вы остаетесь не при чемъ, — судьба главнаго злодѣя вамъ неизвѣстна. Вамъ остается только думать, что въ основной планъ автора непременно входила мысль запутать васъ въ противорѣчія и сдѣлать всѣхъ своихъ героевъ сѣренькими, расплывающимися, неясными. Если г. Данилевскій хотѣлъ дать образцы посредственности, мы не имѣемъ права требовать отъ него титановъ, и авторъ вполне достигъ своей цѣли.

Изъ числа „полузлѣевъ“ фигурируетъ мать героини романа. Это тоже довольно странная, нѣжная и неопредѣленная фигура. Немножко злодѣйка, потому что ее подозрѣваютъ въ душегубствѣ и даже въ поджогѣ, она то мямлетъ, то дѣйствуетъ энер-

гично, то подавляетъ какъ деспотъ, то сдается и уступаетъ, то идетъ на откровенность, то замыкается въ себя и стучитъ въ грудь кулаками, то любить, то ненавидитъ. Рѣшивъ уже на первой страницѣ романа отдать свою дочь въ монастырь, она тянетъ канитель втеченіи почти всѣхъ трехъ частей и гораздо больше вздыхаетъ, чѣмъ дѣлаетъ дѣло. Многословіе есть главный порокъ всѣхъ героев романа и главный недостатокъ самаго романа.

Г. Данилевскій вдался въ томительное многословіе частью по требованіямъ той школы, которой онъ слѣдуетъ, а частью изъ желанія удовлетворить требованіямъ идеализаціи. И въ этомъ опять противорѣчіе. Избравъ своими героями идеалистовъ, г. Данилевскій долженъ-бы давать подраженныхъ людей, искусственныхъ великановъ, въ родѣ героев Виктора Гюго. Тогда-бы Ключковъ, мать Аглаи, старикъ Талищевъ вышли-бы совсѣмъ иными. Можетъ быть, въ нихъ явилось-бы мало правды, но, во всякомъ случаѣ, они производили-бы эффектъ, казались-бы большого роста, и романъ читался-бы съ интересомъ и легко. Теперь-же передъ вами нѣтъ ни идеальныхъ великановъ, ни реального міра живыхъ людей обыкновеннаго роста, и какая-то неопредѣленная срединность, безъ всякихъ уклоненій въ какую-бы то ни было сторону.

III.

Добродѣтели, какъ извѣстно, не везетъ. Въ этомъ свойство добродѣтели вообще и русской въ особенности. Даже идеализація справляется легче съ злодѣями, чѣмъ съ добродѣтельными людьми. Поэтому добродѣтельный человѣкъ становится гигантомъ въ романѣ только тогда, когда способенъ сдѣлать злодѣйство. Замѣчаніе это вы можете провѣрить на послѣднемъ романѣ Виктора Гюго.

Г. Данилевскому „солъ земли“ удалась еще меньше, чѣмъ „духа тьмы“, и его добродѣтельные люди отлпчаются самымъ непроизводительнымъ многословіемъ. Одинъ изъ новыхъ дѣятелей, Милунчиковъ, является истиннымъ представителемъ этого добродѣтельнаго словозверженія. „Надо бороться, говоритъ онъ, собираясь на съѣздъ;—я везу туда одинъ проеетъ, хотя знаю, что на этомъ пробномъ сеймикѣ, на этой маленькой биржѣ сдѣлаютъ попытку

уронить мое-же имя и смѣстить меня во что-бы то ни стало... За меня будутъ крестьянскіе и мѣщанскіе голоса, я недоучка и это мое великое и тяжкое горе; но я по-возможности старался чтеніемъ наверстать оборыши воспитанія. Я искренно полюбилъ дѣло народа и не измѣню ему до конца... И я не одинъ. Армія честныхъ людей понемногу пополняется новобранцами... Впрочемъ, рѣшительно заключилъ Милунчиковъ—противъ личныхъ оскорбленій я принималъ нѣкоторыя мѣры. Вонъ въ ногахъ у меня ящикъ съ пистолетами...“ И пистолеты Милунчикову пригодились. Но почему-же и смерть Милунчикова, и все, что онъ говоритъ, васъ не трогаетъ и не шевелитъ? Только потому, что все это или красивыя слова, или преувеличеніе, или рисовка. Въ чемъ прозекты Милунчикова—вы не знаете. Какую ведетъ онъ борьбу—вы не видите. Предъ вами не совершается никакого дѣйствія, а только стоитъ красиво говорящій человѣкъ и общественный дѣятель, страдающій непомернымъ мелочнымъ самолюбіемъ. У него болитъ душа, что противъ него идетъ интрига и что вмѣсто него выберутъ другого. Неужели это такъ обидно, что нужно везти съ собою пистолеты и вызывать на дуэль всякаго глупца, говорящаго противъ васъ всякіе вздоры? И чѣмъ-же кончается этотъ народный дѣятель, любившій народное дѣло и желающій ему служить до конца? У него происходитъ какая-то глупая исторія съ Талищевымъ-гимназистомъ, бончающаяся неописанной авторомъ дуэлью. Конечно, во всемъ этомъ виноватъ не Милунчиковъ. а г. Данилевскій, несумѣвшій подобрать такихъ фактовъ, которые-бы сдѣлали изъ Милунчикова не говоруна, а дѣйствительнаго дѣятеля. Одно изъ двухъ: или такіе факты есть, или ихъ нѣтъ; подобрать ихъ возможно или невозможно. Если возможно—подберите, и тогда вы дадите жизнь; если-же нельзя—не говорите ничего, потому что иначе даже и смерть Милунчикова кажется не настоящей, а является выдуманной авторомъ.

Другой добродѣтельный человѣкъ романа—старикъ Вечерѣвъ, производитъ на васъ сначала пріятное впечатлѣніе. Въ немъ вы какъ-бы чувствуете и силу, и порядочность, и житейскую стойкость, нѣчто напоминающее послѣднихъ могижановъ XVIII столѣтія, людей желѣзнаго темперамента, несдающихся ни передъ чѣмъ. Но нельзя не замѣтить, что если и вамъ Вечерѣвъ показался такимъ-же, то совсѣмъ не потому, чтобы такимъ его рисовалъ г.

Данилевскій. Вечерѣвъ, повидимому, тотъ благородный представитель человѣческаго идеала, надъ которымъ, какъ надъ кавказскимъ хребтомъ, прошла гроза времени, не тронувъ его вершинъ. И стоять онъ по-прежнему все такой-же спокойный, гордый и благородный. „Нынче все съѣзды, проекты да ассоціаціи, говорилъ о себѣ Вечерѣвъ Ветлугину. — Одинъ я ни къ кому не пристаю и люблю болѣе всего тишину“. Но въ дѣйствительности Вечерѣвъ ищетъ не покоя; онъ стоитъ только внѣ современной наживы, внѣ поведенія Ключковыхъ. „Вѣрите ли, жажда къ обогащенію у нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ пріобрѣтателей такова, что, кажется, отца родного не пожалѣютъ.... Я послѣдній изъ могиканъ, но не новѣйшія реформы измѣнили меня; я живу выродкомъ среди другихъ не потому, что я черствый и жадный человѣкъ.... Не новые порядки отняли у меня рабочій пылъ, не о томъ болитъ моя душа“. И Вечерѣвъ горько усмѣхнулся. Затѣмъ слѣдуетъ глава: „Иуда Макавей“. Васъ точно вводятъ въ мистическій мракъ католическаго собора, и вамъ дѣлается неловко, вы чувствуете, что въ этомъ большомъ, молчаливомъ домѣ живетъ какое-то несчастье, живутъ страдающіе, надломленные люди. Наконецъ, вы узнаете семейную тайну Вечерѣва. Кто тутъ виноватъ — мужъ или жена — не разберешь; но если мужъ виноватъ увлеченіемъ, то жена совершила уголовное преступленіе, и затѣмъ начала ѣздить по монастырямъ, и задумала сдѣлать свою дочь монахиней. Вечерѣвъ знаетъ это. Но его вліяніе надъ женою и дочерью такъ слабо, что Аглая постригается, а безсильный Кавказъ, хвалившійся тѣмъ, что онъ послѣдній могиканъ, сходитъ съ ума. Зачѣмъ-же авторъ поманилъ Кавказомъ, думаете вы, зачѣмъ онъ заставилъ Вечерѣва хвастать своей нравственной силой и выдавать себя за могикана?

Впрочемъ, глядя на благодушнаго Льва Савича, Вечерѣвъ имѣлъ право рисоваться своей нравственной силой. Слабодушный Левъ Савичъ, шестидесятилѣтній мечтатель и идеалистъ, совершенно непонятно почему забылъ внезапно Цицерона и Плутарха и промѣнялъ своихъ чижиковъ, канарескъ и цвѣты на акціи и облигации, чтобы вмѣстѣ съ Ключковымъ устроить комиссіонерскую контору. Когда сынъ спрашиваетъ отца, зачѣмъ онъ тихую, кабинетную жизнь промѣнялъ на служеніе мамону, Левъ Савичъ ему отвѣчаетъ: „То былъ вѣкъ одинъ, теперъ другой. Тогда

вѣра горы двигала, нынче—деньги.... Не рыбаки апостолы теперь ведутъ человѣчество, а Лесепсы да Стефенсоны. Не проповѣдь на пустынной горѣ, а акціи съ вѣрными купонами“. Но старикъ знаетъ, что онъ говоритъ не дѣло, онъ носитъ въ себѣ разладъ и только напускаетъ на себя дѣловитость. Раззоряющійся старикъ, дѣйствительно, жалокъ. Но въ его жалкомъ положеніи виноватъ не столько Ключковъ, сколько опять г. Данилевскій. Конечно, отъ мечтателя, отшельника нельзя требовать послѣдовательности; но, съ другой стороны, г. Данилевскій могъ-бы взаи́мнѣ Льва Савича дать Ключкову другую жертву и его романъ отъ этого-бы не проигралъ. Съ этой точки зрѣнія участіе въ судьбѣ Льва Савича со стороны читателя совершенно излишне. Не онъ, такъ другой. Гдѣ есть хищники, тамъ должны быть и жертвы. Оттого-то г. Данилевскій сдѣлалъ ошибку, превративъ Льва Савича въ козла отпущенія. Можно дѣлать глупости въ 20, въ 30 лѣтъ, стремительные люди глупятъ иногда и въ 40; но чтобы быть вѣчнымъ младенцемъ, и младенцемъ въ 60 лѣтъ, для этого нужно быть Львомъ Савичемъ. Но если г. Данилевскій именно этимъ и выгораживаетъ себя отъ упрека, развѣ въ то-же время онъ именно этимъ-же не ослабляетъ повальности того повѣтрія, которое онъ желаетъ изобразить въ видѣ грандіознаго зла? Но какое-же это зло, если его жертвами становятся младенцы! Теперь мы спросимъ г. Данилевскаго: когда-бы онъ сталъ ближе къ правдѣ жизни, когда энергичнѣе высказалъ-бы свою мысль? Тогда-ли, когда превратилъ-бы Льва Савича въ полусумасшедшаго мякенькаго старика, легкомысленно запѣвшаго противъ охоты чужую пѣсню, или заставилъ-бы его сознательно и послѣдовательно выступить изъ своей школьной комнаты, чтобы идти за временемъ, не превращаясь въ Ключкова? Въ романѣ г. Данилевскаго слишкомъ много ошибокъ мысли, чтобы можно было рѣшить безспорно, какая ошибка больше. Вообще „Девятый валъ“ не картина русской жизни, не художественное изображеніе современныхъ русскихъ людей, а художественное изображеніе массы противорѣчій самого автора, противорѣчій мысли и чувствъ, которыя онъ далъ въ формѣ романа. Ясная мысль всегда выражается ясно, ясный образъ всегда рисуется въ ясномъ очертаніи; ясные идеалы вырастаютъ всегда въ точно-очерченныхъ титановъ. Но когда въ самомъ творцѣ художественнаго произведенія

нѣтъ ничего точнаго, яснаго, опредѣленнаго, вамъ придется смотрѣть только на туманную картину. Намъ неизвѣстна мысль г. Данилевскаго. Хотѣлъ-ли онъ дать урокъ современнымъ писателямъ или не хотѣлъ — мы этого отъ него не слышимъ. Для насъ только ясно то, что романъ г. Данилевскаго нельзя не замѣтить по тщательности отдѣлки, по кропотливой отдѣлкѣ подробностей, по гладкости языка и музыкальности фразы; что-же касается до его внутренняго содержанія, то даже и основную идею г. Данилевскому не удалось провести безъ противорѣчія.

Въ Ветлугинѣ г. Данилевскій хочетъ дать современный типъ сложившагося и зрѣлаго человѣка. Передъ вами не формирующійся Базаровъ, стоящій на теоретической точкѣ и только готовящійся къ жизни, передъ вами сформировавшійся дѣловикъ, сдумавшій согласовать свои честные идеалы съ честнымъ практическимъ поведеніемъ. И Ветлугинъ ошибался въ молодости, и онъ увлекался и пробовалъ, но всѣ эти увлеченія вытекали изъ здороваго ядра, и когда неподатливая суровая жизнь посудла всѣ мечты, остался закаленный боецъ. Впрочемъ, я васъ долженъ предупредить, что Ветлугинъ не совсѣмъ такой, какимъ я его описываю. И г. Данилевскій желалъ его изобразить подобнымъ-же, и когда онъ говоритъ о немъ отъ своего лица, въ героѣ видѣтъ, дѣйствительно, какъ-будто-бы великанъ; когда-же Ветлугинъ заговоритъ самъ, вамъ приходится разочаровываться. Ветлугинъ, какъ и остальные герои романа, порядочный болтунъ. Другой недостатокъ Ветлугина — его идеализмъ, мечтательность и мистицизмъ, и опять только на словахъ, которыя какъ-то худо вяжутся съ его ролью сибирскаго прикащика. Вѣдь это Ветлугину казалось, что Аглая и ея мать — звуки виолончеля; „что онъ, слетая со смычка и то здѣсь, то тамъ плавая по залѣ, сливались съ ея чарующей и полной звуковъ темнотой“. Послѣ первыхъ словъ Аглаи, „что-то чарующее и нѣжное. какъ золотой, несбыточный сонъ, отъ звука этихъ словъ отозвалось въ душѣ Ветлугина“. Ему даже показалось, что онъ въ это мгновеніе стоитъ не въ саду, а гдѣ-то далеко, у стѣны какого-то монастыря въ Испаніи или Италіи. Потомъ ему почудилось, что онъ гдѣ-то далеко, надъ нимъ громоздятся терасы, балконы и виноградники, и вдругъ съ одного изъ балконовъ надъ нимъ раздался шопотъ: „ты-ли это? стой! я давно жду тебя!“ Конечно,

Ветлугинъ находился въ моментъ перваго зарожденія чувствъ, и при всемъ томъ непонятно, въ чему ему, сибиряку, потребовались Испанія, Италія, какіе-то терасы, балконы и виноградники! Я думаю, что психологическіе процессы въ его душѣ совершались проще и, чувствуя возлѣ себя Аглаю, онъ не уѣзжалъ въ воображеніи за-границу.

Рекомендуя Ветлугина читателю, авторъ говоритъ, что хотя Антонъ Львовичъ и испыталъ много въ жизни, но вѣры въ людей не потерялъ. Я нарочно выпишу, рекомендацію подлинными словами, потому что не умѣю говорить такимъ плавнымъ, гармоническимъ языкомъ. „Антонъ Львовичъ ни въ годы ученія въ столицѣ, ни въ тайгахъ и пескахъ Сибири не переставалъ въ золотыхъ снахъ о развитіи силъ общества уноситься туда, въ это сверкающее и манившее его къ себѣ будущее, гдѣ ему днемъ и ночью, въ радости и печали, грезился теплый и радостный свѣточъ гражданскихъ побѣдъ и улучшеній, всеоживляющій и всеобновляющій. Видя людскія страданія, видя безумную роскошь счастливецъ и рядомъ съ нею жалкое ничтожество бѣдняковъ, — онъ вѣрилъ въ одно — въ торжество разума на землѣ, и никакія горести не могли надломить его крѣпкихъ надеждъ. Счастье придетъ, думалъ онъ, — но мы-то, мы-то согрѣемся-ли въ лучахъ грядущаго“. Это говоритъ за Ветлугина г. Данилевскій, но когда? самъ Ветлугинъ является адвокатомъ нашего времени, онъ говоритъ Вечерѣву другое. Онъ рисуетъ картину перестраивающагося зданія, закрытаго лѣсами съ верху до низу. Въ этомъ и есть, по его словамъ, сущность нашего времени. „Рабочіе лѣплятъ вдоль стѣнъ и на крыши, висятъ въ качалкахъ подъ карнизами, стучать молотками, сыплется пыльный мусоръ, кирпичи перебрасываются отъ земли до пятаго этажа“. Что будетъ изъ всего этого — Ветлугинъ не беретъ предусмотрѣть, но такъ-какъ онъ убѣжденъ, что главный архитекторъ есть геній вѣка и сила вещей, то время и должно взять свое. Въ этомъ новомъ зданіи, по словамъ Ветлугина, будутъ жить отъ верхняго яруса до нижняго, „до подвала и до собачьей конуры“.... Странный идеаль! И если Ветлугинъ думаетъ, что въ перестроенномъ зданіи ему придется помѣститься въ собачьей конурѣ, то, конечно, онъ былъ правъ, не желая согласиться съ авторомъ романа насчетъ лучей грядущаго свѣтила.

Въ тотъ-же день, когда Ветлугинъ излагалъ Вечерѣву эту курьезную теорію, онъ думалъ: „правы великіе мыслители: счастье — дикая, неосуществимая мечта. Смерть поглощаетъ все: любовь, дружбу, славу, семейную жизнь, науку и всякое могущество. Чѣмъ болѣе побѣдъ ума, тѣмъ сознательнѣе безпомощность и злополучіе человѣка. Начало его — страданіе, конецъ — разлука со всѣмъ.... И зачѣмъ люди любятъ, привязываются другъ къ другу, женятся?“ Наконецъ, въ тотъ-же день онъ проповѣдывалъ Аглаѣ: „не въ пустыню современному человѣку надо идти, а въ самую глубь житейскаго моря“... Еще ранѣе: „мы рождаемся для счастья, для блага своего и другихъ“.

Не всегда легко такіа красивыя противорѣчія согласить съ практикой будничной жизни. И потому красивыя слова остаются только праздничной одеждой, въ которой Ветлугинъ является въ салоны и въ дамское общество. Что-же касается практики, то у Ветлугина она такъ проста и обыденна, что никакой идеализмъ на словахъ не заставитъ васъ видѣть въ ней что-нибудь необыкновенное. Г. Данилевскій и до сихъ поръ раздѣляетъ заблужденія 1855 года. Онъ думаетъ, что не брать взятки и не продавать себя за деньги — величайшій подвигъ, на который способны только апостолы. Кто-же говоритъ теперъ объ этой честности и неужели нужно быть апостоломъ, чтобы видѣть въ Ключковѣ дрянного человѣка! Ветлугинъ ведетъ процессъ противъ Ключкова и воображаетъ, что онъ искореняетъ все русское любостыжаніе. Милунчиковъ погибъ только потому, что воображалъ себя бойцомъ и героемъ. Если съ Ветлугинимъ не случилось никакой бѣды, то, конечно, только потому, что г. Данилевскій взялъ его во-время подъ свое покровительство и женилъ на Аглаѣ.

И въ главѣ „Счастливый мірокъ“ г. Данилевскій рисуетъ эту отраду настоящаго. Приѣхавъ къ Фокину, Ветлугинъ по ошибкѣ попалъ въ спальню хозяевъ. „Шумъ, оглушившій его, производили двое хозяйскихъ дѣтей, веселые и пузатые мальчуганы-близнецы, Ганя и Дана. Первый изъ нихъ, а именно Ганя. толстощекий и бѣлый, какъ пряничный генераль, сидя верхомъ на игрушечномъ конѣ, дудѣлъ въ дуду и изъ всѣхъ силъ билъ кулакомъ въ барабанъ. Второй, кудрявый, черноглазый, какъ жукъ, Дана, въ отцовскомъ жилетѣ и въ матушкиномъ чепцѣ,

сидѣлъ на полу, кричалъ и размахивалъ какой-то костью съ бубенчиками погремушкой. Сама Фросинька, въ блузѣ и платкѣ на небрежно-причесанныхъ волосахъ, держала третьяго мальчика, новорожденного Вовика. Вовикъ только-что проснулся и также слегка брыкался и кричалъ. Она его распеленала, покормила грудью и, повачивая и осыпая его поцѣлуями, напѣвала пѣсню“. Какую устроилъ себѣ отраду Ветлугинъ, такую-ли, какъ Фокинъ съ Фросинькой, или другую—авторъ не говоритъ. Весь романъ есть только тотъ путь, которымъ Ветлугинъ шелъ къ осуществленію своего идеала, добываясь Аглаи. Но мы-бы и тутъ могли упрекнуть автора въ противорѣчіи. И Вечерѣевъ мечталъ о томъ-же, о чемъ мечтаетъ Ветлугинъ. Онъ даже выстроилъ себѣ особенную усадьбу, мечтая наслаждаться единоличнымъ эгоистическимъ счастьемъ, а кончилось тѣмъ, что Ульяна Андреевна, для спасенія своей дочери, рѣшилась отдать ее въ монастырь. Который-же исходъ правильнѣе и гдѣ отрада? Г. Данилевскій такъ и не разрѣшаетъ, но судя потому, что его „Девятый валъ“ за однѣи и тѣ-же прегрѣшенія то выносить людей изъ пучины, то ихъ топить, мы думаемъ, что вопросъ объ отрадѣ есть одно изъ непримиримыхъ противорѣчій, котораго Ветлугину не разрѣшить.

Аглая, главное лицо романа, самая жалкая фигура всей панорамы, развертываемой г. Данилевскимъ. Въ Аглаѣ всего ярче обнаруживается и слабость его общей тенденціи, и неясность его мысли, и даже колебаніе его чувствъ и симпатій. Въ ней-же всего ярче обрисовывается и самая главная слабость автора: замѣнять красивыми, стройно и гармонически-подобранными словами живыя мысли и живыя чувства. Нельзя было ничѣмъ лучше доказать ошибокъ гончаровской школы, какъ образнымъ противъ нея протестомъ въ лицѣ Аглаи, а если хотите — пожалуй, и всѣмъ „Девятымъ валомъ“. Г. Данилевскій доводитъ до крайности ошибки Ганчарова, не усиливая нигдѣ и ни въ чемъ его достоинствъ. Какъ г. Гончаровъ ни мелочень и ни подробень въ описаніяхъ, но его описанія возбуждаютъ въ васъ все-таки опредѣленные впечатлѣнія и опредѣленные идеи. Но г. Данилевскій не описываетъ, онъ, если хотите, даже и не говоритъ, а поетъ. Онъ нанизываетъ колокольчики на безконечную нитку. вѣроятно, помня замѣчаніе Гейне о красивомъ прозаическомъ слогѣ. И въ „Девятомъ валѣ“ вы, дѣйствительно, не получаете ничего,

кромѣ слога. Гончаровъ слабъ идеей, но у него вы все-таки находите кое-какія мысли, а у г. Данилевскаго—пусть онъ проститъ меня—я не отыскалъ никакихъ мыслей. Съ первой страници романа и до послѣдней я слышалъ постоянно мелодическій звукъ серебряныхъ колокольчиковъ, и очень можетъ быть, что ихъ однообразная гармонія не позволила мнѣ замѣтить мыслей г. Данилевскаго. Я не отрицаю, что въ романѣ есть теплота, что мѣстами въ немъ есть и неподдѣльное чувство, что мѣстами попадаются хорошо обдуманныя подробности и что вообще какъ плачъ романа, такъ и его выполнение потребовали немалого труда. Но въ цѣломъ васъ поражаетъ отсутствіе опредѣленности характеровъ, ихъ неясность, внутреннее противорѣчіе, ихъ мозаичность. Я, можетъ быть, примирился-бы даже и съ этимъ, но безконечная гармонія музыкально-серебристаго языка, гармоническій, расплывающійся, точно самъ себя слушающій слогъ.... Нѣтъ, чтобы вынести эту однообразную гармонію, нужно имѣть слишкомъ крѣпкіе нервы, читатель. Писать романъ для слога и вмѣсто романа дать золоту арфу!

Г. Данилевскій, кажется, очень рассчитывалъ на тотъ эффектъ, который должна была произвести Аглая. Я не скажу, чтобы она была невозможной, но она неправдоподобна. Спросите всѣхъ, такія-ли теперешнія дѣвушки. Конечно, отъ васъ зависитъ дать такихъ или не такихъ; но если вы хотите дать въ своей героинѣ дѣвушку домашнюю—страдающую, борющуюся и ищущую внутренняго успокоенія души, въ такомъ случаѣ вы обязаны дать ея психическій анализъ. Вотъ единственное средство спасти героиню отъ равнодушія читателя. Нарисовать Александра Македонскаго немудрено. Чѣмъ больше шуму и блеску въ подвигахъ героя, тѣмъ вышнее описаніе его легче. Но если вы даете страдающаго заморыша и сидня, если вы даете неподвижную головную или сердечную натуру, вы должны ввести читателя во всѣ закоулки этой страдающей, больной души и заставить его переживать вмѣстѣ съ нею всѣ ея процессы.

Что-же сказать объ Аглаѣ? Какъ гибнуть силы, какъ эти силы ищутъ выхода, какъ не удовлетворяетъ монастырь, какъ живому нужно живое, сказать, наконецъ, что человѣкъ есть продуктъ воспитанія, что Аглая есть историческій продуктъ постоян-

ной зависимости русской женщины?.. Какъ это все азбучно вѣрно и въ то-же время какъ все это старо и уже надоѣло!

Ошибка г. Данилевскаго въ основной мысли, въ его точкѣ отправления, въ его возрѣніи на современныя задачи русскаго романиста. Всѣ его ошибки подробностей только слѣдствіе этой основной ошибки. Г. Данилевскій желаетъ выступить съ готовой программой жизни, тогда какъ жизнь никакихъ программъ не выноситъ. У него готовы отвѣты на всѣ вопросы и за эту-то готовность онъ и несетъ наказаніе въ тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ противорѣчіяхъ, на которыя онъ натенулся, не удовлетворивъ сомнѣній, шевелящихся въ каждомъ читателѣ. А между тѣмъ тотъ-же г. Данилевскій заставляетъ Ветлугина сказать:

Народамъ миль и дорогъ тотъ,
Кто спать ихъ мысли не даетъ.

IV.

Если вы не читали рассказовъ Бретъ-Гарта — прочитайте, и непремѣнно вслѣдъ за „Девятымъ валомъ“.

Г. Данилевскій, принявшись писать романъ, уже зналъ заранѣе, что онъ хочетъ сказать. Бретъ-Гартъ, повидимому, не знаетъ, что онъ скажетъ. Не думайте, однако, что Бретъ-Гартъ только фотографуруетъ. Нѣтъ, онъ пишетъ умомъ и чувствомъ, а г. Данилевскій пишетъ рефлексіей.

Рефлексія именно и сгубила современнаго романиста. Для тепершняго русскаго романиста жизнь есть мучительный вопросъ. Какъ мыслитель, онъ правъ, но какъ художникъ—нѣтъ, и только потому онъ впадаетъ или въ одностороннюю тенденцію, или въ еще болѣе нехудожественную рефлексію. Оттого-то всѣ наши новѣйшіе романы—чисто-головныя произведенія, картины резонеровъ и говоруновъ, точно въ живыхъ людяхъ не происходитъ никакихъ процессовъ чувства, а они исключительно говорильныя машины.

Я думаю, что спора о художественности теперъ поднимать нечего—это конченный вопросъ, разрѣшенный самими тѣми, кого общественное мнѣніе обозвало безталанными. Но эта безталанность только кажущаяся, она не больше, какъ ошибка приѣма, неумѣнье, незнаніе или нежеланіе скрыть рефлексію и вмѣсто про-

цесса мысли дать процессъ чувства. Весь анализъ теперешняго романа направленъ на мысль; но глубокаго, подробнаго анализа всей человѣческой души вы у него не ищите, а пока мы не станемъ психологами, мы не овладѣемъ художественной формой. Романистъ 40-хъ годовъ былъ сердеченъ и потому онъ художникъ; романистъ 60-хъ годовъ сдѣлался головнымъ и навлекъ на себя упрекъ въ безталанности. У перваго художественность вытѣснила, наконецъ, мысль; у втораго мысль вытѣснила, наконецъ, художественность. Г. Данилевскій, желая быть художникомъ, понялъ художественность въ одной внѣшней отдѣлкѣ, и потому далъ только мелодическую рефлексію.

У Бретъ-Гарта нѣтъ рефлексіи и потому вы чувствуете въ немъ молодящую васъ свѣжесть, а не преждевременное старчество, которымъ, точно по программѣ, подчуется васъ каждый русскій писатель. Мы стали очень умны, и потому утратили непосредственное чувство. Г. Данилевскій, при каждой сценѣ, при изображеніи каждаго характера задается вопросомъ: что подумаетъ читатель? Бретъ-Гартъ думаетъ только о томъ, что читатель почувствуетъ. И у г. Данилевскаго, и у Бретъ-Гарта есть непримиримыя противорѣчія, но у г. Данилевскаго эти противорѣчія головныя, а у Бретъ-Гарта противорѣчія чувствъ, кончающіяся не рефлексіей, а соглашеніемъ. Г. Данилевскій хочетъ быть мыслителемъ, Бретъ-Гартъ — психологомъ. Поэтому у г. Данилевскаго фигурируютъ передъ вами мысли, одѣтыя людьми, а у Бретъ-Гарта настоящіе живые люди.

Беру первый рассказъ Бретъ-Гарта: „Счастіе ревущаго стана“. Вамъ ничего не рассказываютъ, ничего не усиливаются описывать; авторъ, повидимому, не заботится ни о слогѣ, ни о красотѣ изложенія; онъ не думаетъ ни о послѣдовательности, ни о планѣ; онъ даже беретъ самыхъ нехудожественныхъ людей, какіе только есть на свѣтѣ. Переимѣните названіе мѣстъ, дайте героямъ русскія имена — и передъ вами наши сибирскіе рудники; такъ общечеловѣченъ весь душевный строй и вся природа людей, о которой говоритъ Бретъ-Гартъ. А между тѣмъ какое согрѣвающее и примиряющее впечатлѣніе производитъ на васъ весь этотъ погибшій міръ! Въ чемъ же секретъ художественности Бретъ-Гарта? Только въ сопоставленіи противоположностей, только въ томъ противорѣчіи чувствъ, которое разрѣшается въ васъ въ законченную идею,

неразрываемую рефлексію. Передъ вами разбойники, убійцы, каторжники, міръ злодѣевъ, которыхъ вы всегда знали такими, и внезапно передъ вами возникаютъ картины такихъ младенчески-чистыхъ и младенчески-наивныхъ душевныхъ процессовъ; возникновеніе этихъ чувствъ такъ естественно, такъ просто, такъ непосредственно и первобытно, что въ вашемъ міровоззрѣніи совершается цѣлый гуманный переломъ. И авторъ нигдѣ не разсуждаетъ; онъ только обращается къ вашему психологическому чутью, онъ говоритъ съ вами не словами или описаніемъ, а поведеніемъ своихъ героевъ. Помните-ли вы то мѣсто въ „Ревущемъ станѣ“, когда родилось „Счастье“? Положивъ новорожденного въ свѣчной ящикъ, „ревуцій станъ“ пришолъ въ недоумѣніе и даже въ смущеніе отъ новости этого страннаго и невиданнаго еще никѣмъ событія. Когда Кентукъ съ полулюбопытствомъ заглянулъ въ свѣчной ящикъ, ребенокъ повернулся и, подъ вліяніемъ какой-нибудь боли, схвативъ одинъ изъ его пальцевъ, на мгновеніе сжалъ его. Лицо Кентука приняло глуповатое, смущенное выраженіе. „Ишь ты, проклятый мальчишка!“ произнесъ онъ, стараясь высвободить свой палецъ съ гораздо большею нѣжностью и осторожностью, чѣмъ какую можно было предположить въ этомъ человѣкѣ. Выходя, онъ держалъ этотъ палецъ какъ-то особнякомъ отъ другихъ и внимательно его разсматривалъ. Это изслѣдованіе вызвало у него опять то-же самое замѣчаніе. „Ишь ты, проклятый мальчишка! повторялъ онъ, показывая Типтону оттопыренный палецъ:—онъ схватилъ вотъ этотъ палецъ!“ И только; ни слова прибавки, ни одной помѣхи вашему впечатлѣнію ненужнымъ, лишнимъ разъясненіемъ.

Относясь ко всему, повидимому, непосредственно, Бретъ-Гартъ въ то-же время не мечтатель и идеалистъ. Онъ ставитъ и разрѣшаетъ психологическимъ путемъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ нашего времени. Онъ начинаетъ съ вами съ самаго корня, послѣдовательно выслѣживаетъ развитіе процесса нравственнаго перерожденія въ безнадежно погибшихъ, повидимому, людяхъ и прекращаетъ разсказъ внезапной гибелью всего „стана“, когда продолженіе оказывалось невозможнымъ, не впадая въ мечтательность и идеализацію.

Въ сопоставленіи противоположностей и противорѣчій весь секретъ Бретъ-Гарта. Возьмите „Млисъ“. Бретъ-Гартъ пода-

вляеть васъ массою самыхъ тонкихъ противоположныхъ наблюдений надъ душевными процессами маленькой героини и школьнаго учителя. Прочитавъ разсказъ, вы говорите, что анализировать свои ощущенія вамъ вовсе не такъ легко; вы только чувствуете себя подъ обаянiемъ чего-то теплаго и хорошаго, что, повидимому, совсѣмъ не сходится съ тѣми героями, которые возбудили въ васъ такіа чувства. Но изъ вашихъ хорошихъ чувствъ вашимъ собственнымъ внутреннимъ процессомъ возникаютъ хорошіа мысли. Русскій романистъ не оставилъ-бы васъ въ покоѣ. Онъ непремѣнно сталъ-бы вамъ навязывать свои, собственные размышленія и сталъ-бы разъяснять вамъ то, что разъяснять нѣтъ никакой надобности.

Тѣмъ и дорога художественность, что она говоритъ съ читателемъ сопоставленіями поведенія героевъ, а не словами. Мы думаемъ обыкновенно, что полнота заключается въ разъясненіи, тогда какъ полнота въ многообразіи возбуждаемыхъ ощущеній. Полнота въ краткости и въ то-же время въ той массѣ оттѣнковъ чувства, которая исчерпывала-бы вполне ваше ощущеніе. Тургеневъ владѣлъ этой способностью, но, къ сожалѣнію, онъ запутывался въ такихъ противоположныхъ мелочахъ, которыя нерѣдко мѣшали единству впечатлѣній и разрѣшались въ читателѣ рефлексіей. Конечно, это громадный недостатокъ художественности, происходящій отъ неясности авторской мысли. Бретъ-Гартъ, напротивъ, устойчивъ и твердъ. Какъ онъ васъ ни качаетъ направо и налево между противоположными очевидностями, но онъ всегда умѣетъ найти точку равновѣсія и тотъ центръ тяжести, на которомъ вы склонитесь въ сторону добраго, гуманнаго чувства.

Бретъ-Гартъ самъ говоритъ, что онъ могъ-бы представить своихъ аргонавтовъ совершенно неспособными ни на какое хорошее, великодушное движеніе и, такимъ образомъ, избѣжать той нравственной путаницы, которая обусловливается совмѣстнымъ существованіемъ самыхъ разнообразныхъ мотивовъ и качествъ; „но въ этомъ случаѣ, замѣчаетъ онъ, — я долженъ былъ-бы нести отвѣтственность за созданіе подобныхъ типовъ, которой я, какъ скромный повѣствователь, неимѣющій никакихъ правъ на особенное довѣріе, вовсе не желаю принять на себя“. И Бретъ-Гартъ не гнетъ и не ломитъ въ одну сторону; онъ вамъ только даетъ разнообразіе качествъ, какое находитъ въ человѣческой душѣ, у лю-

дей, поставленныхъ въ различныя положенія, у людей, повидимому, безсердечныхъ, погибшихъ, но всегда людей, всегда сохраняющихъ тяготѣнне другъ къ другу, и стремящихся всё къ одному. У Бретъ-Гарта грубость идетъ рядомъ съ мягкостью, преступленіе рядомъ съ добродѣтелью, безсердечіе съ гуманностью. И герои его всегда просты, они никогда не болтаютъ, не рисуются, а дѣлаютъ самыя изумительныя вещи даже и не подозрѣвая, что онѣ такъ для васъ изумительны. Предъ вами всегда замѣчательные характеры, т. е. люди дѣла, а не словъ. Помните, какъ просто мистеръ Гемлинъ, этотъ холодный игрокъ, обиравшій даже своего друга Брауна, отказался отъ всякихъ покушеній на его жену. Браунъ только рассказалъ ему свой странный сонъ, рассказалъ, что ему видѣлось, будто онъ опять женится на своей Сусаннѣ... „И кто былъ священникомъ—Джекъ, это-бы ты думалъ? угадай!—ты!“ И этихъ нѣсколькихъ словъ было достаточно, чтобы въ черствой душѣ Джека возбудить великодушное чувство. Онъ, обиравшій своего друга, какъ игрокъ игрока, устыдился отнять его счастье, и вмѣсто того, чтобы ѣхать на условленное свиданіе, приказалъ осѣдлатъ свою лошадь и навсегда ускакалъ съ приска. И Гемлинъ ѣхалъ и пѣлъ, и обитатели хижинъ, примыкавшихъ къ дорогѣ, слышали чей-то голосъ, чистый, какъ голосъ жаворонка, и тѣ, которые спали, приподнялись на суровой постели и, прислушиваясь, вспоминали свое прошлое, свою молодость и любовь...

Вы видите, что Бретъ-Гартъ умѣетъ даже природу заставить себѣ служить такъ, какъ это ему нужно. Его картинность—не картинность г. Данилевскаго, у котораго и лошади ржутъ словами. Бретъ-Гартъ заставляетъ и животныхъ быть вѣрными себѣ, пользуется ими для тѣхъ-же самыхъ сопоставленій, какія онъ дѣлаетъ съ человѣческими чувствами. Когда пьяный Сенди валялся въ полѣ, какая-то безпріютная собака съ глубокой симпатіей облизала его пыльные сапоги и, свернувшись у его ногъ, лежала, моргая отъ солнечнаго свѣта, выражая своимъ простодушнымъ видомъ вполне собачье, безмолвное ласкательство къ лежавшему около нея въ безсознательномъ состояніи человѣку“. Бретъ-Гартъ иногда пользуется природой, какъ критическимъ средствомъ для оцѣнки людской глупости. Когда Юрекъ и Скотъ, поссорившіеся на жизнь и смерть только изъ-за того, что одинъ утверждалъ,

будто въ хлѣбѣ слишкомъ много поташу, а другой—что поташу мало,— шли одинъ на другого, приготовляясь стрѣлять, вокругъ ихъ все умолкло. „Но въ то время, какъ люди притаили дыханіе, рѣка продолжала шумѣть и напѣвать свою пѣсню, а вѣтеръ колебать верхушки деревьевъ съ такимъ равнодушіемъ, которое въ данную минуту могло показаться даже неприличнымъ. Полковникъ Старботтъль понялъ это: въ минуту полного самозабвенія, онъ, не оборачиваясь, замахалъ тростью за своей спиной, какъ-бы предупреждая самую природу, чтобы она была осторожнѣе, и произнесъ: „тсъ!“

Бретъ-Гартъ очень широко пользуется ироніей. Она спасаетъ его отъ сентиментализма и она-же служитъ ему критическимъ средствомъ, такъ что и въ критикѣ онъ держитъ васъ на непосредственномъ и путемъ чувства даетъ матеріалъ для сужденія, а не самое сужденіе. Когда достопочтенный Макъ-Снэгли хотѣлъ допечь на экзаменѣ Млисъ, слишкомъ съ большимъ безвѣріемъ погружившуюся въ область астрономіи и почти до забытья описывающую вращенія земли, небесныхъ сферъ, — Макъ-Снэгли, наконецъ, прервалъ ее вопросомъ: „Мелись! ты сейчасъ говорила о переворотахъ земного шара, о движеніяхъ солнца, и, кажется, сказала, что такъ было отъ сотворенія міра?“ Млисъ утвердительно и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ кивнула головой. „И это справедливо? спросилъ Макъ-Снэгли, скрестивъ руки. „Да“, произнесла Млисъ, сжимая при этомъ свои маленькія красныя губы. Достопочтенный джентльменъ глубоко вздохнулъ и бросилъ сострадательный взоръ сперва на учителя, потомъ на дѣтей. Наконецъ, этотъ взоръ успокоился на соперницѣ Млисъ—Клити. Она нѣжно произнесла: „Иисусъ Навинъ сказалъ солнцу: „стой!“ и оно остановилось“. Я не могу расширять своей статьи выписками и потому не стану приводить примѣровъ того искусства, съ которымъ Бретъ-Гартъ пользуется ироніей. Замѣчу только, что это одно изъ его главныхъ вспомогательныхъ средствъ.

Какая-же особенность Бретъ-Гарта, сравнительно съ русскими романистами?—Его необыкновенная простота, отсутствіе вычурности и то, что онъ никогда не даетъ вамъ искалѣченныхъ людей и дряблыхъ, безсильныхъ женщинъ. Разсказываетъ онъ вамъ, напр., какъ сидитъ у себя въ комнатѣ женщина и читаетъ книгу; ей скучно, она качаетъ ребенка и въ это время слышитъ царянины

за дверь. Женщина со страхомъ отворяетъ дверь, и весь морзый Пэтъ (собака) провкочилъ въ комнату. Женщина нѣсколько разъ пробовала ложиться спать, но всякій разъ вскакивала. Она разъ или два услышала какой-то тихій шумъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ одно бревно отдѣлялось отъ другого. Затѣмъ послышался слабый звукъ въ родѣ того, какъ ребенокъ сосетъ грудь, потомъ она различила что-то въ родѣ „клевъ-клевъ, клювъ-клювъ“. Послѣ этого вниманіе ея было привлечено чѣмъ-то страннымъ, что, повидимому, ползло отъ задней двери на средину комнаты и, будучи сначала не болѣе ея мизинца, приняло затѣмъ размѣры ея руки и начало распространяться по всей комнатѣ. Это была вода... Затѣмъ идетъ описаніе всѣхъ ужасовъ наводненія. И какъ все просто въ этомъ разсказѣ, а между тѣмъ отъ каждаго его слова захватываетъ у васъ дыханіе; нѣтъ ни одного лишняго слова и все, что говорится, прямо идетъ въ вашу душу. Встрѣчаете-ли вы что-нибудь подобное у г. Данилевскаго?

Почему-же у насъ нѣтъ Бретъ-Гартовъ? Жизнь-ли не даетъ матеріала или писатель не даетъ его? Нѣтъ фактовъ въ жизни, достойныхъ романиста, или романистамъ говорить не о чемъ? Мы думаемъ, что у насъ не недостатокъ въ талантахъ, а только ошибка въ тѣхъ задачахъ, которыми они задаются. Непосредственность только въ чувствѣ и Бретъ-Гартъ легко-бы сдѣлался русскимъ писателемъ, если-бъ захотѣлъ вмѣсто актовъ жизни давать читателямъ собственныя разсужденія. Бретъ-Гартъ дѣйствуетъ на душу какъ сама жизнь, давая факты въ ихъ непосредственности, возбуждая чувства, какъ источникъ мысли. Онъ ведетъ свой разсказъ только до того момента, когда наступаетъ пора сознанія, но это сознаніе ваше собственное. Мы-же всегда переступаемъ эту черту. Давъ картину, мы начинаемъ ее разжевывать, и разжевываемъ не только мысли, разжевываемъ даже чувства. Конечно, искусство потому и искусство, что законы его намъ неизвѣстны; но все-таки изумительно, что до такой простой вещи наши романисты не могутъ додуматься.

Н. В.

СКУДОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ.

(«Наше общество (1820—1870) въ герояхъ и героиняхъ литературы», М. В. Авдѣва. Спб. 1874).

I.

Г. Авдѣву пришла благая мысль заняться геологіей русской ксли въ ея литературныхъ типахъ. Мы не скажемъ, чтобы наше время было благоприятно для подобныхъ геологическихъ изслѣдованій; чтобы оно допускало свободныя гипотезы относительно тѣхъ періодовъ, о которыхъ литературныя наблюденія не оставили никакихъ описаній.

Изъ предисловія г. Авдѣва можно заключить, что онъ считаетъ беллетристическій матеріалъ вполне достаточнымъ для научнаго констатированія того наклонна, которымъ свершается развитіе общественной мысли. Единственный источникъ, пригодный для этого дѣла, онъ видитъ въ тѣхъ произведеніяхъ литературы,

Въ которыхъ отразился вѣкъ

И современный человѣкъ.

съ его типическими особенностями и съ его, исключительно ему принадлежащими, свойствами. Фамусова, Грушницкаго, Павла Ивановича Чичикова, такъ-какъ они не отразили въ себѣ „высшихъ“ стремленій общества, онъ исключаетъ изъ числа матеріаловъ своего изслѣдованія и беретъ однихъ „героевъ“.

Указывая, такимъ образомъ, на тотъ матеріалъ, который онъ будетъ пользоваться авторъ, въ то-же время упоминаетъ и объ общественныхъ формаціяхъ, оставшихся совершенно внѣ беллетристическихъ изслѣдованій и невозпроизведенныхъ въ героическомъ формѣ. Такъ онъ говоритъ о промежуткѣ между Чацкимъ и Олѣ-

гинымъ, между Ояѣгинимъ и Печоринимъ и о кризисѣ, совершившемся на нашихъ глазахъ, который тоже не имѣлъ возможности опредѣленно отразиться въ литературныхъ типахъ.

Не заполняя, такимъ образомъ, пустоты, авторъ, конечно, въ своемъ изслѣдованіи не могъ дать того, что обѣщаль въ предисловіи, и его трудъ оказывается не больше, какъ только сводомъ или, еще вѣрнѣе, компилаціей по однимъ беллетристическимъ источникамъ.

Въ этой неполнотѣ мы не обвиняемъ автора, ибо онъ и самъ говоритъ, что находитъ неудобнымъ заполнять пробѣлы, но мы укажемъ на ошибку, которой онъ долженъ былъ избѣгнуть, если бы хотѣлъ дать своимъ критическимъ очеркамъ самостоятельный характеръ. Ошибка эта въ томъ, что онъ относится къ источникамъ безъ всякой критики, буквально ихъ держится и только другими словами ихъ повторяетъ. Слѣдовательно, нашъ вопросъ не о выводахъ, представляемыхъ авторомъ „Героевъ и героинь“, а объ источникахъ. Нашъ вопросъ въ томъ: точно-ли даровитый романистъ есть бытописатель своей эпохи и точно-ли тѣ типы, которые онъ даетъ въ своемъ произведеніи—единственные типы его времени, независящіе нисколько отъ его личной окраски и личнаго выбора? Если личность играетъ главную роль и выражается въ произведеніи литературнаго бытописателя, то ясно, что беллетристическій матеріалъ не есть настоящій матеріалъ для геологіи и исторіи общественной мысли, и дать выводъ только изъ него—значить не только не дать полного законченнаго понятія, но и прямо заявить, что матеріалъ, оставаемый романистами-бытописателями,—матеріалъ слишкомъ субъективный, а потому односторонній, неполный и невыражающій дѣйствительныхъ явленій общественной жизни.

Что это именно такъ, вы чувствуете на каждой страницѣ при чтеніи „Героевъ и героинь“ г. Авдѣева. Чтеніе ихъ васъ щемитъ. Вамъ просто становится тѣсно въ рамкахъ чужой души, точно васъ загнали въ узкій переулочекъ, въ которомъ прямо передъ вашимъ лицомъ стоитъ пятиэтажный домъ. Не относясь критически собственно къ труду г. Авдѣева, я хочу только показать, на-сколько русскій романъ былъ всегда тѣснѣ русской жизни и на-сколько его авторитетное давленіе больше мѣшало, чѣмъ помогало самостоя-

тельности развитія тѣхъ, кто видѣлъ въ герояхъ руководящій образецъ.

II.

Г. Авдѣевъ начинается съ Чацкаго. Онъ не считаетъ его лицомъ выдуманнымъ. Но развѣ въ литературѣ могутъ быть лица невыдуманныя? Сортируя лицъ на выдуманныхъ и невыдуманныхъ, г. Авдѣевъ для отличія тѣхъ отъ другихъ указываетъ, какъ на критерій, на общественное мнѣніе. Выдуманные, идеальные герои недолговѣчны, говоритъ онъ. Всѣ герои Шиллера давно уже утратили свое значеніе, и если безукоризненнымъ лицомъ остался одинъ маркизъ Поза, то и тотъ сохранился не какъ образецъ для подражанія, а какъ типъ наивнаго, непригоднаго для жизни благородства. Г. Авдѣевъ совершенно вѣрно указываетъ на Шекспира, который не брался за подобныя лица. Но вѣдь здѣсь дѣло не въ томъ, что Шекспиръ не выдумывалъ, а Шиллеръ выдумывалъ своихъ героевъ, — дѣло въ томъ, какими они пользовались матеріаломъ и что имъ хотѣлось непременно высказать.

Сила писателя заключается въ богатствѣ его воображенія и въ впечатлительности его нервнаго организма. Чѣмъ душа его требовательнѣе, воспріимчивѣе и подвижнѣе, чѣмъ нужна ей большая и большая дѣятельность и чѣмъ большій кругъ жизни она въ себя обхватываетъ, тѣмъ, конечно, и писатель будетъ имѣть большее общественное значеніе. Душа писателя, въ которомъ на первомъ планѣ дѣйствуетъ воображеніе, есть именно та болѣе или менѣе обширная сцена, на которой какъ-бы фигурируетъ все хорошее и дурное, высокое и низкое, великое и ничтожное въ окружающей жизни. Если душа писателя похожа на кабинетъ Плюшкина, то это не больше, какъ лавка тряпичника, въ которой вы не найдете ничего порядочнаго и пригоднаго. Но чѣмъ матеріальнѣе свѣжѣе, чѣмъ онъ пригоднѣе, какъ матеріаль для гуманныхъ и человѣческихъ представленій, чѣмъ чловѣкъ самъ лично выработался сильнѣе и безошибочнѣе и чѣмъ выше его сердечныя чувства — именно сердечныя, а не головныя, — тѣмъ онъ лучше, полнѣе и плодотворнѣе для общества воспользуется своимъ ма-

теріаломъ. Какъ-бы ни былъ грязенъ матеріалъ жизни, но если въ душѣ автора выработались высшіе интересы, грязный матеріалъ ему не опасенъ, какъ не опасна простая, обыкновенная глина для гениальнаго скульптора. Передъ романистами и поэтами каждаго народа одна и та-же жизнь, и жизненность ихъ произведеній, сила вліянія ихъ зависятъ только отъ того, что они изъ нея выберутъ и что сдѣлаютъ. Всякій авторъ выдумываетъ и невыдуманныхъ типовъ или героев не существуетъ. Правда, одни типы быстро забываются обществомъ, какъ типы Шиллера, другіе живутъ дольше, какъ типы Шекспира.

Но не общество съ своей безразличностью—судья этой прочности. Есть общій критерій, служащій однимъ и тѣмъ-же провѣрочнымъ средствомъ какъ для романистовъ и поэтовъ, такъ и для общества,—та руководящая идея, которая двигаетъ прогрессивной жизнью общества, та осуществимая, дѣйствительная полезность, которая заключается въ литературномъ произведеніи, тѣ отвѣты, которые литература даетъ своему времени. Вѣчны только тѣ произведенія, которыя отвѣчаютъ на вѣчные вопросы или общества, или человѣческой души. Шекспиръ великъ, потому что онъ глубокій психологъ и великій знатокъ человѣческихъ характеровъ; даже Гёте, этотъ натуралистъ-поэтъ-мыслитель, уже давно составлялся, потому что его гипотезы превратились въ научные факты; классическія произведенія древности новы для насъ потому, что еще новы старые вопросы. Устарѣлъ не Шиллеръ, а общество отъказалось отъ энтузіазма и разочаровалось въ идеализмъ, какъ въ средствѣ. Или, вѣрнѣе, энтузіазмъ и идеализмъ надѣли на себя другое платье.

Но здѣсь-же и ключъ провѣрки безошибочности сужденій и самаго общества. Истина не потому истина, что она составляетъ убѣжденіе общества въ данный моментъ. Послѣдующее не всегда безошибочнѣе предыдущаго и преимущество старости не въ однихъ ея лѣтахъ. Поколѣніе, слѣдовавшее за Шиллеромъ, не владѣло лучшей истиной, чѣмъ онъ.

Конечно, если допустить, что общественное мнѣніе есть мнѣніе лучшихъ представителей общества, ведущихъ мысль послѣдовательно и преемственно прямымъ путемъ впередъ, мысль о непогрѣшимости общества вѣрна. Но мы спросимъ, кто-же именно эти представители? Современная Европа есть міръ фракцій и кружковъ.

Каждый кружокъ считаетъ себя непогрѣшимымъ и каждая фракція хочетъ стоять во главѣ своей страны. Если неопибающимъ принять готовящееся на смѣну и зрѣющее поколѣніе, гдѣ доказательство, что люди Германіи 30-хъ годовъ были лучше людей временъ Штейна и Гарденберга?

Авторъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что у насъ быстро смѣняются наслоенія, но за то, можетъ быть, нигдѣ въ этихъ наслоеніяхъ не замѣчается такой обособляющей рѣзкости. Это вѣрно. И въ этомъ, конечно, причина недолговѣчности и разнообразія нашихъ литературныхъ типовъ. Они только типы извѣстныхъ наслоеній, извѣстныхъ жилъ русской горнокаменной формации и русскихъ умственныхъ фракцій. Но какъ каждый романистъ приросъ къ извѣстному наслоенію и живетъ въ извѣстной жилѣ, онъ и даетъ только описаніе тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ находится. А сколько слоевъ остается неизслѣдованныхъ и потому неизвѣстныхъ! Я могу согласиться, что вы идете впереди меня, но развѣ вы всегда только потому и впереди, что знаете дорогу лучше, чѣмъ я? Общество! Но тамъ, гдѣ масса слоевъ перепутана, поднята и сбита, какъ породы первозданной эпохи, какое именно общество судья литературной безошибочности? Передовое! Но какое-же изъ нихъ впереди?

Сдѣлавъ общество судьей выдуманыхъ и невыдуманыхъ типовъ, авторъ только ставитъ вопросъ, но не разрѣшаетъ его. Перехожу къ фактамъ.

III.

Первымъ по времени прогрессивнымъ типомъ г. Авдѣевъ представляетъ Чацкаго. Но что такое Чацкій, какъ не самъ Грибоѣдовъ, говорящій его устами? Г. Авдѣевъ не согласенъ съ Бѣлинскимъ, который „Горе отъ ума“ не ставилъ высоко, потому что это—сатира. Совершенно справедливо, что наше время смотритъ проще, и считаетъ простой „сарай болѣе пригоднымъ для экономическаго и нравственнаго положенія страны, чѣмъ великолѣпное зданіе изъ паросскаго мрамора“, но тѣмъ не менѣе Чацкій все-таки Грибоѣдовъ и Бѣлинскаго опровергнуть въ этомъ случаѣ нельзя. „Какой міръ... кѣмъ населепъ и какая дурацкая его

исторія!..“ пишетъ въ одномъ письмѣ Грибоѣдовъ. Онъ клянетъ и бранитъ общество, онъ бѣсится, негодуетъ, злится и, чувствуя свое безсиліе, думаетъ о самоубійствѣ. Но на кого и на что онъ злится? Онъ вращается въ тѣсномъ кружочкѣ московскаго аристократизма и онъ мученикъ сообщества десяти-двѣнадцати лицъ, на которыхъ и пишетъ свою сатиру. Грибоѣдовъ нервень и раздражителень, онъ ядовитъ, но не глубоко. И Чацкій вышелъ такимъ-же. Чацкій остеръ, блестящъ, золь, но мелочень. Его идея никогда не восходитъ къ общимъ причинамъ и всегда слишкомъ лична, и потому не глубока. Сатира Грибоѣдова вовсе не общерусская сатира, она только картина извѣстнаго московскаго кружка. Почему-же, при такой ограниченности, и Чацкій, и остальные ея типы сохранили живучесть до сихъ поръ? Только потому, что въ этой сатирѣ есть общіе психологическіе моменты, что она бьетъ на общечеловѣческіе недостатки, чего именно г. Авдѣевъ въ ней не видитъ, и что духъ того времени, на который она нападаетъ, и до сихъ поръ вѣетъ въ Москвѣ. Сатиру Грибоѣдова спасли именно тѣ недостатки, которые видѣлъ въ ней Бѣлинскій. Каждый изъ стремящихся, ищущихъ и недовольныхъ нашего времени чувствуетъ въ Чацкомъ болѣе или менѣе самого себя. Даровитая сатира по своей отрицающей силѣ оттого и самая прочная литературная форма, что она вѣ типовъ и положительнаго творчества. Доказательствомъ этого—Рабле и Свифтъ. Каждый изъ насъ можетъ явиться ея носителемъ, ибо она не содержаніе, а направленіе. Чацкимъ можетъ быть каждый, у кого есть критическій умъ, тогда-какъ Собакевичемъ, Ноздревымъ и даже Базаровымъ можно быть только въ извѣстномъ платьѣ. Даже Павелъ Ивановичъ Чичиковъ долговѣчнѣе Базарова, и вотъ гдѣ секретъ прочности самого Чацкаго.

IV.

Но вотъ „занавѣсъ падаетъ и поднимается снова, говорить г. Авдѣевъ; — антрактъ былъ самый незначительный. „Горе отъ ума“ рисовало общество 23-го года, первыя главы Онѣгина явились въ 25 году“. А между тѣмъ какая перемѣна! Ни одна обстановка сцены и характеръ пьесы не измѣняются такъ быстро,

какъ измѣнилась картина общества, нарисованная Грибоѣдовымъ. Такъ думаетъ авторъ.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, въ два года могла произойти въ нашемъ обществѣ такая переиѣна, что саркастическій Чацкій переродился въ добродушнаго баловня Онѣгина? Авторъ „Героевъ и героинь“ говорить „да“; мы говоримъ— „нѣтъ“. Измѣнилось не общество, а только другой фотографъ далъ намъ другую панораму. И самъ г. Авдѣевъ говорить то-же и, слѣдовательно, себѣ противорѣчить. Пушкинъ, по его словамъ, рисуеть уже не одинъ московскій кружокъ, но и жизнь петербургскаго большого свѣта, и помѣщицье прозябаніе въ деревенской глуши, и отдѣльныя картины, схваченныя съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Въ Чацкомъ намъ давали желчнаго отрицателя, въ Онѣгинѣ—готовый типъ царившаго тогда благодушества, существовавшего и при Чацкомъ. Эти два типа не одна и та-же продолжающаяся форма, а два совершенно независимыхъ лица, существовавшихъ въ одно и то-же время. Грибоѣдовъ своимъ Чацкимъ какъ-бы хотѣлъ сказать: „вотъ ваша глупость; посмотрите, кѣмъ населенъ вашъ міръ“. Это онъ и пишетъ въ своемъ письмѣ. Пушкинъ говорить совсѣмъ другое и, дополняя Грибоѣдова, даетъ типъ, котораго тотъ, съ своей сатирической точки зрѣнія, не видѣлъ и не замѣтилъ. Но въ Онѣгинѣ чувствуетъ себя не тотъ, кто чувствуетъ себя въ Чацкомъ, и это не можетъ быть иначе, потому что Чацкій и Онѣгинъ—два совершенно различныхъ психическихъ аппарата. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ превратиться въ другого.

Разная оцѣнка однихъ и тѣхъ-же литературныхъ типовъ происходитъ оттого, что сами читатели не похожи другъ на друга, какъ не похожи другъ на друга авторы и ихъ герои. Всѣ люди созданы по одному плану и въ то-же время каждый похожъ только на себя. Психически мы тоже созданы по одному типу и въ то-же время у каждаго своя душа. Вотъ почему каждому изъ насъ доступно пониманіе и Отелло, и Макбета, и маркиза Позы, и Карла Моора, и Чацкого, и Онѣгина; но только каждый изъ насъ чувствуетъ ихъ по-своему и болѣе сильно понимаетъ однихъ, а не другихъ. Только поэтому и возможны противоположныя объясненія типовъ.

Г. Авдѣевъ обѣщаль указать выразителей „высшихъ стремленій

общества“. Но если Чацкій есть дѣйствительный ихъ выразитель, по какому праву претендуетъ на то-же Онѣгинъ, который всего только моложе на два года? Онѣгинъ, конечно, общественная форма. Онъ. можетъ быть, и форма прогрессивная, потому что онъ типъ XIX, а не XIV вѣка; но развѣ онъ не та собирательная посредственность и толпа, которую и самъ г. Авдѣевъ называетъ „мошкани“. Конечно, каждый можетъ тяготѣть больше или къ Онѣгину, или къ Чацкому, и г. Авдѣевъ имѣлъ полное право сказать, что Онѣгинъ „именно тѣмъ милъ и дорогъ намъ, что мы видимъ въ немъ не исключеніе, не особеннаго какого-нибудь героя, а обыкновеннаго смертнаго; что онъ намъ кровный, намъ родной, мы чужемъ въ немъ плоть отъ плоти и кость отъ кости нашихъ дѣдовъ; его увлеченія, слабости, недостатки и добрыя качества—наши родовые недостатки и качества, и мы встрѣчаемъ его съ невольной снисходительностью и сочувствіемъ“. Но развѣ съ меньшимъ правомъ можно сказать, что и Чацкій такой-же намъ кровный и родной и такая-же кость отъ кости нашихъ дѣдовъ? Конечно. И вотъ почему мы видимъ въ Онѣгинѣ отраженный міръ души Пушкина, какъ въ Чацкомъ отраженный міръ Грибоѣдова. Тѣ противорѣчія, которыя находятъ г. Авдѣевъ въ Онѣгинѣ:

Мечташъ невольная преданность.
 Неподражательная странность
 И рѣзкій, охлажденный умъ.

или результатъ сравненія, которое дѣлаетъ Пушкинъ Онѣгину съ собой:

Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ.
 Страстей игру мы знали оба.
 Томила жизнь обоихъ насъ.
 Въ обоихъ сердца жаръ погасъ.
 Обоихъ ожидала злорада
 Слѣпой фортуны и людей,
 На самоѣ утрѣ нашихъ дней—

во всѣ эти противорѣчія не противорѣчія Онѣгина, а противорѣчія самого Пушкина. Даже самъ г. Авдѣевъ, при всемъ своемъ благоговѣнномъ отношеніи къ нашему знаменитому поэту, смотритъ съ улыбкой на его *тогдашнее* разочарованіе. Что-же касается Онѣгина, то ничего изъ всѣхъ этихъ наускныхъ страданій и

томленій угасшей души онъ въ немъ не допускаетъ. Онѣгинъ, по его словамъ, „былъ просто самый обыкновенный свѣтскій молодой человекъ, родившійся въ самой счастливой обстановкѣ и весьма порядочно всѣмъ надѣленный природой“. Мы-бы попросили г. Авдѣева примирить это противорѣчiе и показать, въ чемъ заключаются въ Онѣгинѣ тѣ „выспія“ стремленія, о которыхъ онъ обѣщаль говорить? Если намъ скажутъ, что Пушкинъ, какъ гениальный поэтъ, своимъ собственнымъ лицомъ служилъ представителемъ высшаго проявленія русскаго стремленія къ общественности, то мы даже и въ этомъ усомнимся и сошлемся на собственные слова автора, который говоритъ съ сожалѣнiемъ, что Пушкинъ кромѣ Евгенія Онѣгина не далъ ничего подобнаго и ушелъ затѣмъ въ разныхъ видовъ исторiю и въ изображенiе того, что не имѣло никакого современнаго общественнаго интереса.

Г. Авдѣевъ называетъ Онѣгина однимъ изъ мелкихъ солдатиковъ, у котораго не было силъ создать ничего собственнаго и у котораго не было даже генерала, который-бы указаль ему дорогу. „Онѣгинъ—карась, очутившійся въ лужѣ, въ которой онъ не въ состоянiи плавать, но можетъ лежать на боку и кое-какъ жить, хотя для его плаванiя не нужно моря, а достаточно было-бы и озера“. Это не больше какъ оправдательное преувеличенiе. Это адвокатура не за Онѣгина, а за Пушкина. Что великосвѣтскость выражалась въ формѣ Онѣгинныхъ—совершенно справедливо; но ея озеро было на-столько велико, что карасю не было никакой причины лежать въ немъ на боку.

Г. Авдѣевъ высказываетъ очень гуманныя мысли по поводу трагизма погибающихъ „мошекъ“ и карасей въ лужахъ и мы съ нимъ совершенно согласны. Но мы не согласны съ нимъ въ томъ, что мириады мошекъ равны одному титану. Г. Авдѣевъ думаетъ, что „польза, принесенная такимъ богатствомъ обществу, была-бы точно такого-же свойства и, можетъ быть, еще меньшаго размѣра, чѣмъ польза Онѣгинныхъ“, а мы думаемъ, что мошки всегда останутся мошками и мiръ, населенный комарами, всегда-бы остался мiромъ комаровъ. Собирательная посредственность и есть именно то самое зло, противъ котораго весь слой вѣкъ боролся и писалъ Стюартъ Миль. Я нарочно ссылаюсь на авторитетъ. Собирательная посредственность, принимала-ли она великосвѣтскую форму или форму другого празднаго и безпечнаго легкомыслия,

не отражала собою никогда „высшихъ“ стремленій общества. Если холодный, язвительный Чацкій только смѣлся, его смѣхъ былъ дѣломъ, тогда-какъ Онѣгинъ, когда онъ—

....мыслить, грустью отуманенъ:
 Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ,
 Зачѣмъ не хилый я старикъ,
 Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
 Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
 Я не лежу въ параличѣ,
 Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
 Хоть ревматизма? Ахъ, Создатель!
 Я молодъ, жизнь во мнѣ ерѣпка;
 Чего мнѣ ждать? тоска! тоска!..

то Онѣгинъ мыслить только чужими словами. Г. Авдѣевъ видитъ въ этомъ „положеніе по-истинѣ трагическое“, а мы видимъ положеніе комическое. Г. Авдѣевъ говоритъ, что Онѣгинъ первый открываетъ собою рядъ тѣхъ бесплодно погибающихъ развитыхъ лишнихъ людей, которыхъ мы встрѣчаемъ впоследствии; а мы утверждаемъ, что Онѣгинъ типъ той интеллигентной безхарактерности, сильнѣйшимъ выразителемъ которой явился самъ Пушкинъ. Г. Авдѣевъ видитъ въ Онѣгинѣ погибшую силу, задавленную окружающей духотой; а мы видимъ въ немъ обыкновенное свѣтское полированное безсиліе, конечно, созданное самою жизнью, но не безмолвный протестъ противъ времени или сатирической протестъ, какъ Чацкій, а продуктъ своего времени.

Даже въ словахъ г. Авдѣева, что „послѣ Онѣгина въ литературныхъ произведеніяхъ долго не появляется представителей русскаго просвѣщеннаго общества и что Пушкинъ пустился писать поэмы, драмы, исторію изъ временъ минувшихъ, что Марлинскій рисовалъ по одному трафарету праздныхъ Звѣздичей и Греминыхъ, а Кукольникъ—какихъ-то необыкновенныхъ итальянскихъ художниковъ, обуреваемыхъ необыкновенными страстями“, мы видимъ тоже натяжку и противорѣчіе, потому что въ это-же самое время явился Лермонтовъ и Гоголь.

Не можемъ мы согласиться съ г. Авдѣевымъ и въ томъ, что Гоголь, вырвавъ живьемъ и бросивъ передъ изумленнымъ обществомъ кусокъ его собственнаго гнилого мяса, далъ картину жизни массы и большинства, а не болѣе развитыхъ слоевъ. Конечно, если брать ширлою развитія великосвѣтскость, то г. Авдѣевъ

правъ. Но если Оя́гинъ такой-же кусокъ гнилаго мяса, то за что-же унижать героевъ Гоголя, который уже во всякомъ случаѣ повліялъ неизмѣримо глубже на русское сознаніе, чѣмъ Пушкинъ? Не даромъ Гоголь назвалъ „Мертвыя души“ поэмой.

V.

Въ Печоринѣ г. Авдѣевъ тоже видитъ представителя высшихъ стремленій; мы-же видимъ опять въ немъ не больше, какъ одинъ изъ великосвѣтскихъ типовъ, профильтрованныхъ Лермонтовымъ черезъ свою собственную душу. Печоринъ на-столько относится къ Оя́гину, на-сколько Лермонтовъ къ Пушкину. Мы думаемъ, что г. Авдѣевъ уменьшаетъ душевный ростъ Печорина, когда говорить, что герой вообразилъ себя человѣкомъ необыкновеннымъ только потому, что имѣлъ мелкій успѣхъ между мелкими людьми. Нѣтъ, онъ потому имѣлъ успѣхъ, что имѣлъ силу. Онъ сознавалъ въ себѣ эту силу и если не умѣлъ ее пристроить, то опять только потому, почему самъ Лермонтовъ раскидался на мелочахъ и погибъ отъ своей мелочности. А между тѣмъ Лермонтовъ былъ человѣкъ необыкновенной силы.

Когда явился „Герой нашего времени“, общественное мнѣніе рѣшило, что Лермонтовъ списалъ его съ себя. Лермонтовъ на это сердился, протестовалъ въ предисловіи ко второму изданію, и все-таки не переувѣрилъ никого.

Но „Герой нашего времени“, при всей силѣ иной организаціи, такая-же собирательная посредственность, какъ Евгенийъ Оя́гинъ, лишь съ болѣе воинственнымъ закаломъ и съ болѣе военными привычками. Пушкинъ, конечно, былъ шире въ Евгенийѣ Оя́гинѣ, потому что вращался въ мірѣ гражданскомъ, но за то Лермонтовъ, именно вслѣдствіе своей большей односторонности, сосредоточеннѣе и оттого сильнѣе и энергичнѣе; этой-то энергіей активности Печоринъ отличается отъ Грушницкаго, хотя и не признаетъ ее. „Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, пишетъ Печоринъ въ дневникѣ, — судьба какъ-то всегда приводила меня въ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ-будто-бы безъ меня никто не могъ ни умереть, ни придти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо 5-го акта; неволью я разыгрывалъ роль палача или преда-

теля“.... Именно потому-то Печоринъ и былъ необходимое лицо 5-го акта, что безъ него и 5-й актъ кончился-бы одними разговорами. Реальный, энергическій умъ Лермонтова не могъ уйдти въ тургеневскую рефлексію. Конечно, Лермонтовъ чувствовалъ мизерность интересовъ той жизни, въ которой онъ вращался, и вотъ онъ украшаетъ своего героя ореоломъ демонизма, онъ вамъ даетъ чувствовать въ Печоринѣ какую-то скрытую силу, и всѣ окружающіе чувствуютъ эту силу, какъ чувствовали ее и въ Лермонтовѣ близко его знавшіе.

Г. Авдѣевъ говоритъ, что и самъ Лермонтовъ считалъ Печорина героемъ. Сказать это, развѣ не значитъ сказать, что каждый авторъ даетъ собственную окраску своему герою и выражаетъ въ своихъ типахъ свою собственную послѣдовательность мысли, какъ-бы олицетворяя ее въ томъ положеніи, которое онъ заставляеть принять своего героя?

Г. Авдѣевъ видитъ въ Печоринѣ человѣка, не получившаго никакого прочнаго, основательнаго развитія и просто непонимающаго пыла своихъ благородныхъ стремленій. Но если-бы Лермонтовъ не былъ и самъ убѣжденъ, что Печоринъ герой, развѣ онъ создалъ-бы подобный типъ? Человѣкъ не можетъ жить внѣ жизни, не можетъ не отражать окружающаго. На этомъ психическомъ законѣ основана теорія „среды“. Если-бы Лермонтовъ вращался не въ военномъ мірѣ, если-бы его охватывала русская жизнь всѣхъ ея слоевъ, что создалъ-бы онъ — Печорина или написалъ-бы сатиру на этотъ типъ, какъ нѣкогда Грибоѣдовъ на старую Москву? Грибоѣдовъ оттого и сатирикъ, что онъ выдѣлялся изъ окружающей жизни и не далъ ей себя засосать; Лермонтовъ-же потому создалъ Печорина, что самъ жилъ въ немъ. Такая зависимость можетъ-ли дѣлать автора компетентнымъ судьей русской жизни и творцомъ именно тѣхъ типовъ, которые г. Авдѣевъ отыскиваетъ въ „герояхъ и героиняхъ“? Погрузившись въ міръ Невскаго проспекта, Лермонтовъ слышалъ только звонъ сабель да бряцанье шпоръ, а тотъ „высшій міръ“, съ которымъ познакомилъ его Байронъ, внесъ лишь въ его душу разладъ и разорвалъ ее на враждовавшія между собою половины.... Мы повторимъ еще разъ то-же, что сказали по поводу Онягина. Чацкій, Онягиня, Печоринъ — не продолженіе одинъ другого, не разные моменты одной и той-же продолжающейся

мысли, а независимые типы. Того типа, который Лермонтовъ могъ-бы создать изъ лучшаго матеріала своей собственной души, онъ не создалъ. Онъ украсилъ Печорина кое-какими собственными чертами, и своимъ ореоломъ спасъ его отъ пошлости, но человѣкъ „высшихъ“ стремленій такъ и остался неизвѣстенъ.

VI.

Любопытно, что типъ „лишнихъ“ людей создалъ Тургеневъ. Если хотите, это собственно не „лишніе“ люди, а смирившіеся люди. Таковъ, по крайней мѣрѣ, Гамлетъ щигровскаго уѣзда.

„Лишніе люди! восклицаетъ авторъ „Героевъ и героинь“. — Въ каждомъ государствѣ бываютъ вредные люди, бываютъ праздные люди, бываютъ старики, неспособные ни къ какому дѣлу, бываютъ родители, лишніе для дѣтей, или дѣти, лишніе для родителей; но чтобы здоровые, взрослые, сытые люди сами себя находили лишними, для этого нужно поставить этихъ людей въ совершенно особенное благораствореніе воздухонъ и окружить ихъ обиліемъ плодовъ попечительства. А между тѣмъ въ дѣто отъ Р. X. 1840—50 подобный психологическій фактъ совершился въ нашемъ благоустроенномъ отечествѣ. Нашлись въ немъ люди просвѣщенные, здоровые и сытые, которые признавались, что они въ немъ совершенно лишніе, „не трогайте насъ, говорятъ они, мы смирились“. А прежде смиренія, спрашиваетъ авторъ, — вы думаете, они роптали, возмущались? Нѣтъ. Они позволили себѣ дерзость громко судить о такихъ туманныхъ отвлеченностяхъ и метафизическихъ тонкостяхъ, которыхъ не понимали ясно не только они сами, но и ихъ учителя, и приложить которыя къ практической жизни, хоть какой-либо стороною, было совершенно невозможно“. Какже послѣ такой рекомендаціи Гамлета щигровскаго уѣзда возводить его въ героя? Неужели щигровскій Гамлетъ продолженіе Чацкаго и Печорина? Какимъ психологическимъ чудомъ могло совершиться такое превращеніе? Конечно, это типъ, типъ несомнѣнный; конечно, на сформированіе его вліяли общественныя причины, и не въ одной Россіи были, есть и будутъ лишніе люди. Такой типъ даетъ и Бретъ-Гартъ, — слѣдовательно, онъ есть и въ Америкѣ. Но посмотрите, какая разниа съ тургеневскимъ рисункомъ.

Американскій лишній человѣкъ — высшая сердечная форма, идеальный типъ неприложимой на землѣ доброты, полной чувства, необыкновенной энергіи и гуманности. Передъ вами не изнѣженность, приниженность и слабодушіе, а сила, но—увы!—сила, неимѣющая права рассчитывать ни на то, чтобы ее поняли, а еще меньше на то, чтобы ей подражали. И Вретъ-Гартъ, заставивъ своего героя погибнуть въ кораблекрушеніи, заключаетъ свой рассказъ слѣдующими четырьмя словами: „лишній человѣкъ воротился домой“. Но, читая Гамлета щигровскаго уѣзда, вы чувствуете не эту силу, а предъ вами какіе-то болѣзненные процессы и исходныя сомнѣнія и колебанія направо и налево, начало которыхъ вы, волей-неволей, переносите въ душу самого автора. Передъ вами психическій анализъ той душевной раздвоенности, при которой человѣкъ уходитъ въ одни головныя механическія построенія. Какъ ни жалокъ Василій Васильевичъ, но когда онъ сказалъ исправнику: „какая-же разница между мною и г. Орбасановымъ“, и когда исправникъ, вытаращивъ глаза и прыснувъ отъ смѣха, отвѣтилъ: „Ну, потѣшиникъ! вѣдь экую штуку выкинулъ!..“ вы чувствуете, что исправникъ сказалъ то, что и вы думаете.

Мы спросимъ, почему Василій Васильевичъ „герой“ и кто произвелъ его въ герои—самъ-ли г. Тургеневъ или г. Авдѣевъ? Василій Васильевичъ даже не средняя русская собирательная посредственность, онъ не толпа, онъ не Онѣгинъ 40-хъ годовъ, и напрасно г. Авдѣевъ старается его обобщить. Оставшись въ Германіи, Василій Васильевичъ ушелъ бы въ книжки, сдѣлался-бы профессоромъ или какимъ-нибудь специалистомъ или школьнымъ учителемъ, но вездѣ и повсюду онъ былъ-бы жалокъ и школяры, конечно, мазали-бы ему спину мѣломъ и на пуговицы вѣшали-бы бумажки. Не вѣришь себѣ, читая о Васильѣ Васильевичѣ такой отзывъ автора „Героевъ и героинь“. „Это были честные, образованные люди тогдашняго времени, и ихъ было не мало между среднимъ дворянствомъ, которое обыкновенно доставляло разныхъ двигателей и дѣятелей; въ каждомъ уѣздѣ водились такіе Гамлеты“. Мы не отрицаемъ факта, мы знаемъ, что г. Тургеневъ писалъ всегда съ живыхъ образцовъ,—значить, онъ такого Гамлета и видѣлъ. Но мы не хотимъ рѣшить, что именно думалъ выразить Тургеневъ—то-ли, что говоритъ г. Авдѣевъ, ставилъ-ли онъ фізіологическій вопросъ объ условіяхъ вырожденія,

или просто пѣлъ, потому что ему пѣлось, и, встрѣтивъ смирившагося человѣка, пережилъ его процессы, изболѣлъ ими и душѣ своего героя сообщилъ свои собственные, идеально пережитые процессы.

Гамлетъ щигровскаго уѣзда уже потому не герой, что онъ противоположный конецъ Рудина. По теоріи „мошекъ“, конечно, жаль и эти пропадающія силы, но зачѣмъ ихъ возводить въ идеалъ и надѣвать на нихъ вѣнецъ гражданскаго мученичества? Гамлетъ щигровскаго уѣзда меньше всего допускаетъ обобщенія. Конечно, онъ овца панургова стада, которое выдѣляетъ изъ себя всякое время, отдающееся той или другой односторонней идеѣ. Но всякая идея сильна своимъ реальнымъ содержаніемъ и своей осуществленностью. Чѣмъ идея химеричнѣе или несбыточнѣе, тѣмъ малочисленнѣе стадо, за ней идущее. Гамлетъ щигровскаго уѣзда такой-же продуктъ забравшагося къ намъ нѣкогда нѣмецкаго идеализма, какъ цѣлая масса людей мошенническаго мышленія, выставляющаго нынче своихъ представителей на скамьѣ подсудимыхъ, продуктъ современнаго поворота мыслей въ экономическую сторону. Это не больше, какъ своеобразная практика, оставшаяся внѣ идеализма и теоріи. Съ одного конца идея возростаетъ въ страстный энтузіазмъ общественнаго самопожертвованія; съ другой — она даетъ горькій плодъ своекорыстной ограниченности съ уголовнымъ финаломъ. Какъ воспитательный вопросъ, это явленіе указываетъ только на трудность уровновѣшиванія крайностей. Ребенокъ, воспитавшійся въ чувствахъ и понятіяхъ социальной жизни, формируется, при страстномъ темпераментѣ, въ настоящаго героя; при гармоническомъ равновѣсіи силъ, онъ можетъ явиться практическимъ дѣятелемъ; при противоположной крайности — онъ бесплодный мечтатель и энтузіастъ; наконецъ, воспитанный нуждой или другими обстоятельствами внѣ социальнихъ понятій, онъ жертва уголовного правосудія. Если-бы русская жизнь не вырабатывала другихъ типовъ и героевъ, кромѣ литературныхъ, то дѣйствительно можно придти въ безнадежное отчаніе. Но не творцы-ли литературныхъ героевъ сами, прежде всего, больны ихъ болѣзнями, и тѣ звуки, которыми они заставляютъ звучать души своихъ героевъ, не тѣ-ли самыя струны, которыя подчасъ звучать въ ихъ собственной душѣ?

Возьмите „Рудина“. Мы знаемъ, съ кого онъ списавъ, но, по

другимъ источникамъ, мы знаемъ его другимъ. Ясно, что тургеневскій „Рудинъ“ — фантазія. Не сплайтесь на художественность: художественность ничего-бы не потеряла, давая и реальный типъ. Но въ томъ-то и дѣло, что каждый авторъ фильтруетъ живыхъ людей черезъ себя и, профильтровавъ душу живого Рудина черезъ свою душу, Тургеневъ наложилъ на нее свою печать. И зачѣмъ то оскорбительное положеніе, въ которое авторъ поставилъ поддѣланнаго Рудина, сдѣлавъ его предметомъ сожалѣнія? И гдѣ же источникъ этого сожалѣнія? Онъ только въ строѣ собственной души романиста, онъ послѣдствіе лишь того міросозерцанія, которое въ авторскомъ сознаніи могло сформироваться лишь въ этомъ, а не въ какомъ-либо другомъ выводѣ. Рудинъ есть логическое примиреніе теоретическихъ стремленій съ возможностью ихъ осуществленія, но именно съ тою возможностью, мѣру которой носить въ себѣ самъ авторъ. Такимъ образомъ, и Рудинъ, какъ всѣ остальные герои нашихъ романистовъ, не больше, какъ личный выводъ. И какъ-же послѣ этого такой личный источникъ, не провѣряя его никакой критикой, брать за неподлежащій сомнѣнію матеріалъ для опредѣленія „высшихъ“ стремленій русской жизни?

Если въ „Рудинѣ“, какъ говоритъ и г. Авдѣевъ, только часть настоящаго Рудина, „а вся дѣйствительная сила его, всѣ его попытки что-нибудь сдѣлать занимаютъ чрезвычайно мало мѣста и не производятъ на читателя сильнаго впечатлѣнія, потому что умышленно прикрыты“, то мы спросимъ: противъ кого такой разговоръ?

Отстаивая Рудина, г. Авдѣевъ приводитъ его разговоръ съ Лежневымъ и кончаетъ такъ: „какая страшно тяжелая и печальная картина! сколько въ ней страданій, униженій, приносимыхъ въ жертву самому честному дѣлу и оказавшихся жертвами бесполезными! И такого человѣка, такъ мучительно стремящагося къ дѣлу, называть идеалистомъ!“ Но на кого должна падать отвѣтственность, что нѣкогда къ Рудину относились не только свысока, но едва-ли и не съ презрѣніемъ? Зачѣмъ авторъ заставляетъ его рассказывать Лежневу, что онъ сближался богъ-знасть съ кѣмъ, что онъ ходилъ по грязнымъ дорогамъ, что, вылетая соколомъ, онъ возвращался иногда какъ улитка, у которой раздавили раковину, что онъ впадалъ въ тупую безчувственность до-

пади, которая уже и хвостомъ не дрыгаетъ, когда ее стукнутъ? И что-же такое дѣлалъ Рудинъ, какія-же это дороги которымъ онъ ходилъ? Конечно, онъ не могъ быть ни учителемъ гимназіи, ни секретаремъ важнаго сановника, ни заниматься спекуляціями. И герой, обрисовываемый такими линіями, могъ представляться героемъ? Ну, какъ-же тургеневскій Рудинъ не идеальность.

Эта-то именно идеализація и губить нашихъ писателей. Они никогда и ничего не говорятъ просто. Пушкинъ напускаетъ на Емелю Онѣгина *рѣзкій, охлажденный умъ* и Онѣгинъ жалѣеть, *этимъ оръ пулей въ грудь не раненъ*. Лермонтовъ напускаетъ на Печорина демонизмъ и байронизмъ, а г. Тургеневъ дѣлаетъ всѣ своихъ героевъ мучениками рефлексіи. И каждый романистъ профильтровываетъ своихъ героевъ черезъ какіе-то болѣвые процессы души, заставляетъ читателя глядѣть въ увеличительное стекло и напускаетъ на своего героя такую массу всякаго обаянія, что, при всей рельефности очерка, онъ все-таки неуловимъ и совершеннѣе не годится въ живые люди.

Мы вполне признаемъ и талантъ, и дарованіе, и образованіе г. Тургенева, всю тонкость его наблюдательности, всю восприимчивость его чувства, всю прозорливость его ума, но что касается къ „героевъ“, то мы думаемъ, что они своимъ вліяніемъ, создавая въ читателяхъ не отрезвляющее отношеніе къ жизни, а только болѣвые, пассивные процессы, и потому не только считаемъ ихъ невѣрными, но положительно непригодными для измѣренія „высшихъ стремленій общества“. Герои г. Тургенева воспитывали насъ только въ идеализмъ и мечтательности и оказывались тѣмъ болѣе вредными, чѣмъ они болѣе нравились. Мы даже думаемъ, что г. Тургеневъ больше всѣхъ предыдущихъ замѣчательныхъ русскихъ писателей писатель *кружковый*. Ни у Лермонтова, ни у Пушкина не было такихъ тѣсныхъ рамокъ для наблюденій и выводовъ не наблюдалъ Россію такъ издалека, какъ г. Тургеневъ.

Теперь мы сосчитаемъ, сколько руководящихъ типовъ создала русская беллетристика. Грибоѣдовъ далъ Чацкаго. Пушкинъ — Онѣгина, г. Тургеневъ — Рудина, Инсарова, Базарова. Итого шесть въ 50 лѣтъ. Неужели это все? Мы предполагаемъ, что Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ и г. Тургеневъ живутъ въ наше время. Конечно, это роскошь, хотя въ будущемъ и возмож-

ная. Если-бъ всё они жили нынче, неужели они въ русскую литературу внесли-бы только Рудина, Инсарова и Базарова и между русскими людьми не подсмотрѣли-бы ничего другого? Сколько, слѣдовательно, г. Тургеневъ пропустилъ живыхъ типовъ и сколько дѣйствительныхъ дѣятелей онъ могъ не видѣть, не знать и даже не подозрѣвать! Но какая-бы ни была причина неоявленія въ литературѣ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ типическихъ формъ русскаго современнаго человѣка, изъ которыхъ формируется дѣйствительно прогрессивный средній русскій человѣкъ, намъ остается только одно заключеніе, что выводъ, который взялся сдѣлать г. Авдѣевъ, положительно невозможенъ. Какимъ-же образомъ такой неполный матеріалъ—шесть литературныхъ типовъ, въ которыхъ выразилось частное мировоззрѣніе ихъ авторовъ,—можетъ привести къ вѣрной оцѣнкѣ „высшихъ“ русскихъ стремленій? И подобная оцѣнка будетъ всегда невѣрной, пока наша беллетристика не освободится отъ идеализма.

Можетъ быть, я выражусь преувеличенно, если назову русскую жизнь эпопеей, но за то тѣмъ будетъ яснѣе, что повѣсти и эскизы, которыми г. Тургеневъ разрѣшалъ русскія сомнѣнія, ужь, конечно, не отвѣты на вопросы. А гдѣ русскій романъ? Гдѣ тотъ талантъ, который могъ-бы его создать, проникнувшись тою мыслью, съ какою г. Авдѣевъ задумалъ писать „Героевъ и героинь“. Г. Гончаровъ далъ любовный „Обрывъ“, г. Данилевскій—„Девятый валъ“. Вотъ, кажется, и все. Если-бы наша беллетристика и русскій романъ были-бы тѣмъ, что хочетъ видѣть въ нихъ г. Авдѣевъ, ужь, конечно, зрѣлость нашего общества не развивалась-бы, какъ до сихъ поръ, внѣ литературы. Чтобы говорить о герояхъ и героиняхъ нашей жизни, нуженъ не тотъ матеріалъ и пока мы будемъ дѣлать ихъ оцѣнку по повѣстямъ Тургенева, по Евгенію Онѣгину и по Печерину, мы только будемъ приходиться къ одному заключенію,—очень обидному для нашихъ литературныхъ талантовъ. Вотъ единственный выводъ, къ которому мы пришли, прочитавъ „героевъ и героинь“. Конечно, у русскаго романа есть свое будущее и, вѣроятно, будущее недурное, что-же касается до настоящаго, то оно больше ничего, какъ очень маленькая, хотъ и благоухающая почка.

Н. Р.

КОЛЬЦОВЪ И НИКИТИНЪ *).

Болѣ тридцати лѣтъ прошло послѣ смерти Кольцова, а у насъ и до сихъ поръ нѣтъ полной его біографіи, такъ что жизнь этого замѣчательнаго самоучки-поэта остается, во многихъ отношеніяхъ, темною и загадочною. Главнымъ источникомъ для знакомства съ той общественной обстановкой, при которой развивался талантъ Кольцова, служатъ по-прежнему коротенькій очеркъ Вѣлинскаго да нѣсколько напечатанныхъ писемъ самого поэта. Воронежскіе патриоты, гордящіеся появленіемъ изъ своей среды такихъ даровитыхъ самородковъ, какъ Кольцовъ и Никитинъ, ничего не сдѣлали ни для разработки тѣхъ мѣстныхъ матеріаловъ, которые-бы пролили нѣкоторый свѣтъ на поучительную жизнь Кольцова, ни для критической оцѣнки уже изданныхъ. А между тѣмъ въ Воронежѣ до сихъ поръ живутъ многіе родственники и близкіе знакомые Кольцова, ходятъ по рукамъ его письма, еще не утратились живые слѣды его семейной жизни, дружескихъ бесѣдъ и частной дѣятельности. Все это подъ перомъ талантливаго біографа могло-бы составить интересную и назидательную картину какъ тѣхъ бытовыхъ условій, которыя такъ или иначе отразились на Кольцовѣ, такъ и собственной его личности, со всеми ея достоинствами и недостатками. Біографія Вѣлинскаго только слегка коснулась этого предмета и, за неимѣніемъ данныхъ, не могла обрисовать воицѣ нравственной фізіономіи Кольцова. Разбирая отношенія къ поэту его воронежскихъ родственниковъ и знакомыхъ, Вѣлинскій съ глубокимъ сожалѣніемъ останавливается на этихъ отно-

*) Стихотворенія Кольцова съ ст. Вѣлинскаго. — Кольцовъ и Серебрянскій, Сталинскаго; Воронежъ. 1869 г. — Кольцовъ и его неизданныя стихотворенія, Малыгина: „Отечест. Зап.“, т. CLXX. — Сочиненія Никитина съ его біографіею, 2 т. 1866 г.

шеніяхъ и раскрываетъ вредное вліаніе воронежскаго общества на поэта; оно не только не счумѣло въ свое время оцѣнить дарованія Кольцова, помочь его развитію и независимому положенію отъ житейскихъ дразгъ, но какъ будто намѣренно тормазило и убивало его. Туземные Лессинги, въ родѣ Малыхина и Де-Пуле, приняли и этотъ невинный отзывъ Вѣлинскаго за обиду и, не имѣя возможности опровергнуть самыхъ фактовъ, всѣми силами стараются оправдать современную Кольцову воронежскую интеллигенцію и обвинить самого поэта... Въ виду этого провинціального самохвальства, тѣмъ необходимѣе сохранить дѣйствительныя черты изъ жизни поэта и возстановить въ нашей памяти его настоящій образъ, его литературное и общественное значеніе. — Такова ужъ вѣрно судьба русскаго писателя вообще, что при жизни онъ мало интересуетъ насъ, а по смерти мы стараемся или поскорѣе забыть его, или еще хуже, бросить несправедливымъ укоромъ въ его никому ненужную могилу.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился 2 октября 1809 г., въ семьѣ зажиточнаго воронежскаго мѣщанина, промышлявшаго продажей скота и сала. Бѣдна и печальна была обстановка его дѣтства. Постоянныя мелочныя заботы о наживѣ, свойственныя нашимъ мелкимъ торгашамъ, суровыя, деспотическія отношенія отца къ сыну, полное отсутствіе заботъ не только объ умственномъ, но даже и о физическомъ воспитаніи дѣтей—все это, безъ сомнѣнія, много вредило первоначальному развитію ребенка. Предоставленный самому себѣ, не имѣя никакого присмотра за собой, Кольцовъ два раза чуть было не лишился жизни и еще въ ранней молодости нажилъ себѣ ревматизмъ въ ногахъ, мучившій его до смерти, и сутуловатость, бывшую слѣдствіемъ паденія его съ лошади. Какъ помощникъ отца, какъ рабочая сила въ домашнемъ быту, онъ съ самыхъ юношескихъ лѣтъ былъ поглощенъ чистовѣшными хлопотами и дразгами и не имѣлъ ни времени, ни средствъ получить соотвѣтственное его таланту и любознательности образованіе. Но грамотность нужна и выгодна въ торговлѣ; только поэтому отецъ Кольцова нанялъ семинариста поучить сына, потомъ отдалъ его въ уѣздное училище, изъ котораго взялъ его обратно, какъ скоро убѣдился, что тотъ уже умѣетъ читать и писать. Десятилѣтній Кольцовъ кончилъ курсъ своего ученія, не имѣя даже понятія, что такое грамматика, и во всю свою жизнь не

могъ справиться съ орфографіей. Оторвавъ отъ ученія, его немедленно пристроили къ дѣлу. Онъ пасъ скотъ, развѣзжалъ съ отцомъ или его прикащиками по базарамъ и ярмаркамъ, всматривался въ жизнь мелкаго торговца, неизмѣвную ничего общаго съ его задушевными стремленіями и юношескими мечтами. Объ этомъ періодѣ своей жизни онъ говорилъ впоследствии:

„Скучно и нерадостно
Я провелъ вѣкъ юности:
Жилъ въ степи съ коровами,
Грусть въ лугахъ разгуливалъ,
По полямъ съ лошадкою
Одинъ горе мыкивалъ
Дикаремъ-степнякою“.

Но такой образъ жизни имѣлъ и свое хорошее вліяніе. Торгово-промышленная дѣятельность развивала въ Кольцовѣ сметливость и практическій смыслъ, а степь, роскошная воронежская степь, воспитывала его поэтическое чувство. Въ то-же время его фантазія находила себѣ пищу въ тѣхъ книжкахъ, какія попадались ему случайно въ руки. Сначала это были однѣ только сказки, въ родѣ Бовы и Еруслана, потомъ Кольцовъ сблизился съ своимъ товарищемъ по училищу, сыномъ богатаго купца, и бралъ отъ него романы Августа Лафонтена, Дюкре-де-Мениля, арабскія сказки, „Кадма и Гармонію“ Хераскова и т. д. Стихотворенія Дмитріева увлекли его до такой степени, что онъ самъ рѣшился писать стихи. Но, не зная ни правилъ стихосложенія, ни грамматики, онъ составлялъ только неуклюжія и безграмотныя вирши, показавшіяся плохими даже малограмотному книгопродавцу Кашкину, которому показалъ ихъ Кольцовъ. Кашкинъ подарилъ ему „Русскую Просодію“, которая много помогла поэту-самоучкѣ. Библіотека его постепенно пополнялась сочиненіями Ломоносова, Державина, Богдановича, Жуковскаго, Дельвига, Пушкина. Поглощая этихъ авторовъ и увлекаясь ими все болѣе и болѣе, Кольцовъ продолжалъ свои стихотворные опыты, упорно добываясь овладѣть легкостью стиха. Въ то-же время разныя обстоятельства возбуждали его поэтическое чувство и придавали ему тотъ оттѣнокъ грусти, который сдѣлался его отличительнымъ признакомъ. Жизненная обстановка, окружавшая Кольцова, рано опротивѣла ему. Упомянутый другъ его дѣтства, отъ котораго онъ бралъ книги и съ

уѣздѣ, а главное, авторъ его былъ воронежскимъ губернаторомъ (1831—1836 г.). Слава романиста-губернатора затмѣвала славу поэта-плебея.

Въ 1836 г. Кольцовъ опять былъ и долго прожилъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ это время онъ сошелся съ Бѣлинскимъ и между ними завязалась самая искренняя дружба. Кольцовъ обожалъ Бѣлинскаго, а послѣдній любилъ его со всѣмъ пыломъ своего страстнаго сердца, руководилъ его своими совѣтами, сблизилъ его съ философскимъ кружкомъ московской молодежи. Въ Петербургѣ Кольцовъ познакомился съ Вяземскимъ, Жуковскимъ, Одоевскимъ, Пушкинымъ; о тепломъ участіи, съ какимъ отнесся къ нему послѣдній, онъ говорилъ со слезами на глазахъ. Но не у всѣхъ писателей онъ находилъ такой пріемъ, какъ у Пушкина и Бѣлинскаго. „Кольцовъ, рассказываетъ Панаевъ,—считалъ долгомъ дѣлать визиты ко всѣмъ литераторамъ, изъ которыхъ многіе посматривали на него съ высоты своего величія, съ покровительствомъ, какъ на талантливаго мужичка. Но этотъ мужичокъ, усвоившій уже себѣ кое-какія изъ убѣжденій и взглядовъ московскаго кружка Бѣлинскаго и прочитавшій всѣ пьесы Шекспира въ русскомъ переводѣ, понималъ гораздо болѣе и смотрѣлъ на литературу гораздо глубже многихъ изъ такъ-называемыхъ образованныхъ литераторовъ, своихъ покровителей. Онъ передавалъ мнѣ впечатлѣнія, которыя производили на него разные петербургскіе литераторы и литературныя знаменитости, и характеризовалъ каждаго изъ нихъ. Эти характеристики были исполнены ума, тонкости и наблюдательности; я былъ пораженъ, выслушивая ихъ. „Эти господа, прибавилъ Кольцовъ въ заключеніе, съ лукавою улыбкою,—несмотря на ихъ внимательность ко мнѣ и ласки, за которыя я имъ очень благодаренъ, смотрятъ на меня, какъ на совершеннаго невѣжду, ничего не смыслящаго, и презабавно хвастаютъ передо мной своими знаніями, хотятъ мнѣ пускать пыль въ глаза. Я слушаю ихъ, разиня ротъ, и они остаются мною очень довольны, а между тѣмъ я вѣдь вижу ихъ насквозь... Они на меня совсѣмъ какъ на дурачка смотрятъ, вотъ хоть-бы Евгеній Навлицъ Гребенка, а вѣдь я не глупѣе его!..“ Въ 1838 и 1840 гг. Кольцовъ еще побывалъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Вслѣдствіе бесѣдъ съ столичными друзьями, умственный кругозоръ его значительно расширился, идеи соро-

ковыхъ годовъ болѣе и болѣе овладѣвали имъ и онъ становился ихъ горячимъ поклонникомъ.

Но домашнія обстоятельства привязывали его къ Воронежу, который послѣ столицъ казался ему и скучнымъ, и мелочнымъ. „Въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже, писалъ онъ Бѣлинскому: — скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то, кажется, то-же, а не то. Дѣла комерціи безъ меня разстроились порядочно, новыхъ непріятностей куча; что день — то горе, что шагъ — то напасть. Но, слава Богу, какъ-то я всё ихъ переношу теперь терпѣливо, и они сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь — все прекрасно, чудесно, очаровательно, — и я жизнью живу и тону своею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ нашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ много, много! Эти послѣдніе два мѣсяца стояли для меня пяти лѣтъ воронежской жизни. Я теперь гляжу на себя — и не узнаю. Словесностью занимаюсь мало, читаю немного — некогда, въ головѣ дрянъ такая набита, что хочется плюнуть, матеріализмъ дрянной, гадкій, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла житейскія; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь, даже и съ охотою“. Съ отцомъ у него были постоянныя непріятности. Воронежское общество, хотя и гордилось своимъ поэтомъ, но все-таки смотрѣло на него еще болѣе свысока, чѣмъ петербургскіе литераторы. Въ 1837 г., Жуковскій, бывшій въ Воронежѣ въ свитѣ наследника, постарался показать воронежцамъ значеніе Кольцова. Онъ говорилъ о немъ при своихъ посѣщеніяхъ гимназическихъ классовъ, гулялъ съ нимъ на глазахъ публики, посѣщалъ его, и такая внимательность „придворнаго генерала“ произвела впечатлѣніе на воронежцевъ и даже на отца Кольцова. Но при всемъ этомъ сколько униженій и оскорбленій приходилось выносить Кольцову въ родномъ городѣ, въ какія дразги и мелочи вынужденъ былъ онъ то и дѣло погружаться силою обстоятельствъ! Отецъ запуталъ свои дѣла и предоставилъ сыну распутывать ихъ, какъ знаетъ. „Батинька два мѣсяца въ Москвѣ, писалъ Кольцовъ Бѣлинскому, — продаетъ бы-

ковъ, дома я одинъ, дѣлъ много. Покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ рошѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полночи“. Но тогда онъ не жаловался, а черезъ два года писалъ въ Москву къ другу: „Писать къ вамъ хочется, а ничего нейдетъ изъ головы. Плоха что-то моя голова сдѣлалась въ Воронежѣ, одурѣла вовсе, и самъ не знаю, отъ чего—не то отъ этихъ дѣлъ торговыхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ быть у васъ и съ вами, такъ забылся для всего другого, а тутъ вдругъ все надобно позабыть, дѣлать другое, думать о другомъ—вѣдь и дѣла торговыя тоже сами не дѣлаются, тоже кой-о-чемъ надобно подумать. Такъ одряхлѣлъ, такъ отяжелѣлъ; право, боюсь, чтобъ мнѣ не сдѣлаться вовсе человѣкомъ матеріальнымъ. Боже избави! ужъ это будетъ весьма рано; не хотѣлось-бы это слышать отъ самого себя. Что-то скажетъ осень. Кажется, у ней будетъ для меня больше свободнаго времени—посмотришь. Стройка дома безъ меня и дѣла торговыя у отца шли дурно. Теперь, слава Богу, плыветъ ровнѣе. Съ отцомъ живемъ хорошо, ладно — и лучше. Онъ ко мнѣ больше имѣетъ уваженія теперь, нежели прежде, а все виною хорошаго конца дѣла. Онъ эти вещи очень любитъ, и хорошо дѣлаетъ: ему, старику, это идетъ“. — Мѣсяца черезъ два онъ писалъ къ тому-же лицу: „Хотѣлось-бы писать къ вамъ совсѣмъ не такъ, какъ пишу теперь, но что-жъ прикажете дѣлать, когда дѣла дьявольски работаютъ со мной? Войка скота, стройка дома, туда, сюда, ажъ на душѣ тошнить, — такъ хорошо мнѣ жить...“ Ко всему этому прибавилось столкновение Кольцова съ воронежскими чиновниками, которые стали притѣснять его, и Кольцова постигло-бы полное разореніе, если-бы ему не помогли своимъ покровительствомъ и вліаніемъ кн. Одоевскій и Вяземскій. Что терпѣлъ Кольцовъ въ Воронежѣ, онъ самъ рассказываетъ въ своемъ письмѣ къ Одоевскому отъ 15 февраля 1839 года. „Вотъ сцены, которыя со мной бывають всякій почти день. Я проситель—жѣщанинъ. Честный совѣтникъ дѣло мое тянетъ, какъ проволоку. Какъ быть? Подумалъ я, пошелъ бить челомъ къ управляющему. Стою. Дожидаюсь выхода его знатности; его знатность изволила выйти, подойдетъ ко мнѣ и удостоила сказать: „Что ты?“ — Къ вамъ съ просьбою. — О чемъ? — Мое есть дѣло у васъ, другой годъ кон-

трактъ не утвержденъ. — А отчего-жь это? — Не знаю. — Не знаю, то-то не знаю! Ходите по угламъ да закоулкамъ сначала, плутуете, мошенничаєте, а какъ дѣло — и лѣзете ко мнѣ! — Позвольте вамъ сказать, я ходить по угламъ ходовъ самый плохой. — Знаю я васъ, всѣ вы одно поете! — Посмотрите на дѣло; мое дѣло, я увѣренъ, скажетъ вамъ совсѣмъ другое. — Что мнѣ твое дѣло, — у меня есть куча ихъ. — Дѣлъ много, но всѣ-ли они одного качества? — Контракты, все равно, одни. — Но мой контрактъ другого рода. — Отчего-жь онъ не утвержденъ, когда другого рода? — Оттого, что другіе всѣ утверждены, а мой нѣтъ. — Ты хочешь сказать мнѣ, что ходилъ больше всѣхъ по угламъ да не умѣлъ? — Точно, съ моимъ дѣломъ я былъ въ одномъ углѣ, но быть въ немъ никому не стыдно (т. е. у губернатора). — Ну, если ты тамъ былъ, мы опять его туда пошлемъ. — Какъ вамъ угодно, прощайте. — Прощай“. Обидно, чортъ возьми, показалось незаслуженное оскорбленіе, и такого рода... Вотъ какія пытки я долженъ испытывать то-и-дѣло. Бросить-же торговлю и дѣла, заниматься словесностью, — чѣмъ жить? Взяться за торговлю другого рода — нѣтъ капитала. Служить — нельзя. Ъхать куда глаза глядятъ — не пустякъ. А жить, какъ живется — горько“. (Письма Кольцова).

Независимо отъ хлопотъ по своимъ торговымъ дѣламъ, Кольцову предстояло не мало и другихъ непріятностей. Съ нимъ вздумала поиграть какая-то кокетка, поиграла, увлекла, потомъ безжалостно оттолкнула отъ себя. Другъ его Серебрянскій, поступившій въ медико-хирургическую академію, принужденъ былъ за болѣзнь вернуться въ Воронежъ и здѣсь вскорѣ умеръ отъ чахотки. „Смерть его все довершила, пишетъ Кольцовъ Бѣлинскому. — Скажите, въ одну минуту разломить, что крѣпло нѣсколько лѣтъ — мою любовь къ нему, прекрасныя желанія, мечты, стремленія, ожиданія, надежды на будущее — и все вдругъ!.. Я онѣмѣлъ-было совсѣмъ и всему хотѣлъ сказать *прощай*, и если-бы не вы, я все-бы потерялъ навсегда“... Ко всему этому присоединились столкновения съ воронежской интеллигенціей, которая продолжала по-прежнему относиться къ Кольцову, какъ къ ученику, между тѣмъ какъ послѣдній, благодаря Бѣлинскому и кружку Станкевича, уже видѣлъ, что его бывшіе учителя далеко отстали отъ него. Кольцовъ былъ сильно увлеченъ настроеніемъ московскаго

кружка. Вотъ что, напр., писалъ онъ одной своей родственницѣ: „Если судьба надъ кѣмъ хитритъ несправедливо, ужели тому ей рабски покоряться?.. Что за обязанность сохранять до гроба вынужденную клятву — ничтожному рабу послушной быть рабыней? Хранить къ нему вѣрность, любить его противъ желаній и вѣчно. вѣчно быть рабыней! И страшно, и смѣшно... Типе. еще это люди считаютъ за грѣхъ. Настанетъ часъ, заблещетъ, какъ лѣтнее солнце, свѣтильникъ истины, — до той поры надо молчать и смѣяться предразсудкамъ людей легковѣрныхъ“. Но Кольцовъ держался этого правила только на-половину: онъ смѣялся, но не молчалъ. Онъ, по выраженію Де-Пуле, „и неделикатно, и неумѣючи, и непоследовательно“ нападалъ на язвы тогдашней провинціальной жизни, которыми были, безъ сомнѣнія, заражены и воронежскіе его пріатели“. Въ чемъ состояла эта „неделикатность, неумѣлость и непоследовательность“ и эти „язвы“, біографы Кольцова, въ родѣ воронежскихъ сочинителей, Малыхина и Де-Пуле, не говорятъ объ этомъ ничего. Но сущность дѣла, о которой они умалчиваютъ, понятна. Кольцовъ являлся въ Воронежѣ представителемъ прогрессивныхъ идей времени, вынесенныхъ имъ изъ кружка тогдашней столичной интеллигенціи, и уже больше не попадалъ въ тонъ своихъ провинціальныхъ пріателей. Они находили нѣсколько рѣзкіе отзывы Кольцова противъ „язвъ“ не только дикими, но и обидными, а онъ не хотѣлъ, да и не могъ уже пѣть съ ними въ одну ноту. Восторженный и искренній, онъ съ горячностью отстаивалъ свои мнѣнія, но, не успѣвъ еще сформировать изъ нихъ цѣльнаго міровоззрѣнія, не получивъ систематическаго образованія, небогатый свѣденіями и непривыкшій къ діалектическимъ тонкостямъ, онъ, конечно, могъ казаться смѣшнымъ своимъ противникамъ, искусившимся въ схоластическихъ спорахъ и гордившимся своими академическими дипломами на степени магистровъ и кандидатов *humanarum ac divinarum scientiarum*. Они старались „осадить“ Кольцова, называли его верхоглядомъ, выскочкой, фанфарономъ, а одинъ изъ нихъ даже сочинилъ на него пасквильные стихи въ этомъ смыслѣ и пустилъ ихъ по городу. „Съ моими знакомыми, писалъ Кольцовъ въ 1838 году, — расхожусь поменьку: наскучили мнѣ ихъ пошлые разговоры. Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ ихъ; толковалъ такъ и такъ. Они надо мной

смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повернулъ отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить—да ба! — и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про-себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю ночь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы; и они стали мною довольны; и я самъ про-себя смѣюсь надъ ними отъ души. Такимъ образомъ, все идетъ ладно; а то что, въ самомъ дѣлѣ, изъ ничего наживать себѣ дураковъ-враговъ. Ужь видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ съ своею мудростью и умретъ“.

А между тѣмъ, какъ видно изъ писемъ Кольцова, столкновѣнія его съ воронежскими пріятелями становились все болѣе и болѣе непріятными; въ 1840 году раздраженіе съ обѣихъ сторонъ достигло высшей степени. „Какъ еще я пишу? пишетъ Кольцовъ Бѣлинскому,—и для чего пишу? Для васъ, для васъ однихъ; а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія. Всякій подлець такъ на меня и лѣзетъ,—дескать, писакъ-то и крылья отшибить“. Эти мелкіе и ежедневные дразги, тѣмъ болѣе назойливые, что они были мелки и ежедневны, заставили Кольцова серьезно думать о переселеніи въ столицу, гдѣ брались устроить его положеніе, гдѣ ему предвидѣлась спокойная и независимая дѣятельность, въ кругу людей симпатичныхъ и уважаемыхъ имъ, но домашнія дѣла приковывали его къ Воронежу. Отецъ его, человѣкъ необразованный и огрубѣвшій среди той житейской практики, которая выпадаетъ на долю мелкаго торговца, безсердечно относился къ сыну. Онъ не сумѣлъ оцѣнить ни его таланта, ни его добрыхъ стремленій. Онъ старался не обижать его, пока онъ былъ нуженъ ему, но увидѣвъ, что дѣла окончателно поправлены, слѣдовательно, сынъ болѣе не нуженъ, объявилъ ему прямо, что не дастъ ему „ни копейки“, и началъ притѣснять его на каждомъ шагу. Еще ранѣе, подъ влияніемъ воронежскихъ отношеній, Кольцовъ впалъ въ глубокую тоску и доходилъ до отчаянія. Чѣмъ нерадостнѣе становилась его домашняя жизнь, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе овладѣвало имъ тоскливое настроеніе. Онъ предчувствовалъ уже близкій конецъ и проклиналъ судьбу, загубившую его мощныя силы. Вотъ что онъ писалъ стихами Бѣлинскому не задолго до своей смерти:

Его по-прежнему тянуло въ Петербургъ, но отецъ не давалъ ему денегъ, а зарабатывать кусокъ хлѣба самому оказывалось невозможнымъ. „Наняться въ прикащики?—не могу. Отъ себя заниматься—не на что. Возложить надежду на мои стишонки—что за нихъ дадутъ! И что за нихъ буду получать въ годъ — пустяки: на сапоги, на чай, и только. Талантъ мой—надо говорить правду — особенно теперь, въ рѣшительное время, талантъ мой пустой. Нѣсколько пѣсенокъ въ годъ—дрянь. За нихъ много не дадутъ. Писать въ прозѣ не умѣю, а мнѣ тридцать три года. Вотъ мое положеніе. Пожалуйста, напишите мнѣ ваше мнѣніе; я имъ дорожу болѣе всего. — В. Г. пишетъ: ѣхать. Да боюсь, страшно. Я, живя на свѣтѣ, хорошаго не видѣлъ или видѣлъ, да немного, да и то живя въ Москвѣ и Питерѣ, а въ Воронежѣ—не помню, когда. Что, если въ сорокъ лѣтъ придется нищенствовать? Плохо!“

19 октября 1842 г. Кольцовъ умеръ, 33 лѣтъ отъ роду. Нѣжные родственники похоронили его прилично, а воронежское общество черезъ нѣсколько лѣтъ почтило его памятникомъ...

Кольцовъ несомнѣнно обладалъ талантомъ, который при болѣе лагоприятныхъ обстоятельствахъ могъ-бы поставить его на ряду съ нашими первостепенными поэтами. У него было слишкомъ „много думъ въ головѣ, много въ сердцѣ огня“, были силы, чтобы проложить литературѣ совершенно новый путь и сдѣлаться народнымъ поэтомъ, въ родѣ Роберта Борнса. Но обстоятельства не дали развиваться его таланту; Кольцовъ значительно отрѣшился отъ непосредственнаго отношенія къ народной жизни, но не успѣлъ выработать опредѣленнаго, сознательнаго міросозерцанія. Если-бы весь тотъ опытъ, который онъ вынесъ изъ своей житейской обстановки, изъ окружавшей его дѣйствительности, если-бы его близкое соприкосновеніе съ народной жизнью были осмыслены образованіемъ и наукой, то онъ не уступилъ-бы ни одному изъ нашихъ лучшихъ поэтовъ. Но, какъ мы видѣли, образованіе Кольцова было самое посредственное. Поэтому произведенія его не имѣютъ единства. Въ нихъ нерѣдко встрѣчаются фальшивые сюжеты и мотивы, какъ, напр., въ пьесахъ „Ночь“, „Наяда“ и многихъ другихъ, навѣянныхъ туманнымъ романтизмомъ того времени, и особенно въ его „Думахъ“, въ которыхъ онъ занимается рѣшеніемъ такихъ отвлеченныхъ вопросовъ, для пониманія кото-

рыхъ у него не было ни знаній, ни критическаго воззрѣнія, ни даже привычки къ отвлеченному мышленію. Онъ самъ говоритъ:

Въ моемъ толкѣ
Смысла нѣту,
Чтобъ провидѣть
Дѣла божьи...

Если исключить изъ сочиненій Кольцова эти думы и другія стихотворенія, неимѣющія никакого значенія, бывшія результатомъ романтической подражательности, то придется исключить цѣлую половину. Для большинства публики, особенно для народа, именно такъ и слѣдовало-бы издавать его.

Народныя стихотворенія Кольцова вполне самобытны и проникнуты народнымъ духомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, при всей своей краткости, — цѣлыя поэмы, какъ, напр., знаменитый „Хуторокъ“ и „Деревенская бѣда“. Идеаль Кольцова — матеріальное благосостояніе и семейное счастье. Но это счастье рѣдко дается людямъ, и большая часть стихотвореній Кольцова посвящена разбитому сердцу и неудачной любви. Возьмите 5-е изданіе его сочиненій (1868 г.), перелистуйте его, и вы найдете, что этой послѣдней темѣ посвящены стихотворенія, начинающіяся на страницахъ 1, 2, 3, 5, 9, 12, 20, 22, 40, 43, 44-й и т. д. Любви, ея горю и радостямъ посвящены лучшія пѣсни Кольцова, — „Кольцо“, „Не шуми ты, режь“, „Пора любви“, „Послѣдній поцѣлуй“, „Въ непогоду вѣтеръ“, „Такъ и рвется душа“, „Я любила его“ и т. д. Но мотивы этихъ пѣсенъ черезчуръ однообразны и Кольцовъ только въ двухъ стихотвореніяхъ коснулся горькой семейной участи русской женщины. Другая серія превосходныхъ пѣсенъ посвящена труду, обеспечивающему жизнь бѣднаго крестьянина, сельскому труду, соединенному съ любовію къ природѣ. Сюда относятся „Пѣсня пахаря“, „Урожай“ и т. д. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, эти стихотворенія изображаютъ народную жизнь довольно односторонне. Посвятивъ столько пьесъ страданіямъ отъ неудачной любви, Кольцовъ почти вовсе не коснулся дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей, невзгодъ и несчастій, которыми такъ богата была народная жизнь при крѣпостномъ правѣ. Народныя стихотворенія Некрасова ниже кольцовскихъ, но они обнимаютъ народную жизнь гораздо шире и представляютъ ее въ болѣе конкретномъ и реальномъ видѣ. У Кольцова нѣрѣдко

выходить чистая идиллія, и только сильный талантъ его избавилъ эту идиллію отъ той приторности, до которой дошли его послѣдователи. Къ числу лучшихъ стихотвореній Кольцова относятся еще тѣ, въ которыхъ выражается сознание великихъ силъ и способностей, таящихся въ народѣ, какъ, напр., „Косарь“, „Пѣсня разбойника“, „Бѣгство“, „Дума сокола“ и т. д. Но эти силы остаются безъ развитія, безъ приложенія къ дѣятельности; онѣ гложутъ въ какой-то бесплодной борьбѣ, и результатомъ является безвыходное горе.

Нѣту силъ, усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь—
Жалко съ нимъ проститься!

Кольцовъ своими стихотвореніями много содѣйствовалъ развитію въ русскомъ обществѣ симпатій къ народу. Но онъ все-таки не сдѣлался настоящимъ народнымъ поэтомъ. Народъ не знаетъ его. У народа есть свои пѣсни, и, вѣроятно, далеко еще то время, когда онъ узнаетъ своего поэта и пойметъ всю прелесть его симпатичнаго стиха.

Кольцовъ умеръ въ 1842 году. Въ то самое время, когда онъ сходилъ въ могилу, другой воронежскій поэтъ выступалъ преемникомъ его, такой-же мѣщанинъ, восемнадцатилѣтній юноша Никитинъ (род. 21 сент. 1824 г.). Родители Никитина были люди зажиточные. Отецъ его, исключенный изъ духовнаго званія и приписавшійся въ мѣщане, былъ человекъ очень неглупый, любившій чтеніе, преимущественно религіозное, знакомый и съ свѣтскою литературой до Пушкина; но обладая страшною физическою силою и необузданнымъ характеромъ, онъ былъ грозой семьи и въ особенности жены, которую онъ довелъ до пьянства и преждевременной могилы; страшный для своей семьи, онъ въ то-же время наводилъ панической ужасъ на все городское населеніе, являясь первымъ борцомъ и скудосокрушителемъ на кулачныхъ бояхъ (Сочиненія Никитина, съ біографіею, составленною Де-Пуле, т. I, стр. 6). Онъ старался вывести сына въ люди, отдалъ его учиться въ семинарію и готовился отправить въ университетъ. Семинарская наука, конечно, не много могла дать Ники-

тину хорошаго; но въ воронежской семинаріи въ то время еще живы были преданія о Серебрянскомъ и Кольцовѣ, существовалъ кружокъ, интересовавшійся литературой, читались и чуть даже не заучивались наизусть статьи Бѣлинскаго. Всѣ эти явленія были такого рода, что не могли развить въ Никитинѣ ни ясныхъ убѣжденій, ни твердыхъ нравственныхъ принциповъ. Онъ вынесъ изъ семинаріи знакомство съ литературой, да тѣ далеко неопредѣленные „возвышенныя стремленія“, которыми отличалась масса лучшей молодежи сороковыхъ годовъ. Но и эти стремленія въ значительной степени парализовались домашней обстановкой. Суровый отецъ съ дѣтства запугалъ меланхолическаго ребенка, который развился въ молчаливаго, несообщительнаго, сосредоточеннаго и нервнаго юношу. Передъ окончаніемъ курса рушились его надежды на университетъ, отецъ разорился, запилъ напрадалу, схоронилъ жену и запилъ еще сильнѣе, бросивъ на руки сына мелочную торговлю восковыми свѣчами и содержаніе своего постоялаго двора, на которомъ большая часть времени поэта была занята пріемомъ извозчиковъ, расчетомъ съ ними, бѣганьемъ въ кабакъ за водкою для нихъ; иногда ему приходилось даже самому стряпать для своихъ постояльцевъ. Вдобавокъ ко всей этой мелочной суетнѣ, отецъ ежедневно производилъ дома скандалы и буйства. Никитинъ былъ доведенъ до отчаянія и однажды, кажется, хотѣлъ даже покончить самоубійствомъ (т. 1, стр. 17—21). Увлеченіе поэзіей при такой обстановкѣ производило въ немъ тягостный нравственный разладъ. „Проза жизни“ отталкивала юношу, настроеннаго на идеальный ладъ; дворникъ чувствовалъ въ себѣ поэта, но въ то-же время сомнѣвался въ своихъ силахъ и мучился мыслью, что, можетъ быть, онъ не „жрецъ искусства“, не художникъ, а „ничтожный ремесленникъ“. „Рѣшеніе этого вопроса, писалъ онъ, — покажетъ или мое значеніе, или мою ничтожность, мое нравственное *быть* или *не быть*“ (стр. 25).

Вопросъ этотъ рѣшили въ пользу Никитина другъ его, мѣщанинъ Дураковъ, и редакторъ губернскихъ вѣдомостей, помѣстившій его стихотвореніе „Русь“, написанное по поводу крымской войны и преисполненное обычнаго въ то время патріотическаго жара. Это стихотвореніе и другія, слѣдовавшія за нимъ, обратили на поэта-самоучку вниманіе воронежскаго общества. У застѣнливаго, бѣднаго дворника появилась цѣлая толпа меценатовъ и

каждый изъ нихъ старался приласкать его, ободрить, помочь, вывести въ люди. Нѣкоторые изъ этихъ людей сдѣлались задушевными друзьями поэта и имѣли сильное вліяніе на его послѣдующую судьбу. Въ нихъ Никитинъ нашелъ нравственную поддержку, они укрѣпили въ немъ вѣру въ собственныя силы, они посвятили его въ интимныя бесѣды своего кружка, отличавшагося эстетическимъ направлениемъ и не совсѣмъ опредѣленными общественными тенденціями, сильно отзывавшимися славянофильствомъ. Въ этой, по выраженію г. Де-Пуле, — „хорошей эстетической школѣ“ Никитинъ окончательно усвоилъ тѣ возрѣнія на искусство, которыя подъ вліяніемъ новыхъ отношеній русской жизни уже начинали исчезать изъ литературы. Благодаря своему первоначальному образованію и вліянію воронежскаго литературнаго кружка, Никитинъ остался чуждъ новому литературному движенію, до того, однакожъ, сильному, что оно до извѣстной степени тронуло его, но, не измѣнивъ общаго характера его міросозерцанія, произвело въ послѣднемъ довольно замѣтную путаницу. Возбужденный войной патриотическій жаръ Никитина не остывалъ въ немъ и послѣ мира. Севастопольскій погромъ не измѣнилъ его. Какъ въ своихъ первыхъ, воинственныхъ стихотвореніяхъ, такъ и въ послѣдующихъ, Никитинъ восторгается матеріальной силой своего отечества, его громадностью, его характеромъ, дѣлающимъ изъ него страну противоположную и враждебную Западу (231, 261, 283, 358, 375 и др.). Даже обыкновенное описаніе русской зимы онъ оканчиваетъ такъ:

«И случится-ли, къ намъ гость незванный придетъ
И за наше добро съ нами споръ заведетъ,—
Ужь прими ты его на сторонѣ чужой,
Хмѣльный пиръ приготовь, гостю пѣсню пропой;
Для постели ему бѣлый пухъ припаси,
И съ мятелю засыпь его слѣдъ на Руси» (стр. 355).

Умственное развитіе Никитина завершилось вліяніемъ „Русской Бесѣды“ (стр. 73). Съ склонностью къ славянофильству, онъ питалъ рѣшительное отвращеніе къ петербургской журналистикѣ. Особенно обличительная литература оскорбляла его вкусъ; онъ не видѣлъ въ ней никакой пользы и общественнаго значенія (стр. 64). Журналовъ онъ не могъ видѣть равнодушно. „Все ложь и мерзость!“ не разъ восклицалъ Никитинъ, просматривая

толстыя книги журналовъ и отбрасывая ихъ въ сторону. Онъ до того свысока смотрѣлъ на эту „ложь и мерзость“ что не хотѣлъ даже поближе взглянуть на нее, и, будучи въ Петербургѣ въ 1860 г., онъ не познакомился ни съ кѣмъ изъ литераторовъ, не поинтересовался ничѣмъ, кромѣ книжнаго товара (стр. 131). Никитинъ отнесся восторженно къ освобожденію крестьянъ. Меченаты такъ усердно осаждали поэта, что родные его сначала просто испугались, думая, что его *возьмутъ* въ Петербургъ (стр. 37). Съ Никитинимъ познакомились, Никитина „выводили въ люди“, Никитина показывали въ свѣтскихъ салонахъ; Никитинимъ восторгались, какъ новымъ чудомъ, и заставили, наконецъ, этого педюдима сблизиться съ губернскимъ обществомъ, „дорости до него“, какъ выражается г. Де-Пуле (стр. 38, 58, 74, 109). Никитинъ сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ; онъ окончательно отдался отъ народной жизни и на немъ почти вполнѣ сбылось предсказаніе Введенскаго, который предсказывалъ ему блестящую будущность, если только онъ останется вѣренъ самому себѣ. „Но если, писалъ Введенскій, — тотъ-же Никитинъ промѣняетъ свой постоянный дворъ на искусственный кабинетъ петербургскаго или московскаго литератора, гений его станетъ увядать постепенно и онъ займетъ мѣсто въ разрядѣ жалкихъ посредственностей, которыми, къ несчастію, такъ богата русская поэзія“ (стр. 40). Къ тому-же и до своего превращенія въ свѣтскаго человѣка Никитинъ мало жилъ народною жизнью и мало зналъ ее. „Никитинъ почти не выѣзжалъ за заставу Воронежа; мѣщаниномъ онъ былъ только по названію, а дворникомъ по профессіи; его воспитали не „сермяжная Русь“, о которой онъ судилъ только по заѣзжимъ на его дворъ извощикамъ, не степи, которыхъ онъ никогда не видѣлъ, а литература сороковыхъ годовъ“ (стр. 41). Считая себя преемникомъ Кольцова, онъ не имѣлъ возможности относиться къ народной жизни непосредственно; въ то-же время онъ былъ не въ состояніи смотрѣть на нее и критически, вслѣдствіи неоконченности своего образованія и сбивчивыхъ вліяній своихъ друзей. Многія его стихотворенія — чистыя подражанія Кольцову, какъ, напр., „Весна на степи“ (т. I, стр. 206), „Измѣна“ (стр. 288) и др. Большая часть сюжетовъ изъ народной жизни обработаны черезчуръ искусственно, въ длинныхъ стихотвореніяхъ, форма и размѣры которыхъ совершенно чужды народному

духу, какъ, напр., „Упрямый отецъ“ (насиленный бракъ), „Купецъ на пчельникъ“ (идиллія съ примѣсю обличенія купеческихъ плутней), „Лѣсникъ и его внукъ“ (идиллія), „Удаль и забота“ (т. I, стр. 295, 303, 310, 347; т. II, 11, 35). Лучшія изъ этихъ стихотвореній— „Староста“ (т. I, 377) и „Старый слуга“ (т. II, стр. 43). До какой степени плохо понималъ Никитинъ явленія народной жизни, можно видѣть изъ его идиллическихъ стихотвореній, напр., „Бурлакъ“. Бурлакъ—это широкая натура, которая, бросивъ родное село, идетъ на Волгу наслаждаться красотами природы и прелестями бурлаческой жизни (стр. 332 — 334)! Никитинъ часто описывалъ народную жизнь такъ-же, какъ описывалъ онъ „ночь на берегу моря“ (стр. 219), котораго онъ никогда не видывалъ, или природу Палестины по руководству какой-то „свящ.-церк. географіи“ (стр. 268)... Еще ниже стоятъ его думы à la Кольцовъ, напр., „Жизнь и смерть“ (стр. 249).

Изображеніе темныхъ сторонъ жизни литературою внушало Никитину недоувѣріе. Зная новую жизнь только по лицамъ, окружавшимъ его, онъ видѣлъ въ ней ложь и обманъ. Вотъ что писалъ онъ своему другу, Второву: „Точно слушать эти заученные возгласы о гласности, добрѣ, правдѣ и прочихъ прелестяхъ. Царь ты мой небесный! Исключите два-три человѣка, у остальныхъ въ перспективѣ карманныя блага, хорошій обѣдъ, вкусное вино etc., etc. А знаете, я прихожу къ убѣжденію, что мы преподленькіе люди, едва-ли способные на какой-либо серьезный, обдуманый, требующій терпѣнія и самопожертвованія трудъ. Право такъ!“ (стр. 135). Въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ онъ выразилъ ту-же мысль:

Убита совѣсть, умеръ стыдъ
И ложь во тьмѣ царить свободно;
Никто позора не казнить,
Никто не плачетъ всенародно!
Межъ нами мучениковъ нѣтъ...
На крикъ: «спасите!» нѣтъ отвѣта.
Не выйдемъ мы на божій свѣтъ—
Нашъ рабскій духъ боится свѣта (т. II, 9).

Въ стихотвореніи „Поэту-обличителю“ (т. II, стр. 51) Никитинъ порицаетъ „словопренье“ и „мертвую лѣнь“, мечтая о

«Дѣло», № 3.

„подвигъ“, о водвореніи „царства разума, правды святой“. Кружокъ съ его традиціями уже не удовлетворялъ Никитина; онъ порывался идти дальше, но эти порывы, это сознание собственныхъ силъ постоянно охлаждались сомнѣніемъ. „Видно, я ошибся въ выбранной мною дорогѣ, писалъ онъ однажды. — Искра дарованія, способная блестять въ потьмахъ и чуждая силы грѣть и освѣщать предметы, не разгорится пожаромъ, потому что она жалкая искра... А свѣтящимся червячкомъ я быть не хочу“ (стр. 62).

Чужихъ страданій жалкій зритель,
 Я жизнь растратилъ безъ плода,
 И вотъ проснулась совѣсть-мститель
 И жжетъ лицо огнемъ стыда...
 Я слышала злу рукоплесканья
 И все терпѣлъ, едва дыша;
 Подъ пыткой негодованья
 Молчала рабская душа.
 Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка,
 Тропой пробитою я шель:
 Святую личность человѣка
 До пошлой мелочи низвелъ» (т. II, стр. 31).

Эти порывы были совершенно неопредѣленны, и потому безцѣльны. Никитинъ остался тѣмъ, чѣмъ только онъ и могъ быть при данныхъ условіяхъ, — *поэтомъ мѣщанства*. Лучшее его произведеніе, поэма „Кулакъ“, посвящена мѣщанской жизни, подобно множеству другихъ стихотвореній, воспѣвающихъ горе и радости мѣщанской жизни. Онъ даже писалъ поэму „Градской голова“, въ дѣятельности котораго хотѣлъ провести идею гражданскаго подвига. Понятно, что изъ поэмы не могло выйти ничего, и она была сожжена.

Никитинъ со своимъ практическимъ характеромъ не могъ удовлетворяться фразою; ему нужна была практическая дѣятельность. Съ помощью Кокорева, онъ открылъ въ Воронежѣ книжный магазинъ и бібліотеку для чтенія. Книжный магазинъ былъ для него, во-первыхъ для поправленія своихъ финансовыхъ дѣлъ; блать могъ бросить содержаніе постоялаго двора и сдѣлать тайнымъ купцомъ“, какъ хвасталъ его отецъ подъ вторыхъ, Никитинъ видѣлъ въ книгопродавче-

ской профессіи общественно-полезное значеніе. „Я берусь за книжную торговлю, писалъ онъ Кокореву,—не въ видахъ чистой спекуляціи. У меня есть другая, болѣе благородная цѣль: знакомство публики со всѣми лучшими произведеніями русской и французской литературы, въ особенности знакомство молодежи, воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній... Помощь, которую вы мнѣ оказываете (Кокоревъ далъ Никитину займы денегъ на магазинъ), не мимолетное состраданіе къ тяжелому положенію другого лица,—нѣтъ, это въ высшей степени благотворная, живительная сила, которая обновляетъ все мое существованіе. До тѣхъ поръ я былъ страдательнымъ нулемъ въ средѣ моихъ согражданъ; теперь вы выводите меня на дорогу, гдѣ мнѣ представляется возможность честной и полезной дѣятельности; вы поднимаете меня, какъ гражданина, какъ человѣка“ (стр. 79). Такимъ образомъ, поэтъ, сознавая недостаточность своего таланта для принесенія обществу существенной пользы, превратился въ практическаго дѣятеля, въ книгопродавца. Книгопродавецъ Никитинъ, дѣйствительно, имѣлъ немаловажное вліяніе на воронежское общество. Его магазинъ сдѣлался литературнымъ клубомъ, центромъ городской интеллигенціи. Никитинъ всецѣло отдался ему и гордился своимъ созданіемъ. „Только теперь, идя по улицѣ, говорилъ онъ,—я смѣло смотрю всѣмъ въ глаза, потому что знаю, что дѣлаю дѣло; а прежде что? кто-же у насъ стихи считаетъ дѣломъ!“ (с. 85). Все время Никитина было занято магазиномъ. Между тѣмъ, здоровье его разстроивалось больше и больше. Нравственныя страданія, сомнѣніе въ своемъ талантѣ, пьянство и скандалы отца усиливали болѣзнь. Никитинъ видимо старался заглушить эти страданія, погружившись въ непрерывныя хлопоты по магазину. Но и это не удалось ему: друзья ужаснулись при видѣ того, какъ „жрецъ искусства“ превратился въ торгаша. Одни били тревогу, что „физическое истощеніе убило въ немъ поэта, но зато съ необыкновенною силою развернулся въ немъ мелочный и раздражительный духъ спекуляціи. Онъ ничего не пишетъ, мало читаетъ; онъ отсталъ отъ всѣхъ и всего; онъ весь погруженъ въ коммерческіе счета и расчеты; онъ доживаетъ послѣдніе дни своимъ въ лавкѣ; его ничто не занимаетъ, кромѣ барыша и выручки“. Не знаемъ, до какой степени это было справедливо, но во вся-

комъ случаѣ, старанія друзей „исправить“ Никитина, ихъ совѣтъ бросить эту торговлю только раздражали его (с. 95). Въ особенности тяжело отзывалось на Никитинѣ постоянное вмѣшательство въ его дѣла его друга, пивнаго энтузіаста Придорогина. Въ своемъ магазинѣ Никитинъ торговалъ письменными принадлежностями и велъ это дѣло на обыкновенномъ коммерческомъ основаніи. „Стоило Никитину продать дорого какую-нибудь пачку конвертовъ, Придорогинъ приходилъ въ негодованіе, бѣжалъ къ Никитину увѣщевать его, дѣлалъ сцену, обвинялъ „въ отступленіи отъ началъ, разъ принятыхъ“, отправлялся къ другимъ друзьямъ поэта и посылалъ ихъ „поговорить ему“, что онъ поступаетъ не хорошо“ (с. 101). Даже здоровому человѣку жутко пришлось-бы отъ такой опеки, а на больного, чахоточнаго Никитина она производила сокрушительное дѣйствіе. Задолго онъ предчувствовалъ смерть, и въ превосходномъ стихотвореніи, лучшимъ изъ всѣхъ написанныхъ имъ, прощался съ жизнью, бесплодно оконченною:

Вырыта заступомъ яма глубокая.
 Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
 Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
 Жизнь, какъ осенняя ночь молчаливая,—
 Горько она, моя бѣдная, пла
 И какъ степной огонекъ замерла.
 Что-же? Усни, моя доля суровая!
 Крѣпко закроется крышка сосновая,
 Плотно сырою землею придавится,—
 Только однимъ человѣкомъ убавится.
 Убыль его никому не больна,
 Память о немъ никому не нужна!
 Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная,—
 Гостя погоста, пѣвунья залетная,
 Въ воздухъ синемъ на волѣ купается,
 Звонкая пѣснь серебромъ рассыпается...
 Тихе!.. О жизни покояченъ вопросъ:
 Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ! (т. II, стр. 360).

Даже умереть-то спокойно не дали Никитину. Пьяный отецъ бушевалъ и ругался. Въ день смерти онъ не выходилъ изъ комнаты умирающаго сына. Онъ стоялъ у его смертнаго одра и взн-

валъ сильнымъ голосомъ: „Кому отказываешь магазинъ? Гдѣ ключи? Подай сюда духовную!“ Эти слова, не произносимыя, а выкликаемыя, повторялись на всѣ лады: „Иванъ Савичъ, подай ключи! Иванъ Савичъ, гдѣ деньги?“ и т. д. Произносились и слова, угрожающія проклятіемъ. Умирающей судорожно вздрагивалъ и умолялъ глазами сестру отвести старика въ другую комнату“ (т. I, стр. 197). Биографъ поэта, г. Де-Пуле, присутствовалъ при большей части подобныхъ сценъ, но не могъ доставить умирающему покоя... Никитинъ умеръ 16 октября 1861 года, 37 лѣтъ отъ роду.

Такъ окончили свое существованіе два замѣчательные таланта. Дарованія Кольцова были несравненно выше способностей Никитина, но участь ихъ была одинакова, одинакова была и кончина ихъ. Оба они были рождены и воспитаны въ той средѣ, которая только немного возвышается надъ крестьянствомъ въ умственномъ отношеніи и въ то-же время не имѣетъ патриархальнаго крестьянскаго добродушія и безкорыстія. Оба они учились на мѣдные гроши, страдали въ своихъ семействахъ и, увлекаясь благородными порывами къ знанію и усовершенствованію, мало находили средствъ для достиженія этихъ цѣлей. Кольцовъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе Никитина; первый подпалъ вліянію лучшихъ людей своего времени, а второй увлекся провинціальнымъ кружкомъ, члены котораго обладали достоинствами очень сомнительнаго свойства. Никитинъ не могъ освободиться изъ-подъ этого вліянія, не могъ выйти на самостоятельный путь; Кольцовъ, развившійся гораздо болѣе, чѣмъ онъ, тоже не успѣлъ вполне переработать и ассимилировать тѣхъ идей и знаній, которыя были восприняты имъ отъ передовыхъ его современниковъ. Оба они нуждались въ нравственной поддержкѣ со стороны другихъ лицъ, но не могли найти ея въ провинціальной средѣ. Оба они стояли гораздо выше окружавшей ихъ воронежской публики, но послѣдняя смотрѣла на нихъ свысока и, можно сказать, отравляла ихъ жизнь. На Кольцова писали пасквили, Никитина обвиняли въ писаніи пасквилей; Кольцовъ разошелся въ своихъ убѣжденіяхъ съ мѣстной интеллигенціей и между ними установились вполне враждебныя отношенія; мнѣнія Никитина вполне совпадали съ ея мнѣніями, но ревностная не по разуму опека друзей отзывалась на немъ.

тоже мучительно и была для него источникомъ сильныхъ нравственныхъ страданій. И Кольцовъ, и Никитинъ бились, какъ рыба объ ледъ, чтобы обезпечить себя матеріально. Оба они рано нажили чахотку—болѣзнь, столь обыкновенную на ихъ родинѣ, — оба они страдали въ своихъ семействахъ, и даже передъ смертью не могли найти въ нихъ ни спокойствія, ни утѣшенія...

С. Ставринъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Характеръ. Сочиненіе Самуэля Смайльса, автора книги «Самодѣтельность». Пер. съ англійскаго С. Майковой. Спб. 1874.

Новая книга Смайльса найдетъ, вѣроятно, не мало поклонниковъ, ищущихъ въ чтеніи пріятнаго препровожденія времени и веселыхъ, разнообразныхъ ощущеній. Ея отличительныя качества — занимательность и удивительный подборъ анекдотовъ и пестрыхъ біографическихъ эпизодовъ, сопровождаемыхъ самой неголоволомной, прописной моралью, которая едва оставляетъ въ васъ слѣдъ и, такъ-сказать, таеъ въ самый моментъ прикосновенія къ вашему уму. И чѣмъ серьезнѣе понимаете вы тѣ задачи, разрѣшенія которыхъ естественно ожидаете найти въ подобномъ сочиненіи, тѣмъ веселѣе дѣлается вамъ при чтеніи книги Смайльса. Вы видите передъ собой веселаго, добродушно-болтливаго рассказчика, который поучаетъ міръ съ наивной вѣрой въ непогрѣшимость своей односторонней, хотя многолѣтней опытности. и свой личный авторитетъ противопоставляетъ сложнымъ выводамъ науки и вѣковой работѣ человѣческой мысли. Впрочемъ, мы думаемъ, что настоящее сочиненіе англійскаго моралиста все-таки удачнѣе его прежнихъ произведеній или, по крайней мѣрѣ, оно не такъ рѣзко расходится съ здравымъ смысломъ. Повидимому, оно предназначено для юношества и написано для поощренія и развитія въ немъ твердаго характера, любви къ труду, мужества, самообладанія, правдивости, сознанія долга и прочихъ добродѣтелей. Мы говоримъ «повидимому», потому что авторъ не говоритъ прямо, для кого писалъ онъ свою книгу, и иногда прибѣгаетъ къ такимъ размышленіямъ, примѣрамъ и доказательствамъ, какъ-будто онъ желаетъ воздѣйствовать на людей взрослыхъ, какъ онъ старался объ этомъ въ своей «Самодѣтельности». Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ основаніе предполагать, что авторъ имѣлъ въ виду преимущественно молодыхъ читателей съ неокрѣпшимъ характеромъ и эмбриональной нравственностью. Ошибка вообще всѣхъ моралистовъ состоитъ

въ томъ наивношъ убѣжденіи, будто нравственности можно научиться такъ-же, какъ латинскому или греческому языку. Они не понимаютъ, что сложившійся характеръ есть сила въ обоихъ случаяхъ,—и тогда, когда онъ хорошъ, и тогда, когда онъ дурень—сила, обуславливаемая въ своемъ развитіи не поученіями и фразами, а безчисленнымъ множествомъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ житейской практики. Почему Смайльсъ думаетъ, что образцы высокихъ характеровъ, которые онъ изображаетъ въ своей книгѣ, должны пошатнуть или разрушить низкій и предосудительный характеръ какого-нибудь изъ его читателей? Какого-бы свойства ни былъ характеръ, но если только онъ характеръ, если нравственное существо человѣка успѣло окрѣпнуть и выразиться въ формѣ опредѣленныхъ привычекъ и наклонностей. о его можетъ измѣнить въ ту или другую сторону только дѣйствительная жизнь, а не сухая и голая мораль. Вотъ почему мы охотнѣе предполагаемъ, что Смайльсъ велъ свою бесѣду скорѣе съ дѣтьми, чѣмъ со взрослыми, хотя сочиненіе его нельзя назвать вполне подходящимъ ни для тѣхъ, ни для другихъ. Онъ слишкомъ мало приписываетъ воспитательнаго вліянія окружающей обстановкѣ, онъ ставитъ мертвое слово морали выше жизни, и на всѣ его назидательные совѣты можно отвѣтить словами человѣка, который, поставивъ котелъ на раскаленную плиту, сказалъ-бы ему: «теперь, котелъ, ты не смѣй кипѣть». Здѣсь такъ-же бессильно слово, какъ бессильны наставленія Смайльса, противопологающаго свою книгу бурному потоку жизни. Мы не говоримъ уже о тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, которые, по сознанию самого Смайльса, «не подлежатъ ученію моралистовъ». «Такъ, наприимѣръ, рассказываетъ онъ,—одинъ несчастный, истощенный труднымъ пищевареніемъ, обратился къ врачу-специалисту и изложилъ ему свою болѣзнь. «О! сказалъ медикъ,—вамъ всего нужнѣе отъ души посмѣяться; подите и посмотрите Гримальди». — «Увы, отвѣчалъ несчастный меланхоликъ,—я самъ Гримальди». Книга Смайльса содержитъ безчисленное множество подобнаго рода анекдотовъ, ограничивающихъ смыслъ его ученія, но, что всего удивительнѣе, Смайльсъ, балансировавшій съ нѣкоторымъ искусствомъ на своемъ излюбленномъ канатѣ втеченіи всей книги, на послѣднихъ ея страницахъ незамѣтно для самого себя опровергаетъ въ самомъ основаніи свои назиданія. Заключительная глава его книги служитъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ всѣхъ ея предшествовавшихъ главъ безъ исключенія. Авторъ вездѣ употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы доказать воспитательное значеніе хорошаго примѣра, и для развитія доброй нравственности предлагаетъ, какъ единственное средство, подражаніе людямъ добродѣтельнымъ, но вдругъ, дойдя до заключенія, онъ объявляетъ, что стремленіе подражать высокимъ образцамъ нравственности еще недостаточно, но необходимо для каждаго человѣка пройти болѣе или менѣе суровую школу жизни и испробовать свои силы въ борьбѣ съ препятствіями въ столкновеніяхъ какъ съ людьми пріятными, такъ и непріятными

Сообщество добрыхъ людей намъ полезно, но сообщество злыхъ людей также полезно, зрѣлище добродѣтели спасительно, но зрѣлище порока не менѣе спасительно. Это не случайная погрѣшность, но ошибка, коренящаяся въ самомъ основаніи мировоззрѣнія. Такъ называемая система *закаленія*, которую рекомендуетъ Смайльсъ, опасна и сомнительна по своимъ результатамъ, примѣняется-ли она къ физическому организму или къ выработкѣ нравственнаго характера. Мы видимъ на каждомъ шагу грустныя послѣдствія такого закаленія въ видѣ тѣхъ черствыхъ, озлобленныхъ, желчныхъ, судорожныхъ характеровъ, которымъ можно противопоставить физическія уродства и разнаго рода тѣлесныя недуги. Впрочемъ, кромѣ избытыхъ и теперь уже неизбѣющихъ смысла фразъ и пустыхъ примѣровъ Смайльсъ не можетъ сказать ничего серьезнаго въ пользу защищаемыхъ имъ воззрѣній отвлеченной морали. Онъ отдѣляется изрѣченіями въ родѣ такихъ: «какъ кометы иногда открываются *затмѣніями* (?), такъ герои нерѣдко вызываются неожиданными бѣдствіями», или: «подобно тому, какъ камень производитъ искру не иначе, какъ ударившись о желѣзо, такъ и гений въ извѣстныхъ случаяхъ, чтобы вызвать въ немъ божественную искру, тоже требуетъ сильнаго толчка неожиданнаго несчастія», «борьба есть условіе побѣды» и пр. Мы не знаемъ, кого могутъ убѣдить эпизоды и анекдоты, собранныя Смайльсомъ для иллюстраціи своихъ блѣдныхъ идеекъ, но нѣкоторые изъ его анекдотовъ характеристичны во многихъ отношеніяхъ. Смайльсъ рассказываетъ, что одинъ великій музыкантъ сказалъ разъ о талантливой, но безстрастной пѣвицѣ: «она поетъ хорошо, но ей чего-то недостаетъ, а въ этомъ что-то заключается все. Если-бъ я былъ холостой, я-бы сталъ за ней ухаживать, женился-бы на ней, мучилъ-бы ее, разбилъ-бы ей сердце — и черезъ шесть мѣсяцевъ она была-бы величайшей пѣвицей въ Европѣ». Пусть великій музыкантъ будетъ правъ, хотя сомнительно, чтобы «безстрастной» пѣвицѣ такъ легко можно было разбить сердце, но если разбитое сердце составляетъ одно изъ необходимыхъ условій хорошаго пѣнія, то въ какое-же отношеніе становится оно къ нашимъ понятіямъ о человѣческой нравственности и какими глазами мы взглянемъ на разбитое сердце не на подмосткахъ сцены, а среди нашей повседневной жизни. Такъ какъ мы не считаемъ себя компетентными въ вопросѣ о «хорошемъ пѣніи», то и не можемъ съ достовѣрностью сказать читателю, нужно-ли для хорошаго пѣнія «разбитое сердце» или нѣтъ; это, конечно, прежде всего дѣло вкуса. Но далѣе Смайльсъ утверждаетъ, что для плодотворной умственной дѣятельности нужна бѣдность, и между прочими анекдотами онъ поясняетъ свои мысли слѣдующимъ: «Говорятъ, замѣчаетъ Смайльсъ,—что испанцы очень довольны тѣмъ, что Сервантесъ былъ бѣденъ, ибо, какъ они полагаютъ, иначе не появилось-бы его великихъ твореній. Когда архіепископъ толедскій посѣтилъ въ Мадридѣ француз-

скаго посланника, члены свиты этого послѣдняго, высказывая глубокое удивленіе къ автору «Донъ-Кихота», выразили желаніе познакомиться съ человѣкомъ, который доставилъ имъ такъ много удовольствія. Въ отвѣтъ имъ было сказано, что Сервантесъ служилъ отечеству своимъ оружіемъ и что теперь онъ старъ и бѣденъ. «Какъ! воскликнулъ одинъ изъ французовъ,—неужели обстоятельства сеньора Сервантеса не хороши? такъ отчего-же не помогутъ ему изъ казны?»—«Боже избави! отвѣчали ему,—помочь его бѣдности, ибо нужда заставляетъ его писать. Его бѣдность обогащаетъ міръ». Неудивительно, что во времена Сервантеса невѣжественная Испанія держалась такихъ понятій. Читатели «Дѣла», безъ сомнѣнія, помнятъ превосходныя изслѣдованія женевского ученаго Альфонса Де-Кандоля, которыя доказали, что бѣдность служить главнѣйшимъ тормазомъ прогресса мысли и что наибольшая масса ученыхъ выходила изъ среды людей богатыхъ. Понятно, что и къ изящной литературѣ долженъ примѣняться до нѣкоторой степени тотъ-же законъ, сила котораго была еще болѣе чувствительна въ эпоху Сервантеса, когда умственный трудъ мало имѣлъ цѣны въ глазахъ общества и когда онъ не успѣлъ еще организоваться, какъ въ наше время, въ форму спеціальной профессіи, оплачиваемой вещественными благами. Стоитъ только нѣсколько остановиться на этой злосчастной теоріи жизненныхъ препятствій, чтобы понять и ея вредъ, и ея нелѣпость. Люди, которые утверждаютъ, будто бѣдность и матеріальныя лишенія не мѣшаютъ или даже снособствуютъ развитію талантовъ, любятъ ссылаться на такіе исключительные примѣры, какъ испанскій Сервантесъ или русскій Ломоносовъ, но всѣмъ намъ неизвѣстно, чтѣ-бы могли сдѣлать эти гениальные люди, если-бы они обладали богатствомъ. Можетъ быть, они гораздо легче развились-бы и оставили-бы по себѣ болѣе гениальныя произведенія. И гдѣ, спрашивается, должна остановиться эта спасительная бѣдность: должна-ли она преслѣдовать родителей или только дѣтей по достиженіи ими зрѣлаго возраста, или и тѣхъ, и другихъ одинаково? Проводя послѣдовательно теорію бѣдности, мы необходимо столкнемся съ этими вопросами, а въ такомъ случаѣ она должна сама собою рушиться, какъ это было-бы весьма легко доказать, если-бы только это не было всѣмъ понятно. Замѣтимъ лишь, въ дополненіе къ прекраснымъ изслѣдованіямъ Де-Кандоля, что главныя причины, задерживавшія научный прогрессъ на западѣ Европы, да и у насъ, заключаются въ обстоятельствахъ, которыя мѣшали непрерывности этого прогресса въ одномъ и томъ-же семействѣ. Въ извѣстномъ семействѣ существуетъ извѣстный матеріальный достатокъ, благодаря которому сынъ получаетъ не только надлежащее воспитаніе, но и получаетъ возможность посвятить себя научнымъ занятіямъ. Изъ этого сына вырабатывается ученый, который оставляетъ послѣ себя такое потомство, что члены его по самой природѣ своей чувствуютъ склонность къ занятіямъ наукой.

Но это второе поколѣніе, одаренное наслѣдственной склонностью къ умственному труду, не находитъ, однако, свободнаго досуга, такъ-какъ родитель, предаваясь умственному труду, только потреблялъ прежде пріобрѣтенныя богатства, а самъ не производилъ новыхъ. Но положимъ, что еще второе поколѣніе можетъ существовать на прежде добытыя средства, но за то на третьемъ поколѣніи они всегда истощаются, и потому-то, какъ показываютъ многочисленныя наблюденія, наслѣдственный талантъ нельзя прослѣдить дальше третьяго поколѣнія. Внукъ ученаго отца еще можетъ быть ученымъ и обнаружить талантъ, но за то, какъ видно изъ біографій многихъ ученыхъ, онъ влачитъ жалкое существованіе, его жизнь полна тяжкихъ лишеній и его дѣти, надѣленныя природнымъ талантомъ остаются безъ всякаго образованія или стараются избрать себѣ какую-либо выгодную профессію, которая отклоняетъ ихъ отъ умственнаго труда, а потому они и оставляютъ послѣ себя потомство, въ значительной степени утратившее первоначальную силу таланта и склонности къ умственнымъ занятіямъ. Мы хотимъ лишь противопоставить этотъ сложный процессъ образованія талантовъ той пресловутой системѣ препятствій, которая, по мнѣнію Смайльса, создаетъ гениа, такъ-сказать, по щучьему велѣнію. Не бѣдность, но, напротивъ, богатство является стимуломъ и неизбѣжнымъ условіемъ творчества, и при томъ вліяніе этого богатства должно обнаруживаться втеченіи продолжительнаго времени, иногда нѣсколькихъ столѣтій, въ одномъ и томъ-же родѣ.

Въ сочиненіи Смайльса есть, однако, нѣсколько главъ которыя могутъ быть прочитаны съ нѣкоторой пользой читателями, которые и не раздѣляютъ общихъ взглядовъ почтеннаго автора. Жаль только, что Смайльсъ слишкомъ увлекся фактической стороной своего труда; она вышла у него весьма интересной и полной, но, торопясь собрать возможно большую массу біографическихъ эпизодовъ и анекдотовъ, онъ недостаточно осмыслилъ ее общими выводами. Въ главѣ о воспитательномъ вліяніи семьи Смайльсъ констатируетъ многочисленными примѣрами силу домашняго воспитанія на развитіе нравственной природы дѣтей. Здѣсь Смайльсъ постоянно повторяетъ извѣстный каждому педагогу фактъ, что впечатлѣнія дѣтства имѣютъ самое рѣшительное вліяніе на всю остальную жизнь человѣка. Но Смайльсъ, какъ и большая часть педагоговъ, оставляетъ безъ объясненія этотъ общеизвѣстный фактъ. Почему, спрашивается, нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ ребенкомъ въ семьѣ, оставляютъ въ его душѣ болѣе глубокіе слѣды, — оставляютъ въ то время, когда его природа находится еще въ зародышевомъ состояніи, — чѣмъ 50 лѣтъ зрѣлой и разумной жизни? Почему для человѣка минута дѣтства важнѣе года зрѣлаго возраста или старости? Наука не такъ давно объяснила этотъ фактъ физиологическими условіями развитія человѣческаго организма. Оказывается, что въ возрастѣ между 1-мъ и 5-мъ годами жизни организмъ совершаетъ наи-

большій шагъ по пути фізіологическаго развитія, это пора самаго энергическаго метаморфоза въ тѣлѣ, въ особенности въ нервной системѣ и головномъ мозгѣ. Изъ слѣдующей таблицы читатель увидитъ, какъ развивается человекъ въ различные періоды жизни, при чемъ за мѣрило этого развитія принять вѣсъ тѣла, какъ выраженіе производительныхъ силъ организма. (За единицу вѣса принять вѣсъ новорожденнаго.)

Возрастъ.	Мужчина.	Женщина.
0	1,000	1,000
5	4,928	4,935
10	7,663	8,083
15	13,631	13,872
20	18,769	17,966
30	19,891	18,670
40	19,897	18,980
50	19,831	19,299
60	19,357	18,660
70	18,600	17,701
80	18,072	16,966

Эта таблица несравненно важнѣе для педагога и гораздо больше объяснить ему, чѣмъ сотни страницъ теоретическихъ разглагольствованій.

Главное условіе рачіональной системы педагогики состоитъ въ томъ, чтобы она вела дѣло воспитанія параллельно физическому развитію организма. Каждый педагогъ долженъ сообразоваться прежде всего съ возрастомъ ребенка и возможно полнѣе примѣнять свои приемы и методъ къ естественнымъ требованіямъ. Изъ вышеприведенной таблицы мы видимъ, что ребенокъ дѣлаетъ самый громаднй шагъ по пути фізіологическаго развитія между первымъ и пятымъ годами рожденія, и этотъ-то періодъ энергическаго и интенсивнаго измѣненія организма долженъ привлекать особенное вниманіе педагога. Можно сказать, что въ этомъ періодѣ по преимуществу формируется человекъ; въ послѣдующіе годы организмъ измѣняется уже далеко не такъ быстро: между 5 и 10 годами силы ребенка приращаются всего на 1,5 у мальчиковъ и на 1,6 у дѣвочекъ; затѣмъ приращеніе силъ снова усиливается между 10-лѣтнимъ и 15-лѣтнимъ возрастомъ, доходя до 1,7 у обоихъ половъ, а потомъ приращеніе падаетъ до 1,3 у мальчиковъ (и до 1/2 у дѣвочекъ) въ промежуткѣ между 15 и 20 годами. Изъ этихъ чиселъ видно, что самый критическій періодъ въ жизни дѣтей—первое пятилѣтіе, а затѣмъ промежутокъ между 15 и 20 годами. Въ это время организмъ запасается наибольшимъ количествомъ физическихъ силъ, и потому въ эти періоды по преимуществу нужно обращать вниманіе на физическій уходъ, на правильнй способъ питанія и гимнастическія упражненія. Въ особенности пища, предлагаемая ребенку, должна привлечь къ себѣ всѣ заботы воспитателя. Объяснимъ конкретнымъ примѣромъ пользу приведенной таблицы въ дѣлѣ

выбора пищи для дѣтей. Положимъ, что новорожденный ребенокъ съѣдаетъ ежедневно $\frac{1}{10}$ часть фунта пищевыхъ веществъ, въ такомъ случаѣ пятилѣтній ребенокъ долженъ съѣдать почти въ 5 разъ больше, т. е. $\frac{1}{2}$ фунта; десятилѣтній ребенокъ нуждается въ $\frac{3}{4}$ ф.; 15-лѣтній требуетъ 1 ф. и 26 золотниковъ и, наконецъ, 20-лѣтній— $1\frac{1}{2}$ ф. и 15 золотниковъ. Изъ таблицы, которую мы привели, можно почерпнуть еще множество другихъ указаній, напр., на поразительное сходство въ физическомъ развитіи мальчиковъ и дѣвочекъ до 15 лѣтъ, на старость у мужчинъ и женщинъ, на отношеніе между періодомъ половой зрѣлости и физическимъ развитіемъ и пр., но касаться всѣхъ этихъ вопросовъ мы не находимъ возможнымъ въ коротенькой рецензіи.

Въ главѣ о вліяніи семьи Смайльсъ очень много распространяется о той роли, которую играетъ мать въ развитіи ребенка. И здѣсь онъ не идетъ дальше общезвѣстныхъ фактовъ и всѣми признанныхъ положеній, но въ наше время бесполезно по этому вопросу напоминать читателямъ и старину. Смайльсъ указываетъ на то обстоятельство, что многіе замѣчательные люди имѣли замѣчательныхъ матерей. Это, конечно, не ново, но любопытно, что въ Англии всѣ классы общества глубоко убѣждены въ существованіи строгой зависимости между характеромъ дѣтей и характеромъ матери. «Эта истина, замѣчаетъ министръ Түффнелъ въ одномъ изъ своихъ школьныхъ отчетовъ,—такъ установилась въ общемъ сознаніи, что ею даже стали руководствоваться въ коммерческихъ расчетахъ. Я узналъ, говоритъ онъ,—что въ большой конторѣ, гдѣ работало много дѣтей, хозяева, прежде чѣмъ нанять на работу ребенка, всегда спрашивались о характерѣ его матери; если этотъ послѣдній былъ удовлетворителенъ, то существовала достаточная увѣренность, что ребенокъ будетъ вести себя хорошо. На характеръ отца не обращаютъ вовсе никакого вниманія». Всѣ свои примѣры Смайльсъ приводитъ въ доказательство того, что великіе люди обязаны своимъ характеромъ и даже умственными качествами матерямъ, но это положеніе только тогда получаетъ практическое значеніе, если мы вспомнимъ не только о тѣхъ исключительныхъ личностяхъ, на которыхъ указываетъ Смайльсъ, но и о большинствѣ людей, обязанныхъ своими недостатками невѣжественнымъ и неразвитымъ матерямъ.

Въ заключеніе нашей рецензіи мы должны замѣтить, что русское изданіе сочиненія Смайльса не совсѣмъ опрятно и довольно дорого (2 р.), если принять во вниманіе очень плохую бумагу, на которой оно напечатано. Переводъ также не отличается хорошими качествами; онъ тяжелъ и мѣстами неправиленъ, и потому едва-ли полезно назначать книгу Смайльса, въ изданіи г. Плотникова, въ подарокъ гимназистамъ и ученикамъ, которыхъ полезно прежде всего пріучать къ правильному русскому языку.

Наши землепроходцы (Разказы о заселеніи Сибири). Д. Садовникова.
Изд. народнаго журнала «Грамотѣй». Москва, 1874 г.

Подъ этимъ страннымъ заглавіемъ описаны ратные подвиги тѣхъ русскихъ воеводъ, память о которыхъ едва сохранилась въ историческихъ актахъ, но которымъ Россія обязана громаднымъ расширеніемъ своей территоріи за предѣлы Уральскихъ горъ и до береговъ Великаго океана. Несмотря на странность заглавія этой книжки, она въ сущности жѣтко характеризуетъ тотъ способъ, которымъ пріобрѣтена была Сибирь. Въ самомъ дѣлѣ, нужно было только пройти эту обширную полосу земли отъ одного конца до другого, чтобы затѣмъ счесть ее своею и взять то, что почти никому не принадлежало, кромѣ дикихъ звѣрей и нѣсколькихъ туземныхъ племенъ, разбѣгавшихся во всѣ стороны при одномъ видѣ вооруженнаго чужеземца. Громадная мѣстность завоевывалась какими-нибудь десяткомъ-двумя казаками, которые шли впередъ безъ опредѣленнаго плана и съ единственною цѣлью искать какихъ-нибудь «новыхъ земельцъ», брать *масахъ* со встрѣчныхъ людей и «приводить ихъ подъ высокую государеву руку». Только одинъ Ермакъ располагалъ кой-какою боевою силой; онъ вель съ собой 500 ратниковъ и съ ними, безъ сомнѣнія, ему легче было совершить свои подвиги и прославить свое имя, чѣмъ тѣмъ неизвѣстными, но мужественными и энергичными людямъ, которые уходили въ самую глубину неизвѣданной страны съ ничтожною кучкой товарищей. На пути они терпѣли всевозможныя невзгоды, умирали съ голоду или подвергались истязаніямъ своихъ атамановъ. Въ челобитныхъ, которыя посылались въ Москву служилыми людьми, встрѣчаются постоянныя жалобы на «нужу» и «казацкое горе». «Царь, государь, смилуйся, пожалуй! писали казаки въ Москву изъ далекихъ сибирскихъ тундръ:—мы, холопи твои, въ конецъ раззорены и пограблены, голодны, кормишь нужны, ѣдимъ заморную рыбу *кету*». Въ другой челобитной говорится: «а будучи на твоей государевой службѣ недѣль по тридцати и больше, ободралися мы, холопи твои, на тѣхъ твоихъ государевыхъ дальнихъ службахъ, наги и босы. И будучи, государь, на твоей государевой службѣ, всѣ топоренки приломали. а новыхъ намъ, государь, холопамъ твоимъ, купить нечѣмъ», и почти всякая челобитная оканчивалась словами: «мы, холопи твои, нужны и бѣдны», «отъ иноземцевъ много приняли ранъ и смертнаго убойства, а отъ моря приняли много потопу». Зайдя въ глухую и совершенно безлюдную мѣстность, казаки нерѣдко кормились по дорогѣ сосной и кореньями. Въ одной челобитной, посланной ими въ Москву, они, между прочимъ, писали: «Служилыхъ людей Поярковъ (атаманъ) билъ и мучилъ напрасно и, пограбя у нихъ хлѣбные запасы, изъ острожка ихъ вонъ вы-

билъ и велѣлъ имъ идти ѣсть убитыхъ иноземцевъ, и служилые люди, не желая напрасно смертью помереть, съѣли многихъ мертвыхъ иноземцевъ и служилыхъ людей, которые съ голоду померли, и приѣли человекъ съ 50». Сильно терпѣли казаки и отъ своихъ атамановъ, дикое своеволие которыхъ не имѣло никакихъ границъ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что казаки, отличавшіеся духомъ независимости и свободолюбія, терпѣли истязанія вдали отъ всякаго суда и возможной расправы за возмездіе, на которое вызывали ихъ несправедливость и жестокость атамановъ. Но казаки ограничивались лишь жалобами московскимъ властямъ и челобитными, на которыя отвѣтъ приходилъ не ранѣе двухъ лѣтъ. Въ особенности свирѣпствовалъ между казаками вышеупомянутый атаманъ Поярковъ, который, по словамъ челобитной, собственноручно убивалъ людей, приговаривая: «не дороги они, служилые люди! Десятнику цѣна 10 денегъ, а рядовому—2 гроша!» Въ другой челобитной казаки писали: «Терпѣли мы и отъ прежняго воеводы, терпѣли напрасно и кнутъ, и огонь, и всякій позоръ, наготу и голодъ». У воеводы, на котораго жалуются челобитная, батоги были, по описанію, въ полтора аршина длины, а толщиной въ ручной палецъ: «какъ учнетъ кого бить батоги (т. е. батогами), безъ вины измещаячи сердце свое, и товарищи его учнутъ бить челомъ и онъ пуще бьетъ» (стр. 105). Но и казаки, по свидѣтельству лѣтописцевъ, обращались не лучше съ покоренными туземцами; нѣкоторыя маленькія племена были истреблены до послѣдняго человекъ, многіе инородцы искали спасенія отъ завоевателей въ лѣсахъ и тундрахъ, гдѣ и погибали. Въстѣ съ пришлымъ населеніемъ были внесены въ полудикую страну всѣ недостатки и пороки тогдашняго русскаго общества. Въ 1617 году въ Сибири открылись кружечные дворы и развелось повсемѣстное пьянство, такъ что уже въ 1622 году на это жаловался патриархъ Филаретъ въ письмѣ къ тобольскому архіепископу Кипріану, которому онъ указывалъ, между прочимъ, на то, что «въ Сибири казаки крестовъ не носятъ, постныхъ дней не хранятъ, живутъ съ некрещеными женами, при отъздѣ закладываютъ ихъ на срокъ, а если нечѣмъ выкупить, такъ на другихъ женятся»...

Г. Садовниковъ рассказываетъ очень много эпизодовъ изъ исторіи заселенія Сибири; рассказъ его весьма обстоятеленъ, мѣстами довольно живой, мѣстами-же сухъ и содержитъ не мало скучныхъ повтореній, что зависитъ, впрочемъ, отъ самаго свойства предмета. Почти всѣ подвиги казачьихъ атамановъ, отправлявшихся за поисками *новыхъ земель*, похожи одинъ на другой и совершались въ одномъ и томъ-же направленіи: пришла горсть казаковъ, завидѣла толпу инородцевъ, выстрѣлила по нимъ разъ-другой и овладѣла необъятнымъ пространствомъ земли, о чемъ и посылалась грамота въ Москву съ приложеніемъ *ясака* или подати въ видѣ соболіныхъ, лисьихъ или бобровыхъ шкуръ. Завоеватели, чтобы закрѣпить за собою новую землю, наскоро *рубил* городокъ, и это было, конечно,

самымъ важнымъ и похвальнымъ подвигомъ сибирскихъ «землепроходцевъ». Въ городкѣ и основывались завоеватели, а за ними шла новая толпа казачковъ, которая устремлялась дальше и продолжала въ томъ-же порядкѣ дѣло заселенія Сибири и покоренія ея и безъ того покоренныхъ и побѣжденныхъ суровой природой обитателей. Въ заключительной главѣ г. Садовниковъ бросаетъ общій взглядъ на природу Сибири и характеръ главнѣйшихъ дикихъ племенъ, съ которыми сталкивались казаки. Но мы должны замѣтить, что эта глава весьма неудачна, чтобъ не сказать болѣе. Г. Садовниковъ пускается тутъ совершенно некстати въ скучныя разсужденія о причинѣ и слѣдствіи и притомъ говоритъ вовсе не народнымъ, во какимъ-то книжнымъ языкомъ, прибѣгаетъ къ весьма страннымъ и даже нелѣпнымъ сравненіямъ и вообще мудрствуетъ не по разуму. Такъ въ одно мѣстѣ, г. Садовниковъ, желая объяснить, почему въ Сибири холодно, нежду прочимъ, говоритъ: «Предположимъ, что вы знаете, какъ застываетъ все и сжимается отъ сильнаго холода; можетъ быть, вамъ это въ первый разъ пришло на умъ при сравненіи своихъ покраснѣвшихъ на морозѣ рукъ съ руками, распаренными въ теплой комнатѣ. (!!!). Послѣ пришлось объ этомъ еще прочесть (гдѣ вы сами-то читали объ этомъ?), и вотъ вы, такимъ образомъ, изъ опыта и изъ книги узнали одинъ законъ природы, на основаніи котораго и отвѣтили, что Ледовитое море, его льды и вѣтры дѣлаютъ тундры безжизненными» (стр. 161). Далѣе г. Садовниковъ дѣлается еще болѣе загадочнымъ въ своихъ объясненіяхъ и уподобленіяхъ; примѣры его или смѣшны, или невозможны. Такъ, на стр. 163 г. Садовниковъ поучаетъ, что есть люди, которые однимъ ударомъ кулака могутъ пробить печку или отбить уголь у избы (!); но особенной неуѣдностью отличаются объясненія г. Садовникова на послѣдней страницѣ, гдѣ онъ указываетъ на цѣль, съ которою написаны его историческіе рассказы. Сколько мы могли догадаться, цѣль эта сама по себѣ весьма разумна такъ-какъ г. Садовниковъ, повидимому, желалъ побѣдить въ своихъ мало развитыхъ читателяхъ (онъ писалъ свою книгу для народа) индеферентное отношеніе къ явленіямъ окружающей и исторической жизни и старался пробудить въ нихъ стремленіе отыскивать причины этихъ явленій. Намѣреніе достойное всякаго уваженія, какъ видятъ читатели, но г. Садовниковъ взялся за свои объясненія такъ неискусно, что, по всей вѣроятности, немногіе поймутъ его. Онъ начинаетъ издалека и въ своихъ усиліяхъ высказаться поистинѣ уморителенъ. «Въ русскомъ языкѣ, приступаетъ г. Садовниковъ, — есть одно, часто употребляющееся слово: *такъ*. Нерѣдко приходится его слышать при разныхъ случаяхъ. Видите, напримѣръ, вы, что человекъ боленъ и говорите своему знакомому, что онъ, вѣрно, вчера простудился. потому что, напившись чаю, вышелъ на вѣтеръ. Вамъ отвѣчаютъ, что это *такъ*. Ребенокъ кричитъ благимъ матомъ и мать говоритъ нянькѣ: «поищи, нѣтъ-ли на немъ блохи, что онъ такъ кричитъ», — а нянька совер-

шенно спокойно отвѣчаетъ: «такъ что-нибудь». — И къ чему тутъ было хитрить, прибѣгать къ блохамъ, къ русскому языку и пр., когда все это можно было объяснить прямо въ нѣсколькихъ словахъ?

Записки еврея. Г. Богрова. Въ двухъ частяхъ. Спб., 1874 г.

Мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ читателямъ, интересующимся еврейскимъ вопросомъ, «Записки» г. Богрова. Въ настоящее время литература этого вопроса обогатилась разнообразными изслѣдованіями и журнальными статьями, въ которыхъ, съ различныхъ сторонъ, обсуждается судьба еврейскаго народа, но, благодаря двумъ своимъ особенностямъ, «Записки» г. Богрова рѣзко выдѣляются изъ массы однородныхъ произведеній. Г. Богровъ облекъ свои рассказы въ живую литературную форму и относится къ явленіямъ еврейской жизни не только какъ человѣкъ мыслящій, но и какъ художникъ, добросовѣстно воспроизводящій дѣйствительность въ ея реальной простотѣ. Кто знакомъ сколько-нибудь съ бытомъ русскихъ евреевъ, тотъ охотно повѣритъ г. Богрову, что онъ не увлекался вымысломъ, но передавалъ факты и событія этихъ фактовъ такъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ, и мы имѣемъ основаніе думать, что большая часть была пережита имъ самимъ. Беллетристическій талантъ, которымъ несомнѣнно обладаетъ г. Богровъ, былъ употребленъ имъ лишь на то, чтобы ближе подойти къ жизненной правдѣ и рельефнѣе очертить темную среду еврейства во всей неприкрашенной наготѣ ея мелкихъ, но типичныхъ аксессуаровъ, давившихъ сколько-нибудь мыслящаго человѣка, какъ тяжелый кошмаръ, который, по выраженію г. Богрова, «лишала даже возможности облегчить грудь крикомъ или движеніемъ». Спокойный, нѣсколько холодный тонъ хроники г. Богрова не мѣшаетъ ему порой возвышаться до неподдѣльнаго драматизма, иногда смѣняющагося тѣмъ грустно-задумчивымъ юморомъ, который отравляютъ вашу беззаботную улыбку горечью видимыхъ слезъ и страданій. Быть можетъ, лучшимъ доказательствомъ правдивости «Записокъ» г. Богрова служатъ тѣ порицанія, которыми уже успѣшили наградить автора его единовѣрцы. Порицанія эти выражались, по словамъ автора, въ формѣ разныхъ изустныхъ, письменныхъ и печатныхъ отзывовъ. «Зачѣмъ выносить соръ изъ родной избы?» упрекали одни. «Къ чему поднимать їдкую талмудійскую и кагальную пыль, отъ которой приходится намъ самимъ-же неприятно отчихиваться?» спрашивали другіе. «Правда, самая святая правда не всегда бываетъ полезна и безопасна», настойчиво доказывали третьи. «Достаточно порицаютъ насъ другіе. Къ чему еще порицать самихъ себя?» Были и такіе, которые не останови-

«Дѣло», № 3.

лись и предъ инсинуаціями и обвиняли автора въ намѣренномъ искаженіи фактовъ и въ какихъ-то доносахъ. Все это, конечно, грустно, но, съ другой стороны, все это только симптомы той именно болѣзни, которую описалъ авторъ въ своихъ «Запискахъ». Въ своемъ общемъ проявленіи болѣзни эта ничто иное, какъ боязнь критики и фанатическое охраненіе буквы своего отжившаго талмуда и давно погребеннаго преданія.

Другая особенность «Записокъ» г. Богрова состоитъ въ той точкѣ зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на прошедшее и настоящее своей націи. Это именно та точка, отъ которой и мы отправлялись въ своихъ сужденіяхъ о еврейскомъ вопросѣ. Новѣйшіе еврейскіе публицисты преисполнены весьма похвальнаго желанія завоевать своей націи общечеловѣческое мѣсто въ семьѣ христіанскихъ народовъ, но, стремясь къ этой цѣли, они обыкновенно ошибочно или узко смотрятъ на причины застоя этой умной и дѣятельной расы. Есть, впрочемъ, и такіе евреи, которые справедливо видятъ корень своихъ несчастій въ отсутствіи сочувствія къ нимъ со стороны христіанскаго общества, но они не понимаютъ или не желаютъ понять, что винить тутъ однихъ христіанъ не приходится: тутъ виноваты столько-же и сами евреи, признающіе чуть не религіознымъ догматомъ необходимость отчужденія отъ иновѣрцевъ. Увлекаясь защитой своей національности, еврейскіе публицисты доходятъ до абсурда и вопіющей лжи въ отрицаніи вполне справедливыхъ фактовъ и отзывовъ, касающихся темныхъ сторонъ еврейскаго быта. Простой, ясный для всякаго вопросъ о еврейскихъ реформахъ былъ запутанъ и, быть можетъ, отложенъ въ долгій ящикъ, благодаря именно этимъ публицистамъ, которые, вмѣсто того, чтобы настаивать на реформахъ, разсыпались въ нелѣпныхъ панегирикахъ своей націи. Они не только не признавали поголовнаго невѣжества своей націи, но, напротивъ, считали ее чудомъ образованности и гениальности. пересчитывали въ сотый разъ своихъ великихъ людей, «которыхъ для міру еврейская нація», восхваляли ея честность, когда каждый на себѣ испыталъ ея грубый эгоизмъ, удивлялись ея гуманности, тогда какъ она не переходила за предѣлы тѣснаго еврейскаго кружка или кагала. Разумѣется, общественное мнѣніе, оказывавшее въ началѣ, когда только возбужденъ былъ еврейскій вопросъ, явное расположеніе къ судьбѣ евреевъ, подъ конецъ рѣшительно было сбито съ толку безмысленной апологіей еврейскихъ публицистовъ. Какіхъ реформъ нужно еще евреямъ? невольно рождался вопросъ. На какія притѣсненія и невзгоды жалуются они, если это не помѣшало имъ выработать такія высокія качества, которыми въ можетъ похвалиться ни одна христіанская нація? Какъ-то трудно допустить, чтобы еврейскіе публицисты чистосердечно вѣрили въ свою апологію и искренно услаждались самовосхваленіемъ. Нѣтъ, они просто ошибались въ расчетѣ, вообразивъ, что та именно нація наиболѣе достойна всякихъ благъ, которая вполне обладаетъ ими. Признать свое несчастіе

стіе они считали равносильнымъ оттолкнуть собственноручно право на лучшую соціальную долю. Изъ этой системы безусловнаго самовосхваленія, принятой еврейскими публицистами, вытекаетъ масса практическихъ неудобствъ. Эта система положительно мѣшаетъ сближенію между евреями и инувѣрцами, и, вмѣсто того, чтобы возбуждать сочувствіе къ евреямъ въ необразованной массѣ христіанскаго населенія, только отталкиваетъ и ожесточаетъ ее. Нельзя отвергать, что въ этой массѣ живетъ традиціонное нерасположеніе къ нѣкоторымъ несимпатичнымъ чертамъ еврейской національности, которыя, впрочемъ, легко объяснить и, слѣдовательно, извинить. Но отрицаніе здѣсь, конечно, ничего не поможетъ, оно не въ состояніи колебать въ умѣ большинства убѣжденія, основаннаго на личномъ опытѣ; напротивъ, это отрицаніе сильнѣе вооружаетъ противъ человѣка, отрицающаго свои, для всѣхъ очевидные недостатки, потому что тутъ является естественная и невольная мысль, что эти недостатки вошли въ его плоть и кровь и онъ никогда не разстанется съ ними. Безъ сомнѣнія, тотъ, кто имѣлъ несчаствіе испытать на себѣ эти недостатки, какъ напр., малоруссы, бѣлоруссы или поляки, особенно должны отнестись къ нимъ неблагопріятно и бояться ихъ въ будущемъ. Г. Вогровъ рѣшился встать на совершенно иную почву. «Я расхожусь во мнѣніяхъ, говорить онъ въ заключеніи своихъ «Записокъ»,— съ тѣми новѣйшими еврейскими публицистами, которые, какъ кажется; задались нетрудною проблемою отрицать или игнорировать факты, вмѣсто того, чтобы, честно признавая ихъ, оправдать ихъ тѣмъ исторически-соціальнымъ, экономическимъ и фанатическимъ строемъ, который, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ единственный источникъ деморализаціи, какъ отдѣльных индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ группъ, и даже племенъ. Вмѣсто того, чтобы оглашать *безотвѣтную пустыню* жалобами, вздохами и воплями, вмѣсто того, чтобы всуе взывать къ какимъ-то заоблачнымъ оршеніямъ, цѣлесообразнѣе было-бы обратить вниманіе на родную почву, очистить ее отъ толстаго слоя сора, удобрить ее, обновить заржавленный, неуклюжій, вышедшій изъ употребленія плугъ, разумно вспахать родное поле и засѣять его плодоноснымъ зерномъ европейской культуры. Какъ очистить фанатическую почву? Какъ и чѣмъ удобрить? Какъ вспахать и посѣять?— вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ вполне достойно благородныхъ, добросовѣстныхъ публицистовъ, негоняющихся исключительно за пустыми симпатіями *своихъ*, непоющихъ вѣчные гимны и панегирики изъ-за нравственной или матеріальной подачки или просто изъ-за того, чтобы прослыть *голосистымъ бардомъ* въ полудикой деревнѣ». Г. Вогровъ, сколько намъ извѣстно, первый между пишущими евреями рѣшился вложить зондъ въ самое больное и чувствительное мѣсто еврейской національности— въ ея излюбленныя традиціи. Онъ направилъ свои удары противъ талмуда, на которомъ, дѣйствительно, зиждется весь строй еврей-

ской гражданственности, и вотъ почему первая операція, которую онъ произвелъ на больномъ тѣлѣ своихъ единовѣрцевъ, вызвала въ нихъ такіе отчаянные стоны и безсильный протестъ. Но въ интересахъ самихъ же евреевъ остается надѣяться, что это не остановитъ г. Богрова въ его полезной литературной дѣятельности; — при его беллетристическомъ талантѣ и правильномъ пониманіи вопроса, его перо можетъ принести нѣкоторую пользу его бѣдной націи.

Чай и вредъ его для тѣлеснаго здоровья: умственный, нравственный и экономической. А. Владимірова. Вильно, 1874 г.

Содержаніе этой брошюрки можно резюмировать въ короткихъ словахъ: „много шуму изъ-за пустяковъ“. Авторъ изъ-за чая поднялъ такую суматоху на своихъ 36-ти страничкахъ, что хоть святыхъ выноси! Невольно припоминаются слова какого-то французскаго философа, который сказалъ: „Какое счастье обладать умомъ: всегда найдешь сказать какую-нибудь глупость“. Весь умъ, все одушевленіе и энергія г. Владимірова сосредоточились на той фанатической проповѣди, которую онъ, ревнуя о благѣ своего отечества, подвѣялъ противъ чаепійцевъ. И вся сила этой проповѣди кроется или въ незнаніи, или въ преувеличеніяхъ, которыя иногда дѣлаютъ автора просто смѣшнымъ и, такимъ образомъ, лишаютъ его кредита въ глазахъ читателя, даже тогда, когда, видимо, онъ правъ. Со всякой сильно укоренившейся привычкой нужно обращаться умѣючи; повальное порицаніе ея ни къ чему не ведетъ и обыкновенно приписывается немудрствующимъ лукаво большинствомъ желанію автора навязать во что-бы то ни стало свой личный капризъ или прихоть своего темперамента. Убѣжденія такого автора считаются сомнительными, а ихъ горячность — забавнымъ задоромъ, которымъ не увлекаются, но любятъ издалека. И публика, которая отнесется подобнымъ образомъ къ г. Владимірову и его грозной филиппикѣ противъ чаепійцевъ, отчасти будетъ права. Г. Владиміровъ въ цѣломъ мірѣ ничего не видитъ, кромѣ чая, и ничего не признаетъ, кромѣ вреда его, вреда во всѣхъ отношеніяхъ: физическаго, умственнаго, нравственнаго и экономическаго. Нѣтъ такой человѣческой способности, которая не была-бы искажена употребленіемъ чая, нѣтъ такой точки въ тѣлѣ человѣка, которая не была-бы отравлена этимъ страшнымъ ядомъ! Всѣ пороки современнаго общества и, если угодно, всего человѣчества *en masse*, всѣ соціальныя бѣдствія, болѣзни, нищета, даже пьянство имѣютъ своимъ источникомъ чай. Если наша рецензія не понравится г. Владимірову, онъ.

конечно, припишетъ ее дѣйствию чая, но если-бъ ему извѣстно было, что мы не пьемъ чаю, онъ все-таки не отсталъ-бы отъ чая. ибо онъ замѣтилъ-бы намъ, что мы не испытали лично его вреда. — словомъ, для г. Владимірова вездѣ и во всемъ чай и все объясняется чаемъ. Представьте себѣ, что даже плохая литература. по мнѣнію г. Владимірова. есть ничто иное. какъ порожденіе чая. „Особенный родъ болтливости, порождаемой чаемъ, составляетъ болтовня литературная. Серьезные мыслители (sic!) тревожно смотрятъ на *бѣзмѣрное* (?) наводненіе литературъ цивилизованныхъ народовъ легкими произведеніями. извѣстными подъ именемъ беллетристики, *правильные* (!) — вымысла. Въ журналахъ, газетахъ, въ отдѣльныхъ книгахъ, милліонами листовъ издается этотъ вымыселъ, ложь, беспорядочное, болѣзненное порожденіе извращеннаго воображенія, изступленія ума... Для человѣка съ спокойнымъ, гармонически-уравновѣшеннымъ умомъ рѣшительно невозможны такіа болѣзненные произведенія“ (стр. 14). Эта тирада говоритъ сама за себя; изъ нея видно, какъ излишнее усердіе затемняетъ пониманіе наиболѣе простыхъ и справедливыхъ идей. Г. Владиміровъ гдѣ-то слышалъ, что чай развиваетъ воображеніе. Въ общемъ наблюденіе это справедливо, такъ-какъ нельзя провести строгой границы между разсудкомъ и воображеніемъ, но, выражаясь точнѣе, слѣдуетъ замѣтить, что употребленіе чая возбуждаетъ не столько воображеніе, сколько мыслительную силу; воображеніе-же разыгрывается больше отъ кофе, чѣмъ отъ чая (см. Мошотта, Рейха, Кленке и др.). Если-бъ ввести эту маленькую поправку въ разсужденія г. Владимірова, то она привела-бы какъ-разъ къ результатамъ противоположнымъ. Г. Владиміровъ, перечисляя вредныя послѣдствія отъ употребленія чая, говоритъ, что онъ порождаетъ: 1) лѣность къ физическому труду, 2) лѣность къ умственному труду, 3) болтливость, 4) легкомысліе (небрежность и безпечность въ практической жизни) и 5) развратъ, если не считать другихъ побочныхъ результатовъ употребленія чая. Лѣность къ умственному труду у чаепійць объясняется, по мнѣнію г. Владимірова, „непопѣрнымъ возбужденіемъ воображенія на счетъ другихъ умственныхъ силъ“. „Когда воображеніе, говоритъ онъ, — находится въ гармоническомъ соотношеніи съ разсудкомъ и памятью, то оно, безспорно, благодѣтельно; но когда оно преобладаетъ надъ ними, то дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ *серьезному умственному труду*“. Но кѣмъ-же это доказано? И почему мы должны вѣрить г. Владимірову на-слово больше, чѣмъ тому, кто будетъ утверждать, что чай развиваетъ не воображеніе, но именно разсудокъ, и если можно говорить о вредномъ вліяніи чая на психическія отравленія человѣка. то въ смыслѣ совершенно обратномъ выводамъ г. Владимірова? Чай усиливаетъ разсудочную способность человѣка — и только на это вы можете жаловаться, если это вамъ обидно. Что-же касается разврата, порождаемаго чаемъ, то и тутъ, напротивъ, мож-

но думать, что чай оказываетъ скорѣе спасительное дѣйствіе, если только есть какая-либо связь между чаемъ и развратомъ. Г. Владиміровъ ухитрился даже связать употребленіе чая съ самоубійствами, утверждая, что причину ихъ слѣдуетъ искать не „въ складѣ современнаго общества, который ничуть не хуже прежняго, не въ тяжестяхъ жизни, которыя не тяжелѣе прежнихъ, не въ нигилизмѣ, но въ самомъ человѣкѣ, въ его физиологическомъ складѣ, который образуется пищею и питьемъ и неотразимо дѣйствуетъ на духъ“. До какой степени можно пренебречь здравымъ смысломъ и логикой, увлекшись односторонней идеей, можно видѣть изъ дальнѣйшей аргументаціи г. Владимірова. „Но современный человѣкъ, продолжаетъ онъ,—ѣсть то-же, что ѣли и его предки, а пьетъ такое, чего не пили его предки,—чай и кофе,—и ими разстраиваетъ свое тѣло и духъ, иногда до степени самоубійства. *Нѣкоторые самоубійства* выказываютъ истинность этого до очевидности. Напр., бѣдный юноша *не выдержалъ въ школѣ экзамена*—и стрѣляется; бѣдная дѣвушка *поссорилась съ домашними*—и топится. Что, какъ не крайнее разстройство нервовъ, мозга и духа могло привести ихъ къ этому?“ (стр. 17). Чѣмъ объяснилъ-бы г. Владиміровъ самоубійства между крестьянами, которые не пьютъ чая и не потакаютъ, какъ онъ выражается, „брюховности?“ Преувеличены также соображенія г. Владимірова и относительно экономическаго вреда чая уже потому, что его пьютъ лишь достаточные классы, и, слѣдовательно, смѣшно утверждать, что чай „ослабляетъ рабочія силы“. „Не могу себѣ представить ничего мизерабельнѣе семейства, завтракающаго чаемъ! восклицаетъ г. Владиміровъ.—*Стаканъ или чашка кипятку (беру minimum), настоеннаго на щепоткѣ чайнаго листа, подслащеннаго кусочкомъ сахара, съ кускомъ хлѣба на каждого члена и ничего больше...* Лучше было-бы этому семейству, вмѣсто мизерабельнаго пойла, по тарелкѣ жидкаго овсянаго супа съ чернымъ хлѣбомъ или даже просто по куску хлѣба съ водой“. И затѣмъ г. Владиміровъ слезно умоляетъ Россію вернуться къ „домашнему быту нашихъ предковъ въ до-чайный періодъ“, когда „пива и меду было въ изобиліи“, когда по деревнямъ „крестьяне сами варили себѣ *котельное пиво* въ складчину“, когда продавались „ячные квасы съ хмѣлемъ“ и „янтарные меда“, предъ которыми, говоритъ г. Владиміровъ,—кликло и редереръ (даже и не рижской фабрикаціи) могутъ быть названы бурдой“. Видите-ли, какимъ ѣдкимъ, негодующимъ языкомъ проповѣдуетъ мы, когда нужно заклеить вѣчнымъ позоромъ китайскій „брандохлысть“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ г. Владиміровъ, для вѣщей убѣдительности, начинаетъ говорить даже стихами, въ родѣ такихъ, напримѣръ:

Кто пьетъ чай,
Тотъ спасенія отчай,

а въ другомъ мѣстѣ, указывая на обычай взшихъ отцовъ, онъ говоритъ, что люди

Не барскаго роду
Пили воду.

Но повстинѣ страшень становится г. Владиміровъ, когда онъ обращается съ своимъ патетическимъ панегирикомъ къ сбитню. „Болѣе обыкновеннымъ, общимъ напиткомъ, особенно въ зимнее время, былъ сбитень, говоритъ г. Владиміровъ. — Какъ въ богатыхъ, такъ и въ небогатыхъ семействахъ сбитень былъ любимымъ *завтрачнымъ* питьемъ дѣтей. Еще не очень давно въ нѣкоторыхъ публичныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ давали воспитанникамъ сбитень. Но уже чай напиралъ со всѣхъ сторонъ, и воспитанники обижались, что ихъ поятъ такимъ плебейскимъ питьемъ, какъ сбитень. Вѣроятно, въ настоящее время онъ повсюду уже замѣненъ „аристократическимъ“ чаемъ. Ха-ха-ха!..“ (стр. 22). Что выражаетъ собою этотъ смѣхъ — трудно и понять, также, какъ трудно понять и дальнѣйшій рядъ разсужденій, которыя приводятъ г. Владимірова къ убѣжденію, что пьянство всегда будетъ идти рука объ руку съ употребленіемъ чая. „Любопытно, говоритъ онъ, — что оба эти питья (чай и сивуха), враждебные межу и сбитню, между собою живутъ мирно: въ харчевняхъ и трактирахъ на столахъ фигурируютъ и «чай» и «графинчикъ», и «выпить предъ чаемъ» есть пріемъ, весьма распространенный въ нашихъ среднихъ и низшихъ слояхъ. Потому открыватели «чайныхъ лавочекъ» могутъ быть увѣрены, что они доставляютъ крестьянскому люду вмѣсто одного «угощенія» два, *потому что оба эти ручья веселостей легко скрываются въ крестьянскомъ брюхѣ*» (!).

Но несмотря на то, что г. Владиміровъ принялъ, повидимому, всѣ мѣры, чтобы сдѣлать свою брошюру смѣшной и отнять отъ своихъ словъ всякую убѣдительность, справедливость обязываетъ насъ замѣтить, что онъ во многихъ отношеніяхъ правъ. Чай, употребляемый въ такомъ чрезмѣрномъ количествѣ, какъ въ Россіи, оказываетъ несомнѣнно вредное дѣйствіе на своихъ потребителей, но онъ совсѣмъ не потому вреденъ, что возбуждаетъ воображеніе, какъ полагаетъ г. Владиміровъ, а потому именно, что онъ не оказываетъ возбуждающаго дѣйствія. Если-бъ большинство населенія имѣло возможность пить доброкачественный чай, оно пило-бы его и въ меньшемъ количествѣ, и съ большей пользой. Г. Владиміровъ, категорически отрицаетъ питательность чая, но, къ сожалѣнію, онъ подтверждаетъ это только своимъ авторитетомъ. Справьтесь, г. Владиміровъ въ любомъ сочиненіи по физиологической химіи, и вы увидите, что чай содержитъ въ своемъ составѣ несомнѣнно питательныя вещества, хотя въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ, напр., кофе или какао. По анализу Мульдера, обыкновенный чай содержитъ во 100 частяхъ только 0,11 — 0,55` частей того наркотическаго вещества, противъ котораго такъ ополчается г. Вла-

диміровъ, а между тѣмъ растительнаго бѣлка въ тѣхъ-же 100 частяхъ чая содержится 1,2—3,61 частей. Но бѣда вся въ томъ, что большинство населенія, въ особенности низшій классъ, пьетъ жидкій и нерѣдко поддѣланный чай, въ котороѣ нѣтъ или очень мало и наркотическихъ, и питательныхъ частей. Такой чай, дѣйствительно, вредно дѣйствуетъ на организмъ, но не какъ чай, а какъ кипятокъ, распаривающій желудокъ. Вредъ отъ употребленія жидкаго чая, напр., такого, какимъ «угощаются» наши купцы или извозчики въ трактирахъ и харчевняхъ, болѣе значителенъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, и въ этомъ отношеніи г. Владиміровъ едва-ли преувеличиваетъ, когда онъ перечисляетъ тѣ физическія разстройства, которыми сопровождается чрезмѣрное употребленіе такого чая. Зябкость, цѣлый рядъ простудныхъ болѣзней, особенно насморкъ, постоянное ощущеніе холода въ ногахъ и рукахъ, ревматизмы и зубная боль — все это, по справедливому замѣчанію г. Владимірова, является результатомъ неумѣреннаго употребленія жидкаго чая. Г. Владиміровъ вполне логически объясняетъ происхожденіе этихъ болѣзней употребленіемъ чая и, пожалуй, вмѣстѣ съ нимъ придется усомниться въ цѣлесообразности извѣстнаго проекта объ устройствѣ «чайныхъ лавочекъ» по деревнямъ и селамъ съ цѣлью вытѣснить кабаки. Въ настоящее время поддѣлка чая приняла громадныя размѣры и производится повсемѣстно, даже въ самомъ Китаѣ. Можно принять, что изъ 10 человекъ, употребляющихъ даже высшіе сорта чая, 9 пьютъ чай поддѣльный, всегда содержащій болѣе или менѣе вредныя и ядовитыя подмѣси. Замѣнять спиртные напитки такимъ чаемъ не совсѣмъ разумно уже потому, что алкоголь всегда питателнѣе чая, а злоупотребленіе тѣмъ и другимъ напитками одинаково вредно. Но, повторяемъ, весь вредъ чая зависитъ именно оттого, что онъ пьется въ неестественномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи радея г. Владимірова не имѣть никакого смысла, по крайней мѣрѣ, для большинства населенія *), по той простой причинѣ, что оно пьетъ не чай, но, такъ-сказать, чайную воду, которая отягощаетъ своей массой желудокъ и расслабляетъ его чрезмѣрнымъ разгоряченіемъ. Опытъ показываетъ, что люди, которые пьютъ хорошій чай, чай надлежащей крѣпости, употребляютъ его въ весьма умѣренномъ количествѣ. Человекъ самой сильной комплекціи не въ состояніи ежедневно пить больше трехъ стакановъ крѣпкаго чая, да и это количество скоро дастъ себя знать обязательными симптомами, въ видѣ сердцебіенія и бессонницы. Въ меньшемъ-же количествѣ вредъ чая почти неуловимъ; тогда отъ его употребленія остается только та степень пріят-

*) Извѣстно, что въ нашемъ населеніи нѣтъ сословія, которое-бы употребляло чай въ такихъ чудовищныхъ размѣрахъ, какъ купцы. Между тѣмъ мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь назвалъ купцовъ людьми съ сильно развитымъ воображеніемъ.

наго умственнаго возбужденія, отъ которой человѣку всегда будетъ трудно отказаться. Слѣдуетъ-ли отказаться отъ этого умственнаго возбужденія? Нужно-ли подавлять въ себѣ наклонность къ искусственному подъему своихъ интеллектуальныхъ силъ? Не полезнѣе-ли довольствоваться тѣмъ, что даетъ намъ наша природа и что является естественнымъ результатомъ развитія нашего организма? Отвѣтить на эти вопросы и легко, и трудно, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія мы взглянемъ на нихъ. Съ односторонней физиологической точки зрѣнія, искусственное возбужденіе (мы говоримъ объ умѣренномъ употребленіи чая) разсудочной способности посредствомъ чая, конечно, вредно. Но не слѣдуетъ забывать, что все дѣло тутъ не въ искусственномъ возбужденіи, а въ *потребности* возвысить уровень своихъ интеллектуальныхъ силъ выше средней. обыденной нормы. Эта потребность, конечно, существовала раньше чая, она вѣчно жила въ человѣчествѣ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Извѣстно, что рѣшительно всѣ племена, какъ дикія, такъ и цивилизованныя, старались тѣмъ или другимъ путемъ создать себѣ искусственное Эльдорадо. Съ незапамятныхъ временъ каждый народъ выискивалъ для себя свое особое наркотическое вещество. Табакъ изъ центральной Америки распространился по всему земному шару и составляетъ самое обыкновенное наркотическое вещество. Обитатели Сибири и камчадалы издавна употребляютъ, какъ наркотическое вещество, сушеный мухоморъ и, упиваясь его настоемъ. ухитряются, хоть во снѣ, создать себѣ валгаллу среди суроваго климата и непривѣтливой природы. Даже тамъ, гдѣ положеніе человѣка болѣе или менѣе сносно, въ роскошныхъ странахъ юга и востока, онъ не обошелся безъ помощи искусственнаго возбужденія. Какъ у насъ табакъ, такъ въ Турціи, Остѣ-Индіи и Китаѣ распространены опій; его ѣдятъ, пьютъ или курятъ. У персовъ, въ Индіи и Турціи, у многихъ африканскихъ племенъ и у бразильскихъ индѣйцевъ есть свой гашишъ. Въ Индіи, Китаѣ и Восточномъ Архипелагѣ жуютъ бетель, а въ Перу и Боливіи жуютъ листья коки—растеніе, которое было въ большомъ ходу въ этихъ странахъ уже тогда, когда ихъ посѣтили первые европейскіе путешественники. Жители Новой Гранады и Гималаія употребляютъ красный и обыкновенный дурманъ, индѣйцы во Флоридѣ—орстоллистникъ, въ сѣверной Европѣ и Америкѣ—багульникъ, въ Англіи и Германіи—хмѣль, въ Полинезій—аву, а во многихъ частяхъ Европы—различные сорта салата, замѣняющаго до нѣкоторой степени макъ. Можно сказать, что желаніе забыться среди дѣйствительной жизни и страданій, потребность въ наркотическихъ возбужденіяхъ такъ-же всеобща, какъ и потребность въ пищѣ. Это общественный инстинктъ, привитый вѣками.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Необходимость народнаго образованія сознается въ наше время болѣе, чѣмъ когда-нибудь.—Отношеніе народнаго образованія къ производительнымъ силамъ страны.—Попытка Екатерины II распространить народныя школы.—Недостатокъ матеріальныхъ средствъ былъ одною изъ главныхъ причинъ неудачи въ распространеніи народнаго образованія.—*Подвижныя школы*.—Успѣхи и быстрое развитіе ихъ въ Швеціи и Норвегіи.—Кой-какіе опыты въ этомъ родѣ, сдѣланные въ Россіи.—Полезное примѣненіе *подвижной школы* къ разбросанному русскому населенію.—Относительная пропорція учащихся къ общему населенію.—Общество помощи при кораблекрушеніяхъ.—Первая спасительная лодка въ Англіи.—Основаніе русскаго общества.—Отчетъ общества о дѣятельности его.—Безденежье тормозитъ его дальнѣйшіе успѣхи.

Народное образованіе сдѣлалось у насъ въ послѣднее время однимъ изъ горячихъ вопросовъ: земства, городскія общества и отдѣльныя лица сильно интересуются этимъ дѣломъ и такъ или иначе стараются содѣйствовать его развитію. Теоретическіе вопросы, вызывавшіе горячую полемику въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, — вопросы о полезномъ или вредномъ вліяніи грамотности на народную нравственность теперь не только отошли на задній планъ, но совсѣмъ отложены въ сторону, какъ вопросы несвоевременные и лишніе. Ихъ оттѣснило и устранило то простое, чисто-практическое соображеніе, что освобожденный народъ, призванный къ веденію своихъ собственныхъ дѣлъ, *не можетъ быть неграмотнымъ*. Каждая сдѣлка, въ которую мы вступаемъ съ народомъ, каждое проявленіе дѣятельности волостныхъ властей ясно и громко говорятъ о необходимости, о неизбѣжности грамотности для народа. Эта необходимость дѣлается намъ вполне ясною и тогда, когда мы видимъ неточности счетовъ и запутанность дѣлъ въ большинствѣ волостныхъ правленій, и тогда, когда мы на-

талкиваемся на какой-нибудь отдѣльный фактъ, въ родѣ недавняго происшествія съ одной крестьянкой московской губерніи. Эта крестьянка явилась нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ къ одному изъ мировыхъ судей.

— Покорно благодаримъ, батюшка. Отсидѣла, пояснила она съ робкимъ поклономъ.

— Что отсидѣла? удивился судья.

— Срокъ свой.

— Да кто-же тебя посадилъ?

— Ваша милость.

— За что?

— За буйство, съ добродушной улыбкой пояснила крестьянка.

У мирового судьи не судилась ни одна женщина за буйство и потому его заинтересовала посѣтельница.

— Да какъ тебя зовутъ? спросилъ судья.

— Александрой, батюшка.

— А отца какъ зовутъ?

— Отца? Да онъ померъ.

— А звали-то его какъ?

— Евстигнѣевъ.

Порылся судья въ своихъ дѣлахъ и оказалось, что онъ дѣйствительно приговорилъ къ аресту за буйство только не крестьянку Александру Евстигнѣеву, а крестьянина Александра Евстигнѣева. Полуграмотныя волостныя власти, исполнявшія этотъ приговоръ, перепутали дѣло, а безграмотная Александра Евстигнѣева, конечно, не могла да и не пыталась доказывать имъ ихъ промахъ. Подобныхъ частныхъ фактовъ является такое множество, что каждый изъ нихъ имѣетъ общее значеніе, и уменьшить ихъ число можно, конечно, только большимъ развитіемъ хотя элементарнаго образованія. Это сознаніе, какъ мы сказали, заставляетъ наше общество такъ или иначе содѣйствовать дѣлу народнаго образованія и если мы сдѣлали на этомъ поприщѣ далеко не столько, сколько было-бы желательно, то на это есть не мало причинъ и главныя изъ нихъ, это — новизна дѣла и экономическіе недостатки. Россія пережила тысячелѣтіе народнаго невѣжества и только теперь старается загладить ошибку этой тысячи лѣтъ. Это не такъ легко сдѣлать, особенно при развитой

въ насъ апатичности въ отношеніи ко всякимъ общественнымъ предпріятіямъ.

Сравнительно, для народнаго образованія нами сдѣлано еще не особенно много, но за то можно смѣло сказать, что почти все сдѣланное для народнаго образованія въ Россіи—сдѣлано въ недавнее время. Это вполне понимаютъ даже иностранцы, интересующіеся вопросомъ о развитіи народныхъ школъ въ Россіи, такъ-какъ, по ихъ мнѣнію, именно отъ развитія этого дѣла зависитъ главнымъ образомъ, сила или безсиліе Россіи. „Развитіе народнаго образованія, замѣчаетъ въ своей послѣдней статьѣ Лавэлъ,—очень важно. Приложение научныхъ свѣденій къ экономическому труду болѣе всего способствуетъ производительности труда. Если человѣкъ при одной и той-же суммѣ усилій производитъ въ пять, въ десять разъ болѣе, чѣмъ прежде, то это только потому, что, благодаря наукѣ, естественныя силы природы утилизируются нами и работаютъ для удовлетворенія нашихъ нуждъ. Соединенные Штаты, конечно, можно считать страню, гдѣ производится наибольшая масса богатствъ; но въ то-же время они являются и такою страню, гдѣ болѣе всего прилагаются къ труду научныя свѣденія, изобрѣтенія. Откройте въ Россіи столько-же и такихъ-же народныхъ школъ, какъ въ Америкѣ, и сила этого обширнаго государства превзойдетъ силу всѣхъ другихъ государствъ. Но нужно признаться, что на этомъ пути нужно еще создать все, начиная съ элементовъ, которые дадутъ возможность сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ“.

Уже во времена Екатерины II, когда начались первыя заботы о народномъ образованіи, это дѣло, кромѣ другихъ препятствій, встрѣтило на своемъ пути сильную преграду въ недостаткѣ средствъ. Послѣ 1775 года, вслѣдствіе указа императрицы, „Приказы общественаго призрѣнія“ приступили къ учрежденію училищъ, но дѣйствія ихъ оставались безъ успѣха по скудости средствъ, неимѣнію учебныхъ руководствъ, способныхъ преподавателей и отчасти предубѣжденію жителей противъ общественныхъ училищъ. На училища приказано было брать съ дѣтей мѣщанскихъ и крестьянскихъ отъ 1 рубля до 1½ рубля,—это, конечно, было не легко для крестьянъ того времени. Такъ-какъ дѣло шло неудачно, то императрица составила въ 1782 году особую „Комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ“; комиссія выработала извѣстный

планъ народныхъ училищъ и училища стали открываться въ разныхъ концахъ Россіи. Но денегъ у народа для поддержанія школъ все-таки не было. Торжественно открывались эти училища. Одинъ изъ составителей описанія подобнаго торжества говорить: „И тако сей, въ російскихъ лѣтописяхъ достопамятнѣйшій день ознаменованъ вновь для человѣчества полезнымъ бытіемъ, которое, будучи начертано на скрижаляхъ сердець сыновъ російскихъ, да прейдетъ неизгладимо изъ рода въ родъ, и гласы которыхъ да не умолятъ на вѣщаніе, и да изыдетъ изъ устъ ихъ хвала о имени Екатерины Вторя, сотворшей человѣку толика блага, разливаюція на всѣ времена и страны; сея-же страны гласъ да будетъ слышенъ паче другихъ; будучи осчастливлена всеблагимъ промысломъ, прибывши многіе вѣки въ темной дикости, нынѣ-же озаряясь лучами, доселѣ невѣдомыми, отщетивши мракъ, преклоняеть колѣна и выю въ благоговѣйномъ чувствованіи глубочайшаго благодаренія къ рекшей: „Да будетъ въ ней свѣтъ!“ Но это были витіеватя слова, факты-же были вотъ какого рода. „Административная и хозяйственная части училища, по словамъ А. С. Воронова, были такъ устроены, что положеніе учителя того времени дѣлалось невыносимымъ и, что еще хуже, безвыходнымъ. Сдѣлавшійся однажды учителемъ долженъ былъ прослужить въ этой должности, если онъ преподавалъ въ низшихъ классахъ, не менѣе 36 лѣтъ, а въ высшихъ классахъ не менѣе 23 лѣтъ, т. е. пока не получилъ чина коллежскаго ассесора. Такой продолжительный срокъ обязательной службы, отнимавшей притомъ много времени, можно считать почти равносильнымъ съ запрещеніемъ оставлять службу. Прослуживъ лучшее время жизни учителемъ и утративъ въ этой трудовой службѣ всю энергію, могъ-ли надѣяться учитель на полученіе какого-либо мѣста по другому вѣдомству? А между тѣмъ, что могло привязывать его къ этому званію? Чины, которые прежде не давались, не могли искупить горькихъ лишений, которымъ подвергался онъ, и притомъ не одинъ, а чаще всего съ семействомъ; скудное жалованье выдавалось плохо и большею частію не вполнѣ... Злоупотребленія со стороны тѣхъ лицъ, которымъ было ввѣрено хозяйство училищъ, довершали бѣдственное положеніе учителей. Съ трудомъ пропитываясь и будучи ограничены въ правѣ перехода въ другую службу, учителя, въ случаѣ смерти, оставляли свои семейства въ совершенной нищетѣ;

вдовамъ и сиротамъ ихъ не было назначено никакой пенсіи; да и сами учителя не имѣли права на нее въ случаѣ, если-бы они за дряхлость или болѣзнію принуждены были оставить службу“. Какъ жалокъ былъ бюджетъ училищъ, видно, напримѣръ, изъ расходовъ одного пермскаго училища за 1785 годъ:

Жалованья учителю въ годъ	40	руб.
На писчую бумагу, перья, чернила и учебныя книги	6	„ 80 коп.
На дрова (53 к. за сажень) 20 саж.	10	„ 60 „
За квартиру для училища по 2 рубля въ мѣсяць	24	„ — „
За холстъ на ширмы	1	„ 20 „
За шкафъ	12	„ — „
За коты сторожу	—	„ 50 „
За мытье половъ	—	„ 10 „
Итого		95 руб. 20 коп.

Конечно, даже при тогдашнихъ цѣнахъ учителю съ семьей трудно было жить на сорокъ рублей въ годъ. Не мудрено послѣ этого встрѣтить въ дѣлахъ пермскаго приказа просьбу учителей, въ которой, прося себѣ жалованья впередъ за нѣсколько мѣсяцевъ, они горько жалуется на свое бѣдственное положеніе, на то, что они всё износились и стыдно показаться въ рубищахъ на улицу. Еще труднѣе было-бы себѣ представить, чтобы учитель среди такого бѣдственнаго положенія заботился о честномъ исполненіи своихъ обязанностей или чтобы онъ могъ исполнять эти обязанности, когда ему и на книги-то вмѣстѣ съ бумагой, перьями и чернилами отпускалось въ годъ какихъ-нибудь 6 руб. 50 к. Но если бѣдны были учителя и училища, то еще бѣднѣе былъ народъ. Онъ часто отдавалъ своихъ дѣтей въ училища только для того, чтобы сбыть ихъ съ своихъ рукъ, пристроить на казенный счетъ. „Несомнѣнно то, что отдавали дѣтей не для образованія, говоритъ г. Н. Фирсовъ, а для того, чтобы или сбыть съ своихъ хлѣбовъ или удалить изъ семейства, гдѣ они, по малолѣтству, оказывались бесполезными для домашняго обихода и даже, по своей дѣтской рѣзвости, бывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ помѣхой въ семейныхъ занятіяхъ. Просьба каждаго родителя о принятіи сына въ училище и на казенное содержаніе подтверждаетъ

это: ни одинъ родитель, прося приказъ принять сына въ училище, не выставлялъ главнымъ поводомъ дать своему чаду образованіе, а обыкновенно просьба писалась такъ: „понеже я имѣю двухъ или трехъ сыновей и не могу пропитать ихъ и самъ умираю съ голоду“, или: „при нонѣшней дороговизнѣ хлѣба не могу пропитать свое семейство“, или: „у меня много дѣтей и дома тѣсно и холодно“ — того ради прошу принять такого-то сына въ школу и выдавать ему казенное содержаніе“. Что нужда и бѣдность, а не стремленіе къ образованію, были чаще всего побудительными причинами при отдачѣ дѣтей въ училище, — видно и изъ того, что, напримѣръ, въ пермскомъ училищѣ были воспитанники 4-хъ лѣтъ, 5-ти лѣтъ и 6-лѣтъ, т. е. дѣти едва ли способныя къ ученю особенно при тогдашнихъ способахъ обученія. А какъ кормили, какъ одѣвали этихъ дѣтей въ училищѣ? Довольно сказать, что въ пермскомъ училищѣ на ѣду, на обувь, на бѣлье, на одежду, однимъ словомъ, на всѣ нужды ученика отпускалось по 14 руб. 27 коп. въ годъ! При такомъ положеніи дѣла нечего было и ждать, чтобы эти училища были долговѣчными: они пали сами собою.

Прошло около восьмидесяти лѣтъ послѣ составленія Екатериной II „комиссіи“, народъ былъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости, онъ былъ призванъ дѣйствовать болѣе самостоятельно, чѣмъ прежде, и толки о народномъ образованіи должны были неизбѣжно начаться снова. Но на первыхъ-же порахъ тормозящими причинами для достиженія этой цѣли явились разбросанность населенія, экономическія затрудненія и, главнымъ образомъ, апатичность и непривычка къ самостоятельности нашего общества, на что, какъ мы увидимъ, указывается очень рѣзко въ отчетахъ министерства народнаго просвѣщенія. Рѣдкость населенія всегда и вездѣ являлась тормазомъ въ дѣлѣ учрежденія народныхъ школъ; это вполне понятно: трудно устроить дешево школу тамъ, гдѣ содержаніе ея должно падать на немногія семьи; трудно добиться хорошаго и правильнаго посѣщенія школы тамъ, гдѣ дѣти до школы должны проходить большія пространства; еще труднѣе требовать, чтобы дѣти проходили эти большія пространства, не имѣя порядочной одежки, въ сильные морозы, при дурныхъ дорогахъ. Эти, такъ сказать, естественныя препятствія для успѣшнаго развитія школъ явились у насъ на первыхъ-же порахъ преградою

для успѣшнаго распространенія народнаго образованія. Стоитъ только взглянуть на цифры нашего населенія, чтобы понять, какъ невыгодно стоимъ мы въ этомъ отношеніи въ сравненіи съ западною Европою. Тогда-какъ

въ сенскомъ департаментѣ	было	226,250	жит.	на	кв. ми.	ми.
„ Миддлсексширѣ		169,112	„	„	„	„
„ Ланкаширѣ		28,175	„	„	„	„
„ Женевскомъ кантонѣ		16,074	„	„	„	„
„ Великобританіи		5,038	„	„	„	„
„ Пруссіи		3,604	„	„	„	„
„ Баваріи		3,370	„	„	„	„
У насъ было:						
въ курской губерніи		2,270	„	„	„	„
„ кievской		2,126	„	„	„	„
„ подольской		2,160	„	„	„	„
„ тульской		2,120	„	„	„	„
„ полтавской		2,040	„	„	„	„
„ плочкой		1,748	„	„	„	„
„ астраханской		105	„	„	„	„
„ архангельской		18	„	„	„	„

При такомъ рѣдкомъ населеніи народу очень трудно содержать школы. Если платить учителю 150 рублей въ годъ, законоучителю давать 50 рублей, и тратить на книги и тому подобныя расходы 50 рублей, то содержаніе школы обойдется дороже 250 рублей, такъ-какъ нужны еще дрова и освѣщеніе; но и при этомъ расходѣ, если будутъ содержать школу 200 семей или 800 человѣкъ, то каждый изъ нихъ долженъ будетъ выплачивать по 32 копейки или по 1 р. 25 коп. съ семьи. Это кажется очень ничтожной затратой, но это равняется или превосходитъ то, что тратятъ на школу болѣе обеспеченныя или болѣе ясно сознающія пользу образованія народности. Правда, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Даніи и въ протестантскихъ кантонахъ Швейцаріи платятъ на образованіе по 5 франковъ съ души, но во Франціи тратятъ на это не болѣе 1 фр. 56 сент., въ Норвегіи 1 фр. 50 сент., въ Швеціи—1 фр. 53 сент., въ Испаніи и Греціи—1 фр., въ Италиі—55 сент., въ Португаліи—32 сент. съ души. Но положимъ, что подобная затрата вполне возможна для народа, и

спросимъ: вездѣ-ли возможно подобное устройство школъ у насъ: 800 душъ живутъ у насъ среднимъ числомъ на пространствѣ 20. квадратныхъ верствъ и потому большая часть изъ дѣтей этихъ людей осталась-бы безграмотною, имѣя одну школу, или эти люди должны-бы были дѣлать двойную затрату, чтобы имѣть не одну, а двѣ школы. Мы привели одинъ этотъ примѣръ и намъ пришлось-бы распространяться очень долго, если-бы мы вздумали указывать на массу подобныхъ препятствій, встречаемыхъ нашею народною школою на пути къ ея развитію. Но чѣмъ больше является препятствій, тѣмъ болѣе должно быть потрачено энергіи человѣкомъ, желающимъ достигнуть своей цѣли. А именно этой-то добродѣтели и не достааетъ у насъ. Мы, при видѣ препятствій, скорѣе готовы опустить свои руки, чѣмъ удвоить свою энергію и придумать способы, при помощи которыхъ сдѣлалось-бы возможнымъ побѣдить эти препятствія. Въ Норвегіи, напримѣръ, населеніе было тоже не особенно богато и крайне рѣдко; къ этимъ невыгоднымъ условіямъ присоединялось еще то, что страна была раздѣлена глубокими ущельями и высокими горами, затруднявшими сообщеніе между жителями, трудное и безъ того при суровости климата и обиліи снѣга. Но тѣмъ не менѣе, норвежцы и въ значительномъ количествѣ лапландцы умѣютъ, по крайней мѣрѣ, читать и писать; сельское-же осѣдлое населеніе обладаетъ даже довольно солидными знаніями и развитіемъ. Какъ были достигнуты эти результаты? Главнымъ образомъ при помощи подвижныхъ школъ, *flyttante skola*. Школьный учитель путешествуетъ изъ округа въ округъ, останавливаясь въ каждомъ мѣстечкѣ. Его принимаютъ на той или другой фермѣ, здѣсь его содержатъ, къ нему собираются дѣти изъ окрестныхъ жилищъ. Такъ-какъ учениковъ немного, то учитель можетъ заниматься съ каждымъ отдѣльно, подолгу, основательно, и достигнуть въ короткое время значительныхъ успѣховъ. Послѣ его ухода, мать, умѣющая читать, повторяетъ съ ребенкомъ выученное имъ и ожидаетъ времени, когда дитя получитъ новую дозу образованія при новомъ возвращеніи наставника. Сначала народное образованіе въ Норвегіи и Швеціи было почти исключительно распространено при помощи странствующихъ учителей. Въ 1840 году въ Норвегіи было 7,133 путешествующія школы и только 225 постоянныхъ. Чѣмъ болѣе обогащалась страна, тѣмъ менѣе стано-

вилось число подвижныхъ школъ и тѣмъ болѣе дѣлалось число постоянныхъ школъ. Такъ въ 1863 году было:

Подвижныхъ школъ 3,560

Постоянныхъ „ 2,757

а въ 1866 году было уже:

Подвижныхъ „ 2,345

Постоянныхъ „ 3,999

Какія-бы возраженія ни дѣлались противъ подвижныхъ школъ, но ясно только одно, что при недостаткѣ постоянныхъ школъ, при экономическихъ затрудненіяхъ, при рѣдкости населенія онѣ на первыхъ порахъ могутъ быть порядочнымъ подспорьемъ. Но по недостатку энергіи въ нашемъ обществѣ и еще болѣе по нашему незнанію всего того, что уже примѣняется въ другихъ странахъ, у насъ только теперь земства обратили вниманіе на подвижныя школы, хотя мы уже болѣе пятнадцати лѣтъ все скорбимъ и сѣтуемъ о плохомъ развитіи грамотности въ нашемъ народѣ. Въ „Пензенскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ пишутъ:

„Каждому извѣстны болѣе или менѣе условія нашего крестьянскаго быта, *отдаленность нашихъ деревень одна отъ другой*, причемъ въ пензенской губерніи эта отдаленность увеличивается отсутствіемъ сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія, исключая лѣтняго времени. Вслѣдствіе этого, устройство центральныхъ постоянныхъ школъ, въ которыхъ могли-бы обучаться дѣти со всей волости, врядъ-ли поведетъ, въ настоящее время, къ обширному распространенію грамотности; Какъ *посылать ребенка въ осеннее время или весенній разливъ* за нѣсколько верстъ въ деревню, гдѣ находится школа? Какъ посылать его въ эту школу *зимой, когда дни такъ коротки*, и позднее возвращеніе грозитъ *погибелью отъ волковъ* и т. п.? Помѣстить-же на все время учебнаго курса ребенка въ той деревнѣ, гдѣ находится школа, нѣтъ у крестьянина средствъ; завести школу въ каждой деревнѣ, несмотря на многочисленность ихъ въ пензенской губерніи, тоже нѣтъ возможности, нѣтъ средствъ; *все это заставляетъ подумать о другой системѣ* распространенія грамотности и эту-то систему предлагаетъ намъ Швеція, столь близкая къ намъ по климатическимъ условіямъ. Тамъ существуютъ *подвижныя школы*; почему-бы не устроить и намъ таковыхъ: *учитель-ходобщикъ* получаетъ лошадь и сани (беремъ въ расчетъ зимнее время, такъ-какъ по

условіямъ крестьянскаго быта обученіе дѣтей въ лѣтнее время невозможно), получаетъ необходимыя учебныя пособія, отправляется по напередъ-составленному маршруту въ деревню, гдѣ и обучаетъ втеченіи зимы (что при нынѣшнихъ методахъ образованія совершенно возможно) все молодое населеніе грамотности; потомъ отправляется въ другую деревню и такъ далѣе; черезъ годъ или два возвращается въ то-же село, повѣряетъ успѣхи прежнихъ учениковъ и обучаетъ новыхъ подростковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, учитель развозитъ съ собою и продаетъ книги для чтенія. Вознагражденіе ему можетъ быть опредѣлено или отъ земства, или по уговору съ крестьянами того села, гдѣ онъ обучаетъ, а что крестьяне будутъ рады возможности обученія дѣтей ихъ грамотѣ—это не требуетъ доказательствъ въ виду неоднократно заявленнаго ими стремленія къ обученію—была-бы возможность; а теперь, когда извѣстнаго рода образованіе даетъ льготы при отбываніи всесословной воинской повинности, такое стремленіе должно еще болѣе развиться“.

Эта мысль начинается, какъ видно, находить примѣненіе на практикѣ.

„Въ Ростовскомъ уѣздѣ (ярославской губерніи) есть карашская волость, въ которой существуютъ уже два училища—покровское, перешедшее отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и содержащее насчетъ земства, на что отпускается 270 р., и карашское, нынѣшнимъ годомъ разрѣшенное къ открытію, съ пособіемъ отъ земства 100 рублей. Нынѣ вся карашская волость, сознавая пользу обученія дѣтей, составила приговоръ, которымъ ходатайствуетъ объ учрежденіи еще третьяго училища съ пособіемъ отъ земства, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ всѣ три училища были не постоянныя, а перемѣщались изъ одной мѣстности въ другую каждые три года, дабы постепенно все народонаселеніе волости могло пользоваться школами для своихъ дѣтей, не имѣя надобности содержать ихъ впѣ дома, или посылать въ школу далеко отъ мѣста своего жительства. Вопросъ о пособіи разрѣшился-бы самою управою, на основаніи сдѣланнаго о томъ постановленія собранія изъ остатковъ отъ сметныхъ назначеній; но вопросъ о подвижности школъ самою управою разрѣшенъ быть не можетъ. Почему ростовская управа представила этотъ вопросъ на разрѣшеніе земскаго собранія, ходатайствуя, съ своей стороны, о раз-

рѣшеніи его согласно желанію крестьянъ, въ тѣхъ видахъ, что при передвиженіи школъ большее число дѣтей воспользуется училищами, расходы-же земства и общества сберегутся въ виду того, что не потребуются учрежденія еще большаго числа училищъ, а мѣсто, въ которое училище будетъ передвинуто, можетъ быть назначаемо волостнымъ сходомъ съ согласія управы. Ростовское земское собраніе „приняло единогласно“ мнѣніе комиссія, предложившей допустить передвиженіе училищъ, въ видѣ опыта, на три года“.

„Вообще, говорить „Голосъ“, вопросъ о подвижныхъ школахъ начинаетъ серьезно интересоваться наше земство. И это понятно: въ такой обширной странѣ, какъ Россія, главнѣйшимъ препятствіемъ къ правильному посѣщенію школъ служить рѣдкое населеніе въ громаднхъ по разстояніямъ мѣстностяхъ; между тѣмъ, съ введеніемъ всеобщей воинской повинности, потребность даже обязательнаго обученія начинается, мало-по-малу, входить въ сознаніе крестьянскихъ обществъ, входить свободно, безъ всякихъ постороннихъ, внѣшнихъ усилій; почти каждая почта приноситъ извѣстіе, что та или другая волость, тотъ или другой приходъ составили приговоръ объ обязательномъ обученіи, или объ учрежденіи второго и даже третьяго училища въ селѣ. Поэтому, понятно стремленіе болѣе обширныхъ и малонаселенныхъ земскихъ территорій завести у себя подвижныя школы, и это, вопреки разсужденіямъ противниковъ земства, не забава, не пустое подражаніе Швеціи, находящейся въ этомъ отношеніи въ одинаковыхъ съ нами условіяхъ и имѣющей, по-мимо постоянныхъ, частныхъ и другихъ школъ, еще 1,200 подвижныхъ, въ которыхъ обучается 150,000 мальчиковъ. Подвижныя школы въ Швеціи сдѣлали то, что, при 4,000,000 ея населенія, къ концу 1865 года, одинъ ученикъ приходился на 6 жителей. У насъ вопросъ этотъ поднять московскимъ земствомъ; за нимъ отделились еще нѣкоторые уѣзды; въ этия, на-дняхъ, присоединилось земство уржумское, вятской губерніи, постановившее открыть въ уѣздѣ три подвижныя школы и ассигновавшее на этотъ предметъ 2,000 рублей. Пензенская губернская газета продолжаетъ заниматься этимъ вопросомъ, разсматривая mogućія быть возраженія, изъ которыхъ главное заключается въ томъ, что деревни наши не могутъ дать въ зимнее время помѣщенія даже для подвижной школы. Хотя земство и

не призвано благотворить, но помочь въ этомъ случаѣ оно можетъ. Если-бъ оно и не могло почему-нибудь оказать этой помощи, то нравѣ подвижныя школы не могутъ существовать въ лѣтнее время? Конечно, лѣто — самая рабочая крестьянская пора, когда и малолѣтніе сыновья идутъ въ дѣло, на помощь отцу и матери, въ ихъ полевыхъ и луговыхъ работахъ, но эта обязательная помощь не распространяется на ребятешекъ, на дѣтей отъ 7-ми до 10-ти лѣтъ; лѣтомъ зачастую можно видѣть въ избѣ пономаря или дьячка этихъ ребятъ, сидящихъ за азами; слѣдовательно, обученіе такихъ ребятъ возможно и въ лѣтнее время, когда любой навѣсь можетъ служить помѣщеніемъ для импровизованной подвижной школы...“ Дай Богъ, чтобы всѣ эти соображенія и планы не остались пустыми словами.

Но какъ-бы ни было затруднительно устраивать у насъ народныя школы вслѣдствіе экономическихъ условій и разбросанности населенія, а все-таки главнымъ препятствіемъ при развитіи народнаго образованія были не эти причины, а наша собственная апатія. Вотъ что говорятъ объ этомъ отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1869 годъ: „Состоя изъ представителей разныхъ вѣдомствъ и выборныхъ членовъ отъ земства, уѣздные училищныя совѣты принимаютъ учителей, наблюдаютъ за преподаваніемъ въ училищахъ и съ этою цѣлью осматриваютъ училища и представляютъ ежегодно отчеты о состояніи всѣхъ училищъ въ уѣздѣ губернскому училищному совѣту, который, въ свою очередь, отчеты всѣхъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ губерніи сообщаетъ съ своими замѣчаніями попечителю учебнаго округа для свѣденія. Въ дѣйствительности, однако, эти требованія закона большею частью училищныхъ совѣтовъ исполняются кое-какъ или и вовсе не исполняются. Есть уѣздные училищныя совѣты (какъ ядринскій, казанской губерніи), которые еще ни разу не собирались со времени своего учрежденія и даже не выбрали себѣ до сихъ поръ предсѣдателей; есть и такіе, которые не собирались по два года (какъ лайшевскій, казанской губерніи); число же такихъ совѣтовъ, члены которыхъ ни разу не осматривали начальныхъ училищъ уѣзда, довольно значительно. Естественно, что въ уѣздахъ, руководимыхъ такими училищными совѣтами, дѣло народнаго образованія предоставлено совершенно произволу и при полной безконтрольности не можетъ быть въ удовлетвори-

тельномъ состояніи... При такой обстановкѣ дѣла большинство уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ вовсе не представляетъ никакихъ отчетовъ губернскимъ училищнымъ совѣтамъ, которые, въ свою очередь, такъ-же не сообщаютъ ихъ попечителямъ учебныхъ округовъ и вслѣдствіе того въ настоящее время весьма трудно представить удовлетворительныя данныя не только о состояніи, но даже и о числѣ училищъ и учащихся въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія имѣются свѣденія, и то неполныя, о начальныхъ училищахъ только отъ 14 губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, остальные-же 19 училищныхъ совѣтовъ не представили ничего (Ж. М. Н. Пр. CLIV, 36)“. Подобное-же замѣчаніе о бездѣйствіи губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ повторяются и въ отчетѣ за 1870 годъ (Ж. М. Н. Пр. CLX, 63). Такимъ образомъ, общество и земство очень часто не пользовались даже тѣмъ правомъ, которое должно было принести непосредственныя выгоды имъ самимъ,—не пользовались имъ до тѣхъ поръ, куда министерство не назначило своихъ собственныхъ официальныхъ инспекторовъ. Что-же мудренаго, что при экономическихъ затрудненіяхъ и при бездѣятельности общества, успѣхи нашего народнаго образованія шли и идутъ далеко не такъ успѣшно, какъ это было-бы желательно. „Печальная обстановка матеріальнаго состоянія начальныхъ народныхъ училищъ, говорится въ отчетѣ министра за 1870 годъ, дѣлается еще разительнѣе, если обратить вниманіе на то, что только немногія начальныя училища имѣютъ собственные дома, немногія такъ-же помѣщаются удобно въ наемныхъ домахъ; что къ числу такихъ училищъ относятся преимущественно городскія и тѣ изъ сельскихъ, которыя учреждены министерствомъ народнаго просвѣщенія, и что затѣмъ самая значительная часть сельскихъ училищъ помѣщена въ тѣсныхъ комнатахъ при волостныхъ правленіяхъ, въ церковныхъ сторожкахъ или въ крестьянскихъ избышкахъ, холодныхъ и угарныхъ, въ которыхъ ученье, во время зимнихъ морозовъ, почти невозможно (Ж. М. Н. Пр. CLX, 53—54)“. Недостатокъ книжныхъ складовъ, учебныхъ принадлежностей, обусловливаемый нашей беззаботностью и неумѣньемъ вести дѣло, тоже отзывается очень дурно на народномъ образованіи. „Разсылка книгъ и другихъ пособій по училищамъ производится обыкновенно мѣстными

инспекторами народныхъ училищъ при пособіи штатныхъ смотрителей училищъ; затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земскими управами и уѣздными училищными совѣтами, а большею частью пріобрѣтеніе книгъ предоставлено самимъ училищамъ. Вслѣдствіе несвоевременности такой доставки, крестьяне нерѣдко покупаютъ книги у странствующихъ букинистовъ, и большею частью не тѣ, какія-бы требовались, и вынуждаются за каждый листъ бумаги, каждый карандашъ и прочія необходимыя учебныя принадлежности платить крайне дорого, или вовсе не покупаютъ, что отзывается вредно на успѣхахъ учащихся. Дѣти, окончившія ученье, не находя по выходѣ изъ школы книгъ для чтенія, и не имѣя даже возможности пріобрѣсти ихъ на свои средства, забываютъ нерѣдко то, чему научились въ школѣ, и чрезъ то получаютъ нѣкотораго рода право въ своей дальнѣйшей жизни смотрѣть на содержаніе школы, какъ на лишнюю издержку, а на ученье, какъ на бесполезную трату времени (Ж. М. Н. Пр. CLX, 62)“. А между тѣмъ распространять въ народѣ полезныя книги далеко не такъ трудно. Вѣдь находятъ-же средства разные Манухины продавать по 12,000 въ годъ какихъ нибудь „Гуаковъ“, „Битвъ съ кабардинцами“ и тому подобныхъ произведеній, пережившихъ десятки изданій, каждое въ 12,000 экземпляровъ. Отчего-же это у насъ честные люди вѣчно оказываются какими-то безпомощными и жалкими младенцами въ практической жизни, тогда какъ спекуляторы понимаютъ вполне возможность дѣйствовать сообразно со своими выгодами? Отчего всѣ изданія Леукиныхъ, Манухиныхъ и тому подобныхъ господъ дѣлаются въ 12,000 экземпляровъ, а изданія гг. Черкесовыхъ, Кожанчиковыхъ, Надѣиныхъ дѣлаются въ крайнемъ случаѣ въ 2,400 экземпляровъ и лежатъ въ книжныхъ складахъ, когда у Манухиныхъ и Леукиныхъ печатается уже третье и четвертое изданіе одной и той-же книги? Но возвратимся къ народной школѣ. Одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашихъ народныхъ школъ заключался въ малочисленности порядочныхъ учителей; этому горю старались и стараются пособить устройствомъ учительскихъ семинарій. Но, перечисливъ всѣ существующія заведенія подобнаго рода, отчетъ за 1871 годъ замѣчаетъ: „Излишне было-бы доказывать, что вышеозначенное число учительскихъ семинарій и школъ не можетъ быть признано достаточнымъ для удовлетво-

нія всѣмъ потребностямъ въ начальныхъ училищахъ такой обширной имперіи, какъ наше отечество, а потому, по необходимости употреблялись въ 1871 году и другіе, менѣе совершенные, способы приготовленія народныхъ учителей (Ж. М. Н. Пр. CLXVI, 8)". Но сколько-бы ни было приготовлено учителей, народныя школы все-таки будутъ лишены хорошихъ преподавателей, если земства не поспѣшатъ обставить жизнь народнаго учителя болѣе выгодными матеріальными условіями, чѣмъ тѣ условія, которыми она окружена теперь. Правда, что жалованье народныхъ учителей во всей западной Европѣ очень скудно и что, несмотря на это, вездѣ находятся охотники на учительскія мѣста. Но, во-первыхъ, *compensation n'est pas gain* и если въ другихъ мѣстахъ дурно дѣлаютъ, то это еще не значить, что и мы должны дурно дѣлать и держать людей на пищѣ св. Антонія, а во вторыхъ, западная Европа въ данномъ случаѣ не можетъ служить намъ примѣромъ. Въ западной Европѣ вездѣ чувствуется избытокъ рукъ, у насъ вездѣ чувствуется избытокъ дѣла; кромѣ того у насъ при недостаточномъ народномъ образованіи число хотя сколько нибудь образованныхъ людей такъ незначительно, что каждый изъ нихъ имѣетъ шансы пристроиться къ болѣе выгодному занятію, чѣмъ учительское мѣсто въ народной школѣ. Вотъ почему главнымъ образомъ въ народныхъ школахъ ощущается такой недостатокъ въ учителяхъ.

„Такое, крайне необезпеченное, положеніе большей части училищъ въ матеріальномъ отношеніи, одно уже само по себѣ, достаточно объясняетъ причину крайне неудовлетворительнаго ихъ состоянія и значительно мѣшаетъ дальнѣйшему развитію дѣла народнаго образованія. Подобныя школы, дурно помѣщенныя и лишеныя возможности имѣть хорошихъ учителей и самыя необходимыя учебныя пособія, поселяютъ естественно, среди мѣстнаго населенія недовѣріе къ пользѣ ученія и нерѣдко влекутъ за собой даже закрытіе самихъ школъ. Такъ въ царичинскомъ уѣздѣ (саратовской губерніи) въ 1871 году не было ни одной сельской школы, такъ какъ прежнія плохія училища были всѣ закрыты мѣстными обществами и самыя училищныя дома проданы на сломъ (Ж. М. Н. Пр. CLXVI, 11)". Изъ доставленныхъ свѣдѣній видно, что въ 1870 году каждое училище обошлось въ 140 рублей, тогда какъ по самому скромному расчету оно

е можетъ существовать менѣе какъ на 250 рублей въ годъ. Но были губерніи, гдѣ средняя стоимость содержанія училища была еще ничтожнѣе и доходила до 66 руб. на училище. Несмотря на то, что въ дѣйствительности эти училища обходились дороже, „отчетъ“ все-таки говоритъ, что „приведенныя цифры оказываютъ убѣдительно, въ какомъ скудномъ состояніи находятся матерьяльныя средства нашихъ народныхъ училищъ (Ж. М. I. Пр. CLX, 52)“. Всѣ суммы, употребленныя на народныя училища, въ 1870 году были распределены слѣдующимъ образомъ:

Изъ государственнаго казначейства	664,484 р.	99 ¹ / ₂ к.
„ земства	817,897 „	91 ¹ / ₂ „
„ городскихъ и сельскихъ обществъ	1.464,934 „	40 ³ / ₄ „

Это, конечно, очень мало при населеніи въ 83.570,253 чело-вѣка. Въ Бельгіи, имѣющей населеніе только въ 5.021,336 чело-вѣкъ, въ 1869 году тратилось на народное образованіе:

Государствомъ	5.675,036 фр.
Провинціями	1.633,318 „
Общинами	5.258,366 „
Благотворительн. учрежденіямъ	487,990 „
Сборъ отъ школьной платы	1.009,951 „

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ и множества другихъ неблагопріятныхъ условій, наша народная школа далеко еще не дошла до желательнаго развитія. Правда, что въ 1871 году число училищъ доходило до 24,000 а число учащихся въ нихъ до 875,000, то-есть, до 2,000 училищъ и до 44,000 учащихся болѣе, сравнительно съ предъидущимъ годомъ. Но все-таки въ отчетѣ министра говорилось: „Безъ сомнѣнія, и такое, по-видимому, значительное число учащихся является, по отношенію къ огромному населенію Имперіи, крайне незначительнымъ. Если-же, сверхъ того, принять во вниманіе, что, за исключеніемъ сравнительно небольшого числа училищъ, всѣ остальные начальныя народныя училища стоятъ на низкой степени простыхъ школъ механической грамоты, не обладающихъ воспитательнымъ вліяніемъ ни на учащихся, ни на среду, изъ которой они выходятъ, то нельзя не придти къ печальному заключенію о томъ, что наша народная школа находится вообще еще въ младенче-

скожь состояніи и крайне нуждается въ разумныхъ, дружно направленныхъ усиліяхъ правительства и общества для того, чтобы всгать на должную степень начальной общеобразовательной школы, дающей прочныя знанія и развивающей умственныя и нравственныя силы учащихся (Ж. М. Н. Пр. СLXVI, 3)“.

Изъ отчета за 1869 годъ видно, что въ 14 губерніяхъ съ 20,425,294 жителями было приблизительно 4,247 школь и 143,385 учащихся, т. е. среднимъ числомъ по 34 человекъ на каждую школу и по 1 ученику на 142 жителей, тогда какъ въ Бельгіи при 5,021,336 жителей школу посѣщаютъ 593,375 дѣтей, т. е. 1 ученикъ приходится на 8,4 жителя. Но какъ-бы ни казались грусны эти явленія и цифры, указанные отчетами министерства народнаго просвѣщенія, нужно все-таки сказать, что мы не опустили вовсе рукъ въ дѣлѣ народнаго образованія: все сдѣланное на этомъ пути, какъ мы сказали, сдѣлано въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ и увеличеніе и улучшеніе народныхъ школь совершается довольно замѣтно. На это указываютъ, какъ частныя, такъ и общіе факты. Если находятся земства въ родѣ, слободскаго (вятской губерніи) уѣзнаго земскаго собранія, которыя уменьшаютъ расходы на народное образованіе, какъ сдѣлало оно недавно, уменьшивъ эти расходы на 515 рублей противъ прошлаго года („Пр. Вѣстникъ“ № 74), то все-таки большая часть земствъ поступаетъ въ этомъ случаѣ на оборотъ и увеличиваетъ бюджеты образованія. Такъ, напримѣръ, даже самарское уѣзнаго земское собраніе послѣдней очередной сессіи ассигновало на народное образованіе въ текущемъ году 13,613 р., болѣе противъ прошлаго года назначенія на 1,500 р. Назначенная собраніемъ сумма распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) на содержаніе земскихъ общественныхъ училищъ, а также и на пособіе отъ земства церковно-приходскимъ общественнымъ училищамъ — 11,500 руб.; 2) на содержаніе пяти стипендіатовъ въ губернской земской общественной училищѣ 500 руб.; 3) на расходы 55 учителямъ земскихъ школь въ г. Самарѣ во время учительскаго съѣзда — 663 р.; 4) на вознагражденіе лицъ, руководящихъ сельскихъ учителей на съѣздъ 750 р., и 5) на расходы уѣзнаго училищнаго совѣта 200 руб. („Пр. Вѣстникъ“ № 26). Вообще затраты на народное образованіе растутъ постоляно, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Губерніи.	1869	1870	1871
1. Владимірская . . .	44,306	45,702	49,126
2. Воронежская . . .	41,981	47,054	58,370
3. Вятская	116,304	116,886	192,104
4. Екатеринославская .	31,678	31,930	40,864
5. Казанская	35,597	35,953	51,385
6. Калужская	19,217	21,172	29,497
7. Костромская	19,275	23,137	26,502
8. Курская	41,795	53,502	87,936
9. Московская	70,800	75,777	95,345
0. Нижегородская . . .	27,094	24,099	35,943
1. Новгородская	13,096	24,029	37,225
2. Олонская	9,069	8,419	12,385
3. Орловская	21,225	24,141	29,304
4. Пензенская	19,135	18,885	25,362
5. Полтавская	29,098	30,355	32,187
6. Псковская	25,066	30,326	51,412
7. Рязанская	36,152	41,408	53,120
3. С.-Петербургская . .	9,800	13,720	26,735
9. Саратовская	16,700	10,091	22,874
0. Симбирская	8,009	11,012	16,058
1. Смоленская	23,704	23,454	23,165
2. Таврическая	53,810	61,706	69,977
3. Тамбовская	23,030	38,834	46,784
4. Тверская	44,760	61,246	74,988
5. Тульская	32,682	15,100	31,647
3. Харьковская	50,087	63,400	57,653
7. Херсонская	50,304	66,849	88,695
3. Ярославская	32,656	35,323	34,845

Начинають появляться и стремленія выдавать учителямъ изстпныя преміи за успѣхи. Такъ московское уѣздное земское собраніе послѣдней очередной сессіи, обсуждала мѣры къ распро-раненію народнаго образованія въ уѣздѣ, между прочимъ, по-ановило: внести въ смѣту 1,000 руб. на выдачу премій учи-ламъ, относящихся добросовѣстно къ своему дѣлу, и 500 руб.

выдачу пособій учителямъ, ничѣмъ необезпеченнымъ въ даль-йшемъ существованіи. Вельское земское собраніе (вологодской 5.) тоже постановило: назначить 12 премій, двѣ по 35, четыре

по 25 и шесть по 15 руб. для выдачи награды учителямъ за успѣшное преподаваніе. Смотри на всѣ подобныя попытки, конечно, нельзя не порадоваться и не пожелать, чтобы онѣ не были одиночными явленіями, которымъ приходится удивляться, тогда какъ удивляться нашей бездѣятельности въ общественныхъ дѣлахъ просто странно: она вошла въ нашу плоть и кровь...

Х. Х.

Мы получили второй годовой отчетъ „Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ“ и хотимъ обратить вниманіе читателя на это новое у насъ дѣло.

Первое общество для спасенія при крушеніяхъ образовалось въ Англіи и въ ней-же изобрѣтена первая спасительная лодка. Изобрѣтеніе спасительной лодки приписываютъ слѣдующему обстоятельству. Въ сентябрѣ 1789 года случилось крушеніе одного купеческаго судна при устьѣ рѣки Тайнъ. Народъ, столпившійся у берега, оставался бездѣйствующимъ зрителемъ крушенія. Бѣдствовавшее судно пошло ко дну со всѣмъ экипажемъ и никто не могъ оказать ему никакой помощи. Событіе это произвело такое потрясающее впечатлѣніе на народъ, что была тотчасъ-же открыта мѣстная подписка и собранныя деньги назначены тому, кто построитъ лучшую спасительную лодку. Явились два конкурента. но премія выдана Гретгеду. Его лодка служила почти безъ всякихъ измѣненій до 1849 года. Но вотъ въ декабрѣ того-же года усмотрѣно недалеко отъ устья рѣки Тайнъ бѣдствующее судно. Вѣтеръ стоялъ очень сильный. Двадцать четыре гребца садятся въ лодку, отчаливаютъ ее; отойдя недалеко отъ берега, лодка, къ общему изумленію, перевертывается и спасаются только четыре матроса, а остальные гибнутъ. Несчастіе это уронило авторитетъ лодки Гретгеда и герцогъ Нортумберландскій предложилъ большую премію за изобрѣтеніе такой лодки, которая-бы сама собою принимала правильное положеніе, въ случаѣ, если опрокинется. Большая-ли премія или важность самаго дѣла, но на вызовъ герцога было прислано 300 чертежей и моделей. Особенный комитетъ изъ техниковъ разсмотрѣлъ проекты и присудилъ премію Джемсу Би-

чингу. Лодка, построенная по его проекту, подвергавшаяся испытанію впродолженіи пяти лѣтъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, выдержала вполне пробу. Но техники этимъ не удовлетворились. Одному изъ членовъ комитета, Пикю, извѣстному судостроителю въ девонпортскомъ адмиралтействѣ, было поручено составить чертежъ такой спасительной лодки, которая-бы соединяла въ себѣ лучшія качества моделей, присланныхъ герцогу Нортумберландскому. Пикъ исполнилъ порученіе и построенная по его чертежу лодка такъ удовлетворяла всеѣмъ условіямъ спасительнаго бота, что герцогъ заказалъ на свой счетъ три такихъ-же. Лодка Бичинга, усовершенствованная Пикомъ, принята теперь для всеѣхъ английскихъ спасительныхъ станцій.

Въ Англіи спасительныя станціи составляютъ общественное учрежденіе и поддерживаются частными пожертвованіями; но прошло много времени прежде, чѣмъ это общество сформировалось въ теперешнемъ своемъ законченномъ видѣ. Горячее участіе, принятое обществомъ, было одно недостаточно ужь только потому, что не имѣлось еще пригодныхъ для дѣла спасительныхъ средствъ. Одною участія было мало. Сэръ Вильямъ Гиллери, жившій на островѣ Менѣ, приобрѣвшемъ печальную извѣстность численностью своихъ кораблекрушеній, и первый подавшій мысль объ организаціи общества, первый-же убѣдился въ томъ, что при отсутствіи средствъ спасенія спасти погибающихъ невозможно. Однажды его выбросило волной изъ спасительной лодки и при этомъ переломило у него нѣсколько реберъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ Нортумберландскій пожертвовалъ значительныя суммы на изобрѣтеніе и постройку лодокъ, дѣло спасенія при кораблекрушеніяхъ встало на твердую почву. Въ 1852 году герцогъ былъ избранъ президентомъ общества, въ 1861 году королева Викторія приняла общество подъ свое покровительство, и съ тѣхъ поръ дѣло это въ Англіи упрочилось и въ очень короткое время достигло замѣчательнаго результата. Въ настоящее время въ Англіи 233 лодочныхъ спасительныхъ станцій. Станціями этими спасено въ 1871 году 882 человекъ, а съ 1824 года спасено 20,746 человекъ. Общій расходъ общества со времени основанія на учрежденіе спасительныхъ станцій и на разныя приспособленія при кораблекрушеніяхъ составляетъ до 292,500 ф. стерл.

Кромѣ королевскаго центрального общества спасенія, въ Англіи

существуетъ съ той-же цѣлью очень много другихъ обществъ. Болѣе замѣчательное изъ нихъ—гуманное общество, учрежденное въ 1774 году. Общество имѣетъ въ Гайдъ-Паркѣ свой домъ, съ помещеніемъ для приведенія къ жизни мнимоумершихъ, а также всѣ орудія и средства для спасенія жизни катающихся на конькахъ по неокрѣпшему льду.

Одновременно съ образованіемъ англійскаго общества „Спасенія погибающихъ на морѣ“ составились два подобныхъ-же въ Голландіи; затѣмъ съ 1847 года началось устройство спасительныхъ станцій въ Даніи; съ 1856—въ Швейцаріи; съ 1859—въ Россіи; съ 1860—частныя общества въ ГанOVERѣ и Гаврѣ, а въ 1865 году образовалось въ Парижѣ „Центральное общество погибающихъ при кораблекрушеніяхъ“. Какъ горячо принялись французы за это филантропическое дѣло, вы можете видѣть изъ того, что въ первый-же годъ было собрано въ деньгахъ, спасительныхъ предметахъ и снарядахъ 315,000 франковъ. Средства общества, съ его основанія и до 1871 года, составляли 1,378,226 франковъ. Къ сожалѣнію, это прекрасное и вполне развившееся во Франціи общество потерпѣло, какъ и все во Франціи, отъ послѣдней нѣмецкой войны. Субсидіи правительства уменьшились, приходъ отъ членскихъ взносовъ тоже, и все это отразилось въ службѣ на станціяхъ, гдѣ оказался большой недостатокъ въ грѣбцахъ и явилась замѣтная апатія къ дѣлу.

Германскія общества явились тоже недавно и хотя во главѣ дѣла всталъ самъ германскій императоръ, принявшій на себя покровительство общества, но тѣмъ не менѣе въ Германіи всего 66 спасительныхъ станцій—30 въ Нѣмецкомъ морѣ и 36 въ Балтійскомъ; все имущество общества—134,500 талеровъ, а годичный приходъ—29,966 талеровъ.

У насъ первая мысль о спасительныхъ станціяхъ явилась въ 1856 году, когда гидрографическій департаментъ заявилъ, что было-бы полезно на нѣкоторыхъ маякахъ и лоцманскихъ станціяхъ ввести спасительныя лодки. По свѣденіямъ, собраннымъ гидрографическимъ департаментомъ о крушеніяхъ въ Финскомъ заливѣ и у Балтійскаго побережья, оказалось, что наибольшее число кораблекрушеній случается у сѣверной оконечности острова Гогланда, у Дагерорта, Фильзанда и Домеснесса. Тогда его императорское высочество генералъ-адмиралъ приказалъ учредить

при этихъ мѣстахъ спасительныя станціи и выписать изъ Англїи четыре спасительныя лодки системы Пика. Первая лодка была доставлена изъ Англїи лѣтомъ 1858 года, и хотя она предназначалась для Фильзанда, но такъ-какъ тамъ не было заранѣе построено никакого помѣщенія для команды, то лодку со всѣми ея принадлежностями и избранными изъ матросовъ гребцами отправили въ Ревель. Лѣтомъ 1859 года получены остальные три лодки; но и ихъ постигла подобная-же судьба, т. е. онѣ не попали прямо къ мѣсту своего назначенія. Такъ-какъ ни въ Дагерордѣ и въ Домеснесѣ не было тоже выстроено помѣщенія для команды, то дагерорская лодка была отведена въ Ревель, а домеснеская на зиму отводилась въ Ригу. Только уже по полученіи лодокъ послѣдовало распоряженіе, чтобы на каждой спасительной станціи были выстроены: прочный деревянный или каменный навѣсъ для храненія лодки; полозья для спуска лодки на воду и для вытаскиванья ея на берегъ; домъ для гребцовъ, съ отдѣленіемъ для помѣщенія спасенныхъ людей и необходимыми средствами для подаванія первой помощи утопленникамъ; наконецъ, ракетные или мортирные аппараты для передачи на бѣдствующее судно конца съ берега.

Хотя морскіе офицеры и морское вѣдомство принимали довольно живое участіе въ организациіи и устройствѣ спасительныхъ станцій, хотя даже изъ государственнаго казначейства было отпущено единовременно 5,812 р. на устройство станціи при нарвекомъ портѣ и ежегодно на содержаніе станціи 2,160 р., но дѣло это подвигалось очень медленно, пока не учредилось и у насъ общество, подобное англійскому.

Первая мысль объ устройствѣ общества возникла между моряками военнаго флота. И тогда-же частными пожертвованіями собрана довольно значительная сумма. Чины морского вѣдомства пожертвовали 10,820 р.; с.-петербургскій рѣчной яхтъ-клубъ—1,375 р. и присланы изъ Александріи отъ русскаго генеральнаго консула 8,000 франковъ. Всего первый вкладъ составилъ 14,595 р. Въ ноябрѣ того-же года директоръ гидрографическаго департамента подалъ управляющему морскимъ министерствомъ докладную записку и въ ней говорилъ, „что для того, чтобы собранная сумма могла быть употреблена согласно смыслу объявленія о подпискѣ, необходимы ежегодныя пожертвованія, необходима постоянная

частная благотворительность, т. е. частное общество, подобное существующимъ въ Англіи и Франціи. До настоящаго времени, говорилось дальше, забота о спасеніи погибающихъ на нашихъ моряхъ принадлежала исключительно правительству и оно сдѣлало уже многое для этого благого дѣла; но оно одно не могло сдѣлать всего. Пора обратиться къ частной благотворительности и вызвать ее на поддержаніе и распространеніе этого святого дѣла. Если въ одномъ морскомъ вѣдомствѣ по первому вызову собрана сумма почти въ 11,000 р. и изъ отдаленной Александріи русскіе подданные и лица, находящіеся подъ покровительствомъ Россіи, по одному заявленію въ „Кронштадскомъ Вѣстникѣ“ доставили около 2,500 р., то позволительно надѣяться, что на призывъ къ частной благотворительности по всей Россіи можно получить самый утѣшительный отвѣтъ. Россія богата благородными стремленіями, а что можетъ быть благороднѣе, великодушнѣе жертвы, внесенной для сохраненія человѣческой жизни, для спасенія тѣхъ, которые, презирая морскія опасности, способствуютъ увеличенію богатства и благосостоянія каждаго изъ насъ и всего нашего отечества...“

Нельзя не отдать дань уваженія той энергіи нашихъ моряковъ, съ которой они принялись за это дѣло и продолжали его, и, наконецъ, исходатайствовали разрѣшеніе Государя на учрежденіе общества. Вслѣдъ за утвержденіемъ, въ октябрѣ 1871 года, государыня цесаревна приняла общество подъ свое покровительство.

Подобныя филантропическія учрежденія идутъ, конечно, успѣшнѣе всего въ формѣ частной или полуофициальной. Въ Англіи спасительныя станціи были устроены непосредственными свидѣтелями безпрестанныхъ несчастій на морѣ, и кому хоть разъ случилось видѣть гибель судовъ и тонущихъ безпомощно людей, ужь, конечно, задается вопросомъ: „да неужели нельзя ничего подѣлать?“ У насъ, какъ говоритъ „Военно-статистическій Сборникъ“, гибнетъ въ моряхъ ежегодно до 5¹/₂ тысячъ людей; нѣтъ рѣки, нѣтъ озера, нѣтъ моря, въ которомъ-бы, и преимущественно весной, не тонули-бы люди, иногда цѣлыми десятками. Если вы никогда не были свидѣтелемъ гибели человѣка, свидѣтелемъ пассивнымъ, вамъ даже трудно и понять, какъ мучительно сознавать это безсиліе; личное мужество и героизмъ, конечно, увлекательны

и благородны; но одного этого мало — нужны еще люди, подобные Гиллеру, и правильно организованное спасеніе.

Ораніенбаумъ каждую осенью и весною былъ свидѣтелемъ ужасныхъ сценъ медленной гибели людей на ненадежномъ льду. Не разъ толпа, собравшаяся на берегу, слышала раздирающіе вопли погибающихъ, видѣла ихъ отчаянное положеніе, но по большей части не могла имъ помочь. Въ 1857 году, наканунѣ свѣтлаго Воскресенья, разнеслась въ Ораніенбаумѣ въ шесть часовъ вечера вѣсть, что на морѣ слышны крики погибающихъ. Всѣ бросились къ берегу и увидѣли вдали на рыхломъ льду двѣ человѣческія фигуры. Флотскій офицеръ приказалъ матросамъ снять несчастныхъ, но матросы, отойдя нѣсколько десятковъ сажень отъ берега и проваливаясь почти на каждомъ шагу, начали, наконецъ, тонуть и вернулись. Нѣсколько смѣльчаковъ изъ народа попытались-было тоже пройти къ погибающимъ и также безуспѣшно. Въ числѣ зрителей находился ораніенбаумскій почетный гражданинъ М. В. Говоровъ. У Говорова дрогнуло сердце; обратившись къ толпѣ, онъ вызвалъ охотниковъ, обѣщая каждому по 25 р. Вышли шесть человѣкъ и Говоровъ отправился съ ними. Съ большимъ трудомъ добрались они до погибающихъ, но одинъ изъ нихъ, старикъ, слишкомъ поспѣшилъ подползти къ лодкѣ и обрушился подъ ледъ. Другого сняли со льдины, но совершенно въ безсознательномъ положеніи. То были отецъ и сынъ, плотники, отправлявшіеся изъ Кронштадта на заработки. Чтобы спасти отца, закинули кошку или четырехлапный якорь и — вытащили трупъ. Толпа въ трепетномъ ожиданіи стояла на берегу. Около 8 часовъ вечера лодка, приближавшаяся къ берегу, была встрѣчена восторженными криками; Говорова и гребцовъ вынесли на рукахъ; толпа ликовала.

И подобные случаи повторяются въ Ораніенбаумѣ ежегодно. Ораніенбаумъ, находящійся въ семи верстахъ отъ Кронштадта, есть ближайшій береговой пунктъ этого города, наполненнаго приходящими рабочими и получающаго свое продовольствіе съ материка. Когда прямое сообщеніе Петербурга съ Кронштадтомъ становится уже опаснымъ, всѣ, кому нужно, отправляются черезъ Ораніенбаумъ; въ это-же время крестьяне окрестныхъ деревень, и особенно весною, передъ Пасхою, чтобы сбыть жизненные припасы и заработать деньги къ празднику, усиленно стремятся въ Кронштадтъ, а изъ Кронштадта встрѣчнымъ потокомъ идетъ гонимый

нуждою рабочій людъ, оставшіяся къ веснѣ безъ работы. Всѣ предупредительныя мѣры администраціи совершенно безсильны передъ нуждою, которая гонить людей. Пока дѣйствуетъ подобное обстоятельство, конечно, не полицейскимъ запрещеніемъ переходовъ можно предупредить гибель болѣе отважныхъ бѣдняковъ.

Возвратившись въ 1870 году на жительство въ Ораніенбаумъ, г. Говоровъ нашель, что все оставалось въ томъ-же положеніи, какъ и тогда, когда ему приходилось оказывать въ первый разъ помощь утопающимъ. Людъ, гонимый нуждою, по-прежнему пускался по ненадежному льду, и по-прежнему только великодушныя смѣльчаки отваживались съ опасностью жизни подавать не всегда успѣшную помощь. Убѣдившись, что одной личной энергіи слишкомъ недостаточно, г. Говоровъ задумалъ устроить спасительную станцію. Но роль спасительной станціи въ Ораніенбаумѣ была иная и задачей ея должно было служить не подаваніе помощи при кораблекрушеніи—случаи на ораніенбаумскомъ берегу очень рѣдкіе,—а спасеніе гибнувшихъ при вскрытіи и замерзаніи залива, гдѣ надобно бороться и съ водою, и со льдомъ. Хотя полярная экспедиція дала г. Говорову кое-какія данныя, но, не довѣряя себѣ, онъ обратился къ техническому обществу съ просьбою обсудить его проектъ. Г. Говорову оказали свое содѣйствіе не только частныя и официальные лица Россіи, но и „Великобританское королевское общество гуманности въ Лондонѣ“, выславшее ему спасительныя аппараты, употребляемые въ Англіи въ подобныхъ случаяхъ. Къ марту 1871 году станція Говорова была готова.

Мы укажемъ на нѣкоторые частныя случаи дѣятельности говоровской станціи:

17-го апрѣля 1871 года въ 10 часовъ утра со станціи былъ усмотрѣнъ, въ двухъ верстахъ отъ берега, человекъ на плавающей льдинѣ. Высланные со станціи три матроса съ спасительною лодкою сняли погибавшаго, оказавшагося крестьяниномъ калужской губерніи.

11-го и 12-го ноября 1871 года, только-что всталъ ледъ, лодка, посланная въ обходъ до Кронштадта, подняла 4-хъ человекъ, сидѣвшихъ на льду въ изнеможеніи и немощныхъ продолжать своего пути.

31-го марта 1872 года, въ 7 часовъ вечера, въ верстѣ отъ берега, усмотрѣнъ ѣхавшій въ саняхъ человекъ, просившій зна-

ками о помощи. Отправившіеся со станціи два матроса, съ спасительною лодкою на полозьяхъ, нашли возъ съ лошадыю погрузившимися уже въ воду. И человекъ, и лошадь съ возомъ были спасены.

2-го апрѣля 1872 года, несмотря на то, что уже открылось пароходное сообщеніе между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ, народъ еще переправлялся пѣшкомъ. На станціи, около 3 часовъ пополудни, былъ услышанъ крикъ о помощи. Посланные два матроса съ лодкою только брошеннымъ якоремъ успѣли вытащить изъ воды погибавшаго. Спасенный оказался крестьяниномъ смоленской губерніи.

Того-же числа, около 9 часовъ вечера, во время проливного дождя, былъ со станціи услышанъ опять крикъ о помощи. Отправленные матросы усмотрѣли въ 1^{1/2} верстахъ отъ берега трехъ людей, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, которые не смѣли двинуться съ мѣста, потому что ледъ разсыпался подъ ихъ ногами. Съ большимъ трудомъ дошли до нихъ матросы и двое изъ погибавшихъ уже погрузились въ воду и были вытащены тросомъ. Спасенные оказались крестьянами тверской губерніи.

Только-что успѣли высадить ихъ на пристань, какъ былъ снова услышанъ крикъ о помощи. Тѣ-же матросы отправились опять и, проваливаясь по горло, достигли просящихъ помощи, которые тоже не могли двинуться съ мѣста, потому что ледъ разсыпался подъ ногами. Не имѣя возможности принятъ всѣхъ за-разъ въ лодку, матросы двумъ изъ нихъ дали доски, на которыя они встали, а съ тремя отправились на станцію. Вернувши-сь вторично, матросы сняли благополучно и первыхъ двухъ. И это были крестьяне тверской губерніи.

3-го апрѣля 1872 года, когда по направленію къ Кронштадту образовались ужъ большія полыньи, замѣчены были со станціи четыре крестьянина и крестьянка, пробравшіеся по краю льда. Матросы еще не успѣли отойти съ лодкой отъ станціи, какъ раздался крикъ о помощи. Лодка, подоспѣвшая во время, сняла всѣхъ благополучно; но матросы, везя лодку, проваливались нѣсколько разъ, въ особенности, когда приходилось вытаскивать лодку изъ полыньи на льдину или-же спускать со льду въ полынью. Спасенные крестьяне были ярославской, тверской и псковской губерній.

2-го декабря 1872 года, когда между Кронштадтомъ и Ораниенбаумомъ поддерживалось еще пароходное сообщеніе, но образовался уже и ледъ, было усмотрѣно нѣсколько человѣкъ, отправлявшихся въ Кронштадтъ пѣшкомъ съ маленькими салазками, на которыхъ возятъ молоко. Сторожевой увидѣлъ, что ледъ, по которому они шли, началъ отдѣляться массами и его погнало въ свободное отъ льда пространство. Но вѣтеръ крѣпчалъ, ледъ начало ломать и начала дробиться та льдина, на которой остались люди. Одинадцать человѣкъ столпились на льдинѣ, но она едва могла ихъ сдерживать и погрузилась на-столько, что люди стояли по-колѣно въ водѣ. Подоспѣвшими двумя лодками были сняты всѣ. Спасенными оказались 3 мужчинъ и 8 женщинъ, шедшіе въ Кронштадтъ продавать молоко.

26-го декабря, въ 11 часовъ утра, былъ усмотрѣнъ со станціи провалившійся на рѣкѣ Каростѣ извозчикъ съ сѣдокомъ. Люди, посланные со станціи, спасли провалившихся. Сѣдокъ былъ офицеръ 96-го омскаго пѣхотнаго полка. Такъ-какъ случай этотъ былъ въ чертѣ города, то полиціей составленъ былъ о томъ протоколъ.

Я думаю, что и изъ этихъ немногихъ фактовъ уже ясно, насколько общество для спасенія погибающихъ на русскихъ рѣкахъ и моряхъ заслуживаетъ общественнаго вниманія. Но чтобы трудности этого дѣла были яснѣе читателю, мы представимъ ему нѣсколько статистическихъ данныхъ. Какъ мы уже говорили, число ежегодно утопающихъ въ одной европейской Россіи составляетъ 5,500 человѣкъ. Это 30% всѣхъ случайныхъ смертей! Пространство, занимаемое водами внутри имперіи, кромѣ Царства Польскаго, Финляндіи, Туркестанскаго края и Азовскаго моря, составляетъ 113,500 квад. верстъ. Общая длина судоходныхъ рѣкъ и каналовъ 40,000 верстъ. Число судовъ, ежегодно отправляемыхъ по внутреннимъ водамъ, свыше 50,000; плотовъ свыше 60,000. Къ русскимъ приморскимъ портамъ ежегодно приходитъ судовъ дальняго плаванія до 10,000. Каботажныхъ около 23,000.

За-границей разстояніе между станціями въ опасныхъ пунктахъ не превышаетъ отъ 3 до 10 верстъ. Конечно, это очень рѣдко. Для удовлетворенія потребностей нашихъ поморій, даже и въ такомъ размѣрѣ, потребовались-бы десятки милліоновъ. На од-

нихъ моряхъ, не считая озеръ и рѣкъ, спасительныхъ станцій первой необходимости предстоитъ устроить болѣе ста. У насъ-же ихъ пока открыто десять, да откроется еще въ нынѣшнюю навигацію восемь. Стоимость станцій чрезвычайно велика. Но принимая въ расчетъ цѣну человѣческой жизни, можно считать большой заслугой передъ Россіей даже и то небольшое, что сдѣлано до сихъ поръ. И трудность не въ одномъ недостаткѣ денежныхъ средствъ. Мы почти вовсе не знаемъ своихъ водъ. Напримѣръ, онежскій бассейнъ, несмотря на огромное развитіе по немъ судоходства, почти вовсе неизвѣстенъ. Извѣстно только то, что его наибольшая глубина доходить до 45 сажень, а не до 100—120 или даже 200 сажень, какъ считалось до 1870 года, т. е. до плаванія по Онежскому озеру великаго князя Алексѣя Александровича. Картъ это озеро вовсе не имѣетъ. „Грустныя послѣдствія неизслѣдованія столь важныхъ въ промышленномъ отношеніи водъ постоянно обнаруживаются, говоритъ отчетъ.—Такъ, 12 іюля 1873 года пароходъ „Петрозаводскъ“ съ пассажирами потерпѣлъ крушеніе, наткнувшись на всемъ ходу на каменный рифъ, неизвѣстный даже мѣстнымъ рыбакамъ. Нельзя не согласиться, что подобные случаи, кромѣ матеріальнаго ущерба, влекутъ за собою и неблагопріятныя послѣдствія нравственнаго свойства, отнимая, какъ у жителей, такъ и у пароходныхъ компаній, всякую надежду на возможность устройства по озеру скорого, дешеваго и удобнаго сообщенія. Въ такомъ-же положеніи находится Ильмень, фарватеръ котораго и рѣкъ Волхова, Шалони и Ловати до сихъ поръ неопредѣлены. Особеннаго вниманія заслуживаетъ устье Мсты и рукавъ ея, называемый Аркадскими озерками, гдѣ барки подвергаются гибели.

Потому, что намъ неизвѣстно состояніе нашихъ внутреннихъ водъ, мы не можемъ воспользоваться всѣми выгодами, доставляемыми примѣненіемъ пара. Потому, что намъ неизвѣстны фарватеры нашихъ рѣкъ и озеръ, пароходы наши не могутъ идти въ межень съ надлежащею быстротою и судоходство наше, сравнительно съ судоходствомъ другихъ государствъ, производится крайне медленно.

Потому, что не обслѣдованы наши мели, суда не могутъ принимать полныхъ грузовъ и должны часто паузиться, что возвышаетъ фрахты. Въ полую воду мысы и острова нашихъ прѣсныхъ

водъ, покрытые водою, не обозначаются никакими предохранительными знаками, и вслѣдствіе этого, и въ особенности въ низовьяхъ Волги, случается множество несчастій. Но даже и тамъ, гдѣ ставятся знаки, отсутствіе гидрографическихъ картъ не позволяетъ повѣрять правильность постановленія вѣхъ; наконецъ, вѣхи ставятся у насъ безъ всякаго соображенія съ общепринятыми для того правилами. Все это, между прочимъ, крайне затрудняетъ выборъ мѣстъ для спасительныхъ станцій на внутреннихъ водахъ.

Россія въ этомъ отношеніи значительно отстала отъ другихъ государствъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ имѣются подробныя и точныя карты рѣкъ и озеръ и поставлено на берегахъ 176 маяковъ. Въ Канадѣ на берегахъ внутреннихъ водъ горитъ 102 маяка и при нѣкоторыхъ изъ нихъ есть туманные паровые свистки. „Даже въ Китаѣ рѣка Янце-Кіангъ имѣетъ подробныя карты, говоритъ отчетъ,—и на берегахъ и островахъ ея между устьемъ и городомъ Ханькоу, т. е. на протяженіи ея первыхъ 1,000 верстъ, поставлено 26 маяковъ. Сверхъ того, на томъ-же разстояніи имѣется до 200 пагодъ вышиною отъ 80 до 150 футовъ, которыхъ географическая широта и долгота опредѣлена и которыя поэтому тоже служатъ хорошими гидрографическими знаками. Янце-Кіангъ имѣетъ много общаго съ Волгой и въ особенности въ подвижности нѣкоторыхъ мелей, которыя на Волгѣ служатъ причиною множества бѣдъ. Но подвижныя мели Янце-Кіанга не мѣшаютъ плаванію, потому что въ продолженіи всей навигаціи онѣ наблюдаются особымъ маленькимъ пароходомъ, который опредѣляетъ положеніе окраинъ банокъ и соотвѣтственно каждой найденной перемѣнѣ перестанавливаетъ вѣхи. Поэтому торговыя суда въ Китаѣ плаваютъ смѣло“.

Въ отчетѣ общества „Поданія помощи при кораблекрушеніяхъ“ за первый его отчетный годъ мы читаемъ, что годъ этотъ прошелъ преимущественно въ приготовительныхъ мѣропріятіяхъ. Обществу приходилось изучать и предстоящую ему задачу, и тѣ средства и способы, которые составляютъ послѣднее слово науки. Средства общества, до сихъ поръ собранныя, въ другомъ дѣлѣ могли-бы считаться вполне его обезпечивающими; но, къ сожалѣнію, ихъ приходилось тратить преимущественно на мѣры предварительныя. Если-бы не было этихъ расходовъ, общество поступало-бы

рѣшительнѣе въ устройствѣ станцій; теперь-же отъ него требовалась въ этомъ отношеніи крайняя осторожность.

Успѣхи второго года оказываются уже значительно существеннѣе. Открыли дѣйствія 21 центральное мѣстное (окружное) управленіе, именно: лифляндское, архангельское, эстляндское, астраханское, курляндское, рязанское, открытыя въ 1872 году, и вологодское, николаевское, воронежское, калужское, харьковское, новгородское, саратовское, иркутское, якутское, олонекское, екатеринославское, пермское, тамбовское, енисейское, кievское, открытыя въ 1873 году.

Къ 1874 году общество имѣетъ дѣйствующихъ спасительныхъ станцій: лодочныхъ 4: на Балтійскомъ морѣ 3 и на Черномъ—1. Съ орудіемъ Кордеса на островѣ Даго 1, съ плотомъ на Бѣломъ морѣ—1. Ракетныхъ въ Либавѣ и въ Виндавѣ—2, зимнихъ съ лодками на полозьяхъ въ Ораніенбаумѣ и Астрахани—2, Кромѣ того, съ открытіемъ навигаціи въ нынѣшнемъ году будутъ открыты: лодочныхъ станцій на Балтійскомъ морѣ—2 и на Черномъ морѣ—1; съ плотами на озерѣ Ильменѣ—1 и въ Черномъ морѣ—1; съ орудіемъ Кордеса на островѣ Даго—1; съ лодкою на полозьяхъ въ Саратовѣ—1 и на Ильменѣ—1.

При всей энергіи заявленій и приглашеній общества къ пожертвованіямъ, съ 1-го марта 1873 года по 1-е марта 1874 года поступило 48,923 р. 76 коп. Общій итогъ прихода за все время существованія общества: 219,876 р. 22 к., а итогъ расхода: 57,715 р. 41 к., остатокъ-же къ 1-му марта 1874 г. 162,160 р. 81 к.

„Нельзя не сознаться, говоритъ отчетъ,—что успѣхи эти, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ дѣло поданія помощи на водахъ развивалось въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы, крайне незначительны. Причины этой слабости развитія общественнаго дѣла слѣдуетъ искать въ томъ, что идея общества не получила еще достаточной въ населеніи популярности. Внутреннія области Россіи, какъ страны по преимуществу континентальной, мало еще проникаются сознаніемъ того громаднaго значенія, которое для всего благосостоянія народа имѣетъ предпринятое обществомъ дѣло. А между тѣмъ при настоящемъ, большомъ развитіи средствъ сообщенія, главный контингентъ пользующихся водяными сообщеніями лицъ доставляется не одними прибрежными жителями, но

преимущественно населеніемъ внутреннихъ областей. Съ другой стороны, дѣйствія общества крайне затрудняются тѣмъ, что, за неимѣніемъ какихъ-либо опредѣленныхъ денежныхъ пособій отъ казенныхъ вѣдомствъ, оно принуждено затрачивать часть суммъ, жертвуемыхъ для спасенія человѣческой жизни частными лицами и общественными учрежденіями, на расходы по управленію, на почтовую переписку, на печатаніе отчетовъ, брошюръ и руководствъ. Наконецъ, общество до сихъ поръ не можетъ располагать личнымъ составомъ, котораго-бы дѣятельность исключительно сосредоточивалась на дѣлахъ общества“. Короче, малая успѣшность общества, при всей его энергіи, зависитъ отъ тормозящихъ его общихъ причинъ, которыхъ, конечно, ему не устранить.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Аналогія нынѣшняго положенія Англіи съ положеніемъ ея въ 1841 году. — Реформаторская дѣятельность Роберта Пилля. — Реформы въ Ирландіи, предложенныя Гладстономъ. — Неестественное положеніе англиканской церкви въ Ирландіи. — Гладстоновскій проектъ объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи. — Сопrotивленіе этому проекту палаты лордовъ. — Принятіе закона. — Поземельныя отношенія въ Ирландіи, какъ результатъ завоеванія. — Необходимость поземельной реформы для Ирландіи. — Проекты Ньюмана, Джона Брайта и Стюарта Милля. — Ничтожныя результаты поземельной реформы въ Ирландіи. — Билль о народномъ образованіи. — Отмѣна покушки патентовъ. — Международный третейскій судъ. — Избирательный билль. — Поразительные результаты, достигнутыя Гладстономъ въ управленіи государственными финансами. — Отставка Гладстона. — Составъ торійскаго министерства. — Характеристика главныхъ его членовъ: Дизраэли. — Дерби. — Сэлисбери и пр.

I.

9 (21) февраля нынѣшняго года министерство Гладстона, болѣе пяти лѣтъ управлявшее Англіею, подало въ отставку и замѣнено министерствомъ Дизраэли. Эти пять лѣтъ принадлежать къ числу лучшихъ годовъ англійской исторіи. Полезныя реформы, быстро слѣдующія одна за другою, и строгая экономія въ расходахъ характеризуютъ управленіе Гладстона, безспорно одного изъ самыхъ замѣчательныхъ и талантливыхъ государственныхъ людей XIX столѣтія.

Торійскія газеты въ одинъ голосъ твердятъ, что настоящее положеніе Англіи имѣетъ несомнѣнную аналогію съ положеніемъ ея въ 1841 году, когда вигское министерство лорда Мельбурна,

управлявшее Англію съ 1832 года, вышло въ отставку и власть перешла въ руки торіевъ. Виги были призваны къ управленію въ моментъ сильнаго либеральнаго настроенія въ Англіи, которое отчасти явилось результатомъ важныхъ перемѣнъ на континентѣ Европы: во Франціи и въ Испаніи старшая линія Бурбоновъ замѣнилась младшей; при содѣйствіи Англіи было основано новое бельгійское королевство, получившее весьма либеральную конституцію и пр. Въ самой Англіи возникъ чартизмъ и шло сильное движеніе въ пользу избирательной реформы. Въ 1841 году Англія точно почувствовала усталость и захотѣла отдохнуть отъ вигскаго либерализма; къ тому-же избирательная реформа, которой такъ искренно боялись одни и такъ пламенно желали другіе, не удовлетворила ни страха, ни надеждъ; конечно, она была значительнымъ шагомъ впередъ, она увеличила число избирателей, она нѣсколько упростила сложный механизмъ весьма сложной англійской конституціи, но она не отвѣчала желаніямъ средней и мелкой буржуазии, въ это время уже начинавшей оказывать вліяніе на ходъ дѣлъ. Поэтому, вѣроятно, на общихъ выборахъ преимущество оказалось на сторонѣ торіевъ, руководимыхъ Робертомъ Пилемъ; они получили большинство 100 голосовъ. Въ составъ новаго министерства Пиль вошелъ, въ то время уже получившій извѣстность въ парламентѣ, Гладстонъ. Въ первый-же день своего управленія Пиль заявилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не наложитъ своей руки на избирательную реформу, осуществленную его предшественниками. Впрочемъ, онъ могъ и не заявлять объ этомъ, потому что въ тотъ моментъ его партіи было не съ кѣмъ бороться, такъ-какъ виги, озадаченные пораженіемъ, потеряли всякую энергію и были неспособны къ активной борьбѣ. У виговъ, къ тому-же, не было настоящаго предводителя; нѣсколько человекъ, добивавшихся занять вакантное мѣсто, вступили между собой въ безплодныя пререканія. Кроме того, виги, въ послѣдніе годы своей власти, довели бюджетъ до солиднаго дефицита и потому, какъ только открывали ротъ въ палатѣ, ихъ укоряли расточительностью. Англія, несмотря на свою усталость, требовала финансовой реформы. Она надѣялась, что Пиль суждетъ согласить приходъ съ расходомъ и не ошиблась. Пиль, имѣя такого пособника, какъ Гладстонъ, рѣшилъ финансовую задачу. Строить бюджетъ на прежнихъ основаніяхъ, очевидно, было не-

возможно и вотъ предводитель торійской партіи, Пиль, наноситъ ей страшный ударъ, проведя самую радикальную мѣру, которая только была принята въ Англіи въ XIX столѣтіи: вопросъ шелъ о ввозной пошлинѣ на хлѣбъ, о такъ пазываемыхъ хлѣбныхъ законахъ. Эта мѣра послужила поводомъ къ основанію новой партіи полу-либеральной, полу-радикальной, которая составилаь, какъ изъ тори, такъ и изъ виговъ, отдѣлившихся отъ старыхъ партій, и въ послѣдніе тридцать лѣтъ, за исключеніемъ небольшихъ промежутковъ, когда власть переходила въ руки торіевъ, управляла Англіей. Свое высшее выраженіе эта партія нашла въ Гладстонѣ, который осуществилъ и развилъ идея, въ первый разъ поставленныя Пилемъ. Въ исторіи дѣятельности Гладстона можно прослѣдить возвышеніе и паденіе манчестерской школы и новѣйшаго англійскаго либерализма.

Настоящую статью мы посвятимъ не біографіи Гладстона, а только его министерской дѣятельности съ 1868—1874 годъ. Обзоръ главнѣйшихъ фактовъ его управленія дастъ возможность составить вѣрное понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ, такъ и о министрѣ.

1868 годъ былъ апогеемъ политической репутаціи Гладстона. Въ то время онъ былъ не только главою англійскихъ либераловъ, но также однимъ изъ главнѣйшихъ руководителей народной, въ строгомъ смыслѣ этого слова, партіи. Замѣчательно ловкимъ маневромъ онъ свергъ торійское министерство и, съ величіемъ и благородствомъ, принялъ власть, какъ подвижникъ права и защитникъ угнетенныхъ; онъ торжественно заявилъ, что намѣренъ сдѣлать все, что возможно, для бѣдствующей Ирландіи.

Ирландія всегда была больнымъ мѣстомъ Англіи, но въ этотъ моментъ ирландскій вопросъ усложнился энергической агитаціей феніевъ. Министерство Дизраэли рѣшительно не находило средствъ помочь горю. Какъ далеко зашло феніанское движеніе, можно было заключить изъ того, что правительство нашлось вынужденнымъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ предосторожности. Такъ, когда привели къ эшафоту трехъ осужденныхъ феніевъ, Аллена, Гульда и Ларкина, правительство, опасаясь, чтобы народъ не вздумалъ освободить ихъ, окружило площадь отрядомъ войскъ, почти равносильнымъ отряду, посланному въ Абиссинію. Министерство Дизраэли арестовало массу ирландцевъ и аресты производи-

лись такъ легкомысленно, что въ числѣ заключенныхъ въ послѣдствіи оказалась масса людей, неимѣвшихъ ничего общаго съ феніями, и даже противниковъ этого движенія. Видя, что такіе репрессивныя мѣры нисколько не ослабляютъ агитаціи, Дизраэли вздумалъ помочь бѣдѣ, во-первыхъ, постройкой въ Ирландіи нѣсколькихъ новыхъ линій желѣзныхъ дорогъ, на что онъ испрашивалъ у палаты сверхсѣтнаго кредита и, во-вторыхъ, устройствомъ въ Ирландіи новаго католическаго университета. Конечно, въ парламентѣ нашлись люди, разъяснившіе, что такими средствами нельзя помочь болѣзни, съ давнихъ поръ уже поразившей организмъ Ирландіи.

Главнымъ противникомъ министерскихъ предложеній явился глава оппозиціи Гладстонъ. Онъ объяснилъ палатѣ, что Ирландіи уже нѣсколько столѣтій поражена язвой абсентеизма, что она производитъ на милліоны, но, къ несчастію, милліоны эти не идутъ на ея пользу, а доставляются въ Лондонъ, и расходуются или въ британской столицѣ или-же на европейскомъ континентѣ, гдѣ англійскіе путешественники тратятъ чудовищныя суммы. Такимъ образомъ, Ирландія только даетъ и даетъ, но ничего не получаетъ взамѣнъ. Бѣдность въ Ирландіи поразительная; самые фермеры, держащіе въ арендѣ даже довольно значительныя фермы, ѣдятъ плохо, одѣты нищенски и отягощены долгами. „Большія бѣдствія требуютъ сильныхъ лекарствъ“, заключилъ Гладстонъ.

Этотъ замѣчательный государственный человѣкъ далъ себѣ слово добиться, чтобы ирландскій вопросъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ полнѣйшей справедливости. По его мнѣнію, для успокоенія Ирландіи необходимы были рѣшительныя реформы, которыми-бы уничтожался вредъ, нанесенный Англіей этой странѣ и устранялись причины къ ея постояннымъ жалобамъ и неудовольствію. Гладстонъ искренно вѣрилъ, что рядъ имъ предложенныхъ реформъ способенъ окончательно успокоить Ирландію; мы знаемъ, что онъ нѣсколько ошибся и его реформы не привели къ тѣмъ громаднымъ результатамъ, какихъ онъ ожидалъ, но тѣмъ не менѣе его побужденія были вполне честны и то, что онъ сдѣлалъ для Ирландіи, останется навсегда памятникомъ его благотворной дѣятельности. Многіе-ли политическіе дѣятели заслуживаютъ такой репутаціи изъ ихъ долготѣней и часто многосторонней дѣятельности.

Гладстонъ, опытный и талантливый парламентскій боець, съ благороднымъ энтузіазмомъ бросился въ борьбу за Ирландію. Свой энтузіазмъ онъ сумѣлъ вселить въ своихъ товарищей, принадлежавшихъ въ то время, какъ и онъ, къ парламентской оппозиціи; онъ убѣдилъ ихъ твердо отстаивать двѣ реформы, которыя онъ считалъ рѣшительными и способными удовлетворить Ирландію: во-первыхъ, отнятіе отъ англиканской церкви въ Ирландіи ея значенія какъ официальной церкви и какъ политическаго учрежденія и, во-вторыхъ, измѣненіе законовъ касательно поземельной собственности въ Ирландіи въ смыслѣ установленія болѣе правильныхъ и болѣе выгодныхъ и справедливыхъ для арендатора отношеній между нимъ и собственникомъ земли.

Начнемъ съ англиканской церкви, которая до сихъ поръ заявляла претензію считать себя національной церковью въ Ирландіи. Пренія, возбужденныя въ палатѣ предложеніемъ Гладстона по вопросу объ англиканской церкви, доказали, что англичане отнеслись къ этому даже серьезнѣе и страстнѣе, чѣмъ къ *биллю объ избирательной реформѣ* и къ разрѣшенію вопроса о *кельтскихъ законахъ*. Цѣлыхъ два года предложеніе Гладстона волновало какъ парламентъ, такъ и всю страну, не исключая самыхъ отдаленныхъ глухихъ провинціальныхъ уголковъ, пока со всѣхъ сторонъ не раздался общій крикъ: „справедливости! справедливости!“

Гладстонъ разъяснилъ палатѣ, что трехвѣковой опытъ слишкомъ очевидно доказалъ несостоятельность англиканской церкви въ Ирландіи, одинаково, какъ учрежденія религіознаго, такъ и политическаго. „Посмотрите на Шотландію, говорилъ онъ, — тамъ нѣтъ официальной церкви, тамъ полная свобода вѣроисповѣданій и страна несравненно менѣе раздѣлена на партіи, враждебныя другъ другу. Введите-же въ Ирландію систему, которая сдѣлала изъ Шотландіи счастливую, довольную, богатую и вполне дружелюбную Англій провинцію великобританскаго государства“.

Гладстонъ вслѣдъ за этимъ привелъ поразительные факты, доказывающіе крайнюю несправедливость, къ которой приводитъ существованіе въ Ирландіи официальной англиканской церкви. Населеніе Ирландіи, простиравшееся въ 1845 году до 8,750,000 душъ, вслѣдствіе голода и эмиграціи уменьшилось до того, что въ 1868 году состояло всего изъ 5,750,000 человекъ. Изъ нихъ только 690,000, т. е. всего одна девятая часть, принад-

лежали въ официальной англиканской церкви; три четверти населенія исповѣдовало католицизмъ; остальные были диссиденты различныхъ исповѣданій.

Англиканская церковь, къ которой принадлежала одна девятая часть населенія, считала нужнымъ имѣть въ Ирландіи на казенномъ содержаніи 2 архіепископа, 10 епископовъ и 1,500 пасторовъ, т. е. одно духовное лицо на 43 человѣка населенія обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Жалованье англиканскому духовенству платила вся Ирландія безъ исключенія, т. е. ирландцы всѣхъ исповѣданій, какъ англикане, такъ католики и диссиденты.

Существовало болѣе 200 приходовъ, неимѣвшихъ ни одного прихожанина, между тѣмъ духовенство этихъ приходовъ получало жалованья отъ 600 до 3,000 р. въ годъ. Религіозныя потребности каждаго англиканскаго семейства въ Ирландіи стоили правительству около 200 рублей въ годъ. Частный доходъ приходовъ англиканской церкви въ Ирландіи простирался до двухъ съ половиною милліоновъ рублей въ годъ. Въ 575 приходдахъ приходилось среднимъ числомъ по 20 англиканъ на приходъ; въ 443 приходдахъ, вмѣстѣ взятыхъ, числилось всего 20,529 англиканъ. Ни одинъ изъ англиканскихъ епископовъ въ Ирландіи, умершихъ въ періодъ съ 1822 по 1868 годъ, не оставлялъ послѣ себя наслѣдства менѣе 250,000 рублей, а архіепископъ лордъ Джонъ Бересфордъ, похороненный въ 1865 году, оставилъ своимъ наслѣдникамъ 5,608,000 рублей. И все это жалованье, всѣ эти доходы, всѣ эти богатства доставляли англиканскому духовенству въ Ирландіи, по большей части, католики, по-преимуществу народъ бѣдный. Налогъ распредѣлялся по числу населенія, слѣдовательно, богатые англикане, составляя меньшинство, платили, сравнительно, очень не много.

Нѣкоторые изъ ревностныхъ друзей Гладстона, основываясь на его дѣятельности по вопросу объ англиканской церкви въ Ирландіи, прославили его позитивистомъ, свободнымъ мыслителемъ и, въ своей ревности, дошли до такого абсурда, что прокричали, будто Гладстонъ вообще врагъ церковной іерархіи и даже самой церкви. Но это чистѣйшій вздоръ. Гладстонъ, какъ и большинство англичанъ, въ церковныхъ вопросахъ человѣкъ весьма умѣренный; онъ усердный англиканъ и всегда отстаиваетъ интересы англиканской церкви, непротиворѣчація справедливости. Онъ

Былъ искренно убѣжденъ, что существованіе англиканской церкви, какъ національной въ Ирландіи, ведетъ къ крайней несправедливости и приноситъ вредъ даже самой англиканской церкви. Въ видахъ строгой справедливости и пользы для Англии, онъ рѣшился возстать противъ существованія официальной англиканской церкви въ Ирландіи, т. е. противъ протестантизма, который онъ самъ считалъ религіей прогресса и истинной, — въ пользу католицизма, по его мнѣнію, заблужденія и религіи застоя.

Выработавъ проектъ новаго закона и убѣдившись, что встрѣтитъ въ парламентѣ поддержку, Гладстонъ внесъ его въ палату. Министерство Дизраэли возстало противъ проекта, но въ публикѣ онъ вообще встрѣтилъ довольно сильное сочувствіе. Гладстонъ требовалъ, чтобы со дня принятія новаго закона были прекращены субсидіи отъ казны, которыми пользуются въ Ирландіи церкви всѣхъ исповѣданій, все равно католическая, англиканская или пресвитеріанская. Однакожь, пенсіи и жалованья, получаемыя теперь духовенствомъ этихъ церквей, должны выплачиваться имъ по смерти, но лица, ихъ замѣстившія, отъ государства ничего уже не получаютъ. Однимъ словомъ, онъ предлагалъ отдѣлить въ Ирландіи церкви отъ государства. Здѣсь, конечно, дѣло шло объ одной англиканской церкви, потому что церкви другихъ исповѣданій уже были отдѣлены отъ государства: диссидентское духовенство никакихъ субсидій, ни пенсій, ни жалованья отъ государства не получало; католическое, если иногда и получало ихъ, то только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Вся тяжесть содержанія англиканскаго духовенства въ Ирландіи, такимъ образомъ, лежала на католикахъ и диссидентахъ.

Противники реформы, конечно, возражали, что соединеніе церкви и государства — учрежденіе священное. затронуть которое, по меньшей мѣрѣ, не удобно. Далѣе, что если разъ будетъ признано необходимымъ принять реформу для Ирландіи, пожалуй, потребуютъ примѣненія ея и къ самой Англии.

Гладстону не трудно было разбить своихъ противниковъ, однакожь, ихъ было много и потому въ палатѣ общинъ загорѣлась оживленная и блестящая борьба, кончившаяся совершенной побѣдой партіи Гладстона. При всемъ томъ министерство Дизраэли не захотѣло подать въ отставку, хотя противъ него оказалось большинство 60 голосовъ въ палатѣ и общественное мнѣніе

страны. Министерство рассчитывало, что законъ не пройдетъ въ палатѣ лордовъ и его не утвердитъ королева. По англійской конституціи законъ входитъ въ силу, когда его примутъ всѣ три фактора законодательной власти: королева, палата лордовъ и палата общинъ или, по крайней мѣрѣ, два изъ нихъ. На этотъ разъ теорія уступила практикѣ и хотя за законъ сначала высказалась одна палата общинъ, а палата лордовъ и королева противъ него, но, въ концѣ концовъ, онъ былъ принятъ палатой лордовъ, когда его утвердила королева.

Болѣе года палата лордовъ выказывала свое сопротивленіе. Члены ея сильно агитировали въ странѣ; они устраивали митинги, собирали подписи подъ петиціями, настаивавшими на необходимости отвергнуть новый законъ. Палата лордовъ предлагала разные компромиссы, но палата общинъ твердо держалась своего прежняго рѣшенія. Въ странѣ началась агитація противъ самой палаты лордовъ. Обезпокоенные такимъ движеніемъ, лорды рѣшили, что необходимо уступить и значительнымъ большинствомъ, вопреки желанію министерства, вотировали уничтоженіе англиканской церкви въ Ирландіи, какъ учрежденія официальнаго. Меньшинство протестовало противъ такого рѣшенія палаты лордовъ. Престарѣлый, семидесятилѣтній лордъ Дерби прочелъ протестъ, подписанный сорока семью лордами, который онъ называлъ послѣднимъ актомъ своей политической жизни. Въ этомъ протестѣ вкратцѣ изложены мотивы, которыми торійская партія оправдывала свое сопротивленіе принятію новаго закона.

Въ своемъ протестѣ лордъ Дерби, конечно, упомянулъ и о томъ, что принципъ, признанный справедливымъ для Ирландіи, необходимо долженъ быть признанъ такимъ-же и для самой Англій; слѣдовательно, если палата считаетъ полезнымъ дѣломъ отдѣленіе церкви отъ государства въ Ирландіи, она, логичнымъ путемъ должна придти къ заключенію о полезности примѣненія этой мѣры и въ Англій. Между тѣмъ Гладстонъ настаивалъ, что объ Англій онъ вовсе не думаетъ и считаетъ, что для нея нѣтъ никакой надобности въ такой реформѣ. Лордъ Дерби былъ правъ въ своихъ выводахъ, онъ могъ обвинять Гладстона въ неискренности, въ желаніи провести палату. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, кто хорошо зналъ Гладстона, тотъ могъ смѣло утверждать, что онъ говорилъ искренно, что у него не было никакой задней мысли, и

что, имѣя въ виду реформу для Ирландіи, которую онъ считалъ необходимою для усвоенія края и примиренія его съ Англіей, онъ и не подозрѣвалъ, бѣ какимъ результатамъ можетъ привести его реформа. Вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства какъ въ самой Англіи, такъ и на континентѣ Европы теперь уже несомнѣнно поставленъ и ждетъ своего разрѣшенія въ ближайшемъ будущемъ. Гладстонъ имѣетъ полное право приписать себѣ честь постановки этого важнаго вопроса. Въ этомъ его величайшая заслуга не только передъ Англіей, но и передъ всѣмъ человѣчествомъ.

II.

Этой знаменитой реформой и кончается энергическая дѣятельность замѣчательнаго государственнаго человѣка. Далѣе онъ уже начинаетъ выказывать слабость, колебанія и сомнѣнія, почему, естественно, замышляемыя имъ реформы совершаются уже только вполонину, ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ не получается и дѣятельность Гладстона начинаетъ возбуждать неудовольствіе даже въ средѣ людей, поддерживавшихъ его министерство и вполнѣ ему преданныхъ.

Гладстонъ далъ обѣщаніе успокоить Ирландію, и мудрой и великодушной политикой примирить ее съ Англіей. Его лозунгомъ въ первые три года управленія было: „справедливость для Ирландіи!“ Совершивъ первую, дѣйствительно, крайне необходимую для Ирландіи реформу отдѣленія церкви отъ государства, онъ задумалъ надѣлать ирландскихъ крестьянъ землею, подобно тому, какъ это сдѣлано въ Россіи знаменательнымъ актомъ освобожденія крестьянъ, 19 февраля 1861 года.

Положеніе земледѣльцевъ въ Ирландіи было самое незавидное. Ирландія съ самыхъ первыхъ дней завоеванія служила ареной ожесточенной борьбы между расой завоевателей и расой побѣжденныхъ. Эта борьба часто сопровождалась кровавыми возмущеніями, за которыми слѣдовали кровавыя усмиренія. Побѣдители англичане раздѣлили ирландскую землю между предводителями англійскихъ войскъ, вторгнувшихся въ Ирландію, и затѣмъ, законами о маіоратѣ и другими, ему подобными, пресѣкли вся-

кую возможность туземцамъ приобрести землю въ свою собственность. Цѣлымъ рядомъ репрессивныхъ мѣръ, Англія совершенно разорила туземцевъ. Въ Ирландіи водворилась такая бѣдность, о какой въ другихъ странахъ почти невозможно было составить себѣ понятія, такъ-какъ образецъ ея передъ глазами не существовало. Въ большинствѣ случаевъ расы побѣдителей и побѣжденныхъ сливаются и живутъ общою жизнью, но въ Ирландіи о такомъ сліяніи не было и помину; вражда и ненависть оставались въ той-же силѣ, какъ они были и въ первые дни завоеванія. Въ Ирландіи по-прежнему побѣдители и побѣжденные стояли другъ противъ друга, имѣя на готовѣ оружіе; двѣ различныя націи по-прежнему вызывали одна другую на бой. Съ одной стороны, побѣдитель англо-саксъ, съ другой, побѣжденный кельтъ; побѣдитель протестантъ, побѣжденный католикъ; побѣдитель обладаетъ громадными средствами для защиты и нападенія и богатствомъ, у побѣжденного нѣтъ ничего.

Въ Ирландіи очень мало фабрикъ; фабричныхъ рабочихъ самое ничтожное число; большинство ирландскаго населенія занимается земледѣліемъ и живетъ отъ земли. Благосостояніе страны находится въ прямой зависимости отъ урожая и отъ устройства поземельныхъ отношеній. Поземельная реформа въ Ирландіи давно необходима, и безъ нея всякія другія реформы, какъ-бы онѣ ни были благотѣльны въ принципѣ, не приведутъ къ ожидаемымъ результатамъ, т. е. къ успокоенію края и примиренію его съ Англією.

Несмотря на то, что Ирландія страна чисто земледѣльческая и большая часть ея обитателей живутъ землей, въ ней чрезвычайно мало пахатной земли. Землевладѣльцы находятъ для себя болѣе выгоднымъ превращать свои земли въ луга и пасты на нихъ быковъ и овецъ. При всемъ томъ арендная плата за землю крайне высока, почему сѣмщики земель состоятъ въ неоплаченныхъ долгахъ, что несомнѣнно привело ихъ къ полнѣйшему разоренію. Въ 1810 году изъ пяти съ половиною милліоновъ гектаровъ владѣльческой земли, четыре милліона были подъ лугами и только полтора подъ пашнею. Кромѣ того въ Ирландіи было 1,800,000 гектаровъ совсѣмъ необработанной земли, которую очень легко было-бы утилизировать для пашни. Съ каждымъ годомъ количество пахатныхъ земель уменьшается, а луговъ увели-

чивается. Съ каждымъ годомъ уменьшается народонаселеніе Ирландіи и увеличивается эмиграція изъ нея въ другія страны, преимущественно въ Америку. Вотъ уже двадцать лѣтъ ежегодно около ста тысячъ ирландцевъ оставляютъ отечество и удаляются въ другія страны для отысканія себѣ куска насущнаго хлѣба.

Бѣдствія Ирландіи составляютъ стыдъ для Англіи. Лучшіе, гуманнѣйшіе люди въ Англіи давно требуютъ справедливости для Ирландіи. Но всѣ ихъ доводы, по большей части, виолнѣ разумные и практическіе, разбивались объ эгоизмъ Джона Буля. Въ послѣднее время англійская агитація въ пользу оказанія справедливости Ирландіи еще болѣе усилилась. Профессоръ Ньюманъ и Томасъ Гюгъ рискнули торжественно заявить, что соединеніе Ирландіи съ Англіей, поддерживаемое достойными порицанія средствами, непремѣнно приведетъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, послужить причиной страшныхъ бѣдствій для обѣихъ странъ. Ньюманъ видитъ только одно средство для успокоенія: превращеніе Ирландіи въ четыре штата, а англійскаго парламента въ конгрессъ, подобный вашингтонскому. Предложеніе Ньюмана не встрѣтило ни серьезнаго обсужденія, ни серьезнаго опроверженія, на него даже не обратили вниманія. Джонъ Брайтъ былъ счастливѣе Ньюмана. Его предложеніе было встрѣчено рукоплесканіями многочисленнаго собранія. Брайтъ находилъ справедливымъ, въ виду общественной пользы выкупить, подобно тому, какъ это сдѣлано съ имѣніями англиканскаго духовенства въ Ирландіи, — у ирландскихъ землевладѣльцевъ землю, капитализировавъ среднюю ренту за нее изъ 7 или 8 процентовъ. Выкупъ должно совершить правительство и затѣмъ выданную выкупную ссуду получить съ землевладѣльцевъ, сдѣлавшихся собственниками земли, конечно, разсрочивъ уплату на такой продолжительной срокъ, чтобы уплата не была для нихъ отяготительна; иначе, эта мѣра не достигнетъ своей цѣли, т. е. увеличенія благосостоянія сельскаго населенія. Изъ всѣхъ предложенныхъ въ то время проектовъ — а ихъ было не мало — проектъ Брайта, — вскорѣ послѣ того получившаго портфель министра торговли въ министерствѣ Гладстона, — былъ самый основательный уже потому, что съ его осуществленіемъ затруднительный вопросъ рѣшался скоро и по возможности безобидно для обѣихъ сторонъ. Притомъ англійское правительство этой мѣрой пріобрѣтало громадную популярность

въ Ирландіи, что, конечно, для него было необходимо и безвыгодно.

Стюартъ Миль, одинъ изъ свѣтлыхъ умовъ и замѣчательнѣйшихъ ученыхъ XIX вѣка, потерю котораго вмѣстѣ съ Англіей оплакивала и вся Европа, — Стюартъ Миль предложилъ средство менѣе рѣшительное, чѣмъ Брайтъ, но все-таки такое, которое могло успокоить Ирландію. Указывая на то, что *Perpetual Settlement* (вѣчное пользованіе имуществомъ за опредѣленную ренту) успокоило Бенгалію, Миль предлагалъ назначить комиссію, на обязанность которой возложить произвести дѣйствительную оцѣнку каждой фермы, не стѣсняясь существующей рентой. Когда оцѣнка будетъ окончена, комиссія опредѣлитъ среднюю ренту; а затѣмъ арендаторъ получаетъ въ вѣчное пользованіе ферму, которую онъ арендовалъ до сихъ поръ, съ обязанностію уплачивать владѣльцу и его наслѣдникамъ опредѣленную комиссіей ренту.

Гладстонъ не рискнулъ принять ни одинъ изъ этихъ проектовъ. Онъ предложилъ свой. Оставляя нетронутыми существовавшія отношенія между владѣльцемъ и сѣмщикомъ, Гладстонъ требовалъ, чтобы земледѣльцу дали возможность выкупить часть обрабатываемой имъ земли, если онъ удобрить известное ея количество и тѣмъ возвыситъ ея цѣну; это возвышеніе цѣнности земли и пойдетъ въ уплату владѣльцу за отошедшую въ собственность наемателя землю. Конечно, такая система выкупа могла имѣть мѣсто при долгосрочныхъ арендахъ, противъ которыхъ постоянно возставали ирландскіе землевладѣльцы, единственно въ силу ненависти своей къ туземцамъ, потому что долгосрочная аренда положительно выгодна для собственника земли. Въ Англіи долгосрочная аренда въ большемъ ходу и земли тамъ великолѣпно удобрены: фермеру чистый расчетъ удобрять землю, такъ какъ выгодами отъ удобрения воспользуется онъ самъ. Въ Ирландіи при краткосрочной арендѣ, а въ большинствѣ случаевъ даже не опредѣленной никакимъ договоромъ, фермеръ не заботится объ удобреніи и правильной обработкѣ земли и она тамъ съ каждымъ годомъ терлетъ свою цѣну.

Въ блистательной рѣчи, произнесенной въ палатѣ общинъ, Гладстонъ развилъ свой проектъ реформы, настоятельно требуя ея немедленнаго осуществленія. Онъ заявилъ, что въ послѣднія полстолѣтія положеніе мелкихъ фермеровъ въ Ирландіи постоянно

ухудшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась эмиграція. Что въ то время, какъ втеченіи 90 лѣтъ цѣна поземельной собственности въ Ирландіи удвоилась, въ Англіи она утроилась, а въ Шотландіи, гдѣ законъ въ особенности ограждаетъ фермеровъ, она ушестерилась. Гладстонъ просилъ палату издать законъ, который-бы разрѣшилъ и облегчилъ фермерамъ покупку земель у владѣльцевъ; далъ-бы возможность имъ удобрять арендуемья земли, а владѣльцамъ разчищать подъ пашню заброшенныя пустоши. Законъ долженъ былъ точно опредѣлить цѣнность произведеннаго удобрения земли, которою и опредѣляется размѣръ выкупаемой за это улучшеніе фермеромъ части земли, находящейся въ его пользованіи. Министерство публичныхъ работъ должно получить право дѣлать ссуды (три четверти всей необходимой суммы) фермерамъ для выкупа или-же для удобрения земли; ссуда выдается за 5 процентовъ годовыхъ; обезпеченіемъ ея служить, конечно, земля.

Для людей, хорошо знакомыхъ съ Ирландіей, было очевидно, что мѣра, предлагаемая Гладстономъ, принадлежитъ къ числу крайне умѣренныхъ. Однакожь, она вызвала сильное сопротивленіе и обвиненіе ея автора въ радикализмъ. Гладстонъ, не желая, чтобы его проектъ рѣшительно провалился, пошелъ на уступки. Урѣзали его разъ, урѣзали другой и изъ проекта было вытянуто все существенное, такъ что, когда новый законъ былъ принятъ палатой общинъ огромнымъ большинствомъ, онъ оказался мѣрой очень немного измѣняющей то и очень мало улучшающей другое. Положеніе мелкихъ фермеровъ почти нисколько не измѣнилось; выиграли нѣсколько крупные фермеры, число которыхъ очень ограничено въ Ирландіи. Что касается удобрения земли, увеличивающаго шансы выкупа для мелкихъ фермеровъ, то при краткосрочной арендѣ, оставшейся по-прежнему въ Ирландіи, она, по большей части, люди невѣжественные, ни за что не воспользуются ссудой отъ правительства изъ боязни, что ихъ положеніе еще болѣе ухудшится, такъ какъ владѣлецъ за удобренную землю потребуетъ большую ренту.

Такимъ образомъ, изъ этой реформы, обѣщавшей вначалѣ громадные результаты, ничего не вышло, лучше сказать, получились весьма плачевные результаты: вражда еще болѣе усилилась. Англичане, проживавшіе въ Ирландіи, недовольные какъ церковной, такъ и поземельной реформами Гладстона, рѣшились отомстить

за нихъ не Гладстону, а туземцамъ. Въ селахъ и городахъ начались побоища между протестантами и католиками; столкновения принимали иногда кровавый характеръ. Въ августъ 1872 года, Бельфасть раздѣлился на два враждебные лагеря; восемь дней къ ряду пылала междоусобная война; убивали другъ друга камнями, черепицами и палками. Въ протестанскихъ кантонахъ одерживала верхъ англійская партія, въ католическихъ ирландская. Англійская была сильнѣе въ городахъ, ирландская въ селахъ. Съ обѣихъ сторонъ была совершена масса жестокостей: убійства и пожары не были исключительными случаями мести. Въ досадѣ, что его реформаціонная дѣятельность не встрѣтила должнаго сочувствія въ Ирландіи, а самыя реформы вышли безрезультатными, Гладстонъ позволилъ себѣ излишнюю суровость и строгость, что, въ свою очередь, вызвало ненависть къ нему ирландцевъ. Последніе выборы, свергнувшіе Гладстона, показали, какъ сильна была эта ненависть. Почти вездѣ ирландскіе избиратели массами высказывались за торіевъ, избранные въ Ирландіи депутаты въ палатѣ общинъ дали большинство министерству Дизраэли, смѣнившему министерство Гладстона. Гладстонъ понялъ, хотя нѣсколько поздно, что колебанія въ политикѣ не допускаются и непременно приводятъ къ невыгоднымъ результатамъ.

III.

Перейдемъ теперь къ другимъ, менѣе значительнымъ, чѣмъ ирландскія, но все-таки важнымъ реформамъ, совершившимся по инициативѣ Гладстона.

Начнемъ съ билля о народномъ образованіи. Гладстонъ искренно желалъ ввести обязательное, даровое и свѣтское обученіе, но въ рѣшительную минуту согласился на уступки, умалившія значеніе реформы. Новый законъ страдаетъ отсутствіемъ всякой системы, государство совершенно устраняется отъ руководства народнымъ образованіемъ, всю отвѣтственность оно взваливаетъ на мѣстные муниципалитеты, которые рѣшаютъ, должно-ли допустить обязательное и даровое обученіе или нѣтъ, какая религія должна преподаваться въ школахъ и пр. Гладстоновскій билль даетъ возможность каждой сектѣ завладѣть общинной школой и сдѣлать

ее дополненіемъ своей часовни. Въ одной школѣ будетъ ученіе баптистское, въ другой методистское, въ третьей англиканское и т. д.; ученики одной школы будутъ учиться даромъ, другой — платить за ученіе; родители одной мѣстности должны обязательно посылать своихъ дѣтей въ школы, въ другой мѣстности это предоставляется ихъ усмотрѣнію. Однимъ словомъ, это „Permissive Sectarianism“, какъ замѣтилъ одинъ изъ членовъ парламента; — это поощреніе сектаторскихъ преній, это вторженіе въ муниципальные выборы сектаторской нетерпимости. Замѣчательно, что рѣшительно всѣ остались недовольны новымъ закономъ: одни обвиняли его за то, что онъ отдаетъ предпочтеніе свѣтскому образованію, другіе на оборотъ, утверждали, что онъ отдаетъ образованіе исключительно въ руки духовенства. Такого-ли результата слѣдовало ожидать отъ соединенныхъ усилій такихъ замѣчательно-способныхъ людей, какъ Форстеръ, Лау и Гладстонъ!

Съ давнихъ поръ уже общественное мнѣніе Англіи рѣшительно высказывалось противъ органическаго порока англійской арміи: продажи патентовъ на чины. Министерство Гладстона рѣшилось уничтожить этотъ вредный обычай. Предложенный имъ законъ прошелъ въ палатѣ общинъ, но встрѣтилъ сильную оппозицію въ палатѣ лордовъ. Гладстонъ упросилъ королеву утвердить новый законъ и затѣмъ объявилъ, что такъ какъ законъ утвержденъ двумя факторами законодательной власти, то его слѣдуетъ считать вошедшимъ въ силу. Палата лордовъ, конечно, была недовольна и не простила Гладстону; члены ея употребили всѣ усилія, чтобы на послѣднихъ выборахъ дать торжество Дизраэли и свергнуть Гладстона. Правильно или неправильно поступилъ Гладстонъ, мы разбирать не будемъ; мы знаемъ только, что предложенный имъ законъ превосходенъ.

Министерство Гладстона получило въ наслѣдство непріятное дѣло объ убыткахъ, причиненныхъ Соединеннымъ Штатамъ англійскимъ крейсериомъ пароходомъ „Алабамай“ и другими (см. „Дѣло“, май 1872 года). Для рѣшенія возникшаго спора Соединенные Штаты предложили созвать международную третейскую комиссію въ Женевѣ. Гладстонъ тотчасъ-же согласился на это предложеніе. Торіи воспользовались этимъ случаемъ, чтобы обозвать Гладстона трусомъ, компрометирующимъ честь своей страны. Гладстонъ, конечно, не обратилъ вниманія на такое жалкое нападеніе, онъ могъ

гордо отвѣтитъ своимъ противникамъ, что за него стоитъ общественное мнѣніе какъ Англіи, такъ и всего міра.

Гладстонъ возлагалъ большія надежды на свой избирательный билль, увеличившій число избирателей: до изданія била ихъ было всего 1,500,000, послѣ изданія оказалось 2,500,000. Гладстонъ рассчитывалъ, что выборы, состоявшіеся на основаніи новаго закона, дадутъ болѣе либеральную палату. Не менѣе надеждъ возлагалъ онъ на введенную имъ систему „тайной подачи голосовъ“. И каковъ-же получился результатъ? Новые выборы дали большинство партіи торіевъ и оказались неблагоприятными для гладстоновской партіи либераловъ. Этого Гладстонъ, конечно, никакъ не ожидалъ.

Но для тѣхъ, кто внимательно изучалъ состояніе англійскаго общества за послѣдніе два года, въ этомъ фактѣ не было ничего неожиданнаго. Гладстонъ потерялъ уже прежнее обаяніе и управленіе его стало замѣтно отличаться колебаніями и нерѣшительностію. Въ прошломъ году за него въ палатѣ уже было меньшинство, такъ что онъ изъ неважнаго била объ ирландскомъ университетѣ сдѣлалъ вопросъ о довѣріи къ министерству. Палата высказала ему недоувѣріе и онъ подалъ въ отставку. Торіи, призванные къ власти, объявили, что они не въ состояніи составить министерства. Министерство Гладстона взяло назадъ свою отставку. Оно, конечно, могло-бы управлять по-прежнему; за него могло-бы быть значительное большинство въ палатѣ—60 голосовъ,—если-бы оно дѣйствовало рѣшительнѣе, а не ограничивалось полумѣрами. Но Гладстонъ и его товарищи стали капризны и слишкомъ требовательны. Они успѣли надоѣсть Англіи, наскучить ей, что она и стала доказывать выборами торіевъ на случайно открывавшіеся вакансіи въ палатѣ. Такъ не могло долѣе продолжаться. Тѣмъ не менѣе всѣ были крайне изумлены, когда Гладстонъ объявилъ королевское повелѣніе о распусценіи палаты общинъ и о назначеніи новыхъ выборовъ.

Вслѣдъ за распусценіемъ палаты Гладстонъ издалъ манифестъ къ избирателямъ, въ которомъ напоминаетъ объ услугахъ, оказанныхъ странѣ его партіею, преимущественно въ дѣлѣ управленія финансами. И онъ имѣлъ полное право указывать на свои заслуги, — они не только были удивительны, но даже чудесны. И въ самомъ дѣлѣ:

1) Несмотря на отжѣну покушки патентовъ на чины, несмотря

на значительные чрезвычайные расходы на новое вооруженіе, Гладстонъ въ послѣдній финансовый годъ своего управленія уменьшилъ расходы на армію и флотъ почти на 20 мил. руб. противъ бюджета, который онъ принялъ отъ своихъ предшественниковъ.

2) Въ пять лѣтъ управленія Гладстона государственный долгъ уменьшился на 125 мил. руб., хотя въ это-же время на покупку телеграфическихъ линій употреблено 55 мил. руб.

3) Въ этотъ-же періодъ налоги уменьшились на 78 мил. руб.

Въ виду такихъ поразительныхъ фактовъ нельзя не сказать, что Гладстонъ обладаетъ гениемъ экономіи. Его финансовая система за все время его управленія, какъ перваго министра и какъ министра финансовъ, дала англійской націи экономію почти въ 300 мил. руб. Кто-же можетъ отрицать, что Гладстонъ великій финансистъ.

И однакожь этотъ замѣчательный государственный человѣкъ и великій финансистъ лишень власти. Нація прочла его манифестъ; она знала, что всѣ цифры вѣрны, что результаты нисколько не преувеличенны, и холодно отвернулась отъ человѣка, которому обязана частью своего благосостоянія. Что за причина такой несправедливости?

Выше мы изъяснили эти причины; прибавимъ къ нимъ еще одну, которая возстановила противъ Гладстона значительную часть его собственной партіи. Въ своемъ манифестѣ Гладстонъ обѣщаль отмѣнить налогъ на доходъ, точно онъ не зналъ, что это самый справедливый, самый неотяготительный изъ всѣхъ налоговъ; точно неизвѣстно ему, что разъ отмѣненный налогъ чрезвычайно трудно снова ввести, когда потребуютъ того обстоятельства. Искренніе англійскіе либералы отвѣтили Гладстону выходомъ изъ его партіи.

Несмотря на эту важную ошибку, несмотря на выказанныя имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ колебанія и перѣшительность, мы еще разъ повторимъ, что Гладстонъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей нашего вѣка.

IV.

Гладстонъ подалъ въ отставку, когда убѣдился, что выборы неблагоприятны его партіи. Отставка была принята, и въ управленіе

страной вступило торійское министерство. Во главѣ министерства находится Вениаминъ Дизраэли — одна изъ самыхъ любопытныхъ личностей современной Англии. Происходя изъ еврейскаго семейства и родившись въ Лондонѣ въ 1805 году, Дизраэли получилъ основательное воспитаніе дома, подѣ руководствомъ отца, извѣстнаго литератора, и, не желая вступить на административное поприще, въ которому его готовили, онъ по смерти отца бросилъ свои сухія занятія въ конторѣ стряпчаго. Наслѣдовавъ значительное состояніе, которое нажилъ его дѣдъ, предприимчивый еврейскій торговецъ, онъ нѣсколько лѣтъ путешествовалъ по Италіи, Греціи, Турціи и Сирии и, возвратившись въ Англию, написалъ цѣлый рядъ романовъ, которые доставили ему большую литературную извѣстность. Въ 1831 году онъ впервые выступилъ кандидатомъ на парламентскихъ выборахъ въ качествѣ радикала, подѣ покровительствомъ Юма и О'Коннеля, но потерпѣлъ поражение. Однако, онъ нисколько не упалъ духомъ и, рѣшившись, во что-бы то ни стало проложить себѣ дорогу въ парламентъ, гдѣ его самолюбіе могло найти полное удовлетвореніе, онъ въ 1835 году явился снова кандидатомъ, но уже отъ консервативной партіи, хотя смѣло заявилъ, что держится все тѣхъ-же принциповъ, какъ и прежде. Потерпѣвъ поражение и на этотъ разъ, онъ все-таки продолжалъ являться кандидатомъ въ различныхъ избирательныхъ округахъ и, наконецъ, поставилъ на своемъ: въ 1837 году онъ былъ избранъ консервативнымъ представителемъ Мэдстона. Но и тутъ не окончились его неудачи: его дѣвственная рѣчь въ палатѣ была встрѣчена общимъ хохотомъ, такъ-что, не окончивъ ея, онъ долженъ былъ сойти съ трибуны. Это поражение, однако, не помѣшало ему торжественно воскликнуть: „Многое мнѣ не удавалось сразу, но, въ концѣ концовъ, я всегда достигалъ своей цѣли. Теперь я замолчу, но придетъ время, когда вы будете меня слушать“. Онъ сдержалъ свое слово и мало-по-малу достигъ одного изъ первенствующихъ мѣстъ въ парламентѣ; прежде всего сдѣлавшись необходимымъ членомъ въ торійской партіи, онъ забралъ въ свои руки ея дѣйствительное, если не формальное предводительство послѣ сэра Роберта Пиля, и, какъ ближайшій совѣтникъ лорда Дерби, занималъ мѣсто министра финансовъ въ его трехъ министерствахъ, а послѣ отставки Дерби по болѣзни, въ 1868 году, онъ втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ первымъ мини-

стромъ, до распущенія имъ парламента по вопросу о протестантской церкви въ Ирландіи, что привело его къ паденію и образованію министерства Гладстона... Дизраэли умѣлъ примѣняться ко всевозможнымъ положеніямъ и ко всѣмъ отбѣнкамъ политическихъ мнѣній. Начавъ свое политическое поприще радикаломъ, подъ покровительствомъ О'Коннеля, онъ постепенно былъ либераломъ, приверженцемъ Бульвера, радикальнымъ торіемъ, просто торіемъ, ультра-торіемъ и консерваторомъ. Онъ написалъ блестящую „Защиту британской конституціи“, а въ „Приключеніяхъ капитана Попанолы“ представилъ самую ядовитую сатиру этой конституціи. Въ своихъ первоначальныхъ сочиненіяхъ онъ защищалъ свободу торговли, а потомъ явился рѣшительнымъ защитникомъ протекціонизма. Во многихъ своихъ романахъ (даже въ послѣднемъ — „Дотэръ“) онъ поднимаетъ на смѣхъ англійскую аристократію, а въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ превозноситъ ее до небесъ, торжественно называя ее неизблемымъ оплотомъ свободы и порядка. Постоянный противникъ всякаго расширенія избирательныхъ правъ, онъ, въ третьемъ министерствѣ Дерби, въ 1867 году, провелъ или, лучше сказать, дозволилъ либеральной партіи провести билль о реформѣ, болѣе радикальный, чѣмъ всѣ тѣ мѣры, противъ которыхъ онъ такъ энергично возставалъ. Онъ, находясь въ оппозиціи, всячески противодействовалъ финансовой политикѣ Гладстона, а сдѣлавшись министромъ финансовъ въ 1852 году и потерпѣвъ пораженіе съ первымъ своимъ бюджетомъ, что повело за собою отставку всего министерства, онъ впоследствии, во второмъ и третьемъ министерствахъ Дерби, уже питался только крохами гладстоновскихъ бюджетовъ и преспокойно продолжалъ систему, начатую этимъ великимъ финансистомъ. Передъ послѣдними выборами Дизраэли громилъ настоящее положеніе Англій, предостерегалъ молодое поколѣніе отъ современнаго пагубнаго духа, грозившаго своротить Англію съ прямого пути, а какъ только его партія одержала верхъ, онъ торжественно заявилъ: „Положеніе страны совершенно безопасное, духъ народа вполне здоровый“. Точно такими-же качествами, какъ его политическая дѣятельность, отличается и краснорѣчіе Дизраэли: онъ не только не ораторъ, но даже не краснорѣчивъ и всегда холоденъ, потому что не разбираетъ средствъ, чтобы доказать свою мысль или срѣзать противника, смѣло противорѣчить не только

себѣ, но и очевиднымъ фактамъ, пересыпая свою рѣчь фразами, смѣлыми парадоксами и рѣзкими остротами.

Конечно, подобный политическій дѣтель не могъ-бы достигъ мѣста перваго министра и предводительства нѣкогда гордой торійской партіей безъ особенно благоприятныхъ обстоятельствъ. Эта старинная аристократическая партія, славившаяся нѣкогда великими государственными дѣтелями, со времени реформы 1830 г. утратила свое прежнее значеніе и только на-время, въ сороковыхъ годахъ, приобрѣла прежній блескъ подъ предводительствомъ сэра Роберта Пила, который въ сущности, по происхожденію и убѣжденіямъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, былъ вѣрнымъ выразителемъ среднихъ классовъ, а не землевладѣльческой аристократіи, составляющей оплотъ торіевъ. Когда-же этотъ великій государственный дѣтель для пользы страны пожертвовалъ министерскимъ портфелемъ и своей партіей, открыто сталъ проводить принципъ свободной торговли и предложилъ билль объ отмѣнѣ ненавистныхъ народу хлѣбныхъ законовъ, то старинная торійская партія пришла въ совершенное разстройство. Этой критической минутой воспользовался Дизраэли и съ почти геніальной ловкостью спасъ торіевъ отъ конечнаго распаденія. До 1846 года онъ былъ только смѣлымъ застрѣльщикомъ въ рядахъ своей партіи, во время-же знаменитой парламентской борьбы по случаю билля объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ онъ разомъ выдвинулся на первое мѣсто смѣлыми нападками на сэра Роберта Пила. Одна изъ его рѣчей во время этихъ знаменательныхъ преній особенно замѣчательна тѣмъ, что всѣ его укору сэру Роберту Пилу были черезъ нѣсколько лѣтъ гораздо справедливѣе обращены на него самого истинными торіями, когда онъ измѣнилъ своей партіи по вопросу о парламентской реформѣ. Кроме того, эта рѣчь представляетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ образцовъ его краснорѣчія, а ея послѣднія слова служатъ вѣрной характеристикой его собственной дѣятельности; поэтому мы приведемъ изъ нея небольшой отрывокъ.

„Я не сомнѣваюсь, сказалъ Дизраэли, — что благородный джентльменъ (сэръ Робертъ Пилъ) добросовѣстно измѣнилъ свое убѣжденіе по этому великому вопросу. Я съ уваженіемъ смотрю на министра, который говоритъ, что онъ пользуется властью для практическаго примѣненія своихъ убѣжденій, по смѣю замѣтить,

что онъ могъ измѣнить свое убѣжденіе гораздо ранѣе, когда занималъ мѣсто болѣе скромное, чѣмъ теперь. Что прикажете думать объ искусномъ государственномъ человѣкѣ, который, прослуживъ четыремъ государямъ, управлялъ столько разъ государственнымъ кораблемъ въ опасныя минуты и только теперь нашелъ нужнымъ измѣнить свои убѣжденія по предмету, подлежавшему его обсужденію уже болѣе четверти столѣтія? Положимъ, такой министръ человѣкъ добросовѣстный, но во всякомъ случаѣ несчастный. Трудно найти въ исторіи подобный примѣръ, и какъ на единственную параллель, которую я могу провести между дѣйствіями благороднаго джентльмена и другимъ такимъ-же историческимъ дѣятелемъ могу указать на послѣднія событія между султаномъ и египетскимъ пашей. Во время войны между ними, грозившей гибелью турецкой имперіи, султанъ, человѣкъ энергичный и способный, рѣшился вооружить громадный флотъ для спасенія своего государства. Дѣйствительно, снаряжена была великолѣпная армада; въ числѣ кораблей были лучшіе образцы корабельнаго искусства, экипажъ состоялъ изъ отборныхъ матросовъ и искусныхъ офицеровъ, получившихъ жалованіе и награды впередъ. Никогда со временъ Салимана Великаго Дарданеллы не видали такого могучаго флота. Султанъ лично проводилъ своихъ вѣрныхъ моряковъ; всѣ муфтіи въ имперіи вознесли молитвы къ небу о дарованіи имъ побѣды, подобно тому, какъ всѣ пасторы у насъ молились объ успѣхѣ послѣднихъ парламентскихъ выборовъ. Флотъ гордо поплылъ; но каково-же было изумленіе султана, когда адмиралъ прямо направилъ свой путь въ непріятельскую гавань? На бѣднаго адмирала посыпались укоры, клеветы. Его также называли измѣнникомъ и онъ также оправдался. „Правда, сказалъ онъ,—я принялъ начальство надъ храброй армадой; правда, государь меня обнялъ и всѣ муфтіи въ имперіи вознесли молитвы къ небу о моемъ успѣхѣ; но я противникъ войны, я не видѣлъ пользы въ продолженіи борьбы и только принялъ начальство надъ морскими силами, чтобы окончить войну, измѣнивъ моему государю“. Хорошо теперь говорить благородному джентльмену: „я думаю о потомствѣ, хотя, конечно, я дѣлаю на этой сторонѣ стола совершенно противное тому, что я совѣтовалъ, стоя по ту сторону; мои чувства великодушны, моя цѣль геройская и, взывая къ суду потомства, я презираю вашими одобреніемъ или вашими укорами“.

Но мы должны спросить себя, какими средствами благородный джентльменъ получилъ занимаемое имъ мѣсто и приобрѣлъ силу отвернуться съ презрѣніемъ отъ своихъ сторонниковъ? Да, мы помнимъ, краснѣя отъ стыда, какихъ усилій намъ стоило посадить его на то мѣсто, которое онъ теперь занимаетъ. Никто не забылъ, что во имя „святого дѣла протекціонизма“ желаніе королевы было устранено, парламентъ распущенъ и нація поймана въ сѣти! Хорошо теперь говорить благородному джентльмену, что онъ подавалъ въ отставку и остался министромъ только по волѣ королевы, но подумала-ли-бы о немъ когда-нибудь королева, если-бъ онъ, по его выраженію, въ 1841 году не всталъ во главѣ всѣхъ джентльменовъ Англіи? Пусть благородный джентльменъ становится на дыбки и прибѣгаетъ къ выпревшимъ рѣчамъ, а я скажу безъ всякой мысли о торжествѣ моей партіи, ибо полагаю, что моей партіи не торжествовать болѣе, за нее стоятъ только избиратели, которымъ она не измѣнила, — я скажу, что, по моему мнѣнію, великій государственный человѣкъ тотъ, кто представляетъ великую идею, дышетъ ею, развиваетъ ее, во имя ея получаетъ власть и кончаетъ тѣмъ, что прививаетъ эту идею уму и совѣсти всей націи. Вотъ что дѣлаетъ въ моихъ глазахъ человѣка великимъ государственнымъ дѣятелемъ; и мнѣ все равно — кто-бы онъ ни былъ — фабрикантъ или сынъ фабриканта. Положеніе такого человѣка величественное, геройское. Но не таково положеніе человѣка, который не имѣетъ ни одной своеобразной идеи, который, по его собственнымъ словамъ, наблюдаетъ за атмосферой и, согласно вѣтру, поворачиваетъ паруса своего корабля. Быть можетъ, подобный человѣкъ могущественный государственный дѣятель, но онъ не великій министръ, подобно тому, какъ мальчишка, взобравшійся на задокъ кареты, не можетъ считаться возницей“ *).

*) Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести отрывокъ изъ рѣчи Брайта, сказанной въ отвѣтъ на эту пристрастную филиппику Дизраэли. Слова Брайта какъ нельзя лучше восстанавливаютъ истину, затемненную изъ личныхъ интересовъ, и ясно показываютъ различіе между настоящимъ краснорѣчіемъ и ловкой игрой громкими фразами.

«Вы говорите, сказалъ Брайтъ, — что первый министръ измѣнникъ. Не мнѣ защищать его послѣ произнесенной имъ вчера рѣчи, сильнѣе и лучше которой никто изъ нашихъ современниковъ не слышалъ въ этой палатѣ. Я слѣдилъ за нимъ, какъ онъ пошелъ вчера домой, и впервые позавидовалъ ему. Его рѣчь

Несмотря на всѣ усилія торіевъ, знаменитая мѣра сэра Роберта Пила была принята парламентомъ и англійскій народъ получилъ дешевый кусокъ хлѣба, благодаря снятію пошлинъ съ иностраннаго зерна; но торіямъ удалось отомстить Пилу и, соединясь съ своими противниками либералами, они низвергли его министерство. Съ тѣхъ поръ, какъ мы уже говорили, Дизраэли сталъ душою торійской партіи, которая подъ его предводительствомъ мало-по-малу потеряла свой прежній историческій характеръ и преобразовалась въ такъ-называемую консервативную партію, неимѣющую никакой опредѣленной политической программы. Ясно понимая, что твердые торійскіе принципы отжили свой вѣкъ, Дизраэли постепенно отучалъ отъ нихъ нѣкогда гордую аристократическую партію, за исключеніемъ очень немногихъ стойкихъ, честныхъ поборниковъ старины, и вселилъ въ нее убѣжденіе, что цѣль всѣхъ стремленій политической партіи не защита извѣстныхъ принциповъ, а достиженіе власти какой-бы то ни было цѣной. Дѣйствительно, если-бъ консервативная партія держалась прежней торійской программы, а не соглашалась-бы на всевозможныя уступки, не вступала въ союзъ съ радикалами противъ либераловъ, то она не достигла-бы власти; а слѣдуя послушно за своимъ ловкимъ, изворотливымъ предводителемъ, она четыре раза, хотя и на короткое время, имѣла въ своихъ рукахъ министерскіе портфели въ продолженіи послѣднихъ двадцати восьми лѣтъ, а теперь дожила до такой побѣды, о какой никто и не помышлялъ.

Самая крупная личность между товарищами Дизраэли маркизъ

распространилась сегодня въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ по всему свѣту и всюду, гдѣ только находятся люди, любящіе справедливость. Вы избрали своимъ главою благороднаго баронета. Но почему? Потому, что онъ способнѣйшій человѣкъ въ вашей партіи. Вы всегда это говорили и теперь, конечно, не отречетесь отъ своихъ словъ. Но почему онъ способнѣйшій изъ васъ? Потому, что обладаетъ большою опытностью, глубокими знаніями и честно заботится о благѣ своей страны. Вы дали ему власть, а съ властью связана отвѣтственность. Взгляните на населеніе Ланкашира или Йоркшира и спросите себя, могли-ли-бы вы со всею вашей храбростью поднять знамя протекціонизма на министерской скамьѣ? Благородный баронетъ избралъ единственный честный путь: онъ подалъ въ отставку. Этими онъ ясно вамъ сказалъ: „Я не могу далѣе дѣлать то, что вы желаете, я не могу защищать ваши дѣла“. Онъ возвратился на министерскую скамью уже не вашимъ министромъ, а министромъ королевы и народа, не защитникомъ отдѣльнаго класса, избравшаго его своимъ главою для достиженія своихъ личныхъ цѣлей“.

Сэлисбери, который представляет такое-же любопытное явление въ современной Англии, какъ Дизраэли, но совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Это послѣдній представитель „упорнаго, непреклоннаго торизма“, принципъ котораго, по его-же словамъ, заключается въ „противодѣйствиі всякимъ органическимъ реформамъ“. Несмотря на всю странность существованія подобной личности въ наше время, нельзя не признать въ лордѣ Сэлисбери нѣкотораго величія въ сравненіи съ мелочными, рутинными фигурами большинства современныхъ государственныхъ людей Запада. Онъ такъ преисполненъ своими идеями, такъ глубоко вѣритъ въ опасность прогрессивныхъ принциповъ для современнаго общества, что признаетъ недостойнымъ вступать въ какія-бы то ни было сдѣлки съ торжествующимъ зломъ, а прямо, честно и съ какимъ-то младенческимъ чистосердечіемъ вступаетъ съ нимъ въ борьбу при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Очевидно, что онъ родился слишкомъ поздно и въ другомъ вѣкѣ игралъ-бы геройскую роль. Теперь же, благодаря своему знатному происхожденію, громадному состоянію и блестящему образованію, онъ просто парламентскій боецъ и журнальный критикъ. Онъ не можетъ быть, строго говоря, государственнымъ дѣятелемъ, ибо между его идеями и идеями нашего времени такъ мало общаго, что даже немыслимо его вліяніе на современныхъ ему людей. Поэтому онъ занимаетъ совершенно одинокое мѣсто въ своей партіи и, конечно, никогда не сдѣлается предводителемъ консерваторовъ, которыхъ онъ постоянно громить за ихъ уступки либеральнымъ идеямъ изъ личныхъ интересовъ и желанія власти. Хотя онъ въ послѣднее время занималъ первенствующее мѣсто среди консервативной оппозиціи въ палатѣ лордовъ и теперь во второй разъ занимаетъ мѣсто государственнаго секретаря по индійскимъ дѣламъ, но даже въ рядахъ либеральной партіи нѣтъ болѣе яраго противника Дизраэли. Однако, это принятіе государственной должности вовсе не означаетъ съ его стороны измѣну своимъ безусловнымъ принципамъ, напротивъ, въ этомъ его надежда, что консерваторы, наконецъ, образумятся и вступятъ въ рѣшительную борьбу съ либералами. Какъ мало онъ цѣнитъ министерскій портфель, лордъ Салисбюри доказалъ въ 1867 году, когда онъ вышелъ въ отставку, какъ только Дизраэли провелъ жалкій, по его мнѣнію, билль о реформѣ, про-

ворѣчившій всеѣмъ консервативнымъ принципамъ. „Я съ сожалѣніемъ увидалъ-бы, сказалъ онъ въ парламентѣ, — если-бъ палата общинъ рукоплескала этой политикѣ; и всего болѣе сожалѣю, что этотъ драгоценный даръ народу — если вы считаете его драгоценнымъ даромъ — купленъ цѣною политической измѣны, неизмѣющей ничего равнаго въ нашихъ парламентскихъ лѣтописяхъ“. Съ тѣхъ поръ, какъ въ нижнемъ парламентѣ, гдѣ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ лорда Сесила и потомъ лорда Крэнборна, такъ и въ верхнемъ, куда онъ перешелъ по смерти отца съ титуломъ маркиза Сэлисбери, онъ, скорѣе какъ самостоятельный членъ, чѣмъ какъ сторонникъ консервативной партіи, отстаивалъ свои идеи и всеѣми силами возставалъ противъ знаменитыхъ мѣропріятій Гладстона. При этомъ, какъ онъ самъ однажды выразился, онъ всегда имѣлъ цѣлюю высказать просто и прямо свои мысли, полагая, что если онѣ иногда неосновательны и даже нелѣпы, то все-же, какъ выраженіе его убѣжденій, полезнѣе было ихъ представить на общее обсужденіе, чѣмъ скрыть или измѣнить согласно чужимъ мнѣніямъ. Кромѣ своей парламентской дѣятельности, лордъ Сэлисбери постоянно пишетъ политическія статьи въ торійскомъ журналѣ „Quarterly Review“, которыя отличаются изящнымъ литературнымъ изложеніемъ, замѣчательною діалектикою и пламенными нападками на современный прогрессъ либераловъ; униженіе торійской партіи онъ объясняетъ отсутствіемъ твердости убѣжденій въ ея предводителяхъ и ихъ готовностью осуществлять планы своихъ противниковъ, какъ только власть попадаетъ въ ихъ руки. Но всего замѣчательнѣе, что этотъ искренній сторонникъ древнихъ привилегій еще сравнительно молодой человекъ — ему около сорока четырехъ лѣтъ — и онъ нисколько не раздѣляетъ аристократическихъ предразсудковъ. Напротивъ, онъ былъ самъ работникомъ и, женившись по любви, противъ воли отца, впродолженіи многихъ лѣтъ существовалъ съ женою литературными трудами въ журналахъ и газетахъ. Дѣло въ томъ, что торизмъ лорда Сэлисбери основанъ на глубоко-скептическомъ недоувѣріи къ человѣческой натурѣ и стремленіямъ человѣческаго общества. Онъ не считаетъ существующій общественный строй Англіи прекраснымъ, идеальнымъ, но этотъ строй существуетъ — и въ этомъ его главное достоинство. Защищая англійскія учрежденія не потому, что они вполне ра-

зумны и справедливы, а потому, что они существуют, онъ, естественно, смотритъ съ ненавистью и страхомъ на всякую реформу, такъ-какъ эти принципы могутъ повести, по его мнѣнію, къ революціи, анархіи и возвращенію общества въ первобытное, дикое состояніе.

Кромѣ лорда Сѣлисбѣри, единственной выдающеюся личностью въ кабинетѣ Дизраэли явился министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Дерби, болѣе извѣстный подъ именемъ лорда Стэнлея. Сынъ графа Дерби, бывшаго главы торійской партіи, онъ родился въ 1826 году, блестящимъ образомъ окончилъ курсъ въ кембриджскомъ университетѣ, много путешествовалъ по Европѣ, Америкѣ, Вестъ-индскимъ островамъ и Индіи, потомъ засѣдалъ въ нижней палатѣ до перехода въ верхнюю по смерти отца и въ министерствахъ послѣдняго, а также въ министерствѣ Дизраэли былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и первымъ государственнымъ секретаремъ по индійскимъ дѣламъ послѣ уничтоженія, по его проекту, индійской колоніи. Хотя, по преданіямъ своего знаменитаго рода, онъ строго держался торійской партіи и даже отказался отъ принятія мѣста въ министерствѣ Пальмерстона; но лордъ Дерби, по его собственнымъ словамъ, нисколько не дѣятель партіи; дѣйствительно, трудно найти человѣка въ современной Англии, который имѣлъ-бы менѣе его личныхъ или сословныхъ предразсудковъ, что не мѣшаетъ ему, однако, равнодушно относиться къ интересамъ своей партіи, содѣйствовать ея успѣхамъ. Но его торизмъ рѣзко отличается отъ торизма лорда Сѣлисбѣри или такъ-называемаго консерватизма Дизраэли. Онъ полнѣйшій типъ добросовѣстнаго торія и представляетъ переходъ англійской аристократіи къ буржуазіи или, лучше сказать, поглощеніе аристократіи плутократіей, которая возникла рядомъ съ нею и увеличила ея богатства. Ткацкіе станки Манчестера и доки Ливерпуля, удвоившіе громадныя доходы дербійскихъ помѣстій, повидимому, имѣли нравственное вліяніе на теперешняго ихъ владѣльца, который, несмотря на весь свой аристократизмъ, невольно напоминаетъ дѣловыхъ людей лондонскаго Сити. Если-бъ онъ не родился графомъ Дерби, то непремѣнно былъ-бы образцовымъ второстепеннымъ чиновникомъ, поддерживалъ-бы въ прекрасномъ порядкѣ административную машину, исправлялъ-бы ея мелочныя погрѣшности и сдерживалъ-бы слишкомъ смѣлыя нововведенія рьяныхъ пачальни-

ковъ. Вообще можно сказать, что онъ одаренъ обыкновенными способностями въ необыкновенной степени, и къ нему лучше, чѣмъ къ кому-бы то ни было изъ современныхъ государственныхъ людей Англiи, идетъ эпитетъ „архи-посредственности англійской политики“, приданный желчнымъ Дизраэли человѣку, стоящему гораздо ниже лорда Дерби. Тѣмъ-же почтеннымъ, полезнымъ характеромъ отличается и его краснорѣчіе; онъ, строго говоря, не ораторъ, а докладчикъ по каждому возбужденному вопросу, и его рѣчи всегда отличаются старательно собранными фактами и осторожными выводами болѣе походятъ на журнальныя статьи, чѣмъ на живое, пламенное слово, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не говоритъ десяти словъ безъ заранѣ написаннаго конспекта. Въ послѣднее время многіе въ Англiи считали лорда Дерби будущимъ первымъ министромъ, но, какъ справедливо замѣтила газета „Daily News“, онъ не можетъ быть главою ни партіи дѣйствiя, ибо ничто не побуждаетъ его идти впередъ, ни партіи реакціи, такъ-какъ никакіе предразсудки не тянутъ его назадъ, а развѣ только онъ могъ-бы быть главою нейтральной партіи въ періодъ политическаго застоя, но существованіе подобной партіи немислимо и не нужно, такъ-какъ существующія партіи всегда готовы взять власть въ руки при какихъ-бы то ни было условіяхъ“. Эти слова, сказанныя въ прошломъ году, имѣютъ теперь какъ-бы пророческій характеръ: неожиданно наступила эпоха политическаго застоя, и, дѣйствительно, лордъ Дерби былъ-бы лучшимъ ея представителемъ, а все-же мѣсто перваго министра досталось не этому добросовѣстному, полезному администратору. Впрочемъ, если настоящее безцвѣтное правительство обойдется, по всей вѣроятности, и безъ образованія новой партіи, консерваторы сдѣлаютъ первымъ министромъ лорда Дерби, такъ какъ лордъ Дерби, по мѣткому выраженію публициста „Daily News“ *), „вполнѣ безопасный“ государственный человѣкъ. „Однимъ этимъ словомъ, говоритъ онъ, — лучше всего харак-

*) Въ прошломъ году въ „Daily News“ появился цѣлый рядъ характеристикъ современныхъ государственныхъ дѣятелей Англiи и впоследствии онъ изданъ особой книгой, подъ заглавіемъ: „Политическіе портреты“ („Political Portraits“ 3 edit., 1873, London). Отличаясь мѣткостью, остроуміемъ, безпристрастіемъ и блестящимъ изложеніемъ, эти очерки имѣли большой успѣхъ и послужили однимъ изъ главныхъ источниковъ настоящей статьи.

теризуется тотъ типъ государственнаго дѣятеля, блестящимъ примѣромъ котораго служить лордъ Дерби. Но „безопасный“ государственный дѣятель въ минуту опасности бываетъ обыкновенно причиною всѣхъ невзгодъ для страны. Этотъ эпитетъ самъ по себѣ выражаетъ трусливое настроеніе въ томъ, къ кому его примѣняютъ, и, конечно, въ эпоху великихъ предпріятій онъ не мыслимъ; такъ „безопасный“ полководецъ — было-бы выраженіемъ очень двусмысленнымъ, и желаніе только сохранить свою шкуру, естественно, не можетъ привести ни къ чему великому. „Безопасный“ государственный человѣкъ никогда не спасетъ и не возвыситъ своей страны. Онъ можетъ служить на-время чѣмъ-то въ родѣ гавани для перепуганныхъ, желающихъ только избѣжать опасности, но если въ трусливыя минуты страна и можетъ желать отдыха, то не надо забывать, что никакое судно не можетъ долго стоять въ гавани, не придя въ совершенную гнилость. Поэтому, выраженіе „безопасный“ государственный человѣкъ можно понимать только въ томъ смыслѣ, что онъ безопасенъ, когда нѣтъ опасности, ибо въ необыкновенныхъ случаяхъ онъ прибѣгаетъ только къ обыкновеннымъ средствамъ, что ведетъ всегда къ гибели. Такова была всегда политика лорда Дерби, и правъ иностранный критикъ, сказавъ, что если-бъ Колумбъ былъ въ половину такъ благоразуменъ, какъ лордъ Дерби, то онъ никогда не открылъ-бы Америки. Дѣйствительно, никто не питаетъ такого недовѣрія къ политическимъ Колумбамъ нашего времени, какъ лордъ Дерби, считающій свои опроверженія ихъ плановъ неоспоримыми и исполнѣ утѣшительными“.

Остальныхъ членовъ министерства Дизраэли можно раздѣлять на двѣ категоріи: на обыкновенныхъ чиновниковъ, и на представителей полуаристократической и полу-буржуазной торійской партіи. Къ первымъ принадлежатъ: лордъ канцлеръ — лордъ Бернсъ, ученый юристъ, умный, логичный, но холодный ораторъ и добросовѣстный политическій дѣятель; военный министръ — Готорнъ Гарди, самый рутинный изъ торіевъ, пользующійся полнымъ довѣріемъ всей консервативной партіи, которая, можетъ быть, готовитъ его въ наслѣдники Дизраэли, считая его своимъ послушнымъ орудіемъ. Морской министръ — Вардъ Гунтъ, типъ современнаго Джона Буля въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, степенный, осторожный, спокойный, до-

бродушный провинціальный сквайръ, оплотъ землевладѣльцевъ; министръ внутреннихъ дѣлъ — Кросъ, почти неизвѣстный провинціальный депутатъ, административныя способности котораго признаются даже либералами; министръ финансовъ — Стафордъ Норткотъ, бывший секретарь Гладстона, одинъ изъ членовъ международнаго третійскаго суда, по алабамскому вопросу, авторъ исторіи англійскихъ финансовъ, и нѣкоторые другіе второстепенные дѣятели. Къ числу послѣднихъ относится предсѣдатель совѣта министровъ — герцогъ Ричмондъ, зараженный устарѣлыми предразсудками, номинальный глава консервативной партіи въ верхней палатѣ; лордъ хранитель печати — лордъ Мольмсбери, столь-же безобидный, какъ и невинный тори; генераль-почтмейстеръ — сэръ Джонъ Маннерсъ, одинъ изъ тѣхъ ярыхъ торіевъ, которыхъ Миль называлъ *кокотопистами*, въ отличіе отъ утопистовъ, такъ-какъ послѣдніе стремятся къ невозможному, слишкомъ хорошему, а первые къ невозможному, слишкомъ дурному. Далѣе идетъ безконечное количество старыхъ и юныхъ аристократовъ, богатыхъ и вліятельныхъ представителей среднихъ классовъ въ провинціяхъ, между которыми Дизраэли подвѣлялъ всѣ почетныя и доходныя мѣста, зависящія отъ перваго министра, такъ какъ съ перемѣной министерства измѣняется составъ не только кабинета, но и главнѣйшихъ административныхъ вѣдомствъ, а также двора королевы, неимѣющей права даже сохранить статсъ-дамъ, камергеровъ и т. д. Характеристической чертой всѣхъ этихъ новыхъ назначеній служить преобладаніе аристократовъ и провинціальныхъ депутатовъ, чего и слѣдовало ожидать, а также сравнительная молодость большинства министровъ, ихъ товарищей и пр.; одному только Дизраэли почти семьдесятъ лѣтъ, а остальные его сотоварищи въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ (отъ сорока до пятидесяти), а одинъ изъ нихъ, лордъ Пемброкъ, помощникъ военнаго министра едва достигъ совершеннолѣтія.

Опредѣливъ, на-сколько позволяли размѣры настоящей статьи, характеръ новаго консервативнаго министерства въ Англій, остается только сказать нѣсколько словъ о вѣроятной ихъ будущности. Судя по первымъ дѣйствіямъ Дизраэли, онъ намѣренъ, какъ и въ предыдущіе годы, когда власть была въ его рукахъ, слѣдовать по стопамъ своего предшественника, питаться его мудростью, предпринимать мелкія законодательныя и административныя

реформы, однимъ словомъ, пробавляться второстепенными вопросами англійской внутренней политики. На сколько подобная политика удовлетворитъ англійскій народъ, докажетъ время; но во всякомъ случаѣ исторія учитъ, что подобное политическое положеніе никогда не бываетъ продолжительнымъ; такъ въ 1836 году послѣ великой парламентской реформы 1835 года, наступила консервативная реакція, продолжавшаяся не болѣе года, затѣмъ слѣдовало почти непрерывное сорокалѣтнее господство прогрессивной партіи. Что-же касается будущности этой партіи и самого Гладстона, то „въ настоящее время либеральная партія, по словамъ одного изъ ея новѣйшихъ представителей, Эдуарда Дженкинса, автора знаменитаго разсказа „Джинксовъ младенецъ“, избраннаго на послѣднихъ выборахъ въ члены парламента,—можетъ временно находиться во мракѣ, но она не дозволитъ охладѣть своей крови и окоченѣть своимъ членамъ, а энергичнымъ преобразованіемъ своего внутренняго строя доставитъ себѣ средства перенести свой случайный и, надѣмся, непродолжительный кризисъ.“

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(Въ С. Петербургѣ, по Надеждинской ул., д. № 39.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго. Подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Происхожденіе человека, Ч. Дарвина. Три выпуска, около 80-ти печати. листовъ, съ рисунками. Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно 2 р.

Вопросы общественной гигиены, В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Комедія Всемирной исторіи, Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Въ двухъ томахъ. Перев. съ нѣмецкаго. Цѣна обоимъ томамъ 3 р. съ перес. 3 р. 50 к. Каждому тому отдѣльно цѣна 2 р.

Популярная гигиена. Настоящая книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиены* д-ра М. С. Зеленскаго, и вступительной ст. В. О. Португалова: «Безпредѣльность гигиены». Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины, Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: *Историческіе женскіе типы*. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ пересылкой 70 к.

НОВЫЯ КНИГИ

поступили въ продажу у извѣстныхъ книгопрод. С.-Петербурга и Москвы.

3-е дошовое изданіе
**ПОЛНЫЙ
ТОЛКОВЫЙ
СЛОВАРЬ**
ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ,
вошедшихъ въ русскій языкъ
съ указаніемъ корень.
**НАСТОЛЬНАЯ СПРАВОЧНАЯ
КНИГА**
для всѣхъ и каждого
ПРИ ЧТЕНІИ КНИГЪ,
ЖУРНАЛОВЪ и ГАЗЕТЪ.
Сост. Н. Дубровский.
Третье дополненное изд.
Отличается въ два столбца
убористыми шрифтами
болѣе 800 стр. 1874
г. Цѣна 1 руб., въ ами кол-
лѣнкор. переп. 1 р. 50 к.

НЕОБХОДИМЫЯ ВСЯ НОВАЯ УЗАКОНЕНІЯ
для заглаживающаго торговлей и промышленноу подъ заглавленіемъ:
**ПОЛНЫЙ
СВОДЪ ЗАКОНОВЪ**
для
КУПЕЧЕСТВА
НАСТОЛЬНАЯ КНИГА
для купцовъ, мелкихъ торговцевъ, фабрикантовъ,
заводчиковъ, подрядчиковъ, конкурсныхъ управлен-
ій, присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ,
и вообще для всѣхъ, имѣющихъ соприсношеніе
съ коммерческими дѣлами.
Сост. по Св. Зак. Уд. о нак. и Судебнымъ Уставамъ
ИЗДАНІЯ КАНЦЕЛЛРІИ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
со всѣми позднѣйшими узаконеніями и доодженіями,
и разъяснена рѣшеніями кассационныхъ департа-
ментовъ Сената, съ приложеніемъ образцовъ и
формъ дѣловыхъ актовъ и бумагъ, законы для
Евреевъ, Нѣмцевъ, Франц. и другихъ иностран-
ныхъ въ Россіи. — Изданіе большого формата,
въ 8 отдѣлахъ, убористой печати, болѣе 700 стр.
1873 г. Цѣна 8 р. 50 к., въ переплетѣ 4 рубл. съ перес.

Доступн. изданіе
**НОВЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ
РИСОВАНІЯ,**
Р
**ЧЕРЧЕНІЯ И
ПЕРСПЕКТИВЫ**
ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ
ВЪ 30 УРОКОВЪ
безъ помощи учителя
научиться правиль-
но рисовать, чертить,
тушевать и покрывать
авварельными крас-
ками рисунки.
Сост. подъ редакц-
МИХЕЛЪ САНЦІО.
На 28 большихъ листахъ
желтеной бум. и съ при-
лож. объяснит. текстами на
русскомъ языкѣ. ц. 2 р.

Первое въ Россіи изданіе,
**ТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА
РЕМЕСЛЪ, ИСКУССТВЪ
И ПРОМЫСЛОВЪ**
ДОСТУПНАЯ ДЛЯ ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ.
РУКОВОДСТВО
для промышленныхъ заведеній и ремесленныхъ
училищъ въ Россіи.
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ.
Содерж. обработку дерева и металловъ съ ихъ приключеніями,
съ 315-ю политипажными рисунками въ текстѣ.
Сост. обществомъ московскихъ техниковъ,
подъ редакц. инженера-технолога ГОМАНОВСКАГО
1873 г. цѣна 3 р., колѣнкор. переп. 4 р.

Единственное доступное изданіе въ Россіи
**САМОУЧИТЕЛЬ
СТРОИТЕЛЬНАГО ИСКУССТВА,**
СПЕЦИАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО
для Архитекторовъ, Техниковъ, Столяровъ, Плот-
никовъ, Печниковъ, Каменщиковъ, Планировщиковъ,
Агрономовъ, Мельниковъ и Домовладельцевъ
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КНИЖКАХЪ
съ 300 политип. рисун. въ текстѣ и съ приложени-
емъ Атласа на 32 листахъ архитектурныхъ рисунковъ
сост. Техникомъ Сербузицкимъ подъ редакцію бывшего
Архитектора ир. ИМПЕРАТОРСКОМЪ Орденѣмъ
дворянъ П. Каменцова.
3-е изд. исправленное и дополненное
1874 г. и. съ атласомъ 3 р. 50 к., въ пер. 4 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КАПИТАНА ЛЕГОВА.
ПУТЕШЕСТВІЕ НА КИТЪ
СРЕДИ БУРНЫХЪ ВОЛНЪ ОКЕАНА.
Соч. Жюль Сандо, проф. и академика
съ великолѣпн. картинками худож. Конденны.
1873 г., ц. 1 р. 25 к., въ колѣнкор. переп. 1 р. 50 к.
СТО ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ
КРУГОСВѢТНАГО ПУТЕШЕСТВІЯ
ПОДЪ
ВОДОЮ, ЛЬДОМЪ
И СРЕДИ ИСЧЕЗНУВШЕЙ АТЛАНТИДЫ.
Сочиненіе Жюль Верна.
Съ приложен. альбома картинъ подводнаго міра.
Въ двухъ частяхъ 350 стр. убористой печати. 1872 г.
Цѣна 1 р. 50 к., съ картинками въ колѣн. переп. 2 р.

**ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ
ПРАКТИЧЕСКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ
БАЛЬНЫХЪ ТАНЦЕВЪ**
ДЛЯ ОБОЕГО ПОЛА.
ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ ВЫУЧИТЬСЯ ВЪ 7 УРОКОВЪ
безъ помощи учителя въ всѣхъ бальныхъ танцахъ.
Съ 23 рисунками въ текстѣ, четвертое изданіе,
съ дополненіемъ характерныхъ танцевъ:
РУССКИХЪ ПЛАСОКЪ, ВЕНГЕРНИ И МАЛЛЕТА
Соч. Де-Моллиера. 1874 г. Цѣна 1 руб.
при покупкѣ прошу спрашивать 4-е изданіе.
**ПЕТЕРБУРГСКІЕ
ВЕРТЕПЫ И ПРИТОНЫ**
РАЗСКАЗЫ
изъ жизни погибшихъ въ волнахъ житейскаго моря.
Соч. Н. Некрасова. СПб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к. въ пер. 2 р.

Для разказовъ на театральн. сценѣ и на семейныхъ вечерахъ.

**СЦЕНЫ
ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА**
Сочиненіе Горбунова.
1873 г., изданіе третье. Въ двухъ
част. 300 стр. отпоч. на отлѣн. бум.
Ц. 1 р., въ колѣн. переп. 1 р. 50 к.

**ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ
ЮРИСТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ИЗЪ
ЕВРЕЙСКАГО И НѢМЦКАГО БЫТА.**
Сочинен. Мойше Геймъ и барона
Шперлинга. Въ двухъ частяхъ,
съ рисунками. 1872 г. Цѣна 1 руб.

**СЦЕНЫ
ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА**
Сочиненіе актера
А. М. КРАСОВСКАГО.
Въ двухъ книгахъ. 1873 г. ц. 1 р. 50 к.

Прошу гг. иногородныхъ чрезъ почту за всѣми вышеозн. книгами адресо-
ваться въ Москву, въ складъ „Толковаго Словаря“, Ступину.
(адр. Почтамту извѣстенъ) перес. принимаю на свой счетъ и посылаю съ пер. почтомъ.

судь. — Избирательный билль. — Поразительные результаты, достигнутые Гладстономъ въ управленіи государственными финансами. — Отставка Гладстона. — Составъ торійскаго министерства. — Характеристика главныхъ его членовъ: Дизраэли, Дерби, Селісбери и пр.

ХУІІІ. ПОЖЕРТВОВАНІЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ПОСТРАДАВШИХЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ въ Самарской губерніи.

Отъ Я. Н. Иччева 1 р. 30 к. — Авильцова 1 р. — Шугурова 50 к. — Трескина 40 к. — Итого 3 р. 20 к. Всего 422 р.

Деньги эти, 3 р. 20 к., отправлены по ихъ назначенію въ Самарскую Губернскую Земскую Управу.

Самарская Губернская Земская Управа отношеніемъ своимъ отъ 17 апрѣля, за № 5901, уведомляетъ Редакцію журнала „Дѣло“, что деньги, 179 р., поступившіе въ прошломъ мѣсяцѣ и посланные на имя вышеозначенной Управы, въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губерніи, получены и на приходъ по кассѣ записаны 11-го апрѣля.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Надеждиной ул., д. № 39)

**ВЫШЛИ И ПРОДАЮТСЯ ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ТОМЫ
НОВАГО РОМАНА В. ГЮГО:**

ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Переводъ съ французскаго. Цѣна за оба тома 2 р. безъ пересылки, а съ пересылкою 2 р. 30 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ уступается за половинную цѣну, т. е. 1 руб. безъ пересылки, съ пересылкою 1 р. 30 к.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Около 40 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с., съ перес. 3 р. 30 к.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала «Дѣло» въ 1874 году; 2) Чокракскія минеральныя воды и грязи сѣрнаго и щелочнаго источниковъ, А. О. Ашкинази; 3) объ изданіяхъ редакціи журнала «Дѣло»; 4) Объявленія Ступина.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1874 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по
Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа,
на Невскомъ проспектѣ, по Гостино-
ному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ
Книжномъ Магазинѣ для Иногород-
ныхъ, на Невскомъ, противъ Думы,
въ д. № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловь-
ева, на Страстномъ бульварѣ, въ д.
Алексѣева; а также въ книжномъ ма-
газинѣ М. М. Черенина, на Рожде-
ственкѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
Съ доставкою въ С. Петербургъ	15 „ 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княже-
ства — 20 р.; Франція и Данія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португа-
лія, Турція и Греція — 22 р.; Швейцарія — 23 р.; Италія — 24 р.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

Widener Library

3 2044 079 302 071